Ц 362/170

т. 3

ПАМЯТНИКИ

НОВОЙ РУССКОЙ ИСТОРІИ.

BIBLIOTHE

И 362/170
Ф 1-82/13975

ПАМЯТНИКИ НОВОЙ РУССКОЙ ИСТОРІИ.

СБОРНИКЪ ИСТОРИЧЕСКИХЪ СТАТЕЙ И МАТЕРІАЛОВЪ.

Изданіе

А. Ѳ. Базунова.

Государственная ордена Ленина библиотека СССР им. В. И. Ленина

ТОМЪ III.

Составленъ при содѣйствіи и участіи А. П. Барсукова, Д. Д., П. А. Ефремова, А. К., Л. Н. Майкова, В. В. Макушева, П. Н. Петрова и И. В. Помяловскаго.

BIBLIOTHÈQUE RUSSE TOURGUENEV 9 Rue du Val-de-Grâce, 9

С. Петербургъ.
Типографія Майкова, въ д. Министерства Фин., на Дворц. площ.
1873.

Государственная
ордена Ленина
БИБЛИОТЕКА СССР
им. В. И. ЛЕНИНА
14022-49

BIBLIOTHÈQUE RUSSE
TOURGUENEV
9, Rue du Val-de-Grâce, 9

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Отдѣлъ первый.

	Стр.
Узникъ Спасо-Евѳиміева монастыря, А. П. Барсукова	1
Россія и Польша въ XVII вѣкѣ по реляціямъ Венеціанца Д. Дольфина и Генуэзца С. Риваролы, В. В. Манушева	20

Отдѣлъ второй.

Молодость А. А. Башилова (Записки его о временахъ Екатерины II и Павла I), съ предисловіемъ Л. Н. Майкова	1
Записки о поѣздкѣ А. И. Бабикова въ Русскую Финляндію въ 1769 г., съ предисловіемъ, его же	33
Записки А. А. Яковлева, оберъ-прокурора св. синода въ 1803 году, сообщены г. Z., съ замѣткою А. К.	87
Арестованіе Сперанскаго (Записка В. С. Филимонова)	113
Реляціи чрезвычайнаго во Франціи посла князя Кантемира 1738 и 1739 годовъ, сообщены И. В. Помяловскимъ	117
Мнѣніе графа А. И. Остермана о состояніи и потребностяхъ Россіи въ 1740 году, сообщено имъ же, съ замѣткою А. К.	256
ы Анненскихъ временъ	278
ій Картушъ", съ замѣткою Д. Д.	288
ы для исторіи чумы въ Москвѣ въ 1771 году, сообщены Ефремовымъ	302
князя Г. А. Потемкина-Таврическаго объ одеждѣ и вооруженіи войскъ	311
сынъ Голштинскаго принца	315
Чоглоковы, съ замѣткою	322

Дальный востокъ при Екатеринѣ II: I. Побѣгъ Беніовскаго и его товарищей, съ замѣткою Д. Д. — II. Двѣ записки о сношеніяхъ съ Чукчами въ 1775—1776 годахъ.—III. Григорій Шелеховъ и его товарищи 334
Казакъ Ѳедоръ Каменьщиковъ 381
Карикатура Г. И. Скородумова, сообщена П. А. Ефремовымъ, съ замѣткою 397
Проповѣдникъ Тобольской семинаріи въ 1793—1794 г., съ замѣткою. 399
Выдержки изъ записокъ военнаго: 1816 годъ. — 1818 годъ.—1828 годъ 409
Дополнительное извѣстіе о Наумѣ Чоглоковѣ, А. К. 423
Указатель личныхъ именъ 413

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

УЗНИКЪ СПАСО-ЕВѲИМІЕВА МОНАСТЫРЯ.

Въ 1802 году Владимірскій губернаторъ князь Иванъ Михайловичъ Долгоруковъ [1]), объѣзжая свою губернію, посѣтилъ знаменитый Суздальскій Спасо-Евѳиміевъ монастырь. Онъ осмотрѣлъ *сумашедшихъ*, заключенныхъ въ этой „Россійской Бастиліи", и одинъ изъ несчастныхъ, именно отставной бригадиръ баронъ Ѳедоръ Фридриховичъ Ашъ, остановилъ на себѣ особенное вниманіе губернатора. По окончаніи объѣзда, 15-го марта того же года, князь Долгоруковъ донесъ сенату, что заключенный въ Спасо-Евѳиміевъ монастырь баронъ Ашъ совершенно здоровъ и можетъ быть выпущенъ на свободу. Представленіе это осталось однако безъ послѣдствій. Черезъ нѣсколько времени князь рѣшился повторить свое ходатайство слѣдующимъ письмомъ на имя генералъ-прокурора Беклешева [2]):

«Ваше высокопревосходительство, милостивый государь Александръ Андреевичъ! Зная, сколь готово сердце государево благодѣтельствовать несчастнымъ, и сколь пріятно вашему находить случай къ исходатайствованію его щедротъ, не боюсь провиниться предъ вашимъ высокопревосходительствомъ слѣдующимъ моимъ покорнѣйшимъ доношеніемъ.

«Въ объѣздѣ моемъ по нѣкоторымъ городамъ Владимірской губерніи былъ я и въ Суздалѣ, гдѣ поставилъ первою моею обязанностію осмотрѣть содержащихся въ Спасо-Евѳиміевѣ монастырѣ сумашедшихъ, коихъ по указу правительствующаго сената повелѣно время отъ времени до совершеннаго ихъ выздоровленія свидѣтельствовать. Тамъ, между сими несчаст-

---

[1]) Нашъ извѣстный писатель кн. Ив. М. Долгоруковъ (1764—1823) былъ губернаторомъ въ Владимірѣ съ 8-го февраля 1802 г., по 23-го марта 1812.

[2]) Александръ Андр. Беклешевъ (1743—1808) былъ генералъ-прокуроромъ съ 7-го іюля 1799 г. по 2-е февраля 1800 г. и съ 16 марта 1801 г. по 8-е сентября 1802.

ными видѣлъ я и бригадира барона Аша, который уже не только совсѣмъ здоровъ, но и по зрѣломъ его испытаніи не предвидится недостойнымъ быть свободы. Я, по первомъ ихъ осмотрѣ, минувшаго марта 15-го дня, имѣлъ честь, представя о состояніи каждаго изъ нихъ вѣдомость, упомянуть правительствующему сенату о выздоровленіи сего поврежденнаго, какъ членомъ врачебной управы, такъ и архимандритомъ того монастыря засвидѣтельствованномъ, но до сихъ поръ не видя перемѣны въ его участи, осмѣлился подвигнуть къ состраданію человѣколюбивое сердце ваше. Баронъ Ашъ совершенно здоровъ и уже столько начинаетъ чувствовать вліянія случаевъ внѣшнихъ надъ собою, что продолженіе его заточенія не исправить могло его въ чемъ-либо, но паче было бы токмо способно привесть въ гибельное отчаяніе. Почитая долгомъ моимъ соболѣзновать о несчастныхъ и привлекать къ нимъ вниманіе сильныхъ на землѣ, любя сходить въ тѣ жилища скорби, гдѣ скрипятъ еще доселѣ вереи ужаса, и поражаютъ слухъ узы темничныя, не смѣлъ я отречься отъ убѣдительнѣйшей просьбы помянутаго барона Аша о его освобожденіи, не смѣлъ скрыть отъ васъ, что я видѣлъ сего заключеннаго безумца, который и по выздоровленіи своемъ еще всѣ злосчастія убійственнаго заключенія претерпѣваетъ. Если ваше высокопревосходительство найдете меня здѣсь виновнымъ, а можетъ быть, и дерзкимъ, потому что за представленіемъ моимъ единажды правительствующему сенату, которое осталось безуспѣшно и долженствовало какъ бы послужить мнѣ увѣдомленіемъ, что или рано еще барону Ашу пользоваться свободою, или не въ обязанности моей о томъ ходатайствовать, — осмѣлился обременить васъ симъ новымъ моимъ донесеніемъ; въ такомъ случаѣ воззрите благосклонно на одну чувствительность и добродушіе мое, побудившія меня къ таковому поступку, основанному на удостовѣреніи въ благости монаршей и вашего высокопревосходительства къ страждущимъ сердоболіи. Счастливымъ себя почту, когда таковой со стороны моей поступокъ удостоится вашего вниманія и послужитъ вамъ, съ одной стороны, опытомъ неусыпнаго моего о исполненіи должности моей попеченія, а съ другой, доказательствомъ тѣхъ чувствъ, коими я происполненъ будучи къ высокопочтеннѣйшей особѣ вашей, за честь вмѣняю до конца жизни моей быть и называться вашего высокопревосходительства всепокорнѣйшій слуга князь Иванъ Долгоруковъ".

Іюля 4-го дня 1802 года. Владиміръ.

Участь несчастнаго не измѣнилась однако и послѣ этого письма...

—

Отставной бригадиръ баронъ Ѳедоръ Фридриховичъ Ашъ родился въ Петербургѣ 5-го апрѣля 1728 года и былъ старшимъ сыномъ Петербургскаго почтъ-директора барона Фридриха Юрьевича Аша[1]).

Фамилія Ашъ (Asch) дѣлается у насъ извѣстною только съ пріѣзда изъ Силезіи означеннаго Фридриха Аша. Это случилось въ 1706 году, то есть, черезъ четыре года послѣ того, какъ по всей Европѣ распространился знаменитый манифестъ Петра Великаго о призывѣ иностранцевъ въ русскую службу [2]). Фридрихъ Ашъ былъ опредѣленъ прямо секретаремъ въ штабъ генерала Ренна, кавалерійскій отрядъ котораго входилъ, въ то время, въ составъ отдѣльнаго корпуса, присланнаго Петромъ въ помощь польскому королю Августу, противъ Карла XII. Ашъ, всюду слѣдовавшій за своимъ храбрымъ начальникомъ, отправился съ нимъ и въ Малороссію, куда были перенесены военныя дѣйствія, вслѣдствіе измѣны Мазепы. Въ славный день Полтавскаго боя, генералъ Реннъ, жестоко раненый въ бокъ, передалъ командованіе старшему полковнику Вейсбаху [3]). Перемѣна начальника не могла имѣть особеннаго значенія для Аша: онъ уже упрочилъ за собою служебное положеніе по способности быть замѣтнымъ и нужнымъ, какъ въ канцеляріи, такъ и на полѣ битвы, куда безпрестанно являлся за полученіемъ приказаній. Въ 1711 году, во время Прутскаго похода, Ашъ былъ назначенъ секретаремъ же къ генералу Вейде [4]). Съ этихъ поръ онъ сдѣлался извѣстнымъ Петру I. Ве-

---

[1]) Въ Родословн. книгѣ кн. *П. В. Долгорукова*, въ статьѣ о баронахъ Ашъ (ч. 3, стр. 303), поименованы только три сына барона Фридриха Аша: Петръ, Егоръ и Иванъ. Теперь оказывается, что онъ имѣлъ еще четвертаго—*Ѳеодора*, забытаго всѣми узника Спасо-Евѳиміева монастыря. Изъ письменныхъ документовъ, которые служили матеріалами для этой статьи, видно также, что баронъ Фридрихъ Ашъ имѣлъ еще трехъ дочерей: старшая была за генералъ-прокуроромъ графомъ П. И. Ягужинскимъ, съ которымъ, какъ извѣстно, была разведена, *по причинѣ задумчиваго и страннаго ея нрава* и заключена въ одинъ изъ Московскихъ дѣвичьихъ монастырей, гдѣ и скончалась; другая дочь—Александра была за Вас. Мих. Ребиндеромъ (1730—18..), и наконецъ, послѣдняя—*за графомъ Матюшкинымъ* (?).

[2]) Манифестъ изданъ въ апрѣлѣ 1702 г.

[3]) Іоганнъ-Бернгардъ Вейсбахъ, въ послѣдствіи графъ, родомъ Чехъ; вступилъ въ русскую службу въ 1707 г., ум. 1735 г.

[4]) Адамъ Адамовичъ Вейде, сдѣлавшійся потомъ извѣстнымъ по участію въ слѣдствіи надъ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ. Онъ умеръ въ 1720 году и, хотя былъ не православнаго исповѣданія, похороненъ въ Александро-Невской лаврѣ.

BIBLIOTHÈQUE RUSSE
TOURGUENEV
9, Rue du Val-de-Grâce à Paris

ликій монархъ очень скоро обратилъ вниманіе на ловкаго, способнаго Нѣмца и находилъ, что онъ съ успѣхомъ можетъ быть употребленъ и „для другихъ, болѣе тонкихъ матерій“. Послѣ Прутскаго похода Ашъ оставилъ военную службу и въ 1712 году былъ отправленъ въ Митаву, для занятія должности секретаря при дворѣ вдовствующей герцогини Курляндской Анны Іоанновны. Мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о пребываніи Аша въ Митавѣ. Только нѣкоторыя косвенныя указанія даютъ основаніе предполагать, что въ нѣсколько лѣтъ Ашъ сдѣлался весьма нужнымъ человѣкомъ и при дворѣ герцогини. Это видно, напримѣръ, изъ того, что въ 1719 году, когда Ашъ, по приказанію Петра, былъ назначенъ секретаремъ къ генералу Вейсбаху, отправляемому съ дипломатическимъ порученіемъ въ Вѣну,—Анна Іоанновна долго не соглашалась отпустить его и уступила, наконецъ, необходимости, единственно въ уваженіе собственноручнаго письма Петра, въ которомъ тотъ обѣщалъ племянницѣ возвратить Аша, по окончаніи возложеннаго на него порученія въ Вѣнѣ.

Генералъ Вейсбахъ, бывшій начальникъ Аша, командовалъ въ то время драгунскою дивизіею, расположенною въ Смоленскѣ. Петръ Великій отправлялъ его въ Вѣну „какъ бы для собственныхъ дѣлъ“, но въ дѣйствительности ему поручалось развѣдать о причинахъ явнаго охлажденія Карла VI къ Россіи и возобновить съ нимъ, по возможности, старинную дружбу. На аудіенціи 1-го января 1720 года императоръ Римскій обошелся съ Вейсбахомъ весьма благосклонно и выражалъ самыя дружественныя чувства къ Петербургскому двору. Этимъ оканчивалось порученіе Вейсбаха, но отъѣздъ его замедлился новымъ и весьма важнымъ обстоятельствомъ. Въ Вѣну пріѣхалъ посолъ герцога Голштинскаго Карла-Фридриха съ жалобой на Датскаго короля, отнявшаго у герцога значительную часть его владѣній. Австрійскіе министры, давъ замѣтить послу, что въ настоящее время императоръ Римскій ничего не можетъ сдѣлать въ пользу герцога, совѣтовали ему, отъ имени императора, обратиться за помощію къ Петру Великому и ручались за успѣхъ, особенно въ томъ случаѣ, если герцогъ предложитъ руку какой-либо изъ принцессъ—его дочерей. Голштинскій посолъ донесъ о томъ своему герцогу, и тотъ поспѣшилъ прислать ему свое согласіе и полномочіе переговорить обо всемъ съ русскимъ посломъ. Петръ нашелъ съ своей стороны выгоднымъ принять подъ свою защиту и породниться съ молодымъ герцогомъ Голштинскимъ, племянникомъ Карла XII и ближайшимъ наслѣдникомъ шведскаго

престола, а потому далъ знать Вейсбаху, что онъ желалъ бы видѣть герцога у себя, въ Петербургѣ. Вслѣдъ затѣмъ, графъ Ягужинскій былъ посланъ смѣнить Вейсбаха, которому приказано возвратиться въ своей дивизіи въ Смоленскъ, а секретарю Ашу—прибыть въ Петербургъ. Можно думать, что вообще честь успѣха дипломатическихъ переговоровъ въ Вѣнѣ и самаго сватовства принадлежитъ секретарю Ашу больше, чѣмъ Вейсбаху. Австрійскіе министры и особенно духовникъ императора предлагали Ашу свое ходатайство о возведеніи его въ баронское достоинство, но онъ отказался отъ лестнаго отличія, вѣроятно, не желая возбуждать ревности Вейсбаха. По пріѣздѣ въ Петербургъ, Ашъ представился императору, который обласкалъ его и, подаривъ 1000 рублей, отправилъ назадъ въ Митаву. Въ половинѣ 1724 года Ашъ былъ опять вызванъ въ Петербургъ и назначенъ Петербургскимъ почтъ-директоромъ, на мѣсто старика Краузе. Можетъ быть, Ашъ ожидала блестящая карьера, потому что онъ пользовался большимъ довѣріемъ императора [1]).

Но не прошло и года, какъ не стало Петра. Закатилось красное солнце, и мрачная эпоха временщиковъ свинцовою тучей повисла надъ Петербургомъ. Въ это тяжелое время человѣку, занимавшему сколько-нибудь видное мѣсто, нужно было имѣть много житейской мудрости, чтобъ обезпечить себя отъ всѣхъ случайностей и перемѣнъ счастія; нужно было много такту, чтобъ успѣшно лавировать между партіями и, не пристава ни къ одной изъ нихъ, пользоваться постояннымъ общимъ благорасположеніемъ. Почтъ-директоръ Ашъ былъ угоденъ и Меншикову, и Долгорукимъ, и Бирону, и Минниху. При такихъ благопріятныхъ условіяхъ, Ашъ могъ спокойно устраивать и свои семейныя дѣла. Старшій сынъ его и любимецъ—Оедоръ былъ записанъ въ шляхетный кадетскій корпусъ. Другіе двое, Егоръ и Петръ, уже въ царствованіе Анны Іоанновны, были посланы учиться на казенный счетъ въ Геттингенъ, и наконецъ, послѣдній—Иванъ былъ опредѣленъ студентомъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ.

Императрица Анна Іоанновна не забывала бывшаго своего секретаря: она жаловала Аша мызами въ Лифляндіи, и кромѣ того,

---

[1]) Академикъ Штелинъ, собирая, въ послѣдствіи, свѣдѣнія о Петрѣ I, обращался и къ Ашу, какъ очевидцу и свидѣтелю дѣяній великаго преобразователя, и записалъ со словъ его два весьма примѣчательныхъ разсказа (Любопытн. и достопамятн. сказанія о императ. Петрѣ Великомъ. Спб. 1787).

подарила ему такъ называемыя „шкатульныя деньги“, которыя были отпускаемы ей, со временъ Петра Великаго, къ каждому новому году. Эти деньги Ашъ отправилъ въ Амстердамскій банкъ, и въ девять лѣтъ у него составилась такимъ образомъ сумма въ сто тридцать шесть тысячъ рублей. Дворцовый переворотъ 1741 года прошелъ для Аша также благополучно, какъ и всѣ предъидущіе. Сынъ его Ѳедоръ былъ наконецъ выпущенъ въ офицеры, но почему-то весьма скоро затерялся въ армейскихъ полкахъ, и только въ Семилѣтнюю войну дѣятельность его и самое имя становятся нѣсколько извѣстными. Въ 1757 онъ былъ командированъ въ Ригу для формированія запасныхъ батальоновъ и тутъ впервые обратилъ на себя общее вниманіе весьма, однако, странным обстоятельствомъ: никто не получалъ раньше его извѣстій, и притомъ самыхъ точныхъ, прямо съ театра военныхъ дѣйствій. Извѣстія эти, опережавшія часто даже оффиціальныя донесенія, онъ немедленно сообщалъ отцу своему въ Петербургъ. Вѣсть о пораженіи Фридриха Великаго при Гохкирхѣ (14-го октября 1758 г.) прислана Ашемъ въ Петербургъ цѣлыми сутками ранѣе прибытія туда, съ оффиціальнымъ донесеніемъ о томъ же событіи, австрійскаго курьера графа Кампителли. Въ 1760 году Ѳедоръ Фридриховичъ Ашъ отправился въ дѣйствующую армію, къ которой и прибылъ осенью, именно въ то время, когда Австрійцамъ удалось наконецъ склонить русскаго главнокомандующаго графа Салтыкова идти на Берлинъ. Австрійцы торопились въ прусскую столицу, разсчитывая на богатую добычу, и къ величайшей досадѣ не встрѣчали желаемаго сочувствія въ своихъ союзникахъ Русскихъ. Симпатіи Аша были, напротивъ того, на сторонѣ Австрійцевъ, и онъ, вскорѣ по занятіи Берлина, оказалъ имъ важную услугу: Ашъ донесъ по начальству о существованіи тайныхъ сношеній русскаго генерала графа Тотлебена съ прусскими генералами [1]). Обнаруженіе этой

[1]) Тотлебенъ былъ арестованъ и отправленъ въ Петербургъ, гдѣ былъ преданъ военному суду. Дѣло о немъ кончилось уже при Екатеринѣ. Высочайшимъ указомъ, отъ 11-го апрѣля 1763 г., повелѣно: Готлиба Курта Генриха графа фонъ-Тотлебена, «обличеннаго въ вредительныхъ противу Россійскаго государства намѣреніяхъ», вывезти подъ крѣпкимъ карауломъ на границу имперіи и тамъ, прочитавъ ему настоящій указъ, отнять всѣ чины и кавалеріи и взять подписку, ни подъ какимъ видомъ, никогда не въѣзжать въ Россію; въ противномъ же случаѣ, всякій, кто увидитъ и узнаетъ его, «имѣетъ право отнять у него животъ, какимъ заблагоразсудится образомъ, и тѣмъ не преступитъ ни правъ гражданскихъ, ни военныхъ, ниже обще-народныхъ, которыя его Тотлебена защищаютъ, яко из-

интриги, парализовавшей дѣйствія союзной арміи, весьма обрадовало Вѣнскій дворъ. Императоръ Францъ I пожаловалъ отцу Аша и его роду баронское достоинство [1]).

Это было послѣднею радостію Петербургскаго почтъ-директора. Вступленіе на престолъ Екатерины какъ-бы внезапно отняло у Аша все его благополучіе и сдвинуло его съ той колеи, по которой онъ шелъ такъ спокойно и ровно болѣе полувѣка. За почтамтомъ открылись большіе денежные недочеты. Въ 1764 году баронъ Фридрихъ Ашъ былъ уволенъ отъ службы, съ обязательствомъ составить отчеты о переходящихъ суммахъ почтамта, не представленные имъ въ продолженіе 17 лѣтъ. Ашъ три года трудился сводить приходъ съ расходомъ, но работа эта не повела ни къ чему: цифры не могли замѣнить исчезнувшихъ рублей. Для приведенія въ ясность счетовъ почтамта была учреждена, по высочайшему повелѣнію, особая счетная экспедиція при иностранной коллегіи, первымъ и единственнымъ, извѣстнымъ намъ, дѣйствіемъ которой было наложеніе запрещенія на имущество барона Аша. Легко себѣ представить, какимъ тяжелымъ бременемъ легли всѣ эти невзгоды на душу маститаго барона. Старшій и любимый его сынъ Ѳедоръ, извѣстный по Тотлебенскому дѣлу, былъ также уволенъ, въ 1766 году, отъ службы съ чиномъ бригадира и пенсіей. Онъ переселился на житье въ Петербургъ къ опальному отцу своему. Оба недовольные новымъ царствованіемъ, новыми порядками,

---

мѣнника, выгнаннаго изъ Россійскаго государства, болѣе не могутъ». Полн. Собр. Законовъ Рос. Имп., Т. XVI, стр. 222. Въ 1769 году Тотлебенъ былъ прощенъ и съ отличіемъ участвовалъ въ Турецкой войнѣ.

[1]) Баронскій дипломъ былъ высланъ Ашу только въ 1762 г., по воцареніи Екатерины II. Причина этого промедленія была слѣдующая: сперва наводили подробнѣйшія справки о прежней службѣ Аша, потомъ составлялся проектъ герба, который нѣсколько разъ пересылался изъ Вѣны въ Петербургъ и оттуда съ замѣчаніями и поправками Аша возвращался назадъ. Но больше всего было хлопотъ за выборомъ девиза. Ашу весьма желательно было имѣть девизъ Virtute duce, и въ концѣ концовъ онъ настоялъ на этомъ. Сохранился переводъ съ австрійскаго диплома, присланнаго русскому почтъ-директору. Выпишемъ болѣе характерное мѣсто: «Находящійся нынѣ въ россійской императорской службѣ статскій совѣтникъ, нашъ и имперіи любезно-вѣрный Фридрихъ фонъ-Ашъ... готовъ въ пользу нашу и освященной Римской имперіи, такожъ за Аустрискаго наслѣднаго дома и всего общества, по возможности и силѣ его до конца жизни завсегда усердствовать, что онъ дѣлать очень можетъ, имѣетъ и долженъ». Замѣтимъ, между прочимъ, что въ дипломѣ ни разу не упомянуто о заслугѣ Ѳедора Фридриховича Аша, по Тотлебенскому дѣлу.

они уединились отъ всѣхъ и никогда не могли помириться съ своимъ положеніемъ. Но и они, подобно другимъ недовольнымъ того времени, подверглись бы одинаковой участи со всѣми—историческому забвенію, если бы черезъ четыре года послѣ смерти бывшаго почтъ-директора Аша [1]), въ тайной экспедиціи не возникло дѣло, которое привело сына его, отставнаго бригадира барона Ѳедора Фридриховича, къ заключенію сперва въ Динамюндскую крѣпость, а потомъ въ Суздальскій Спасо-Евѳиміевъ монастырь. Дѣло это, не столько важное, сколько странное и неожиданное, замѣчательно потому, что исходнымъ пунктомъ его или причиною былъ знаменитый меценатъ Иванъ Ивановичъ Шуваловъ.

По вступленіи на престолъ Екатерины, Шуваловъ, какъ извѣстно, удалился отъ двора и въ продолженіе 15 лѣтъ проживалъ въ чужихъ краяхъ. 6-го сентября 1777 года онъ возвратился наконецъ въ Петербургъ. Императрица Екатерина не особенно уважала душевныя качества бывшаго любимца Елисаветы. Нерѣшительность его характера, мнительность и малодушіе она ѣдко описала въ своей сатирѣ о „нерѣшительномъ“, помѣщенной въ первой книжкѣ журнала „Собесѣдникъ любителей россійскаго слова“ [2]). Еще рѣзче она отозвалась о немъ въ письмѣ къ Станиславу Понятовскому [3]). Но не смотря на это, Шуваловъ, по возвращеніи изъ-за границы, былъ принятъ весьма благосклонно и даже пожалованъ въ оберъ-камергеры: у Екатерины была своя система относительно временщиковъ прежнихъ царствованій.

Утромъ 20-го октября 1777 года отставной бригадиръ баронъ Ашъ пришелъ въ домъ оберъ-камергера Шувалова и сказалъ, что имѣетъ крайнюю надобность видѣть хозяина. Прислуга объяснила, что его превосходительство еще почиваетъ. Баронъ Ашъ настаи-

[1]) Баронъ Фридрихъ Ашъ скончался 5-го декабря 1773, а не 1771 года, какъ показано во всѣхъ справочныхъ словаряхъ.

[2]) «Есть у меня сосѣдъ, который въ младенчествѣ слылъ умницею, въ юношествѣ оказывалъ желаніе умничать, въ совершеннолѣтіи каковъ,—увидите изъ слѣдующаго: онъ ходитъ бодро, но когда два шага сдѣлаетъ на право, то одумавшись, пойдетъ на лѣво; тутъ встрѣчаемъ онъ мыслями, кои понуждаютъ его идти впередъ, потомъ возвращается вспять. Каковъ же путь его, таковы и мысли... Когда я гляжу на него, тогда онъ, утуня глаза въ полъ, передо мною важничаетъ, труся однако мнѣ мысленно,» и т. д. См. Матеріалы для исторіи журнальн. и литературн. дѣятельности Екатерины II, соч. *П. Пекарскаго* (Прилож. къ III тому Зап. Имп. Академіи Наукъ, № 6, стр. 11).

[3]) Тамъ же, стр. 15.

валъ на своемъ и требовалъ доложить о своемъ приходѣ. Приглашенный наконецъ въ спальню Шувалова, баронъ Аш вручилъ запечатанный пакетъ, адресованный на его имя. Шуваловъ раскрылъ письмо и съ удивленіемъ увидѣлъ въ концѣ его подпись: *Баронъ Фридрихъ Аш. Спб. Марта 4-го дня 1773.* Аш объяснилъ, что письмо это, написанное его покойнымъ отцемъ, не могло быть доставлено ранѣе, за нахожденіемъ Шувалова въ чужихъ краяхъ. Письмо покойнаго заключало въ себѣ слѣдующее:

«Милостивый государь! Глубокая старость моя, какъ мнѣ уже отъ роду 85 лѣтъ, и здравіе мое, отъ времени до времени ослабѣвающее, отнимаютъ у меня всю надежду дожить до того радостнаго дня, когда ваше императорское высочество, по счастливомъ возвращеніи въ государство ваше съ помощію Всемогущаго Бога, вступите на всероссійскій императорскій престолъ, къ несказанной радости всѣхъ вашихъ вѣрныхъ подданныхъ.

«Не доживъ до чрезвычайной радости персонально принести вамъ мое усерднѣйшее поздравленіе съ восшествіемъ, я не премину пожелать того симъ письмомъ и принести вамъ, милостивѣйшему государю, мою должную благодарность за всѣ оказанныя мнѣ милости, за благосклонные оферты отъ васъ, за довѣренность, а паче за то, что ваше высочество, передъ отъѣздомъ въ чужіе край, удостоили меня, нижайшаго слугу, вашимъ милостивымъ посѣщеніемъ.

«Удовольствіе большое имѣлъ я въ томъ, что, служа предкамъ вашимъ 58 лѣтъ, служилъ я также въ Бозѣ почивающей матушкѣ вашей, блаженной и вѣчной славѣ достойной государынѣ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, еще въ бытность ея въ Митавѣ,—честь, которую имѣли только нѣсколько ея подданныхъ.

«По преемственной линіи въ правленіи Всероссійской имперіи отъ государя и царя Іоанна Алексѣевича, по неимѣнію отъ него наслѣдниковъ, Всевышній Творецъ предназначилъ ваше высочество къ принятію всероссійской императорской короны, чего искренно желаютъ всѣ ваши вѣрноподданные, которые только извѣстны о высокой особѣ вашей.

«Для восшествія вашего высочества на императорскій престолъ потребно будетъ освободить дворецъ отъ обрѣтающихся нынѣ въ немъ императрицы и ихъ высочествъ.

«Къ сей важной и секретнѣйшей экспедиціи вашему высочеству потребно такихъ подданныхъ вашихъ вѣрныхъ и надежныхъ, которые справедливыя причины имѣютъ быть недовольными нынѣшнимъ правленіемъ; въ числѣ такихъ извѣстныхъ мнѣ многихъ персонъ находится и сынъ мой старшій Ѳедоръ, писатель сего списаннаго моего концепта, и который сіе вашему высочеству въ собственныя руки вручить честь имѣть будетъ. Будучи два

года первымъ полковникомъ по всей регулярной арміи, онъ въ 1766 году былъ отставленъ отъ воинской службы съ чиномъ бригадира и пенсіею. Въ то время ему было только 39 лѣтъ и при добромъ здравіи онъ былъ еще въ состояніи нести полевыя службы, къ чему по инклинаціи его онъ охоту имѣлъ. Прочее его недовольствіе, по полученному дозволенію, онъ самъ объяснитъ вашему высочеству.

«Изъ истиннаго къ вашему высочеству усердія осмѣливаюсь вамъ онаго сына моего рекомендовать для восшествія вашего на престолъ исправляющейся важной коммиссіи и увѣренъ я, что онъ исправлять будетъ опую съ крайнимъ радѣніемъ, понеже онъ по Тотлебенскому дѣлу уже себя оказалъ, что онъ къ такимъ коммиссіямъ способенъ, тѣмъ наиболѣе, что то дѣло онъ самъ собою сдѣлалъ, исполняя тѣмъ свою присягу, наблюдая интересъ своей императрицы и сего государства, отечества его, для охраненія отъ опасности непріятеля, понеже въ то время марширующая побѣдами славная армія въ трехъ дивизіяхъ, двумя особливыми колоннами, была уже близъ непріятельскаго корпуса въ 20.000 человѣкъ, подъ командою генералъ-поручика барона Гольца, также и отъ легкихъ войскъ подъ командою генералъ-поручика Берпера. Какъ скоро вышеобъявленный генералъ Гольцъ объ арестованіи генерала графа Тотлебена извѣстіе получилъ, то ему и приключилась смерть параличкою. Сынъ мой могъ при ономъ дѣлѣ потерять свою честь и благополучіе, ежели бы не досталъ довольныя доказательства о корреспонденціи Тотлебена съ непріятелемъ.

«Ежели ваше высочество къ исправленію упомянутой коммиссіи его удостоить соблаговолите, то я ему симъ даю къ сей секретной экспедиціи мое родительское благословеніе. Я приказалъ ему подъ клятвою никому не говорить объ этомъ письмѣ, хотя брату родному. При всемъ томъ я увѣренъ, что всѣ мои сыновья и зять мой, за шталмейстера правящій генералъ-маіоръ Ребиндеръ, ваше высочество за настоящаго государя нашего съ истиннымъ глубочайшимъ респектомъ почитаютъ.

«Милостивѣйшій государь, позвольте мнѣ теперь вамъ и мою принужденную просьбу къ стопамъ вашимъ всенижайше представить. Понять я не могу, отъ чего ея величество на меня и на сыновей моихъ, а наипаче на сына Оедора, гнѣвна, не имѣвъ къ тому, сколь мнѣ извѣстно, отъ насъ какой причины.

«Въ 1764 году уволенъ я именнымъ указомъ отъ службы моей съ тѣмъ, чтобъ мнѣ сочинить 17-ти лѣтніе почтовые счеты, которыхъ во время моей дирекціи при почтамтѣ никоимъ образомъ сочинить не могли, по нижеслѣдующимъ резонамъ: 1) по множеству отправленій почтъ и эстафетъ, къ чему я не имѣлъ столько служителей, сколько при теперешнемъ почтамтѣ находится; 2) по имѣющейся секретной экспедиціи, кото-

рая мнѣ одному 38 лѣтъ, за все время, какъ я былъ почтъ-директоромъ, препоручена была, при которой должности я по большей части и здоровья моего лишился, и 3) для сочиненія тѣхъ почтовыхъ счетовъ я не имѣлъ потребнаго числа людей.

«Во исполненіе именнаго указа я сталъ сочинять счеты въ моемъ домѣ въ 1765 г. по 1767, а въ 1768 году взяты были отъ меня всѣ начатые счеты, приходо-расходныя книги и квитанціи отъ чужестранныхъ почтамтовъ въ полученіи денегъ отъ здѣшняго почтамта, и все это передали въ учрежденную при иностранной коллегіи счетную экспедицію. О концѣ сихъ счетовъ я къ крайнему моему прискорбію ничего не слышу, только извѣстенъ, что на домъ мой положенъ секвестръ.

«Когда я сдавалъ свою должность и казну ея величества канцеляріи совѣтнику и почтъ-директору Эку, то я объявилъ ему, что надлежитъ уплатить долгъ нѣкоторымъ чужестраннымъ почтамтамъ, но на оное ничего чинено не было. По сей причинѣ тѣ почтамты часто стали писать ко мнѣ о платежѣ тѣхъ долговыхъ денегъ. Дабы честь вашего государства не тронута была, я уплатилъ изъ собственнаго моего имѣнія Варшавскому и Шведскому почтамтамъ около 20,000 рублей и объ этомъ донесъ рапортомъ въ государственную коллегію иностранныхъ дѣлъ, дабы по окончаніи моихъ счетовъ тѣ деньги мнѣ возвращены были. Прусскій почтамтъ также требовалъ платежа почтовыхъ денегъ и за тѣ даже годы, когда Пруссія, во время бывшей войны, состояла подъ Россійскою державою, къ чему я противился, и тотъ платежъ оному почтамту за тѣмъ резономъ я не платилъ, а уплачены оные всѣ изъ казны Ея Величества.

«А какъ вышеупомянутые счеты мои не окончены, и тѣмъ мнѣ о возвратѣ моихъ денегъ просить не можно, того для всенокорнѣйше прошу ваше высочество, по благополучномъ возшествіи вашемъ на всероссійскій престолъ, всемилостивѣйше указать выдать вышеобъявленныя деньги наслѣдникамъ моимъ.

«Блаженной и вѣчной памяти достойная императрица Елизавета Петровна пожаловала мнѣ въ 1749 году въ Ингерманландіи, по смерть мою, мызу Хотинцы съ 309 душами. По ея же величества высочайшему рескрипту всемилостивѣйше обѣщано сыну моему Ѳедору, по Тотлебенскому дѣлу, пожаловать деревней, о которой онъ, по окончаніи дѣла того, просилъ, но обѣщаннаго не получилъ, а вмѣсто того высочайшею резолюціею ему назначено было получить при первой вакансіи арендную мызу; но сынъ мой того принять не могъ, ибо милость сія не сходственна высочайшаго рескрипта. Того ради всенокорнѣйше прошу ваше высочество, когда всемогущій Богъ васъ тою милостію наградитъ, пожаловать ту мызу обиженному сыну моему Ѳедору.

«Препоруча наконецъ себя и всю фамилію мою вашей высокой мнѣ остается теперь, какъ стоящему у края могилы, только молиться всевышнему о всегдашнемъ здравіи вашего высочества до позднѣйшихъ временъ, о благополучномъ восшествіи вашемъ на прародительскій престолъ, о счастливомъ правленіи вашего государства, о знатныхъ побѣдахъ орудій вашихъ, о благополучномъ бракосочетаніи съ достойною принцессою, и чтобъ тѣмъ никогда не былъ бы недостатокъ въ высокихъ наслѣдникахъ всероссійскаго императорскаго престола. Пребываю съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ по вѣкъ мой, вашего императорскаго высочества, милостивѣйшаго государя, всепокорнѣйшій слуга Вероп. Фридрихъ Ашъ».

С.-Петербургъ, марта 4-го дня 1773 г.

Прочитавъ это странное письмо, конечно, съ величайшимъ смущеніемъ, Шуваловъ поспѣшилъ одѣться и, пригласивъ барона Аша подождать въ спальнѣ, поѣхалъ съ письмомъ прямо во дворецъ. Черезъ нѣсколько часовъ онъ вернулся домой и сейчасъ же, вмѣстѣ съ Ашемъ, отправился далѣе, къ генералъ-прокурору князю Вяземскому, которому вручилъ, вмѣстѣ съ письмомъ, высочайшее повелѣніе слѣдующаго содержанія: «Взявъ Аша къ себѣ въ домъ, спросить кто то письмо писалъ, и буде онъ скажетъ, что письмо писано имъ, Ашемъ, то его тотчасъ арестовать и потомъ о написанной въ томъ письмѣ важности допросить, и что̀ покажетъ, намъ донести".

Генералъ-прокуроръ, прочитавъ письмо отъ начала до конца, обратился къ барону Ашу съ вопросомъ: „Кто писалъ это преступническое письмо, и для чего Шуваловъ титулуется императорскимъ высочествомъ, тогда какъ онъ не больше какъ россійскій дворянинъ?" „Письмо писано собственною моею рукою", отвѣчалъ Ашъ,—„а подписано моимъ покойнымъ отцемъ. Шуваловъ же титулуется императорскимъ высочествомъ потому, что онъ есть сынъ покойной императрицы Анны Іоановны, рожденный отъ Бирона".

Ашъ былъ тотчасъ же арестованъ, и спустя нѣкоторое время, приведенъ къ допросу. Генералъ-прокуроръ предложилъ ему разсказать обстоятельства и поводы написанія письма.

„Въ мартѣ 1773 года", началъ Ашъ, „отецъ призвалъ меня въ свой кабинетъ и, подавая написанное собственною его рукою письмо, сказалъ: «Садись здѣсь, Ѳедоръ, и перепиши эту бумагу». Привыкнувъ во всемъ быть послушнымъ отцу, я взялъ бумагу и списалъ съ нея копію. Потомъ батюшка подписалъ ее, вложилъ въ пакетъ и велѣлъ при себѣ запечатать его двумя печатями. Когда

все было кончено, онъ сказалъ: „Я спрячу этотъ пакетъ до времени у себя, а потомъ, когда-нибудь, передамъ его тебѣ". 30-го ноября того же года батюшка мой тяжко заболѣлъ. Причастившись святыхъ таинъ, онъ благословилъ меня и, доставъ затѣмъ пакетъ, сказалъ: «Вотъ то письмо, которое ты переписалъ. Отдай его, когда будетъ возможно, въ собственныя руки Ивана Ивановича Шувалова. Будь, Оедоръ, вѣренъ ему, какъ законному своему государю». Иванъ Ивановичъ былъ все это время въ чужихъ краяхъ, и я до сихъ поръ не могъ доставить ему этого письма, потому что по бѣдности моей не въ силахъ былъ предпринять далекаго путешествія".

На слѣдующій вопросъ генералъ-прокурора: Зналъ ли онъ, Ашъ, до переписыванія этого письма о таковомъ происхожденіи дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Ивана Ивановича Шувалова, — Ашъ отвѣчалъ что еще до вступленія ея величества на престолъ, отецъ сказывалъ ему, что у покойной императрицы Анны Іоанновны былъ сынъ, но въ то время не открывалъ его имени; когда же ея величество изволила отправиться въ Москву на коронацію, то отецъ, отправляя письмо къ Шувалову, велѣлъ написать на конвертѣ только *Милостивѣйшему Государю*, и когда онъ, Ашъ, спросилъ отца, почему не прописывается его чина, тотъ въ первый разъ рѣшительно объявилъ, что Иванъ Ивановичъ есть принцъ, рожденный отъ императрицы Анны Іоанновны, а потому законный государь Россіи. „Сначала я усомнился въ этомъ", продолжалъ Ашъ.—„такъ какъ зналъ, что Анна Іоанновна не имѣла мужа, но принявъ въ соображеніе правдивость моего отца, и что онъ, служа при императрицѣ, когда она жила въ Митавѣ съ своимъ камеръ-юнкеромъ, герцогомъ Курляндскимъ, долженъ знать это дѣло лучше другихъ, — я рѣшительно убѣдился, что Иванъ Ивановичъ Шуваловъ есть сынъ императрицы Анны Іоанновны и Бирона. Мнѣ вспомнилось тогда, то особливое почтеніе, которое отецъ съ давнихъ поръ оказывалъ Шувалову, и что портретъ его онъ постоянно имѣлъ предъ собою".

„Были ли вы у присяги, при восшествіи на престолъ ея императорскаго величества?" На этотъ вопросъ генералъ-прокурора Ашъ отвѣчалъ слѣдующее: „Признавая Шувалова за истиннаго государя, я не присягалъ ея величеству до тѣхъ поръ, пока не былъ опубликованъ указъ 1763 года, которымъ предупреждалось, что не присягнувшіе и послѣ того указа будутъ оштрафованы. Присягу я чинилъ въ кадетскомъ корпусѣ и хотя повторялъ по

напечатанному слова присяги, однако въ мысляхъ своихъ
сердцѣ давалъ эту клятву на вѣрность не великому князю, а
ну Ивановичу. Точно также я присягалъ и на чинъ бригади
данный мнѣ при отставкѣ".

Генералъ-прокуроръ предложилъ послѣдній вопросъ: „Какое
васъ было намѣреніе при подачѣ письма Шувалову?" „Если бы
прочтенія письма, поданнаго мною Ивану Ивановичу, тотъ при
залъ мнѣ очистить дворецъ, я не задумался бы исполнить это по
казаніе, хотя бы то стоило мнѣ жизни! Я поступилъ бы такимъ
образомъ: сперва старался бы розыскать всѣхъ служащихъ, котор
были обижены въ послѣднюю войну. Такихъ лицъ здѣсь оче
много. Напримѣръ, генералъ Бергъ считаетъ себя обиженнымъ е
по Прусской войнѣ. Я хотѣлъ обратиться прямо къ нему. Мы
брали бы цѣлую военную команду изъ недовольныхъ, пошли
во дворецъ, арестовали бы тамъ государыню съ великимъ князем
а Шувалова возвели бы на престолъ. Но я клянусь честью и в
нымъ блаженствомъ, что объ этомъ намѣреніи и о самомъ пись
я никогда и ни съ кѣмъ не говорилъ, но хранилъ это въ глуби
моего сердца, возлагая всю надежду на одну только волю Шу
лова".

На этомъ прекратился допросъ. Барону Ашу было предложе
дополнить свои показанія. 25-го октября онъ представилъ письм
ныя дополненія къ показаніямъ, въ которыхъ, какъ и въ изустны
отвѣтахъ, не замѣчалось ни малѣйшаго стремленія защитить и
оправдать себя; напротивъ того, съ энтузіазмомъ фанатика, го
ваго претерпѣть муку за свое вѣрованіе, онъ объяснялъ даже
то, о чемъ совсѣмъ не спрашивали его.

„Къ нынѣшней императрицѣ", писалъ Ашъ въ своихъ допол
ніяхъ, — „я не имѣю ни малѣйшаго усердія. Это она видѣла с
въ 1764 году, въ Ригѣ, во время смотра нашей Ляфляндской
визіи: объѣхавъ тогда фронтъ первой линіи, императрица пов
нула во вторую; послѣ минутной остановки и разговора съ генера
маіоромъ принцемъ Карломъ Курляндскимъ, она приблизилась
ввѣренному мнѣ Нижегородскому пѣхотному полку и получила
знамени не такую честь, какую отдаютъ государямъ. Всѣ замѣти
какъ императрица перемѣнилась въ лицѣ. Командующій дивиз
генералъ-фельдмаршалъ Александръ Борисовичъ Бутурлинъ и
нералъ-аншефъ графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ поспѣши
къ подпрапорщикамъ и приказали наклонить знамена, какъ с
дусть. На другой день гофмаршалъ князь Голицынъ далъ зн

генералитету и штабъ-офицерамъ о прибытіи во дворецъ къ обѣденному столу. Мнѣ, какъ первому полковнику дивизіи, пришлось сидѣть рядомъ съ камеръ-юнкеромъ княземъ Несвицкимъ. Императрица безпрестанно кидала на меня весьма гнѣвные взгляды. Послѣ отставки моей, когда я бывалъ во дворцѣ, что случалось только въ первые шесть лѣтъ, и то очень рѣдко, я никогда не подходилъ къ рукѣ императрицы, признавая государемъ не Екатерину Вторую, а Ивана Ивановича, именуемаго Шуваловымъ [1]). У цесаревича Павла Петровича я тоже никогда не цѣловалъ руки, потому что и его не признавалъ наслѣдникомъ россійскаго престола. Когда въ церквахъ возносили молитвы о здравіи ея величества и цесаревича, я молился въ это время о здравіи моего истиннаго государя Ивана Ивановича. Въ торжественные дни, когда, при пушечной пальбѣ, во дворцѣ пили за здравіе ея величества и его высочества, я тоже пилъ, но только мысленно относилъ тостъ Ивану Ивановичу, дабы онъ остался въ здравіи и благополучно принялъ бы всероссійскій престолъ, на обладаніе которымъ онъ, единый нашъ государь, имѣетъ надлежащее и неотъемлемое право".

Вслѣдъ затѣмъ, дѣло Аша, по высочайшему повелѣнію, было передано на окончательное разсмотрѣніе и разборъ особой коммиссіи изъ трехъ сенаторовъ. 28-го октября коммиссія собралась въ домѣ генералъ-прокурора и по выслушаніи: 1) письма, поданнаго отставнымъ бригадиромъ барономъ Ашемъ дѣйствительному тайному совѣтнику Шувалову, 2) учиненнаго Ашу въ тайной экспедиціи

---

[1]) Въ одномъ изъ показаній Ашъ объясняетъ, почему Иванъ Ивановичъ названъ Шуваловымъ: «Отецъ сказывалъ мнѣ, что Иванъ Ивановичъ принялъ фамилію отъ нѣкоего Шувалова, которому онъ былъ отданъ Анной Іоанновной на воспитаніе. Но я слышалъ также и другое объясненіе сей деривации. Императрица Анна Іоанновна, какъ извѣстно, учредила вновь два гвардейскихъ полка—Измайловскій и Конный. Во время смотровъ въ Конномъ полку, какъ это принято и во всей кавалеріи, передъ полкомъ шли офицерскія заводныя лошади. Анна Іоанновна велѣла присоединить къ нимъ также дворцовыхъ заводныхъ лошадей, и одну изъ нихъ, принадлежавшую маленькому принцу Ивану Ивановичу, было приказано вести безъ попоны двумъ конюхамъ, какъ разъ на томъ мѣстѣ передъ первымъ взводомъ перваго эскадрона, на которомъ слѣдовало быть ротмистру перваго эскадрона. Эта то лошадь, ведомая двумя конюхами, и дала фамилію Ивану Ивановичу: *шевалъ* — прибавивъ къ тому *ловъ* — будетъ *Шваловъ*, но такъ какъ подобной фамиліи нѣтъ въ Россіи, то перемѣнили въ первомъ слогѣ *е* на *у* и отдали царственнаго малютку въ фамилію Шуваловыхъ, чтобъ никто не зналъ объ его высокомъ происхожденіи».

допроса и 3) написанныхъ Ашемъ въ дополненіе допроса показаній, опредѣлила: „Въ подтвержденіе означеннаго допроса и своеручнаго написанія Ашa, въ присутствіи ихъ спросить его, для чего онъ столь дерзостныя и вымышленныя слова въ письмѣ, въ допросѣ и своемъ дополненіи писать и вредныя намѣренія имѣть отважился; такожь и о томъ, не имѣлъ ли онъ въ семъ его развращенномъ и вредномъ намѣреніи подобныхъ себѣ сотоварищей, и кого же онъ именно чаялъ сыскать людей недовольныхъ, служившихъ въ послѣднюю войну, и чрезъ что онъ о недовольствіи ихъ узнать могъ. (Подписали:) Князь Александръ Голицынъ.—Князь А. Вяземскій.—Иванъ Елагинъ".

На предложенные вопросы Ашъ отвѣчалъ собранію рѣшительно и рѣзко. Все высказанное имъ на допросѣ и въ письменномъ дополненіи онъ подтверждалъ здѣсь безъ всякихъ измѣненій. Собраніе настаивало объявить имена недовольныхъ за послѣднюю войну. Ашъ назвалъ только генерала Берга, генерала графа Салтыкова, артиллеріи генералъ-маіора Мелисино и генералъ-маіора Унгерна. „Ни отъ кого изъ нихъ", продолжалъ Ашъ, — „я не слышалъ о недовольствіи, а только самъ дѣлалъ это заключеніе, потому что особы эти, судя по газетамъ, много служили въ прошедшую войну, а награжденія имъ не сдѣлано. Что же касается до простыхъ людей, то я отнюдь не говорилъ съ ними о возведеніи Шувалова, потому что подобное предпріятіе подъ стать только людямъ умнымъ и богатымъ".

Присутствовавшіе обратились, наконецъ, къ Ашу съ увѣщаніемъ и доказывали ему „неоспоримыми и ощутительными резонами" всю несостоятельность его мнѣнія о происхожденіи Шувалова, но онъ Ашъ сперва съ жаромъ, а потомъ и улыбаясь, съ негодованіемъ отвѣчалъ: „Что бы вы мнѣ ни говорили, но не совратить меня съ того мнѣнія, что Шуваловъ есть законный государь. Съ этимъ я умру, готовый принять всякое мученіе и пролить кровь свою за него. Отецъ мой любилъ меня и, предъ смертью благословляя меня, приказывалъ быть вѣрнымъ Шувалову, что я долженъ исполнить и исполняю".

Коммисія прекратила засѣданіе, приказавъ Ашу, по крайней мѣрѣ, ни съ кѣмъ не говорить объ этомъ „безумномъ врать" Ашъ увѣрялъ, что ему тѣмъ легче исполнить это приказаніе, что онъ уже достаточно облегчилъ свою душу отъ тяжелаго секрета.

3-го ноября того же 1777 года отставной бригадиръ Ашъ, „какъ впавшій по безумству въ преступленіе", былъ отправленъ, по высо-

чайшему повелѣнію, въ Динамюндскую крѣпость, съ строгимъ приказаніемъ „не допускать къ нему никого и никакимъ его рѣчамъ не вѣрить“.

Ашъ прожилъ въ Динамюндской крѣпости, подъ строгимъ надзоромъ и безвыѣздно 19 лѣтъ. Ему не позволяли даже написать что-нибудь. Разсудокъ несчастнаго окончательно помутился, и это было особенно замѣтно въ промежутокъ времени съ 1782 по 1785 годъ. При всякомъ удобномъ случаѣ онъ подбѣгалъ къ окну, отворялъ его и выкрикивалъ зычнымъ голосомъ: „Виватъ, великій государь и настоящій императоръ Іоаннъ Іоанновичъ!“

Въ апрѣлѣ 1785 года Ашъ опасно заболѣлъ и уже совсѣмъ приготовился къ смерти, но къ несчастію, болѣзнь приняла счастливый оборотъ, и жалкое существованіе его продлилось на много лѣтъ. Тяжкая болѣзнь сильно потрясла организмъ Аша и, можетъ быть, отчасти возвратила ему разсудокъ. Эту догадку мы основываемъ на томъ отзывѣ, который далъ объ Ашѣ, въ 1796 году, Рижскій губернаторъ баронъ Мейендорфъ.

Павелъ I, тотчасъ же по вступленіи на престолъ, приказалъ генералъ-прокурору князю Алексѣю Борисовичу Куракину потребовать отъ Рижскаго губернатора свѣдѣніе „о состояніи и поведеніи, содержащагося въ Динамюндской крѣпости отставнаго бригадира барона Аша“. Баронъ Мейендорфъ отвѣчалъ, что „Ашъ находится въ хорошемъ состояніи и ведетъ себя скромно, благопристойно и спокойно“. Князь Куракинъ, донеся объ этомъ отзывѣ его величеству, прибавилъ отъ себя: „Для лучшаго удостовѣренія объяснился я объ Ашѣ съ генералъ-фельдмаршаломъ княземъ Репнинымъ и получилъ отъ него извѣстіе, что по бытности его въ Динамюндѣ, около трехъ лѣтъ тому назадъ, видѣлъ онъ его самъ и хотя нашелъ здоровымъ и спокойнымъ, но въ умѣ не исправившимся“.

На этомъ рапортѣ сдѣлана надпись собственною рукою князя Куракина: „Его императорское величество повелѣть соизволилъ означеннаго барона Аша сюда привесть для пущаго освидѣтельствованія, почему и изготовить о семъ отношеніе къ начальствующему въ губерніи. Декабря 19-го 1796 года“.

30-го декабря того же года Ашъ былъ привезенъ въ Петербургъ. Его помѣстили въ напятомъ для него особенномъ домѣ, окружили всевозможными удобствами и даже разрѣшили выѣздъ, но подъ неусыпнымъ надзоромъ тайной экспедиціи. Князь Куракинъ посѣщалъ его и уговаривалъ принести присягу императору. Ашъ нѣ-

которое время уклонялся отъ этого, объясняя, что онъ не можетъ присягать Павлу Петровичу, когда знаетъ о существованіи настоящаго императора „Іоанна IV-го“ [1]). Упорство Аша было наконецъ сокрушено увѣщаніями генералъ-прокурора. 26-го февраля 1797 года Ашъ присягнулъ, великому государю Павлу Петровичу, какъ настоящему „императору“, и вслѣдъ за тѣмъ, по высочайшему повелѣнію, ему была возвращена шпага.

Съ отъѣздомъ тайной экспедиціи, вслѣдъ за императоромъ, въ Москву, баронъ Ашъ былъ отданъ подъ присмотръ особенному надзирателю, подполковнику сенатскаго баталіона Муханову, которому было предписано еженедѣльно увѣдомлять въ Москву о благополучномъ состояніи Аша; обо всѣхъ же чрезвычайныхъ случаяхъ немедленно доносить съ нарочною эстафетою и по мѣрѣ надобности обращать за пособіемъ къ главноуправляющему столицей. Муханову пришлось только одинъ разъ донести, что все обстоитъ благополучно. Не далѣе, какъ 25-го марта, въ 10 часовъ вечера, случилось слѣдующее происшествіе: Мимо квартиры барона Аша проходилъ артиллерійскій взводъ, состоящій изъ 30 человѣкъ солдатъ и нѣсколькихъ офицеровъ. Ашъ отворилъ форточку и громко закричалъ взводу: „Его императорское величество — не законный государь; престолъ принадлежитъ совсѣмъ не ему!“ Дневальный курьеръ поспѣшилъ запереть форточку и сейчасъ же отрапортовалъ о случившемся подполковнику Муханову. Послѣдній засталъ Аша „въ неспокойномъ духѣ“.

„Я присягнулъ вашему императору“, кричалъ Ашъ,— „въ надеждѣ быть за это освобожденнымъ, и тогда я успѣлъ бы многимъ разсказать о неправильномъ владѣніи престоломъ. Но меня опять держатъ подъ надзоромъ, а времени остается такъ мало до коронаціи! Удивительное, право, дѣло: многіе знаютъ эту исторію, однако до сихъ поръ никакой перемѣны не слышно!“.

Мухановъ замѣтилъ Ашу „о неправильномъ сужденіи его объ императорѣ, который уже оказалъ ему столько милостей...“

„Не нужно мнѣ милостей отъ незаконнаго государя“, отвѣчалъ Ашъ; „возьмите назадъ мою шпагу“. На другой же день, Мухановъ донесъ обо всемъ въ Москву нарочною эстафетой, прямо на высочайшее имя. Донесеніе его оканчивалось такъ: „Хотя не примѣчательно, чтобъ слышалъ кто-нибудь слова г. Аша, потому что разводъ шелъ съ барабаннымъ боемъ, и проѣзжали кареты, однако-

---

[1]) И. И. Шуваловъ умеръ въ 1798 году.

же я донесъ военному губернатору графу Буксгевдену, который хотѣлъ призвать офицеровъ и спросить, не слыхали ли чего, и по тому дать имъ свое приказаніе. Опому барону Ашу выѣздъ отказанъ, и онъ на другой день остался въ скучномъ положеніи, говоря, что онъ сдѣлалъ должное".

2-го апрѣля 1797 года генералъ-прокуроръ князь Куракинъ далъ знать Петербургскому военному губернатору о слѣдующемъ высочайшемъ повелѣніи: „Баронъ Ашъ, по учиненной его дерзости нарушенію присяги и измѣнническому предпріятію, въ силу государственныхъ узаконеній, заслуживаетъ смертную казнь; но по сродному его императорскому величеству къ роду человѣческому милосердію, отъ оной избавляется; а дабы преградить на будущее время дальнѣйшее покушеніе къ дерзновенію его, и чтобъ возчувствовалъ онъ тяжесть своего преступленія, то отослать его къ непоколѣнному содержанію въ Суздальскій Спасо-Евѳиміевъ монастырь, съ произвожденіемъ въ день по пятидесяти копѣекъ, предписавъ настоятелю онаго о состояніи его ежемѣсячно генералъ-прокурора увѣдомлять; почему къ подполковнику Муханову послать ордеръ, дабы онъ его, Аша, вновь арестовавъ, прислалъ сюда къ генералъ-прокурору за крѣпкимъ карауломъ".

Учрежденная въ царствованіе Александра I-го особая коммисія для пересмотра прежнихъ уголовныхъ дѣлъ составила списокъ всѣмъ уголовнымъ преступникамъ прежняго царствованія. Въ спискѣ этомъ, высочайше утвержденномъ 15-го декабря 1802 года, противъ фамиліи барона Аша сдѣлана слѣдующая отмѣтка: „Коммисія полагаетъ и впредь его, какъ не исправившагося въ умѣ, оставить въ Спасо-Евѳиміевѣ монастырѣ, съ порученіемъ губернскому начальству, дабы о немъ по временамъ доносило сенату".

Дальнѣйшая судьба барона Ѳедора Фридриховича Аша остается неизвѣстною.

А. БАРСУКОВЪ.

Петербургъ.
16-го октября 1871 г.

РОССІЯ И ПОЛЬША ВЪ XVIII ВѢКѢ

по реляціямъ Венеціянца Д. Дольфина и Генуэзца С. Риваролы.

Два италіянскіе дипломата Венеціянецъ Даніилъ Дольфинъ IV
въ началѣ, и Генуэзецъ Степанъ Риварола, въ концѣ XVIII вѣка,
говорятъ въ своихъ релиціяхъ между прочимъ объ отношеніяхъ
Россіи къ Польшѣ. Оба дипломата отличались безпристрастіемъ и
проницательностію; первоначально предубѣжденные противъ Россіи,
они, послѣ добросовѣстнаго изученія ея, стали на ея сторонѣ. Ве-
неціянецъ Дольфинъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ государствен
ныхъ людей временъ упадка республики св. Марка, равно уважа-
емый и ласкаемый на родинѣ, въ Вѣнѣ и Варшавѣ, расположен
ный къ Польшѣ, никогда не видавшій Россіи, однимъ чутьемъ по-
стигъ великую будущность первой и предсказалъ близкое паденіе
второй. Послѣднимъ проявленіемъ польской доблести, по его сло-
вамъ, было спасеніе Вѣны отъ Турокъ Собѣскимъ; со смертью его
начинается эпоха паденія Польши. Начертанная имъ картина ея
далеко неутѣшительна. Съ мнѣніемъ Дольфина вполнѣ согласенъ
и его преемникъ Марино Марини. Генуэзецъ Степанъ Риварола,
бывшій въ Россіи въ концѣ XVIII вѣка, пораженъ ея могуществомъ
блескомъ ея двора и законно занятымъ мѣстомъ среди первен-
ствующихъ европейскихъ державъ. Онъ защищаетъ Россію отъ
обвиненій въ ненасытномъ честолюбіи, а объ ея отношеніяхъ къ
Польшѣ говоритъ такъ: „Новый раздѣлъ не можетъ соотвѣтствовать
интересамъ С.-Петербургскаго двора, ибо абсолютное обладаніе
одною частью не можетъ сравняться въ выгодахъ съ добровольно
признаваемою властью надъ цѣлымъ (gratuito dominio)".

I.

Даніилъ Дольфинъ IV былъ безспорно однимъ изъ лучшихъ представителей Венеціянской аристократіи въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣка: морякъ, воинъ, администраторъ, дипломатъ, онъ—на водахъ Адріатики и Архипелага, на берегахъ Морен и Далмаціи, въ Вѣнѣ и Варшавѣ, служилъ родинѣ отъ юныхъ лѣтъ до старости ревностно и честно, не щадя живота своего, жертвуя имуществомъ и семейнымъ счастіемъ и покоемъ, пренебрегая труды и опасности, и его заслуги, обширныя познанія и рѣдкія дарованія были оцѣнены современниками и достойны памяти въ потомствѣ.

Рано началъ онъ государственную службу. „Мнѣ пріятно вспомнить," говоритъ онъ въ реляціи представленной въ сенатъ по возвращеніи изъ Далмаціи въ 1699 году, [1]) „что началъ я государственную службу въ ранней молодости и продолжалъ ее непрерывно 25 лѣтъ, [2]) — лучшіе годы моей жизни. Военная моя карьера началась службою на галерахъ. Командуя одною галерой (въ качествѣ sopracomito), я имѣлъ счастье взять въ плѣнъ два судна изъ Майорки грабившіе торговые корабли въ Адріатикѣ: такимъ образомъ съ пиратовъ я началъ службу противъ враговъ республики.

„Въ мирное время въ качествѣ губернатора и капитана галеръ, я старался съ возможною осторожностью и ловкостью избѣгать оскорбительнаго для республики осмотра кораблей, который былъ намѣренъ возобновить французскій командиръ, Дюшенъ; въ то же время, счастливо конвоируя торговые корабли, я содѣйствовалъ безопасности нашей торговли. Злой судьбѣ приписываю что, послѣ долгихъ и постоянныхъ преслѣдованій, мнѣ не удалось захватить галеру *Маццарнаму* на водахъ Хіоса.

„Въ качествѣ чрезвычайнаго провизора я принималъ участіе почти во всѣхъ сраженіяхъ въ Морећ, до окончательнаго ея покоренія,—славнаго трофея сильной десницы свѣтлѣйшаго Морозини, приснопамятнаго идеала храбрости, искусства и благоразумія во-

---

[1]) Relazione presentata nell' Eccellissimo Senato da S. E. Daniele Dollin IV Cavaliere ecc. il suo ritorno dalla carica di Provveditore generale in Dalmazia ed Albania. Рук. библіотеки св. Марка въ Венеціи, Stat. classe VII, cod. № [illegible] CCII.

[2]) Слѣдовательно, началъ службу въ 1674 году.

еннаго [1]). Не мнѣ описывать опасности, которымъ я подвергался въ пылу сраженій, среди заразы: за строгое исполненіе я удостоился самыхъ лестныхъ, превышающихъ мои заслуги, похвалъ отъ свѣтлѣйшаго и отъ генерала Кенигсмарка, подъ начальствомъ котораго я усовершенствовался въ военной наукѣ".

„По преждевременной смерти Лаврентія Веньера, этого достойнѣйшаго гражданина, я былъ назначенъ чрезвычайнымъ капитаномъ флота и генеральнымъ провизоромъ Далмаціи; [2]) въ обѣихъ этихъ должностяхъ я прослужилъ семь лѣтъ.... Подъ моею командой состояло всего 17 кораблей; но они находились въ плачевномъ состояніи и не были снабжены достаточнымъ числомъ матросовъ; жалованье имъ платилось неисправно; не соблюдалась дисциплина. Нужно было прежде всего озаботиться о наборѣ матросовъ, потомъ ввести постоянное обученіе стрѣльбѣ изъ орудій, возстановить дисциплину, безпристрастно награждая достойныхъ и строго наказывая виновныхъ, и приложить особое стараніе о своевременной выдачѣ жалованья матросамъ". И все это Даніилъ Дольфинъ исполнилъ, не только не вводя правительство въ новыя издержки, но даже въ теченіи двухъ лѣтъ сберегши 150.000 дукатовъ. Управляя Далмаціей, онъ старался увеличить ея доходы, развить промышленность, усилить торговлю съ пограничными турецкими областями и подорвать дубровницкую; отнятыя имъ у Дубровничанъ неретвинскія саловарни доставили Венеціи 100.000 дукатовъ ежегоднаго дохода.

Изъ Далмаціи Дольфинъ былъ переведенъ въ Вѣну, гдѣ нѣсколько лѣтъ состоялъ посланникомъ, сначала при Леопольдѣ I, а потомъ при сынѣ его Іосифѣ I, въ тяжкое для Австріи время войны за испанское наслѣдство и возстанія Венгріи подъ начальствомъ Ракоци. Въ отчетѣ о посольствѣ своемъ въ Вѣну, отъ 9-го декабря 1708 года, [3]) Дольфинъ говоря объ отношеніяхъ Австріи

---

[1]) Францискъ Морозини, прозванный за покореніе Мореи въ 1687 году «Пелопоннезскимъ» былъ избранъ 3-го апрѣля 1688 г. дожемъ (поэтому Дольфинъ и титулуетъ его «свѣтлѣйшимъ», «serenissimo»); умеръ 9-го января 1694 года. Графъ Оттонъ Вильгельмъ Кенигсмаркъ, родомъ Шведъ, поступилъ на венеціянскую службу предъ Морейскою кампаніей, во время которой командовалъ десантомъ. *S. Romanin*, Storia documentata di Venezia. T. VII, pp. 487—491, 509.

[2]) Это было въ 1692 году, какъ видно изъ «Serie degli ecc-mi provv.ri generali». Рук. собранія Чиконьи № 1.333, въ музеѣ Коррера въ Венеціи.

[3]) *Dolfin Daniele*, Relazione della sua ambasciata a Giuseppe imperatore 1708. Рук. библіотеки Св. Марка въ Венеціи. Stal. classe. VII, col. DCCCL.

къ сосѣднимъ державамъ, слѣдующими чертами обрисовалъ двухъ государей-соперниковъ, Карла XII и Петра I.

„Двадцатишестилѣтній Карлъ XII весь преданъ войнѣ, умѣренъ въ пищѣ, презираетъ роскошь, бодръ, неутомимъ, смѣлъ, не заботится о престолонаслѣдіи, питаетъ обширные замыслы, мечтая о подвигахъ Александра Великаго, постоянно читая Квинта Курція. Низложивъ короля Августа, онъ желалъ бы принудить къ отреченію отъ престола и царя. Но нѣтъ надежды на успѣхъ: сопротивленіе будетъ сильно и рѣшительно. По мнѣнію лучшихъ шведскихъ министровъ, Швеція должна стараться ослабить Россію, не вступая съ нею въ открытую войну; но этотъ молодой монархъ презираетъ старыя правила и самые мудрые совѣты: на дѣлѣ увидимъ, каковъ будетъ конецъ. Всѣмъ извѣстно что въ Россіи водворяется военная дисциплина, что ея пѣхота, одѣтая, вооруженная и обученная на нѣмецкій ладъ иностранными офицерами, въ состояніи соперничать съ любою. Иначе отзываются о русской кавалеріи, остающейся на прежней ногѣ, дурно вооруженной, дурно обученной и еще хуже командуемой. Шведскій король, сознавая превосходство своей кавалеріи, старается вызвать на бой русскую; но царь искусно избѣгаетъ подобнаго дѣла, противопоставляя ему на выгодныхъ позиціяхъ пѣхоту и употребляя кавалерію только для партизанской войны. Какъ развяжется этотъ столь запутанный узелъ, невозможно постичь уму человѣческому, быть можетъ невѣдомымъ образомъ, ибо странность этихъ двухъ государей въ состояніи изобрѣсти извороты, никѣмъ непредвидимые“.

Вѣнскій дворъ, по словамъ Дольфина, искалъ дружбы Петра Великаго, но боялся его могущества и опасался его вліянія на православныхъ австрійскихъ подданныхъ. Дольфинъ увѣряетъ, будто бы Петръ хотѣлъ заставить своего сына принять католицизмъ чтобы жениться на австрійской эрцгерцогинѣ.

Своимъ безпристрастіемъ, обширными познаніями и рѣдкими талантами Дольфинъ снискалъ расположеніе къ себѣ Вѣнскаго двора, и на послѣдней прощальной аудіенціи императоръ, при весьма лестныхъ выраженіяхъ вручилъ ему свой портретъ, осыпанный брилліантами.

Въ 1716 году Дольфинъ былъ назначенъ посломъ въ Польшу. Цѣлію этого посольства было склонить короля къ союзу съ Венеціей противъ Турціи, нарушившей Карловацкій трактатъ, но смутное состояніе Польши было причиной неудачи этого посольства. „Извѣстіе о нарушеніи Турками Карловацкаго мира, сообщенное

намъ какъ письмомъ вашей свѣтлости отъ 16-го февраля 1714 года, такъ и подробнѣе кавалеромъ Даніпломъ Дольфиномъ, чрезвычайнымъ посломъ вашимъ", писалъ король Августъ II дожу Ивану Корнелію отъ 18-го августа 1716 г.,—„причинило намъ великую печаль и пробудило въ сердцахъ нашихъ чувства соотвѣтствующія нашей старой дружбѣ и обязательствамъ священнаго союза. Но исполненію желаній вашей свѣтлости, и вмѣстѣ съ тѣмъ нашихъ, препятствуетъ смутное состояніе нашего королевства (verum quominus Serenitatis Vestrae et nostra desideria pro communi voto compleantur, perturbatus status Regni hujus impedimento est). О семъ лучше всего можетъ засвидѣтельствовать вашей свѣтлости возвращающійся на родину посолъ исполнившій съ необыкновеннымъ искусствомъ (singulari prudentia) возложенное на него порученіе, и своими превосходными качествами (propter exiimias ipsius dotes) заслужившій наше благоволеніе" [1]). Великій маршалъ королевства, Іосифъ Мнишекъ, которому былъ рекомендованъ дожемъ Дольфинъ, не преминулъ съ своей стороны восхвалить „достойнѣйшія качества венеціянскаго посла, который съ мудростію и несказаннымъ успѣхомъ (applauso indicibili) исполнилъ возложенное на него порученіе при этомъ дворѣ; но, прибавляетъ онъ, „нынѣшнее состояніе этого королевства не благопріятствуетъ намѣреніямъ вашей свѣтлости" [2]).

Предъ отъѣздомъ Дольфина, генералъ Вахерпольтъ (Vacherpolt) по порученію короля, прибылъ въ Венеціянское посольство для изъявленія чувствъ сожалѣнія его величества по случаю его возвращенія на родину, а въ самый день отъѣзда одинъ изъ королевскихъ флигель-адъютантовъ вручилъ ему портретъ Августа II Но такое вниманіе короля и двора не ослѣпило Дольфина, и въ отчетѣ, отъ 10-го августа 1717 г., онъ съ обычною проницательностію и добросовѣстностію начерталъ вѣрную картину Польши.

„Оттоманская держава", говоритъ онъ, „привыкшая въ теченіи многихъ вѣковъ къ завоеваніямъ и побѣдамъ въ ущербъ опечаленнаго христіанства, съ трудомъ переносила раны нанесенныя ей побѣдоноснымъ оружіемъ священнаго союза и потерю земель уступленныхъ по миру заключенному въ Карловцахъ. Выжидая случая къ удовлетворенію и мести, Турція съ удовольствіемъ обратила

---

[1]) Подлинникъ въ Венеціянскомъ архивѣ: Lettere, Polonia dal 1645 al 1790 Collegio Sezione III (Secreta), № 17. Письмо короля помѣчено 18-го августа 1716 года.

[2]) Тамъ же, отъ 25-го августа 1716.

оружіе противъ Русскаго царя, раздѣлавшаго опасности и лавры, но не включеннаго въ трактатъ наступательнаго союза.

„Поводъ подалъ Шведскій король, удалившійся послѣ несчастной Полтавской битвы въ Бендеры подъ покровительство султана. Испытанное въ бою многочисленное царское войско обѣщало побѣду надъ Турками; но, къ несчастію, Петръ впалъ въ ту самую ошибку, которая не задолго предъ тѣмъ погубила Шведа.

„Удалившись отъ собственныхъ границъ, онъ проникъ въ Молдавію, не имѣя достаточнаго количества съѣстныхъ припасовъ и не увѣренный въ томъ, можетъ ли эта страна прокормить его войско. Татары плѣнили большой обозъ, и царь съ цвѣтомъ войска находился въ такомъ затрудненіи что великій визирь легко могъ бы уничтожить его, еслибъ умѣлъ и хотѣлъ. Его (Петра) спасли неукротимость и ярость короля-врага, который гнѣвомъ и презрѣніемъ къ главнокомандующему способствовалъ тому, что онъ склонился на предложенія и щедрые дары Русскихъ; но царь, по мирному договору, долженъ былъ возвратить Азовъ, сильную крѣпость на морѣ того же имени, дающую господство надъ Чернымъ моремъ и самимъ даже Константинополемъ.

„Одушевленные успѣхомъ и постоянно возбуждаемые Шведскимъ королемъ, Турки задумали было вторгнуться въ Польшу и возвратить Каменецъ; но ошибка визиря или, лучше сказать, лучь божественнаго Провидѣнія спасъ это королевство отъ неминуемой гибели. Не дождавшись положительнаго приказа отъ султана, гордый визирь распустилъ пышный хвостъ въ то самое время, когда Флейшманъ, по приказанію императора, громко говорилъ въ защиту республики. Все это тайными путями было доведено до свѣдѣнія султана Мазовецкимъ, польскимъ посланникомъ, человѣкомъ весьма дѣятельнымъ. Вслѣдствіе ли раздраженія за превышеніе власти, или изъ страха священнаго союза, или же по внушеніямъ корыстныхъ царедворцевъ, султанъ отсѣкъ голову визирю, помирился съ Польшей и задумалъ войну съ вашею свѣтлостію (дожемъ).

„Долго таилъ онъ свое намѣреніе, ибо флотъ не могъ такъ скоро выйдти въ море, и придумывалъ разные предлоги для прикрытія варварской измѣны. Наконецъ взорвалась мина, — баилъ Мемо былъ брошенъ въ тюрьму, тяжесть которой перенесъ со свойственнымъ ему самопожертвованіемъ. Вѣрное договорамъ, великодушное мое отечество приготовлялось къ оборонѣ и отправило чрезвычайныхъ пословъ къ союзнымъ государямъ, приглашая ихъ исполнить священныя обязательства.

„Моя слабая и ничтожная особа была почтена неожиданным приказаніемъ — спѣшить къ польскому двору. Повинуясь волѣ сената, чрезъ недѣлю я уже былъ въ дорогѣ и чрезъ столько же времени, несмотря на перемѣнчивую погоду, пріѣхалъ въ Вѣну, гдѣ прежнее шестилѣтнее пребываніе доставило мнѣ легкій доступъ къ частной аудіенціи у императора и къ довѣрительнымъ сношеніямъ съ министрами.

„Вскорѣ я оставилъ Вѣну, успѣвъ убѣдить императора и министровъ принять сторону вашихъ превосходительствъ и энергически протестовать противъ дѣйствій Порты, въ случаѣ же ея гордаго отказа, обратить противъ нея оружіе и немедленно отправить въ Польшу чрезвычайнаго посла".

Такое поспѣшное рѣшеніе Вѣнскаго кабинета Дольфинъ объясняетъ надеждами на всеобщее спокойствіе въ Европѣ. Надеждамъ было суждено вскорѣ разсѣяться. Неугомонный Карлъ XII, лишь только вернулся на родину, принялся тревожить сосѣдей, и противъ него составился союзъ изъ короля Августа, Пруссіи, Даніи, Царя, Англіи и Ганновера. Этотъ союзъ сильно обезпокоилъ Австрію, страдавшую внутренними неурядицами, и она рѣшилась держаться въ сторонѣ и не вызывать противъ себя Турціи; поэтому она медлила отправить въ Польшу посла, графа Іеронима Колоредо.

Печальную картину представляла Польша въ то время, когда прибылъ туда Дольфинъ. „Не доставало", по его словамъ, „рабочихъ рукъ; селенія опустѣли, зданія грозили паденіемъ, поля запущены, народъ въ отчаяніи и страшной нуждѣ: это были слѣдствія заразы, неурожаевъ и опустошеній, произведенныхъ послѣдовательно Шведами, Русскими и особенно Саксонцами, которые, подъ видомъ дружбы и защиты, окончательно разорили страну". Торговля была въ упадкѣ, наука въ пренебреженіи, военное искусство заброшено. Войску не платили жалованья. Дворянство, забывшее свои обязанности, было терзаемо распрями. „Всякій думалъ о себѣ", прибавляетъ Дольфинъ, „никто о государствѣ. Послѣднимъ проявленіемъ польской доблести было освобожденіе Вѣны,—дѣло болѣе Провидѣнія, чѣмъ рукъ человѣческихъ... Иванъ Собѣсскій, можно сказать, унесъ съ собою въ могилу счастіе Польши". Фридрихъ-Августъ на саксонское золото купилъ польскій престолъ (1696 г.). „Ему было тогда 25 лѣтъ (нынѣ ему 46). Его осанка благородна, лицо смугло, волосы носитъ природные (naturali), ростъ средній, походка смѣлая, тѣлосложеніе крѣпкое. Онъ характера привѣтливаго, человѣколюбиваго, щедраго; любитъ удоволь-

ствія болѣе, чѣмъ занятія; ищетъ развлеченій". Избѣгаетъ войны, не имѣя средствъ вести ее съ честію. Со времени посѣщенія Венеціи, онъ сохранилъ о ней пріятное воспоминаніе. „Онъ можетъ быть полезенъ вашей свѣтлости", прибавляетъ въ заключеніе характеристики Дольфинъ, „какъ электоръ на Регенсбургскомъ сеймѣ; но какъ король Польши, онъ не въ состояніи почти ничего сдѣлать".

О королевѣ Дольфинъ говоритъ, что она лютеранка, живетъ въ Саксоніи, носитъ только титулъ королевы; но чтобы стать настоящею, должна принять католицизмъ. Это женщина добродѣтельная, благоразумная и умѣренная.

Упомянувъ, что мягкій и благородный характеръ единственнаго наслѣдника престола хорошо извѣстенъ въ Венеціи, такъ какъ онъ долгое время жилъ въ этомъ городѣ, Дольфинъ высказываетъ надежду, что онъ обратится въ католицизмъ, вслѣдствіе неустанныхъ стараній іезуита Салерно, сватающаго за него, при содѣйствіи папы, австрійскую эрц-герцогиню.

Опускаемъ разсказъ Дольфина о личномъ составѣ польскаго министерства, объ изгнаніи Августа изъ Польши Карломъ XII, объ избраніи Станислава Лещинскаго и о возстановленіи на польскомъ престолѣ саксонскаго курфирста по волѣ Петра Великаго, и переходимъ къ той части его реляціи, гдѣ онъ говоритъ о сосѣдяхъ Польши. Вотъ какъ онъ характеризуетъ Русскаго царя:

„Болѣе всѣхъ почитается Русскій царь: соединяя съ быстротой и проницательностью ума большую осторожность и располагая значительными силами, онъ съумѣлъ измѣнить судьбы этихъ двухъ сосѣднихъ державъ и подчинить своей волѣ и неограниченной власти Польшу, предписывавшую прежде законы Россіи.

„Смоленскъ, Черниговъ и Кіевъ удержаны подъ залогомъ; Лифляндія, вопреки послѣднимъ договорамъ, присоединена къ Россіи; Польша истощена и отягощена постоянными постоями русскихъ войскъ, оправдываемыми единственно удобствами помѣщеній и правомъ сильнаго; русское посредничество переходитъ въ своеволіе и служитъ только къ ссорѣ короля съ республикой. Все это съ трудомъ переносится, и въ сердцѣ не только короля, но и большей части польскихъ сенаторовъ таится месть, но нѣтъ вѣрныхъ средствъ къ ея осуществленію.

„Польша находится въ бѣдственномъ и болѣзненномъ состояніи, а царь—въ апогеѣ славы и силы: онъ располагаетъ болѣе 100.000 регулярнаго войска, превосходно обученнаго на нѣмецкій ладъ, кромѣ безсчисленнаго множества милиціи, которую можетъ поста-

вить ему страна; его флотъ состоитъ изъ 26 кораблей и 180 полугалеръ, вооруженныхъ по-венеціянски. „Онъ старался всѣми силами отдѣлаться отъ Швеціи, дипломатическимъ ли путемъ или оружіемъ, ибо ея докучливыя диверсіи отвлекали его отъ другихъ плановъ. Хотя его правило — не ставить себя межъ двухъ огней и окончить одну войну прежде, чѣмъ начать другую, тѣмъ не менѣе еслибы настоялъ на томъ императоръ, можно бы было надѣяться на его сильную диверсію въ пользу Венеціи, съ сорока-тысячнымъ корпусомъ. Но онъ остерегается отъ нападенія на Молдавію и Валахію, области ласкаемыя (amoreggiati) Австрійцами. Неоднократно посолъ Долгорукій увѣрялъ меня, что царь намѣренъ возвратить Азовъ и укротить крымскихъ Татаръ, дабы приблизиться къ Черному морю и съ помощью короля задать страху султану. Онъ осуществилъ бы этотъ обширный планъ, еслибъ у него не были связаны руки, и еслибы не препятствовалъ императоръ. Путешествіе во Францію, во время котораго царь ознакомился съ настроеніемъ тамошняго двора, расположеннаго къ Туркамъ изъ торговыхъ видовъ, измѣнили его образъ мыслей и разстроили его планы. Пожаръ, долженствовавшій вспыхнуть на варварской границѣ (въ Турціи), охватилъ Германію и Польшу.

„По прибытіи въ Варшаву я узналъ, что царь огорченъ враждебными показаніями (относительно Венеціи) посла Шафирова, возвратившагося изъ Турціи; но, слѣдуя инструкціямъ вашихъ превосходительствъ, я имѣлъ удовольствіе видѣть, что его подозрѣнія разсѣялись. Это государь, обладающій огромными способностями, закаленный въ неустанныхъ, безпримѣрныхъ занятіяхъ. Его развлеченіе работа, и когда нѣтъ умственной, онъ принимается за механическую въ арсеналахъ. Ему 46 лѣтъ. Онъ прошелъ чрезъ всѣ степени военныя и мастерскія (dell'arti). Занимая много должностей—генерала, адмирала и перваго министра (caro ministro), онъ требуетъ своевременной уплаты жалованья, которое тратитъ на содержаніе двора. Прежде онъ издерживалъ много на наемъ иностранцевъ: теперь онъ ограничилъ ихъ число, бо́льшую часть отпустивъ и замѣнивъ Русскими. Онъ старается, какъ очевидно, содержать войско на чужой счетъ,—говорятъ, по недостатку средствъ. Милиція хорошо снабжена всѣмъ необходимымъ и подчинена строгой дисциплинѣ. Балтійскій флотъ постоянно увеличивается постройкой новыхъ кораблей. Петербургъ—въ болотистой Ингріи—обстраивается, и Москва ропщетъ на успѣхи новой столицы.

„Петръ справедливъ и охотно уступаетъ правдѣ. Отъ перваго

брака онъ имѣетъ только одного сына, 27 лѣтъ; по характеру онъ совершенно противоположенъ отцу: бездарный, нелюдимый, онъ любитъ досугъ и кое-какое чтеніе (qualche lettura). Говорятъ, за нимъ строго присматриваютъ въ Москвѣ, его резиденціи. Отъ новой царицы, низкаго происхожденія изъ Ливоніи, вдовы голландскаго офицера, онъ имѣетъ втораго сына. Мягкаго характера, она пользуется всеобщимъ уваженіемъ и любовью. Она столь предана царю, что, кажется, имъ только и живетъ.

„Еслибъ ему удалось отдѣлаться отъ Швеціи, то онъ объявилъ бы войну Турціи—изъ раздраженія за претерпѣнныя въ Молдавіи неудачи и изъ желанія возвратить Азовъ, пріобрѣсти славу и унизить ненавистную соперницу. Это единственное средство возбудить въ разслабленной Польшѣ силы и понудить ее къ исполненію обязательствъ союза; ибо движеніе къ ея границамъ двухъ сильныхъ армій, цесарской и русской, возбудило бы опасенія быть застигнутою врасплохъ и полоненною царемъ, а надежда на добычу пробудила бы корысть. Безъ этихъ побужденій будутъ тщетны усилія папы, императора и всякой другой державы“...

На этомъ прекращаемъ выписки изъ реляціи Дольфина, опуская описаніе Польши, ея правительства, финансовъ и войска. По отъѣздѣ изъ Польши Дольфина, остался на его мѣстѣ секретарь его, Марино Маріни. Въ депешѣ отъ 8-го ноября 1718 года (рук. библ. св. Марка въ Венеціи, Stat. classe VII, cod. CCCXCII), онъ изображаетъ Польшу точно такою, какою представилъ ее Дольфинъ. Сущность его депеши заключается въ слѣдующемъ положеніи: „Король обладаетъ отличными качествами, чтобы быть хорошимъ государемъ, но королевство такъ гнило, что изъ него ничего не сдѣлаешь“.

II.

Въ январѣ 1782 года чрезвычайный посланникъ нашъ въ Вѣнѣ, князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ, сообщилъ Генуэзской республикѣ чрезъ посредство ея министра, резидента при томъ же дворѣ, Іеронима Дураццо, что императрицѣ угодно было назначить въ Геную повѣреннымъ въ дѣлахъ бригадира Александра Семеновича Мордвинова и такимъ образомъ вступить въ близкія и непосредственныя сношенія съ этою морскою державой. Сообщая объ этомъ, Голицынъ выражалъ надежду, что генуэзское правительство, почтенное такимъ вниманіемъ императрицы, не замедлитъ

назначить въ С.-Петербургъ одного изъ патриціевъ министромъ-резидентомъ.

Вѣсть о назначеніи въ Геную Мордвинова произвела смятеніе въ тамошнемъ сенатѣ, возбудивъ недоумѣнія и сомнѣнія насчетъ видовъ Россіи. Огромное большинство сенаторовъ старалось доказать, что сближеніе съ Россіею не только не представляетъ существенныхъ выгодъ для республики, но даже опасно для нея во многихъ отношеніяхъ. „Россія", говорилъ Амвросій Доріа въ маломъ совѣтѣ, „слишкомъ удалена отъ порта нашей столицы. Не странно ли, что Русскіе, съ тѣхъ поръ какъ плаваютъ въ Средиземномъ морѣ, постоянно отправлявшіеся на стоянку въ Ливорно, нынѣ перемѣнили соображенія? Спросить бы у Ливорнцевъ, довольны ли они Русскими, а если недовольны, то Русскіе нехорошіе гости (un cativo ospite). И въ какомъ стѣснительномъ положеніи была бы республика, еслибъ они стали держать въ нашемъ портѣ по семи кораблей: какъ бы могла она сохранить невмѣшательство? Чѣмъ обезпечить государственное спокойствіе? Далѣе Доріа доказывалъ, что невозможно предоставить Русскимъ никакихъ привилегій въ Генуэзскомъ порто-франко: иначе примѣру ихъ послѣдуютъ и другіе народы. „Республика", говорилъ онъ въ заключеніе, находится въ тѣснѣйшихъ связяхъ съ Франціею, которую не должна покидать въ обстоятельствахъ рѣшительныхъ; Русскіе—враги французской торговли: если гостепріимство оказанное одному только ихъ кораблю дало поводъ къ замѣчаніямъ герцога Шуазеля, то какихъ неудовольствій должно ожидать (со стороны Франціи), если мы вздумаемъ заключать договоры (съ Россіей)"?! Въ другой рѣчи (21-го іюня 1782 г.) Доріа восклицаетъ: „Какое впечатлѣніе должно произвести на Францію и какія подозрѣнія возбудить въ ней пребываніе въ Средиземномъ морѣ, въ виду ея портовъ, флота непріязненной ея интересамъ націи! Если недовольная и подозрительная Франція будетъ протестовать, то какимъ образомъ республика удалитъ изъ своего порта Русскихъ, которые желаютъ одного—имѣть въ Средиземномъ морѣ портъ, на подобіе порта находящагося въ рукахъ Англичанъ?" „Россія", говорилъ другой Доріа (28-го іюня), „желаетъ имѣть портъ въ Средиземномъ морѣ.. Если нашъ портъ, окруженный стѣнами, вооруженный артиллеріей ставится ни во что, и простая неаполитанская барка (feluca) приводитъ его въ тревогу (in scompiglio), то что станется, когда въ немъ будетъ находится сильная эскадра великой державы! Не говорю уже о жалобахъ Франціи, той самой Франціи, которая въ

прошломъ вѣкѣ бомбардировала Геную и вызвала дожа во Францію за то только, что мы уступили Испанцамъ соляной магазинъ, — той самой Франціи, которая еще недавно приказала намъ освободить столькихъ варварійскихъ рабовъ, стоившихъ столько крови подданнымъ республикѣ,—чего можемъ ожидать отъ нея нынѣ въ случаѣ ея неудовольствія! Намъ остается одно только—отказаться отъ договора съ Россіей". Затѣмъ ораторъ доказывалъ, что отъ пребыванія въ Генуэзскомъ портѣ русской эскадры нельзя ожидать большихъ барышей, потому что Русскіе очень скупы (avarissimi) и привозятъ съ собою запасы хлѣба и мяса: остается только поставка молочныхъ товаровъ и овощей.

Партія, противная Доріямъ, разсуждала иначе: „Каковы намѣренія Русской императрицы? Она желаетъ усилить торговлю, и для того стать твердою ногой въ Средиземномъ морѣ, не обращая вниманія на неудовольствіе Франціи и другихъ державъ, владѣющихъ на немъ портами. Мало того, она желаетъ не временнаго, а постояннаго пристанища для своихъ кораблей, обезпеченнаго договоромъ съ кѣмъ-либо изъ италіянскихъ государей. Она договаривается съ Тосканой, но по неудобству ли рейда, или по интригамъ другихъ державъ, хочетъ покинуть Ливорно, предпочитая Геную. Нѣтъ сомнѣнія, что она предложитъ торговый договоръ, основанный на обоюдныхъ выгодахъ; ибо весь городъ знаетъ, что г. Мордвиновъ вскорѣ по прибытіи сюда сталъ собирать свѣдѣнія о товарахъ, цѣнахъ и правилахъ порто-франко отъ лица близко знакомаго съ дѣломъ, имѣя постоянно въ виду нужды русской торговли.... Русская императрица, императорскій дворъ, въ виду великихъ предначертаній, хочетъ во что бы то ни стало, чтобы русская эскадра могла зимовать въ Спеціи или Генуѣ.... Пора покончить съ политическими разсужденіями. Основное начало нашей республики—невмѣшательство; за тѣмъ правительство должно сообразоваться съ видами великихъ державъ во всѣхъ тѣхъ, случаяхъ, когда нѣтъ опасности для чести и свободы отечества".

Преніямъ въ сенатѣ не было бы конца, еслибы напослѣдокъ настоянія Голицына и представленія Дураццо не убѣдили республику, какъ опасно раздражать Россію. Было рѣшено послать въ С.-Петербургъ, только на годъ, чрезвычайнымъ министромъ патриція Степана Риваролу съ жалованьемъ въ 40,000 лиръ, кромѣ единовременнаго пособія въ 50,000. Еслибы нашъ дворъ выразилъ недоумѣніе, почему генуэзское правительство не назначило постояннаго министра, то Риваролѣ приказано было отвѣчать: „Республика

держитъ постоянныхъ министровъ только при тѣхъ немногихъ дворахъ, съ которыми по необходимости должна имѣть непосредственныя сношенія".

„Главная и единственная цѣль вашего назначенія засвидѣтельствовать ея императорскому величеству наше почтеніе" (attenzione), гласятъ инструкціи Ривароды, а потому ему предписывалось не входить ни въ какіе переговоры насчетъ торговли, полною свободой которой пользуются всѣ націи въ Генуэзскомъ портѣ, и объяснить, что по законамъ республики не дозволяется входъ въ Генуэзскій портъ иностраннымъ эскадрамъ, состоящимъ болѣе чѣмъ изъ пяти кораблей, и воспрещается имѣть на берегу магазины или набирать матросовъ [1]).

25-го ноября (новаго стиля) 1783 г. Ривароля прибылъ въ С.-Петербургъ и на третій день былъ принятъ вице-канцлеромъ графомъ И. А. Остерманомъ, которому вручилъ вѣрительную грамоту. „Чрезвычайно честенъ и обходителенъ вице-канцлеръ графъ Остерманъ", пишетъ Ривароля въ своей реляціи. „Только мнѣ показалось, что дабы гарантировать себя противъ всякой нечаянности, онъ выслушиваетъ первыя рѣчи пословъ, содержаніе коихъ ему не извѣстно, нахмуривъ брови; но чело его разъясняется по мѣрѣ того, какъ онъ знакомится съ предметомъ рѣчи, и затѣмъ обыкновенно онъ становится чрезвычайно любезенъ и предупредителенъ".

На слѣдующій день, 29-го числа, Ривароля былъ принятъ императрицей и ихъ высочествами великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ и великою княгиней Маріей Ѳедоровной. Екатерина II очаровала его своею любезностью. „Соединяя съ величіемъ престола", пишетъ Генуэзскій патрицій, „самую утонченную любезность, ея величество изъявила мнѣ признательность за чувства, выраженныя мною отъ имени свѣтлѣйшаго правительства и поручила мнѣ увѣрить вашу свѣтлость, что она съ удовольствіемъ воспользуется всякимъ случаемъ, дабы доказать вамъ свою дружбу". Ихъ высочества приняли его „самымъ милостивымъ образомъ", выразивъ ему сожалѣніе, что имъ не удалось, во время путешествія по Европѣ, побывать въ Генуѣ.

---

[1]) Всѣ эти свѣдѣнія заимствованы нами изъ рукописей Генуэзскаго правительственнаго (governativo) архива, относящихся къ посольству Ривароды, въ картонѣ: Russia 1783—1786, Lettere Ministri (Scanzia № 112). Въ отдѣлѣ Lettere Principi находится вѣрительная грамота «капитану бригадирскаго ранга Александру Мордвинову» (1782 г.); Russia 1782—1796 (Scanzia № 142).

Послѣ этихъ представленій начались обычные дипломатическіе визиты товарищамъ по дипломаціи и министрамъ: о первыхъ, Риварола не говоритъ ни въ депешахъ, ни въ реляціи; вторыхъ характеризуетъ кратко.

„При С.-Петербургскомъ дворѣ", пишетъ Риварола, „все дышетъ величіемъ, великолѣпіемъ, славою, энтузіазмомъ. Жена, сильно благопріятствуемая счастіемъ въ первыхъ ея предпріятіяхъ, одаренная всѣми качествами способными остановить неподвижнымъ измѣнчивое колесо фортуны слишкомъ на 20 лѣтъ, изъ коихъ каждый можетъ составить эпоху въ лѣтописяхъ этой имперіи, военныхъ или гражданскихъ, она внушаетъ почтеніе даже самымъ предубѣжденнымъ и недовольнымъ и подчинятъ ихъ своей волѣ. По качествамъ души эта великая государыня заслуживаетъ названіе милосердой, справедливой, свободомыслящей и разумно славолюбивой, то есть, мыслящей оставить по себѣ безсмертную славу. Склонность къ милосердію я самъ имѣлъ случай въ ней замѣтить; въ ея свободомысліи никто не сомнѣвается; о справедливости ея свидѣтельствуютъ: неотмѣняемость судебныхъ рѣшеній, неподкупность министровъ, щедро награждаемыхъ государыней и потому не имѣющихъ нужды искать богатствъ иными путями, и болѣе всего—ея постоянныя ежедневныя занятія государственными дѣлами отъ 6 часовъ утра до полудня; она все видитъ, все испытываетъ и служитъ уздой и примѣромъ для министровъ, предотвращая гибельныя послѣдствія летаргическаго и всегда пагубнаго усыпленія.

„Не менѣе достоинъ удивленія стойкій характеръ его императорскаго высочества великаго князя. Удаленный отъ государственныхъ дѣлъ, ограниченный въ средствахъ, онъ искренно признателенъ своимъ воспитателямъ и неизмѣнно почтителенъ къ августѣйшей своей матери. Онъ свято чтитъ память своего перваго наставника, покойнаго графа Панина, постоянно покровительствуетъ его друзьямъ и не довѣряетъ его врагамъ. Кто можетъ дать лучшія доказательства любви къ домашнему миру и непобѣдимаго отвращенія къ государственнымъ переворотамъ, замедляющимъ успѣхи просвѣщенія? Его добродѣтель, свѣтлый умъ и трудолюбіе извѣстны въ его кружкѣ.

„Самое близкое лицо къ трону и вмѣстѣ съ тѣмъ доступное посланнику, есть такъ-называемый фаворитъ. Чудовищное вліяніе его на государственныя дѣла, замѣчаемое во всѣхъ государствахъ, гдѣ фавориты когда-либо существовали, не имѣетъ нынѣ мѣста при русскомъ дворѣ, гдѣ онъ держится только по силѣ привычки.

„Замѣчательное явленіе въ ряду фаворитовъ составляетъ нынѣшній президентъ военной коллегіи, князь Потемкинъ. Онъ сумѣлъ своими талантами произвести неизгладимое впечатлѣніе на умъ государыни, изучилъ ея склонности, предугадывалъ ея помышленія и навсегда расположилъ ее къ себѣ. Начавъ съ уничтоженія прусской системы графа Панина и замѣнивъ ее австрійскою, онъ внушилъ императрицѣ обширные замыслы, и ставъ необходимымъ для ихъ осуществленія, прочно утвердился на своемъ мѣстѣ, восторжествовалъ надъ всѣми соперниками. Онъ—не простой баловень фортуны: своимъ возвышеніемъ онъ обязанъ преимущественно дарованіямъ, которыми такъ щедро надѣлила его природа, удивительной проницательности и силѣ воли, соперничающей съ силою ума.

„Другія лица, стоящія во главѣ управленія, суть генералъ-аншефъ Безбородко, вице-канцлеръ графъ Остерманъ, генералъ-прокуроръ князь Вяземскій и президентъ коммерцъ-коллегіи графъ Воронцовъ.

„Наибольшимъ вліяніемъ пользуется графъ Безбородко. Статсъ-секретарь Ея Величества, онъ ежедневно въ положенные часы докладываетъ ей о текущихъ дѣлахъ по всѣмъ министерствамъ и вмѣстѣ съ нею предварительно разбираетъ ихъ. Въ отсутствіе вице-канцлера онъ принимаетъ иностранныхъ посланниковъ и ведетъ съ ними переговоры. Онъ могъ бы быть вице-канцлеромъ при возвышеніи въ канцлеры графа Остермана; но пользуясь одинаковымъ содержаніемъ, онъ предпочитаетъ свое положеніе блеску вице-канцлерскаго. Дѣятельный, мягкаго характера, старающійся по мѣрѣ возможности угодить всякому, онъ считается искуснымъ дипломатомъ и ловкимъ царедворцемъ.

„Генералъ-прокуроръ князь Вяземскій—въ одно и то же время министръ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ. Это человѣкъ весьма трудолюбивый и дѣятельный—качества крайне необходимыя при многосложности занятій, сопряженныхъ съ занимаемыми имъ должностями. Иностранцу трудно разгадать его характеръ, такъ какъ онъ не знаетъ другаго языка, кромѣ роднаго.

„Такъ какъ торговля сдѣлалась въ настоящее время главнымъ двигателемъ политики всѣхъ государствъ, то президентъ коммерцъ-коллегіи получилъ большое вліяніе на государственныя дѣла. Этотъ постъ въ Россіи занимаетъ графъ Воронцовъ, братъ извѣстной княгини Дашковой, принимавшей дѣятельное участіе въ переворотѣ, доставившемъ тронъ нынѣшней императрицѣ. Онъ, безъ сомнѣнія, человѣкъ даровитый, проницательный и, по види-

мому, весьма образованный. Впрочемъ, съ нимъ должно быть весьма осторожну, ибо онъ принадлежитъ къ фамиліи извѣстной интригами.

„Всѣ трактаты, не имѣющіе прямою цѣлью торговли, подписываются тремя лицами: вице-канцлеромъ, графомъ Безбородко и г. Бакунинымъ, старшимъ членомъ иностранной коллегіи, человѣкомъ, никому не уступающимъ въ дальновидности, изворотливости, и глубокимъ знатокомъ государства и его внутреннихъ и внѣшнихъ интересовъ. Трудно опредѣлить съ точностью его характеръ. Между нимъ и графомъ Безбородко царствуетъ дружба видимая, если не дѣйствительная, очевидно полезная для обоихъ.

„При заключеніи торговыхъ конвенцій къ тремъ вышепомянутымъ лицамъ присоединяется еще президентъ коммерцъ-коллегіи“.

Риварола пробылъ въ С.-Петербургѣ до конца мая 1785 года. Послѣднія его депеша, № 41, писана изъ Берлина, 23-го іюня.

Слѣдуя инструкціямъ своего правительства, Риварола жилъ въ Петербургѣ безъ дѣла, ограничиваясь ролью наблюдателя. Онъ обращалъ преимущественное вниманіе на состояніе торговли и мореходства въ Россіи и весьма мало занимался политикой. Результатъ своихъ наблюденій онъ изложилъ въ *реляціи*, представленной имъ въ сенатъ по возвращеніи на родину. Въ *депешахъ* онъ сообщаетъ краткія извѣстія о придворныхъ новостяхъ, о празднествахъ, иногда о военныхъ дѣйствіяхъ и весьма рѣдко о внутреннихъ событіяхъ, напримѣръ, въ № 20—о скопищѣ безпаспортныхъ въ Гатчинѣ, въ № 26—о волненіи крестьянъ въ Лифляндіи. Въ депешахъ Риварола мнѣ показались особенно любопытными слѣдующія два извѣстія.

Отъ 18-го мая 1784 года, подъ № 19, Риварола пишетъ: „Такъ какъ въ настоящее время путешествуетъ по Италіи одно почетное лицо, носящее имя Бобринскаго, и вѣроятно, будетъ если уже не было, въ Генуѣ, то я считаю долгомъ своимъ предупредить вашу свѣтлость, что это сынъ..... и князя Григорія Орлова. Его сопровождаютъ дядька и четверо офицеровъ, его сверстниковъ. Нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь произведетъ пріятное впечатлѣніе хорошій пріемъ ихъ за границею, ибо извѣстно, что императрица очень любитъ помянутое лицо, получающее отъ нея 40.000 рублей ежегоднаго содержанія“.

Въ послѣдней депешѣ изъ Берлина, Риварола извѣщалъ свое правительство о новомъ любимцѣ, покровительствуемомъ Потем-

кинымъ: „Это нѣкто Ермоловъ, армейскій офицеръ, принятый княземъ Потемкинымъ въ адъютанты и чрезъ нѣсколько дней послѣ того получившій приказаніе состоять при особѣ ея величества въ качествѣ флигель-адъютанта“ [1]).

Въ реляціи своей Ривароля высказываетъ свой общій взглядъ на состояніе Россіи. „Положеніе Россійской имперіи“, говоритъ онъ, — „можетъ по справедливости назваться въ настоящее время самымъ счастливымъ во всей Европѣ, благодаря хорошо задуманнымъ и еще лучше исполненнымъ предпріятіямъ, изъ коихъ самое новое и самое важное есть завоеваніе Крыма, скрѣпленное Константинопольскою конвенціей 3-го января 1784 года“. Разсматривая различныя причины, доставившія Россіи *перевѣсъ* (preponderanza) въ дѣлахъ Европы, Ривароля прежде всего останавливается на ея неуязвимости (invulnerabilità) со стороны сосѣдей. На Балтійскомъ морѣ, по его словамъ, Россіи некого бояться: Швеція слишкомъ слаба, Данія находится въ тѣснѣйшей дружбѣ съ С.-Петербургскимъ дворомъ, къ которому прибѣгаетъ при малѣйшемъ движеніи своей соперницы. Пруссія — самая сильная сосѣдка Россіи, но и съ этой стороны нечего опасаться. „Изъ трехъ сильныхъ державъ сѣверной Европы одна Россія можетъ существовать изолированно, сама по себѣ; другъ и соперникъ то той, то другой, смотря по обстоятельствамъ, она всегда необходима одной изъ нихъ, а вслѣдствіе того третья, обузданная чрезвычайнымъ перевѣсомъ, не можетъ осмѣлиться поднять головы противъ двуглаваго чудовища.“ Союзъ противъ Россіи двухъ германскихъ державъ немыслимъ по причинѣ вѣчныхъ и безконечныхъ споровъ о ихъ первенствѣ, среди коихъ Россія является посредницей-миротворительницей, уважаемою обѣими сторонами. По топографическому положенію естественнѣе союзъ Россіи съ Австріей, чѣмъ съ Пруссіей. Граница съ Турціей, Австрія, въ случаѣ войны съ нею Россіи, легко можетъ помочь той или другой сторонѣ. Такъ, придвиженіе къ турецкимъ границамъ восьмидесятитысячной австрійской арміи доставило Россіи Крымъ безъ кровопролитія. На большомъ пространствѣ граничитъ съ Россіей Польша, но о ней, какъ о независимой державѣ, не можетъ быть рѣчи; мы можемъ только оплакивать ея немощное состояніе, ея незлѣчимыя раны, отъ коихъ она страждетъ болѣе, чѣмъ еслибъ была въ подданъ-

[1]) Lettere del molto Magnifico Rivarola al Serenissimo Governo di Genova 1783—1785, въ Генуэзскомъ архивѣ въ отдѣлѣ Lettere Ministri.

ствѣ Россіи. И въ самомъ дѣлѣ, при малѣйшемъ движеніи оттоманскихъ войскъ, русская армія занимаетъ пограничныя польскія области, съ намѣреніемъ выступить изъ нихъ какъ можно позже. Короче, *эта несовершенная* (imperfetta) *республика есть только подобіе государства*, вся же сила его въ рукахъ русскаго посланника. Даже кресты, ордена, самыя почетныя должности польскаго двора раздаются С.-Петербургскимъ въ награду тѣмъ, кого онъ считаетъ недостойными его собственныхъ (орденовъ), хотя бы меньшаго достоинства: знакъ крайняго униженія, наложенный правомъ сильнаго. Такія плачевныя обстоятельства Польскаго королевства позволяютъ думать, что въ такомъ состояніи оно можетъ существовать и въ будущемъ, и что нечего опасаться окончательнаго его уничтоженія: новый раздѣлъ не въ интересахъ С.-Петербургскаго двора, ибо абсолютное обладаніе частью не можетъ сравниться въ выгодахъ съ добровольно признаваемою властью (gratuito dominio) надъ цѣлымъ. Сколько нужно было Россіи имѣть въ полномъ обладаніи для округленія ея границъ, она уже имѣетъ: что же касается до остальнаго, то неосновательно предполагать новую катастрофу, имѣя въ виду только гибельный примѣръ перваго раздѣла.

„Набѣгамъ Татаръ, послушныхъ волѣ Порты, положенъ предѣлъ пріобрѣтеніемъ Крыма. Дружественныя политическія и коммерческія сношенія съ Персіей обусловливаются взаимными выгодами обѣихъ державъ и общею ненавистью къ Турціи. Никто не сомнѣвается въ обширныхъ замыслахъ С.-Петербургскаго двора касательно изгнанія Турокъ изъ Европы и возстановленія Восточной имперіи, на престолъ которой предназначается великій князь Константинъ. Не даромъ обучаютъ его греческому языку и знакомятъ съ греческими нравами“.

Риварола не сомнѣвается въ возможности осуществить этотъ планъ въ близкомъ будущемъ, но только при двухъ условіяхъ: 1) необходимо убѣдить Французовъ, что при подобномъ политическомъ переворотѣ ихъ торговля на Востокѣ, не только ничего не потерпитъ, но даже пріобрѣтетъ небывалые размѣры, и 2) обезпечить себя со стороны Австріи посредствомъ дружественныхъ вліяній Парижскаго двора на Вѣнскій.

Говоря о внутреннемъ состояніи Россіи, Риварола касается вопросовъ о народонаселеніи, финансахъ и военныхъ силахъ.

Число жителей Россіи, по вычисленію Риваролы, простиралось до 32 милліоновъ. Говоря о стараніяхъ императрицы и ея мини-

стровъ къ увеличенію народонаселенія, онъ замѣчаетъ, что русское правительство заботится болѣе о *наращеніи*, чѣмъ о сохраненіи жителей, и въ подтвержденіе своихъ словъ указываетъ на недостатокъ санитарныхъ правилъ во флотѣ.

Доходы Россіи, по исчисленію людей самыхъ умѣренныхъ, простирались до 40 милл. руб. Эта сумма недостаточна на покрытіе всѣхъ издержекъ, особенно если принять во вниманіе обширныя предпріятія Екатерины II; но недостаточность доходовъ, по замѣчанію Риваролы, вознаграждается отчасти дешевизной предметовъ первой необходимости, каковы: хлѣбъ, строевые матеріалы, металлы и т. п. Вслѣдствіе ихъ изобилія, содержаніе войска и флота обходится въ Россіи вдвое дешевле, чѣмъ въ другихъ державахъ, нуждающихся въ привозномъ провіантѣ и сырыхъ продуктахъ необходимыхъ для войска.

Регулярное войско состоитъ, по опредѣленію Генуезскаго дипломата, изъ 300.000 человѣкъ. Число иррегулярнаго (казаки, Татары) велико, но его трудно опредѣлить. Флотъ состоитъ изъ 40 линейныхъ кораблей и столькихъ же фрегатовъ, не считая сотни галеръ.

„Торговля Россіи, замѣчаетъ Ривarола, въ настоящее время гораздо обширнѣе, чѣмъ обыкновенно полагаютъ. Еще недавно она ограничивалась сношеніями съ Англичанами и народами Балтики; теперь же въ ея портахъ развиваются флаги почти всѣхъ торговыхъ націй Европы, и въ годъ прибытія моего въ С.-Петербургъ, въ тамошнемъ портѣ находился во время лѣта первый американскій корабль; по возвращеніи же на родину, я узналъ о прибытіи въ Бостонъ двухъ русскихъ кораблей. Безъ сомнѣнія, преимущество остается еще за Англичанами, обороты коихъ равняются оборотамъ всѣхъ прочихъ націй, если даже не превышаютъ ихъ. Вслѣдствіе торговаго договора, срокъ коего истекаетъ въ нынѣшнемъ году, они пользуются особыми льготами и привиллегіями, въ высшей степени благопріятствующими не только богатой англійской факторіи въ С.-Петербургѣ, но и всѣмъ вообще англійскимъ купцамъ, разсѣяннымъ по всѣмъ портамъ и областямъ имперіи. Русскій коммерческій флотъ началъ только составляться, подъ покровительствомъ правительства, понимающаго, что самый сильный военный флотъ безъ коммерческаго подобенъ колоссальному скелету, лишенному тѣла. Въ теченіе шести мѣсяцевъ навигаціи С.-Петербургскій портъ посѣщаютъ 800, а Рижскій болѣе тысячи иностранныхъ кораблей; изъ нихъ многіе приходятъ въ Россію порожними и здѣсь нагружаются, находя достаточное вознаграж-

деніе въ одномъ обратномъ плаваніи; это послѣднее обстоятельство свидѣтельствуетъ о выгодахъ торговли съ Россіей".

Риварола опровергаетъ бывшее въ его время въ ходу мнѣніе о крайнемъ недостаткѣ звонкой монеты въ русскомъ казначействѣ и о близкомъ банкротствѣ Россіи. Онъ говоритъ, что во время пребыванія его въ С.-Петербургѣ, разница между кредитными билетами и звонкою монетой была незначительна: серебро 2%, золото 3%. Бѣдною не можетъ назваться та страна, которая богата естественными произведеніями первой надобности, какъ то: хлѣбомъ, льномъ, пенькою, строевымъ лѣсомъ, кожами, мѣдью и т. п.

Въ заключеніе Риварола совѣтуетъ соотечественникамъ искать дружбы и покровительства „государыни величайшей въ мірѣ имперіи, безсмертной Екатерины Второй, императрицы Всероссійской".

В. МАКУШЕВЪ.

ЗАПИСКИ О ПОѢЗДКѢ А. И. БИБИКОВА ВЪ РУССКУЮ ФИНЛЯНДІЮ ВЪ 1769 ГОДУ.

Послѣ того какъ въ исходѣ 1768 г. Турція объявила войну Россіи, противодѣйствовавшая русской политикѣ Франція стала возбуждать къ тому же и Швецію; вслѣдствіе того, императрица Екатерина нашла нужнымъ сдѣлать нѣкоторыя приготовленія на случай военныхъ дѣйствій въ Финляндіи. 26-го сентября 1769 года императрица поручила генералъ-поручику Александру Ильичу Бибикову осмотрѣть шведскую границу, изложить свое мнѣніе о мѣрахъ для защиты Русской Финляндіи и составить планъ войны въ этомъ краѣ, какъ оборонительной, такъ и наступательной. 7-го слѣдующаго октября Бибиковъ, съ небольшою свитою, отправился въ путь. Одинъ изъ его спутниковъ, къ сожалѣнію, не извѣстный по фамиліи, велъ печатаемыя нынѣ поденныя записки этого путешествія.

Этотъ спутникъ Бибикова сопровождалъ его въ Финляндію не по обязанностямъ службы, а для собственнаго удовольствія. Поэтому и въ запискахъ его нѣтъ никакихъ существенныхъ подробностей о томъ, какъ Бибиковъ исполнилъ порученіе, данное ему императрицею, но тѣмъ не менѣе, записки эти не лишены нѣкотораго интереса для изучающаго третью четверть прошлаго вѣка. Хотя мѣстомъ дѣйствія разсказываемыхъ событій служитъ Финляндія, вниманіе разсказчика обращено преимущественно на пріѣхавшихъ туда Русскихъ. Поэтому, не смотря на нѣкоторое однообразіе записокъ и именно благодаря ихъ подробности, въ нихъ довольно хорошо изображаются нѣкоторыя черты нравовъ и обыденные интересы русскаго дворянства въ серединѣ XVIII вѣка. Какъ ни обыкновененъ умъ автора, ему не чужды нѣкоторыя сатирическія побужденія въ духѣ современной

ему литературы. Читатель замѣтитъ, напримѣръ, его насмѣшливые отзывы о столичномъ щегольствѣ, объ исключительно формальной набожности и т. п. Расиросы автора объ экономическомъ бытѣ Финляндіи свидѣтельствуютъ объ его любознательности. Наконецъ, даже мелкія подробности, сообщаемыя авторомъ о личности Бибикова, не будутъ безполезны для его біографа; между прочимъ любопытно то, что по свидѣтельству автора записокъ, за Александромъ Ильичемъ утвердилось названіе депутатскаго „маршала“, которое онъ носилъ въ комиссіи для составленія проекта новаго уложенія.

Нельзя не обратить вниманія на языкъ и слогъ записокъ, (которые, разумѣется, оставлены нами безъ исправленія): отсутствіе книжности и архаизмы придаютъ ему нѣкоторую оригинальность. Къ сожалѣнію, въ нѣсколькихъ мѣстахъ старинный переписчикъ исказилъ смыслъ текста до полной почти невозможности понять его. Мы исправили правописаніе и пунктуацію рукописи, но собственныя имена оставлены нами безъ измѣненія. Въ заключеніе замѣтимъ, что о поѣздкѣ А. И. Бибикова въ Финляндію и о перепискѣ съ нимъ Екатерины въ это время есть нѣсколько извѣстій въ „Запискахъ о жизни и службѣ А. И. Бибикова“, составленныхъ его сыномъ, изд. 1865 г., стр. 66—70.

Путешествіе его высокопревосходительства господина генералъ-лейтенанта, кавалера, лейбъ-гвардіи маіора, депутатскаго маршала Александра Ильича Бибикова, для порученнаго ему дѣла, съ составляющими свиту его лейбъ-гвардіи полковъ конного ротмистромъ Поливановымъ, Измайловскаго подпоручикомъ Соймоновымъ, армейскимъ сержантомъ Бушуевымъ и мною, сіе писавшимъ,—имѣя въ услугахъ его высокопревосходительства камердинера, волосочесателя, повара и кучера, да Поливанова служителя, всего въ одинадцати человѣкахъ, изъ Санктпетербурга въ 769-мъ году.

Октября 7-ое, середа. Выѣхали изъ дому по полудни въ четыре часа; имѣли дорогу чрезъ Васильевскій и Петербургскій острова на Выборгскую сторону, и на мосту, что съ Адмиралтейской стороны, переломилось подъ каретою дышло; однако заѣхали съ худымъ дышломъ въ морской кадетскій корпусъ, къ его превосходительству господину генералъ интенданту Голенищеву-Кутузову проститься, куда пріѣхали ихъ сіятельствы княгиня Дашкова и графиня Мусина-Пушкина и двѣ благородныя дѣвицы Каменская

Цалагея Ѳедотовна и Пушкина Авдотья Михайловна, гдѣ, нѣсколько побивъ шабалу *), пока пашли въ домѣ господина Полетики дышло и исправили, въ пять часовъ въ надлежащій путь отправились и ѣхали до почты Дранишникової безъ остановки. А между мостовъ на Петербургскомъ острову провожающіе господинъ секретарь Владычинъ и ординарецъ гвардіи унтеръ-офицеръ Лопатинъ воротились. Въ Дранишниково пріѣхали въ 8 часовъ съ половиною, а пока перемѣняли и вирягали лошадей, мы ѣли въ харчевнѣ (въ коей харчевникъ графа Григорья Григорьевича Орлова русскій мужикъ) состоящій въ холодномъ взятый съ собою ужинъ. А какъ къ ѣздѣ все было изготовлено, то отужинавъ, въ путь отправились и ѣхали до почты Бѣлоостровской кирки безостановочно, и пріѣхавъ въ половинѣ перваго часу, остановились ночевать. Отъ Санктпетербурга до Бѣлоостровской кирки 40 верстъ. Какая была дорога, обстоятельно по ночному времени разсмотрѣть было нельзя; а сколько можно, то отъ Петербурга, кажется, мѣста были ровныя, а около Парголова были горы и небольшой по сторонамъ лѣсъ и по обѣ стороны изрядное разное строеніе, въ лѣвой же сторонѣ казалось немалое озеро; а до Дранишникова по обѣ стороны красный лѣсъ, а отъ Дранишникова до Бѣлоостровской кирки дорога осталась совсѣмъ безъ примѣтъ, для того что всѣ мы, сидящіе въ каретѣ, безпрестанно дремали.

8-ое, четверг. У Бѣлоостровской кирки проснулись въ 6 шесть часовъ съ половиною и, пивъ препзрядный чай, потому что вода была хорошая, и кофей съ изрядным молокомъ, а лошадей вирягали, и изготовясь совсѣмъ, въ половинѣ 8-го часу поѣхали. Дорогу имѣли хорошую, только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ небольшія горы, а около отъ оной почты десяти верстъ переѣхали Сестру-рѣку по мосту. На Сестрѣ-рѣкѣ гора спускается крута, то изъ кареты вышли; при выходѣ жь выронилъ я картузъ, ибо на мнѣ былъ колпакъ, а господинъ Поливаповъ, оный нашедъ, поднялъ и спряталъ: и такъ, потерею картуза около четверти часа былъ обманутъ, отъ чего произошла маленькая по дорожному забава. А отъ Сестри-рѣки въ нѣкоторомъ разстояніи къ Выборгу течетъ такая жь между большихъ горъ рѣчка, называемая Черная. Въ 10 часовъ пріѣхали на почту Линдоловскую. Оная почта учреждена при мызѣ надъ рѣкою того жь имени, принадлежащей графу Петру Григорьевичу Чернышеву. Мыза лежитъ по теченію рѣки на правой сторонѣ,

*) Т. е. поболтавъ.

на нарочито высокой горѣ, а по дорогѣ къ Выборгу на лѣвой; при ней деревянная церковь во имя святителя Николая и мельница, а на правой къ Петербургу, не переѣзжая рѣки, почтовый дворъ и корчма, да по дорогѣ, на лѣвой—для постою офицерскій домъ. Сколько примѣтить можно, въ мызѣ строенье хорошее и церковь въ разсужденіи здѣшнихъ мѣстъ изрядная.

Съ Линдоловой поѣхали въ половинѣ 11 часу до почты Веремеи 24 версты и, отъѣхавъ пять верстъ, при Кивиневской киркѣ остановились у мужика Андруса и имѣли состоящій изъ холоднаго обѣденный столъ; а отобѣдавъ, маршалъ пошелъ впередъ стрѣлять тетеревей; однако не застрѣлилъ ни одного, для того что они его превосходительству также дѣлали почтеніе и на мѣстахъ не сидѣли, а летая, кланялись. А я легъ спать; выспавшись же, пошелъ за его превосходительствомъ. А какъ нагнавъ стали дождавшись въ карету садиться, явилось пагалище съ ружья его превосходительства потеряно, и посланный назадъ на лошади верхомъ нашелъ; однако принуждены были минуты двѣ-три дожидаться, или больше. При семъ обѣдѣ взятый съ нами поваръ Степанъ подпилъ и былъ пьянъ, за что на него маршалъ былъ гнѣвенъ. Кирку имѣли по дорогѣ на лѣвѣ на высокой горѣ, а особливо отъ Выборга кажется высокою. Дорога между сихъ почтъ была гориста и мѣстами песчаная, а лошади Линдоловскія очень плохи, и такъ ѣхали очень тихо, а не доѣхавъ до почты за 10, а до деревни Помполовой за пять верстъ лошади на самой большой горѣ подъ каретой такъ притупѣли, что на силу до деревни Помполовой доѣхать могли, гдѣ сыскали четырехъ лошадей и употребили въ помочь почтовымъ. На силу въ 8 часовъ доѣхали до помянутой Веремейской почты. Дорога между сихъ почтъ, по резону устали лошадей, очень была скучна; и такъ мы время проводили разсказывая другъ другу, что съ кѣмъ когда случилось; а мнѣ вздумалось разсказать о беззаконныхъ своихъ нажиткахъ—первое, за что Ревельская ратуша подарила мнѣ два пуда сахару и два фунта хорошаго чаю по должности полковаго квартирмейстера, и за что мнѣ и Степану Тютчеву Прерадовичь, что нынѣ полковникъ, подарилъ по парѣ лошадей. А маршалъ, удивлялись, говорилъ: „Какъ у меня беззаконно принять протянулись руки?“ А я ему въ отвѣтъ: „Подлинно, въ Ревелѣ принято яко первый въ жизни взятокъ—со стыдомъ; а отъ Прерадовича, яко отъ пріятеля и своего брата офицера, хотя и за сдѣланное нами ему не въ противность закону благодѣяніе, но такъ какъ и всѣ за благодѣяніе по дѣламъ берущіе

взятки, безъ стыда". Да я бы имъ насказалъ и еще, только никакихъ взятокъ въ жизнь больше не бралъ и до сего дня. А тутъ перемѣна лошадей.

Въ полдевята часа поѣхали къ почтѣ Сувенойской 15 верстъ, и на дорогѣ, въ селѣ Красномъ, принадлежащемъ графу Ивану Григорьевичу Чернышеву, имѣвъ вечерній съ холоднымъ кушаньемъ столъ, но притомъ и яйца въ смятку, ночевали. Между Сувеповскою почтою и Краснымъ селомъ есть гора очень велика и къ Выборгу спущаться очень трудно. И какъ мы по ночному времени принуждены были выйдти изъ кареты, то и нашли въ полгорѣ ключь, отъ котораго по горѣ, занимая правую половину дороги, налило воды и замерзло; и такъ на силу спуститься могли.

9-ое, пятница. Вставъ въ 6 часовъ, увидѣли село изрядное, населено Русскимъ, переведеннымъ изъ разныхъ уѣздовъ, народомъ. Дворовъ до 40, церковь во имя Срѣтенія Господня и домъ помѣщиковъ. Село лежитъ межъ двухъ озеръ на маломъ протокѣ. Въ семъ селѣ видѣнъ образъ житья самаго Русскаго народа, что въ здѣшнихъ странахъ рѣдкость; и какъ примѣтить можно, земледѣліе производятъ прилежно, ибо около онаго села полей обработанныхъ и сѣнокосовъ по сторонамъ довольно. Напившись изрядная съ разсужденіи воды чаю и кофе съ молокомъ, поѣхали въ 7 часовъ до почты, а доѣхавъ въ исходѣ 9-го часа, перемѣня лошадей, въ началѣ 10-го часа отправились къ почтѣ Кемеръ, 21 верста, гдѣ я досталъ капочку изрядная масла и, заплатя пять копѣекъ, позавтракалъ съ салакушею. На дорогѣ имѣли Мульскій ретраншементъ, разстояніемъ отъ почты 11 верстъ; лежитъ межь двухъ озеръ на протокѣ; при немъ пильная мельница, принадлежащая помянутому графу, стоитъ безъ дѣйства; однако при ней лѣсу по берегамъ и на водѣ и пильныхъ досокъ очень много. Мы, осмотря сей ретраншементъ, который въ самомъ худомъ состояніи и безъ всякаго наблюденія оставленъ, отправились къ послѣдней отъ Выборгу почтѣ и пріѣхали въ 12 часовъ, обѣдали, имѣли горячее и свѣжихъ четырехъ изрядныхъ рябчиковъ. Дорога межь сихъ почтъ ровная и хорошая, и ѣхали безостановочно. Наѣхали идущихъ по дорогѣ двухъ хорошенькихъ женщинъ и въ кибиткѣ одного мужчину. Послѣ увѣдано, что то былъ изъ Фридрихсгама вахтмейстеръ, къ коимъ господинъ Поливановъ оказалъ нѣкоторые пріятности знаки; однако проѣхали. А какъ они дошли до почты, то онъ, господинъ Поливановъ, вышедъ употребилъ къ амуру всѣ принадлежности, но въ отвѣтъ они ему, нѣсколько разъ оскалясь, шли

своимъ путемъ, а онъ, въ слѣдъ поглядѣвъ, сдѣлалъ себѣ удовольствіе. Съ сей почты господинъ Бушуевъ съ коляскою отправился въ Выборгъ, а мы впрягши лошадей, и я выспавшись, въ путь стали отправляться. А господинъ Поливановъ, взявъ безгрѣшную душу, господина Соймонова, и меня на старости, пошли полюбившихся ему хорошенькихъ догонять, разсуждая, не остановились ли онѣ въ сторонѣ гдѣ кормить; однако къ нашему счастію, мы ихъ не нашли. А какъ маршалъ съ каретою, поспавъ въ корчмѣ минутъ съ 20, насъ нагналъ, то сѣвъ поѣхали (къ сожалѣнію господина Поливанова, что намѣренія исполнить ему не удалось) къ Выборгу въ два часа пополудни; дорогу имѣли хотя и не гористую, однако и несовсѣмъ гладкую, а по сторонамъ великаго каменья довольно; однакожь ѣхали безостановочно.

Въ Выборгъ пріѣхали въ 6 часовъ; квартира отведена изрядная, только совсѣмъ пуста. По пріѣздѣ въ полчаса пришелъ плацъ-маіоръ съ поздравленіемъ его превосходительства съ благополучнымъ пріѣздомъ отъ коменданта, а скоро за нимъ и отъ ратуши членъ, у коего выпросили мы себѣ по кровати, а потомъ и комендантъ господинъ Ступишинъ самъ пришелъ, скоро за нимъ и генералъ-маіоръ Дерфелтъ, и просидѣли (видно—имѣли конференцію) до 10-ти часовъ. Отъ господина коменданта присланы двое часовыхъ, а мы, отужинавъ яко дорожные дворяне, а не яко вояжиры, то есть, на квартирѣ, а не въ трактирѣ, и побивъ нѣсколько шабалы, легли спать и спали до 8-ми часовъ. Отъ Камеръ до Выборга 22 версты. Вся вообще отъ Санктпетербурга до Выборга дорога супесокъ, а нѣкоторыя мѣста и совершенно песчаныя, только немного, и чтобъ была когда грязна не уповательно, да и гористо посредственно; лѣсу же краснаго по обѣимъ сторонамъ очень много; выключая около деревни Помполовой и села Краснаго, мѣста полистыя.

10-е, суббота. Въ Выборгѣ, по утру вставъ въ 8 часовъ, и лишь успѣли одѣться, такъ пришелъ помянутый генералъ-маіоръ Дерфелтъ въ провожаніи Тобольскаго полку штабъ- и оберъ-офицеровъ и отъ Тобольскаго полку офицеръ либертовасовый (?) и одинъ сержантъ, да и отъ гарнизона присланы были два сержанта ординарцы. Скоро за Дерфелтомъ пришелъ Ступишинъ съ баталіонными командирами и съ оберъ-офицерами, при чемъ были артиллеріи и инженерный капитанъ. А какъ вышелъ его превосходительство маршалъ, то происходили нѣкоторые церемоніальные комплименты и въ силу политики кое съ кѣмъ разговоры; а въ половину 11-ти

ршалъ со всѣми пришедшими пошелъ смотрѣть собравшуюся въ ѣпость на караулъ Тобольскаго полку команду. Оная, по отда- надлежащей чести, дѣлала экзерцицію и примѣромъ наступа- тельную и въ ретирадѣ стрѣльбу, кою производили—въ разсужде- о что давно, по резону дальнихъ квартиръ, ученья не имѣли— чно. Потомъ пошли по крѣпости, и осматривая прилежно мар- шалъ ситуацію, нѣкоторыя, съ кѣмъ надобно, имѣлъ разсужденія, кои до насъ, составляющихъ свиту его, не принадлежали (ибо мы тутъ для битья между порученныхъ маршалу дѣлъ шабалы). А об- шедъ большую часть или половину крѣпости, то есть, отъ Санкт- петербургскихъ до Государевыхъ воротъ въ морскую сторону, по- шли въ Шлоссъ *), и осмотрѣвъ внизу строенье и магазейны, маршалъ съ комендантомъ и господа Поливановъ и Соймоновъ пошли на башню, а я остался внизу, думая, что по старости не взойду, или станутъ болѣть ноги. А возвратясь сказывали: на башнѣ въ трехъ этажахъ поставлены по окошкамъ пушки; а го- спода Соймоновъ и Поливановъ всходили до флагу, до коего отъ подошвы, по ихъ разсказамъ, 295 ступеней; и такъ, вышина онаго, полагая по примѣру ступень по футу, 42 сажени и одна ступень. Маршалъ же, дошедъ до половины башни, возвратился. Осмотря Шлоссъ, поѣхали къ коменданту (ибо званы туда обѣдать) въ пе- ходѣ перваго часа, а во второмъ, выпивъ водки, сѣли въ присут- ствіи комендантской фамиліи, кою составляли его супруга и двѣ возрастныя и одна маленькая дочки. За столомъ сидѣли, кромѣ насъ пріѣзжихъ и хозяйки съ фамиліею, его превосходитель- ство Дерфелтъ, артиллерійскій и инженерный капитанъ, одинъ лѣ- карь, одинъ выборгскій купецъ Тешъ и плацъ-маіоръ. Столъ былъ изрядный, частью на серебрѣ, а частью на голландскомъ сервизѣ. Послѣ обѣда, вышедъ въ другую комнату, нашли столикъ для кофе въ препзрядномъ устройствѣ. Кофе и самыя лучшія сливки подали въ серебряныхъ сосудахъ. Я, выпивъ чашку кофе, пошелъ спать, а маршалъ, со всѣми тутъ бывшими, осматривалъ крѣпость короны Санктъ-Анны; а осмотря, пошли опять къ коменданту, а я, выспавшись и написавъ вышепрописанное происшествіе отъ Санктпетербурга до Выборга и до сего числа въ четыре дня, также пошелъ опять къ коменданту и пришедъ нашелъ три стола картъ: за первымъ играли въ тресетъ хозяйка съ двумя дочерьми и го- сподинъ Дерфелтъ, за вторымъ—маршалъ, хозяинъ и господчи

*) То есть, въ замокъ, въ самую крѣпость (цитадель).

Поливановъ въ ломберъ, за третьимъ Тобольскій маіоръ, господинъ Соймоновъ и помянутый Тешъ, и пропграли до девяти; въ девять томъ сѣли за вечерній столъ, кромѣ артиллерійскаго и инженернаго капитана, всѣ тѣ же и, отужинавъ въ 11-мъ часу, поѣхали на комендантской каретѣ чрезъ Шлоссъ на квартиру, гдѣ, раздѣвшись, побивъ шабалы, въ 12-мъ часу легли спать и спали до 7-ми часовъ. Сего дня около 4-хъ часовъ послѣ обѣда пріѣхалъ изъ Фридрихсгама Николай Лодыженской и сталъ съ нами.

11-е воскресенье. Вставъ, мы, составляющіе свиту, въ 8-мъ часовъ, напивъ чай, одѣвались, а потомъ вышелъ къ намъ и маршалъ; напивъ чай, пошелъ одѣваться, а какъ одѣлся, то уже было 9 часовъ, и скоро пришли здѣшніе господа: оберъ-комендантъ Ступишинъ и полевой командиръ генералъ-маіоръ Дерфелгъ, и очень много здѣсь живущихъ разныхъ командъ штабъ- и оберъ-офицеровъ и отъ бургеровъ двое первыхъ. А маршалъ выѣдъ поступалъ всѣ политики принадлежности и, побывъ нѣсколько, около исхода 10-го поѣхалъ со многими Тобольскаго полку на полковой дворъ и, осмотря тамъ артиллерію, лошадей и всѣ путевые припасы, аммуницію и шанцовые инструменты, на свою квартиру съ удовольствіемъ въ половинѣ 11-го возвратился; а въ половинѣ 12-го поѣхалъ въ провожаніи Поливанова и Соймонова на званый же обѣдъ къ господину Ступишину, а ѣдучи былъ въ Шведской кирхѣ. А я утро препроводилъ нижеслѣдующимъ порядкомъ: въ 9 часовъ, въ силу 4-й заповѣди, былъ въ соборной церкви у слушанья литургіи, послѣ чего пошелъ въ нѣмецкую кирку, коя учреждена графомъ Ферморомъ, когда онъ былъ здѣсь, во время послѣдней Шведской войны, оберъ-комендантомъ. Она близъ гауптвахты въ каменномъ домѣ въ верхнемъ этажѣ, въ одинъ съ ратушею покояхъ. Пастора нашелъ самаго громогласнаго, какъ хорошій подъемный пеленгъ, съ крайнимъ выраженіемъ; а людей было обоихъ половъ очень мало. Въ лѣвой сторонѣ сдѣлано отмѣнное мѣсто, въ коемъ сидѣла не знаю какая отмѣнно почтенная госпожа. Изъ той кирки пошелъ въ другую, въ коей увидѣлъ нѣчто чудное: пасторъ, отправляющій предъ олтаремъ Божію службу на шведскомъ языкѣ, имѣлъ одежду нижную самую чистую, бѣлую, а верхнюю изъ малиноваго бархату съ золотымъ галуномъ, а назади во всю спину изъ широкаго золотаго жъ галуна вершка въ три крестъ, чего я въ лютеранскихъ церквахъ никогда и нигдѣ не видалъ, въ парикѣ. А у западныхъ дверей на хорахъ пѣли пѣвчіе и играли органы. Изъ оной кирки пошелъ на квартиру и

стался, чтобъ записать, какъ препровожденъ вчерашній день, и нѣсколько невидимо замѣшкался и, уже получа отъ господина оберъ-коменданта посланнаго, пошелъ. А пришедъ, нашелъ, кажется, весь Выборгскій поблесъ *), состоящій, кромѣ хозяйской фамиліи, въ восьми женщинахъ, между коими первая была госпожа подполковница Удомша и артиллеріи капитана и плацъ-маіора жены, и одна госпожа маіорша Мартонъ, небольшая, съ маленькимъ горбомъ, который украшали около головы ея и рукъ блестящіе брилліанты. Завидныхъ же женщинъ, на кого бъ могъ прельститься маршалъ съ нашею свитою, не было; однако госпожи безъ изъятія почтенныя. И какъ кушанье было уже на столѣ поставлено, то тотчасъ хозяйка, взявъ маршала, а господинъ Дерфелтъ Удомшу, пошли къ столу, за коимъ умѣстилось обоего пола 26 особъ. Столъ продолжался полтора часа, а вставъ и вышедъ въ другую комнату, нашли такъ же, какъ и вчера, изрядный съ кофемъ столъ, и я, выпивъ чашку, по обыкновенію своему, пошелъ спать, а выспавшись и нѣсколько пописавъ моего журнала, уже въ 7 часовъ, пошелъ къ находящемуся здѣсь для нѣкакихъ дѣлъ, моему пріятелю, Рязанскаго полка оберъ-офицеру Бутюшкову, у коего, выпивъ чашекъ до 10-ти чаю и посидѣвъ, пошелъ въ собраніе, гдѣ нашелъ съ картами четыре стола: за первымъ госпожа Удомша, старшая хозяйская дочь, одна здѣшняя дѣвица Емме и плацъ-маіорша, за вторымъ маршалъ, хозяинъ и Поливановъ, за третьимъ хозяйка, генералъ Боверъ (который сего дня въ три часа послѣ обѣда изъ Фридрихсгама пріѣхалъ и сталъ съ нами въ одномъ домѣ) и Дерфелтъ, за четвертымъ Соймоновъ, Тобольскій маіоръ и купецъ Теше; изъ оныхъ три съ ломберомъ, а первый — съ тресетомъ. Въ сей вечеръ маршалъ проигралъ около 20 рублей, а выигралъ Поливановъ. Прочіе жъ мужчины курятъ табакъ, а женщины упражняются о нарядахъ въ разговорахъ. Вдругъ между женщинъ увидѣлъ преизрядную, изъ первыхъ въ городѣ, госпожу; а какъ она показалась мнѣ нѣкакъ отмѣнною, то и вздумалъ сдѣлать ей описаніе. Госпожа изрядная, лицо имѣетъ наипріятнѣйшее, брунетка; на щекахъ румянецъ показался мнѣ хоть небольшой да природный; станъ по препорціи большаго для женщины росту, очень хорошій, да жаль, что недостаетъ живности и модныхъ поступокъ, а это отъ того, что она дочь здѣшняго мѣщанина и въ многолюдствѣ, да и какъ видно, ни въ какихъ наукахъ и обра-

*) Noblesse, дворянство.

Государственная ордена Ленина БИБЛИОТЕКА СССР им. В. И. ЛЕНИНА

щепіяхъ модныхъ не бывала. О, ежели бъ эта госпожа побывалъ въ наукахъ у нашихъ Петербургскихъ модныхъ щеголихъ и хотя бъ одно лѣто на тарлыкъ поѣздила и чертовыхъ всеношенъ до двѣнадцати съ рогами отслушала *), то бъ, кажется, ни въ какой публикѣ никому не уступила, ибо еще лѣтъ около двадцати. И изподлинно можно признаться, что сія госпожа въ Выборгѣ первая да и въ самомъ лучшемъ и многолюдномъ мѣстѣ послѣднею быть не можетъ. А по ней слѣдовала изъ лучшихъ же дѣвица, которая по справедливости не красавица, но отмѣнная ея усмѣшка дѣлаетъ ее нѣкакъ пріятну, въ чемъ свидѣтельствуетъ господинъ Поливановъ. Въ полодиннатцата, какъ игра кончилась, а кушанье на столъ ужь поставлено, маршалъ взялъ хозяйку, а хозяинъ вышеописанную отмѣнную госпожу, пошли къ столу. Ей мѣсто досталось между маршала и Бовера, и очень было смотрѣть забавно, пріятно и смѣшно, какъ сіи высокопочитаемые господа генералы съ обѣихъ сторонъ къ ней елисеплись, а она, поворачиваясь на обѣ стороны, дѣлала имъ однимп усмѣшками отвращенія знаки, и какъ видно, больше въ сходство честности не хотѣла. За столомъ были разговоры о разномъ. Я сидѣлъ подлѣ хозяина, и какъ мнѣ подали тарелку съ рыбою, между чѣмъ былъ рыбій хвостъ, то хозяинъ меня спросилъ: какъ эту часть рыбы называютъ по нѣмецки? Я тотчасъ громко отвѣчалъ, что это шванцъ, то во всемъ столѣ сдѣлался великій смѣхъ; я не думалъ, что это моему выговору; но какъ маршалъ нахмурясь и съ сухимъ смѣхомъ проговорилъ, что я дурной переводчикъ, тогда уже понялъ, что слово шванцъ въ нѣмецкомъ языкѣ еквивокъ и значитъ, кромѣ хвоста, нѣчто иное; а ѣдучи на квартиру, ужь то и ексиликовалъ, а я извинялся, что въ нѣмецкомъ языкѣ не совершенъ и до сего не зналъ того; а коли бъ зналъ, то бъ при такой бесѣдѣ, ипже при женщинахъ, не проговорилъ. Столъ кончился въ половинѣ перваго, а по окончаніи прописанная красавица, откланявшись и поводя на всѣхъ глазами, къ сожалѣнію нашему, уѣхала. А потомъ и мы на комендантской каретѣ трое — при маршалѣ я съ Поливановымъ (ибо Соймоновъ съ Лодыженскимъ пошелъ пѣшъ), на свою квартиру поѣхали, а пріѣхавъ, не много побивъ шабалы, уже въ два часа спать легли. Хотя жь выше и говорено, что завидныхъ женщинъ въ собраніи видно не было, однако нашего го-

*) Образцы языка модницъ шестидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка Сравн. въ «Живописцѣ» Новикова, изд. 7-е, стр. 53 и 59.

сподина Соймонова пала склонность къ одной не знаю какой-то персонѣ, и хотя онъ, говоря дурно по нѣмецки, вздыхая жь, по французски любовь свою старался изъяснить, но она или не разумѣла, или не хотѣла, оставила его безъ отвѣта, чѣмъ балъ, къ сожалѣнію его, господина Соймонова, и кончился. А что это правда, то и господинъ Лодыженской по чести свидѣтельствуетъ.

12-е, понедѣльникъ. Мы, составляющіе маршальскую свиту, встали въ 7 часовъ и, пивъ чай, чесали волосы и одѣвались. А маршалъ, уставъ 8, пришелъ къ намъ и пилъ кофе и, побивъ нѣсколько шабалу, пошелъ въ свою компату одѣваться. Пришли къ нему здѣшній господинъ оберъ-комендантъ и генералы Дерфелтъ и Боверъ и имѣли нѣкоторые нужные и до насъ не принадлежащіе разговоры. А мы, составляющіе свиту, одѣвшись и проваландавшись до 11 часовъ, я съ маіоромъ Тобольскаго полка господиномъ Черемисиновымъ и Соймоновъ, пошли, а Поливановъ въ каретѣ здѣшняго лагмана Алексіуса поѣхали за городъ на полковой Тобольскій дворъ. Тамъ видѣли презрядно устроенную артиллерію, полковой и ротный обозы, для больныхъ коляски, по особливымъ магазейнамъ положенную ротную аммуницію и полковыхъ лошадей, и все нашли въ наилучшемъ порядкѣ, да въ такомъ порядкѣ, какого я во всю мою жизнь никогда и нигдѣ не видалъ. И подлинно: сей полкъ, получа ордеръ, въ 24 часа дѣйствительно выступить можетъ, развѣ воспрепятствуетъ то, что роты отъ штабу расположены въ верстахъ въ 50 и до 70. Побывъ тамъ и возвратясь, ходилъ въ городѣ по лавкамъ, смотрѣли товаровъ, коихъ въ разсужденіи города довольно и цѣны умѣренной; однако ничего не купилъ. А пришедъ на квартиру, какъ было уже 12 часовъ, поѣхали къ господину оберъ-коменданту—генералъ въ его каретѣ, а я съ Соймоновымъ въ каретѣ Дерфелтовой, Поливановъ же съ Алексіусомъ въ его каретѣ. А пріѣхавъ, и кушанье скоро на столъ было поставлено, то взявъ за руки маршалъ хозяйку, и генералъ дочерей, пошли къ столу около исхода перваго. За столомъ сидѣло, кромѣ хозяина съ семьею и нашей свиты, два генерала, Тобольскій маіоръ, лагманъ Алексіусъ, лѣкарь Пель, Тешъ и одинъ Тобольскій офицеръ, всѣхъ 16 человѣкъ; а отобѣдавъ въ полтора часа, тѣмъ же порядкомъ, какъ и прежде, пошли къ кофейному столику. Я, выпивъ чашку кофе, слѣдуя моему обыкновенію, пошелъ спать, и какъ уже выспался, то часу около четвертаго пришли Поливановъ и Соймоновъ и зачали бить шабалу, а тамъ запѣли пѣсню, и я на старости тряхнулъ бедрой. Да и маршалъ въ началѣ шестого съ ге-

нералами Боверомъ и Дерфелтомъ на квартиру пріѣхалъ и одинъ себѣ трое разговаривали, а мы себѣ въ своихъ коморкахъ пусто-мололи. Сей вечеръ послѣдовали вотъ какія приключенія: 1) Около пяти часовъ Поливанова слуга сыскалъ изрядную, какъ снаружи видно, дѣвочку и привелъ знатно, чтобъ отдать ей изъ дорожнаго его бѣлья перемыть, а отдалъ или нѣтъ, я не видалъ. 2) Будучи у коменданта, посулилъ меня и Поливанова поминаемый здѣшній купецъ Тешь выпарить въ банѣ, и мы туда въ 7 часовъ въ тулупахъ пошли, и пришедъ, въ его покояхъ раздѣлись. Баня приготовлена была изрядно; на верхнемъ и на нижнемъ полку постланы были пуховики съ бѣлыми простынями и для мытья пасъ одна финская не старая и хорошенькая дѣвушка; какъ скоро пришли, и я раздѣлся по банному, то оная дѣвушка, наливъ тазъ теплой воды и взявъ мыла, приступя, стала, поворачивая на обѣ стороны, какъ надобно въ банѣ, меня мыть. А потомъ выпаря, окатила, и я пошелъ вонъ. То Поливановъ, оставаясь, прислалъ меня, чтобъ я ему съ его слугою прислалъ рубль. Я хотя и понялъ, на что ему рубль надобенъ, однако (помянувъ дни древніе) ему не отказалъ и тотчасъ исполнилъ, стараясь при томъ, чтобъ хозяинъ не видалъ. А онъ, чрезъ четверть часа вышедъ, принесъ мой рубль и отдалъ мнѣ назадъ,—изъ чего я заключилъ, что онъ на промѣнъ не пошелъ... Я признаюсь, что въ этомъ согрѣшилъ, но какъ быть: и я самъ молодъ бывалъ. Напившись у хозяина чаю и одѣвшись, подаря изрядную намъ служащую въ банѣ между щедрости и скупости посредственно, пошли на квартиру. Маршала нашли спящаго съ генералами, а въ 10 часовъ, какъ остался маршалъ одинъ, вышелъ къ намъ, былъ съ нами до 11 часовъ шабалу, при чемъ подавали чай, а въ 11 столъ былъ готовъ, и стали ужинать. За ужиномъ, просидѣвъ около часу, встали; пошли въ наши коморки и, побывъ съ полчаса шабалу, маршалъ пожелалъ намъ доброй ночи, пошелъ въ свою, а мы, раздѣвшись, съ четвертью въ двѣнадцать спать легли.

13-е, вторникъ. Маршалъ, вставъ въ 7 часовъ, разбудилъ служителей. А какъ около половины осьмого и мы встали, то пришелъ къ намъ и маршалъ; тутъ пили чай и кофе, и маршалу стали чесать волосы, да и мы стали одѣваться; а одѣвшись, маршалъ пошелъ въ покой къ Боверу и тамъ пробылъ до одиннадцатаго; а потомъ написалъ и отправилъ въ Петербургъ почту. Въ двѣнадцать часовъ поѣхали къ оберъ-коменданту маршалъ съ генералами въ его каретѣ, а Соймоновъ съ Поливановымъ въ Дерфелтовой;

я жь съ оберъ-провіантмейстеромъ Голубцовымъ въ коляскѣ Тобольскаго маіора; а пріѣхавъ, черезъ четверть часа обыкновеннымъ манеромъ къ столу (кромѣ хозяйской семьи и нашей свиты, статскій совѣтникъ Колманъ, лагманъ Алексіусъ, оберъ-провіантмейстеръ Голубцовъ, лѣкарь, Тешъ, и офицеръ Тобольскаго полка. всего 17 человѣкъ) отправились. За столомъ проспдѣли часа около полутора, пошли къ кофе, а я выпивъ чашку, пошелъ и, зашедъ къ помянутому въ воскресенье Рязанскому офицеру, выспался и, напившись довольно чаю, пошелъ къ коменданту, но маршала съ свитою уже не засталъ и сѣлъ въ карету съ Калмановымъ; домой поѣхавъ, а пріѣхавъ около 6 часовъ, маршала нашелъ дома, и у его спдятъ генералы, разговариваютъ и разсматриваютъ карты. А мы съ Поливановымъ начали бить шабалу; Соймоновъ же съ Лодыженскимъ принялись за рисовку, и нарисовалъ Соймоновъ изрядный эстампъ; однако какъ столъ былъ худъ, а онъ небережно налегся, то обломилъ, и что нарисовалъ, чернилами залилъ. Очень жаль; нарисовано было хорошо. А въ 7 часовъ поминаемый Тешъ сдѣлалъ Поливанову и мнѣ визиту и, поспдѣвъ съ полчаса, пошелъ, а мы послѣ его, помоловъ пустошы до десяти часовъ, всѣ поспули, а проспувшись въ одинадцатомъ, дожидались маршала. Онъ имѣлъ дискурсъ съ помянутыми генералами въ своей комнатѣ, а окончивъ въ исходѣ двѣнадцатаго часа, вышелъ и, поболтавъ съ нами съ полчаса, пошли ужинать. За ужиномъ проспдѣвъ около часа, пошли въ наши каморки и зачали опять болтать, а какъ уже былъ въ исходѣ первый, то я напомнилъ маршалу о покоѣ, а онъ, сказавъ намъ добрую ночь, въ свою комнату отправился; мы жь послѣ сего, поболтавъ нѣсколько, въ началѣ втораго спать легли. Съ самаго выѣзду изъ Петербурга погоду имѣли хорошую, а сего дня поутру увидѣли выпавшій въ воробьево колѣно снѣгъ; около жь девятаго часу стало прибавлять больше и, перемѣнясь въ мокрый, а потомъ и въ дождь, съ великимъ съ моря вѣтромъ, кончался день ненастьемъ.

14-е, среда. Господинъ Поливановъ всталъ около 6-ти часовъ и меня разбудилъ; а какъ уже и служители встали, то подали намъ чай, а мы между тѣмъ чесали головы и убирались, а служители убрали наши постели и платье въ карету и коляску. А какъ маршалъ что-то заспался, то камердинеръ его разбудилъ: онъ еще не успѣлъ одѣться, анъ всѣ три генерала къ нему пришли и нѣсколько штабъ- и оберъ-офицеровъ собралось. А между тѣмъ и лошадей привели и стали впрягать, и какъ уже къ отъ-

ѣзду все было готово, а маршалъ занятъ былъ къ нему пришед
шими, такъ изготовленное къ обѣду обѣдали кое-какъ мы; а в
12 часу маршалъ, пожелавъ всѣмъ счастливо остаться, а они нам
счастливаго пути, и со всѣми простясь, съ квартиры въ каретѣ съ
комендантомъ маршалъ, Поливановъ съ Соймоновымъ, а я въ до-
рожной благополучно отправились и, заѣхавъ къ коменданту, выпивъ
по рюмкѣ водки и поболтавъ нѣсколько кое-чего, простясь съ ко-
мендантомъ и съ его домашними, въ первомъ часу въ половинѣ
изъ города выѣхали; до коменданта провожали оба генерала и нѣ-
которые штабъ-офицеры. Выѣхавъ изъ города, ѣхали шесть верстъ
безостановочно, а какъ спускаясь съ горъ, переломилось у карети
поперечное дерево, къ коему припрягены были сторонніе лошади,
то вышедъ, мы пошли пѣши, а карета, исправясь, насъ догнала,
и мы, не доходя до рѣки Писпе, наѣхали рѣку, переѣхали ниже
поврежденной мельницы по мосту. Сія рѣка течетъ широкою до-
линою и въ обѣ стороны дороги; по берегамъ видны изрядные
луга и пашни, а рѣка каменистая и не очень широка; отъ оной
рѣки ѣхали до рѣчки Тервіоки 13 верстъ; тутъ, зашедъ въ избу
къ мужику Якобу (это было 3 часъ), маршалъ нѣсколько покушалъ
(ибо изъ Выборга въ силу политики выѣхалъ не обѣдавъ), въ чемъ
и мы ему помогли, для того что въ Выборгѣ обѣдали дурно. Рѣчку
переѣхали по мосту же, и рѣчка также тамъ каменистая, какъ и
Писпе, и течетъ очень быстро. Перемѣня лошадей, поѣхали къ
Вилаіокамъ и на десятой верстѣ отъ Тервіокъ обмѣрили, а въ 7
часовъ пріѣхали къ рѣкѣ Вилаіоки и, заѣхавъ въ сторону съ до-
роги вправо, въ мызѣ дворцоваго коммисара Елефанта ночевали.
Квартиру и постели имѣли мы изрядныя, только того жаль, что
маршалъ былъ нездоровъ, а вотъ отчего: дорогою, имѣя въ ротѣ
съ табакомъ трубку, выглянувъ изъ кареты, нѣкакъ повредилъ
подъ языкомъ, и такъ легъ не ужинавъ, да и мы ѣсть не хотѣли, а
поѣвъ только, получа отъ господина Елефанта, каши изрядного мо
лока съ яблоками, въ десять часовъ легли спать. Комиссаръ Ел
фантъ подчиненъ дворцовой канцеляріи и имѣетъ въ своемъ прав-
леніи вѣдомства дворцовой канцеляріи мужиковъ 257 гейматовъ,
кои составляютъ Зекервскій кирхшпиль, къ которому и онъ, Еле-
фантъ, съ своею мызою принадлежитъ. Въ сей ночи господину По-
ливанову было нѣкое привидѣніе, будто стоящую при его кроватѣ
свѣчу приняла хозяйская дочь. А какъ я и самъ видѣлъ, что свѣчу
приняла самая дурнал, похожая на чертовку, хозяйская работница,
то и заключилъ, что онъ, господинъ Поливановъ, нѣчто о хозяй-

ской дочери, какъ она дѣвушка изрядная, имѣлъ въ мысли, такъ она ему и привидѣлась.

15-е, четверг. Въ 7 часовъ господинъ Поливановъ меня разбудилъ, ибо я никакъ заспался, и какъ всталъ и сталъ одѣваться, то стали подавать чай; да и маршалъ въ 8 часу проснулся и одѣвшись писалъ въ отвѣтъ на полученныя въ сей ночи съ курьеромъ письма, а отъ куда и отъ кого сей курьеръ пріѣзжалъ, о томъ я, яко до насъ не принадлежащемъ, не любопытствовалъ; а писавши пилъ и кофе. Отправя жъ курьера, а лошади были отпряжены, то сѣвъ въ карету въ 9 часу поѣхали; на 8 верстѣ отъ Вилаіоки въ правой сторонѣ минули Зекервскую кирку, и видѣнъ былъ изрядный пасторскій домъ; проѣхавъ кирку отъ Вилаіоки, на десятой верстѣ встрѣтилъ маршала Псковскаго полку господинъ прапорщикъ Петръ Алексѣевичь, сынъ Алексѣя Ивановича Хитрова, молодецъ слишкомъ проворенъ; а мы остоновясь, перемѣня лошадей, ѣхали до Валпаіоки и до деревни Урполь, при которой стоитъ Рязанскаго полку съ ротою капитанъ Анцыферовъ; и перемѣня тутъ лошадей, поѣхали до залива Питерлаксъ и на мызѣ лѣкаря Вилкенса обѣдали. Столъ состоялъ въ холодномъ. Съ мызы поѣхали въ два часа и, доѣхавъ до рѣчки Равкіоки, лошадей перемѣнили. Доѣхавъ же до мысы Вулферта штатгалтера, лежащей при деревнѣ Наукалъ, въ 7 часу ночевать остановились, и натопя покой, въ 9 часовъ поставленъ былъ состоящій изъ холоднова ужинъ, а притомъ имѣли молоко съ яблоками и яйца въ смятку. А какъ постели были готовы, то поужинавъ, въ одиннадцатомъ часу спать легли—мы съ Поливановымъ и съ Соймоновымъ въ каморкѣ, а маршалъ въ другой.

16-е, пятница. Вставъ въ началѣ восьмого удивился: увидѣвъ Поливанова, спитъ у самого порогу въ большой прихожей въ безпорядкѣ. Я было подумалъ, ужь не домовой ли дѣдушка его туда перенесъ, да онъ, чтобъ я не сомнѣвался, мнѣ сказалъ, что я его храпѣньемъ и плеваньемъ моимъ безпокоилъ, и такъ постелю свою перенесъ ночью самъ, а что непорядочно послана, тому причина ночная темнота. И такъ стали убираться; а какъ подали чай, то по резону, что при семъ урочищѣ воды хорошей нѣтъ, очень мало пили: я выпилъ двѣ, а Поливановъ одну чашку, а маршалъ и Соймоновъ, и не пивъ ни одной чашки, поѣхали, а пріѣхавъ къ урочищу въ Вендлаксъ *), осматривалъ маршалъ то мѣсто, гдѣ въ прошлую Швед-

*) Мендолаксъ.

скую войну имѣли Шведы славную крѣпкую засѣку и батарею, оставя къ Фридрихсгаму ретировались. Какъ мнѣ кажется, мѣст крѣпкое, и удивительно, что оное господа Шведы оставили. Она засѣка начинается на 88 верстѣ отъ Выборга и кончается на 11 отъ Фридрихсгама. Господинъ же Поливановъ сходилъ на зайцовъ и видѣлъ очень много свиристелей, да ни по зайцамъ, ни по свиристелямъ выстрѣлить не удалось, хотя не одинъ разъ покушался, но по несчастію осѣкалось, а сіи животныя другаго заряду не дожидались: и такъ дѣло прошло безъ дѣйства. Осмотря сіе славное мѣсто, поѣхали въ городъ и въ одиннадцать часовъ безостановочно пріѣхали.

Квартиры намъ показаны у Фридрихсгамскихъ мѣщанъ—маршалу у Ната, Поливанову у Штевинга, мнѣ у Рихарта. Какъ пріѣхали на маршалову квартиру, то хозяинъ съ фамиліею вышелъ и съ оказаніемъ всѣхъ учтивостей встрѣтилъ. А какъ вошли въ покой тотчасъ пришелъ и комендантъ господинъ полковникъ Линдинъ и полевыхъ полковъ командиры: Рязанскаго господинъ подполковникъ Шалыгинъ, Псковскаго господинъ секундъ-маіоръ Маслениковъ. У хозяина жъ поставленъ былъ столъ съ кофеемъ и съ чаемъ въ изрядномъ порядкѣ, а въ 12 часовъ собранъ былъ обѣденный столъ, за который въ половинѣ втораго сѣли, и не исключая хозяина, хозяйки и ихъ дочерей и нашей съ маршаломъ свиты, 19 человѣкъ обѣдали, а именно: комендантъ, подполковникъ Манасеинъ, Рязанскій подполковникъ Шалыгинъ, Псковскій маіоръ Масленниковъ, маіоръ съ деревянною ногою Терперъ, артиллеріи капитанъ Ладыженской, плацъ-маіоръ Бирштамъ, Псковскій лѣкарь Гринъ и учитель хозяйскихъ дѣтей Винцель. Въ исходѣ третьяго часу, вставъ изъ-за стола, всѣ разошлись; а маршалъ, пошедъ въ свою коморку, легъ на постель, заснулъ, а мы пошли по своимъ квартирамъ. Я выспавшись въ 4 часа пришелъ къ маршалу; уже онъ проснулся, то принесенъ былъ въ его спальню столикъ съ чаемъ, и хозяйская большая дочь подчивала маршала и меня, и какъ собрались къ нему нѣсколько штабъ-офицеровъ, сдѣлали двѣ партіи ломбера, а онъ сѣлъ играть въ шахматы съ Поливановымъ и проиграли до десяти часовъ, а въ десять часовъ накрыли столъ, за который въ половинѣ одиннадцатаго сѣла наша свита, хозяинъ самъ-третей, комендантъ, Шалыгинъ, Ладыженской, прапорщикъ Хитровъ, Псковскій лѣкарь и домашній учитель и ѣдущій съ нами сержантъ Бушуевъ и просидѣли до полудвѣнадцатаго, а вставъ всѣ Фридрихсгамскіе, пожелавъ маршалу доброй ночи, пошли, а

мы проводили маршала въ его каморку и, побывъ до исхода перваго часа шабалу, откланявшись, пошли по своимъ квартирамъ и въ началѣ втораго спать легли.

Дорога отъ Выборга до Фридрихсгама была хотя и не гористая, но и ровною назвать нельзя, ибо почти на всякихъ двухъ верстахъ имѣли хотя небольшія горы, а отъ Выборга на 6-й да не доѣзжая Фридрихсгама на 5-й превеликія горы. Послѣднія при заливѣ, называемомъ Клубицъ, и по обѣимъ сторонамъ всей дороги превеликіе камни, какихъ я нигдѣ на землѣ, кромѣ что въ шерахъ *) по островамъ, не видывалъ, а отъ Зекервской кирки до урочища Валпаіоки верстахъ на 10 немалый песокъ, и камней было видно очень рѣдко; къ земледѣлію жь и къ сѣнокосу способныхъ мѣстъ нигдѣ было не видно, кромѣ какъ около жила, и то посредственно довольно; воды вездѣ, выключая при урочищѣ Коукалъ, гдѣ гатгалтерская мыза изрядная, а при сей мызѣ вода очень дурная и на чай не годится. Погоду имѣли: изъ Выборга поѣхали съ дождемъ пополамъ и съ снѣгомъ, а за Тервіоки къ Вилаіоки пошелъ превеликій снѣгъ съ вѣтромъ, и во всю ночь была превеликая вьюга, къ утру же сдѣлалась погода благополучная съ малымъ морозомъ, и показался нужный санный путь, съ коимъ и въ городъ въѣхали.

17-е, суббота. Всталъ я въ своей квартирѣ въ половинѣ пятаго и до семи описалъ вышеписанное отправленіе изъ Выборга и что съ нами въ дорогѣ до Фридрихсгама слѣдовало; а въ семь, какъ ужь я обулся, то поставилъ мнѣ хозяинъ столикъ съ чаемъ и кофеемъ, а я, напившись и одѣвшись, пошелъ къ маршалу и нашелъ его уже одѣтаго. А потомъ пошелъ я и Соймоновъ съ маршаломъ по крѣпости и были въ новопостроенномъ лазаретѣ и на обоихъ полковыхъ полевыхъ полковъ дворахъ. Маршалъ смотрѣлъ все, а мы съ Соймоновымъ тутъ же были шабалу, ибо смотръ до насъ не принадлежитъ; а оттуда маршалъ пошелъ въ городъ и, посмотря, какъ рвутъ каменья, пошелъ на свою квартиру, а я любовался городомъ, коему ниже сего слѣдуетъ описаніе. Осмотря все, что мнѣ вздумалось, пришелъ къ маршалу; а какъ уже было 12 часовъ, то пошли къ коменданту, ибо званы были обѣдать. Тутъ увидѣлъ я и Поливанова, а гдѣ онъ былъ, я не любопытствовалъ, а положилъ, что онъ ходилъ стрѣлять свирстелей или куда въ невѣдомые намъ гости. Пришедъ къ коменданту въ половинѣ вто-

*) То есть, въ шхерахъ.

раго, кромѣ хозяина съ женою и нашей свиты, въ 12 человѣках за столъ сѣли; а вставъ въ три часа, я скоро пошелъ спать, выспавшись, въ пять часовъ пришедъ къ коменданту, уже нашелъ маршала, играющаго съ подполковникомъ Манасеинымъ въ шахматы, а Поливанова и Соймонова съ прочими въ ломберахъ. А какъ въ 10 часу поставили столъ, то сѣли ужинать въ 14 человѣкахъ съ нами и съ хозяиномъ: отужинавъ же въ одиннадцатомъ, сдѣлавъ комплементъ хозяину и хозяйкѣ, разошлись; мы, проводя маршала до постели и поболтавъ съ полчаса, пошли по квартирамъ; я, пришедъ на свою около половины двѣнадцатаго, спать легъ.

Городъ Фридрихсгамъ, хотя не великъ, только по состоянію своему назваться можетъ презрительнымъ: расположеніе въ крѣпости домовъ я лучше нигдѣ не видалъ; изъ центра 8 улицъ, по примѣру до вала отъ пункта ратуши во всѣ стороны сажень по 200 построено обывательское строеніе перспективно; а въ самомъ центрѣ ратуша, по состоянію мѣста зданіе не малое, церковь одна гарнизонная и двѣ полевыхъ полковъ деревянныя, кирокъ двѣ. Въ одной деревянной отправляется служба на шведскомъ, а въ другой каменной на финскомъ языкахъ. Товаровъ русскихъ на солдатскую и мужицкую руку слишкомъ довольно. Торгуютъ оными Олонецкіе купцы, живучи домами; только все очень дорого; а чужестранныхъ въ четырехъ лавкахъ очень мало, а имѣютъ сахаръ, кофе, чай, сыры, сельди разныхъ сортовъ, табакъ, трубки, сукно и разныя шелковыя и шерстяныя аглинскихъ и другихъ фабрикъ матерій и ситцы. Фридрихсгамское купечество, которое составляютъ частію тутошніе уроженцы, а частью изъ разныхъ мѣстъ пришедшіе Шведы, и содержутъ въ домахъ, и продаютъ очень дорого жь; а для покупки оныхъ пріѣзжаютъ изъ-за границы господа Шведы, и тому что въ Швецію всѣ оные товары вывозить запрещено. Купцовъ тамошнихъ домовъ до двадцати и живутъ нехудо; торгъ имѣютъ пильными досками и смолою, для чего имѣютъ почти всѣ пильныя мельницы; большею частью по Кименп живутъ очень хорошо и очень вѣжливы и ласковы, въ двадцать разъ лучше Выборгскихъ; да вотъ что всего лучше: всѣ жители, мѣщанство и военные, тутошные и полевые, между собою очень согласны и никакихъ ссоръ и крамолъ не имѣютъ, что я, зная совершенно Россію, за рѣдкость считаю. А какъ ничто въ совершенствѣ быть не можетъ, такъ и Фридрихсгамъ имѣетъ свой порокъ: въ каждомъ домѣ самой нужный покой, въ какой и самъ султанъ турецкій въ случаѣ нужды

ипкому, кромѣ себя, входить не вѣряетъ, отъ покоевъ построенъ отъ трехъ до семи сажепъ по примѣру; и буде приключится необходимая нужда, принужденъ идти до того покоя безъ покрова.

18-е, воскресенье. Всталъ я въ пять часовъ, сдѣлалъ описаніе вчерашнему дню, и, напившись у хозяина чаю, одѣлся и пошелъ къ маршалу и нашелъ его чрезъ-чуръ веселаго даже до слезъ. Я удивился, откуда бъ ему припала такая веселость, и скоро узналъ, что въ сей почи получилъ онъ отъ 14-го изъ Санктпетербурга штафету, въ коей собственно всероссійская владычица его увѣдомляетъ, что Яссы взяты, что визирь съ пятью тысячами ушелъ за Дунай, что серастеръ*) Абаза-Паша стоитъ у Дунайскаго моста съ 400 Турками, и что наши казаки пошли его прогнать, что они же сожгли на Дунаѣ непріятельское недавно построенное судно, и что непріятельскій магазейнъ взятъ, что армія пошла въ Бухарестъ и въ Чочоры, что отъ Хотина до Ясъ сочли до 20,000 мертвыхъ лошадей, и что вся Молдавія въ вѣрности присягала,— о чемъ и я, ему сердечно сорадуясь, чуть не заплакалъ. Маршалъ о семъ тотчасъ далъ знать здѣшнему коменданту съ повелѣніемъ, чтобъ въ нашихъ и лютеранскихъ церквахъ объявить и принесть Всевышнему благодареніе. Почему какъ въ нашей, такъ и въ лютеранскихъ церквахъ при собраніи множества народа было объявлено и пѣтъ благодарные съ пѣніемъ: „Тебѣ Бога хвалимъ“, молебны. Маршалъ, вышедъ съ квартиры, смотрѣлъ Рязанскаго полку собравшуюся на караулъ подъ командою капитана Фампицына команду, а потомъ, зашедъ въ шведскую церковь, побывъ мало, пошелъ въ свою и засталъ отправленіе божественной литургіи: поютъ „Трисвятое“. Службу отправлялъ изрядный Фридрихсгамскій священникъ въ богатыхъ ризахъ. Пѣли на обоихъ крылосахъ Псковскаго полка служители „Иже херувимскую“ и „Достойно“ партесомъ, а концертъ въ обыкновенное время, изрядный, точно принадлежащій такой радостной вѣсти, а именно: „Благословенъ Господь Богъ нашъ“, въ коемъ между рѣчьми были и слѣдующія: „Пожену враги моя, и постигну я, и не возвращуся, дондеже скончаются; оскорблю ихъ, и не возмогутъ стати, падутъ подъ ногама моими“. По отпѣніи молебна, который отправлялъ служащій съ двумя полковыми священниками, во время пѣнія „многая лѣта“, дѣлали маршалу священство поздравленія и стрѣляли съ крѣпости изъ пушекъ. Во всю обѣдню, а особливо въ молебенъ, старикъ подполковникъ Манасеинъ изъяв-

*) То есть, серасиръ.

лялъ мнѣ свое сожалѣніе, что у нихъ въ Фридрихсгамѣ дьякона нѣтъ, а при томъ почти слезно просилъ. Писали они къ Петербургскому архіерею, просючи, чтобъ далъ имъ дьякона, а хотятъ просить у маршала, чтобъ о томъ у архіерея постарался, а я бъ ему напомнилъ. Я жь хотя и признаю, что дьяконъ для службы Богу не нуженъ, да во украшеніе церкви, особливо въ пограничномъ мѣстѣ, надобенъ: ибо часто люди бываютъ изъ пограничныхъ городовъ, особливо изъ Лувизы; да и тутъ, въ церквѣ, между купцовъ было оттуда пріѣзжихъ трое; въ томъ ему и обѣщалъ. А въ лютерской, въ коей мы были, было два пастора. Первый—старикъ лѣтъ 80-ти; а другой—молодой, стоялъ на канцелѣ и на шведскомъ языкѣ говорилъ предику чрезъ мѣру громогласно; признаюсь, что такого громогласнаго пастора отъ роду не слыхалъ; да такъ кричалъ, что всѣмъ корпусомъ былъ въ великомъ трясеніи: и что это за голосъ! Ни лучшій нашъ протодьяконъ такъ закричать не можетъ! Вышедъ послѣ молебна изъ нашей церкви маршалъ, идучи въ квартиру, смотрѣлъ Псковскаго полка смѣнившуюся съ караула команду. А какъ скоро пришелъ на квартиру, то пришло лютеранское духовенство: думъ-пробстъ Гутцеусъ съ крикупомъ и другими пасторами, и первый говорилъ маршалу на шведскомъ языкѣ рѣчь, коя по переводѣ при семъ слѣдуетъ:

„Высокопревосходительному господину генералъ-поручику, маіору Ея Императорскаго Величества лейбъ-гвардіи и кавалеру, милостивому государю! Чрезъ ваше высокопревосходительство сдѣлано нашему городу сей день радостное извѣстіе публичнымъ обрадованіемъ на катедрѣ. Сія вашего превосходительства превосходная милость открываетъ намъ, общимъ Фридрихсгамскимъ жителямъ, желаемый случай вашему высокопревосходительству принести всепокорнѣйшую нашу благодарность; Ея Императорскому Величеству, нашей всемилостивѣйшей высокой государынѣ, желаемъ мы съ глубочайшимъ почтеніемъ счастіе и благословеніе къ сей высокославной побѣдѣ и изобильное превосходство, которою бъ Ея Императорскаго Величества со всею непобѣдимой арміи помощію Всевышняго надъ Турками, врагами всего христіанства, побѣду одержали, чрезъ что Ея Императорскаго Величества блистающей коронѣ все княжество Молдавское покорилось. Ея Императорскому Величеству и ея высокославной арміи моремъ и сухимъ путемъ желаемъ искреннимъ усердіемъ и впредь сильную защиту Всевышняго, какъ противъ всѣхъ тайныхъ, такъ и явныхъ непріятелей. Мы же желаемъ подъ Ея Императорскаго Величества милости-

вымъ и сильнымъ скипетромъ защиту и сохраненіе, какъ въ духовныхъ, такъ и въ гражданскихъ обстоятельствахъ, которымъ мы наслаждаться за нужное почитаемъ. Да благоволитъ всевышняя десница Ея Императорскому Величеству изливаемыми щедротами нынѣ и во вѣки вѣковъ. Я остаюсь вашего высокопревосходительства покорный слуга Фабіанъ Гутцеусъ".

А проговоря, сіи духовные, немного мѣшкавъ, отправились, и скоро у хозяина стали ставить столы, за кои въ исходѣ перваго часа сѣли: за первый 21, за другой девять—всего 30 человѣкъ. За столомъ пили за высочайшія здоровья и счастливаго оружія. А въ началѣ 3-го, какъ изъ-за столовъ встали, я пошелъ спать, а выспавшись пошолъ къ маршалу, коего нашелъ, — отправляетъ въ Петербургъ штафету; а въ передней нѣкоторые играютъ въ ломберъ, а другіе въ шахматы. А въ 7 часовъ съѣхались: госпожа комендантша и прочихъ женщинъ 28, въ томъ числѣ изъ-за шведской границы двѣ изрядныя дѣвицы (а на шведскомъ языкѣ вакеръ флике),—одна изъ Або̀ва, а другая изъ построенной послѣ войны крѣпости Лувизы. Сіи дѣвицы хотя не завидны, однако хорошо одѣты, и какъ собралось офицеровъ и мѣщанъ довольно то и начался балъ. Оный открылъ хозяинъ съ комендантшею, а маршалъ, видя, что тутъ ни одной похожей на прекрасную танцовщицу Сантини *) нѣтъ, отъ танцовъ, изъяснясь благопристойнымъ образомъ, что у него болитъ нога, отказался. Въ одиннадцать же часовъ роздали билеты, а въ 12 пошли черезъ дворъ въ особую комнату къ столу. Мнѣ досталась попадья, изрядная молодица, жена пастора Гавеніусъ. Тутъ была одна дѣвушка, недавно пріѣзжая изъ Петербурга, такъ проворна, что, я чаю, въ Петербургѣ всему научилась. Я было хотѣлъ написать, кто она такая, да по счастію забылъ. На семъ балѣ и я на старости, въ сходство желанія маршала, до ужина дважды, да послѣ ужина одинажды, и такъ три раза прошелъ: одинъ съ комендантшею, а дважды съ сею проворною дѣвушкою. Чудо, какъ въ такомъ маломъ мѣстечкѣ всѣ танцуютъ! Да и танцуютъ въ разсужденіи мѣста, изрядно. Послѣ ужина, какъ уже былъ часъ первый, я спать пошелъ, а балъ остался въ своей полной силѣ и продолжался, какъ мнѣ послѣ сказывали, до половины втораго; въ кое время маршалъ, большую часть проигравъ въ шахматы, а въ исходѣ втораго

*) О танцовщицѣ Сантини упоминается въ Лѣтописи русскаго театра *П. Арапова*, стр. 101, и въ Запискахъ Порошина.

поблагодаря хозяйку, пошелъ въ свою комнату. Его проводя, Поливановъ въ началѣ 3-го спать пошелъ; а Соймоновъ, не дождавшись конца, какъ дитя молодое, захотѣлъ спать и ушелъ. Во весь балъ маршалъ былъ нѣкакъ посредственно скученъ, я полагаю, для того—подбѣгать было ему не къ кому *) и вздыхать не передъ кѣмъ. Тутъ были хотя личики изрядныя, но на мадамъ Сантину, какъ выше писано, ни чуть-чуть похожей ни одной не было. Онъ было подбѣжалъ къ Шведкамъ, да по несчастію, кромѣ шведскаго, никакъ не говорятъ, а черезъ переводчика подбѣгать казалось ему неприлично. А подбѣгать у него охотка есть, разсуждая, что черезъ подбѣганье и вздохи умъ острится, и можно де отъ того научиться быть и министромъ. Чтожь до Поливанова, то глаза его во весь балъ бѣгали по всѣмъ, какъ у ястреба; а иногда игралъ, сдѣлавъ маленькій банкъ и въ фаро: больше жь всего обращался его взоръ къ хорошенькой дѣвушкѣ. Кто она такая, — хоть знаю, да умолчу, и хотя онъ о встрѣчѣ глазъ ея со своими крѣпко старался, но она всегда, сколько я примѣтить могъ, долго отвращала: однакожь поцѣловать, оставя, что дворянинъ мѣщанскую дѣвушку (думая, что любовь дѣлаетъ все ровно), какъ мнѣ казалось, буде не ошибаюсь, ему удалось. Да и подлинно изрядная: брунетка, глазки востренькіе, только что уборъ мѣщанскій; однако чуть тако въ глазеньѣ ему удалось ли. А фаро сдѣлало ему счастья на пятьдесятъ рублевъ, да въ Выборгѣ, съ маршалскими, до 30; и такъ онъ, господинъ Поливановъ, въ выигрышѣ до осмидесяти. А Соймоновъ, какъ дѣтина молодой и душа безгрѣшная, то за лимберномъ, то за шахматами, или по большей части такъ глазѣлъ. Бушуевъ же мыкался со всѣми, какъ конь: я было его и осудилъ, что онъ въ присутствіи маршала выступить осмѣлился, а онъ извинялся, что подпяла его Петербургская ученая дѣвушка, такъ счелъ, буде отказать, то де будетъ противъ всѣхъ вѣжливостей. Однакожь, я въ томъ его не оправдалъ: надлежало бы о семъ доложить. Балъ сей былъ сдѣланъ коштомъ маршалскаго хозяина Ната. Да и какъ сказываютъ гарнизонные здѣшніе, что для всѣхъ получаемыхъ изъ арміи о благополучіи извѣстій, по принесеніи Богу благодаренія, даетъ купечество общественнымъ коштомъ всему Фридрихсгамскому поблесу и мѣщанству балы въ общемъ квартирномъ домѣ, и домы бываютъ, какъ и сей почти иллюминованы. Я не могъ

*) То есть, не за кѣмъ было ухаживать.

безъ смѣху видѣть, какъ нѣжный полъ бѣгалъ въ описанный мною подъ 17 числомъ самонужный покой; ибо была непогодь.

19-е, понедѣльникъ. Я всталъ по утру въ пять часовъ и, написавъ вчерашняго дни происхожденіе, легъ и опять уснулъ, а проснувшись, опять одѣлся и, напившись чаю, въ полдевята пришелъ къ маршалу и нашелъ его не спящаго; и побивъ съ нимъ шабалу, пошелъ къ Рязанскому подполковнику Шалыгину; а, поболтавъ у него съ полчаса мѣста, пришелъ опять къ маршалу; нашелъ его за шахматами—играетъ со Псковскимъ маіоромъ. Я, побывъ немного, пошолъ къ старой моей знакомицѣ комендантшѣ, и пилъ у нея превзрядный чай съ прекрасными сливками, какого въ всемъ Фридрихсгамѣ нѣтъ, потому, какъ я слышалъ, что Фридрихсгамскіе обыватели чаю пить не охотники, а пьютъ обыкновенно кофе, и пьютъ хотя жидко, однако очень хорошо. Удовольствовавшись же симъ превзрядимъ часмъ, въ 12-мь пошелъ къ маршалу, а какъ столъ ужь былъ готовъ, то въ началѣ перваго въ 14 человѣкахъ сѣли; а въ полстола пришелъ помянутый Шалыгинъ и сѣлъ за стульями, ибо уже отобѣдалъ. Вставъ изъ-за стола въ началѣ втораго и выпивъ по чашкѣ превзрядиаго кофе, изъ Фридрихсгама въ началѣ третьяго поѣхали смотрѣть лежащія въ уѣздѣ Фридрихсгама Псковскаго полку роты, на санкахъ; ибо къ тому снѣгу, что пошелъ въ Выборгѣ, еще снѣжку подпало. А ѣхали, первое, мимо лежащаго отъ города въ верстѣ герихтъ-комисара Гетценіуса дому, а потомъ по мосту, чрезъ протоку изъ небольшаго озера въ заливъ морской; до моста отъ города 2 версты. Отъ онаго моста до моста жь чрезъ рѣчку Суму, и; п коемъ финская деревня, и живетъ въ ней русскій шишкарь, 4 версты; а оттоль до деревни Таксала, лежащей при Роженіоки, 8 верстъ, гдѣ перемѣнили лошадей. Около сей деревни и по сторонамъ видно было нѣсколько жила, и къ земледѣлію, какъ и къ сѣнокосу, способныя мѣста. Все оное видимое жило составляетъ урочище Саксала: отъ Таксала до перваго рукава рѣки Кименн 6 верстъ. На оной построены купца Пата хлѣбная и пильная мельницы. Маршалъ вышелъ осматривать мельницы. Не доѣзжая сихъ мельницъ, саженъ слишкомъ за 200, на правой сторонѣ отъ Фридрихсгама лежитъ неизреченной величины вышиною, перпейдикулярно отъ горизонта саженъ до четырехъ камень и кончается при самой мельницѣ поплже, составляя въ утесъ саженъ до семи берегъ: а переѣхавъ чрезъ сей рукавъ,—мостъ при натуральной каменной плотинѣ съ малою человѣческими руками роботаю, построены помянутыя двѣ мельницы, кои имѣютъ дѣйство больше

сплою пороговъ; а ниже оныхъ также превеликій составляющій другой берегъ рѣки превысокій камень, на который какъ пошелъ маршалъ, то и всѣ изъ нашей свиты, Поливановъ, такъ и Соймоновъ, да ѣдущіе съ нами изъ Фридрихсгама Псковскаго полку премьеръ-маіоръ Гейсманъ и маршалскій хозяинъ, пошли, да и я на старости взошелъ благополучно, хотя было нѣсколько и скользко. Осмотря сіи камушки, ибо на другой сторонѣ рѣки прописанный камень былъ видѣнъ, пошли къ санямъ, а какъ было очень скользко, то помянутый господинъ Натъ поскользнувшись уже не ногами сталъ, да и съѣхалъ на сѣдалищѣ; и сѣвъ по санямъ, поѣхали. Ѣхавъ по дорогѣ съ версту, поворотили влѣво въ мызу помянаемаго Ната. Отъѣхавъ отъ мельницы саженъ со сто, начался также превеликій величины въ лѣвой сторонѣ камень и продолжался по дорогѣ до полуверсты съ тою разностію: первый кончался къ дорогѣ скатомъ, а сей утесомъ, а противъ сихъ камней, на правой сторонѣ—мѣста плоскія и мокрыя съ довольнымъ лѣсомъ, а по обѣимъ сторонамъ, выше мельницъ, подлѣ самой рѣки къ земледѣлію и къ сѣнокосу, видны мѣста удобныя.

Мыза Натова лежитъ при другомъ рукавѣ рѣки Кимени, надъ порогомъ, отъ мельницъ въ 3-хъ, а отъ большой дороги, ѣдучи отъ Фридрихсгама въ лѣвой сторонѣ, отъ морскаго же залива въ правой около полуверсты; рукавъ при мызѣ, какъ и при мельницѣ, течетъ по великому каменью, а ниже мельницы и мызы, до заливу, плеса шириною саженъ около 20, по которымъ, какъ сказывалъ хозяинъ, до самыхъ порогъ пройдти можетъ галера. Къ мызѣ сдѣланъ красный мостъ, а на мызѣ въ трехъ покояхъ съ кухнею и прочимъ для пріѣзду его, Ната, съ принадлежащимъ и приличнымъ мѣсту убором хоромы. Около мызы по обѣимъ сторонамъ Кименскаго рукава, мѣста къ земледѣлію и скотоводству кажется способны; во владѣніи же сей мызы, какъ сказывали, изрядныя въ Кименскихъ рукавахъ рыбныя ловли: ловятся лососи, карпы, сиги, нейнъ-аугенъ, а въ морскомъ заливѣ и салакуша со изліществомъ. Пріѣхавъ къ мызѣ въ половинѣ шестаго, нашли передъ воротами въ строю Псковскаго полку гранадерскую роту, и на мызѣ въ хоромахъ столикъ съ изрядным кофемъ и чаемъ и очень хорошія сливки; и мы, напившись обоего, стали бить шабалу, да и помянутой роты господа офицеры, по приказу маршалскому распустя роту до утра, вошедъ въ хоромы, побивъ съ нами до семи часовъ шабалы, откланялись. Въ сей вечеръ маршалъ два раза принимался играть въ ломберъ на марки, а въ рубли въ Выборгѣ, спибъ

охоту: а я между тѣмъ около четверти часа соспулъ, ибо по обыкновенію послѣ обѣда за скорымъ выѣздомъ изъ города уснуть не удалось. Около половины осьмого пріѣхали изъ Фридрихсгама таможенные господинъ директоръ Килхенъ и цолнеръ Фонъ-Глазноръ. А какъ я проснулся, то уже поставленъ былъ столъ въ 10-ти тарелкахъ, и маршалъ, не допгравъ пули, всталъ и съ своею свитою, съ пріѣзжими двумя, съ хозяиномъ, со Исковскимъ маіоромъ и капитаномъ Болгарномъ сѣли. А отужинавъ, въ началѣ одиннадцатаго, маршалъ, вставъ изъ-за стола, сталъ допгрывать пулю, а мы были шабалу; а какъ отыгралъ, то не наши откланявшись пошли, а мы, побивъ съ маршаломъ шабалы, между коей просилъ я маршала, чтобъ въ безинтересномъ моемъ желаніи походатайствовалъ мнѣ, буде можно, высокую милость; а онъ сказалъ: „Авось либо Богъ, только не знаю, удастся ль!“ А я и остался между надежды и отчаянія. И такъ, въ 11 Поливановъ и Соймоновъ легли по постелямъ, а я, какъ уже успулъ и спать не хотѣлъ, то поболтавъ съ ними съ полчаса, легъ спать и скоро заспулъ. За ужиномъ получена изъ Петербурга почта, коя между прочимъ принесла: 1) обстоятельно реляція о занятіи Яссъ и о пришедшихъ въ подданство Молдавскаго княжества и бояръ Всероссійской владычицѣ; 2) что купленъ мнѣ домъ; 3) что между славной актрисы и танцовщицы мадамъ Жуанъ-Меркуръ и танцовщицы жъ мадамъ Сантина-Орби произошло нѣкоимъ образомъ несогласіе, и чуть было не дошло до пощочнаго шарпеселя. Первому, яко сынъ отечества, сердечно, а второму, яко хозяинъ, просто порадовался. Что жъ принадлежащій такимъ особамъ пощечный шарпесель дѣйствомъ не исполнился,—остался съ сожалѣніемъ. Охъ, еслибъ на театрѣ, то то бы публику утѣшили и произвели веселое рукоплесканіе! Я цѣлую ночь думалъ, что бъ за причина была къ такому спхъ почтенныхъ огорченному несогласію; да и положилъ, ежели не ошибаюсь, что онѣ не могли раздѣлить любезныхъ своихъ подбѣгателей, вздыхателей, почитателей и обожателей. А впрочемъ судьбѣ свѣдущей.

20-е, вторникъ. Во исполненіе повелѣнія маршала (онъ мнѣ приказалъ разбудить себя въ полсема), пробудился я очень рано, разбудя маршалскаго волосочесателя, досталъ чрезъ него огня, увидѣлъ, что на часахъ 4. Итакъ я до термина 2 часа съ половиною проворочался, ибо спать не могъ, чѣмъ досадилъ Поливанову, а въ повелѣнное время и маршала разбудилъ. Онъ всталъ, тотчасъ одѣлся по солдатски, а между тѣмъ вчерашняя граподер-

ская да 4 мушкатерскія роты приведены на мызу, кои марша ей въ эволюціяхъ и маршахъ прилежно смотрѣны, а осмотря, вошелъ въ хоромы, и какъ сани были изготовлены, то маршалъ, взявъ Соймонова и Бушуева, поѣхалъ, смотря еще ротъ, и съ нимъ поѣхалъ Исковскій маіоръ да здѣшній земской комисаръ Авенаріусъ; а мы съ Поливаповымъ остались на мызѣ. Я съ хозяиномъ и съ таможеннымъ былъ шабалу и писалъ, какъ препровожденъ вчерашній день, а Поливаповъ пошелъ стрѣлять, да къ несчастію ружье его, какъ и прежде, не стрѣляло. Онъ съ горя пошелъ домой задумавшись, споткнулся на посредственной величины камень, упалъ съ обѣихъ ногъ и на кремень своего ружья невѣдомымъ образомъ разрѣзалъ себѣ правый скулъ и сдѣлалъ рану длиною въ дюймъ, а глубиною въ четверть, и затѣмъ прійдтить опоздалъ, такъ что мы съ хозяиномъ его къ обѣду больше часа дожидались; и какъ пришелъ примочивъ французскою водкою, цолнеръ Глазноръ рану ему перевязалъ,—то сѣли обѣдать. Кушалъ, Богъ съ нимъ, изрядно: мнѣ кажется, сіе несчастье послѣдовало ему отъ черненькой рукавички, которую онъ получилъ на прошедшемъ балѣ отъ своей любезной; ибо о другомъ думать было ему нечего. Я послѣ обѣда заснулъ, а онъ, бывъ съ хозяиномъ и прочими шабалу, меня чрезъ четверть часа разбудилъ; а какъ я всталъ, то кофе и чай у хозяина на столѣ; я не успѣлъ выпить одной чашки, анъ и маршалъ въ два часа по полудни съ комисаромъ пріѣхалъ. Онъ не успѣлъ отобѣдать, анъ маіоръ Гейсманъ съ Бушуевымъ, а потомъ скоро и Соймоновъ пріѣхали. Маршалъ сказываетъ, смотрѣлъ Псковскую вторую роту и ходилъ къ Шведской границѣ, откуда видѣлъ шведскаго форпоста часоваго. А куда ѣздилъ Соймоновъ, я не любопытствовалъ. По пріѣздѣ маршалскомъ Поливаповъ въ 4 часа во Фридрихсгамъ отправился лѣчить свой шрамъ, и маршалъ что-то сидя писалъ, а Соймоновъ чертилъ, мы же были шабалу. Въ семь часовъ директоръ и маіоръ Гейсманъ съ маршаломъ сѣли играть въ ломберъ. При томъ послѣдовало маленькое забавное приключеніе: вышло, что проворный офицеръ, господинъ прапорщикъ Хитровъ, нѣкому нѣгдѣ проговорился, что маршалъ его посылалъ на границу, а какъ маршалъ былъ увѣдомленъ и его спросилъ, когда его посылалъ, то онъ не запнувшись сказалъ: „Солгалъ, ваше превосходительство!“ Да и мнѣ онъ о себѣ сказалъ, что онъ подпоручикъ, а дѣломъ оказалось, что онъ не больше, какъ прапорщикъ: слѣдственно, и мнѣ солгалъ, чѣмъ я его уличилъ, и тѣмъ сдѣлалось нѣколько смѣху. А если бъ и еще описывать его лжи о куни-

охáхъ и барсахъ и о прочемъ, то сей журналъ еще вдвое былъ бы умноженъ: и такъ оставляю. Въ ломберъ играли до начала десятаго, а какъ въ десятомъ былъ столъ готовъ, то не доигравъ пули, маршалъ всталъ, и сѣли за столъ въ 8 человѣкахъ; ибо Поливановъ и Глазноръ уѣхали въ городъ, а вмѣсто Болгарна былъ проворный Хитровъ. За столомъ проспдѣли съ часъ; а вставъ, маршалъ съ товарищами сѣлъ допгрывать пулю, а мы болтали; а отыгравъ пулю, маршалъ пожелалъ намъ, а мы ему доброй ночи; въ одиннадцать часовъ онъ пошелъ въ камору, и мы легли по постелямъ. Дорога отъ Фридрихсгама гладкою назваться не можетъ, потому что во всю дорогу хотя небольшія, однакожъ не одной версты безъ горы не проѣдешь; а двѣ горы и посредственно не малы. Земель къ земледѣлію и скотоводству удобныхъ видно въ мѣстахъ въ трехъ, и то очень мало. Отъ Фридрихсгама до перваго мосту земля песчапая, и камня немного, а отъ мосту до Сумы камня много, но посредственный; отъ Сумы жь что далѣ, то больше, до самой мельницы и мызы, какъ вчерась описаны.

21-е, среда. Проспулся я въ четвертомъ часу и написалъ обращеніе вчерашняго дня: а какъ было еще рано, то легъ и заснулъ съ полчаса, а въ семь проснувшись и одѣлся и зачалъ пить поставленный на столѣ чай, то проснувшись маршалъ и Соймоновъ стали одѣваться; а между тѣмъ впрягали лошадей; и какъ одѣлись, и лошади были готовы, то съ четвертью въ восемь, поблагодаря хозяина, сѣли по санкамъ, маршалъ, я съ проворнымъ Хитровымъ, а Соймоновъ съ Бушуевымъ, съ мызы поѣхали, и не успѣли выѣхать, тотчасъ Соймонова и Бушуева подводчикъ опрокинулъ и изломалъ сани; да и сами они перебились; на силу въ полчаса исправивши поѣхали, а маршалъ, ѣхавъ на передъ и у мельницы остановясь, полѣзъ смотрѣть лежащій между мельницъ и мызъ и подлѣ самой дороги на правой сторонѣ камень, а я, объѣхавъ его сани, впередъ поѣхалъ и, перемѣня въ Таксалѣ лошадей, съ четвертью въ одиннадцать пріѣхалъ въ городъ; на силу доѣхалъ: Хитровъ залгалъ было меня до полусмерти. Пріѣхалъ—тотчасъ пошелъ навѣстить Поливанова и нашелъ его съ чернымъ пластыремъ пригожѣе прежняго; а черезъ полчаса маршалъ и Соймоновъ пріѣхали; и нѣсколько погодя, пріѣхали къ маршалу на квартиру въ изрядной въ разсужденіи города каретѣ двое отъ купечества, ратманъ Гавеніусъ и секретарь Елбингъ, и проспли въ вечеру на учреждающійся общимъ коштомъ города въ ратушѣ балъ; а потомъ всѣхъ насъ и весь Фридрихсгамскій наблесъ и мѣщанство тѣ жь Гаве-

ніусъ и Елбингъ звали; а какъ у хозяина столъ еще готовили, то я пошелъ къ знакомой своей госпожѣ, полковницѣ Линденъ, и пилъ прекрасный у ней чай, а пришедъ оттоль къ маршалу, уже столъ готовъ и кушанье на столѣ поставлено, то въ восьмнадцати человѣкахъ въ первомъ часу за столъ сѣли. Столъ продолжался до 3-го, а какъ встали, я пошелъ по обыкновенію спать, а выспавшись, надѣвъ бѣлую рубашку и штибель-манжеты и одѣвшись, сколько можно по дорожному, почище, пошелъ на званый балъ. Маршалъ, Поливанов и Соймоновъ были уже тамъ, и собравшихся обоего полу человѣкъ до ста, ежели не больше.

Чрезъ четверть часа послѣ моего прихода городской школы конректоръ Игнаціусъ, вшедъ въ залу и поклонясь на всѣ четыре стороны по ученому, въ тактъ читалъ нѣчто на шведскомъ языкѣ, а потомъ подшедъ къ маршалу, также и ему прочелъ, нѣсколько страницъ, употребляя частые поклоны, нѣчто на шведскомъ языкѣ; а маршалъ, слушавъ и хоть ничего не разумѣлъ, только кланялся, а окончивъ сію церемонію, стали подносить кофе, а потомъ сахарный хлѣбъ, бишофъ и разное вино. И тотчасъ бургмейстеръ съ госпожею полковницею открылъ балъ; и какъ хотѣла полковница поднять маршала, то онъ тотчасъ сказалъ, что за болѣзнію ноги не танцуетъ, а правда ль, или нѣтъ, того я не знаю. И зачали танцовать. Смотрю, и меня подняла помянутая въ прежнемъ балѣ ученая дѣвица; потомъ пошелъ я съ полковницею, и еще подняла меня Поливанова полюбовница, да еще не знаю какая-то хорошенькая дѣвушка. Въ одиннадцать часовъ понесли билеты. Я получилъ 4-й, а въ пару получилъ мадамъ Бейсманъ, жену здѣшняго купца; и прочіе получили пары по билетамъ, а въ полдвѣнадцати пошли за столъ, который былъ изготовленъ въ другой компатѣ, и сѣли въ 15 парахъ. Смѣшно было видѣть въ парѣ сидящаго господина Фампицына съ одною посредственно престарѣлою русскою болярынею, а особливо, что она, сидя за столомъ, или слѣдуя модѣ, или забыла про середу,—кушала скоромь, а опомнясь выговаривала: „эхъ, середа“, и разсуждала, что скоромь ѣсть въ середу—великій грѣхъ, да быть ужь такъ; а разсуждала же, что она въ этомъ отцу духовному, у коего по два раза на годъ исповѣдуется, принесетъ покаяніе. Какъ скоро сѣли за столъ, тотчасъ зачали стрѣлять изъ пушекъ, да такъ ярко, что весь покой тресся, и падали со свѣчками треугольники. Сія стрѣльба послѣдовала ошибкою при пушкахъ сержанта, а во время стола, при питіи за высочайшія здравія и счастливаго оружія, стрѣляли

жь три раза. Съ начала вечера маршалъ упражнялся въ шахматахъ часу до девятаго, а въ девятомъ я пошелъ на квартиру и соснулъ около четверти часа и одѣвшись пришелъ обратно въ собраніе; въ полдесята маршала нашелъ,—приклонивъ голову, къ плечу вышеръченной ученой дѣвушкѣ, разговариваетъ и проговорилъ почти до тѣхъ поръ, какъ пошли къ столу. О чемъ говорено было, мнѣ не извѣстно, а за столомъ ужь далъ мнѣ знать, что, по ея словамъ, надлежитъ не о чемъ-то справиться въ Петербургѣ съ театральнымъ живописцомъ. А Поливановъ до самого ужина проговорилъ съ своею полюбившеюся чортъ знаетъ о чемъ, да и ужинать съ нами не пошелъ, а все съ нею проговорилъ; можетъ быть, выговорилъ нѣсколько поцалуевъ, а впрочемъ, мнѣ кажется, ничего. Что жь до Соймонова, онъ ужинать не ходилъ, а выбравъ хуже всѣхъ дѣвушку, избѣгая подозрѣнія, въ честь бала проганцовалъ съ нею миновсту; Бушуевъ же весь вечеръ прыгалъ, какъ молодой конекъ, уже съ позволенія маршала. Ужинъ первыхъ (еще слѣдовать будутъ три) окончался въ часъ, и какъ скоро изъ-за стола встали, то зачали опять столъ возобновлять, а я, яко старикъ, скоро и спать пошелъ; маршалъ же и прочіе нашей свиты остались.

Залъ въ ратушѣ въ квадратѣ 15 шаговъ, убранъ зеркалами, однимъ большимъ и дюжиною малыхъ, вмѣсто обоевъ, расписанъ полевыми и лѣсными видами; окошекъ имѣетъ 6; въ каждомъ, на треугольникѣ, горѣло по 9-ти свѣчъ; а покой, гдѣ были столы, въ паралелограмѣ 15 и 7 шаговъ, съ полосатыми обоями и украшенъ дюжиною зеркалъ, и при немъ двѣ камеры, въ коихъ были мундъ- и кофишенки. Въ окнахъ поставлено была на треугольникахъ также по 9-ти свѣчъ. Я пробуждался пальбу изъ пушекъ слышалъ три раза, а для чего,—не зналъ, но мой пріятель, коего я просплъ, чтобъ обо всемъ происходящемъ на балѣ безъ меня примѣчалъ и по утру мнѣ сообщилъ; онъ мнѣ далъ знать, что маршалъ пошелъ послѣ меня скоро, что пальба была, какъ ужинали за вторымъ столомъ оставшіе нашей свиты и прочіе при питіи: 1) за здоровье маршала, 2) магистрата, 3) всего города. А. Поливановъ ужиналъ во второмъ столѣ, и какъ скоро изъ-за стола встали, тотчасъ сѣлъ въ сани, коими служилъ ему Николай Лодыженской, невѣдомо куда со своею полюбившеюся ѣздилъ,—можетъ быть, кататься. А какъ у ней не было шубы, то Соймоновъ одолжилъ ее своимъ сертукомъ, а онъ Соймоновъ, яко мальчикъ молодой, довольствовался нѣсколькими поцалуями одной ему полюбившейся

Шведочки, вакеръ флике; а въ полпята и они пошли спать. А Бутуевъ, дождавшись конца, пришелъ на квартиру въ исходѣ шестого, и дожидаясь какой-то присылки отъ инженернаго капитана, не спалъ. На семъ балѣ часу въ десятомъ сдѣлалось вотъ что: наливъ рюмки пуншемъ, подносили большимъ подносомъ, а маіоръ съ деревянною ногою подтолкнулъ и весь поднось опрокинулъ. А какъ было на немъ рюмокъ до 30-ти и больше, то сдѣлало изрядный залпъ; да какъ пошли другіе съ билетами за ужинъ, и на столѣ поставлено было одна на одной тарелокъ шведскаго фаянсу дюжины съ двѣ, также нѣкто, небережно поступя, столкнулъ, и ни одной тарелки цѣлой не осталось.

22-е, четвергъ. Я пробудился въ 4 часа; написавъ вчерашнее происшествіе и одѣвшись, въ 6 часовъ пошелъ къ маршалу. Онъ уже всталъ. Я тотчасъ пошелъ къ знакомицѣ моей Линденшѣ, у коей пилъ въ послѣдній разъ чай, а потомъ на квартиру и убравшись пошелъ къ маршалу; но его не засталъ: пошелъ онъ къ коменданту на ранній обѣдъ; и я, уклавъ свои вещи въ сани, пошелъ туда жъ. А какъ столъ былъ готовъ, то въ одиннадцатомъ часу сѣли обѣдать въ 14 человѣкахъ. За столомъ сидѣли ровно часъ, а вставъ въ 12-ть, пили кофе, а я пошелъ на свою квартиру, простясь съ хозяиномъ, уже на саняхъ къ коменданту пріѣхалъ, да и всѣ сани туда жъ были подвезены. Старая моя знакомица Линденша собрала было для меня еще прекрасный чай, но маршалъ не далъ мнѣ допить другой чашки, всталъ и сталъ прощаться, и я принужденъ, оставя не допившую чашку, также сталъ прощаться; а простясь со всѣми, въ часъ пополудни благополучно изъ Фридрихсгама выѣхали. Провожали насъ бургомистръ и первый ратманъ. Переѣхавъ же первой мостъ на Вилмострандской дорогѣ, простились, а господа маіоръ Гейсманъ и директоръ Кллхелмъ поѣхали съ нами далѣе.

Мы, первый отъ города переѣхавъ мостъ, оставя къ Натовой мызѣ, дорогу взяли вправо къ Вилмостранду, и въ 5-ти верстахъ отъ города переѣхали еще мостъ чрезъ рѣчку Гуссола, а отъ Гуссола до деревни Брексалъ 4 версты и тутъ переѣхали рѣку Мустіоки по мосту. Маршалъ вышедъ смотрѣлъ положеніе мѣста; а отъ Брексалъ до деревни Скоубя 5 верстъ. Оная лежитъ при деревнѣ Гейсерви; отъ Скоубя до деревни Лпкала пять верстъ съ половиною. Тутъ смотрѣлъ маршалъ первыя гранодерскую и мушкетерскую Псковскаго полку роты, и перемѣня лошадей, поѣхали къ рѣкѣ Кименп, и выѣхавъ изъ дремучихъ лѣсовъ и пребольшихъ

камней, пріѣхали на поля, лежащія по рѣкѣ Кимени, къ деревни Віела, ѣдучи отъ Лякала; къ Віела, переѣхавъ первый мостъ, взяли въ лѣво и поѣхали было къ деревнѣ, лежащей надъ рѣкою жъ Кимень, Меммела. А какъ намъ туда ѣхать было не надобно, то узнавъ свою ошибку, поворотя взяли надобную намъ дорогу къ Віела вправо. А пріѣхавъ въ Віела, остановились у мужика Ерика, у коего нашли музыкальный инструментъ, называемый финскимъ языкомъ гарпа. А какъ оный Ерикъ сказался музыкусъ, то сыгралъ намъ двѣ штуки, въ разсужденіи Віелскаго музыканта изрядныя. Отъ Ерика пріѣхали въ 7 часовъ на пильную мельницу того жъ имени Віела (принадлежащую Фридрихсгамскимъ четыремъ товарищамъ штатгальтеру Вулферту, Нату, Брету и Фабрицію) и почевавъ остановились. Квартиру имѣли изрядную въ избѣ, сдѣланной для пріѣзду хозяевъ, въ коей живетъ ихъ прикащикъ Іохимъ, мужикъ старый, въ шведское владѣніе бывалъ лоцманъ. Тутъ мы имѣли изрядный ужинъ, состоящій въ холодномъ, да въ одной съ курицею съ перловыми крупами посредственно дурной кашѣ и въ изрядной чашкѣ молока, изъ коего часть ѣлъ я съ бѣлымъ хлѣбомъ, какъ ѣдятъ малые робята. При семъ ужинѣ маршалъ объявилъ мнѣ на весну волжъ моремъ въ Копенгагенъ по смотрѣть его Павла. Я сему дважды обрадовался: вопервыхъ, что за ихъ ко мнѣ добродѣтели и благосклонности, а особливо любезнаго дяди, нѣкакъ имъ услужу, а по другому, и дворъ, и столицу датскую, коли не умру, такъ увижу Отужинавъ же въ 9 часовъ, легли по постелямъ; а какъ я, засыпая, по обыкновенію захрапѣлъ, то первой Поливанов, а потомъ маршалъ меня дважды будили, чѣмъ мнѣ крѣпко досадили. Мельница построена на самомъ нашемъ берегу рѣки Кимени, да и на шведскомъ берегу построена мельница жъ, и обѣ безъ плотины; дѣйствіе имѣютъ порогомъ, при послѣдней и деревня Умельёки. Оная мельница и деревни принадлежатъ шведскому барону Вреде. Изъ Фридрихсгама для поставки подводъ до Вилмостранда поѣхалъ съ нами з мскій комисаръ Авенаріусъ и лоцманъ Смельсъ.

23-е, пятница. Я проснулся прежде всѣхъ, въ половинѣ седьмаго, а потомъ маршалъ и всѣ вдругъ проснулись и вдругъ стали одѣваться и пить чай; а лошадей впрягали, и какъ мы одѣлись, и лошади были готовы, въ восемь часовъ поѣхали вверхъ, возлѣ самой рѣки Кимени, до деревни Коусала, гдѣ стоитъ Псковскаго полка пятая рота, отъ мельницы семь верстъ съ половиною. Тутъ кончился кирхшпиль Векалапсъ, а начался Валкяла, и нашли тутъ

депутата Эрикъ-Пепери между мельницы и Коувала. На дорогѣ маршалъ выходилъ и остался и тотчасъ въ деревню пріѣхалъ съ двумя застрѣленными тетеревами; и перемѣня лошадей, изъ Коувала поѣхали до деревни Ротсула; отъ Коувала до Ротсула 10 верстъ. Ротсула также лежитъ на Кимени. При сей деревнѣ, выше по рѣкѣ, саженяхъ во стѣ построенъ, уже послѣ послѣдняго мира, редутъ, и тутъ, какъ и при Коувала, застава отъ Фридрихсгама — по унтеръ-офицеру и по два солдата гарнизонныхъ. А пріѣхавъ, маршалъ пошелъ смотрѣть редутъ, а я зашелъ въ избу къ мужику Матвѣю и велѣлъ хозяйкѣ на пробу отрѣзать въ полхлѣба небольшой сукрой и принесть масла и намазавъ позавтракалъ съ водой, что было полдесята. Хлѣбъ и вода очень хорошіе, а масла у насъ въ Руси такого ни за какія деньги не достанешь, да и въ Петербургѣ нескоро. И въ семъ упражненіи нашелъ меня маршалъ и осудилъ; а заплатилъ я хозяйкѣ за это пять копѣекъ. Въ Ротсулѣ перемѣня, поѣхали прочь отъ Кимени до деревни Іокила. Оная лежитъ при рѣчкѣ того же имени, не далече отъ озера Лаппала.

Отъ Ротсула къ Іокила ѣхали верстъ съ восемь по Вилмострандской, лежащей изъ Швеціи отъ Тавасгута черезъ Кимень въ Мемела, дорогѣ; а не доѣхавъ до Іокила версты за три, взяли влѣво, а Вилмостранскую дорогу оставили; и пріѣхавъ въ Іокила, тутъ лошадей перемѣнили. Въ сей деревнѣ живетъ капланъ Валкилаской кирки Бетулинъ и лоцманъ Боргъ. Пока лошадей впрягали, маршалъ зашелъ въ домъ къ лоцману погрѣться. Домикъ изрядный лучше нашего городскаго посредственнаго, особливо украинскихъ, подъячаго. Перемѣня лошадей, поѣхали изъ Іокила ровно въ 12 и пріѣхали въ часъ опять къ Кимени, на мызу Розвала. Тутъ нашли хозяина Фридрихсгамскаго купца Фабриціуса съ дочерью лѣтъ 18, и дѣвушка очень веселая. Каюсь Богу и всему міру, противъ седьмой заповѣди и ученія Спасителева (какъ онъ и воззрѣніе съ вожделѣніемъ сими словами: „воззрѣвы на жену, и во еже вожделѣти ю, прелюбы творитъ“, за дѣйствительное прелюбодеяніе считаетъ) согрѣшилъ окаянный: сію дѣвушку плотски вождѣлѣлъ; однако благодарю Создателя, отъ грѣхопаденія грѣшную мою душу избавилъ. Хозяинъ маршала встрѣтилъ видомъ ласковымъ, да и насъ всѣхъ очень вѣжливо. Маршалскій поваръ сталъ упражняться въ приготовленіи кушанья, а между тѣмъ столъ изготовили. Въ два часа сѣли за столъ съ хозяиномъ въ 9-ти человѣкахъ. Столъ по дорожному былъ изрядный, а всего лучше былъ изготовленъ по утру въ Кимени пойманный судакъ съ яйцами и съ масломъ —

очень хорошо: а как я до рибы охотникъ, то и получилъ отъ сего судака изрядную часть: а, въ третьемъ половинѣ отобѣдавъ, встали: я пошелъ спать, а прочіе съ маршаломъ были набалу. Въ шесть часовъ поваръ принялся опять за работу, а въ девять и за столъ уже въ 10-ти человѣкахъ сѣли. Десятое число умножилъ сосѣдій близко сей мызы Псковскаго полку прапорщикъ фонъ-Паръ-Маленъ. Онъ пришелъ къ хозяину въ гости и до ужина проигралъ съ его изрядною дочкою. Мы послѣ ужина, поболтавъ съ полчаса, а маршалъ, сказавъ намъ добрую ночь, пошелъ въ свою коморку, и мы пошли по постелямъ. Сію ночь спали вотъ какимъ порядкомъ. Маршалъ въ коморкѣ, а Поливановъ въ другой, съ своимъ слугою, въ хоромахъ, Соймоновъ съ Бушуевымъ въ прибашнѣ, а я въ хозяйскомъ покоѣ. Мнѣ поставлена была кровать, а хозяинъ Гейсманъ, Кильхенъ и комиссаръ на соломѣ по полу. Я раздѣвшись тотчасъ легъ и заснулъ, а они и хозяинъ съ дочерью и другіе гости проѣвшись какъ обята, часу до втораго, такъ что я все сквозь сонъ слышалъ и на силу успокоился.

21-ое. суббота. Всталъ я ровно въ 7 час въ, и доставъ огня, къ крайнему моему удивленію увидѣлъ, что мнѣ понравившаяся хозяйская дочь спитъ между отца и маіора Гейсмана, склонясь на сторону къ маіору: да и они скоро вставать стали. Я думалъ, что дѣвушкѣ будетъ стыдно; однако ни въ одномъ ея глазѣ не примѣтилъ. Я одѣвшись пошелъ къ маршалу и увидѣлъ его идущаго изъ-за воротъ въ тулупѣ: ибо у хозяина поставленъ самонужнѣйшій покой за воротами; а, пшедъ вмѣстѣ въ его коморку, пока онъ одѣвался и пилъ кофе, я съ нимъ болталъ, что на ротъ набрело. А какъ Поливановъ и всѣ одѣлись, да и маршалъ былъ уже готовъ, то въ восемь часовъ пошли всѣ, взявъ ружья, на островъ противъ самой мызы сходить зайцовъ, при чемъ взяли нѣсколько и тенетъ съ крючками; а мы съ Соймоновымъ остались дома и, сдѣлавъ препрядкій чай, пили довольно, а послѣ чаю написавъ вышеписанное, что отъ Фридрихсгама до Оровала происходило, осматривали положенія около мызы. Оная лежитъ при рѣкѣ Кимени; противъ оной Кимень обливаетъ островъ, называемый Суръ-Саръ, длины версты съ полторы, а ширины саженъ около двухсотъ. Оный островъ въ россійской границѣ и принадлежитъ ко владѣнію мызы Оровала хозяина; онъ имѣетъ тамъ пашню. А на шведской сторонѣ повыше Оровала въ полуверстѣ видна небольшая мыза Пилкама, принадлежащая шведскому дворянину Гейдеманъ, коему отъ роду 56 лѣтъ. Холостъ, а семейство его

составляютъ 4 сестры дѣвицы, изъ коихъ первой 95, второй 84, третьей 75, четвертой 64. всего всѣмъ 318, а буде приложить лѣта братии, то сдѣластъ 374 лѣтъ. На мызѣ Оровала строенье препорядное, а особливо скотный дворъ, на коемъ содержится 40 дойныхъ коровъ, а всѣхъ рогатаго 87 скотинъ, да 40 овецъ; и вся домашняя птица, весь оный рогатый скотъ содержится въ 4 мшоныхъ покояхъ, на стойлахъ привязаны. Кормъ кладется передъ каждую скотину въ ясли, а подъ скотомъ мость чистый. Посреди каждаго покоя выкопана яма, въ кою всю нечистоту сгребаютъ, а изъ стойлъ стокъ въ ту яму. И такъ въ ямѣ навозъ отъ скотской мочи съ ельникомъ, мелко рубленымъ, перегараетъ. Надъ однимъ такимъ скотскимъ покоемъ покой мшоной для домашней птицы: всякой птицѣ особо по два покоя за рѣшетками, и по двухъ ночей въ одномъ всякая птица не почуетъ, а всякій день въ вычищенныя перегоняютъ. Я, къ удивленію моему, услышалъ, что въ нынѣшнее время на дворѣ живущія въ семъ покоѣ куры кладутъ яйца. Овцы стоятъ въ препорядномъ мшономъ же овчарникѣ на навозѣ. За всею этою скотиною смотрятъ двѣ дѣвки и одинъ малый; а лѣтомъ для ея пастьбы прибавляется еще одинъ малый. Около мызы земля къ земледѣлію и сѣнокосу способной много не видно, и то по берегу Кимени, а большая часть за мызою въ лѣсъ горы и каменья. На шведской же сторонѣ, между лѣсомъ и Кимени, вверхъ отъ мызъ, до самаго горизонта видны поля препорядныя.

Въ одиннадцатомъ часу и маршалъ нашъ съ охоты пришелъ. Сказывалъ, что, ходя по острову Суръ-Саръ, усталъ и заблудился было, да и выстрѣлять больше одного разу не удалось, а о Поливановѣ и думать нечего; онъ хоть и сказываетъ, что охотникъ и стрѣлокъ, однако ружье его развѣ тогда стрѣляетъ, когда оно хочетъ, а съ нами ѣдучи, кромѣ одной, и то кажется, престарѣлой свиристели, которая летать ужь не могла, не застрѣливалъ; да и Гейсману съ Кильхеномъ также стрѣлять не удалось: знать — такой выходъ! А какъ они пришли, столъ съ поряднымъ кушаньемъ и съ рыбою былъ уже готовъ, — и такъ, въ 10-тн человѣкахъ съ прапорщикомъ фонъ-деръ-Палепомъ сѣли; а пока обѣдали, и лошади были изготовлены, и такъ, въ первомъ часу, выпивъ по чашкѣ кофе, съ Гейсманомъ, съ Кильхеномъ и съ хозяиномъ простились, а я — и съ дочерью хозяйской, сдѣлавъ пріятный для меня поцѣлуй. Простясь поѣхали назадъ къ Іокпла и тутъ перемѣнили подводы, а не доѣзжая Іокпла версты за три, пере-

ѣхали немалый мостъ чрезъ рѣку Геріокп. Оная протекаетъ изъ озера Іаппала въ Кимень, шириной саженъ до 15, и теченіе имѣетъ версты на двѣ. По берегамъ оной рѣки много видно бревенъ, знать тутошніе мужики ставятъ ихъ на пильныя мельницы. На семъ переѣздѣ маршалъ выходилъ стрѣлять, да тетеревъ его обманулъ, прикинулся, будто застрѣленъ, а онъ, постоя надъ нимъ, пошелъ другихъ стрѣлять и не ступилъ двухъ шаговъ,—тетеревъ тотчасъ вспорхнулъ и къ сожалѣнію его превосходительства улетѣлъ; и хотя онъ за нимъ нѣсколько и бѣгалъ, однако не поймалъ. А кимерднперъ его потерялъ съ трости изрядный набалдашникъ. Я, оставя его на стрѣльбѣ, поѣхалъ въ Іокпла и тамъ у Гейсмана, ждавъ ихъ, уснулъ; ибо и Поливановъ съ Соймоновымъ за усталью лошадей были назади. А какъ всѣ съѣхались, тотчасъ изъ Іокпла, перемѣня лошадей, поѣхали и, отъѣхавъ съ версту, видѣли: мужики на озерѣ, отъ насъ въ лѣвой рукѣ къ Горламъ-Ерви, начинаютъ подо льдомъ ловить рыбу. А съ три версты выѣхали на помянутую изъ Швеціи Тавасгутскую дорогу, лежащую отъ насъ на право, которая переходитъ, какъ выше сказано, Кимень въ деревнѣ Мемела и идетъ чрезъ деревню вышеупомянутую Рогсула прямо въ Вилмострандъ; и, поворотя оною дорогою, не доѣзжая въ полдороги къ почтѣ, то есть, за 12 съ половиною русскихъ верстъ, въ лѣсу перемѣня Іокпльскихъ выведенными изъ деревни Куйкала лошадей, къ почтѣ въ деревню Кайніасъ въ 6 часовъ пріѣхали и пошли съ маршаломъ въ избу къ мужику Эрику. Тутъ я увидѣлъ на машинѣ и вѣшенный котелъ сваренною полонъ рѣпою; его поворотилъ на огонь и отъ того вымаралъ себѣ руку, а рукой и лицо. Я бы этого и не видалъ, да мужикъ бросясь сталъ меня обтирать; маршалъ увидѣлъ въ заходы захохоталъ; и такъ, я наскоро отерся: машина жъ сдѣлана нижеписаннымъ порядкомъ: въ избѣ у мужика печь и каминъ, а у камина столбъ утвержденъ вверху и внизу, что можетъ имѣть движеніе, какъ деревенская у насъ на пятѣ дверь; а въ среди столба вдолбено длинною въ аршинъ дерево, на косомъ повѣшенъ котелъ съ рѣпою, и когда надобно, чтобъ былъ на огнѣ, то взявъ за котловую душку, поворотить безъ всякаго труда можетъ самый малый ребенокъ. Также я и у сего хозяина не оставилъ, чтобъ не отвѣдать рѣпы и его хлѣба. Хлѣбъ презрядный, да и рѣпа для мужика изрядное кушанье. Сей хозяинъ для насъ, какъ для гостей, развелъ такой великій огонь въ каминѣ, что мы принуждены были терпѣть, какъ на Камчаткѣ гости отъ своихъ хозяевъ великій жаръ; только спасибо

нас хозяинъ ни чѣмъ не отчивалъ. Мы, тутъ дождавшись Поливанова и Соймонова, кои за усталью также отстали, поѣхали въ 7-мъ часу къ почтѣ Мартила; а перемѣня на полу жь дорогѣ выведенными изъ стороны, изъ деревни Сакила, лошадьми, въ Мартилу на Фридрихсгамскую большую дорогу въ Вилмострандтъ въ 10-мъ часу пріѣхали: а отъ Гасніа до Мартила 20 верстъ. Маршалъ сталъ у почтоваго комиссара, на большой дорогѣ въ корчмѣ, Якова Бренкса, а я, чтобъ не обезпокоить моимъ храпѣньемъ и плеваньемъ Поливанова, взялъ себѣ квартиру у мужика Данилы, а со мной Соймоновъ и Бушуевъ. Тутъ кончился съ вѣдомствомъ лецмана Борга киршпель Валкялской, а начался киршпель Лумеки. Въ одинадцатомъ поставили столъ, и мы сѣли за ужинъ съ комиссаромъ въ 6-ти человѣкахъ. Ужинъ состоялъ въ одной съ перловыми крупами свареной курицы и въ холодномъ. Отужинавъ и побивъ съ четверть часа шабаду, я, Соймоновъ и Бушуевъ откланявшись спать пошли.

25-е, воскресенье. Пробудился я въ 6 часовъ, да и Соймоновъ съ Бушуевымъ скоро встали, и одѣвшись, въ половинѣ седьмаго пошли къ маршалу и нашли ихъ съ Поливановымъ на постеляхъ; однако тотчасъ стали вставать, одѣваться и чай пить, а маршалъ кофе, служители же убирать дорожныя вещи, а лошадей впрягали. А какъ уже все было готово, то въ половинѣ осьмого отправились изъ Вилмостранду, а въ 9-ть съ половиною на почту Тойкала къ комиссару Петер-Бермаку безъ перемѣны на половинѣ пріѣхали, и тутъ высланъ отъ статгалтера встрѣтить маршала эксекуторъ, полицмейстеръ и гевадіеръ Фридрихъ Корингъ. И такъ, перемѣня лошадей, въ исходѣ девятаго, изъ Тойкала отправились и, перемѣня въ половину дороги высланными изъ деревень, лежащихъ около кирки Лумеки лошадей, въ 12-мъ часу въ Вилмострандъ пріѣхали; отъ Мартила до Тойкала 15, отъ Тойкала жь до Вилмостранда 20.

Маршалъ сталъ у статгалтера Вулферта, а мы у мѣщанъ—Поливановъ у вдовы Шмитши, а я у Матвѣя Ванина. По пріѣздѣ тотчасъ къ маршалу пришелъ господинъ полковникъ Вилмострандскій коммендантъ Барбо де Марини, а я, выбрившись и надѣвъ бѣлую рубашку, нѣкакъ пріоправился и пошелъ къ маршалу. Ему чесали волосы, и онъ одѣвался, а какъ столъ былъ готовъ, а Поливановъ не бывалъ, такъ его дожидались. Онъ оставался садить зайцевъ: да какъ неудача, и ружье не стрѣляетъ, такъ что̀ станешь дѣлать? И какъ скоро онъ пріѣхалъ, то въ часъ съ че-

тьертью въ 12-ти человѣкахъ, состоящихъ изъ нашей свиты, хозяина съ хозяйкою и полковника изъ секретарей штатгалтерской канцеляріи; (ибо ихъ двое, одинъ для правленія на русскомъ, а другой на шведскомъ языкахъ) да съ нами ѣхавшаго комиссара и хозяйскаго учителя, за столъ сѣли. За столомъ сидѣли до половины третьяго, а послѣ обѣда я пошелъ тотчасъ спать, а маршалъ по крѣпости. Я проспалъ до пяти часовъ и, пришедъ къ маршалу въ 6 часовъ, нашелъ его съ полковникомъ за ломберомъ. Тутъ Поливановъ сидитъ уже причесанъ, а обѣдалъ по дорожному, то есть, въ своей зеленой шубѣ и со взъерошенными волосами. А я пришедши свелъ рѣчи съ хозяиномъ штатгалтеромъ Вулфертомъ. Матерія была о состояніи здѣшнихъ мѣщанъ и крестьянства, и что крестьяне кому должны платить денегъ и хлѣба. И такъ, я понялъ, что крестьяне жить могутъ нехудо, ежелибы не были лѣнивы, а мѣщане Вилмострандскіе кое-какъ. Сей дискурсъ продолжался до 8-ми часовъ, а въ началѣ девятаго стали ставить столъ, а маршалъ доигрывать пулю, перенеся столъ въ его спальню. Въ 9-ть столъ былъ готовъ, и маршалъ не доигравъ, оставя ломберъ, въ толикомъ же числѣ за столъ сѣли, а въ одиннадцать отужинавъ встали. Маршалъ пошелъ не доигранную доигрывать, а я съ Бушуевымъ спать. По отъѣздѣ изъ Тойкала, перемѣня послѣднихъ къ Вилмостранду лошадей, маршалъ вставалъ стрѣлять тетеревей, да что-то не удалось; во всю дорогу наши ружья худо стрѣляютъ. Ѣдучи къ городу, осматривали мѣсто, гдѣ покойный фонъ-Лесси съ Врангелемъ имѣлъ сраженіе, и какъ видно, господа Шведы имѣли мѣсто въ разсужденіи горы очень авантажно. Лумекскій киршпель вѣдаетъ лецманъ Фридрихъ Бернизъ; а при Вилмострандѣ съ Лумекскимъ киршпилемъ вѣдомство лецмана Берниса и земскаго комиссара Авенаріуса власть окончилась. Господинъ Поливановъ къ стрѣльбѣ неописанную имѣетъ охоту: не успѣлъ взъѣхать на дворъ, увидѣлъ въ саду свиристелей, тотчасъ, схватя ружье, бросился и не убилъ ни одного: знать заколдовано, либо мастерствомъ своимъ хвастаетъ.

26-е, понедѣльникъ. Какъ скоро всталъ и не успѣлъ одѣться, то пришелъ ко мнѣ, по приказу статгалтера, камериръ и подтвердилъ мнѣ сказанное штатгалтеромъ о податяхъ здѣшнихъ крестьянъ, чему слѣдуетъ мнѣ сказанное извѣстіе: Манталъ—мѣра земли, на коей высѣять должно 12 бочекъ, а на россійскую мѣру 9 четвертей ржи и ярового. На такомъ манталѣ живутъ отъ одного и до 16-ти дворовъ, по фински гейматовъ; со всего мантала платежа

въ казну деньгами по 9 рублей и двѣ бочки ржи и полторы ячменю, да сверхъ того, называемый десятинный хлѣбъ, бочка ржи и бочка ячменю, да подушныхъ денегъ съ мужеска и женска полу по 16 копѣекъ, выключая малолѣтныхъ ниже 16, а старыхъ 63 лѣтъ, а буде по ревизіи, коя бываетъ каждый годъ, явится къ работѣ неспособенъ или боленъ, то и молодой изъ платежа подушныхъ денегъ исключается; да сверхъ того, побору коронымъ управителямъ, лагману съ судебными комиссарами—каждая семья, хотябъ въ одномъ домѣ и трое было, а ѣдятъ хлѣбъ розно, — платятъ по 4 копны ржи и ячменю пополамъ, лецману, мостовщику и егерю отъ каждаго геймата по капѣ ржи (ихъ должность: егеря—стрѣлять всякихъ хищныхъ звѣрей и птицъ, мостовщика—смотрѣть исправности мостовъ, а лецмана—знать за мужиками очередь въ казенныя работы и подводы и прочіе наряды). Духовнымъ служителямъ: пастору геймать, имѣющій четверть мантала, долженъ дать по бочкѣ, а мелкіе по полубочкѣ ржи и ячменю пополамъ, да по капѣ гороху и бобовъ, да объ Рождествѣ 2 хлѣба и штука мяса, какого прилучится, да отъ каждой коровы по фунту масла, да ему и отъ 10-ти овецъ фунтъ волны, да сколько соберется со всего его причисленія десятиннаго хлѣба, уже изъ казны, третья часть; капланъ получаетъ противъ пастора половину, а масла, волны, хлѣбъ и прочаго нѣтъ; лукарь или пономарь отъ каждаго такого же геймата ржи съ ячменемъ пополамъ по три капы, съ мелкихъ волны и по хлѣбу и по одной капѣ гороху и бобовъ пополамъ; вехтеру, то есть, будильщику или сторожу, отъ каждаго геймата по капѣ ржи, а съ мелкихъ по половинѣ. Доходы церковнымъ служителямъ за требы: пастору за погребеніе, ежели умретъ въ домѣ хозяинъ или хозяйка, то отъ 6-ти коровъ и выше по коровѣ, а у кого 6-ти нѣтъ, то по 1 р. 80-ти коп. деньгами, а буде кто умретъ изъ семьи по 21 коп.; за вѣнчанье—16 копѣекъ, за крещеніе—8 копѣекъ, а младенцовъ ниже 8-ми лѣтъ погребать долженъ капланъ, и платить ему должно по 16 копѣекъ.

А все сіе записавъ и отправя его, написалъ что вчерась съ нами слѣдовало. Одѣвшись въ 8 часовъ, пошелъ къ маршалу, однако его въ хоромахъ не застали: ходитъ по саду и стрѣляетъ свиристелей; тутъ его ружье нѣкакъ разрѣшилось, — застрѣлилъ онъ зеленаго дятла и 20 свиристелей. А какъ онъ вошелъ въ хоромы, то я, его поздравя съ побѣдою птицъ и напившись у пітатгалтера посредственнаго чаю съ изрядными сливками, пошелъ въ городъ посмотрѣть и нашелъ: крѣпость изрядная; въ ней церковь Покрова

Пресвятыя Богородицы (оставленная отъ Владимірскаго полку полковая) поставлена на то нарочно въ сдѣланномъ покоѣ, и при ней рубленая колокольня съ четырьмя малыми колоколами кипгами довольна, а въ ризахъ нѣкоимъ образомъ нуждается; а на приношеніе жертвы потребнаго, какъ-то вина и просвиръ, какъ мнѣ сказывали, иногда и не достаетъ. Попъ содержится жалованьемъ, а доходовъ очень мало, потому что нашего закону живутъ тутъ для торгу только два однодворца купца, и то, думаю, раскольщики, и двѣ роты изъ Фридрихсгама. Да превеликая деревянная кирка, да казеннаго: инженерный и артиллерійскій дворы, да провіантскіе жь два старые и два строются вновь магазейны. Домовъ обывательскихъ всякаго званія, худыхъ и добрыхъ, въ крѣпости до 30-ти, да за городомъ по озеру до 30. Ноблесъ составляютъ комендантъ, полковникъ Барбо-де-Марини, и при двухъ ротахъ маіоръ, оберъ-офицеры, статгалтеръ Вульфертъ, два секретаря статгалтерской канцеляріи и коронные служители, въ томъ числѣ и гевалдигеръ, а прочіе служители и мѣщане самые бѣдные и во всемъ превеликая или и неописанная дороговь, а особливо въ провизіи и въ деревянномъ строеніи. Какъ примѣчено: вышепомянутые строющіеся въ городѣ два новые провіантскіе магазейна, коп въ паралелограмѣ каждый по 150-ти квадратныхъ саженъ на каменномъ фундаментѣ, полъ изъ бревенъ безъ потолку; оные сараи строитъ подрядчикъ Выборгскій житель, крестьянинъ его сіятельства графа Григорья Григорьевича Орлова, Ѳедоръ Юшинъ, обязался за 8,666 рублевъ. Цѣна въ разсужденіи близости лѣса и на фундаментъ каменья и работы непомѣрная, ибо — самые простые въ столбы заборомъ; мнѣ кажется, лучше бъ и дешевле стали каменные. Я думаю, и на Украинской линіи въ знакомой мнѣ Бѣлевской крѣпости, коя на половинѣ линіи, слѣдовательно, и отъ воды до полутораста верстъ, то есть, отъ Днѣпра, откуда получается лѣсъ, за полтакой цѣны легко сдѣлать можно. А съѣстные припасы всякіе привозятъ изъ Выборга, ибо мясо публично и въ продажѣ нѣтъ, и великій во всемъ недостатокъ; на Украинской линіи въ крѣпостяхъ гораздо лучше.

Походя въ городѣ, зашелъ къ Поливанову, нашелъ его: чешетъ волосы, а Соймоновъ уже одѣтъ; тутъ купилъ, взявъ у Поливанова денегъ 4 рубля, 23 картины, представляющія манежъ; сіи куплены для украшенія моего новаго купленаго дому. А купя, пошелъ на квартиру и убравшись пошелъ къ маршалу; нашелъ Поливанова: бѣгаетъ съ своимъ слугою Бурханомъ, какъ родительница (?); причина бѣганья—свирпстелей много, а ружье не стрѣляетъ;

однако однажды выстрѣлить удалось, и убилъ или нашелъ послѣ маршала свиристелку, принесъ съ великою радостью намъ показалъ. А какъ уже былъ двѣнадцатый часъ, то маршалъ и мы всѣ, какъ званые гости, пошли къ коменданту обѣдать, а въ двѣнадцать часовъ въ 14 человѣкахъ (въ числѣ коихъ нашей свиты и статгалтеръ самъ другъ, два статгалтерскихъ секретарей, вдовушка молодая, лѣкарша, хозяинъ, хозяйка съ двумя малыми дѣтьми, самчетвертъ) и за столъ сѣли, а отобѣдали въ полтора, и за тѣмъ да за симъ ранѣ трехъ выѣхать не могли. Мы сѣли съ Соймоновымъ на чухонскія сани, а Поливановъ съ слугою, также двое на санкахъ; а выѣхавъ, на третьей верстѣ наѣхали небольшую, однако изрядную мызочку, и при ней хорошую корчму, принадлежащую господину Калману, а на шестой опять пошла стрѣльба подлѣ самой дороги. Показался проклятый тетеревъ, и маршалъ, благимъ матомъ схвася ружье, выскоча изъ саней, побѣжалъ не яко генералъ, но какъ страстный охотникъ, и подбѣжавъ въ мѣру, выстрѣлилъ, да не попалъ; знать, былъ завороженъ, а тетеревъ, поблагодаря за выстрѣлъ, полетѣлъ, чѣмъ насъ съ Соймоновымъ утѣшилъ. А проѣхавъ съ полверсты, остановясь, вступилъ съ ружьемъ, увидѣвъ сидящаго тетерева подлѣ самой дороги, и Поливановъ, подшедъ сажень въ восемь, хотѣлъ стрѣлять, да ружье не послушало, и такъ, тетеревъ, поклонясь ему, полетѣлъ, а мы въ свой путь поѣхали.

Отъѣхавъ 15 верстъ, при деревнѣ Кило перемѣня лошадей, пріѣхали въ Кананое въ 6 часовъ, и тотчасъ корчмарь Павелъ Лала, увидя на вшедшемъ прежде господинѣ голубую ленту зажегъ и поставилъ на столъ въ изрядномъ подсвѣчникѣ восковую бѣлую свѣчу; я какъ зналъ ужь давно, еще въ Шведскую войну, Кананое, зналъ же, что тутъ кромѣ финскихъ мужиковъ, никого не живетъ, и откуда взялась такая хорошая восковая свѣча, удивился; а какъ узналъ, что сей Лала былъ какимъ-то служителемъ при дворцѣ, то узналъ, что думалъ и о свѣчѣ. Въ Кананое, перемѣня лошадей, поѣхали въ полсема къ Выборгу, а не доѣхавъ за 1[illegible] верстъ, при деревнѣ Ганнокп, лошадей перемѣнивъ, въ Выборгъ въ полдевята пріѣхали, и хотя у воротъ короны Санктъ-Анны и постояли, однакожь чрезъ нѣсколько минутъ отперли и насъ въ городъ впустили. Мы взъѣхали на прежнюю квартиру, коя была въ прохолодь, и тотчасъ пришелъ оберъ-комендантъ, вице-губернаторъ и господинъ генералъ-маіоръ Дерфелтъ, и начались разные дишкурсы, и тутъ маршалу дано знать, что завтрѣ будетъ въ

Выборгѣ за Яссы и за прочее Бо у благо аре іе, а у коменд ита балъ, и прошенъ къ обѣду и на балъ, да и мы туда ъ приглашены. И продолжались сіи дишкурсы до 12 часовъ, чѣмъ намъ сдѣлали маленькую скуку, бо мы, яко волунтеры, въ генеральскіе дишкурсы не входимъ, а чемъ шабаку, тогда какъ, когда маршалъ, оставя все, останется съ нами одинъ, и представитъ нѣкъ къ равнаго намъ Александра Ильича Бибикова. Я истребовалъ для себя у квартиргера особую квартиру, отведена у портного Реймана, гдѣ и трактиръ, а Поливановъ и Соймоновъ стали съ маршаломъ. Проводя жъ сихъ господъ, принялись мы за дорожный ужинъ, и отужинавъ въ половинѣ перваго, отчасъ откланявшись, пошли—я съ Бушуевымъ на квартиру, а Поливановъ и Соймоновъ по постелямъ и тотчасъ легли спать. Отъ Вилмонстранда до Выборга 50 верстъ, и дорога хотя не гориста да очень камениста; только намъ съ Соймоновымъ сія дорога была нѣкоторымъ образомъ несчастлива, потому на первыхъ трехъ перемѣнахъ доставались намъ лошади лѣнивыя, и такъ мы пріѣзжали послѣдніе, и то съ трудомъ Соймонова, ибо онъ великій мастеръ лошадей лѣнивыхъ погонять; а отъ Гапоки достались самыя добрыя и на полу-дорогѣ, то есть, отъ Выборга на 3-й верстѣ, по несчастію выпрокинулись; я ушибъ лѣвую ногу, а Соймоновъ голову; однако скоро прошло, и у меня нога больше версты не болѣла.

27-е, вторникъ. Вставъ въ 4 часа и написавъ вчерашнее происшествіе, уснулъ, а проснувшись одѣлся и въ полдевята пришелъ къ маршалу, нашелъ его въ Поливановой каморкѣ, одѣвающагося и жалуется на голову, что въ вечеру угорѣлъ, потому—какъ выше сказано, что покои были въ прохолодь, такъ онъ приказалъ оные затопить; спать, небережно закрыли. Въ спальнѣ жъ у него Дерфелтъ и вице-губернаторъ; онъ одѣвшись тотчасъ къ нимъ вышелъ и скоро пришелъ къ нему и Ступишинъ, съ офицерами, и Тобольскіе офицеры, оберъ-провіантмейстеръ Голубцовъ, бургеры и по состоянію города разныхъ кое-какихъ очень много; маршалъ, пробывъ дома до 11-ти, поѣхалъ съ Ступишинымъ въ церковь, и всѣ за нимъ пошли и поѣхали; а отслушавъ благодарный молебенъ, который былъ съ пушечной пальбой, поѣхали къ Ступишину въ его каретѣ маршалъ, я и Поливановъ и хозяинъ въ заложенной воронымъ цугомъ. Мнѣ такъ случилось сѣсть въ большомъ мѣстѣ, а представлялъ самого дурака, ибо съ генералами сидѣть, да и въ большомъ мѣстѣ, кромѣ, по здравому разсужденію, дурака, никому не прилично; подъѣзжая къ дому, услышали звукъ военныхъ трубъ

9, Rue du Val-de-Grâce à Paris

и литавръ, а какъ лошади запоровились, можетъ быть, отъ звуку, и въ подъѣздъ не попали. то маршалъ и хозяинъ и мы вышедъ и не въ подъѣздѣ пошли въ хоромы, кои были очень въ прохлодь; и скоро пришла хозяйка съ дочерьми и нѣкоторыми дамами и зачала быть шабалу; маршалъ, какъ въ свѣтѣ живущій, тотчасъ сталъ въ силу политики съ хозяйкой говорить, а прочіе кто съ кѣмъ, а я съ лифляндомъ, который мнѣ разсказывалъ о состояніи Финскаго народа, о произволствѣ между ими суда и нѣсколько о законахъ, и о подчиненіи владѣльцамъ, и съ ними о поборахъ; подтвердилъ разсказы Выборгскихъ штатгалтера и камерира, чему я по возможности, кромѣ поборовъ, при семъ приложилъ съ примѣчаніемъ о землѣ описаніе.

А дамы званыя съѣзжались; а какъ пріѣхалъ вице-губернаторъ съ супругою, то пошли къ столу; первые повели по порядку дамъ, а я, какъ старикъ, въ эту церемонію не вшелъ; столъ состоялъ обоего пола въ 30-ти человѣкахъ, въ числѣ онаго нѣжнаго полу 14, и всѣ, кромѣ губернатора съ супругою, были прежніе; а другой столъ составляли лекарь Пель съ маленькою хозяйскою дочькою. При питіѣ за высочайшія здоровья и счастливаго оружія происходила пальба изъ поставленныхъ передъ дворомъ Кугорновыхъ мартирецъ. За столомъ сидѣли до трехъ съ половиною, а вставъ пошли къ кофе, къ коему прежде всѣхъ приступили дамы; а я, выпивъ чашку, по обыкновенію отправился спать на лошади помянутаго лѣкаря, а выспавшись, въ 6 часовъ поѣхалъ на хозяйской лошади опять къ коменданту, нашелъ — уже балъ открытъ и танцуютъ въ развалъ, а столовъ на пять играютъ въ ломберъ, а нѣкоторые вспомнили и въ квинтичь; сказали мнѣ, что балъ началъ маршалъ съ хозяйкою; я тотчасъ узналъ, что маршаловъ Павель—датской гвардіи поручикъ, и спѣшилъ его тѣмъ поздравить, и поздравилъ чистымъ сердцемъ, а онъ далъ мнѣ прочесть нѣкакое и не отъ кого письмецо, а я прочетъ сердечно радовался, чему свидѣтель Соймоновъ, только что писано — половины не разумѣлъ, ибо алегорически. Балъ составляли человѣкъ до ста, между коимъ числомъ нѣжнаго полу по больше 40; и танцовали нѣкоторыя по ученому, а нѣкоторыя съ наглядки, однако весело, и одѣты по Выборгу изрядно, да вотъ что примѣчено: сколько Фридрихсгамскій нѣжный полъ веселъ и рѣзовъ, столько Выборгскій угрюмъ и важенъ; тамъ маршалъ казался великимъ подбѣгателемъ, а здѣсь хоть и нѣкоторымъ и подпускалъ голубя, однако и отвѣту ни отъ одной не добившись, оставилъ и провождалъ

время, въ разговорахъ больше съ своею братьею и въ шахматахъ. Лучшихъ же дамъ представляли губернаторша и подполковница Удомъ, а танцовщики были изъ лучшихъ господа Тобольскіе офицеры, и нѣсколько купцовъ, а первымъ поручикъ Зезинъ. Примѣтно мнѣ стало, изъ нѣкихъ одна, дѣвица, на головѣ имѣла уборъ странный; оный былъ отъ волосовъ, кажется, больше фута и приколонъ на самомъ темячкѣ, склоняясь назадъ такъ далеко, что самый верхъ или хохолокъ того головнаго убора въ паралель, какъ былъ ни пышенъ, подколоннаго у ней роброндъ, и представляла нѣкакъ себя чудною; господинъ комендантъ подшелъ ко мнѣ съ дамою, хотя немолодою, однако нарядною, и просилъ отъ себя и отъ имени ея, чтобъ я съ нею протанцовалъ; это была плацъ-маіорша, баба хоть и не изъ молодыхъ, однако нѣкакъ живая, а какъ и она то подтвердила, то я, слѣдуя политикѣ, какъ умѣю, такъ и пошелъ, хорошо жъ мнѣ умѣть не можно, потому что я въ 717-мъ году будучи ужъ капитаномъ, въ Ревелѣ у хромого танцмейстера, платя по два рубли на мѣсяцъ, мѣсяца три—два поучился, однако танцую посредственно: годится; а оттанцовавъ, изъ подчтенія просилъ и хозяйку, а оттанцовавъ съ нею, сѣлъ и больше уже не танцовалъ. Въ 9-ть маршалъ укрывшись поѣхалъ на санкахъ маіора Мартопа домой отправлять почту, а я, послѣ его побывъ съполчаса, да стало нѣкакъ безъ него скучно, на почтмейстерскихъ саняхъ поѣхалъ къ нему и нашелъ его—пишетъ, то тотчасъ пошелъ на свою квартиру; а какъ ложиться безъ ужина почитаю я за грѣхъ, то получилъ отъ хозяина два ломти хлѣба, и мазанные масломъ и накладенные солониною; заплатя 5 копѣекъ, съ водою поужиналъ, легъ спать.

Между прочими полученными маршаломъ изъ Петербурга пріятными письмами, получено увѣдомленіе, что недавно на театрѣ въ балетѣ почтенная мадамъ Сантина плясала, и очень хорошо, по русски; и такъ, маршалъ былъ какъ-то въ восхищеніи, да и я, ему срадуясь, поздравлялъ, а хозяинъ палилъ кубокъ, поздравлялъ маршала съ датскимъ поручикомъ и съ другими хорошими вѣстьми; а преждереченному послѣдствовали всѣ тутъ бывшіе, при чемъ была и пальба. Ко удовольствію моему подтвердилъ Копенгагенскій вояжъ. На семъ балѣ Поливановъ выигралъ 6-ть рублевъ; что-жъ до музыки, то Выборгская Фридрихсгамской втрое превосходитъ.

28-го, среда. Вставъ я поутру въ полчетверта и написавъ вчерашній день, уснулъ, а проснувшись и одѣлся; въ 8-мъ часовъ пошелъ къ маршалу, нашелъ его въ письмахъ; отправляетъ почту;

я, ему не помѣшавъ, перешедъ чрезъ его спальню, пошелъ прямо къ губернатору и пилъ у него чай, который ни похвалить, ни похулить не можно, а напившись довольно, пошелъ опять къ маршалу; онъ еще въ письмахъ; такъ я и пошелъ къ провіанскому маіору Голубцову и пробылъ у него до 10-ти часовъ. А какъ въ одинадцатомъ маршалъ отписался, то я пошелъ къ нему и, побивъ съ нимъ шабалу, сказа и мнѣ, что пришелъ ко мнѣ купецъ Тёмъ, за коимъ я посылалъ. Я вышедъ его попросилъ, чтобъ онъ сыскалъ мнѣ купить для мадамы табаку 1 большую и 10 малыхъ рулекъ; онъ мнѣ за рубль за 20 копѣекъ и прислалъ, за что я тотчасъ и деньги заплатилъ, а хотя и надлежало со онаго заплатить было и пошлину, однако я не платилъ. Въ часъ по полудни одѣвшись маршалъ да и мы съ нимъ пошли къ губернатору, у коего, также какъ и у коменданта, хоромы гораздо въ прохолодь. И какъ гости съѣхались, то въ полтора часа въ (25-ти человѣкахъ) за столъ сѣли, а въ три съ половиною встали; за столомъ пито за высочайшія здоровья и счастливаго оружія съ стрѣльбою изъ пушекъ. Я вставъ, не дождавшись кофе, пошелъ спать. А какъ мнѣ было нѣкакъ дурно, то я провалялся долѣ обыкновеннаго, однако всталъ и одѣвшись, въ 7-мъ часовъ пошелъ къ губернатору и нашелъ — балъ открытъ и въ развалъ танцуютъ, а столовъ на 10 играютъ въ карты. Какъ мнѣ сказывали, въ началѣ бала пито было здоровье маршала, а балъ открыли онъ, маршалъ съ хозяйкою, а хозяинъ съ комендантшею. Какъ увидѣла меня пришедшаго хозяйка, то и подняла. Я съ нею на силу протанцовалъ, а въ девятомъ въ исходѣ опять пошелъ на квартиру и соснулъ съ полчаса, и кажется, стало получше,—то пришелъ обратно на балъ, а пришедъ заплатилъ долгъ госпожѣ плацъ-маіоршѣ: поднявъ протанцовалъ. Маршалъ въ полдесята французскимъ манпромъ скрылся, да и Поливановъ съ Соймоновымъ въ началѣ одинадцатаго ушли же. А я въ полодинадцатаго протанцовалъ съ хозяйкою; почувствовавъ опять дурно, пошелъ прямо на квартиру, и получа отъ хозяина два ломтя съ масломъ—одинъ съ сыромъ, а другой съ мясомъ, и хлѣба съ водою, заплатилъ обыкновенную цѣну 5 копѣекъ. Поужинавъ спать легъ. Балъ составляли человѣкъ около ста и больше; въ томъ числѣ нѣжнаго полу 41. Передъ обѣдомъ говорилъ мнѣ хозяинъ: „Ежели де маршалъ имѣетъ обычай ужинать, то не лучше ль приказать изготовить дорожному вашему повару маленькій ужинъ“. А притомъ изъяснился, что въ Выборгѣ на балахъ ужинъ не въ обычаѣ, а подаютъ только

буттеръ-бродъ, то есть, хлѣбъ съ масломъ, и разсуждалъ: можно ли такое множество людей, коихъ де человѣкъ до двусотъ, удовольствовать? А я ему сказалъ: „Когда весело, то объ ужинѣ думать нечего, можно быть довольну и подаваемымъ". А по чести скажу, и до полутораста не было, изъ чего заключить было можно: господинъ хозяинъ (какъ и всѣ Выборгскіе) добрый хозяинъ, а исключить надобно только оберъ-коменданта: тотъ мнѣ показался безсеребенникъ. На балѣ большую часть вечера препроводилъ я въ разговорахъ съ купцомъ Вулфертомъ, который ко мнѣ ласкаясь расправливалъ, какъ мы время проводили въ Фридрихсгамѣ, а я ему всю правду разсказывалъ, но онъ сожалѣлъ, что и Выборгскому купечеству также насъ принять не удалось. А я чистосердечно предъ симъ признался, что Выборгскихъ людей съ моей стороны считаю нѣкакъ нелюдимыми.

29-ое, четвертокъ. Всталъ я сего утра въ началѣ пятаго и, написавъ вчерашняго дня происхожденіе, уснулъ и всталъ обыкновеннаго гораздо позже, то есть, въ 9 часовъ съ половиною. Напившись у хозяина чаю, одѣвшись, пошелъ къ маршалу и не успѣлъ выйдтить на крыльцо, какъ принесли ко мнѣ на французскомъ языкѣ билетъ, коимъ просятъ, какъ мнѣ перевелъ Соймоновъ, завтрѣ въ 5 часовъ, въ маскахъ и безъ масокъ, въ домъ къ оберъ-коменданту. Я, получа, не остановясь, пошелъ; маршала нашелъ съ вице-губернаторомъ: разсматриваетъ Финляндской губерніи карты, а Поливановъ на постелѣ, сказываетъ: болитъ голова; Соймонову же чешетъ маршальскій волосочесатель волосы. И такъ я, приставъ тутъ же, и смотрѣлъ немного на карту, пошелъ къ провіантскому маіору Голубцову, который посулилъ мнѣ до Петербурга доѣхать сани и, побывъ у него минутъ съ десять, увидѣлъ сани; пошелъ опять къ маршалу, тутъ нашелъ коменданта и Дерфелта. А какъ маршалъ и я званы обѣдать на мызу къ губернатору, а былъ уже одинадцатый часъ въ началѣ, то сѣвъ по санямъ, маршалъ съ губернаторомъ, а комендантъ и Дерфелтъ по своимъ, а для меня губернаторъ велѣлъ запречь изрядную лошадь въ изрядныя шведскія санки; поѣхали чрезъ мостъ въ корону Санктъ-Анны. А ѣхали мимо двора маіора Мартона. Я къ нему заѣхалъ да и съ другимъ маіоромъ Тунземаномъ чаю выпилъ чашекъ съ десять; туда жь на мызу чрезъ заливъ морской, который уже замерзъ, погодя около получаса, поѣхали и ѣхали 20 минутъ; ѣхать было очень хорошо, и ледъ хоть и трещалъ, однако скоро ѣхали; такъ было неопасно.

Мы пріѣхали прежде, нежъ вышеписанные господа, и нашли на мызѣ Калмана и инженеръ-капитана, маіорова провіантскаго Голубцова и тобольскаго Черемишинова, да лѣкаря Вилькиса; а черезъ четверть часа и они пріѣхали; а какъ столъ былъ готовъ, то въ двѣнадцать, въ числѣ 13 человѣкъ одного грубаго полу сѣли, а нѣжнаго съ нами не было ни одной. Отобѣдавъ же въ полъ-ора часа, зачали пить кофе, а я пошелъ на хозяйскую запасную постель, уснулъ, а проснувшись нашелъ собраніе: пьютъ пунишъ. За обѣдомъ были разговоры кое-какіе, а меня чортъ дерни тутъ же вмѣшаться, а вотъ какъ: я зналъ Выборгскій гарнизонъ еще въ 741-мъ году, когда были полковники Горсткинъ, Лановъ, Ступишинъ и подполковникъ Хрущовъ, кои всегда имѣли великіи ссоры словесно и на письмѣ; я сталъ хвалить, что нынѣ въ Выборгѣ между баталіонными командирами очень согласно, и о тогдашнихъ упомянулъ ссорахъ, да вотъ какими словами: „нынѣ, слава Богу, здѣсь очень хорошо, всѣ живутъ ладно, а прежде, когда были здѣсь полковники (выговорилъ имена Хрущова), то весь гарнизонъ жилъ такъ, какъ черти яблоки дѣлили“,—что коменданту стало досадно, и онъ мнѣ противорѣчилъ, что въ то время отца его ужь не было, а вставъ изъ за стола, выговорилъ мнѣ при губернаторѣ, что напрасно я отца его обидѣлъ, а я что-то ему сквозь зубы проговорилъ. За симъ столомъ губернаторъ посулилъ мнѣ планъ Кіевскимъ пещерамъ, а маршалъ Выборгской губерніи карту, чему я былъ очень доволенъ. Да и послѣ обѣда время до получетверти часа продолжалось въ разговорахъ, говорили кому съ кѣмъ попало, кое о чомъ; а у меня во все время рѣчь шла съ губернаторомъ о состояніи здѣшнихъ мужиковъ и разныхъ живущихъ въ землѣ мужичьихъ правахъ и о правахъ здѣшняго дворянства, о состояніи здѣшней земли и о земледѣліи, и онъ мнѣ все то, что сказываю въ Вилмострандѣ и Лагманомъ, подтверждалъ.

Теперь слѣдуетъ описаніе оной губернаторской мызы. Она и зимою очень хороша; хоромы лицомъ поставлены между сѣвера и востока, на препрядномъ пригоркѣ, такъ что изъ окошекъ, зачавъ отъ западной стороны до восточной, зрѣніе до горизонта верстъ на 10 простирается, и весь городъ Выборгъ и нѣкая часть моря предъ глазами. Въ хоромахъ уборъ изрядный, обиты хорошенькими бумажными обоями и украшены нѣсколько зеркалами и картинами и на нѣмецкомъ языкѣ по пристойности, въ двѣнадцати мѣстахъ за стеклами, съ стихами бумажками, да и расположенъ—годится; однимъ словомъ, въ здѣш-

ней сторонѣ я такой хорошенькой мызы не видывалъ; да и у насъ, какъ и въ Лифляндіи, выключая въ Ревельскомъ уѣздѣ Мелгофъ, такого хорошаго положенія мѣста не знаю и думаю: не скоро найдешь. Да и все у сего губернатора, какъ въ городѣ, и на мызѣ, очень хорошо, и похулить нечего. Что жь до него, то съ супругою составляютъ пару препрядную.

Въ полчетверти съ мызы уже всѣ черезъ заливъ и слободу Каменногорскую, въ коей разныхъ чиновъ и солдатскихъ до трехъ сотъ дворовъ, поѣхали въ городъ, къ Мартону, и тутъ ужь съѣхалось нѣсколько и нѣмецкаго полу, и зачали играть въ карты, а маршалъ съ губернаторомъ въ шахматы, чѣмъ сдѣлали видъ маленькой ассамблеи. А мы съ маіоромъ Тупземановъ, я на лошади дѣкаря Пели, а онъ на своей, поѣхали къ давно знакомому мнѣ майору Морскому, а у него посидѣвъ, поѣхали къ таможенному директору Глазенапу и тутъ нашли Поливанова и Соймонова и нѣсколько Тобольскихъ офицеровъ и здѣшнихъ купцовъ: играютъ въ карты. Соймоновъ тутъ проигралъ около семи рублевъ. Побывъ тутъ очень мало, поѣхали опять къ Мартону; тутъ нашли маршала и губернатора: отыгравъ въ шахматы, ходятъ, да и игра каѳедральная перерывается. А какъ было полдевята, то стали ставить и столъ; въ полдесятаго жь въ 20 человѣкахъ, въ томъ числѣ нѣмецкаго полу семь, за столъ сѣли; на столѣ было все изрядно приготовлено, между чѣмъ съ лосью и лещомъ два блюда составляли для меня лучшее кушанье; а маршалъ хвалилъ очень и вино; и такъ, въ одиннадцатомъ часу отужинавъ изъ стола встали, а въ полдвѣнадцата, маршалъ и я съ нимъ, на хозяйскихъ саняхъ домой пріѣхавъ, нашли Поливанова и Соймонова дома: еще не ужинали; и такъ, они съ Бушуевымъ втроемъ сѣли за ужинъ, и я сѣлъ съ ними глазѣть, маршалъ же, проговоря съ нами слова съ два, легъ на постелю, столъ читать книгу, а отужинавъ, и мы, къ нему пришедъ, побывъ шабалу, пошли съ Бушуевымъ на квартиру, а они по постелямъ, и въ половинѣ перваго, я чаю—какъ и я, заснули.

30-е, пятница. Я пробудился очень рано и вставъ написалъ вчерашній день; опять легъ, а въ 8-мь всталъ, одѣлся и пошелъ къ маршалу; его нашелъ: разсматриваетъ важно карты и что-то пишетъ. Я увидѣлъ, что сіе до меня не принадлежитъ; поболтавъ слова съ два, пошелъ къ губернатору, у коего пилъ чай и получилъ отъ него посуленый планъ; пошелъ отъ него къ Голубцову и, получа лошадь маіора князя Куковатова, съ Тешемъ, который

тутъ прилучился, поѣхалъ къ Мартону сдѣлать дому его почтеніе, а какъ его не засталъ, то оттуда поѣхалъ его искать и нашелъ его у свояка его, купца Сутова, гдѣ хозяинъ принялъ меня со наивѣжливѣйшимъ образомъ, потчивалъ меня изряднымъ зеленымъ чаемъ съ прекрасными сливками и сахарнымъ, изрядно сдѣланнымъ хлѣбомъ. Сей хозяинъ съ Мартономъ и губернаторомъ свояки родные. Я побылъ у него пока сыскалъ мнѣ Тешъ башмаки, черные гарусные чулки и пряжки и бѣлый галстукъ. И тутъ Тешъ досталъ купить мнѣ для мадамы пару любскихъ или вестфальскихъ колбасовъ; побывъ съ полчаса, поѣхали съ Мартономъ и Тупземаномъ ко мнѣ, и тутъ они мнѣ подарили по двѣ пары стрѣляныхъ тетеревей и рябчиковъ пожаловали, и скоро отъ меня куды-то поѣхали, а я пошелъ къ маршалу, но его и никого не засталъ; ушли къ Кальману; туда и я отправился, ибо вчерась званы были мы къ нему обѣдать. А какъ я пришелъ, а столъ былъ готовъ, то въ часъ въ 17 грубаго и въ 6-ти нѣжнаго половъ, всего въ 23 человѣкахъ, за столъ сѣли; а въ два съ половиною изъ-за стола встали, и я, не пивъ кофе, тотчасъ и спать пошелъ. На семъ столѣ, также какъ и вчерась, были два блюда съ рыбою изрядныя, а посредственно изготовленныхъ окуней, но я ѣлъ нѣсколько меньше обыкновеннаго, а доволенъ былъ во весь столъ питью яблоками и чашкою выпрошеннаго молока.

Какъ я проснулся, то пришелъ ко мнѣ здѣшній ремесленникъ, прозываемый Немудрый Сакса, и принесъ заказываемую мною ему работу—изъ березоваго дерева чашку мнѣ для молока съ яблоками, табакерку и шесть наперичковъ*); а я, ему за то заплатя полтора рубля, отпустилъ; да принесли ко мнѣ отъ маіора Мартона пару чернаго платья и парикъ, да получилъ я отъ хозяина шляпу. Въ седьмомъ часу, одѣвшись похожимъ на адвоката или на церковнаго кистера, на хозяйской лошади на званый маскарадъ поѣхалъ, на коемъ нашелъ около ста масокъ и около пятидесяти безъ масокъ, а пріѣхавъ тотчасъ пошелъ миновету. Въ восемь же часовъ пріѣхали въ черныхъ маскахъ маршалъ и Поливановъ: на маршалѣ была какая назвать—не знаю, а на Поливановѣ—капуцинская; Соймоновъ же былъ въ своемъ образѣ. И такъ, я въ сей вечеръ кое-съ кѣмъ протанцовалъ разъ съ восемь; въ десять часовъ, оставя своихъ (маршала въ танцахъ—въ кругу танцуетъ съ какою-то хорошенькою маскою русской дѣвушки поль-

*) То есть, наперстковъ.

ской, а Поливанов съ губернаторомъ да съ Голубцовымъ, Соймоновъ же съ двумя здѣшними купцами въ картахъ за ломберомъ) на лошади лѣкаря Пеля поѣхалъ домой, а пріѣхавъ, получа отъ хозяина обыкновенный мой ужинъ, два ломтя буттеръ-бродъ, поужинавъ съ водою и заплатя деньги, легъ спать.

31-е, суббота. Всталъ я въ три часа и, написавъ вчерашнее, уснулъ, и въ семь часовъ всталъ и, напившись у хозяина чаю, одѣвшись въ восемь часовъ, пошелъ къ маршалу и нашелъ его не знаю что-то пишетъ. Я было не помѣшавъ пошелъ отъ него прочь, да пришелъ помянутый прозываемый Немудрый Сакса, принесъ къ маршалу сдѣланную работу, полдюжины наперничковъ и пять табакерокъ изъ березоваго корени, коему онъ приказалъ заплатить деньги. И тотчасъ вшелъ молодой человѣкъ; какъ я послѣ узналъ, это былъ купецъ Лада,—звалъ маршала къ себѣ на балъ, и какъ маршалъ ему обѣщалъ, то и я ему по зову его въ томъ не отказалъ. Отъ маршала я пошелъ въ лавки и купилъ себѣ мужичьи рукавицы и искалъ кенги, да не нашелъ; и такъ, зашедъ къ маршалу, нашелъ Соймонова—брѣется, и я, тутъ выбрившись, пошелъ къ Немудрому Саксѣ (а пока я брился, то маршалъ сказывалъ мнѣ про Поливаново уродство: вчерась онъ къ нимъ вошелъ и увидѣлъ, что Бурханъ гладитъ ему ноги) и нашелъ житье его чудное: изба его самая малая, безъ двери и безъ окошекъ, вмѣсто двери завѣшена вдвое рогожею, а окны заколочены ставнями и затыканы мохомъ; къ двери приваленъ боченокъ, чтобъ вѣтромъ не отвѣвало; въ избенкѣ матеріалу, то-есть, березоваго корени довольно и инструменту очень много. Его нашелъ сидящаго съ топоромъ и деревомъ въ рукахъ, а передъ нимъ двѣ зажженыя свѣчи и бутылка съ виномъ. Я, удивясь, что сей человѣкъ въ семъ чудномъ житьѣ имѣетъ свое удовольствіе и можетъ жить весело, пошелъ на квартиру. Я не успѣлъ войдти, анъ сдѣлали мнѣ посѣщеніемъ господа губернаторъ и Калманъ, маіоры Мартонъ, честь Тунзелманъ и Черемисиновъ, а Голубцовъ за спѣсью чести мнѣ не сдѣлалъ, у меня не былъ. А какъ я при губернаторѣ проговорилъ, что купить кенегъ не нашелъ, то посулилъ онъ мнѣ подарить кенги и звалъ меня къ себѣ обѣдать, а я, ихъ проводя, приказалъ исправить себѣ сани, къ нему пошелъ а въ часъ пополудни и за столъ въ 16-ти человѣкахъ, въ томъ числѣ нѣжныхъ 4, сѣли. А какъ въ полтретья отобѣдавъ встали, то я пошелъ тотчасъ спать, а, уснувъ съ четверть часа, всталъ и сталъ убирать съ помощію хозяина свои вещи; и убравшись по-

звали меня къ маршалу; я пришедъ, нашелъ его нѣкакимъ образомъ нахмурясь. Въ упряжкахъ сдѣлалось несогласіе, и я тутъ какъ-то маршалу показался гнѣвенъ. А какъ согласились, то я пошелъ на квартиру, сталъ убирать сани, а убравши, уснулъ еще съ полчаса, пошелъ къ маршалу, однако маршала не нашелъ; онъ ужь пошелъ на званый балъ, а я пошелъ опять къ Немудрому Саксѣ—взять отданную для поправки, дѣланную имъ мнѣ табакерку и нашелъ его,—спитъ и съ женою, безъ памяти оба; оную и безъ поправки взять принужденъ былъ, а взявъ, въ 7-мъ часу пошелъ на званый балъ, и хотя я былъ, какъ и маршалъ, одѣтъ по дорожному, однако хозяевами принятъ былъ наивѣжливымъ образомъ учтиво.

Въ половинѣ 8-го зачался балъ; открылъ маршалъ съ комендантшею, а комендантъ съ губернаторшею, а тому и всѣ послѣдовали; я было на семъ балѣ танцовать былъ не намѣренъ; однакожь хозяйская сестра дѣвушка, между многими, какъ и маршалъ засвидѣтельствовалъ, изъ лучшихъ, подшедъ меня въ танецъ съ собою просила; я было и отговарнвался, да подступя ко мнѣ, оба брата хозяевъ прилежно, чтобъ я танцовалъ, просили: и такъ я имъ не отказалъ, вступилъ прежде съ ихъ сестрою, а потомъ и со многими. Сей вечеръ танцовалъ я не знаю что-то другихъ вечеровъ больше и былъ гораздо веселяй; танцы мои были съ хозяйкою, помянутою изрядною дѣвочкою, да съ подполковницею Удомъ трожды, съ плацъ-маіоршею, съ маіоршею Адамовичевою по разу (она дочь покойнаго Любраса), да съ изрядною госпожею губернаторшею четырежды; то я ее, то она меня подымали, и хотя я обутъ былъ по дорожному, то есть, въ двоихъ чулкахъ и въ дурныхъ сапогахъ, однако отъ танцевъ устали не чувствовалъ. Балъ происходилъ въ верхнемъ этажѣ, а въ нижнемъ изготовленъ былъ столъ, за который въ 10-ть часовъ прошенъ маршалъ, комендантъ и губернаторъ, Калманъ и мы, маршалская свита, а весь столъ состоялъ въ пяти нѣжнаго и въ семи грубаго половъ. За столомъ просидѣли до одиннадцатаго, а вставъ, маршалъ и прочіе пошли въ верхъ доканчивать балъ и пробыли тамъ часа съ два; маршалъ и еще обращался себя въ танцахъ, а я на маршалскую квартиру тотчасъ пошелъ спать, а въ два часа въ провожаніи своихъ и нѣсколькихъ Выборгскихъ пришелъ и маршалъ. А какъ лошади были впряжены, то меня разбудя, простясь со всѣми провожавшими, въ два часа съ четвертью изъ Выборга поѣхали. И такъ и октябрь окончился.

Ноябрь 1-е, воскресенье. Какъ выше проговорено, что разбудя меня, въ 2 часа съ четвертью изъ Выборга поѣхали, и ѣхали нижеслѣдующимъ образомъ: мы всѣ четверо на силу влѣзли чортъ знаетъ отъ кого-то на съѣздъ въ присланный возокъ, а другой возокъ опредѣлили на спанье съ постелями и двое со съѣстными припасами и съ прочимъ скарбомъ глухія сани. Выѣхавъ изъ города, маршалъ тотчасъ, яко генералъ, отправился въ возокъ; а потомъ и Соймоновъ на глухой возъ. А какъ доѣхали до корчмы купцовъ Ладъ, гдѣ поставлена была между почтъ перемѣна, то Поливановъ взялъ себѣ чухонскія сани, а Соймоновъ, что сидѣть на возу непокойно, сѣлъ вдвоемъ со мною. А какъ намъ и двумъ очень было тѣсно, то на первой отъ Выборга почтѣ, слѣдуя примѣру Поливанова, взялъ я къ себѣ съ саньми лошадь и легъ на сѣно, какъ дѣйствительные курьеры ѣздятъ; заснулъ и нечувствительно до перемѣны 10 верстъ доѣхалъ а оттуда и до другой отъ Выборга почты доѣхали. Выспался очень покойно, а Соймоновъ спалъ въ возкѣ при сей перемѣнѣ; и маршалъ изъ возка вышелъ, да и Поливановъ проснулся, то Соймоновъ и Поливановъ легли въ возокъ, мы съ маршаломъ сѣли въ другой, а переѣхавъ чрезъ Красное село, оставя на лѣво зимнюю дорогу, поѣхали лѣтнею. А какъ лѣтняя дорога уже была оставлена, то мы ѣхали цѣлкомъ, до самой почты, верстъ съ 10, а пріѣхавъ, перемѣня лошадей, поѣхали немедленно. Тутъ съ нами сѣлъ ужь и Поливановъ; перемѣня жъ подставленными у Кивиневской кирки лошадей, поѣхали къ Липдолову. Эта перемѣна намъ была не скучна; мы всѣ трое кое-что изъ своихъ прежнихъ приключеній другъ другу разсказывали, и что я помню, такъ маршалъ разсказывалъ одно происшествіе во время Прусской войны—Суздальскаго полку полковаго квартермистра Крона и украденной имъ изъ кляштора фрейлинъ Есецъ, да свой вояжъ, какъ онъ ѣздилъ по Нѣмецкой землѣ, и между прочимъ, какъ онъ ѣхалъ изъ Кистрина на фарендѣ-постъ и сидѣлъ въ фурѣ, на соломѣ, съ одною вояжиркою, къ которой также въ противность 7-й заповѣди впалъ было во искушеніе, но какъ она пожелала отъ него такой вещи, съ какою совѣсть, честь и почтеніе разстаться ему не дозволяли, то и окончалось его желаніе безъ дѣйства. Да и другое кое-что болтали, что̀ кому на умъ взбрѣло.

А на конецъ дороги къ Липдолову захотѣлось мнѣ ѣсть и спать; и такъ, на силу дождался конца дороги, а пріѣхавъ въ корчму, колбасъ, буттербротъ, во ожиданіи каши, съ аппетитомъ, какъ

я, такъ и всѣ, позавтракали; да каша съ курицею съ перловыми крупами чрезъ полчаса поспѣла, однако такъ была сыра, что я и ѣсть по резону старыхъ зубъ не могъ, а доволенъ кое-чѣмъ холоднымъ. Поѣвъ, тотчасъ я легъ на корчмаркину постелю, заснулъ; а маршалъ, не давъ мнѣ выспаться, разбудилъ; и въ 3 часа къ Бѣлоостровской киркѣ поѣхали, а пріѣхавъ, въ 7 часовъ взялъ я для себя особыя сани, и одну подушку, и какъ сталъ садиться, то маршалъ вздумалъ играть, выдернулъ у меня подушку, чѣмъ мнѣ нѣкакъ досадилъ. Я, взявъ у него подушку, поѣхалъ, а пріѣхалъ въ Драшпиниково въ 8-мъ часовъ съ половиною; у рѣченнаго подъ 7-мъ числомъ октября маркитанта уснулъ и спалъ до пріѣзду оставшихъ. А какъ они пріѣхали, и впрягли лошадей, то въ десять съ половиною къ Петербургу отправились, и прибывъ, переѣхавъ у Самсонья Малую Неву, къ Троицѣ, а я къ Николѣ поѣхали. Я, переѣхавъ Неву пониже Николы, у маслянихъ анбаровъ, въ два часа съ четвертью домой пріѣхалъ, и нашелъ свою мадамъ,—спитъ въ добромъ здоровьѣ.

Сверхъ всего вышеписаннаго, вся вообще Финляндія, сколько тѣ мѣста, гдѣ проѣхали, мною примѣчены, землю имѣетъ гористую и каменистую. Дороги, не токмо большія, но и самыя малыя, по нашему проселочныя, лежащія и по горамъ всѣ работаны, то-есть, скалываны и стаскиваны въ сторону великіе каменья съ немалымъ трудомъ человѣческимъ; а ежели бъ не были работаны, то конечно, кромѣ верховой ѣзды, проѣзду быть не могло, и то съ нуждою. Деревни вездѣ малыя, больше пяти дворовъ нигдѣ не найдено. Земли около оныхъ къ земледѣлію и сѣнокосамъ, хотя по числу жителей съ посредственнымъ довольствомъ и видны, но всѣ стопли предкамъ и нынѣ стоитъ расчисткою лѣсовъ и осушеніемъ болотъ великой трудности. А плодъ приноситъ, умножая отъ трехъ и до 7 частей. Хлѣбъ сѣютъ: рожь, а яровой ячмень, овесъ, бобы, горохъ и мало гречи, да ленъ, а конопель нѣтъ. Народъ, живущій около Петербурга и до Мулы, мелокъ и нѣкакъ мозглявъ, да и въ житьѣ хуже нашихъ украинскихъ мужиковъ; а отъ Мулы до Выборга и до Зекервской киркп народъ лучшій и въ житьѣ нѣкакъ показываетъ иной видъ; а съ Зекервскаго кирпиппя сталъ показываться крупнѣй и въ житьѣ чище. Отъ Фридрихсгама до Кимени и вверхъ по Кимени народъ собою и въ житьѣ самый чистый и порядоченъ, даже до кирпиниля Вилкяла: большая часть люди росту большаго, съ лицъ походитъ на народъ военный и самый храбрый. Ежели такихъ Карлъ XII имѣлъ при себѣ Финновъ, какъ

я тутъ видѣлъ людей, подлинно было ему на кого полагать свою надежду. А отъ Валкяла до Вильмострапда и до Выборга опять пошелъ народъ хуже. Пища почти вездѣ ровная, состоитъ въ капустѣ, рѣпѣ, горохѣ, бобахъ, въ молокѣ и въ маслѣ. Вездѣ жь могутъ имѣть, въ разсужденіи морскихъ заливовъ и многихъ озеръ, и рыбу, а мясъ и хлѣба употребляютъ очень мало. У живущихъ около Кимени чище и лучше приготовлено.

Имѣніе ихъ и богатство состоитъ въ скотѣ рогатомъ, овцахъ и лошадяхъ, коего имѣютъ, а особливо рогатаго довольно. Неоднова такихъ наѣзжали мужиковъ, что стоятъ на стойлѣ дойныхъ коровъ по 20 и овецъ не меньше, и все въ великой холѣ, а лошадей—и лучшій больше пяти не имѣетъ; но лошади, хотя не велики, да очень хороши, всѣ кругленькія и сытенькія, какъ огурчики, такъ какъ лифляндскіе клепера и очень крѣпки; овса жь прежде марта не даютъ, а довольствуютъ сѣномъ и сѣчкою. Для навозу вмѣсто соломы рубя мелко еловыя вѣтви, кладутъ въ ямы, а скотскій помятъ сгребая, туда мѣшаютъ и сказываютъ — навозъ очень хорошій и очень землю удобряетъ. Народъ сей, какъ мнѣ сказывали, вольный; кромѣ монарха никому не подвластенъ и имѣетъ волю, отдавъ свою землю идти на другую. Помѣщикамъ своимъ или владѣльцамъ должны давать столько и только дней работать, что ревизіею опредѣлено, коя бываетъ ежегодно; и больше помѣщикъ взять, и больше время заставить работать не властенъ: въ противномъ случаѣ мужику со владѣльцомъ судъ. Въ своихъ обидахъ мужикъ на мужика у владѣльца не проситъ, а проситъ у земскаго судьи: въ случаѣ жь неудовольствія относитъ судъ къ лагману, то есть, къ вышнему судьѣ и далѣ—до юстицъ-конторы, минуя губернію. Дороги большія и малыя исправляются обывателями посаженно, распредѣлены всѣ по мужикамъ коронимъ и владѣльческимъ; а мостовщикъ знаетъ, кому именно его вѣдомства мужику которая сажень въ починку опредѣлена. И такъ, ежели найдетъ мостовщикъ дорогу неисправну, то ужь знаетъ, кто оную исправить долженъ, и тотчасъ тому скажетъ. А буде онъ съ первою повѣсти не исправитъ черезъ недѣлю, за то штрафъ: у кирки 6 паръ розгъ или положенная сумма денегъ. А пара розгъ значитъ, раздѣвъ до нога, взявъ въ руку пару новыхъ прутьевъ, ударить 6 разъ. И такъ, 6 паръ сдѣлаетъ 36 ударовъ, однакожь больше за штрафъ платитъ деньги, для того что мужикъ, который былъ публично обнаженъ, то ужь ни въ какое сообщество своей братьи, то есть, ни въ кумовство, ни въ сватов-

ство не пріемлется, а остается на вѣкъ безчестнымъ, чего мужики крѣпко опасаются. У мужика владѣлецъ не токмо что-либо силою взять, но и ни ударить его, ниже плюнуть въ глаза не можетъ; въ противномъ случаѣ со владѣльцомъ судъ; а и плевокъ въ глаза дѣло криминальное, не токмо побой.

Отъ Выборгшанца до шведской границы дороги слѣдующія: 1-я: большая, по Фридрихсгамской дорогѣ до лили Аборъ-Форса около 135 верстъ. 2-я: до шведскаго кирпиля Птисъ у Кимени рѣки, чрезъ Тойкалу и Мартилу, по фридрихсгамской дорогѣ вправо на Кай-піаксъ и Роцсалу до Мемела 90 верстъ. 3-я: до Пумала-Зунта водою по Займѣ озерѣ 37 верстъ, а сухимъ путемъ 90 верстъ, чрезъ Поуценъ и Роколаксъ кирки Кименегорской провинціи на коляскѣ проѣхать можно. 4-я: до шведскаго кирпиля Кристина около 90 верстъ сухимъ путемъ верхомъ, а зимнимъ временемъ на саняхъ на Клемисъ, Савитай-тулъ и Соммель-Неми кирпиля Кименегорской провинціи; а водою по Займѣ озерѣ около 50 верстъ. 5-я: до шведской границы въ Менду-Гарью Кирку 90 верстъ сухимъ путемъ верхомъ на Савитайтулъ и Сомель-Неми, кирпиля Кюменегорской провинціи. 6-я: до шведской границы за Нейшлотомъ въ Саволаксіи около 130 верстъ, на Поуценъ Роколаксъ кирки Вирмундъ-Еки, керспиль Сплда по Мули Зундъ до Сулкала кирки. Сей кирки кирпиль граница раздѣлила на двѣ части: одна половина осталась въ шведской, а другая въ нашей сторонѣ. А 7-я: чрезъ Кимень въ Лили Аборъ-Форсъ на урочище Сассала чрезъ Рокеніоки...

(Послѣдній листъ рукописи утраченъ).

ЗАПИСКИ АЛЕКСАНДРА АЛЕКСѢЕВИЧА ЯКОВЛЕВА.

Записки Александра Алексѣевича Яковлева, умершаго въ 1835 году дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ, заключаютъ въ себѣ любопытный разсказъ о состояніи нашихъ духовныхъ дѣлъ въ началѣ нынѣшняго вѣка. Авторъ самъ былъ заинтересованнымъ лицомъ въ сферѣ описываемыхъ событій, и притомъ лицомъ пострадавшимъ, а потому понятно, что разсказъ его отличается рѣзкостью тона; быть можетъ, онъ невсегда и безпристрастенъ, но нельзя, кажется, сомнѣваться въ томъ, что прямая и честная личность Яковлева вообще заслуживаетъ довѣрія. Впрочемъ, въ литературѣ нашей уже имѣется небольшой историческій трудъ, въ которомъ можно найдти отчасти провѣрку и дополненія къ разсказу Яковлева, свидѣтельствующія въ пользу послѣдняго: мы разумѣемъ статью подъ заглавіемъ: „Изъ прошлаго“, напечатанную въ апрѣльской книжкѣ Русскаго Вѣстника 1868 г., за подписью *П. М.* (авторъ этой статьи пользовался рукописью записокъ, хранящеюся въ Чертковской библіотекѣ въ Москвѣ). Окончательнаго отвѣта на вопросъ о значеніи записокъ Яковлева, какъ историческаго источника, должно ожидать отъ дальнѣйшей основательной разработки исторіи синодальнаго управленія. Для лица, которое занялось бы подобнымъ трудомъ, предлагаемое изданіе записокъ будетъ небезполезно. Считаемъ долгомъ замѣтить, что текстъ записокъ печатается здѣсь по имѣвшейся у насъ копіи, съ весьма небольшими исключеніями.

А. К.

Журналъ Яковлева, бывшаго въ синодѣ оберъ-прокуроромъ съ 1-го января по 7-е октября 1803 года, и съ послѣдующими обстоятельствами, или исповѣдь честнаго человѣка, пострадавшаго за вѣрность къ своему государю, начертанная единственно для собственнаго напоминанія.

Въ 1802 году декабря 31-го назначенъ я въ святѣйшій синодъ оберъ-прокуроромъ, при чемъ убавлено у меня 400 р. жалованья, ибо, пользуясь сряду двадцать лѣтъ по высочайшимъ указамъ императрицы Екатерины II, Павла I и нынѣ царствующаго государя 2400 руб., началъ я получать въ синодѣ и доднесь получаю только по 2000 рублей.

Вступилъ я въ должность съ 1-го января и за первую себѣ обязанность почелъ впечатлѣть въ разумѣ моемъ высочайше данную генералъ-прокурору и синода оберъ-прокурору инструкцію, ибо онѣ слово отъ слова одинакія. Слѣдовало мнѣ по оной имѣть дѣло лично съ императоромъ, безъ чего дѣла не могли идти хорошо; но остались они въ рукахъ г. Новосильцова. При первомъ шагѣ доложилъ я чрезъ него государю, что усматриваю въ синодѣ и по епархіямъ великія запущенія, требующія скорѣйшаго возстановленія порядка и правосудія, чѣмъ всеконечно тому противу себя членовъ синода навлеку ненависть и возбужду сильныя роптанія, но что я готовъ собою пожертвовать и пойду, не взирая ни на что, прямою дорогою, — почему и просилъ я какъ чрезъ г. Новосильцова, такъ и въ личномъ разговорѣ съ самимъ государемъ, чтобы въ благомъ намѣреніи моемъ онъ изволилъ меня поддержать. Изъявлены мнѣ были многократныя апробаціи и благоволенія.

При первомъ шагѣ увидѣлъ я, что по Московской синодальной типографіи, въ коей въ каждые четыре мѣсяца обороту болѣе милліона рублей, большія злоупотребленія и казнѣ ущербы, а паипаче при возобновленіи торговъ на разные матеріалы. Представилъ я государю на разрѣшеніе, дабы оные торги производить не въ Москвѣ, а здѣсь въ синодѣ. Государь повелѣлъ мнѣ объявить синоду указъ: 1-е) дабы употребить мнѣ по своему благоусмотрѣнію на синодскія надобности 2909 р., оставшихся въ синодскомъ казначействѣ, 2-е) чтобы тѣмъ торгамъ быть подъ особеннымъ моимъ присмотромъ, для большаго соблюденія казенныхъ выгодъ, здѣсь въ святѣйшемъ синодѣ, и 3-е) что я, какъ въ сихъ, такъ и впредь въ подобныхъ случаяхъ могу поступать по лучшему усмотрѣнію моему, гдѣ только къ пользѣ службы и къ исполненію возложенной

на меня должности относиться будетъ,—при чемъ удостоился я и высочайшаго благоволенія. Начало сіе поразило всѣхъ членовъ, а наипаче митрополита Амвросія и Павла Ярославскаго, яко наиболѣе дѣйствовавшія лица въ синодѣ; первому же типографской конторы директоръ, надворный совѣтникъ Розановъ, руководствующій всѣмъ, былъ родной племянникъ.

Подалъ я государю императору записку касательно ежегодныхъ остатковъ отъ суммы 1.400,000 руб., на духовный департаментъ положенной, простирающихся иногда до 100 тысячъ руб., донося, что синодъ дѣлаетъ изъ тѣхъ важныхъ суммъ большія злоупотребленія, дабы оныхъ не выпустить изъ рукъ,—раздаетъ всѣ по прихотямъ епархіальныхъ архіереевъ, яко бы на поправку архіерейскихъ домовъ и прочаго, на что по штату положена особая сумма, которою прежде умѣли они довольствоваться; что по большой части таковыя надѣленія получаютъ наиболѣе благопріятствуемые архіереи митрополитомъ; что наче тѣ важныя суммы, обращаясь ежегодно въ особую массу, государственной казнѣ наконецъ составили бы милліоны. Тутъ же донесъ я, что нелишнее было бы повелѣть синоду, потребовавъ изъ всѣхъ епархій вѣдомостей о неокладныхъ архіерейскихъ доходахъ, оные разсмотрѣть, а потомъ внушить имъ, дабы изъ тѣхъ величайшихъ суммъ, коп всѣ они отдаютъ безполезно въ проценты, употребляли они на починку своихъ домовъ. Тогда же представлялъ я о нѣкоторыхъ недостаткахъ по синодской канцеляріи, о предназначаемыхъ мною по оной распоряженіяхъ, и проч. Сей планъ произвелъ въ нихъ великое потрясеніе, у государя же оный остался безъ дѣйствія.

Изъ помянутой суммы 2909 р. возобновилъ я синодскую церковь, которая до меня была совершенно запущена, но тѣмъ болѣе достойна уваженія, что она была пожалована синоду Петромъ Великимъ, находившись прежде съ нимъ во многихъ походахъ. Велѣлъ я сдѣлать живописцу Лампію въ членскую государевъ портретъ во весь ростъ, ибо въ два года царствованія Его Величества о томъ никто не подумалъ; нашелъ я заброшенные на чердакѣ нѣкоторыхъ государей портреты, возобновилъ ихъ, украсилъ богатыми рамами и поставилъ всѣ въ членскую съ прочими царскими портретами,—императора же Павла I, только духовному департаменту и лично митрополиту сдѣлавшаго благодѣяній, по кончинѣ Его Величества далѣе всѣхъ запрятанъ былъ; что и подало мнѣ съ самаго начала весьма дурныя о митрополитѣ мысли.

Тамъ же нашелъ я мѣдныхъ гравированныхъ досокъ для тисненія разныхъ любопытныхъ эстамповъ, чаятельно накопившихся со временъ Петра Великаго, всѣхъ 1716; велѣлъ изъ нихъ тиснуть по экземпляру, и составивъ нѣсколько портфелей, подносилъ государю, прося о разрѣшеніи, дабы, награвировавъ тѣ доски, позволено было печатать оными эстампы и продавать ихъ въ пользу казны, что составило бы по примѣрной смѣтѣ до нѣсколькихъ десятковъ тысячъ рублей; но и сіе осталось доднесь безъ дѣйствія. Такимъ образомъ помянутые 2909 р. употребилъ я на разныя необходимыя по синоду надобности.

Съ самаго начала митрополитъ, да и чиновники синодскіе, пріобыкшіе угождать ему, пробовали меня, чтобы подносимые на апробацію того журналы и опредѣленія пропускалъ я къ подписанію, какъ то до меня и дѣлалось во время присутствія въ синодѣ, слѣдовательно, не читавши, да тутъ же подписывалъ бы «исполнить». Такимъ образомъ, по волѣ членовъ или по мздоимству канцелярскихъ служителей можно было прибавить, перескоблить и убавить сколько бы они заблагоразсудили строкъ; но я тотчасъ зло сіе пресѣкъ и тѣмъ съ большею строгостію разсматривалъ у себя на дому синодскія опредѣленія, подносимыя мнѣ на апробацію, и предписывалъ о немедленномъ исполненіи апробованныхъ. Все сіе вообще членамъ синода весьма не полюбилось.

Засталъ я, что въ синодѣ дѣла рѣшались не по старшинству, ниже по важности оныхъ, какъ въ сенатѣ, то послалъ я оберъ-секретаря въ сенатъ узнать обо всемъ подробнѣйше; велѣлъ точно такіе же, какъ въ ономъ, сдѣлать всѣмъ дѣламъ реэстры, изъ коихъ одинъ положенъ былъ на членскій столъ, другой у оберъ-прокурора, а третій на столѣ у оберъ-секретарей; предписалъ имъ ордеромъ въ производствѣ дѣлъ и въ выслушаніи оныхъ, кромѣ экстраординарныхъ, наблюдать непоколебимую очередь и порядокъ, что весьма членамъ также не понравилось, поелику до меня докладывались по прихотямъ членовъ и оберъ-секретарей дѣла только тѣхъ, которые имѣли способы скорѣе купить правосудіе.

По личнымъ своимъ видамъ митрополитъ привлекалъ къ себѣ всѣми мѣрами переписку съ министрами по дѣламъ синодскимъ, минуя оберъ-прокурора, яко директора синодской канцеляріи, и отсылалъ по требованіямъ тѣхъ министровъ разныя изъ дѣлъ выписки, въ коихъ иногда подъ предлогомъ ошибки писца выскабливали и вписывали послѣ скрѣпленія оныхъ по нѣскольку строкъ, что мною неоднократно было замѣчено; и съ самаго начала далъ

я оберъ-секретарямъ ордеръ, дабы никогда никакія бумаги скрѣпляемы ни ими, ни секретарями не были съ перескобленными не только строками, ниже словами; еще менѣе дерзали бы, какъ мною было замѣчено, перескабливать по нѣскольку строкъ въ опредѣленіяхъ синодскихъ, мною уже апробованныхъ, а всѣми членами подписанныхъ. А какъ не извѣстно мнѣ было, какія при отсылкѣ изъ канцеляріи митрополита могли у него дѣлаться поправки, то во избѣжаніе такихъ злоупотребленій, за кои самъ я могъ безвинно подвергнуться отвѣту, подалъ я на высочайшее благоусмотрѣніе записку, въ слѣдствіе коей чрезъ г. Новосильцова именемъ государя объявлено всѣмъ министрамъ словесное приказаніе обо всемъ переписываться со мною, а не съ митрополитомъ; но и за симъ оная переписка до выхода моего изъ синода, по безпрерывнымъ о томъ пропскамъ митрополита, большею частію изъ оныхъ продолжалась по прежнему съ нимъ.

Засталъ я, что почту распечатывалъ оберъ-секретарь, а не самъ оберъ-прокуроръ; и въ то же время узналъ, что присылаемыя жалобы на архіереевъ, по частнымъ архіерейскимъ къ членамъ и къ оберъ-секретарямъ письмамъ, были откладываемы въ долгій ящикъ, а иногда и вовсе истребляемы (все сіе за деньги), что и прежде важивалось, какъ то доказываетъ прилагаемый указъ, каковыми и въ старину, когда Россія не столь еще была просвѣщена (слѣдовательно, болѣе ослѣплена на счетъ духовенства), обуздывали злодѣянія оного [1]); на сей-то конецъ при докладѣ о прокурорахъ и подносилъ я тотъ указъ на усмотрѣніе Его Императорскому Величеству. Гдѣ же было прибѣжище несчастнымъ и по епархіямъ угнетеннымъ архіереями, если верховное надъ ними правительство всегда покрывало священною рясою своею дѣянія, чернотою ее самую превосходящія? При томъ большая часть членовъ синода—сами такіе же епархіальные деспоты, систему самовластія и корыстолюбія поддерживающіе. По таковымъ причинамъ и распечатывалъ я всю почту самъ, и тѣмъ открывалъ великія злоупотребленія, доносилъ о нихъ, но и сіе осталось безъ дѣйствія. Нынѣ же почта паки обратилась въ руки оберъ-секретаря Савицкаго.

Между тѣмъ подсылали духовные прокупать меня деньгами; мнѣ въ нихъ всегда большая нужда, 10,000 имперіалами мнѣ бы пригодились, но я безъ нихъ прожилъ. Присылали серебро въ дѣлѣ,—въ томъ же ящикѣ поѣхало оно обратно къ тому же ар-

[1]) Указа этого при нашей копіи не имѣется. *А. К.*

хіерею, а я принужденъ былъ изъ своего кармана заплатить вѣсовыя.

Не безполезно будетъ помянуть здѣсь, что при самомъ вступленіи моемъ въ должность, когда правила мои сдѣлались членамъ синода извѣстными, митрополитъ Амвросій, приглася меня къ себѣ на конференцію, увѣщавалъ быть съ ними за одно, обѣщая въ непродолжительномъ времени выпросить мнѣ чинъ, ленту, столовыя деньги, слѣдующую мнѣ за прежнюю службу деревню и проч., подводилъ въ примѣръ всѣхъ прежнихъ моихъ предмѣстниковъ, которые яко бы чрезъ нихъ всегда все получали. Я ему отвѣтствовалъ, что прошу его высокопреосвященство никогда обо мнѣ ни въ какомъ случаѣ у государя не предстательствовать, ибо получа что-либо чрезъ нихъ, буду я по благодарности болѣе принадлежать имъ, нежели государю, а какъ должность обязываетъ меня строжайше смотрѣть за исполненіемъ въ синодѣ правосудія, о чемъ я и присягалъ Его Императорскому Величеству, то и буду стараться заслужить оныя милости отъ самого государя. Тутъ же началъ онъ меня угрожать, что если я буду идти противу ихъ, то они надѣлаютъ мнѣ по синоду столько затрудненій и столь много подадутъ причинъ входить къ государю на апелляцію, что тѣмъ ему наскучатъ, и что они меня бросятъ; что у нихъ у каждаго есть около государя пріятели, которые будутъ противу меня дѣйствовать, а что за меня едва будетъ стоять одинъ г. Новосильцевъ (котораго честныя свойства и благородный характеръ совершенно имъ, какъ и всѣмъ, извѣстны, и кои во все мое время въ синодѣ были единымъ моимъ оплотомъ чистѣйшихъ моихъ по службѣ подвиговъ). Я ему отвѣтствовалъ, что принимаю сіе за шутку и то считаю непристойнымъ въ его санѣ и лѣтахъ, и что я твердо увѣренъ въ правосудіи государевомъ. „Вы вспомните о семъ разговорѣ“, сказалъ онъ, послѣ чего разстались холодно. Обо всемъ ономъ донесъ я государю чрезъ г. Новосильцова и просилъ, во первыхъ, чтобы государь по ихъ предстательству никакими милостями меня не оскорблялъ; ибо я, не принявъ таковыхъ, повергнусь справедливому государеву гнѣву, но что единый милостивый взглядъ его за мою вѣрную службу будетъ для меня неоцѣненъ; а во вторыхъ, чтобы, въ случаѣ будущихъ ихъ злоумышленій, Его Императорское Величество меня защитилъ, что мнѣ было и обѣщано съ изъявленіемъ монаршаго благоволенія. Со всѣмъ тѣмъ все предсказанное мнѣ митрополитомъ со мною случилось, какъ то ниже сего будетъ изображено.

Около того же времени пригласилъ меня митрополитъ письмомъ опять къ себѣ на конференцію, и едва я вошелъ въ горницу, отворилъ онъ дверь въ спальную и выпустилъ оттуда Павла Ярославскаго; оба начали меня уговаривать вмѣстѣ всѣмъ, что могло польстить честолюбіе мое; потомъ дошли паки до угрозъ, примолвивъ: „Будьте съ нами, какъ предмѣстникъ вашъ; мы всегда имя его превозносимъ; не подражайте Чебышеву и князю Хованскому; перваго мы проклинаемъ, а втораго (сказалъ Павелъ Ярославскій) упекли мы въ Симбирскъ, и едва не въ Сибирь. За указъ о типографіи теперь мы васъ простимъ, если вы впредь обѣщаете ни въ чемъ государю не докладывать, не спросясь насъ". Принужденъ я былъ имъ отвѣчать, что прощеніе ихъ пріиму тогда, когда попрошу онаго во грѣхахъ моихъ, но въ исполненіи должности, высочайше мнѣ ввѣренной, ни самъ я никому не прощу, ни отъ ихъ пресвященствъ онаго не принимаю. Обо всемъ ономъ разговорѣ подалъ я записку чрезъ г. Новосильцова. Въ оной изображены подробно всѣ дерзкія ихъ выраженія, даже и о самомъ государѣ.

Между тѣмъ и чали митрополитъ и Ярославскій приводить въ дѣйствіе вышеупомянутыя угрозы, къ разнымъ приближеннымъ ѣздить, давать обѣды, повсюду противу меня разсѣявать клеветы, между прочимъ, яко бы имѣю я намѣреніе истребить всѣхъ монаховъ и уничтожить всѣ монастыри, поколебать церковь Божію и вкупѣ законъ христіанскій, отчего яко бы отвсюду доходятъ до митрополита не токмо роптанія народа, но даже будто примѣчаетъ митрополитъ въ ономъ и волненіе, что по сему предмету подкинуты были въ Невскомъ монастырѣ противу меня три письма, и тому подобныя нелѣпости; началъ онъ писать жалобы къ г. Новосильцову—въ то время, какъ я, надѣясь на чистоту моего поведенія и на единаго государя, занимался только должностію, ни въ комъ не искалъ, на поклонъ ни къ кому не ѣздилъ, едва могъ вѣрить всѣмъ злобнымъ ихъ противу меня происканъ и до тѣхъ поръ оными смѣялся, какъ, наконецъ, услышалъ, что митрополитъ пріѣзжалъ въ вечернее время въ наемномъ экипажѣ, на дачу къ любовницѣ одного изъ приближенныхъ къ государю, закупилъ ее и преклонилъ на свою сторону, что я и узналъ на опытѣ, также и то, что митрополитъ, имѣющій болѣе 60,000 р. въ годъ доходу, не щадилъ всѣхъ своихъ способовъ къ достиженію желаемой цѣли и не токмо во всѣ стороны дарилъ свѣтскихъ особъ, но даже самихъ членовъ синодскихъ, какъ-то: Ярославскому—богатую соболью шубу, оберъ-попу Озерецковскому—то же и проч.

Не взирая на всѣ оные плевелы, продолжалъ я мое дѣло, почему изготовилъ ордера ко всѣмъ консисторскимъ секретарямъ, которые за непмѣніемъ прокуроровъ, по существующему на то указу, исполняютъ ихъ должность, о доставленіи ко мнѣ ежемѣсячныхъ вѣдомостей о рѣшенныхъ и нерѣшенныхъ дѣлахъ. что и было чинимо по ордеру князя Хованскаго, но запущено при графѣ Хвостовѣ. Сіе намѣреніе напвящше взволновало помянутыхъ членовъ синода, поелику были бы тѣмъ обузданы проволочки, самовластныя ихъ рѣшенія и всякія неправосудія. Просили они меня убѣдительнѣйше хотя на время тѣ ордера пріостановить, дабы, повидимому, между тѣмъ предварить епархіальныхъ архіереевъ, частію напскорѣйше очистить запутанности по многимъ дѣламъ, производившимся по нѣсколько лѣтъ. Въ семъ случаѣ рѣшился я ихъ удовлетворить; ибо, въ слѣдствіе безпрестанно дѣлаемыхъ ими внушеній чрезъ своихъ покровителей, уже мнѣ было сказано именемъ государя, чтобы я съ ними поступалъ тише. Не постигая, почему наблюденіемъ правосудія и всевозможною почтительнѣйшею къ членамъ наружностію навлекъ я на себя таковое приказаніе, уже почувствовалъ я руки мои для исполненія настоящаго дѣла, по долгу присяги и чести, связанными, и пылающій усердіемъ духъ мой угнѣтеннымъ, и не находя другой всему оному причины, кромѣ неудобства производить дѣла у государя чрезъ третье лицо, принужденъ я былъ подать тѣ необходимо нужные для скорѣйшаго возстановленія правосудія консисторскимъ секретарямъ ордера на апробацію къ государю, гдѣ они доднесь остались безъ дѣйствія, а страждущіе отъ проволочекъ и неправосудій въ консисторіяхъ остались доднесь страждущими.

Его Императорское Величество, въ знакъ своего благоволенія, пожаловалъ мнѣ камергерскій ключь, по внушенія, дабы я поступалъ тише, не преставали продолжаться. Сіе доводило меня до отчаянія; ибо, чувствуя, что поступаю я во всемъ законно и справедливо, рѣшился я, сколько было моей возможности для пользы службы не щадить и собственнаго иждивенія. Понравилась у меня митрополиту Рубенсовой работы Богоматерь, стоющая 1,000 руб.; тотчасъ я ему оную подарилъ; она у него и доднесь виситъ на стѣнѣ, но онъ за то сталъ не тише. Дарилъ я нѣкоторыхъ и изъ своихъ подчиненныхъ, дабы привлечь къ себѣ ихъ любовь, возбудить вѣрность по службѣ, узнавать чрезъ нихъ ключь департамента, мнѣ ввѣреннаго; ибо сначала не имѣлъ я еще объ ономъ хорошаго понятія, но все сіе пошло втунѣ. Всякъ можетъ сообра-

зить, легко ли мнѣ было при слабомъ кредитѣ моемъ открывать сокровенныя пружины мрачныхъ дѣяній духовенства, узнавать мою должность ока государева, обязаннаго все проницать, не останавливая теченія дѣлъ, возстановлять правосудіе, удерживать со всѣхъ сторонъ расточеніе государевой казны и проч., и въ то же время обороняться противу ядовитыхъ стрѣлъ духовенства, и наконецъ, храня правду и законъ, слышать ежедневно сообщаемые мнѣ г. Новосильцовымъ высочайшіе выговоры, уже и съ угрозами, коихъ я не заслуживалъ, и видѣть за вѣрность къ государю приближающееся паденіе. Почувствовалъ я, что отъ того здоровье мое очевидно разстроилось; уже лишился я сна и пищи; однако до послѣдняго часа исполнялъ мой долгъ, по мѣрѣ малыхъ моихъ способовъ, съ одинаковою твердостію духа.

Имѣлъ я счастіе представить государю императору докладъ о необходимости учредить въ консисторіяхъ прокуроровъ, доказавъ, что сужденіе епархіальныхъ архіереевъ въ консисторіяхъ неограниченно самовластно; что изо всѣхъ странъ Россіи получалъ я на нихъ жалобы отъ людей, ими притѣсненныхъ; что всѣ сужденія ихъ основаны на мздоимствѣ; что, даже пріемля на себя самодержавную власть, подписываютъ они на резолюціяхъ „быть по сему“ или опредѣленія консисторскія, буде имъ не по мысли, вовсе истребляютъ; что опредѣленіе и отрѣшеніе членовъ и секретарей консисторскихъ синодомъ дѣлаются по ихъ произволу, а потому архіереи и поступаютъ съ просителями и рѣшаютъ ихъ судьбы, яко совершенные деспоты; что, между прочими нарушеніями Духовнаго Регламента, постригаютъ они обоего пола въ монашество иногда и противъ воли, но всегда людей незаконныхъ лѣтъ, часто въ ребячествѣ,—все сіе по личнымъ ихъ видамъ, доставляя въ синодъ ложныя справки о лѣтахъ представленныхъ къ постриженію, за вѣрность коихъ слѣдовало бы по закону отвѣчать консисторскимъ секретарямъ, что я намѣренъ былъ возстановить. Но все сіе, по пропскамъ членовъ, осталось у государя безъ дѣйствія, хотя въ подкрѣпленіе помянутаго доклада и подносилъ я при ономъ нѣкоторые важные прежнихъ государей указы, о чемъ выше сего помянуто, коими неоднократно наказанъ былъ синодъ за его обманы, и наистрожайше подтверждено ему быть правосудне и уважать оберъ-прокурора.

Предлагалъ я синоду о напечатаніи метрическихъ книгъ, дабы, во первыхъ, избѣгнуть ошибокъ при линеваніи оныхъ и вкупѣ самопроизвольныхъ за таковыя поборовъ, обращающихся въ отяго-

щеніе гражданъ; во вторыхъ, продавая тѣ печатныя книги, употреблять выручаемую за оныя сумму на пенсіоны престарѣлымъ типографскимъ служителямъ, которые, по несуществованію никакого на нихъ статнаго положенія, подъ старость не имѣютъ дневнаго пропитанія. Но синодъ, желая поддержать прежній свой доходъ, и сіе отложилъ въ долгій ящикъ.

Между прочимъ синодъ, по обыкновенію своему, представляетъ на открывающіяся архіерейскія и архимандритскія вакансіи кандидатовъ, не наблюдая очереди; замѣщаетъ оныя молодыми, иногда неучеными, а наиболѣе покровительствуемыми митрополитомъ архимандритами, часто произшедшими изъ архіерейскихъ келейниковъ или любимцевъ, что̀ въ мое время самимъ государемъ было замѣчено при представленіи кандидатовъ на Вологодскую епархію; нѣкоторыхъ же изъ оныхъ отрѣшаютъ самовластно безъ просьбы и безъ вины и перемѣщаютъ изъ третьеклассныхъ въ первый классъ, мимо втораго, а иногда прямо изъ простыхъ монаховъ, мимо заслуженныхъ архимандритовъ, что̀ противно Регламенту и узаконеніямъ. Желая удержать ихъ отъ сего злоупотребленія, испрашивалъ я высочайшаго указа, подтверждающаго прежніе—о наблюденіи, при представленіи въ архіереи и при помѣщеніи на вакансіи архимандритовъ, старшинства ихъ, чѣмъ присѣклись бы пристрастныя производства и отрѣшенія; но и сіе осталось безъ дѣйствія, а тѣ перемѣщенія доднесь существуютъ.

Узналъ я, что члены синода, желая всегда поставить въ зависимость свою даже и чиновниковъ синодской канцеляріи, по личнымъ своимъ видамъ не посылали въ сенатъ списки до тѣхъ поръ, что иные, сверхъ узаконеннаго трехлѣтняго сроку, находились въ однихъ чинахъ по пяти и по шести лѣтъ, почему я и испрашивалъ высочайшаго повелѣнія о препровожденіи списка объ оныхъ прямо отъ себя къ генералъ-прокурору, ибо вся канцелярія отъ того стенала; но и сіе постановленіе осталось по прежнему. Почему я и принужденъ былъ предложить апробованные мною списки синоду, который по злобѣ на меня и въ униженіе моего званія опредѣлилъ оные за мною повѣрить подчиненному мнѣ оберъ-секретарю, о чемъ и было мною донесено государю императору, но осталось безъ дѣйствія.

Вздумали члены опредѣлять и отрѣшать консисторскихъ секретарей не синодомъ, какъ то повелѣно указами, а по собственному произволу епархіальныхъ архіереевъ, дабы тѣмъ болѣе держать ихъ въ своей зависимости, и въ консисторіяхъ, вмѣсто членовъ

половину изъ бѣлаго, а другую изъ чернаго духовенства, какъ то узаконено, употребляли и доднесь употребляютъ большую часть изъ чернаго духовенства своихъ креатуръ, самп собою безъ синода. И сіе я хотѣлъ поставить въ законный порядокъ, но и то доднесь остается по прежнему.

На объявленны мною высочайшіе указы, сообщаемые чрезъ г. Новосильцова, который одинъ имѣлъ право по сей части докладывать, митрополитъ вихазгалъ чрезъ г. Трощинскаго указы, опровергающіе первые, какъ-то: государь императоръ повелѣлъ чрезъ меня, дабы консисторскихъ секретарей опредѣлять на основаніи прежнихъ высочайшихъ узаконеній, а митрополитъ послѣ выходилъ указъ чрезъ г. Трощинскаго вопреки перваго, въ слѣдствіе чего повелѣно было разсмотрѣть сіе обстоятельство ему же, г. Трощинскому, который во мнѣніи, къ государю доставленномъ, меня обвинилъ въ объявленіи яко бы неосновательнаго указа, объявленнаго мною не самимъ собою, но по высочайшему повелѣнію и теперь при дѣлахъ оберъ-прокурорскихъ находящемуся.

Синодъ по прежней привычкѣ въ удовлетореніе личной вражды митрополита Амвросія, лишилъ самопроизвольно безъ вины и безъ просьбы Тотемскаго игумена Израиля Бета. Неправосудіе сіе дошло до государя; повелѣнъ указомъ синоду паки тому игумену возвратить, со всѣми его правами, прежнее мѣсто. Но синодъ вопреки высочайшаго указа, желая чѣмъ-либо того честнаго и престарѣлаго мужа уязвить, далъ резолюцію, дабы приставить къ нему, подъ видомъ и мощника, подлежнаго изъ монаховъ. А какъ я сдѣлалъ на то имъ замѣчаніе, то митрополитъ отъ резолюціи своей отперся, не смотря на возраженіе оберъ-секретаря и секретаря, коими предложенное опредѣленіе синода было уже скрѣплено.

Въ вящшее доказательство неудобства производить дѣла государя чрезъ третьяго послужитъ слѣдующее одно изъ многихъ обстоятельствъ: Предмѣстникъ моемъ пропало изъ синодскаго книжнаго магазина книгъ слишкомъ на 20,000 р. Члены синода, дабы не обнаружить своей вины, чрезъ одного изъ чиновниковъ, имъ преданныхъ, уговорили нѣкоего коллежскаго совѣтника Сорокина подать въ синодъ просьбу, яко бы о желаніи его купить на 20,000 р. книгъ, на каковую сумму положилъ онъ въ синодскую кассу ломбардный билетъ слишкомъ въ 20,000 р.; вскорѣ потомъ велѣли ему подать другую просьбу, что будто нашелъ онъ у большей части мнимо купленныхъ имъ книгъ листы растерянные, иныя книги сгнившими и безъ начала и конца,—почему синодъ, будто

руководствуясь правосудіемъ и человѣколюбіемъ, простилъ ему большую половину тѣхъ денегъ, присвоивъ себѣ право, единой только самодержавной власти принадлежащее, а для заплаты остальной суммы принялъ въ синодскую канцелярію нѣкоего чиновника и положилъ ему чрезъ оберъ-прокурора жалованье, оставляя его безъ всякой должности, съ тѣмъ только, чтобъ причислить жалованье его въ уплату Сорокина долгу. Всѣ сіи поступки синода, или лучше сказать, митрополита Амвросія ясно можно видѣть въ дѣлѣ, и теперь въ синодѣ существующемъ. Еслибъ я по званію моему могъ тогда лично о семъ дѣлѣ доложить государю, всеконечно, сіе одно изобличило бы всѣ лукавыя дѣянія помянутаго митрополита; но принужденъ я былъ о томъ подать записку государю чрезъ г. Новосильцова, по коей до самаго моего увольненія не послѣдовало никакой резолюціи, которая при вступленіи въ должность пріемника моего князя Голицына по его представленію немедленно вышла, и синодъ былъ наказанъ, о чемъ ниже сего будетъ изображено.

Возложено было на меня нѣкоторое порученіе по высочайшему повелѣнію государемъ цесаревичемъ, съ тѣмъ, чтобъ хранить оное въ тайнѣ, на каковой конецъ приказано отъ меня было по секрету сдѣлать, какъ по синоду, такъ и по зѣмской консисторіи, нужныя справки, которыя въ синодѣ и сдѣланы немедленно и скромно. Но митрополитъ, узнавъ чрезъ консисторскаго секретаря о существѣ справокъ, велѣлъ архивъ запечатать въ нарушеніе права оберъ-прокурора, яко ока государева, долженствующаго вездѣ по духовному департаменту за всѣмъ смотрѣть и имѣющаго право всякое дѣло потребовать къ себѣ и распространять на все вліяніе свое, и не смотря на внушеніе съ моей стороны, что я дѣйствую по высочайшему повелѣнію, цесаревичемъ великимъ княземъ объявленному. Онъ мнѣ сказалъ, что его высочество объявилъ мнѣ указъ ложно, и что онъ вземъ въ синодъ предложеніе, коимъ все то дѣло намѣренъ учинить гласнымъ. Истощалъ я всѣ силы, чтобы его отъ онаго отвратить; наконецъ не иначе согласился онъ отмѣнить то дерзкое свое предложеніе, какъ взявъ съ меня честное слово, что въ архивѣ его консисторіи справокъ дальнѣйшихъ чинить я не прикажу, на что я согласился, надѣясь тѣмъ предварить гласность дѣла, долженствовавшаго оставаться въ тайнѣ, но былъ имъ обманутъ, ибо въ тотъ же день узнали обо всемъ члены синода, и митрополитъ поѣхалъ повсюду объ ономъ разгласить, сказавъ потомъ мнѣ, что будто я же сіе сдѣлалъ по го-

роду всѣмъ извѣстнымъ. Обо всемъ ономъ непстовствѣ доносилъ я тогда же Его Величеству, но и то осталось безъ дѣйствія.

Между прочимъ митрополитъ по кротости моего предмѣстника держалъ въ Невскомъ монастырѣ двухъ синодскихъ курьеровъ, не имѣя на то никакого права; одного употреблялъ онъ яко ординарца, другой исправлялъ домашнія должности у архіерея Грузинскаго, что несообразно было съ ихъ саномъ и вообще противно высочайшимъ узаконеніямъ, коихъ по должности моей былъ я блюстителемъ; а какъ по дошедшей ко мнѣ отъ одного изъ нихъ жалобѣ о худой пищѣ и о дурномъ содержаніи въ монастырѣ, я перевелъ его въ синодъ, а другаго переименовалъ (по собственному его желанію и по письменной просьбѣ Грузинскаго архіерея, отъ коей послѣ онъ отрекся), въ статскій чинъ и приказалъ чрезъ экзекутора остаться оному въ монастырѣ при митрополитѣ и Грузинскомъ архіереѣ, то за сіе злобясь на меня, митрополитъ далъ синоду предложеніе, дабы экзекутора отдать подъ судъ, будто за опущеніе нѣкоторыхъ титловъ ихъ въ приказѣ его къ курьеру.

Павелъ Ярославскій, который всегда былъ въ открытой враждѣ съ митрополитомъ Амвросіемъ, залучивъ меня къ себѣ, уговаривалъ дѣйствовать съ нимъ вмѣстѣ, дабы оная изъ синода удалить, а ему заступить его мѣсто и быть всегда со мною во всемъ за одно, но, получа отъ меня отказъ и увѣреніе, что я къ интригамъ имѣю отвращеніе, за то на меня озлобился, и опасаясь, чтобы то не дошло до митрополита, кинулся къ нему, вооружилъ его противъ меня болѣе прежняго, и оба условились на другой день пригласить всѣхъ членовъ въ Сергіевскую пустынь на обѣдъ, дабы тутъ общими силами сдѣлать противу меня сильный ударъ. Тамъ перепились всѣ до пьяна, сочинили и подписали они вздорную къ государю жалобу, кою митрополитъ на другой день при своемъ письмѣ отправилъ къ г. Новосильцову, прося у государя назначить время, дабы онъ могъ самъ принесть на меня лично яко бы важную жалобу [1]). На все оное чрезъ г. Новосильцова сообщено ему: „что государь императоръ допуститъ его къ себѣ съ жалобою на меня не благоволитъ, и что разсмотря ихъ бумаги, высочайше

[1]) Планъ сей предложилъ имъ оберъ-секретарь Пукаловъ (въ чемъ онъ мнѣ въ послѣдствіи самъ признался), и при ономъ внушилъ онъ членамъ синода, что по одиночкѣ низвергнуть оберъ-прокурора имъ будетъ невозможно, но чтобъ для достиженія сей цѣли подали они государю императору на него жалобу отъ всего синода, каковый планъ они съ успѣхомъ исполнили.

повелѣлъ объявить имъ, что если они имѣютъ противу меня законныя и основательныя причины, то бы оныя отъ всего синода представили; тогда государь императоръ разсмотритъ ихъ безпристрастнымъ и правосуднымъ окомъ".

Въ теченіе почти трехъ мѣсяцевъ съѣзжались члены синода ежедневно, дабы придумать подвести какія-либо законныя, по высочайшему повелѣнію требуемыя причины. Не находя оныхъ, зачали они по вышеупомянутому митрополитову мнѣ представленію по синоду запутывать всѣ дѣла, не подписывать журналовъ, затѣвать фальшивыя на настоящіе указы толкованія и проч., въ томъ увѣряли, что долгъ мой до того ихъ не допускать.

Около сего времени митрополитъ, призвавъ къ себѣ одного изъ священниковъ моего прихода, увѣщевалъ подать на меня къ нему же какой-то вторичный донось и внушалъ повсюду имя мое марать и разсѣвать противу меня клеветы, за что обѣщалъ ему сдѣлать великія милости. Но тотъ священникъ, на сіе никакъ не согласясь, пришелъ тайно меня о таковыхъ злоумышленіяхъ предварить.

Нерѣдко случается, что митрополитъ въ самомъ присутствіи въ синодѣ, по привычкѣ своей къ болтливости прерывая чтеніе дѣлъ, занимается не токмо вздорными, но даже непристойными и пристрастными разговорами, изъ коихъ иные доходили до самого государя, поелику онъ изволилъ у меня спрашивать, точно ли то бываетъ, и даже приказалъ мнѣ нѣкоторый митрополитовъ разговоръ пересказать себѣ слово отъ слова.

Усмотрѣлъ я, что немало способствовало и справедливости и разнымъ злоупотребленіямъ незнаніе гражданъ о точныхъ предѣлахъ власти духовнаго, которые ясно постановлены въ Духовномъ Регламентѣ,—почему дабы распространить въ народѣ чтеніе той книги, досель на славянскомъ языкѣ и церковными литерами печатанной, испрося на передъ высочайшее соизволеніе, предложилъ я синоду—велѣть вновь напечатать Духовный Регламентъ гражданскими литерами. Всякъ легко вообразитъ, сколь сія выдумка имъ не понравилась. Долго они противу сего боролись, но должно было согласиться, ибо предложеніе было дѣльно и подкрѣплено высочайшею волею, и теперь Духовный Регламентъ всѣ читаютъ съ удовольствіемъ и съ большою пользою, за что я и получилъ отъ многихъ свѣтскихъ людей благодаренія.

Сія мысль подала мнѣ другую, еще важнѣйшую—напечатать, переведя по русски, всю Библію, также гражданскими литерами,

совѣтовался я объ оном съ нѣкоторыми первѣйшими особами, которыя не токмо намѣреніе мое апробовали, но и просили меня убѣдительно скорѣе привести оное къ исполненію. Докладывалъ я о томъ государю, и онъ изволилъ отозваться, что если синодъ не найдетъ въ томъ противнаго, то онъ съ своей стороны не изволитъ воспрепятствовать. Но когда я сталъ объ оном сноситься съ митрополитомъ, то онъ ни подъ какимъ видомъ на сіе не согласился, не найдя однакожъ иного опроверженія противу моихъ доводовъ, единственно клонящихся къ пользѣ и просвѣщенію народному, какъ только, что само то мистическое состояніе Библіи, противу котораго я предпринималъ [1]), есть необходимѣйшее для народа, который, говорилъ онъ, подъ видомъ откровенности непремѣнно нужно содержать въ ослѣпленіи, чѣмъ онъ явно отвращалъ святую истину сего Богомъ вдохновеннаго Священнаго Писанія. Такимъ образомъ и сіе полезное мое намѣреніе осталось втунѣ [2]).

Между прочимъ, вотъ еще черта характера сего архипастыря. Иркутскій генералъ-губернаторъ просилъ меня именемъ всей той страны предстательствовать, какъ у государя, такъ и въ синодѣ, чтобъ чудотворныя мощи Иннокентія Иркутскаго были открыты, поелику всѣ тамошніе народы имѣютъ великую къ оным вѣру— прибѣгаютъ большими толпами и дѣлаютъ знатныя подаянія, изъ коихъ уже выстроенъ монастырь и нарочитая вокругъ его зданія. Его Императорское Величество изволилъ мнѣ объявить на то свое согласіе, также если синодъ не найдетъ чего-либо противнаго. Митрополитъ сначала самъ было со мною въ томъ согласился, но вскорѣ послѣ, разсердясь на меня по другому обстоятельству, свое рѣшеніе отмѣнилъ... Признаюсь, что я съ ужасомъ открывалъ ежедневно на счетъ его глаза. Потомъ, чрезъ нѣсколько времени, сказалъ онъ мнѣ, чтобы отдѣлаться отъ моихъ настояній, что узналъ

[1]) То есть, непонятность языка. *А. К.*

[2]) Время однакожъ оправдало сію боговдохновенную мысль своимъ событіемъ. Но честь начала въ томъ—не на Россію, а на Англію. Распространившіяся библейскія общества по всему лицу земли, имѣющія ту же цѣль, съ каковою и я предлагалъ россійскому монарху, возникли и во всей Россійской имперіи, съ тою разницею, что мысль сію, только монарху и всѣмъ любезную, приписываютъ съ 1810 г. Англіи, а не россійскому патріоту, предлагавшему оную въ 1803 г., то есть, за семь лѣтъ прежде, какъ будто потому, что произведенія англійскихъ фабрикъ предпочитаются россійскимъ. Увы, любезное отечество, вздыхаю болѣе о всѣхъ, нежели о себѣ!

онъ по частнымъ извѣстіямъ, яко бы тѣ мощи (которыя однакоже 80 лѣтъ пролежали невредимы) начали измѣняться и чернѣть...

Многіе знаютъ, что сей же митрополитъ, по извѣстному дѣлу Баташева, за опроверженіе законнаго брака жены умершаго брата Баташева взялъ съ сего послѣдняго на свою долю около ста тысячъ рублей... Таковые .... поступки не смѣлъ я не открыть, докладывалъ объ оныхъ государю чрезъ г. Новосильцова, но все сіе покрыто молчаніемъ. Впрочемъ вся синодская канцелярія о семъ вѣдаетъ...

Павелъ Ярославскій, ни чѣмъ не лучше перваго, также мстителенъ, корыстолюбивъ, привержевъ къ разнымъ порокамъ, какъ и митрополитъ. Но первый неученъ, малоученъ, легкомысленъ, расположенъ къ мягкосердію и откровенъ даже до болтливости; второй—чрезвычайно золъ, скрытенъ, упрямъ, лукавъ, уменъ, многосвѣдущъ, а наипаче въ приказныхъ ябедахъ....

Архіепископъ Ириней Псковскій, человѣкъ добрый, ежедневно петрезвый... Всегда все подписывалъ не читавши, по приказанію митрополита, съ тѣмъ только, чтобъ не мѣшалъ ему пользоваться покойною жизнію и доставлялъ бы ему пенсіонъ [1]).

Архіепископъ Грузинскій Варлаамъ, пресмыкающійся въ Невскомъ монастырѣ на хлѣбахъ у митрополита, не иное что̀ есть, какъ безмолвное лицо, которое митрополитъ посадилъ членомъ и возилъ съ собою въ синодъ, дабы имѣть, вмѣсто одного, два голоса. Сей жалкій человѣкъ, во все мое время въ синодѣ, ни единаго раза по дѣламъ не отверзалъ устъ своихъ. Можетъ быть, на грузинскомъ языкѣ онъ и умнѣе, но на русскомъ всегда подписываетъ слѣпо, не читавши, все, что̀ прикажетъ митрополитъ.

Оберъ-попъ Озерецковскій, лукавый и наглый попъ, племянникъ митрополиту, кромѣ родства и другихъ личныхъ видовъ, исполняетъ во всемъ волю митрополита,—первое для того, чтобъ онъ оставилъ у него, по прежнему, въ полной зависимости армейскую семинарію, которая ему приноситъ доходу не менѣе хорошей епархіи, а второе, дабы онъ его втеръ въ придворные духовники, съ тѣмъ чтобъ современемъ обработать обоюдными силами ухищренныя ихъ предпріятія [2]).

---

[1]) Который онъ ему за подписаніе противу меня ложныхъ жалобъ, по выходѣ моемъ изъ синода, чрезъ преемника моего и не примину̀лъ доставить, какъ и Озерецковскому въ прибавку, сверхъ жалованья, квартирныя деньги.

[2]) Въ послѣдствіи же митрополитъ Амвросій, поссорясь съ оными оберъ-

Духовникъ отецъ Исидоръ, добрый и глупый человѣкъ, всѣмъ извѣстенъ за самаго горькаго пьяницу, ни въ чемъ противу митрополита спорить не смѣетъ и все подписываетъ, что онъ ни прикажетъ, кромѣ тѣхъ дней, въ которые, забывъ Бога суща и прелавшись Бахусу, лишенъ онъ движенія рукъ и ногъ.

. . . . . .

Наспду чрезъ три мѣсяца собрались они за общимъ подписаніемъ подать государю яко бы требуемую имъ на меня на законномъ основаніи жалобу. Присланъ ко мнѣ по высочайшему повелѣнію запросъ, въ четырехъ пунктахъ состоящій: 1) что яко бы опредѣлилъ я въ синодъ статнаго секретаря самъ и самъ же вскорѣ потомъ уволилъ; 2) въ нѣкоторую консисторію опредѣлилъ я секретаря самъ и самъ же его уволилъ; 3) запрещаю приказанія ихъ записывать въ журналы; и 4) употребляю при своей канцеляріи синодскаго протоколиста.

Въ объясненіи моемъ отвѣчалъ я, что статнаго секретаря опредѣлилъ я не самъ, а по просьбѣ митрополита,—синодъ и уволилъ, онъ же и опровергнулъ ихъ ложь приложенными за ихъ собственнымъ подписаніемъ опредѣленіями. Вторую неправду опровергнулъ я таковыми же, третью—оригинальнымъ рапортомъ протоколиста, коимъ доносилъ онъ мнѣ въ свое время, что нѣсколько разъ возилъ онъ къ нимъ тѣ журналы для подписанія, но они подписывать ихъ не хотѣли. Сіе-то и значило исполненіе вышеупомянутыхъ запутанностей, коими митрополитъ сначала мнѣ угрожалъ наскучить государю и тѣмъ ополчить Его Величество противъ меня. Четвертое протоколиста употребилъ я въ своей канцеляріи потому, что онъ мнѣ человѣкъ надежный, который исправлялъ всѣ дѣла, идущія отъ меня къ государю, и потому что прочихъ изъ моей канцеляріи старались они подкупить, дабы все знать заранѣе. Впрочемъ оберъ-прокуроръ, яко директоръ синодской канцеляріи, имѣетъ право, по удостоенію своему, употреблять у оберъ-прокурорскихъ дѣлъ всѣхъ чиновниковъ безъ изъятія.

Въ то же время, по приказанію митрополита, оберъ-попъ Озеренковскій подалъ отъ себя чрезъ г. Новосильцова государю жало-

---

священникомъ, уговорилъ сочленовъ своихъ поступить и противу него по вышепомянутому испытанному плану оберъ-секретаря Шукалова. Всѣ члены синода подписали въ видѣ журнала язвительную къ государю императору на него жалобу, испрашивая также, какъ и о бывшемъ оберъ-прокурорѣ, дабы его изъ синода исключить. Узнавъ о семъ заговорѣ, оберъ-священникъ Озеренковскій претерпѣлъ ударъ и вскорѣ отъ него умеръ.

бы, яко бы запрещаю я подавать синоду къ слушанію рапорты его объ опредѣленіи въ полки священниковъ, отъ чего будто, по жалобамъ полковыхъ шефовъ, останавливались всѣ церковныя требы. Во всемъ ономъ ссылался онъ на приватный разговоръ съ синодскимъ секретаремъ, производившимъ тѣ дѣла. Въ слѣдствіе сей хитросплетенной жалобы уже не объясненіе съ меня потребовано, но сообщенъ чрезъ г. Новосильцова высочайшій выговоръ, съ таковымъ повелѣніемъ, чтобъ впредь сего не чинить. Легко мнѣ было и въ семъ оправдаться, ибо я сослался на самаго же того секретаря, который подъ клятвою увѣрялъ меня—никогда и похожаго на сіе слову Озерецковскому не сказывалъ, но что онъ готовъ подъ присягой объявить, что, напротивъ, многократно отъ меня ему было подтверждаемо о таковыхъ священникахъ докладывать синоду безъ очереди; но оправданіе мое пошло поздно: я уже былъ безвинно наказанъ.

Среди всего вышепомянутаго, многократными отъ меня чрезъ г. Новосильцова отношеніями доказывалъ я Его Императорскому Величеству не токмо невинность мою по всѣмъ дѣламъ, вѣрность и непоколебимую неустрашимость противу злоумышленій, паче всѣхъ Амвросія, но ощутительнѣйше и неоспоримо изобличалъ я всѣхъ ихъ покушенія обмануть и прогнѣвать на меня государя и предлагалъ легчайшимъ и вѣрнѣйшимъ способомъ все сіе прекратить—внушеніемъ со стороны Его Величества, чрезъ г. Новосильцова, синоду или митрополиту, дабы они настоящія дрязги всѣ прекратили и не останавливали бы теченія дѣлъ предпріятіями, не достойными ни ихъ сана, ни вниманія государева, уважая въ лицѣ оберъ-прокурора, самимъ государемъ избраннаго, довѣренную со стороны государя императора по духовному департаменту особу. Но не знаю, оставалось ли у Его Императорскаго Величества среди важнѣйшихъ дѣлъ довольно времени и терпѣнія, прочитывая безпредѣльныя лжи клеветниковъ, прочесть и оправданіе невиннаго, ибо уже отъ часу болѣе усугублялись внушенія и угрозы, чрезъ г. Новосильцова по высочайшему повелѣнію мнѣ сообщаемыя, дабы я поступалъ съ ними тише и ихъ не прогнѣвлялъ. Но невозможно мнѣ было только генеральныя и словесныя повелѣнія приложить къ какому-либо дѣлу и дать имъ какой-либо существенный смыслъ, вопреки моей инструкціи и коренныхъ законовъ, послику по дѣламъ я былъ чистъ, по поведенію моему ни предъ государемъ, ни предъ ними ни въ чемъ не виноватъ, а слѣдовалъ только собственному государеву повелѣнію, непоколебимымъ узаконеніямъ высочайшихъ

предковъ Его Императорскаго Величества и непреоборимымъ правиламъ честности.

Подалъ я государю императору два рапорта, о сдѣланномъ мною, по вышеупомянутому плану моему высочайше конфирмованному, двухсотъ тысячъ руб. при торгахъ на одну только бумагу приращеніи, которое неоспоримо доказывается балансомъ, на математической истинѣ основанномъ. Но и тутъ митрополитъ съ злоумышленниками своими покушался сдѣлать мнѣ вредъ, призывалъ къ себѣ секретаря Журихина, производившаго то дѣло, и келейно уговаривалъ его всѣми мѣрами составить ему такую смѣту, которою бы могъ митрополитъ доказать, что не приращенія 200,000 р., но убытка 50,000 р. казнѣ я причинилъ. Оный секретарь, повинясь въ невозможности превратить бѣлое въ черное, тотчасъ пришелъ о злонамѣреніи семъ мнѣ отрапортовать, о чемъ едва я успѣлъ донести государю чрезъ г. Новосильцова, какъ на другой же день прислана отъ митрополита, за общимъ подписаніемъ всѣхъ членовъ, нелѣпая смѣта, надъ которою они всѣми силами пачкали цѣлую ночь и истощали всѣ свои мѣры, дабы опровергнуть ясность истины математической мрачными ихъ хитросплетеніями. Но все то было всуе, ибо государь императоръ ясно усмотрѣть изволилъ какъ ихъ злыя намѣренія, такъ и неоспоримость плодовъ моего усердія. Хотя слѣдовала мнѣ по статуту перемѣна степени ордена св. Владиміра, но пожалована мнѣ табакерка въ 5000 руб. съ вензелемъ. Двумъ купцамъ подторгщикамъ, во время торгъ въ мною подставленнымъ, пожалованы были въ награды вещи, и чрезъ г. Новосильцова отъ государя имъ объявлено было благоволеніе за усердіе. Канцелярія моя, по представленію моему, также была всемилостивѣйше награждена; пожаловано на оную, для раздачи по моему усмотрѣнію, 5000 р., инымъ чины, а о секретарѣ Журихинѣ, по представленію моему къ ордену св. Владиміра, повелѣно стослать въ думу ордена, который онъ въ послѣдствіи и получилъ, тѣмъ съ меньшимъ затрудненіемъ, что членъ, забывъ опроверженія свои, подносимыя въ мое время государю, и не смѣя при преемникѣ своемъ затѣвать раздоровъ, общимъ ихъ опредѣленіемъ приращеніе, мною сдѣланное, въ вѣдѣніи въ сенатъ сами подтвердили. Тутъ предложено было мнѣ именемъ государя чрезъ г. Новосильцова титло статсъ-секретаря съ мѣстомъ товарища министра удѣловъ. Не могъ я воспользоваться симъ предложеніемъ, не спесясь съ г. Трощинскимъ. Поѣхалъ я къ нему. Взялся онъ тотъ же день по сему предмету объясниться съ госу-

даремъ. По возвращеніи изъ дворца объявилъ мнѣ, что государь поса пилъ было его самого писать указъ о вышепомянутыхъ предложеніяхъ, примолвивъ, что онъ на силу могъ остановить государя, испрося позволенія справиться, кто былъ старѣе въ чинѣ—г. Олешинъ (старшій удѣльнаго департамента совѣтникъ) или я. Толковалъ онъ сей поступокъ въ мою пользу, но между тѣмъ присовѣтовалъ мнѣ отъ товарищества его отрещись. По сему замѣтивъ его на то неблаговолсніе, и изъявилъ я письмомъ къ государю чрезъ г. Новосильцова желаніе мое получить только титло статсъ-секретаря.

Тотъ день былъ докладной г. Трощинскаго, и онъ по сему обстоятельству не преминулъ еще объясниться; государь изволилъ ему отвѣчать, какъ то онъ мнѣ сказывалъ: „Хорошо, я прикажу Новосильцову“. Прюсьбы объ увольненіи я не подавалъ; но когда г. Новосильцовъ сказалъ мнѣ, что государь изволитъ заботиться, какимъ бы образомъ перевесть меня безобидно изъ мѣста въ другое, не менѣе важное, тогда отвѣчалъ я, только по скромности, что Его Величество, имѣя обо мнѣ доброе мнѣніе, можетъ, уволивъ меня изъ синода, впредь до назначенія къ другой должности всегда замѣнить оную выгоднѣйшимъ мѣстомъ. Посему на другой день по словесной и потомъ письменной моей о томъ просьбѣ, и какъ выше указано, съ милостію я былъ отъ мѣста уволенъ, — сказано: снисходя на мою просьбу впредь до назначенія къ другому съ полнымъ жалованьемъ; но какъ будто въ жесточайшее мнѣ оскорбленіе, въ одинъ день со мною рѣшилась судьба злонавѣтовавшихъ на меня и только еще безпокоившихъ государя членовъ синода. Павелъ Ярославскій получилъ именной указъ отправиться немедленно въ свою епархію. Оберъ-секретарь Пукаловъ, сказываютъ, за пропски его и мздоимство лишась въ синодѣ мѣста, отосланъ въ герольдію [1]). Митрополитъ, какъ я слышалъ, допущенъ былъ къ государю и имѣлъ соразмѣрное поступкамъ его поученіе, и прочіе члены синода тоже.

Приписывая помянутыя непріятныя со мною происшествія какому-либо недоразумѣнію, просилъ я неоднократно письменно г. Новосильцова объяснить государю императору, колико я былъ оскорбленъ въ ономъ мѣстѣ за очевидную и извѣстную государю вѣрность мою, что послѣ помянутыхъ предложеній мнѣ отъ самого

---

[1]) О каковомъ его наказаніи, по его пропскамъ, опубликовано въ газетахъ вмѣстѣ съ моимъ увольненіемъ.

государя, чрезъ одну ночь я не успѣлъ вмѣсто награжденій заслужить той непріятности, но получилъ только въ отвѣтъ, что государь императоръ не имѣлъ намѣренія меня оскорблять, но успокоить, разведя съ членами синода, кои имѣли явную на меня вражду, и что онъ находитъ справедливымъ дать мнѣ хорошее мѣсто и проч. Съ тѣхъ поръ враги мои, употребляя доднесь свои противу меня орудія, не токмо охладили государя на счетъ мой, но возбудили на меня и неблаговоленіе Его Величества, ибо остаюсь я доднесь безъ мѣста; государево со мною прежнее милостивое обращеніе перемѣнилось въ отдаленіе и даже въ холодность.

Я надѣюсь, что не безъизвѣстно было государю и то, что предложено мнѣ было поставщиками бумаги 100,000 р., еслибъ я согласился заключить съ ними контрактъ по прежнимъ цѣнамъ,—каковую сумму и предлагалъ я г. Новосильцову, въ доказательство честности моей, взявъ поднести самому же государю или отдать на богоугодныя дѣла, и отъ коей отрекшись, сдѣлалъ казнѣ вышепомянутое важное приращеніе, гдѣ никогда и ожидать онаго было невозможно,—хотя нѣкоторыя особы, желая умеиьшить достоинство моего подвига, и покушались приводить мнѣ въ примѣръ приращенія по 100 и по 200 тысячь рублей, въ иныхъ губерніяхъ при соляныхъ торгахъ сдѣланныя, умалчивая о томъ, что сіи приращенія послѣдовали при торгахъ, до милліоновъ простирающихся, при чемъ и могли быть овцы цѣлы, и волки сыты. По мною дѣлано было изъ 100—200 тысячь рублей, слѣдовательно, половинная сумма, но воздержавшись отъ злого дѣянія, я токмо исполнилъ мой долгъ. По крайней мѣрѣ, имѣлъ я неоспоримое право (если законы и постановленія что-либо значатъ) получить по силѣ статута орденъ св. Владиміра и быть тѣмъ награжденну, чѣмъ награжденъ былъ по моему представленію секретарь Журихинъ за самое то дѣло, по коему отчасти употребилъ я между прочими и его, подъ начальствомъ.

Едва удалился я отъ моего мѣста, всѣ журналы, остановленные митрополитомъ для запутанности дѣлъ, по предложенію преемника моего членами были подписаны, также списки о выслужившихъ узаконенныя лѣта чиновникахъ были апробованы, претензіи на экзекутора и всѣ чинимыя имъ приказныя привязки, какъ-то касательно оберъ-прокурорской должности и проч., всѣ въ одну минуту исчезли. Перестали митрополитъ объявлять указы, и сторонніе, а наипаче Троицкій, вмѣшиваться въ синодскія дѣла; вся переписка начала производиться съ однимъ оберъ-прокуроромъ,

всѣ справки пошли чрезъ него же и проч. и проч.—потому только что князь Голицынъ поддержанъ государемъ: veni, vidi, vici. Все утихло; духъ монарха водворился въ синодѣ; нечестивые духи притаились. Все сіе настоящее должно было убѣдить Его Величество, колико постоянно митрополитъ слѣдовалъ вышепомянутому своему плану, при первыхъ угрозахъ его мнѣ объявленному, и что вмѣсто гнѣва достоинъ я былъ его милости.

Вскорѣ послѣ сего преемникъ мой поднесъ государю записку по дѣлу Сорокина, которое по моему представленію оставалось до тѣхъ поръ безъ дѣйствія. Правосудный государь уже довольно зналъ дурные нравы и поведеніе членовъ синода, но усмотря и чрезъ князя Голицына ихъ поступки, намѣренъ былъ ихъ строжайше наказать, но убѣжденный просьбою довѣреннаго своего человѣка, повелѣлъ ему только объявить всѣмъ членамъ и графу Хвостову монаршій свой гнѣвъ. Отосланный же оберъ-секретарь Пукаловъ въ герольдію, какъ сказываютъ, за тайную связь его съ митрополитомъ и производившій то дѣло, былъ вовсе отставленъ съ таковымъ высочайшимъ повелѣніемъ, дабы впредь его ни къ какимъ дѣламъ не опредѣлять. Со всѣмъ тѣмъ митрополитъ и далъ указъ въ коемъ помянуто, что въ уваженіе митрополитской просьбы, Пукаловъ опять причисленъ къ герольдіи. Самъ же митрополитъ, ускользнулъ отъ достойнаго наказанія, съ тѣхъ поръ нашелъ способъ быть осыпану милостями, осыпану брилліантами и имѣть еще право за сообщниковъ дѣлній своихъ лично ходатайствовать у государя, и можетъ быть и вящше вредить за правду отъ него пострадавшему.

И такъ, прочтя вышепомянутыя обстоятельства, всякъ правосудный усмотритъ, что я невинная жертва вѣрности моей къ государю и твердости духа, свойственнаго честному человѣку; что происками враговъ моихъ посеяно въ мысляхъ государя на счетъ мой какое-либо сильное и для меня доднесь непостижимое недоразумѣніе, между прочимъ будто я съ ними ссорился по враждѣ и тому подобное. Имъ нужно было покрыть какою-либо личиною ихъ собственную ненависть и для гоненія на добродѣтель превратить оную въ порокъ, чѣмъ и предуспѣли они привести въ дѣйство угрозы свои. Истинный же ключь всего онаго дѣла состоитъ въ томъ, что митрополитъ, ни чѣмъ не возмогши совратить меня съ прямой дороги, тотчасъ разрѣшилъ свой кредитъ съ моимъ, и вѣдая, что я самъ съ государемъ по дѣламъ синода говорить не могу, и что при всей честности и усердіи къ правому дѣлу, г.

Новосильцовъ одинъ противу всѣхъ покровителей его, митрополита, выдержать не можетъ, основалъ онъ съ сообщниками своими на безеліи моемъ планъ моего низверженія (о коемъ однакожъ съ самаго начала я предварялъ Его Императорское Величество), какъ выше то показано, и слѣдовалъ оному методически до самаго конца; что онъ въ успѣхѣ былъ увѣренъ, ибо въ томъ обнадеживалъ заранѣе епархіальныхъ архіереевъ, изъ коихъ всѣ преданные ему отдаленія моего желали, между тѣмъ какъ многіе изъ нихъ сами нерѣдко приносили мнѣ благодаренія за успѣшные мои подвиги по духовному департаменту, который повсемѣстно очевиднымъ образомъ началъ приходить въ лучшее устройство, и правосудіе возникало въ самыхъ отдаленнѣйшихъ краяхъ Россіи,—чему наилучшимъ служатъ доказательствомъ всѣ благодарныя письма, кои отовсюду я получалъ отъ духовныхъ и отъ свѣтскихъ людей; что онъ митрополитъ, чрезъ своихъ шпіоновъ (изъ коихъ я могу иныхъ назвать) достовѣрно зналъ всякое обо мнѣ государево слово и уже часто повторяемыя мнѣ приказанія: „поступать съ ними тише“; зналъ, что Его Императорское Величество синодскими дрязгами начинало скучать; зналъ, что дѣятельность моя уже не приносила никакой пользы, и что самые сообходимѣйшіе для истребленія злоупотребленій проекты оставались безъ дѣйствія; зналъ, что Его Величество уже не читалъ моихъ оправданій и не принималъ никакихъ справедливыхъ для меня внушеній; наконецъ, онъ зналъ, что паденіе мое было неизбѣжно. Сіе то и было единою цѣлію Амвросія съ злоумышленниками его, ибо члены синода, одержимые нѣкоторыми сильными людьми, становились отъ часу дерзновеннѣе и, не видя себѣ ни малѣйшаго со стороны государя претк овенія, а напротивъ всѣ огорченія, напряженныя противу меня, не обинулись продолжали усугублять противу меня наглыя клеветы свои, которыя всѣ принимались въ дѣло, поелику брали съ меня противу таковыхъ пустихъ выдумокъ объясненія, и я съ моею правотою остался одинъ безпомощенъ и принужденъ оправдываться какъ будто въ чемъ-либо важномъ, да и оправдавшись, остался безъ вины виноватъ.

Мнѣ становилось отъ часу хуже, но я ничѣмъ хуже не былъ противу того времени, въ кое тотъ же государь удостоилъ меня своею довѣренностію и благоволеніемъ. Приближалась минута торжества враговъ, жесточайшій ударъ висѣлъ надъ моею главою, но я еще твердо уповалъ на правоту и на заслуги мои, на предстательство благороднаго человѣка, на правосудіе столь любимаго мною монарха и на правосудіе самого всевидящаго Бога.

Геній человѣколюбія въ младомъ монархѣ еще боролся за меня; сдѣланы мнѣ были отъ Его Императорскаго Величества, какъ сказано, предложенія двухъ почтенныхъ должностей, изъ коихъ одна вящше приближала меня къ нему, и въ тотъ же день удостоены были мною рекомендованные подчиненные мои высочайшихъ милостей. Но могъ ли я предвидѣть, что тотъ, коему я столь благородно и откровенно вѣрилъ судьбу и честь мою (Трощинскій), переговорами своими будетъ причиною, что правосудный монархъ, такъ сказать, противу воли своей и въ опроверженіе предложеній, мнѣ сдѣланныхъ, подыметъ объ увольненіи моемъ указъ, не давъ другаго мѣста (токмо по условной просьбѣ); ибо если я былъ виновенъ, почто всѣ монаршія милости простирались ко мнѣ наканунѣ и послѣ; если же заслужилъ опыя, почто на другой день претерпѣлъ я обиду отъ государя, отъ коего я въ правѣ ожидать не оной, но награжденія? Почто жь чрезъ нѣсколько дней по удаленіи изъ синода отличенъ я былъ вензелемъ Его Императорскаго Величества и помянутыми милостями всѣмъ при мнѣ служившимъ чиновникамъ? Почто жь всѣ предложенія первѣйшихъ мѣстъ, какъ-то: сдѣлать меня статсъ-секретаремъ, сенаторомъ, товарищемъ министра удѣловъ и министра коммерціи, и наконецъ, статскаго члена коллегіи иностранныхъ дѣлъ и посланника въ чужіе край? Почто жь всѣ обиды, каковыя Его Императорское Величество и доднесь не поправилъ, поелику я со всѣхъ сторонъ остаюсь несчастливъ: на мнѣ долгу 75,000 рублей, изъ коего за покупкою дома половина нажита по министерской службѣ въ отдаленныхъ краяхъ. Какія суть средства для честнаго человѣка улучшить свое положеніе? Въ службѣ экономіей заниматься не возможно. Россійское дворянство, посвящая дни свои на служеніе монарху, не въ его ли щедротахъ имѣетъ всю надежду для поправленія своего состоянія, а почести, не суть ли единая пища благороднаго честолюбія, химерою якобинцами и плавающимъ въ изобиліи мѣщанствомъ называемаго? Доднесь провелъ я въ безпрерывномъ служеніи лучшій мой вѣкъ, ибо слишкомъ двадцать лѣтъ назадъ я уже былъ совѣтникомъ посольства въ дѣйствительной службѣ, въ чинахъ и почестяхъ, не токмо равными, но и младшими я всячески обойденъ; слѣдующихъ мнѣ деревни и помянутой въ запискѣ суммы не получаю; принадлежащаго по статуту ордена—также; лишенъ всей дороги по службѣ; орденъ св. Анны, который мнѣ принадлежалъ при бракосочетаніи великой княжны, получилъ чрезъ мѣсяцъ мой преемникъ; убавлено у меня жало-

ванья. И все сіе терплю за вѣрную мою службу вопреки собственныхъ государя императора, бабки и родителя его обѣщаній, и пребываю теперь въ постоянномъ бездѣйствіи и забвеніи.

1805 года, октября 7-го дня, С.-Петербургъ.

P. S. I.) Вскорѣ по выходѣ моемъ изъ синода Его Императорское Величество изволилъ препоручить г. Новосильцову переговорить съ княземъ Чарторижскимъ о намѣреніи своемъ помѣстить меня старшимъ членомъ въ государственную коллегію иностранныхъ дѣлъ, при чемъ я ожидалъ нѣкотораго и удовлетворенія. Г. Новосильцовъ многократно съ княземъ Чарторижскимъ о томъ говорилъ, сообщая ему приказаніе государево, дабы по сему случаю онъ отозвался самъ Его Императорскому Величеству; но онъ, не отрицая меня, однакожь съ государемъ о томъ молчалъ. Посему Его Величество нѣсколько разъ изволилъ обѣщать г. Новосильцову начать съ своей стороны обо мнѣ говорить князю Чарторижскому, который однакожь именно сказалъ мнѣ, что если я хочу съ нимъ вмѣстѣ служить, то бы нѣкоторое время подождалъ, на что я и согласился, совершенно полагаясь на его честность. Отъѣздъ въ Англію г. Новосильцова и еще не понимаю что продолжали ожиданіе мое всуе, ибо среди глубокаго молчанія князя Чарторижскаго наконецъ государь изволилъ назначить въ прошломъ апрѣлѣ мѣсяцѣ на обѣщанное мнѣ мѣсто та[illegible] совѣтника Вейдемейера; а князь Чарторижскій, въ оправданіе таковаго со мною поступка, объявилъ мнѣ, что то сдѣлалось сообразно съ желаніемъ графа Воронцова, что нанящее усугубило во всю жизнь претерпѣваемыя мною по службѣ огорченія. И, ѣздъ отъѣздомъ Его Императорскаго Величества въ армію принужденъ былъ я письменно изъяснить князю Чарторижскому, что хотя я и отрекаюсь отъ желанія служить съ нимъ вмѣстѣ, но за нужное почитаю напомнить ему, что онъ единый виновникъ потерянныхъ мною двухъ лѣтъ лучшаго моего вѣка на служеніе государю и отечеству моему. Вслѣдствіе сего приглашалъ онъ меня къ себѣ и предлагалъ мнѣ министерскій постъ; но ни состояніе, ни обстоятельства мои изъ отечества уѣхать мнѣ не позволяютъ, и я съ восшествія на престолъ нынѣшняго государя уклонялся три раза отъ таковыхъ предложеній, поелику въ сей службѣ претерпѣлъ я, какъ въ запискѣ доказано, болѣе огорченій, нежели есть надежда когда-либо получить за оныя и за прежнюю службу награды. Послѣ чего мы разстались, и онъ отправился съ государемъ въ путь, а судьба моя паки осталась покрыта непзвѣстностію.

Изъ всего вышеизображеннаго слѣдуетъ, что человѣку, желающему съ пользою служить отечеству и государю своему и отличнымъ образомъ исполнять возлагаемыя на него должности, нужно имѣть не одни только дарованія, усердіе къ общему благу, честность и непоколебимую твердость духа, но и государеву довѣренность, безъ коей самая жарчайшая къ отечеству любовь мало по малу въ подвигахъ своихъ ослабѣваетъ; самыя полезнѣйшія намѣренія исчезаютъ безъ исполненія, и самые счастливѣйшіе таланты погрязаютъ въ ничтожествѣ. Безъ той довѣренности къ честнымъ людямъ добродѣтельнѣйшіе изъ государей бываютъ обмануты; коварнѣйшіе изъ ихъ окружающихъ преодолѣваютъ искренне имъ преданныхъ, и наконецъ, нечестіе, порокъ и злоба торжествуютъ надъ добродѣтелью.

II. Прилагаемый журналъ покойнаго генералъ-прокурора князя Якова Петровича Шаховскаго, за полвѣка до моего журнала писанный о происшествіяхъ въ бытность его въ синодѣ оберъ-прокуроромъ [1]), наивящше удостовѣритъ, что члены синода въ поступкахъ своихъ руководствовались во всѣ времена тѣми же страстями, тѣмъ же сластолюбіемъ и употребляли въ мщеніи своемъ на пагубу онаго всѣмъ извѣстнаго патріота, какъ и нынѣшніе члены на погубленіе меня, одинакія средства, съ тою только разницею, что князь Шаховской, имѣя случай объясняться съ самою государынею, нѣсколько разъ тѣмъ опасался отъ своего паденія и предуспѣлъ открыть императрицѣ глаза на счетъ духовныхъ, которыхъ однакожь она по набожности своей изволила весьма уважать,—послѣ чего не токмо былъ онъ ею поддержанъ, но въ короткое время произведенъ тайнымъ совѣтникомъ и украшенъ орденами св. Анны и св. Александра Невскаго. А я, доказавъ всеконечно, не менѣе усердія и безкорыстія правнуку Ея Величества, но не имѣя способу лично предъ нимъ объясняться, сдѣлался жертвою вѣрности моей къ государю. А можетъ быть, изволитъ онъ считать, по неизвѣстнымъ мнѣ на счетъ мой внушеніямъ, что я еще и не довольно имъ наказанъ.... Я христіанинъ, на Бога твердо надѣюсь; но нетерпѣніе мое превыше силъ человѣческихъ! Гдѣ жь тѣ люди, которые бы должны у престола монаршаго, ничего не щадя, сильно вступаться не за меня, но за честныхъ и неповинныхъ людей?!....

---

[1]) Здѣсь разумѣются записки князя Я. П. Шаховскаго, изданныя въ С.-Петербургѣ въ 1821 году, въ 2-хъ частяхъ.

АРЕСТОВАНІЕ СПЕРАНСКАГО.

(Записка В. С. Филимонова) [1].

Сперанскій былъ сосланъ на жительство въ Нижній-Новгородъ, гдѣ въ августѣ и сентябрѣ 1812 года графъ П. А. Толстой имѣлъ свою главную квартиру, по званію начальника III-го округа ополченія, которое тогда формировалось въ низовыхъ губерніяхъ.

Сентября 15-го, въ день коронаціи императора Александра Павловича, послѣ обѣда, состоявшій при графѣ Толстомъ за адъютанта по ополченію, коллежскій ассессоръ Филимоновъ получилъ приказаніе *немедленно* явиться къ графу, *по весьма нужному дѣлу*. Прибывъ къ Павлу Александровичу, онъ застаетъ его съ запечатаннымъ конвертомъ въ рукѣ. Графъ подавая ему конвертъ, говоритъ: „Поѣзжай сейчасъ къ Руновскому (гражданскому губернатору), вручи ему этотъ конвертъ и не отходи ни на минуту, пока все не будетъ исполнено, а потомъ возвратись ко мнѣ, съ подробнымъ обо всемъ отчетомъ".

Филимоновъ отправился по назначенію. Руновскій, прочитавъ содержаніе бумаги, воскликнулъ: „Боже мой, кто бы это думалъ!" иославъ за частнымъ приставомъ, вмѣстѣ съ нимъ и съ Филимоновымъ поѣхалъ въ квартиру Сперанскаго и объявилъ ему высочайшее повелѣніе отправиться въ тотъ же вечеръ въ Пермь. Сперанскій былъ видимо встревоженъ, схватилъ себя за голову и послѣ нѣкотораго молчанія сказалъ: „Ну, я этого ожидалъ. Надѣюсь, однако же, господа, что вы не откажете дать мнѣ часъ времени при-

[1]) Запискою этою пользовался графъ М. А. Корфъ, при составленіи біографіи графа Сперанскаго (см. изд. 2-е, т. II, стр. 68) приводитъ изъ нея отрывки. Считаемъ не лишнимъ напечатать ее цѣликомъ по копіи, сохранившейся въ бумагахъ И. П. Шульгина.

вести въ порядокъ кое-какія бумаги и написать одну бумагу". Получивъ согласіе, онъ тотчасъ сѣлъ къ письменному столу и началъ писать. Между тѣмъ привели почтовыхъ лошадей и впрягли въ коляску Сперанскаго и въ карету Руновскаго.

Сперанскій писалъ болѣе часа и кончивъ отдалъ Филимонову два запечатанные конверта, съ просьбою вручить ихъ графу Толстому. Одинъ конвертъ былъ на имя графа, другой на имя государя, въ собственныя руки. „Кланяйтесь графу", сказалъ Сперанскій, „и попросите его отправить какъ можно скорѣе. Содержаніе его весьма важно". Послѣ того онъ собрался въ дорогу и, сѣвъ вмѣстѣ съ частнымъ приставомъ въ коляску, поѣхалъ по тракту въ Пермь. Губернаторъ и Филимоновъ, въ одной каретѣ, провожали ихъ до первой станціи. Садясь въ коляску, Сперанскій былъ молчаливъ и, по видимому, убитъ духомъ.

Доѣхавъ до первой станціи. Филимоновъ поѣхалъ назадъ къ графу Павлу Александровичу и вручилъ ему оба конверта. Графъ распечаталъ и прочиталъ тотъ, который былъ на его имя, а другой бросилъ на столъ, съ словами: „Вздоръ".

Письмо на имя графа, было слѣдующаго содержанія:

„Приношу вашему сіятельству слѣдующія мои всепокорнѣйшія просьбы: 1) прилагаемое при семъ письмо доставить государю, при вашемъ донесеніи; 2) при отправленіи семейства моего оказать возможную помощь и снисхожденіе; 3) врагамъ моимъ здѣсь и разнымъ ихъ толкамъ наложить молчаніе; 4) наконецъ, и сіе для меня всего важнѣе, сохранить доброе ваше о мнѣ мнѣніе. Оно всегда было для меня драгоцѣнно и, смѣю сказать, по чувствамъ моимъ и правиламъ я сего достоинъ. Князю Егору Александровичу (Грузинскому) прошу поклониться".

Письмо на имя государя не было послано и никогда не достигло своего назначенія. Въ послѣдствіи, въ 1827 и 1828 годахъ, Сперанскій узнавъ объ этомъ, сказалъ (разумѣя графа Павла Александровича): „Это на него похоже".

Въ дополненіе надобно сказать, что въ тотъ день (15-го сентября) тотчасъ послѣ обѣдни, за нѣсколько часовъ до прибытія фельдегеря съ высочайшимъ повелѣніемъ, Сперанскій былъ съ поздравленіемъ у графа Павла Александровича, и тутъ въ первый разъ въ жизни онъ увидѣлся и познакомился съ Карамзинымъ.

Высочайшій рескриптъ (собственноручный), полученный графомъ Толстымъ, былъ подписанъ 8-го сентября и заключалъ въ себѣ нѣсколько словъ касательно тогдашнихъ военныхъ обстоятельствъ

и ополченія. Въ концѣ рескрипта было сказано: „При семъ прилагаю рапортъ вице-губернатора Нижегородскаго о тайномъ совѣтникѣ Сперанскомъ. Если онъ справедливъ, то отправить сего вреднаго человѣка подъ карауломъ въ Пермь, съ предписаніемъ губернатору, отъ моего имени, имѣть его подъ тѣснымъ присмотромъ и отвѣчать за всѣ его шаги и поведеніе".

Рапортъ Нижегородскаго вице-губернатора Крюкова (чрезъ покровительство Сперанскаго опредѣленнаго въ эту должность), былъ на имя министра полиціи и заключался въ слѣдующемъ:

„6-го числа настоящаго августа, въ день Преображенія Господня, когда я былъ въ Макарьевской ярмаркѣ, здѣшній преосвященный епископъ Моисей, по случаю храмоваго праздника въ каѳедральномъ соборѣ, давалъ обѣденный столъ, къ коему были приглашены и нѣкоторые изъ губернскихъ чиновниковъ. Послѣ обѣдни былъ тутъ и г. тайный совѣтникъ Сперанскій, обѣдать однакоже не оставался; но между закускою, занимаясь онъ съ преосвященнымъ обоюдными разговорами, коп, доведя до нынѣшнихъ военныхъ дѣйствій, говорилъ о Наполеонѣ и о успѣхахъ его предпріятій, къ чему г. Сперанскій дополнилъ, что въ прошедшія компаніи въ нѣмецкихъ областяхъ, при завоеваніи ихъ, онъ, Наполеонъ, щадилъ духовенство, оказывалъ къ нему уваженіе и храмовъ не допускалъ до разграбленія, но еще для сбереженія ихъ, приставлялъ караулъ.—Что слышали бывшіе тамъ чиновники, отъ которыхъ о томъ, на сихъ дняхъ я узналъ. — О чемъ долгомъ поставляю вашему высокопревосходительству всепокорнѣйше донести".

Рапортъ этотъ Крюковъ писалъ, исправляя должность гражданскаго губернатора, который въ то время былъ или болѣнъ, или въ отсутствіи. Нельзя не замѣтить, что не обративъ вниманія на слова рескрипта: „если онъ (то-есть, рапортъ) справедливъ", графъ Павелъ Александровичъ распорядился безъ всякихъ распросовъ и изслѣдованій.

Сперанскій писалъ къ графу Павлу Александровичу изъ Перми, 4-го октября 1812 года:

„Милостивый государь, графъ Павелъ Александровичъ! Сибирь есть земной рай въ сравненіи съ Пермью. Ваше сіятельство были невольнымъ орудіемъ моей сюда ссылки: будьте нѣкогда благодѣтельнымъ посредникомъ моего отсюда возвращенія. Зная ваши благородныя чувства, не могу себѣ представить, чтобы согласились когда-нибудь вѣрить сплетнямъ враговъ моихъ. Нелѣпость ихъ

слишкомъ ощутительна и впрочемъ сама собою откроется, когда только удостоятъ вопросить меня.

„Между тѣмъ прилагаемое при семъ письмо прошу доставить сколь возможно вѣрнѣе и непосредственнѣе. Я въ немъ прошу одной милости—насущнаго хлѣба, прежде мною заслуженнаго. Враги мои считаютъ у меня милліоны, а я, при безмѣрной здѣшней дороговизнѣ и послѣ всѣхъ разорительныхъ переѣздовъ, скоро буду нуждаться въ первыхъ потребностяхъ жизни“.

РЕЛЯЦІИ ЧРЕЗВЫЧАЙНАГО ВО ФРАНЦІИ ПОСЛА КНЯЗЯ КАНТЕМИРА 1738 И 1739 ГОДОВЪ.

Послѣднее изданіе сочиненій князя А. Д. Кантемира (С.-Петербургъ, 1866—1868 г.г.) хотя и довольно богато документами, относящимся къ его дипломатической дѣятельности, тѣмъ не менѣе содержитъ въ себѣ далеко не всѣ депеши его, какъ русскаго посланника во Франціи. Но еще много лѣтъ тому назадъ, выборка изъ этихъ депешъ была составлена, на основаніи Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, Д. Н. Бантышемъ-Каменскимъ, который и воспользовался свѣдѣніями этого источника при обработкѣ біографіи Кантемира въ т. III „Словаря достопамятныхъ людей Русской земли", стр. 8 — 34. Рукописный трудъ Д. Н. Бантыша-Каменскаго находится нынѣ въ библіотекѣ И. В. Помяловскаго. Благодаря обязательному сообщенію владѣльца этой рукописи, мы имѣемъ возможность напечатать цѣликомъ этотъ любопытный памятникъ русской дипломатіи XVIII вѣка. Въ составъ сборника Бантышъ - Каменскій включилъ также нѣсколько объяснительныхъ документовъ, а именно инструкцію (вѣроятно, переведенную съ нѣмецкаго подлинника) и кредитивную грамоту, данныя князю Кантемиру, также предписанія графа Остермана и т. п. Печатая ихъ вмѣстѣ съ депешами самого Кантемира, мы сочли не лишнимъ сохранить и тѣ, впрочемъ весьма немногія примѣчанія, которыми Бантышъ - Каменскій снабдилъ собранные имъ документы.

1738 года, апрѣля въ 18-й день, отправлена слѣдующая *инструкція* къ полномочному министру князю Антіоху Кантемиру, опредѣленному ко двору королевскаго величества французскаго:

Довольно вамъ извѣстно, какимъ образомъ и по какой причинѣ прежняя между здѣшнимъ и французскимъ дворами имѣвшая корреспонденція пресѣклась, что̀ потомъ и по окончаніи въ Германіи и въ Италіи французской войны въ дѣлѣ генеральнаго между воюющими сторонами примиренія происходило, какимъ образомъ оное въ Вѣнѣ формальнымъ заключеніемъ воспослѣдовало, и какое Ея Императорское Величество при томъ участіе размѣною между нашимъ и французскими министрами особливыхъ деклараций для совершеннаго прекращенія и отнятія всѣхъ къ несогласію причинъ имѣли, и понеже по учиненнымъ потомъ съ обоихъ сторонъ изъясненіямъ къ совершенному возстановленію между обоими дворами прежней корреспонденціи и къ взаимной для того обсылкѣ министровъ не несклонность являлась, и Ея Императорское Величество съ своей высочайшей стороны отъ того никогда отдалена не была, и дѣло до того дошло, что между вами и французскимъ при великобританскомъ дворѣ посломъ извѣстное соглашеніе о взаимномъ отправленіи министровъ постановлено;—того ради Ея Императорское Величество, во всемилостивѣйшей надеждѣ на ваше доброе искусство и къ службѣ радѣніе, васъ къ тому изобрѣсти соизволила, чтобъ вашимъ въ характерѣ своего министра ко французскому двору отправленіемъ зачатое вами дѣло чрезъ васъ же въ дѣйство и къ совершенію привести. Вы для того великобританскому министерству о такой Ея Императорскаго Величества резолюціи, и объ васъ опредѣленіи и о повелѣнномъ вамъ отъ тамошняго ко французскому двору отъѣздѣ объявить имѣете съ пристойнымъ при томъ изъясненіемъ, какимъ образомъ къ возстановленію прежней между обоими дворами корреспонденціи на взаимную для того намѣренія обсылку министровъ согласились, и въ разсужденіи того, что вы тамо въ близости находитеся и при французскомъ дворѣ нѣкоторыя знакомства имѣете, Ея Императорское Величество васъ къ такому туда отправленію назначитъ, а на ваше мѣсто при великобританскомъ дворѣ Ея Императорское Величество другаго министра немедленно опредѣлитъ и прислать соизволитъ, и что къ вамъ для того отзывная Ея Императорскаго Величества грамота прислана, и для поданія оной у его королевскаго величества абшитъ-аудіенцію себѣ испросить повелѣно. Вы при томъ же,

ежели случай къ тому отзовется, о причинѣ перерыва такой между обоими здѣшнимъ и французскимъ дворомъ прежней корреспонденціи, и какимъ образомъ и порядкомъ всѣ такія къ несогласію и къ холодности бывшія причины совершенно прекращены, по собственному вашему разсужденію потребное изъяснить можете.

Получа такую у короля аудіенцію, вы пристойнымъ и обыкновеннымъ въ такихъ случаямъ образомъ отпускъ свой отъ тамошняго двора взять и при отпускѣ его королевское величество въ напсильнѣйшихъ и обязательнѣйшихъ терминахъ о Ея Императорскомъ Величествѣ къ Его Величеству высокомъ почитаніи и истинномъ намѣреніи и желаніи имѣющую съ его королевскимъ величествомъ и короною великобританскою дружбу и доброе согласіе не токмо со всякимъ стараніемъ ненарушимо содержать, но и вящше утвердить, и къ пользѣ обоихъ государствъ вѣчную учинить обнадежить, и ко французскому отъѣхать, и будучи тамо по слѣдующей инструкціи и по получаемымъ въ дополненіе оной отъ времени до времени указамъ съ напревностнѣйшимъ во всемъ престереженіемъ высочайшихъ Ея Императорскаго Величества интересовъ поступать имѣете.

1.

Понеже съ стороны французскаго двора вамъ знать дано, что желаніе имѣется, дабы сперва обсылка состоялась въ персонахъ, характеромъ полномочнаго министра снабденныхъ, того ради и Ея Императорское Величество на то соизволила, и посылается при семъ къ вамъ нашъ кредитивъ на полномочнаго министра характеръ, который вы надлежаще употреблять имѣете.

2.

По прибытіи своемъ въ Парижъ имѣете вы, освѣдомясь о тамошнемъ обыкновеніи, пристойнымъ въ такихъ случаяхъ образомъ поступать, и къ тамошнему министерству адресуясь при свиданіи съ ними, а особливо съ кардиналомъ Дефлеріемъ въ пристойныхъ терминахъ всѣ надлежащія увѣренія учинить о истинномъ Ея Императорскаго Величества къ его королевскому величеству французскому намѣреніи и особливомъ къ дружбѣ его почтеніи, и какимъ образомъ Ея Императорское Величество всегда и въ самое время бывшихъ несогласій опую свою особливую консидерацію во всякихъ случаяхъ показывать не оставила, что Ея Императорское Величество потому къ возстановленію прежней между обоими дво-

рами корреспонденціи и добраго согласія совершенную свою склонность всякимъ удобовымышленнымъ образомъ засвидѣтельствовать, и представляющійся къ тому по общему соглашенію способъ взаимной посылки министровъ, съ охотою принимая, безъ наималѣйшаго замедленія васъ къ такому отправленію опредѣлить изволила, также и впредь съ своей высокой стороны ничего не упуститъ, еже оную дружбу постоянною учинить, и о истинномъ Ея Императорскаго Величества къ тому и къ вящшему оной утвержденію имѣющемъ намѣреніи его королевское величество совершенно удостовѣрить можетъ; вы къ тому прибавить можете, что по состоянію дѣлъ заприличпо признаваете, особливо же и отъ такъ склоннаго и готоваго съ здѣшней стороны принятія представленной къ примиренію съ Турками французской медіаціи случай взять имѣете пристойнымъ образомъ изъяснить, какимъ образомъ такимъ поступкомъ и учиненными при томъ деклараціями Ея Императорскаго Величества довольно явственный опытъ своей къ его королевскому величеству французскому особливой консидераціи дать изволила, и что какъ скоро токмо отъ римско-цесарскаго двора о такихъ учиненныхъ предложеніяхъ сюда сообщено, то Ея Императорское Величество безъ наималѣйшаго сумнѣнія и остановки не токмо о принятіи добрыхъ офицей, но и самой медіаціи французской себя весьма готова явить изволила. Вы о семъ дѣлѣ тѣ изъясненія употребить можете, которыя въ отправленномъ вамъ на предь сего къ наставленію вашему о томъ рескриптѣ содержано; при всемъ томъ надлежитъ вамъ кардиналу Дефлерій засвидѣтельствовать о Ея къ его персонѣ и великимъ меритамъ, и достойно заслуженной отъ всего свѣта, такъ знатной славѣ имѣющемъ особливомъ почитаніи и консидераціи, и къ извѣстному его праводушію совершенной конфиденціи съ другими пристойными къ тому обнадеживаніями, которое вы при всѣхъ случаяхъ, именемъ Ея Императорскаго Величества, наилучше повторить можете.

Что касается до употребленія при томъ же морскихъ державъ медіаціи, то вы, ежели къ тому случай отзывается, надлежаще изъяснить можете, коимъ образомъ по учиненнымъ на предь сего объ оной морскихъ державъ медіаціи неоднократнымъ представленіямъ Ея Императорскому Величеству нынѣ когда другую, а именно французскую медіацію принять изволила отъ допущенія жъ помянутой морскихъ державъ медіаціи ни коимъ образомъ отрещися не могла, и сіе учинить толь наименьше за пристойно или потребно разсудила, понеже уповательно есть, что употребляемыя отъ оныхъ дер-

жавъ совокупно съ францускими старанія и домогательства у Порты Оттоманской толь лучшаго и скорѣйшаго дѣйства имѣть могутъ, а на супротивъ того весьма опасаться было, что ежелибъ при такихъ обстоятельствахъ оная морскихъ державъ медіація выключена и откинута была, то бъ они тѣмъ весьма чувственно озлоблены быть, и слѣдовательно, въ поспѣшествованіи онаго мирнаго дѣла разнымъ образомъ препятствія учинить могли бъ.

3.

По надлежащемъ себѣ испрошеніи у его королевскаго величества аудіенціи, и когда вы къ опой приглашены будете, то вы приложенную вѣрющую грамоту подать и при томъ по содержанію оной въ пристойныхъ терминахъ рѣчь свою отправлять имѣете, изобразя при томъ какимъ образомъ Ея Императорскому Величеству весьма пріятно, и къ особливому удовольствованію было полученное обнадеживаніе о взаимной его королевскаго величества склонности къ обновленію древней между обоими дворами корреспонденціи, и что Ея Императорское Величество для засвидѣтельствованія своей къ тому охотнѣйшей готовности ни мало не умедлила васъ ко двору его величества отправить съ имяннымъ повелѣніемъ его королевскому величеству наикрѣпчайшія обнадеживанія учинить о совершенной Ея Величества дружбѣ и высокопочитаніи и объ истинномъ намѣреніи съ его королевскимъ величествомъ дружбу и доброе согласіе не токмо постоянно и не нарушимо содержать, но и сколько отъ Ея Императорскаго Величества зависитъ—къ общей обоихъ сторонъ пользѣ вяще и вяще утверждать, и что Ея Императорское Величество всегда особливое тщаніе имѣть изволитъ—его королевское величество во всякихъ случаяхъ о неотмѣнной истинности сихъ доброжелательныхъ намѣреній дѣйствительными оказательствами совершенно удостовѣрить.

4.

Имѣвъ у короля свою аудіенцію, также у королевы и у королевской фамиліи оную по тамошнему обыкновенію взять, и при всемъ томъ сіе смотрѣть имѣете, чтобъ на оныхъ аудіенціяхъ, также и въ прочихъ случаяхъ все всегда съ надлежащею по высочайшему Ея Императорскаго Величества достоинству пристойностію происходило, и въ предосужденіе тому ничего учинено не было.

5.

Во время тамошняго вашего министерства вы во всякихъ дѣлахъ интересы Ея Императорскаго Величества по лучшему вашему знанію и разумѣнію престерегать и поспѣшествовать, и потому же при всякихъ отзывающихся случаяхъ поступки и употребляемыя къ тамошнему министерству изъясненія учреждать имѣете, яко же и при удобномъ случаѣ и по усмотрѣнію тамошнихъ диспозицій объ императорскомъ титулѣ, чтобъ оный намъ такимъ же образомъ, какъ отъ другихъ державъ давно чинится, отъ французскаго двора данъ былъ пристойное предложеніе учинить, и при томъ такія же представленія употреблять можете, какъ вамъ на предъ сего при аглинскомъ дворѣ о томъ дѣлѣ домогаться повелѣно было [1]).

6.

Съ пребывающими при французскомъ дворѣ союзныхъ державъ министрами, а особливо съ римско-цесарскимъ министромъ, вы откровенное и конфидентное обхожденіе имѣть, и во всемъ томъ, что до общихъ интересовъ касаться можетъ, по пребывающему между обоими дворами ближнему союзу всегда съ общаго сношенія и согласія поступать, и что вы къ тому особливо и именно наставлены опому министру сообщить имѣете, не сумнѣваясь, что и онъ съ своей стороны равномѣрнымъ образомъ къ вамъ поступать будетъ.

7.

Съ прочими министрами вамъ такожде дружески и ласково обходиться, а при томъ на поступки ихъ, и какія иногда отъ кого дѣла производятся— всякимъ пристойнымъ образомъ смотрѣніе имѣть надлежитъ, особливо въ томъ, что какимъ-либо образомъ до насъ и до нашихъ интересовъ касаться можетъ, о чемъ обо всемъ вы не токмо намъ всегда обстоятельно доносить, но и все, еже по вашему усмотрѣнію иногда къ предосужденію нашему предвосприпято или вознамѣрено было, всегда всякимъ образомъ и съ употребленіемъ всякихъ къ тому удобно быть могущихъ способовъ по доброму вашему искусству отвращать имѣете, яко же и впрочемъ

---

[1]) Англійскій дворъ призналъ императорскій титулъ россійскій только въ 1742 году. *Д. Б.-К.*

обо всемъ при тамошнемъ дворѣ происходящемъ и о намѣреніяхъ и диспозиціяхъ онаго, и въ какихъ обращеніяхъ оный дворъ съ прочими державами находится, всякимъ образомъ наиприлежнѣйшее всегда провѣдываніе имѣть и свои доношенія почасту сюда присылать надлежитъ.

8.

Съ министрами Ея Императорскаго Величества, при другихъ дворахъ обрѣтающимися, вы о всѣхъ дѣлахъ, которыя до министерства каждаго касаться могутъ, корреспонденцію содержать и къ извѣстію и къ наставленію оныхъ потребно сообщать имѣете.

9.

Впрочемъ вы какъ въ исполненіи по сей инструкціи и по отправляемымъ къ вамъ впредь отъ времени до времени къ дальнѣйшему вашему наставленію указамъ, такъ и во всѣхъ случающихся дѣлахъ, о которыхъ и въ сей инструкціи не упомянуто, къ напревностнѣйшему престереженію и поспѣшествованію Ея Императорскаго Величества интересовъ по доброму вашему искусству и лучшему знанію и разумѣнію поступать имѣете, въ чемъ Ея Императорскаго Величества всемилостивѣйшую на васъ надежду имѣть изволитъ. Данъ въ С.-Петербургѣ, апрѣля 18-го дня, 1738 года.

По Ея Императорскаго Величества указу.

Таковъ оригинальный за подписаніемъ господъ кабинетныхъ министровъ.

Сшита шнуромъ шелковымъ пестрымъ, и приложена по концамъ того шнура Ея Императорскаго Величества кабинетная печать на красномъ сургучѣ; отправлена къ нему князю Кантемиру при слѣдующемъ рескриптѣ того жь числа на почтѣ:

1738 года, октября 14-го дня, къ полномочному министру князю Антіоху Кантемиру въ Парижъ.

Съ великимъ нашимъ удивленіемъ изъ реляцій вашихъ, изъ Парижа, отъ № 1 до № 5, отправленныхъ, усмотрѣно, коимъ образомъ вы по прибытіи своемъ туда, сами собою, не принявъ пожалованной вамъ отъ насъ характеръ полномочнаго министра, себя тамо инкогнито содерживаете, ожидая, чтобъ посольскій характеръ вамъ отъ насъ данъ былъ.

Вамъ извѣстно: 1) что французскій дворъ и кардиналъ Дефлерій самъ именно требовали, чтобъ вы въ характерѣ полномочнаго

министра сперва туда присланы были, и что потомъ о взаимномъ посольствѣ между обоими дворами соглашепось быть можетъ;

2) что мы по сему собственному французскому требованію вамъ вышеписанный характеръ полномочнаго министра дали,

3) и что принятіе посольскаго характера требуютъ другія обстоятельства и нѣкоторыя предъидущія о томъ соглашенія, и что слѣдовательно,

4) не съ высочайшимъ нашимъ достоинствомъ, ниже съ интересомъ нашимъ вовсе сходно, чтобъ вы по такому формальному между обоими дворами учиненному согласію о возстановленіи прежней дружбы и корреспонденціи, прибывъ къ тамошнему двору, чрезъ такое долгое время еще инкогнито безъ дѣйствительнаго вступленія во исправленіе своего министерства тамо себя содержать принуждены были, толь паипаче понеже—

5) вы о своемъ туда пріѣздѣ и характерѣ прочимъ чужестраннымъ министрамъ дѣйствительно уже объявили, отъ оныхъ въ томъ характерѣ признаны, и визиты и контръ-визиты между вами отданы, и тако уже начало публичнаго вашего министерства учинено, и потому нынѣ тамо инкогнито быть и жить весьма непристойно, а у другихъ, которые о прямомъ сего дѣла происхожденіи не безъизвѣстны, весьма предосудительнымъ намъ и интересамъ нашимъ толкованіямъ поводъ необходимо подаетъ, а

6) сіе принятіе характера полномочнаго министра весьма тому не препятствовало бъ, чтобъ по общему обоихъ дворовъ благоизобрѣтенію всегда и посольскій характеръ воспослѣдовать могъ.

Сей вашъ поступокъ весьма отъ насъ не апробуется и толь паипаче къ нашему неудовольству служитъ, что оное предложеніе объ инкогнитомъ вашемъ пребываніи не отъ французскаго двора вамъ, но отъ васъ опому дъору учинено, на которое только сей дворъ, какъ по вашимъ реляціямъ видно, позволилъ.

А между тѣмъ сей вашъ поступокъ насъ въ немалое затрудненіе приводитъ, понеже съ одной стороны опредѣленіе посольства требуетъ другія опредѣленія, на которыя время надобно, а съ другой стороны весьма непристойно, чтобъ вы между тѣмъ тамъ безъ дѣйства и инкогнито пребывали; и со всѣмъ тѣмъ наше желаніе весьма такое есть, чтобъ въ семъ дѣлѣ все то учинить, еже къ удовольству французскаго двора и кардинала Дефлерія касаться можетъ.

Однимъ словомъ сказать, вамъ никогда не надлежало бъ безъ указу нашего такое дѣло, отъ котораго сумнительныя затрудненія

происходить могутъ, собою на себя перенять, и лучше бъ было въ Англіи нашего указу ожидать, нежели, прибывъ уже къ французскому двору, тамо инкогнито себя содержать.

Мы, правда, уповаемъ, что вы, по прежнему нашему рескрипту отъ 19-го сентября, который къ вамъ въ отвѣтъ на вашу о семъ дѣлѣ реляцію, еще изъ Лондона писанную, отправленъ, оный характеръ полномочнаго министра дѣйствительно приняли и въ публичное отправленіе вашего министерства вступили; а ежелибъ вы паче всякаго чаянія того не учинили, то вы оное немедленно учинить имѣете, объявляя тамо, что вы, по вышепомянутому нашему рескрипту, и по содержанію при томъ къ кардиналу отправленнаго письма, сіе учинить необходимо запотребно разсудили, понеже то пожеланному посольству не мѣшаетъ, а вы чрезъ такъ долгое время тамо себя инкогнито содержать не посмѣете, и для предъупрежденія всякаго отъ того происходящаго толкованія запристой но не разсуждаете, толь наипаче, понеже мы безъ сумнѣнія отъ кардинала о семъ посольствѣ ближайшія изъясненія и на вышепомянутое письмо отвѣту отъ него ожидать будемъ, пока о томъ посольскомъ характерѣ подлинную резолюцію учинить можемъ, чѣмъ по великому и дальному разстоянію мѣстъ не мало время проходить можетъ, а о содержаніи сего настоящаго нашего рескрипта, что вы точный на то указъ отъ насъ получили, отнюдь вамъ объявлять не надлежитъ, но учинить все то, какъ выше писано, и будто вы по содержанію прежняго нашего рескрипта и въ разсужденіи выше изображенныхъ причинъ такъ поступать сами запотребно разсуждаете.

А что надлежитъ до того, что вамъ отъ статскаго секретаря Амелота объ аудіенціи объявлено, и о томъ мы никакого разсужденія учинить не можемъ, ибо не состоятельно и непмовѣрно есть, когда отъ самаго французскаго двора требовано, дабы министры съ обѣихъ сторонъ симъ характеромъ полномочнаго министра снабдены были, чтобъ онаго двора намѣреніе было такихъ министровъ прислать, которые бъ у насъ самихъ пристойную съ высочайшимъ достоинствомъ, какъ нашимъ, такъ и самаго короля Французскаго, аудіенцію имѣть не могли.

Однимъ словомъ, мы о семъ предложеніи разсужденіе свое оставляемъ, и понеже другихъ державъ министры въ такомъ же характерѣ, какъ вы сами доносите, аудіенцію у короля имѣли, то и вамъ въ томъ затрудненіе учинено быть не можетъ.

При послѣдней вашей реляціи получено письмо отъ кардинала

Дефлерін, и намъ не безъ удивленія, что вы объ оном, и чрезъ кого и какимъ образомъ оное для отсылки вамъ отдано, ни однимъ словомъ не упоминасте, на которое письмо немедленно ответствовано будетъ, обождавъ только двѣ или три почты, чтобъ вы между тѣмъ по содержанію сего указа исполненіе учинить могли, который отвѣтъ тогда для отдачи къ вамъ присланъ будетъ.

Таковъ оригинальный, за подписаніемъ господъ кабинетныхъ министровъ, отправленъ въ Парижъ на почтѣ вышеписаннаго числа.

1738 года декабря въ 11-й день отправлена Ея Императорскаго Величества *кредитивная грамота* къ королю Французскому.

Пресвѣтлѣйшій и державнѣйшій государь, нашъ любезнѣйшій братъ Людовикъ Пятынадесять, король Французскій и Наварскій, и прочая, и прочая, и прочая.

Понеже мы для засвидѣтельствованія вашему величеству нашей дружбы и высокопочитанія сей случай съ охотою принимаемъ—нашего камергера, намъ любезновѣрнаго князя Антіоха Кантемира въ характерѣ нашего чрезвычайнаго посла къ вашему величеству отправить, и ему повелѣли о нашемъ истинномъ намѣреніи и склонности, которую къ содержанію съ вами всегда совершеннаго добраго согласія и къ вящшему оного отъ времени къ общей обѣихъ сторонъ пользѣ утвержденію и распространенію имѣемъ, вашему величеству напокрѣпчайшія увѣренія именемъ нашимъ учинить того ради мы ваше величество дружебно сестрински просимъ оному нашему чрезвычайному послу склонный къ себѣ доступъ позволить, и какъ въ помянутыхъ обнадеживаніяхъ о истинныхъ нашихъ дружбы склонностяхъ и намѣреніяхъ, такъ и во всемъ прочемъ что именемъ нашимъ вашему величеству онъ представлять честь имѣть будетъ, полную вѣру подавать, и его на все то всегда такимъ склоннымъ отвѣтомъ снабдѣвать, какъ мы по нашему къ вашему величеству дружбѣ и по совершенному надѣянію на взаимныя ваши къ содержанію оной дружбы добрыя склонности того ожидать причину имѣемъ, въ которомъ упованіи мы Бога всемогущаго просимъ, дабы онъ вашего королевскаго величества высокую персону до самой высочайшей степени человѣческой жизни милостиво содержать и ваше правительство во всемъ постоянно благословить и благополучно быть благоволилъ.

Оригинальная подписана Ея Императорскаго Величества собственною рукою тако: Анна.

Контрасигнировалъ господинъ вице-канцлеръ по сему: Андрей Остерманъ.

I.

Державнѣйшая императрица и самодержица, государыня всемилостивѣйшая!

Въ прошедшую пятницу 19 (8)-го сего я прибылъ сюды, и хотя болѣзнь глазъ моихъ, которая въ дорогѣ возобновилась, требовала бы малаго покоя, однакожь слыша, что дворъ здѣшній завтра отъѣзжаетъ въ Фонтенебло, я не хотѣлъ премінуть видѣться съ господиномъ Амелотомъ и съ господиномъ кардиналомъ прежде ихъ отъѣзду. Для того, повѣстивъ посольскому вводителю господину Сенто о моемъ пріѣздѣ, и принявъ съ нимъ потребныя мѣры, вчерась видѣлся я съ господиномъ Амелотомъ, которому при обыкновенномъ изъясненіи о причинѣ моего сюды прибытія, сообщилъ копію съ Вашего Императорскаго Величества грамоты къ королю, и того жь дня чрезъ письмо требовалъ отъ господина кардинала позволеніе къ нему прійдти; назначилъ мнѣ сегоднешнее утро, чтобъ его видѣть въ мѣстечкѣ, называемомъ Песи, гдѣ теперь онъ находится. Отъ обоихъ сихъ министровъ весьма ласково и учтиво я принятъ, а наипаче господинъ кардиналъ съ особливою благосклонностію болѣе часу со мною пробылъ. Господинъ Амелотъ съ начала требовалъ было, чтобъ я ему вручилъ вашу вѣрющую грамоту, понеже де въ характерѣ полномочнаго министра, для котораго никакого церемоніала не уставлено, чаетъ, что у короля аудіенцію мнѣ имѣть будетъ не можно; но я, ему предложивъ, что противно моимъ инструкціямъ, довольствовался копіею, желая, чтобъ я съ господиномъ кардиналомъ согласился, не лучше ли будетъ дожидать подлинное извѣстіе—какой характеръ имѣть буду; и при томъ меня обнадежилъ, что хотя господинъ Вогренанъ въ послушаніе къ королю и полномочнымъ министромъ ѣхать готовъ, однакожь пристойнѣе бы было ему принять характеръ посольскій. Я на то отвѣтствовалъ, что сколько премѣны характера касается, я уже отъ Вашего Императорскаго Величества высочайшаго указу требовалъ, и скоро отвѣтъ получить надѣюсь; что хотя подлинно не могу обнадежить, что меня посольскимъ характеромъ почтить соизволите, однакожъ не сумнѣваюсь, что Вашему Императорскому Величеству будетъ пріятно, чтобъ въ такомъ господинъ Вогренанъ къ вашему двору отправился, и что

сколько касается моей аудіенціи у короля, буде господинъ кардиналъ соизволитъ, чтобъ я высокопомянутаго вашего указу ожидалъ, то я буду его совѣту слѣдовать. Потомъ онъ со мною вступилъ въ разговоръ о турецкихъ дѣлахъ, который описывать удержуся, понеже совсѣмъ сходенъ съ рѣчьми господина кардинала о томъ же дѣлѣ, которыя Ваше Императорское Величество ниже сего усмотрѣть изволите. Удовольствуюся только всенижайше донесть, что, по его словамъ, давно уже отъ господина Вилленева писемъ не получаетъ. Правда, что господинъ Мирепоа изъ Вѣны за недѣлю тому назадъ писалъ сюда, что отправляетъ при своемъ письмѣ пакетъ отъ него Вилленева; но оный пакетъ при томъ не найденъ, и буде не забытъ отъ него Мирепоа, то знатно въ дорогѣ пропалъ. Господину кардиналу, по совѣту статскаго секретаря, я представилъ, что сколько моей аудіенціи касается—его совѣту слѣдовать готовъ, и онъ мнѣ сказалъ, что онъ уже недѣль за пять самъ писалъ къ Вашего Императорскаго Величества кабинетному министру и тайному дѣйствительному совѣтнику графу Андрею Ивановичу Остерману о премѣнѣ характера, и что онъ прилично чаетъ ожидать отвѣту, который долго замедлить не можетъ. Сколько же я до сѣхъ поръ провѣдать могъ, есть образцы, что полномочные министры у короля приватную аудіенцію имѣли и грамоты свои сами Его Величеству подавали, отъ чего знатно, что господинъ Амелотъ не гораздо о семъ дѣлѣ увѣдомленъ, и слѣдовательно, что мнѣ аудіенцію отказать будетъ не можно, когда время къ тому пріидетъ.

Господинъ кардиналъ въ разговорахъ своихъ между прочимъ удостовѣрялъ меня о истинной королевской склонности къ возобновленію добраго согласія съ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ и о усердности, съ которою онъ кардиналъ по своей возможности поспѣшествовать такъ полезное дѣло намѣренъ. Я его съ начала разговору о подобной съ Вашего Императорскаго Величества стороны диспозиціи въ сильнѣйшихъ терминахъ обнадежилъ, какъ и отъ Вашего Императорскаго Величества особливой къ нему кардиналу истимѣ и конфиденціи. На что онъ съ своей стороны съ крайнимъ похваленіемъ Вашего Императорскаго Величества высочайшаго лица отозвался, являя благодареніе за Вашего Императорскаго Величества къ нему снисходительство. Потомъ, вступивъ въ разсужденіе о турецкой негоціяціи, показывалъ сожалѣніе, что миръ до сѣхъ поръ съ Портою заключить было не можно, и отчасти старался приписывать оное замедленіе присово-

куленію двухъ морскихъ державъ къ медіяціи его французскаго величества, что мнѣ случай подало ему изъяснить, что Ваше Императорское Величество не имѣли никакого затрудненія принять одну Его Величества медіяцію, будучи весьма благонадежны, что въ лучшія руки интересы свои препоручить бы не могли, но что двѣ морскія державы, издавно предложивши Вашему Величеству свое посредство, не могли бы вы ихъ выключить, не давъ имъ причины къ недовольству, и что тотъ только одинъ резонъ склонилъ Ваше Величество при случаѣ акцептованія медіяціи французской, и двухъ морскихъ державъ медіяцію присоединить; что же впрочемъ Ваше Императорское Величество неотмѣнное желаніе къ прекращенію войны имѣетъ и оное уже оказать изволили своими весьма умѣренными требованіями, о которыхъ ему господину кардиналу уже пространно чрезъ письма Вашего Императорскаго Величества кабинетнаго министра и тайнаго дѣйствительнаго совѣтника графа Андрея Ивановича Остермана сообщено. Господинъ кардиналъ на всѣ оныя рѣчи мнѣ не прекословилъ, но только примѣчалъ, что Порта, теперь малыми полученными съ стороны венгерской авантажами ободрена будучи, не столько къ примиренію склонности являть кажется, и что одинъ только благополучный успѣхъ вашего войска при Днѣстрѣ въ состояніи ихъ присмирить. При томъ прочелъ мнѣ послѣднее письмо вышеномянутаго Вашего Императорскаго Величества кабинетнаго министра 6-го августа, которое даетъ знать, что понеже Порта предложенныя отъ васъ кондиціи въ показанный срокъ не акцептовала, Ваше Императорское Величество не опредѣлили еще намѣренными оныхъ держаться; и на то кардиналъ требовалъ отъ меня пространнѣйшаго изъясненія. Я ему отвѣтствовалъ, что я, еще въ Лондонѣ будучи, сіе предусмотрѣвая, всеподданнѣйше просилъ, чтобъ высочайшая Вашего Величества воля о томъ мнѣ была объявлена, и пока на то указъ получу, ничего ему позитивнаго сказать не въ состояніи. По окончаніи сего, я ему съ стороны припомянулъ, что по нынѣшнему возобновленному доброму согласію межь двумя дворами Ваше Императорское Величество причину имѣетъ надѣяться, что посолъ французскій при шведскомъ дворѣ для сохраненія тишины сѣверной, которая съ тишиною всея Европы не раздѣльна, употребитъ свой кредитъ къ пресѣченію дальныхъ видовъ безпокоенныхъ тамо людей, еслибъ такіе находились. На что господинъ кардиналъ мнѣ отвѣтствовалъ, что по всѣмъ изъ Стокгольма, вѣдомостямъ никакихъ военныхъ замысловъ

съ той стороны опасаться уже не можно, и что Сентъ-Северину наиспильнѣйшими отъ короля указами запрещено не вступать ни въ какія домашнія дѣла тамошняго правленія.

Предъ выходомъ отъ него кардинала, онъ мнѣ далъ знать, что господину Вогренану приказано какъ можно скорѣе отсюда къ вашему двору отъѣхать, но что онъ Вогренанъ извинится тѣмъ своимъ отъѣздомъ поспѣшить за невозможностію отправить моремъ свой багажъ въ нынѣшнюю позднюю пору, и для того де онъ ему велѣлъ видѣться со мною, чтобъ сыскать къ тому какой-либо способъ; онъ Вогренанъ у меня сегодня былъ, и я у него, но въ дорогѣ разъѣхался, другъ друга не видали; по стану стараться его на сихъ дняхъ въ домѣ застать и сколько можно его уговорить, чтобъ недолго здѣсь медлилъ, хотя не надѣясь въ томъ много удачи, понеже безъ своего экипажа при дворѣ вашемъ обойдтись не можетъ, а сухимъ путемъ оный отправить гораздо дорого бы стало, что, чаю, ему не весьма пріятно. Малая здѣшняя склонность къ лишнимъ пждивеніямъ можетъ и вашему Императорскому Величеству убавить потребныя издержки на публичный здѣсь посольскій входъ, если съ обѣихъ сторонъ соглашено будетъ, чтобъ такъ при вашемъ, какъ и при здѣшнемъ дворѣ взаимно того не чинили. О семъ всеподданнѣйше прошу заблаговременно высочайшую Вашего Императорскаго Величества волю мнѣ объявить, какъ о прочихъ пунктахъ, церемоніалу касающихся, о которыхъ я имѣлъ честь требовать изъясненія въ одной изъ прежнихъ моихъ покорнѣйшихъ реляціяхъ, чтобъ я могъ заранѣе пресѣчь всѣ затрудненія, которыя въ томъ родиться бы могли.

Сколько касается моего обхожденія съ чужестранными министрами, здѣсь обрѣтаемыми, господамъ посламъ безъ всякаго объявленія я первую визиту отдать намѣренъ, и уже у цесарскаго и испанскаго былъ, а сардинскій особливымъ учтивствомъ меня въ томъ предупредилъ; прочимъ же посланникамъ и министрамъ о своемъ пріѣздѣ повѣстилъ и ихъ визиты ожидать буду.

Въ прочемъ препоручаю себя въ высочайшую Вашего Императорскаго Величества милость, всенижайше пребывая, Вашего Императорскаго Величества, всеподданнѣйшій рабъ князь Антіохъ Кантемиръ.

Изъ Парижа. Сентября 21 (10)-го дня 1738 года.

P. S. Понеже поста отъѣзжаетъ отсюда гораздо рано, я письма свои пишу наканунѣ, и число того дня ставлю, и такимъ

образомъ впредь всегда оное число въ моихъ покорнѣйшихъ реляціяхъ означено будетъ.

II.

Державнѣйшая императрица и самодержица, государыня всемилостивѣйшая!

Надежный человѣкъ принца Лихтенстейна отъѣзжая отсюда въ Брюссель, я не хотѣлъ сію способную оказію пропустить, чтобъ всеподданнѣйше не донесть Вашему Императорскому Величеству, что кардиналъ слѣдуетъ за королемъ въ Фонтенебло противно совѣту докторовъ. Здоровье его хотя кажется довольно исправлено, однакожь то подлинно, что однѣми лѣкарствами поддерживаетъ падающу жизнь свою, и какъ часто престаетъ лѣкарства принимать, такъ часто поносъ возобновляется: а воздухъ Фонтенеблоя, сказываютъ, весьма вредителенъ; кромѣ того, что болящему человѣку кардинальскаго возраста и самая дорога не мало вредительна; противъ всѣхъ тѣхъ разсужденій отваживается онъ туда ѣхать для предупрежденія или при своемъ житіи отставки отъ главнаго правительства, или по своей смерти вступленія на свое мѣсто такого человѣка, который его видамъ противенъ. Извѣстно ему, какъ и всѣмъ здѣсь, что при дворѣ разныя и къ одному и къ другому намѣренію—кабалы производятся, въ которыхъ начальствуетъ сестра герцога Бурбонскаго помощію госпожи де-Мальи. Господинъ Шовеленъ имѣть партію при дворѣ, которая льстить себя, что какъ кардинала не станетъ, безъ него обойдтись не можно. Другіе чаютъ, что король самъ въ томъ случаѣ управлять будетъ съ четырьмя статскими секретарями, всякій вѣдая своя; одинъ департаментъ всѣ дѣла государственныя: сіе послѣднее кардиналу столько желательно, сколько ненавидимъ ему Шовеленъ, человѣкъ, какъ Вашему Императорскому Величеству извѣстно, опасный, и который еслибы въ другорь прежній свой ауторитетъ досталъ, Европа трудно тишину свою сохранитъ. Только я по сю пору провѣдать могъ отъ надежныхъ людей, которые удостовѣряютъ, что кардиналъ зиму пережить не силенъ, и слѣдовательно, что до весны отмѣну въ дѣлахъ ждать должно.

Я, не имѣя слѣдовать за королемъ въ Фонтенебло, проспилъ принца Лихтенштейна, которому подробно сообщилъ все, что у меня съ кардиналомъ и съ Амелотомъ произошло, безъизъятно, чтобъ старался дабы отъ сюда къ С. Северину указъ былъ отправленъ,

чтобъ онъ согласно съ Вашего Императорскаго Величества тайнымъ совѣтникомъ Михаиломъ Петровичемъ Бестужевымъ старался у двора шведскаго умолять всякую волю къ новымъ замысламъ. Онъ принцъ уже Амелоту о томъ вчерась говорилъ, который ему съ божбою отвѣтствовалъ, что давно о томъ къ С. Северину писано и подтверждено, чтобъ тамошнимъ войнолюбцамъ изъяснить, что весьма бы противно было его французскому величеству, если бы Швеція войну противъ васъ объявить хотѣла, что тѣмъ иного не учинятъ, кромѣ чтобъ понудить васъ къ заключенію мира съ Портою и къ нападенію на ихъ отечество съ великою силою, противъ которой обороняться будутъ не сильны.

О турецкой негоціяціи ничего новаго здѣсь не имѣютъ; послы же, говорятъ, какъ помянуто въ моей послѣдней, Виленевовъ пакетъ еще не получили. По здѣшнихъ мнѣнію, миръ или продолженіе войны зависитъ отъ удачи Вашего Императорскаго Величества войска при переправѣ Нестра рѣки: и я о томъ нетерпѣливо ожидаю извѣстіе, наипаче, что здѣсь разныя вѣдомости по вся дни вымышляютъ, по склонности здѣшняго народа къ Туркамъ.

Впрочемъ я никакой случай не оставляю принцу Лихтенштейну показать, что исполняю Вашего Императорскаго Величества, указъ въ обхожденіи моемъ съ нимъ поступая съ крайнею откровенностію, и по сю пору онъ такимъ же образомъ себя со мною ведетъ. Съ его согласія до полученія высочайшаго вашего указу, которымъ характеръ мой имѣетъ быть опредѣленъ, не отзываюся о учиненномъ затрудненіи въ допускѣ меня къ королевской аудіенціи. Если по тому указу я нынѣшній свой характеръ сохраню, то тогда или уговорю отставить то безосновательное затрудненіе, или просить буду отъ Вашего Императорскаго Величества резолюцію и до полученія вашего указу, грамоту подлинно у себя задержу, давъ отчасти знать тогда, что господинъ Вогренанъ долженъ будетъ имѣть при дворѣ вашемъ подобной моему трактаментъ, и для того избирали бы лучшій и пріятнѣйшій.

За симъ, препоручая себя въ Высочайшую Вашего Императорскаго Величества милость, всенижайше пребываю, Вашего Императорскаго Величества, всенижайшій рабъ князь Антіохъ Кантемиръ.

Изъ Парижа. 1738 года сентября 25-го.

III.

Державнѣйшая императрица и самодержица, государыня всемилостивѣйшая!

Вчерась я имѣлъ честь получить Вашего Императорскаго Величества всемилостивѣйшій рескриптъ отъ 19-го сентября подъ № 25, съ приложенными при немъ экстрактами изъ письма господина кардинала де-Флерія отъ 17-го августа, съ отвѣтомъ на оное Вашего Императорскаго Величества кабинетнаго министра и тайнаго дѣйствительнаго совѣтника графа Андрея Ивановича Остермана. Изъ онаго рескрипта съ крайнимъ моимъ сожалѣніемъ я усмотрѣлъ, что всѣ мои безкорыстливыя намѣренія и по возможности моей предосторожные поступки въ дѣлѣ взаимной пересылки министровъ съ здѣшнимъ дворомъ не имѣли счастіе такимъ образомъ Вашему Императорскому Величеству себя представить, чтобъ могли во всемъ заслужить Высочайшую Вашего Императорскаго Величества апробацію, и что я въ отвѣтъ на оный высочайшій Вашего Императорскаго Величества рескриптъ еще принужденъ васъ трудить своимъ оправданіемъ.

Я самъ признаваю, что дѣло сіе такою дорогою шло и такія обстолтельства, одно за другимъ слѣдующія, имѣло, что легко можетъ Вашему Императорскому Величеству праведные сумнительства подать, что отмѣна въ намѣреніи здѣшняго двора о характерѣ мною происхала, и то самое я еще въ Лондонѣ предвидѣвъ, принялъ смѣлость всеподданнѣйше Ваше Императорское Величество удостовѣрить о противномъ въ покорнѣйшей моей реляціи подъ № 59 отъ 18-го августа, которую еще и теперь чистою совѣстью подтверждаю; и если Ваше Императорское Величество для лучшаго своего удовольства позволитъ мнѣ отъ самого кардинала требовать подтвержденіе моего донешенія, крѣпко надѣюсь оное получить: потому всенижайше прошу позволить мнѣ той отмѣны причину другую искать и для того всенижайше возобновить въ Вашего Императорскаго Величества памяти мои поступки, о которыхъ отъ времени до времени я доносилъ.

Въ первомъ Вашего Императорскаго Величества высочайшемъ указѣ о моемъ назначеніи было мнѣ предписано графу Камбису объявить, что вы соизволяете мнѣ принять такой характеръ, каковъ французскому двору будетъ угоденъ, отправляя между тѣмъ кредитивы на полномочнаго министра и посланническій; отъ чего

я разумѣлъ, что Вашему Императорскому Величеству, не противно было, чтобъ министръ французскій для вашего двора отправленъ былъ въ посольскомъ характерѣ, и что если бы то случилось, и я бы подобного надѣяться могъ—не по своимъ заслугамъ, но по отмѣнному Вашего Императорскаго Величества великодушію: въ такомъ разумѣніи натурально мнѣ было оный характеръ надъ прочими желать. Полагая, что господинъ Камбисъ мое тогдашнее представленіе точно господину кардиналу доносилъ (о чемъ однакожъ сумнѣваюсь, вѣдая характеръ человѣка), онъ господинъ кардиналъ тогда могъ имѣть въ мысли, что мнѣ пріятнѣе бы было, чтобъ французскій министръ назначенъ былъ въ посольскомъ характерѣ, и еслибъ въ мое благоугожденіе на то склониться хотѣлъ, слѣдующимъ господина Амелота отвѣтомъ объявлено бы было, что Его Королевское Величество желаетъ къ вамъ посла отправить; но отвѣтъ тотъ, какъ Ваше Императорское Величество всемилостивѣйше изволили примѣчать, столь ясно объявляетъ, что Его Величество предъизбралъ характеръ полномочнаго министра, что яснѣе писать не можно, отъ чего слѣдуетъ, что кардиналъ тогда въ мою благоугодность ничего не учинилъ. Послѣ того отъ меня никакого представленія о посольскомъ характерѣ не чинено, въ чемъ ссылаюсь на графа Камбиса, развѣ онъ, какъ я въ вышепомянутой моей покорнѣйшей реляціи доносилъ, собой что кардиналу писалъ, да и то трудно вѣрить, понеже онъ Камбисъ не много о важныхъ дѣлахъ пишетъ. Изъ всего того я заключить долженъ, что господинъ кардиналъ, часто повторяя такъ чрезъ господина Амелота, какъ и въ своемъ письмѣ къ Вашего Императорскаго Величества кабинетному министру и тайному дѣйствительному совѣтнику графу Андрею Ивановичу Остерману, что въ характерѣ отмѣну учинить бы желалъ по моему желанію, прямую причину укрываетъ, которая завязнетъ въ персонѣ господина Вогрепана, бывшаго дважды уже посломъ: правда, что онъ Вогрепанъ и полномочнымъ министромъ ѣхать не отрекается, но безсумнительно не поѣдетъ безъ посольскаго жалованія, которое было бы главнѣйшее затрудненіе, а понеже такое жалованіе ему отказать не можно, натурально кардиналу желать, чтобъ онъ отъѣхалъ въ посольскомъ характерѣ, дабы подобнаго съ вашей стороны здѣсь имѣть, и можетъ быть учтивѣе ему казалось объявить, что на то склоняется, по желанію вашего величества. Сіе мое всеподданнѣйшее разсужденіе столь истинно и основательно, что если бы сей дворъ съ самаго начала помянутаго

графа Вогренапа персону избралъ тогда же бы вмѣсто характера полномочнаго министра на отправленіе особы въ посольскомъ склонялся, то предложенное въ Амелотовомъ письмѣ затрудненіе о церемоніалѣ маловажно быть имѣло, что теперь объ оном[ъ] не упоминаютъ; потому я уповаю, что Ваше Императорское Величество съ роднымъ себѣ праводушіемъ вышеписанное всемилостивѣйше разсмотрѣвъ признать изволитъ, что я невиновенъ приключенію, которое въ семъ дѣлѣ кажется приводитъ нѣкакое затрудненіе; оное касается одной только моея персоны, для того важност никакую имѣть не можетъ, понеже я никакой воли собственной не имѣю и совсѣмъ завишу отъ Вашего Императорскаго Величества высочайшей резолюціи; впрочемъ господинъ Вогренапъ отсюду отъѣхать можетъ въ какомъ характерѣ Вашему Императорскому Величеству угодно, какъ я уже честь имѣлъ въ прежнихъ упомянуть, и въ томъ неотмѣнно слѣдовать буду Вашего Императорскаго Величества высочайшему рескрипту и приложенному при немъ экстракту съ письма вашего кабинетнаго министра графа Андрея Ивановича Остермана: держался точно содержанія онаго и самыхъ словъ въ моихъ представленіяхъ —такъ кардиналу (который третьяго дня изъ Пссн отъѣхалъ), какъ и господину Амелоту. Для исполненія же той своей должности завтра рано отъѣзжаю въ Фонтенебло, и оттуда о происшедшемъ межъ нами обстоятельно и всенижайше Вашему Императорскому Величеству доносить не премину.

Остается мнѣ еще оправдаться предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ въ томъ, что я до сихъ поръ у короля аудіенціи не получалъ, что Ваше Императорское Величество къ крайнему моему сожалѣнію весьма не апробуетъ. Въ Лондонѣ я будучи не предусматривалъ никакого затрудненія въ допускѣ къ королевской аудіенціи, и потому всенижайше доносилъ, что хотѣлъ слѣдовать кардинальскому совѣту—получать ли оную, или ожидать высочайшаго вашего указу на мое тогдашнее допошеніе: а прибывъ сюда, такъ отъ вводителя посольскаго, какъ и отъ самаго статскаго секретаря удостовѣренъ, что мнѣ у короля приватную аудіенцію для подачи Вашего Императорскаго Величества грамоты въ собственныя руки по обыкновенной къ Его Величеству рѣчи въ полномочнаго министра характеръ имѣть не можно, и то мнѣ еще подтверждено отъ господина Амелота чрезъ письмо принца Лихтенштейна, какъ я во свое время Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше доносилъ. Потому поступокъ

мой уже не отъ моего произволенія по совѣту кардинальскому, но отъ самой нужды произошелъ. Правда, что хотя я господину Амелоту и посольскому вводителю представлъ образцы приватныхъ аудіенцій министровъ полномочныхъ, и отъ того имъ показывалъ, что оную мнѣ отказать не можно, однакожъ господину кардиналу объ ономъ затрудненіи не упоминалъ, чая, что могъ бы лучше съ начала моего министерства заслужить себѣ его конфиденцію, слѣдуя его совѣту и удаляя причину къ спору, который имѣлъ бы изъясненіемъ высочайшея Вашего Императорскаго Величества резолюціи собою пресѣченъ быть, столь паипаче, что Вашего Императорскаго Величества дѣла, сколько случай мнѣ подавали ваши инструкціи и получаемые указы, между тѣмъ никакой ущербъ претерпѣвать не могли, понеже я и безъ той королевской аудіенціи должность вашего министра отправлялъ и такимъ такъ отъ здѣшнихъ, какъ и отъ чужестранныхъ (съ которыми визиты взаимно мы отправлялись) дѣйствительно признанъ; но понеже тотъ мой поступокъ не имѣлъ счастія быть отъ Вашего Императорскаго Величества всемилостивѣйше апробованъ, всеподданнѣйше прошу оное мнѣ оставить, ибо я того держался съ певѣденія лучшаго, и что не смѣлъ въ Лондонѣ остановиться до полученія на то Вашего Императорскаго Величества высочайшаго указу. Помянутое затрудненіе о допускѣ моемъ къ аудіенціи королевской со всѣми моими представленіями и теперь еще не отнято, такъ что господинъ де-Вернель, посольскій вводитель, еще третьяго дня мнѣ говорилъ, что онъ не знаетъ, какъ можно церемоніалъ для меня отмѣнять, и на показанные образцы сардинскаго и цесарскаго министровъ мнѣ отвѣтствовалъ, что сардинскій министръ ту аудіенцію если имѣлъ, то было во время деликатныхъ конюнктуръ, при составленіи союзнаго трактата, слѣдовательно, для весьма важнаго дѣла, и послѣ той аудіенціи еще сильнѣе церемоніалъ въ томъ пунктѣ утвержденъ. А господинъ Смерлингъ подлинно де приватную аудіенцію не имѣлъ, и теперь въ затрудненіи находится, какъ свой отпускъ отъ Его Величества получать; но не смотря такъ на его, какъ и господина Амелота слова, что оба въ своихъ чинахъ новы, и можетъ быть, подробно о семъ дѣлѣ непзвѣстны, тотчасъ по прибытіи моемъ въ Фонтенебло господина кардинала просить буду о исходатайствованіи мнѣ приватной аудіенціи у короля для врученія Вашего Императорскаго Величества вѣрущей грамоты, которую нарочно съ собою везу, и если онъ мнѣ подобное затрудненіе учинитъ, всею возможностію, такъ

собою, какъ и въ нуждѣ,—чрезъ цесарскаго посла стараться стану чтобъ оное отнять и какую удачу имѣть буду, всенижайше Вашему Императорскому Величеству донесу; между тѣмъ всеподданнѣйше прошу меня въ запасъ всемилостивѣйшимъ указомъ вашимъ снабдить, какимъ образомъ мнѣ поступать, если то затрудненіе отставлено не будетъ, до полученія котораго я Вашего Императорскаго Величества грамоту кромѣ короля подлинно никому не вручу.

Чрезъ вчерашнюю же почту я имѣлъ честь получить другой Вашего Императорскаго Величества рескриптъ отъ 5-го сентября подъ № 24, да при письмѣ вашего тайнаго дѣйствительнаго совѣтника и полномочнаго чрезвычайнаго посла графа Александра Гавриловича Головкина пакетъ для господина кардинала. Сей по прибытіи моемъ въ Фонтенебло самъ тотчасъ вручу; а по высочайшему вашему указу письмомъ милорду Гарингтону повелѣнное исполню. Сколько же отъѣзду графа Вогренана касается, изъ прежнихъ моихъ Ваше Императорское Величество всемилостивѣйше усмотрѣть изволили, что оный до весны отложилъ за трудностію отправленія экипажа, который моремъ уже ему отправлять поздно, наипаче что, какъ мнѣ сказывалъ, никакого еще приготовленія не учинилъ. А графу Камбису о назначеніи Вогренанову какое объявленіе учинить указано, Ваше Императорское Величество всемилостивѣйше изволили усмотрѣть изъ переводу Амелотового письма, введеннаго въ моей покорнѣйшей реляціи отъ 18-го августа, въ которомъ не упоминается, что онъ имѣлъ о томъ сообщить англицкимъ министрамъ.

Отъ здѣшнихъ дѣлъ ничего новаго Вашему Императорскому Величеству доносить не имѣю, но надѣюсь, что по прибытіи моемъ въ Фонтенебло подробно о помянутой въ послѣдней моей реляціи вѣдомости извѣстився, покорнѣйшимъ допошеніемъ своимъ не умедлю. Засимъ препоручая себя въ высочайшую Вашего Императорскаго Величества милость всенижайше пребываю. Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшій рабъ князь Антіохъ Кантемиръ.

Изъ Парижа, октября 26 (15)-го дня 1738 года.

Роспись чужестранныхъ министровъ, обртаемыхъ въ Парижѣ 1738 года декабря 4-го.

Послы:

Цесарскій, принцъ Лихтенстейнъ.
Испанскій, маркиз Деласъ-Минасъ.

Англинскій, графъ Вальграфъ.
Португальскій, донъ-Дакунья.
Сардинскій, кавалеръ Соларъ.
Сицилскій, принцъ Дела-Торелла.
Венеціянскій, господинъ Веніеръ.
Голландскій, ванъ-Гой.
Мальтійскій, бальи Демемъ.

Интернунцъ папской:

Аббатъ Леркари.

Полномочный министръ:

Цесарскій, господинъ Смерлингъ.

Посланники:

Датскій, графъ Шуленбургъ.
Тосканскій, аббатъ Франкини.
Генуескій, господинъ Бригноли.
Баварскій, принцъ Гримбергъ.
Лорренскій, господинъ Гюлинъ [1]).
Моденскій, графъ Кассіо.
Гвастальскій, господинъ Боріо.
Женевскій, господинъ Телюсонъ.

Министры безъ характера:

Шведскій, баронъ де-Флемпингъ.
Прусскій, господинъ Памбріе.
Палатинскій, господинъ Гревенброкъ.
Саксонскій, господинъ Дебресъ
Виртембергскій, господинъ Фешъ.
Дармштадскій, господинъ Бемеръ.
Легихскій, кавалеръ Гратъ.
Португалскій, господинъ Деласердъ.

IV.

Выписка изъ реляціи князя Антіоха Кантемира. Изъ Парижа, отъ 21 (10)-го декабря 1738 года.

Третьяго дня на пиру испанскаго посла, господинъ Амелотъ мнѣ объявилъ, что Его Королевское Величество въ разсужденіи чи-

[1]) Со стороны короля Станислава. *Д. Б. – К.*

нямыхъ отъ меня повторенныхъ домогательствъ склонился противъ принятой предъ симъ резолюціи дозволить мнѣ у себя приватную аудіенцію и изволилъ къ тому назначить наступающій вторникъ, то есть 23-го сего, тотчасъ послѣ публичной аудіенціи князя Лихтенштейна. Такова Его Королевскаго Величества резолюція въ послѣдствіе моего послѣдняго съ кардиналомъ изъясненія, всенижайше уповаю, что Вашему Императорскому Величеству причину подастъ всемилостивѣйше апробовать тотъ мой поступокъ, отваженный безъ вашего указу, для престереженія вашихъ интересовъ.

Вышепомянутый цесарскій посолъ сегодни учинилъ свой публичной въѣздъ въ сей городъ съ такою чрезвычайною магнификенціею, что мало кто подобную помнитъ. Богатство и искусный выборъ, какъ порядный порядокъ, отъ всѣхъ съ удивленіемъ въ томъ въѣздѣ присмотрѣны,—и проч.

V.

Выписка изъ реляціи князя Антіоха Кантемира. Изъ Парижа, отъ 25 (14)-го декабря 1738 году.

Въ слѣдствіе того, что я все нижайше доносилъ въ послѣдней моей покорнѣйшей реляціи третьяго дня, то есть 23-го сего, я имѣлъ свои приватныя аудіенціи у короля, королевы, у делфина и у принцесъ между публичными аудіенціями князя Лихтенштейна. На всѣ оныя аудіенціи я препровожденъ былъ господиномъ Сентотомъ, введителемъ посольскимъ, безъ всякаго различія отъ пословъ при подобныхъ приватныхъ аудіенціяхъ. Его Королевское Величество принялъ меня въ своемъ кабинетѣ, стоя на ногахъ и имѣя по правую руку кардинала де-Флерія, а по лѣвую статскаго секретаря Амелота. Господинъ Сентотъ, введши меня въ кабинетъ, выступилъ вонъ и двери затворилъ. Тогда я отправилъ Его Величеству свою рѣчь (съ которой при семъ прилагаю копію съ переводомъ) и подалъ Его Величеству въ собственныя руки Вашего Императорскаго Величества вѣрющую грамоту. Его Величество, принявъ оную, въ сихъ точныхъ словахъ мнѣ приказалъ благодарить Ваше Величество за данный ему знакъ своей дружбы и съ тѣмъ я отпущенъ. Я нарочно всѣ обстоятельства сей моей аудіенціи подробно описалъ за случившимся мнѣ въ допускѣ къ оной затрудненіемъ, которое отнято напаче къ удовольствованію Вашего Императорскаго Величества такимъ отмѣннымъ образомъ,

что до сѣхъ поръ никому изъ полномочныхъ министровъ препровожденіе къ аудіенціи отъ вводителя посольскаго не дозволено, и то обстоятельство особливо отъ прочихъ чужестранныхъ министровъ примѣчено. У Ея Королевскаго Величества, у делфина и у принцессъ аудіенціи мои были почти публичныя, понеже всѣ персоны, обрѣтаемыя при аудіенціи князя Лихтенштейна, въ ихъ камерахъ остались, наипаче же при королевѣ и при делфинѣ присутствовали кардиналъ и господинъ Амелотъ. Такъ Ея Величеству, какъ и Ихъ Высочествамъ я отправилъ короткій комплиментъ, обнадеживая ихъ о вашемъ къ нимъ почтеніи и вашей дружбѣ, и прося себѣ ихъ благосклонность во время моего пребыванія при здѣшнемъ дворѣ. Отвѣтъ Ея Величества и принцессъ я Вашему Императорскому Величеству донесть не могу, понеже такъ тихо изволили говорить, что я ни какимъ образомъ дослушать не былъ въ состояніи. А делфинъ приказалъ мнѣ удостовѣрить Ваше Величество о своей дружбѣ.

Впрочемъ въ тотъ день я времени не имѣлъ, особливо съ министрами видѣться, и слѣдовательно, съ ними о какихъ дѣлахъ говорить. А отъ здѣшнихъ только имѣю Вашему Императорскому Величеству всенижайше донесть, что за нѣсколько времени король Прусскій чрезъ своего въ Вѣнѣ министра подалъ тамъ меморіалъ о дѣлѣ Юлія и Берга, отчасти съ непристойными угрозами; Его Императорское Величество предложилъ здѣсь, чтобъ для предупрежденія дѣйствъ тѣхъ угрозъ прилично, чтобъ Его Французское Величество далъ Его Цесарскому Величеству гарантію противъ всѣхъ, кто бы въ слѣдствіе дѣла Юлія и Берга хотѣлъ искать Его Цесарскому Величеству вреда; по оному цесарскому предложенію здѣшній дворъ исполнить склонился, и какъ князь Лихтенштейнъ меня удостовѣрилъ, на сихъ дняхъ имѣетъ заключенъ быть актъ той гарантіи; желательно бъ было, чтобъ онъ такую удачу имѣлъ и въ дѣлѣ Рагоція, о которомъ не знаю еще какой отвѣтъ ему данъ.

Переводъ съ рѣчи [1]).

Государь!

Императрица моя государыня имѣя истинное почитаніе къ освященному лицу Вашего Величества и къ вашей дружбѣ почтила ме-

[1]) Оригинала въ реляціяхъ не имѣется. *Д. Б.—К.*

ня титломъ своего полномочнаго министра при Вашемъ Величествѣ, чтобъ доказать вамъ свои сентименты!

Ея Императорское Величество соизволяетъ къ тому, чтобъ я имѣлъ счастье быть нѣкакимъ образомъ орудіемъ къ распространенію и утвержденію добраго согласія, благополучно возстановленнаго межъ Ея Императорскимъ Величествомъ и вашимъ,—дѣло, которое Ея Императорское Величество желаетъ споспѣшествовать сколько отъ нея зависитъ!

Крайне чувствительна мнѣ будучи честь столь отмѣнной комиссіи, желанія мои верхъ бы свой достигли, если въ исполненіи указовъ моей государыни успѣхъ соотвѣтствуетъ моей ревности, и если въ то же время могу заслужить себѣ Вашего Величества милость и покровительство.

VI.

Выписка изъ реляціи князя Кантемира, отъ 1-го генваря 1739 года (21-го декабря 1738 года).

Прилагаю при семъ газету здѣшнюю, въ которой о моей ауді-енціи внесенъ артикулъ, чего прежде въ подобныхъ аудіенціяхъ полномочныхъ министровъ не учинено. Опая газета служить можетъ впредь къ доказательству, еслибъ паче чаянія когда съ другими вашими министрами при здѣшнемъ дворѣ затрудненіе какое о томъ же дѣлѣ произошло, и къ тому жь изъ нея видѣть можно порядокъ, съ которымъ цесарскій посолъ такъ при выѣздѣ какъ и при публичной своей аудіенціи отъ здѣшняго двора принятъ:

De Paris, le 27 décembre 1738.

Le 21 de ce mois le prince de Lichtenstein, ambassadeur de l'empereur, fit son entrée publique en cette ville. Le maréchal de Puysegur et le chevalier de Sainctot, introducteur des ambassadeurs, allerent le prendre dans les carosses du roi et de la reine au couvent de Piques, d'où la marche se fit en cet ordre: le carosse de l'introducteur; les deux carosses du maréchal de Puysegur, precedés d'un ecuyer et de deux pages à cheval; un suisse de l'ambassadeur, à cheval; sa livrée à pied; dix de ses palefreniers à cheval; son maitre d'hôtel et dix de ses officiers; un de ses ecuyers, à la tête de douze palefreniers, qui menoient en main des chevaux richement harnachés; un ecuyer et huit pages à cheval; le carosse du

roi, aux cotés du quel marchoient la livrée du marechal de Puysegur et celle du chevalier de Sainctot; le carosse de la reine; celui de m-me la duchesse d'Orleans; ceux du duc d'Orleans, du duc de Chartres, de la duchesse de Bourbon douairière; du duc et de la duchesse de Bourbon, du comte de Clermont, de la princesse de Conty, première douairiere; de la princesse de Conty, seconde douairière; du prince de Conty, de la duchesse du Mayne, du prince de Dombes, du comte d'Eu, de la comtesse de Toulouze, du duc de Penthievre, et celui du sieur Amelot, ministre et secrétaire d'Etat ayant le departement des affaires etrangeres, et à la distance de trente à quarante pas, les cinq carosses de l'ambassadeur, precedés d'un suisse à cheval. La magnificence des carosses du prince de Lichtenstein repondoit à celle de sa livrée, qui etoit très nombreuse. Lorsque l'ambassadeur fut arrivé à son Hôtel, il fut complimenté de la part du roi par le duc d'Aumont, premier gentilhomme de la chambre; de la part de la reine, par le comte de Tessé, son premier ecuyer, et de la part de madame la duchesse d'Orleans, par le marquis de Crevecoeur, premier ecuyer de son altesse royale.

Le 23, le prince de Pons, et le chevalier de Sainctot, introducteur des ambassadeurs, allèrent prendre l'ambassadeur en son hôtel dans les carosses de leurs Majestés, et ils le conduisirent à Versailles, où il eut sa première audience publique du roi: il trouva à son passage dans l'avant-cour du château les compagnies des gardes Françoises et Suisses sous les armes, les tambours apellant dans la cour, les gardes de la porte et ceux de la Prevosté de l'hôtel sous les armes à leurs postes ordinaires, et sur l'escalier les cent suisses en habits de cérémonie, la hallebarde à la main. Il fut réçu en dedans de la salle des Gardes par les duc d'Harcour, capitaine des gardes du corps qui étoient en haye et sous les armes. Après l'audience du roi, l'ambassadeur fut conduit à l'audience de la reine et à celle de monseigneur le dauphin par le prince de Pons, et par le chevalier de Sainctot, introducteur des ambassadeurs: il eut ensuite audience de mesdames de France, et aprés avoir été traité par les officiers du roi, il fut reconduit à Paris dans les carosses de leurs Majestés avec les cérémonies accoutumées.

Le même jour le prince Cantemir, ministre plenipotentiaire de la czarine, eut une audience particulière du roi. Il y fut conduit, ainsi qu'à celles de la reine, de monseigneur le dauphin et de mes-

dames de France, par le chevalier de Sainctot, introducteur des ambassadeurs.

VII.

Державнѣйшая императрица и самодержица. Государыня всемилостивѣйшая!

Третьяго дня я имѣлъ честь получить чрезъ штафету изъ Везела Вашего Императорскаго Величества два всемилостивѣйшіе рескрипта, оба отъ 15-го декабря, подъ № 37 и 38, съ приложенными при немъ кредитивомъ на посольскій характеръ, съ копіею съ онаго, съ письмомъ оригинальнымъ Вашего Императорскаго Величества кабинетнаго министра и тайнаго дѣйствительнаго совѣтника графа Андрея Ивановича Остермана къ господину кардиналу, и съ копіею же такъ того письма, какъ и кардинальскаго, отъ 8-го ноября.

Вашего Императорскаго Величества въ семъ случаѣ ко мнѣ высочайшая милость и великодушіе столь отмѣнны и столь превосходятъ мои малыя заслуги, что я не могу сыскать довольно сильныхъ словъ къ достойному Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйшему благодаренію. Оную однакожъ высочайшую милость по должности своей чувствую, и по крайней своей возможности стараться стану оную заслужить, непрестанно имѣя Всевышнему Богу приносить свое прошеніе, чтобъ Вашему Императорскому Величеству наградилъ многолѣтнимъ здравіемъ и благополучнымъ царствованіемъ къ распространенію своей славы.

Въ моемъ молодомъ возрастѣ и при маломъ моемъ достоинствѣ пожалованный мнѣ Вашего Императорскаго Величества характеръ своего чрезвычайнаго посла не можетъ не подать мнѣ причину къ особливому моему увеселенію, и таково бы оное подлинно было, если бы прочія околичности къ тому отчасти не препятствовали. Я не знаю къ чему приписать и какъ согласить съ ласковымъ пріемомъ, который ко мнѣ господинъ кардиналъ до сѣхъ поръ являетъ, его почти нарочный проискъ вводить меня всякимъ своимъ письмомъ въ новый гнѣвъ Вашего Императорскаго Величества. Во всѣхъ тѣхъ своихъ письмахъ всѣ приключенія мнѣ приписываетъ и тѣмъ даетъ Вашему Императорскому Величеству правильную причину подозрительные имѣть мои поступки и быть оными не довольны; хоть въ самой истинѣ всѣ приключенія по назначенію моемъ къ здѣшнему двору никакой, могу сказать, поводъ съ моей стороны не

имѣли. О отмѣнѣ характера и о затрудненіяхъ въ моей аудіенціи я уже въ прежнихъ моихъ покорнѣйшихъ реляціяхъ надѣясь совершенно себя оправдалъ, для того о томъ при семъ упоминать оставляю, опасаясь напрасно утруждать Ваше Императорское Величество. Не могу однакожъ пропустить еще прибавить, что о тѣхъ двухъ пунктахъ, когда Ваше Императорское Величество связанныя высочайшими вашими указами мои руки освободить соизволили, отъ самыхъ французскихъ министровъ доставить подтвержденіе моихъ словъ уповаю. Сколько же касается остановленія отъѣзду отсюда господина Вогренана, которое господинъ кардиналъ мнѣ приписываетъ, имѣю всеподданнѣйше Вашему Императорскому Величеству донесть, что съ самаго моего прибытія я ему кардиналу, господину Амелоту и самому графу Вогренану многожды ревностныя представленія учинилъ, чтобъ сей послѣдній отъѣздомъ своимъ отъ сюда немедлилъ, и что отъ всѣхъ мнѣ представлено было (а не отъ меня имъ), что время къ морскому пути будучи позднее, онъ Вогренанъ своего экипажа отправить не можетъ. Я ему не однажды представлялъ, что до Гамбурга и до Риги (объ Ревелѣ я не упоминалъ, не будучи въ томъ благонадеженъ) можно всегда кораблямъ ѣхать, и оттуду сухимъ путемъ легко всякія вещи до Санктпетербурга перевесть: на оное господинъ Вогренанъ всегда мнѣ отвѣтствовалъ, что тотъ переѣздъ сухимъ путемъ еще дологъ и многія нждпвенія требуетъ, кромѣ того что кареты повредится могутъ. Про дворы никогда я никому не говаривалъ, что въ Санктпетербургѣ достать будетъ трудно; на противу я господину Вогренану не однажды подтвердилъ, что въ томъ никакого затрудненія имѣть не будетъ, и всегда къ найму довольно великіе найдетъ, легче нежели здѣсь, гдѣ я 21 мѣсяца еще средняго покоя пріискать не могъ; и какъ бы мнѣ можно иначе говорить, вѣдая состояніе столицы Вашего Императорскаго Величества? Я ему правда подтвердилъ данное ему отъ бывшаго при вашемъ дворѣ консула Виларда извѣстіе, что въ С.-Петербургѣ постоялыхъ большихъ дворовъ съ уборомъ (что здѣсь hôtel garni называютъ) до моего оттуда отъѣзда, ни каретъ съ цукомъ наемныхъ не было, но при томъ ему изъяснилъ, что можно тамъ найдти многіе такъ китайскіе, какъ европейскіе уборы безъ всякаго труда, и мастеровъ для дѣланія каретъ, стульевъ, столовъ и прочаго довольно. Сверхъ того, по полученіи Вашего Императорскаго Величества высочайшаго указу, подъ № 30, его Вогренана обнадежилъ, что все нужное для него пріискано тамъ будетъ. Всѣ тѣ мои представ-

ленія однакожь мало дѣйства имѣли за отговоркою, что не знаетъ какъ въ первыхъ дняхъ своего пріѣзда пробавится, и тотъ не прямой резонъ. Въ самомъ дѣлѣ отъѣздомъ своимъ онъ не поспѣшилъ, понеже до сѣхъ поръ его жалованіе, не будучи еще учреждено, онъ и по сю пору никакого убору и экипажу не имѣетъ, что одно довольно опровергнуть слова кардинальскія. Онъ господинъ Вогренанъ, вчерась будучи въ Версали въ домѣ господина Амелота, мнѣ самъ сказалъ, что хотя бы имѣлъ способъ для отправленія своего экипажу, заранѣе учинить того не могъ бы, понеже тотъ экипажъ здѣсь не приготовленъ. Онъ де многожды и господину кардиналу, и господину Амелоту, а сему еще и письменно объявилъ, что онъ имѣетъ приготовленіе для вашего двора дѣлать по состоянію опредѣляемаго ему жалованья, и для того просилъ о семъ послѣднемъ резолюціи, понеже безъ оной никакихъ пріуготовленій дѣлать не можетъ, но по сю пору изъ дня въ день господинъ кардиналъ то дѣло отлагалъ, слѣдовательно, и господинъ Вогренанъ не для того отсюда не отъѣхалъ, что я ему отговорилъ. Онъ господинъ Вогренанъ надѣюсь уже скоро къ двору вашему прибудетъ; для того, не утруждая Ваше Императорское Величество долгими доводами моей въ семъ дѣлѣ безвинности, всеподданнѣйше прошу указать у него самаго искусно вывѣдать, основательное ли мое доношеніе, и не сумнѣваюсь, что онъ будетъ свидѣтелемъ моихъ домогательствъ Кардинальскій поступокъ я никакому покрытому намѣренію приписать не могу, но произвожу его совсѣмъ отъ его желанія о перемѣнѣ характера. Пока о томъ пунктѣ онъ не былъ совершенно обнадеженъ, аудіенціи мнѣ была отказана, и господина Вогренана отъѣздъ отложенъ; по учиненному же отъ меня изъясненію (о которомъ я всеподданнѣйше доносилъ въ покорнѣйшей моей реляціи отъ 18-го декабря) кардинальское мнѣніе отмѣнилось такъ объ одномъ, какъ и о другомъ, и чаю уже, что господинъ Вогренанъ не долго здѣсь промедлитъ. Такъ господинъ кардиналъ, какъ господинъ Амелотъ вчерась меня о томъ обнадежили и именно сказали, что того же дня оба съ нимъ господиномъ Вогренаномъ о всемъ согласятся, чтобъ на сей недѣли его дѣло совсѣмъ окончить, для чего сей нарочно въ Версали остался, удостовѣривъ меня, что какъ скоро жалованіе ему будетъ опредѣлено, то часъ отсюда подымется, оставя какому пріятелю здѣсь приготовить потребные на домъ уборы, серебреную посуду и экипажъ, и за нимъ на вескѣ моремъ отправить. Понеже я завтра еще намѣренъ въ Версаль возвратиться, чрезъ будущую

почту всеподданнѣйше Вашему Императорскому Величеству донесу что въ томъ дѣлѣ учинено.

Впрочемъ письмо вашего кабинетнаго министра и тайнаго дѣйствительнаго совѣтника графа Андрея Ивановича Остермана къ кардиналу я вчерась ему, при пристойномъ комплиментѣ, подалъ, и господину Амелоту далъ знать о полученіи Вашего Императорскаго Величества новаго кредитива съ тѣмъ изъясненіемъ, что оное объявленіе подружески чиню, а впредь дамъ ему о принятіи посольскаго характера извѣстіе со всѣми обыкновенными при томъ формалитетами, что и господину кардиналу повторилъ. Слѣдуя тому, сегодня я послалъ сказать о полученіи Вашего Императорскаго Величества высокопомянутой грамоты посольскому вводителю господину де-Вернель, который по здѣшнему этикету имѣетъ ко мнѣ быть и согласиться о будущихъ поступкахъ, о которыхъ впредь Вашему Императорскому Величеству всенижайше доносить не премину, имѣя по высочайшему вашему указу крайнее старательство имѣть въ остереженіи высокаго характера, въ убѣганіи всѣхъ спорныхъ случаевъ съ прочими послами, и въ охраненіи всѣхъ тѣхъ околичностей, которыя этикетъ здѣшній послу дозволяетъ. Уже я не оставилъ приложить трудъ, чтобъ о всемъ, что до того этикета касается, имѣть подробное извѣстіе, и надѣюсь, что сегодня мнѣ полное описаніе будетъ отъ пріятеля сообщено, которое переписавъ и прибавя, что въ немъ недостаточно явится, съ потребными примѣчаніями какъ можно скорѣе къ двору Вашего Императорскаго Величества отправлю. О другихъ дѣлахъ, ссылаясь на особливую мою покорнѣйшую реляцію, препоручаю себя въ высочайшую Вашего Императорскаго Величества милость и всенижайше пребываю. Вашего Императорскаго Величества, всеподданнѣйшій рабъ князь Антіохъ Кантемиръ.

Изъ Парижа января 15 (3) дня 1739 года.

VIII.

Реляція камергера князя Кантемира изъ Парижа отъ 22 (11)-го января, полученная съ штафетомъ 30-го тогожъ 1739 года. (Выписка).

P. S. Отъ 23 (12)-го января.

„Съ сею надежною оказіею я намѣренъ былъ Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше донесть о состояніи кардинальскомъ и внутреннихъ двора дѣлъ и правленія, когда я имѣлъ

честь получить высочайшій вашъ рескриптъ подъ № 39, которому приложенъ о томъ же рукописный французскій листъ; чтобъ не остановить долѣе куріера, всеподданнѣйшій отвѣтъ на оный рескриптъ отлагаю до предбудущей почты.

Что же касается помянутыхъ вѣдомостей, оныя и здѣсь долго въ городѣ носились, но за неосновательствомъ своимъ отъ всѣхъ презрѣны. Господинъ кардиналъ правда во время своей болѣзни отдалился двора, но то не съ принужденія, и только для того, чтобъ лучшій покой имѣть.

Его Королевское Величество во все то время являлъ къ нему прежнюю свою любовь, и кардиналъ непрестанно имѣлъ тотъ же ауторитетъ такъ что прочіе министры безъ его позволенія ни за окошко выглянуть не смѣютъ; о семъ ауторитетѣ столь кажется онъ благонадеженъ, что рѣдко когда съ чужестранными министрами говоря упоминаетъ королевское имя, обыкновенныя его рѣчи суть: я прикажу, я сдѣлаю, я не могу сего сдѣлать.

Безсумнительно, что Его Королевское Величество уже гораздо смѣлѣе сталъ прежняго и къ удивленію всѣхъ въ разговорахъ своихъ являетъ остроту ума и благоразсудность; правда жь еще, что Его Величество теперь не тантся въ своей любви съ госпожею Де-Мальи, и частныя забавы и ловли съ дамами имѣетъ, въ которыхъ сестра дюка Бурбонскаго начальствуетъ; Его Величество за тѣмъ къ сей принцессѣ крови много любовь являетъ, и слышно напротиву, что съ королевою только днемъ видается. Такіе поступки, которые отчасти являютъ, что Его Величество уже государемъ себя чувствуетъ, кардиналу пріятны быть не могутъ, но подлинно ауторитетъ его не умаляютъ, и по всему видимому оный сохранитъ до своей смерти, которая уже не столько близка кажется, ибо онъ кардиналъ теперь жирѣть началъ.

По его смерти отмѣна министерства будетъ: предувидѣть трудно, а общее мнѣніе есть, что король самъ дѣла править станетъ, съ четырмя статскими секретарями; изъ оныхъ всѣхъ острѣе господинъ Морепа и охотнѣе подслуживается женской королевской ватагѣ, но съ крайнею осторожностію, опасаясь кардинальскаго подозрѣнія.

Его Величество, будучи государь весьма скрытый, не можно въ немъ узнать никакую склонность настоящую, меньше еще предувидѣть будущія; а госпожа Мальи по сю пору никакой знакъ авторитету еще не показала, будучи впрочемъ нраву тихаго и гораздо недалекаго ума; сверхъ же того весьма не хороша лицомъ,

такъ что можетъ королю наскучить, когда больше къ женской компаніи пріобыкнетъ.

Господинъ Орн, генеральный контролеръ, человѣкъ весьма искусный и у кардинала любимъ, потому не будетъ удивительно, если и онъ въ числѣ министровъ останется, противно тому что въ помянутыхъ вѣдомостяхъ разсѣяно.

Интриги не малыя, но весьма тайныя для полученія участія въ министерствѣ по смерти кардинальской чинены въ его болѣзни; Морепа, маршалъ Д Ноаль и отставной Шовелинъ свои партіи имѣли; но я не чаю, чтобъ тѣ интриги далѣе произошли, кромѣ разговоровъ межь друзьями претендентовъ, и какъ скоро кардиналъ выздоровѣлъ, всѣ вдругъ утихли.

Если впредь какой слухъ о сихъ дѣлахъ, достойный примѣчанія Вашего Императорскаго Величества, возобновится, я не премину во свое время всенижайше и обстоятельно вамъ о томъ донесть; нынѣ только прибавить имѣю, что Бершакъ, камердинеръ кардинальскій, ему весьма любимъ и вѣренъ; онъ и подарки беретъ въ новый годъ, но секретъ своего господина не продаетъ; тѣ, которые какую отъ кардинала милость ожидаютъ, могутъ когда чрезъ него желаемое достать, но въ политическихъ дѣлахъ не видно чтобъ онъ имѣлъ какой голосъ; есть еще при кардиналѣ аббатъ Кутюріеръ въ великой милости, съ которымъ я дружно живу.

Господинъ кардиналъ прислалъ ко мнѣ сего вечера въ 7 часу приложенное при семъ свое письмо за которымъ я остановилъ своего куріера, съ которымъ пакетъ сей отправляю до Берлина, а буде тамъ не застанетъ Вашего Императорскаго Величества тайнаго дѣйствительнаго совѣтника барона фонъ-Бракеля, до Данцига, гдѣ или агенту вашему вручитъ, для пересылки къ двору Вашего Величества, или на почтѣ чрезъ штафету оныя отправитъ.

IX.

Державнѣйшая императрица и самодержица, государыня всемилостивѣйшая!

Въ прошедшій вторникъ господинъ кардиналъ и господинъ Амелотъ, сами удостовѣрив меня, что трудность, касающаяся господина Вогренана о его характерѣ, съ какимъ отъѣхать имѣетъ, совсѣмъ отставлена, такъ что мнѣ не нужно остановлять свою аудіенцію, я господину Амелоту изъяснилъ, что еще сверхъ того я требую, чтобъ онъ господинъ Вогренанъ былъ декларованъ посломъ

теперь, на что онъ мнѣ отвѣчалъ, что и въ томъ трудности ни-малой нѣтъ, и готовъ, буде желаю, хоть и въ здѣшнихъ газетахъ то напечатать. Потому я вчерась посылалъ къ нему Амелоту Генриха Гроса повѣстить ему, что я принялъ Вашего Императорскаго Величества характеръ чрезвычайнаго посла, и просить его, чтобъ назначилъ мнѣ часъ, въ который бы его видѣть могъ для сообщенія копіи съ вашей вѣрующей грамоты. Онъ господинъ Амелотъ назначилъ мнѣ сегодня по утру осьмой часъ; по чему я и былъ у него въ томъ часу, но слишкомъ съ четверть его ожидалъ въ передней, понеже еще было тогда не всталъ. Принялъ онъ меня съ многими извиненіями, что кромѣ его воли я долженъ былъ ожидать, и ввелъ меня въ свой кабинетъ, гдѣ давъ мнѣ правую руку, и я ему прежде сообщенія копіи съ грамоты еще повторилъ, что я желалъ бы быть подлинно увѣренъ въ какомъ характерѣ деклярованъ господинъ Вогренанъ, и на то онъ меня еще удостовѣрилъ, что дѣло уже сіе совсѣмъ окончено, и мнѣ никакого въ томъ безпокойства имѣть не должно. Сообщивъ ему помянутую копію, я далъ ему знать, что Ваше Императорское Величество тѣмъ отмѣннымъ характеромъ меня почтить изволили особливо для угожденія Его Королевскаго Величества; на что онъ мнѣ отвѣтствовалъ учтивымъ комплиментомъ. Прочетши копію обѣщался оную господину кардиналу сообщить и началъ употреблять, со мною говоря, титулъ превосходительства. Выходя отъ него, такъ какъ при входѣ всегда за мною слѣдовалъ, и проводилъ меня изъ кабинета чрезъ одну переднюю, остановясь у дверей второй передни.

Вышедши отъ него, по здѣшнему обыкновенію безъ всякой предъидущей повѣстки я былъ у кардинала въ Исси, но понеже у воротъ было отъ него генеральный приказъ никого не пущать, будучи онъ тогда упражненъ въ письмѣ, я его не видалъ, но отъ его камердинера мнѣ сказано, что могу къ вечеру его кардинала видѣть. Потому я къ вечеру еще возвратился въ Исси, и къ нему кардиналу допущенъ въ его кабинетъ, гдѣ онъ меня принялъ не встрѣчая, и стоялъ всегда на ногахъ, держа шляпу въ рукахъ и употреблялъ титулъ превосходительства, что уже и до сего онъ всегда чинилъ. По отправленіи ему комплимента, въ которомъ я свое повышеніе наипаче ему приписать старался, и ему еще повторилъ, что хотя отъ него самого и отъ господина Амелота обнадеженъ, что господинъ Вогренанъ деклярованъ посломъ къ Вашего Императорскаго Величества двору, однакожь я бывъ сегодня по утру нарочно у него господина Вогренана—онъ мнѣ сказалъ, что о

томъ никакого извѣстія не имѣетъ. Господинъ кардиналъ мнѣ на то отвѣтствовалъ, что господинъ Вогренанъ не знаетъ что говоритъ, понеже не только съ самаго начала кондиціонально, но и по полученіи послѣдняго письма Вашего Императорскаго Величества кабинетнаго министра и тайнаго дѣйствительнаго совѣтника графа Андрея Ивановича Остермана ему симъ объявилъ, что король его безъ кондиціи уже назначилъ посломъ къ вашему двору. Онъ де, кардиналъ, въ томъ никакого затрудненія не имѣетъ и кому мнѣ прямо объявить, что господинъ Вогренанъ посолъ. На что я ему припомянувъ, что можно то въ газету внести, какъ учинено когда господинъ Вогренанъ полномочнымъ министромъ назначенъ, господинъ кардиналъ отвѣтствовалъ, что онъ того не запрещаетъ и могу поговорить господину Амелоту, чтобъ приказалъ то учинить. По окончаніи разговору я отъ него выходя провоженъ до дверей кабинета, что и прежъ сего онъ чинилъ, однакожъ тогда протестовалъ, что ту аттенцію являетъ для меня персонально. Здѣшній этикетъ кардинала къ большему не обязываетъ, и еще сверхъ того отъ контрвизиты и дачи правой руки въ своемъ домѣ свобождаетъ; а съ статскимъ секретаремъ чужестранныхъ дѣлъ послы себя ведутъ въ равенствѣ, такъ что я равно такимъ образомъ господина Амелота прійму, какъ онъ меня принялъ.

Съ господиномъ Вогренаномъ, какъ я выше упомянулъ, сего утра нарочно въ его деревни видѣлся, и отъ него слышалъ, что еще о его жалованіи опредѣленіе ему не объявлено, а господинъ кардиналъ въ прошлый вторникъ именно мнѣ сказалъ, что то дѣло окончено, и что могу быть благонадеженъ, что въ будущемъ мѣсяцѣ онъ къ двору вашему отъѣдетъ. Ваше Императорское Величество выше сего усмотрѣли разницу въ ихъ словахъ о характерѣ; такъ что я самъ разсудить не знаю кому больше вѣрить, понеже о семъ послѣднемъ не только письменныя деклараціи Вашему Императорскому Величеству отъ него кардинала учинены, но сверхъ того и отъ него и отъ господина Амелота, какъ выше я смѣлъ честь донесть, подтверждены, и никакое затрудненіе о обнародствованіи господина Вогренана посломъ не являетъ; я уже не смѣю болѣе отдалять свою аудіенцію у короля, которая отъ Его Величества мнѣ назначена въ будущій вторникъ; приливъ всѣ должныя предосторожности, опасаюсь не исполнить точно Вашего Императорскаго Величества высочайшій указъ, которымъ мнѣ повелѣно по учиненіи объявленія о моемъ характерѣ принять у короля аудіенцію, наипаче, что не могу надѣяться въ семъ дѣлѣ

отъ здѣшнихъ министровъ обману, противъ котораго трудно предостеречаться, и что съ другой стороны чрезмѣрныя подозрительства могутъ подать неблаговременную причину къ тому. Что можетъ быть и въ намѣреніи не имѣютъ, то подлинно, что здѣсь декларація отправляемыхъ чужестранныхъ министровъ уставленнаго формалитета не имѣетъ. О Вашего Императорскаго Величества императорскомъ титулѣ я въ прошедшій вторникъ и Амелоту и господину кардиналу въ учтивыхъ терминахъ представленія чинилъ, изъясняя наипаче сему, что при отправленіи господина Вогренана изрядный способъ подается дать Вашему Императорскому Величеству знакъ королевской къ себѣ дружбы, употребляя тотъ императорскій титулъ въ его Вогренановой вѣрующей грамотѣ. Господинъ кардиналъ на то мнѣ представилъ двѣ объекціи, 1) что здѣсь не гораздо охотно отмѣняютъ старый обычай, и 2) что императоръ Вашему Величеству тотъ титулъ не даетъ. Противъ оныхъ я ему представилъ, что Его Цесарское Величество и царицы имя убѣгаетъ [1]), къ тому же обязанъ всѣ резолюціи принимать съ согласія Ратисбонскаго сейму; а Его Королевское Величество такихъ формалитетовъ не требуетъ; что къ тому же величественнѣе для короля давать, чѣмъ принимать примѣры; что если сіе послѣднее угоднѣе, Англійскій, Датскій, Шведскій и Прусскій короли, какъ и республики Голландская и Венеціянская, императорскій титулъ вамъ даетъ; что къ тому же Его Французское Величество ничего новаго не учинитъ въ дачѣ того титула, понеже царь по русски тожъ, что цесарь по латински, такъ что здѣсь дѣло идетъ о переводѣ одной рѣчи, чрезъ который Его Королевское Величество имѣетъ Вашему Величеству дать знакъ своей дружбы. Господинъ кардиналъ при томъ вступилъ въ долгое изслѣдованіе рѣчи царь, въ которомъ ничего примѣтнаго не было, кромѣ того, что по французски де надлежало бъ писать Tzar, какъ по русски выговариваютъ, и тогда де трудно будетъ оное производить отъ рѣчи цесарь; въ заключеніе сего мнѣ сказалъ, что онъ о томъ дѣлѣ подумаетъ, не дая мнѣ ни въ пользу, ни въ противу позитивнаго отвѣту; я впредь еще всѣ приличные случаи не пропущу для исполненія своей рабской должности. Внушилъ я ему также о дачѣ полныхъ инструкцій и полной мочи господину

[1]) Австрійскій цесарскій дворъ призналъ титулъ императора Россійскаго двора только въ 1744 году. *Д. Б.-К.*

Вогренану, что онъ учинить обѣщался, не оставя однако припомянуть, что господинъ Вилленевъ уже полную мочь имѣетъ.

Впрочемъ отъ здѣшнихъ дѣлъ ничего важнаго Вашему Императорскому Величеству доносить не имѣю. Весь Парижъ ложнымъ слухомъ наполненъ, что здѣшній дворъ недоволенъ цесарскимъ, и скоро межь ними война объявится. Причину къ тому сказываютъ, будто кардиналъ далъ императору въ займы 12 милліоновъ въ надеждѣ получить въ закладъ городъ Луксембургъ; а Его Императорское Величество теперь тотъ городъ Англичанамъ и Голландцамъ закладываетъ. Разсужденіе, въ которомъ ни какой истины нѣтъ. Я о семъ по должности своей чаялъ Вашему Императорскому Величеству донесть, понеже слухъ здѣшній можетъ и до вашего двора дойдти; столь всѣ здѣшнія письменныя газеты онымъ наполнены. Не меньше ложный былъ слухъ, что не отправляется отсюда войско въ Корсику. Причину сему подало, что сперва намѣреніе было послать еще 6 баталіоновъ; а потомъ резолюція та посланнику Женуескому не объявлена, хотя въ самомъ дѣлѣ намѣреніе отправленія войска не отставлено. Можетъ статься, что число баталіоновъ будетъ прибавлено. О дѣлѣ Юлія и Берга никакого движенія не чинится; и трактатъ Вѣнскій еще не вершился, понеже Сардинскій дворъ требовалъ видѣть поправленный экземпляръ прежде, нежели къ трактату приступитъ. Самъ посолъ того двора признаетъ неважность сего требованія, которое однакожъ удовольствовано, и скоро отвѣту и послѣдней резолюціи того двора ожидаютъ. Его Королевское Величество только вчерась пріѣхалъ въ мѣстечко Ламьетъ, и завтра къ вечеру въ Версаль возвращается.

При семъ прилагаю точную копію съ реляціи бывшаго здѣсь въ 1717 году цесарскаго посла графа Кенигсега, въ которой церемоніялъ здѣшняго двора, касающійся пословъ, столь пространно и обстоятельно описанъ, что трудно что къ нему прибавить. Премѣны случившейся въ королевской фамиліи и другія малыя околичности только отмѣнить нужно, что впредь при отправленіи другаго описанія здѣшняго этикета примѣтить не премину. Между тѣмъ та реляція, надѣюсь, довольно служить можетъ, и извинитъ мое замедленіе, понеже на спхъ дняхъ, какъ Ваше Императорское Величество изъ моихъ реляцій усмотрѣть изволили, много письма было.

За симъ препоручаю себя въ высочайшую Вашего Императорскаго Величества милость, всенижайше требуя Вашего Импе-

раторскаго Величества всеподданнѣйшій рабъ князь Антіохъ Кантемиръ.

Изъ Парижа. Генваря $^{22}/_{11}$ дня 1739.

X.

Выписка изъ депеши князя Кантемира.

Малтійскому послу не оставлю сообщить Вашего Императорскаго Величества высочайшій отвѣтъ на сообщенную мнѣ отъ него меморію о письмѣ гранъ-мейстера къ Вашему Величеству.

Между тѣмъ только новаго всенижайше донесть имѣю, что Его Королевское Величество завтра даетъ въ Версалѣ публичный балъ, нарядный какъ здѣсь зовутъ (bal paré:) и съ маскерами. Первый начнется въ 6 часовъ по полудни и продолжаться будетъ до ужина; а съ полночи до утра будетъ балъ въ маскерахъ. Забава сія, будучи въ Его Величества царствованіе новая, не мало сей городъ увеселила, и всѣ знатные господа и дамы готовятъ богатыя платья. Чужестраннымъ министрамъ отъ вводителя посольскаго присланы билеты въ слѣдующей силѣ: что дается имъ знать, что Его Величество даетъ балъ въ Версали, гдѣ будетъ изготовлена лавка для пословъ. Попеже сная повѣстка не содержитъ прямое званіе къ тому балу, послы находятся въ затрудненіи какъ при семъ случаѣ поступать, ибо нѣкоторые изъ нихъ слышали, что для принцовъ крови въ залѣ бала будутъ поставлены табуреты, которая розница имъ такова кажется, чтобъ затѣмъ при томъ балѣ не присутствовать; но ежели и принцы крови имѣть будутъ лавку (banc), то князь Лихтенштейнъ на оный балъ идти намѣренъ, и можетъ быть, и другіе послы образцу его будутъ слѣдовать столь свободнѣе, что при такихъ случаяхъ межь послами о преценденціи спору нѣтъ, садяся всякій на мѣсто, которое порожнѣе найдетъ, такъ что кто прежде пришелъ, тотъ выше садится. Попеже я аудіенцію имѣю получить на другой день того бала, и не могу при ономъ присутствовать за неизвѣстіемъ своего характера, ибо при Его Величествѣ до полученія аудіенціи, по здѣшнему скитету, посломъ себя почитать не могу, хотя отъ Его Величества министровъ въ томъ характерѣ уже признанъ. Сверхъ же того посольскій вводитель ко мнѣ какъ другимъ посламъ билету не присылалъ. Буде сіе учинилъ нарочно, не оставлю принести приличныя жалобы статскому

секретарю, который до сѣхъ поръ еще мнѣ контравизиту не отдалъ.

За симъ препоручаю себя въ высочайшую Вашего Императорскаго Величества милость, всепижайше пребывал Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшій рабъ князь Антіохъ Кантемиръ.

Изъ Парижа. Генваря $^{25}/_{14}$ дня 1739.

XI.

Державнѣйшая императрица и самодержица, государыня всемилостивѣйшая!

Въ прошедшій вторникъ, то-есть 27-го сего, я имѣлъ у короля, у королевы, у делфина и у принцессъ, королевскихъ дочерей, свои приватныя аудіенціи въ характерѣ Вашего Императорскаго Величества чрезвычайнаго посла, введенъ будучи ко всѣмъ чрезъ господина Вернеля вводителя господина Дела-Турнель.

Его Величество находился въ своемъ кабинетѣ, стоя на ногахъ и имѣя по правую кардинала Де-Флерія, а по лѣвую сторону статскаго секретаря господина Амелота. Вшедъ я въ оный кабинетъ, и вводитель вонъ выступя, двери за мною заперъ. Тогда я, по учиненіи трехъ обыкновенныхъ поклоновъ, отправилъ Его Величеству короткую рѣчь (съ которой при семъ прилагаю копію) и подалъ Его Величеству вашу вѣрующую грамоту въ собственныя руки. Его Величество принявъ оную отдалъ статскому секретарю, и мнѣ отвѣтствовалъ слѣдующія слова: прошу васъ обнадежить царицу о моей дружбѣ; и съ тѣмъ я отпущенъ. Вышедши изъ кабинета, чрезъ вводителей былъ провожень въ посольскую залу, откуда къ аудіенціи поведенъ былъ, и сіе обстоятельство сохранено при всѣхъ четырехъ аудіенціяхъ. По окончаніи королевской карета моя ведена въ ограду, называемую де-Лувръ, во знакъ принятія поссесіи посольскаго характера, понеже министрамъ втораго ордена въ ту ограду въѣзжать не дозволяется. Понеже понедѣльничный балъ причиною былъ, что королева не прежде двухъ часовъ по полудни пробудилась, при моей у Ея Величества аудіенціи кардиналъ не присутствовалъ. Ея Величество имѣла при себѣ статскаго секретаря чужестранныхъ дѣлъ и своихъ придворныхъ дамъ и кавалеровъ, когда я къ ней въведенъ въ кабинетъ чрезъ двухъ вводителей. Я обнадежилъ Ея Величество о Вашего Императорскаго Величества особливомъ почтеніи и дружбѣ, прося отъ себя парти-

кулярно, чтобъ мнѣ дозволила свою милость во время моего пребыванія при здѣшнемъ дворѣ, въ какой силѣ были мои рѣчи къ делфину и принцессамъ, королевскимъ дочерямъ (которыхъ двѣ только я имѣлъ честь видѣть, понеже третья не домогаетъ корью). Ея Величество приказала мнѣ благодарить Вашему Императорскому Величеству за являемую къ ней дружбу и обнадежить васъ о Ея особливомъ почтеніи, которое искать станетъ при всѣхъ случаяхъ вамъ засвидѣтельствовать. Не стану утруждать Ваше Императорское Величество подробнымъ описаніемъ обстоятельствъ другихъ моихъ двухъ аудіенцій, понеже ни въ чемъ съ королевною не рознятся, и паипаче, что во всемъ точно я слѣдовалъ здѣшнему этитету, котораго при семъ прилагаю первые два листа сколько переписать было можно, имѣя впредь продолженіе онаго чрезъ всякую почту посылать, пока совершится. Не могу однакожь преминуть всенижайше Вашему Императорскому Величеству донесть делфиновъ отвѣтъ на мою рѣчь, который по его лѣтамъ гораздо примѣтенъ. Оный состоялъ въ сихъ словахъ: я васъ прошу благодарить царицу за данный мнѣ отъ нея знакъ дружбы: вы будете свидѣтелемъ моихъ почтительныхъ сентиментовъ къ Ея Величеству во время вашей резиденціи при дворѣ короля моего отца.

Сколько жь господина Вогренана касается, господинъ Амелотъ не только мнѣ, но и за обѣдомъ публично объявилъ, что онъ въ февралѣ мѣсяцѣ отсюда отъѣдетъ, и не только мнѣ еще подтвердилъ, что онъ Вогренанъ посломъ объявленъ, но и обѣщалъ приказать въ здѣшней газетѣ то въ будущую субботу напечатать: а другаго формалитету къ объявленіюословъ здѣсь не имѣется. къ тому жь меня удостовѣрилъ, что въ тотъ самый вечеръ имѣлъ совсѣмъ вершить опредѣленіе жалованія господина Вогренана, отъ котораго приготовленія его завислтъ. Онъ господинъ Амелотъ по сю пору визиты мнѣ не возвратилъ, и о неисправности въ томъ я ему чрезъ подводителя впушилъ; извинялся, что онъ на другой день послѣ моей визиты намѣренъ былъ ко мнѣ пріѣхать, но господинъ кардиналъ позвалъ его въ Исси и оттуда отвезъ въ Версаль, гдѣ дѣла его до сѣхъ поръ остановили, но какъ скоро можетъ отъ дѣлъ оторваться, нар чно пріѣдетъ въ Парижъ, чтобъ исполнять свою ко мнѣ должность.

Въ послѣдней моей я Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше доносилъ, что король 26-го сего давалъ публичный балъ, къ которому я одинъ изъ чужестранныхъ министровъ не званъ. Вводитель посольскій тому въ извиненіе мнѣ представилъ, что

онъ не могъ какъ прочимъ посламъ о томъ балѣ повѣстку мнѣ учинить, понеже я тогда еще не имѣлъ при королѣ характеръ посольскій, а въ знакъ учтивства не прилично чаялъ мнѣ чрезъ слугу о томъ балѣ дать знать, какъ учинено прочимъ министрамъ безъ характера. (Ибо посламъ повѣстка чинена чрезъ самого вводителя; посланникамъ чрезъ биллетъ отъ подвводителя; всѣмъ прочимъ, не выключая цесарскаго полномочнаго министра, безъ всякой церемоніи сказано чрезъ слугу вводительскаго, что при дворѣ будетъ балъ, и что для нихъ мѣста найдутся:) Тотъ резонъ, который мнѣ отъ господина кардинала, не ожидал еще о томъ отъ меня представленія, подтвержденъ, показался мнѣ столь основателенъ, что прилично чаялъ о томъ болѣе не упоминать, и уповаю, что Ваше Императорское Величество всемилостивѣйше изволила мой поступокъ апробовать. Всѣ другіе послы (кромѣ англицкаго и неапольскаго, которыхъ болѣзнь въ домахъ держитъ) при томъ балѣ присутствовали, но весьма недовольны приключившимся безпорядкомъ въ означенныхъ имъ и принцамъ крови мѣстахъ. Я имѣлъ честь въ покорнѣйшей моей послѣдней реляціи доносить, что посламъ было объявлено, что имѣть будутъ при томъ балѣ лавку съ правой королевской руки, и что слухъ носился, что для принцовъ крови поставлены будутъ табуреты. Послы тогда въ домѣ португальскаго господина Дакунья согласились было, что если тотъ о табуретахъ слухъ основателенъ явится, и они въ залѣ бала тѣ табуреты увидятъ, имѣютъ вонъ выйдти и возвратиться въ Парижъ. Князь же Лихтенштейнъ отъ себя написалъ письмо къ вводителю Вернелью, требуя о томъ изъясненія, и вводитель письменно же ему отвѣтствовалъ въ генеральныхъ терминахъ, что не будетъ никакого затрудненія межь послами и принцами крови. Для того послы всѣ въ назначенный часъ явились въ залу бала, и сѣли на свою лавку какъ кому случилось способнѣе, опричь цесарскаго и гишпанскаго посла, которые пришедъ нарочно ранѣе другихъ сѣли съ конца лавки, который къ королю былъ ближе. Какъ скоро балъ начался, принцы крови сѣли на табуретахъ, которые поставлены были позади королевскаго стула, и тѣмъ недовольны, двое изъ нихъ табуреты свои такимъ образомъ впередъ выдвинули, что совсѣмъ прикрыли цесарскаго и гишпанскагоословъ. Уже послы заранѣе предусмотрѣли было, что принцы крови межь собою совѣтовали и потомъ шептали съ сестрою дюка Бурбона, и отъ того догадывались, что имѣютъ какое намѣреніе имъ посламъ въ семъ случаѣ досадить. Потому гишпанскій посолъ какъ скоро усмотрѣлъ, что

принцы садятся на табуреты, довольно громкимъ голосомъ сказалъ другимъ посламъ, что уже безсумнительно, что балъ сей отправляется церемоніально противно обнадеживаніямъ, учиненнымъ отъ министровъ французскихъ, и объявилъ, оборотясь къ принцу Лихтенштейну, что онъ какъ первый посолъ долженъ дать образецъ, которому всѣ другіе слѣдовать будутъ; но цесарскій посолъ, не безъ причины сумнѣваяся, что гишпанскій столь охотно ему первенство уступаетъ въ намѣреніи учинить его двору здѣшнему не пріятнымъ и лишить королевской конфиденціи, которою Его Величество особливо до сѣхъ поръ его чтитъ, заблагоразсудилъ не вставать съ своего мѣста и не чинить никакого шуму, котораго образцу и прочіе всѣ послѣдовали. На другой день послы между собою прилично признали, чтобъ о случившемся безпорядкѣ никакой жалобы формально не приносить, но постороннимъ разговоромъ кардиналу дать знать, что приключившееся не должно въ примѣръ служить будущимъ баламъ и другимъ подобнымъ праздникамъ, и то для того что, какъ я имѣлъ честь выше упомянуть, отъ самого кардинала удостовѣрены были, что балъ сей имѣетъ отправляться безъ всякой церемоніи. Одинъ гишпанскій посолъ тою резолюціею недоволенъ, и вчерась мнѣ говорилъ, что еслибъ онъ не былъ посолъ фамиліи королевской, никогда бы не терпѣлъ такого безчестія отъ принцевъ крови и зналъ бы какъ противъ того протестовать. Я по моему счастію отсутствіемъ своимъ отъ бала свободился и отъ несходства и отъ его слѣдствій, и потому во всемъ дѣлѣ никакого участія не принимаю; буде же впредь послы похотятъ какой протестъ противъ сего приключенія учинить, и я долженъ буду учинить съ ними общее дѣло для предостереженія преимуществъ Вашего Императорскаго Величества.

Впрочемъ курьеры изъ Мадрида съ ратификаціею на конвенцію того двора съ англійскимъ здѣсь въ пятницу въ вечеру $^{23}/_{12}$ сего пріѣхали, и сіе одно отъ здѣшнихъ дѣлъ къ извѣстію Вашего Императорскаго Величества достойно обрѣтаю, и препоручаю себя въ высочайшую Вашего Императорскаго Величества милость, всенижайше пребывая Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшій рабъ князь Антіохъ Кантемиръ.

Изъ Парижа. Генваря $^{29}/_{18}$ 1739.

Копія съ рѣчи, отправленной отъ меня королю $^{27}/_{16}$ сего января 1739 года.

Sire!

J'ai l'honneur de me présenter aujourd'hui devant Votre Majesté

en qualité d'ambassadeur extraordinaire de l'impératrice ma souveraine, parceque Votre Majesté l'a souhaité.

Dès que Sa Majesté Impériale ait apris vos intentions là-dessus, elle n'a point examiné mon mérite, mais elle a embrassé avec plaisir l'occasion pour vous prouver son estime et son vrai desir à cultiver votre amitié.

Je m'estimerai extrêmement heureux, si par ma conduite je puis mériter la grace, que ma souveraine vient de me faire, et la bienveillance de Votre Majesté, qui en est la cause.

XII.

Державнѣйшая императрица и самодержица, государыня всемилостивѣйшая!

Давно уже подозрѣніе было, что здѣшній дворъ искусно поддувалъ огонь разгласія межъ гишпанскимъ и англійскимъ, и что въ слѣдствіи того французскій посолъ въ Мадридѣ старался всевозможное препятство приносить къ оставленію ратификаціи того двора на конвенцію съ англійскимъ, вѣдая сколько смущенія имѣло произойдти въ нынѣшнемъ засѣданіи англійскаго парламента, еслибы та ратификація не была отъ гишпанскаго двора дозволена. Министерство англійское въ томъ случаѣ весьма мало бы себѣ обороны имѣло противъ своихъ непріятелей, которые не оставили бы ему порекать чрезмѣрныя національныя издержки, учиненныя при вооруженіи сильнаго флота, и то безъ всякой пользы: и народный шумъ могъ бы столько прибавиться, что министерство имѣло бы на силу времени о своихъ дѣлахъ думать, оставляя на сторону чужестранныя. О семъ слухѣ я Вашему Императорскому Величеству до сѣхъ поръ доносить удержался, желая обстоятельно увѣдать, сколь онъ основателенъ, и къ чему министерства здѣшняго въ томъ намѣреніи клонятся. На сихъ дняхъ я чрезъ надежнаго человѣка увѣдомленъ, что господина Дела-Маркъ инструкціи подлинно главнѣйшимъ концемъ имѣли, чтобъ дворъ своей резиденціи не допустить къ примиренію съ англійскимъ; и для поспѣшествованія того повелѣно ему являть великую склонность здѣшняго двора къ возобновленію тѣсной дружбы съ гишпанскимъ и къ укрѣпленію сроднического союза чрезъ сугубый бракъ дельфина съ принцессою Гишпанскою Терезою, и дона Филиппа съ первою принцессою французскою. Господинъ Дела-Маркъ отчасти до сѣхъ поръ въ исполненіи тѣхъ инструкцій былъ удачливъ, такъ остановленіемъ выше-

помянутой ратификаціи, какъ и произведеніемъ негоціяціи о сугубомъ бракѣ, который уже такъ далеко произведенъ, что благоразсудные здѣсь люди не сумнѣваются, что данный отъ короля публичный балъ намѣренъ былъ для объявленія помянутыхъ браковъ, но нечаянныя приключившіяся затрудненія то объявленіе остановили.

Если бы тотъ бракъ имѣлъ состояться, первая кондиція здѣшняго двора была, что донъ Филиппъ имѣлъ бы пріѣхать сюда или подвинуться на границы французскія для совершенія брака съ Французскою принцессою: предосторожности, которыя кардиналъ нужны чаялъ, дабы не подать королевѣ Гишпанской способъ къ отсылкѣ французской принцессы назадъ въ отмщеніе учиненнаго ей стыда подобною отсылкою инфанты во время правленія дюка Бурбона. Подлинно не извѣстно какія суть затрудненія, которыя дѣло сіе остановили, но здѣсь догадуются, что причина тому тотъ требуемый поступокъ отъ донъ Филиппа, на который королева Гишпанская не охотно склоняется, не меньше же незапное отправленіе часто помянутой ратификаціи, о которой господинъ Дела-Маркъ не имѣлъ никакого извѣстія до самаго отъѣзду курьера изъ Мадрита. Безсумнительно, что министерству здѣшнему вѣдомость о томъ была весьма непріятна, видя себя не только съ королевою Гишпанскою обманутымъ, но и отчасти по меньшей мѣрѣ на время препятствованы свои замыслы. Сихъ замысловъ намѣреніе есть 1) соединиться на крѣпко съ Гишпанскимъ домомъ къ предостереженію себя противъ всякаго союза государей протестантскихъ; 2) чрезъ оное соединеніе препятствовать пріумноженію англійскаго комерція къ распространенію своего, такъ въ Европѣ, какъ и въ Индіяхъ. Для того, какъ здѣсь разсуждаютъ, вступилъ Французскій дворъ въ обязательства съ Шведскимъ дворомъ, которыми ему руки связалъ, и тоже съ Дацкимъ учинить ищетъ. Я не оставлю впредь прилежно наблюдать слѣдствія сихъ происхожденій и Вашему Императорскому Величеству благовременно объ оныхъ доносить, столь наипаче, что оныя не малую связность имѣютъ съ интересами цесарскими, и слѣдовательно, съ вашими.

Впрочемъ господинъ Амелотъ былъ у меня въ самое то время какъ я писалъ послѣднюю свою покорнѣйшую реляцію; но мой человѣкъ по данному отъ меня для всѣхъ приказу сказалъ ему, что меня дома нѣтъ, и потому съ нимъ не видался. Ничего новаго о дѣлахъ шведскихъ и турецкихъ настоящею Вашему Император-

скому Величеству доносить не имѣю, пока съ нимъ въ будущій вторникъ увижусь.

Всѣмъ чужестраннымъ министрамъ я о принятіи посольскаго характера по обыкновенію повѣстилъ, и отъ всѣхъ визиты получивъ, имъ возвратилъ. Отъ большей части, а наипаче посланники меня въ домѣ не застали, такъ что они не могутъ судить, дозволялъ ли имъ у себя правую руку или нѣтъ.

За симъ отъ здѣшнихъ дѣлъ ничего болѣе къ извѣстію Вашего Императорскаго Величества достойнаго не имѣя, препоручаю себя въ высочайшую Вашего Императорскаго Величества милость, всенижайше пребывая Вашего Императорскаго Величества всенижайшій рабъ князь Антіохъ Кантемиръ.

Изъ Парижа. $\frac{\text{февраля 1-го}}{\text{января 21-го}}$ дня 1739.

XIII.

Выписка изъ депеши.

Въ покорнѣйшей моей реляціи, подъ № 13, я всенижайше Вашему Императорскому Величеству доносилъ о приключившемся безпорядкѣ на данномъ отъ короля балѣ 26-го января межь принцами крови и послами, и что сіи тогда не чаяли нужно какую формальную протестацію противъ того чинить; но потомъ князь Лихтенштейнъ, опасаясь, чтобъ отъ своего двора не былъ дезапробованъ, наипаче если описанныя въ помянутой моей покорнѣйшей реляціи гишпанскаго посла рѣчи будутъ увѣданы, просилъ всѣхъ пословъ съѣхаться для совѣту къ португальскому, гдѣ вчерась мы всѣ и были. Въ томъ собраніи соглашенось, что князь Лихтенштейнъ долженъ отъ себя именемъ всѣхъ обрѣтаемыхъ здѣсь пословъ написать письмо господину Амелоту для протестованія противъ приключившагося вышепомянутаго безпорядка. То письмо при томъ сочинено, и чрезъ князя Лихтенштейна имѣетъ быть всякому послу прислана съ онаго копія, дабы всякъ порознь могъ оное прилежно разсмотрѣть и учинить свои ремарки; а послѣ завтра при полномъ же пословъ собраніи въ домѣ португальскаго принять послѣднюю резолюцію, чтобъ князь Лихтенштейнъ въ состояніи былъ то письмо статскому секретарю вручить въ будущій вторникъ. Я нарочно не вступаю въ подробное описаніе того письма, чтобъ [illegible] Ваше Императорское Величество не утруждать, если

BIBL

въ немъ какую отмѣну учинятъ, а чрезъ будущую почту съ оного копію приложу при покорнѣйшей моей реляціи. Между тѣмъ всенижайше прошу высочайшимъ своимъ указомъ меня снабдить, какимъ образомъ мнѣ себя весть съ цесарскимъ посломъ въ случаяхъ прецеденціи, которыя никакимъ бы образомъ убѣжать не можно: всѣ другіе послы безъ изъятія цесарскому первенство вездѣ дозволяютъ въ отсутствіи папскаго нунція [1]).

О чинимой отъ статскаго секретаря чужестранныхъ дѣлъ контравизитѣ посламъ я отъ другихъ пословъ прилежнѣе увѣдомився, слышу, что многимъ, а именно: венеціянскому, сардинскому, гишпанскому, такимъ же образомъ чинена, какимъ мнѣ господинъ Амелотъ оную учинилъ, что есть—безъ предъидущей повѣстки; а англійскому бывшій Шовелинъ совсѣмъ визиты не возвратилъ, подъ претекстомъ, что хранитель печатей визиты ни кому не возвращаетъ. Извиненіе то неосновательно, ибо только канцлеру здѣшнему то преимущество невозвращенія визиты дозволено, для чего послы къ нему никогда не ѣздятъ.

Extrait de la réponse de Mr. de Verneuil sur la démande, que Mr. le prince de Liechtenstein lui a faite, si les princes du sang auraient des tabourets au bal, auquel cas les ambassadeurs ne pourraient pas avoir l'honneur de s'y trouver.

Monsieur!

J'ai rendu compte à son eminence, de ce que votre excellence m'a fait l'honneur de me dire ce matin, et je crois par ce qu'elle a repondu, que Mes-s les ambassadeurs peuvent venir demain au bal, sans craindre la difficulté, qui faisait balancer votre excellence. Elle en est peut-être déjà informée par le retour de M-r de la Mina à Paris etc.—A Versailles, ce soir, du 25 Janvier.

Du Prince de Lichtenstein à M-r Amelot.

Je me suis chargé de la part de tous les ambassadeurs, qui ont l'honneur d'être auprès de S. M. T. C. de marquer à V. Ex. leur sensibilité et leur reconnaissance de la bonté que sa Majeste leur a temoignée en leur faisant marquer une place au bal qu'ils ont été fort empressés de remplir, comme ils le seront dans toutes les occasions ou il s'agira de faire leur cour à sa M-té et de leur donner des temoignages de leur respect; la confiance que M. de Verneuil a donné

[1]) Велѣно и ему тоже дѣлать. *Д. Б.-К.*

par les eclaircissemens, qui sont contenus dans la lettre, dont l'extrait est ci-joint, avoient assuré qu'il n'arriveroit rien de la part de Messieurs les princes du sang, qui pût nous donner lieu d'avoir le moindre regrêt de notre empressement, ni de faire des représentations, dont nous avons le chagrin de ne pas pouvoir nous dispenser sans manquer au devoir dans lequel nous sommes de repondre de notre conduite à nos maitres. Cette obligation si connue par votre excellence la persuadera qu'on ne peut pas passer sous silence la demarche qui a été faite par Messieurs les princes du sang, qui se sont mis sur des tabourets contre notre attente et les ont placés devant les ambassadeurs. Cele ne leur a pas échappés et ils se sont d'abord adressés a M. de la Tournelle, pour lui faire remarquer qu'ils n'etoient pas décemment placés. M. de la Tournelle en avertit immediatement M. de Verneuil, qui repondit tout haut, qu'on alloit tout arranger dans le moment. Ce qui n'a eu aucun effet. Et comme nous sommes très persuadés que Messieurs les princes du sang se sont écartés de l'intention de S. M. et que nous pouvons nous flatter, que le roi voudra donner ses ordres, pour prevenir les conséquences qu'on pourroit en tirer au prejudice des ambassadeurs, nous prions votre excellence de vouloir nous procurer les precautions qui peuvent nous mettre à couvert du blame de nos cours.

XIV.

Державнѣйшая императрица и самодержица, государыня всемилостивѣйшая!

Чрезъ послѣднюю почту я имѣлъ честь получить Вашего Императорскаго Величества всемилостивѣйшій рескриптъ отъ 13-го января, подъ № 4, съ приложеннымъ при немъ экстрактомъ изъ промеморіи святѣйшаго синода въ Вашего Величества кабинетъ о обрѣтаемомъ въ Лондонѣ священникѣ Варфоломеѣ, и прочее. По оному высочайшему Вашего Императорскаго Величества указу имѣю всенижайше донесть, что сколько помянутаго священника касается, объявленныя на него порѣченія отъ іеродіакона Симеона Номика не основательны. Священникъ Варфоломей во всю бытность мою въ Лондонѣ службу Божію отправлялъ порядочно, и если по смерти архимандрита Геннадія случился когда безъ помощника, то было недобровольно, понеже никто къ нему, ни дьячекъ, ни дьяконъ до сѣхъ поръ не былъ присланъ. Отправленныя при обѣднѣ отъ него проповѣди ни мало соблазну и смѣху не чи-

нили, и буде онъ не собою ихъ сочинялъ, кажется, не достоинъ хулы, что трудами своими ихъ собиралъ изъ другихъ книгъ. По англійски онъ пишетъ и говоритъ какъ урожденный Англичанинъ; по французски говоритъ же, но не такъ исправно и что больше примѣтно такимъ образомъ выговариваетъ, что не можно надѣяться, чтобъ онъ родомъ былъ Француженинъ; на противу въ греческомъ простомъ языкѣ пронунціяція его совсѣмъ киперская, которого острова уроженецъ онъ сказывается; стараго греческаго языку и латинскаго не чаю чтобъ совершенно умѣлъ, однако не могу сказать, чтобъ онъ тѣ два языка и разумѣлъ. Уборъ его всегда бывалъ черпеческій, такъ по утру какъ послѣ обѣда, и часто за тѣмъ уборомъ, а наипаче за бородою въ улицахъ народъ за нимъ собирался.

Сколько же состоянія церкви касается, Ваше Императорское Величество изъ моихъ прежнихъ всеподданнѣйшихъ реляцій изъ Лондона всемилостивѣйше изволите усмотрѣть, что на содержаніе оной какъ священника и всѣхъ служителей дается имъ отъ Вашего Императорскаго Величества жалованье пять сотъ рублевъ въ годъ. Публичной церкви греческаго исповѣданія никакой въ Лондонѣ нѣтъ, но отправляется служба Божія въ домѣ, нанятомъ изъ вышепомянутой суммы, которая понеже гораздо невелика, и домъ тотъ весьма малъ, такъ что съ трудомъ архимандритъ Геннадій съ попомъ Варфоломеемъ вмѣщался. А греческаго исповѣданія прихожанъ аглицкой націи на силу 10 человѣкъ соберется; отъ времени же до времени пребываютъ Греки пристаней Средиземнаго моря, всѣмъ же, такъ Гречанамъ какъ и самымъ Англичанамъ въ ту церковь входить никакого запрещенія нѣтъ и быть не можетъ, понеже нѣтъ противъ того акту парламентскаго.

По нынѣшнему состоянію греческаго исповѣданія Англіи, и по числу людей того исповѣданія, публичная церковь и великое число служителей въ оной не столько нужно. Но понеже со временемъ при пребываніи министра съ стороны Вашего Императорскаго Величества при Аглицкомъ дворѣ, еслибы россійскіе купцы для своего собственнаго добра повадились сами свои товары въ Лондонъ возить, могло бъ случиться, что число правовѣрныхъ въ томъ городѣ умножилось бы, и въ такомъ случаѣ, какъ святѣйшій правительствующій синодъ весьма нарядно разсуждаетъ, потребно бы было для вящшей славы Вашего Императорскаго Величества указать построить въ Лондонѣ церковь, или большой домъ нанять для отправленія службы Божіей, и опредѣлить архимандрита и другихъ служителей какъ

святѣйшій синодъ представляетъ. Но тогда потребно будетъ жалованіе Вашего Императорскаго Величества гораздо прибавить, а именно не меньше трехъ тысячъ рублей: нынѣшнее же съ трудомъ становится на содержаніе двухъ служителей, какъ явно изъ посланныхъ отъ попа Варфоломея росписей расхода, которыя приложены были при одной изъ моихъ покорнѣйшихъ реляцій изъ Лондона. Но со всѣмъ тѣмъ необходимо нужно ему попу Варфоломею прислать спомощника, паипаче, что вашему министру прилично имѣть своего капелана.

Впрочемъ о состояніи господина Бонака и еще за важнѣйшими дѣлами, которыя почти все время мое занимаютъ, обстоятельно увѣдомиться не могъ. А о негоціяціи трактата межь Англицкимъ дворомъ и здѣшнимъ я отъ самаго милорда Валграфа извѣстился, что намѣреніе того трактата есть не ограниченіе областей двухъ націй въ Америкѣ, но вольность ихъ торгу, понеже въ прошлыхъ годахъ съ обѣихъ сторонъ губернаторы тамошнихъ острововъ взаимно арестовали торговые корабли подъ претекстомъ, что въ респективныхъ портахъ торговали запрещенными товарами, и отъ того происходили отъ обоихъ дворовъ частыя жалобы одинъ на другаго, какъ я имѣлъ честь Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше во свое время изъ Лондона доносить: симъ новымъ трактатомъ означены будутъ пристани къ которымъ въ областяхъ такъ Французскихъ, какъ Англицкихъ въ Америкѣ торговые корабли обѣихъ націй въѣзжать могутъ для торгу, и поставлено будетъ до какого разстоянія къ берегамъ тѣхъ областей приближаться могутъ свободно, и въ какой высотѣ, какъ говорятъ, моря могутъ быть конфискованы. Уже о всемъ томъ межь нимъ милордомъ Валграфомъ и здѣшними министрами согласенось, и еще трактатъ въ совершенство придти не могъ, понеже остается очистить англицкую претензію объ одномъ кораблѣ, арестованномъ въ Мартиникѣ, котораго счетъ милордова болѣзнь довершить не допустила; но теперь онъ чаетъ, что все дѣло скоро къ концу приведено будетъ.

О господинѣ Вогрепанѣ, такъ кардиналъ, какъ Амелотъ мнѣ повторили, что опредѣленіе его желанія совсѣмъ совершено, и что сами его понуждать станутъ, чтобъ поспѣшилъ отъѣздомъ; для чего я еще господину Амелоту напомянулъ о дачѣ ему полныхъ инструкцій и полной мочи о дѣлахъ турецкихъ, и повторилъ внушенія свои о титулѣ императорскомъ. Первое онъ Амелотъ учинить обѣщался; а на второе мнѣ сказалъ, что Его Королевское

Величество станетъ по образцу цесарскому употреблять старшинный титулъ, такъ что буду искать другую способнѣйшую оказію для повторенія своихъ о томъ предложеній, когда кардиналъ успокоитъ всѣ свои сумнительства. Онъ кардиналъ меня просилъ, чтобъ увѣдомиться обрѣтаемая въ Санктпетербургѣ церковь католическая на чьемъ коштѣ построена и подъ чью протекціею? Ибо графу Вогренану сказано, что она принадлежитъ цесарскому министру, и потому чаетъ что ему не прилично будетъ въ той церкви второе мѣсто занимать, для чего требуетъ, чтобъ ему опредѣлена была особливая капелла, а кардиналъ знать то желалъ бы ласти 12.000 франковъ, которыя обыкновенно послам на содержаніе капеллы даются. Я не былъ въ состояніи кардиналу дать желаемое о томъ извѣстіе, хотя не оставилъ его удостовѣрить, что господинъ Вогренанъ можетъ во всей вашей имперіи капеллу свободно имѣть и буде съ собою священника вести не намѣренъ, въ Петербургѣ легко найдти можетъ, и то для того учинилъ, чтобъ еще за симъ о церкви сумнительствомъ здѣсь онъ не останавливался. А Ваше Императорское Величество всеподданнѣйше прошу всемилостивѣйше указать дать мнѣ способъ для удовольствованія кардинала любопытства.

За симъ ничего иного отъ здѣшныхъ дѣлъ къ доношенію Вашему Императорскому Величеству не имѣя, препоручаю себя въ высочайшую Вашего Императорскаго Величества милость и всенижайше пребываю Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшій рабъ князь Антіохъ Кантемиръ.

Изъ Парижа, февраля $^{19}/_{8}$-го дня 1739.

Réponse de Mr. Amelot à la lettre, que M. le prince de Liechtenstein lui écrivit au nom de tous les ambassadeurs.

Monsieur!

J'ai reçu la lettre que Votre excellence m'a fait l'honneur de m'écrire au sujet de ce qui s'est passé au bal que sa Majesté a donné à Versailles. Ces sortes de fêtes, Monsieur, n'ont jamais été regardées comme des cérémonies reglées, et sa Majesté a décidé que Messieurs les princes du sang se tiendraient auprès de sa personne dans les places qui se rencontroient, sans en avoir aucune de marquée. Vous comprenez aisement, Monsieur, que dans une assemblée aussi nombreuse, où il n'y avoit de places reservées que celles de Messieurs les ministres etrangers. tout le reste s'est fait au hazard; que

rien n'a été premedité, et ne peut être tiré en consequence. Messieurs les ambassadeurs ne doivent pas douter de l'attention qu'aura toujours sa Majêsté pour tout ce qui est dû à leur caractère.

Je suis très parfaitement etc.

à Versailles. Ce 19 fevr. 1739.

Симъ письмомъ всѣ находившіеся при Французскомъ дворѣ послы остались довольны, кромѣ гишпанскаго, который желалъ бы, дабы въ оном̀ именно было означено, что принцы крови въ подобныхъ праздникахъ не будутъ сидѣть на табуретахъ.

XV.

Выписка изъ депеши.

Сколько принадлежитъ до двойственнаго брака, Ваше Императорское Величество всемилостивѣйше изволили изъ предъидущихъ моихъ усмотрѣть прогрессъ того дѣла, наипаче изъ послѣдней, что оное хотя оставлено однакожъ не пресѣчено. Если бы въ тотъ день вѣдомости Версальскія сюда не поздно дошли, и еслибъ прежніе образцы не подали причину не совсѣмъ имъ довѣрять, я бы могъ Вашему Императорскому Величеству позитивно донесть о вершеніи того дѣла, ибо въ тотъ самый день 22-го сего Его Королевское Величество по окончаніи совѣта объявилъ заключеніе брака донъ-Филиппова съ первою своею дочерью, и такъ послы гишпанскій и неапольскій, какъ и всѣ придворные, тогда жь Ихъ Величества, делфина и принцессъ съ тѣмъ поздравляли. Чужестраннымъ министрамъ о томъ знать не дано, и потому мы третьяго дня довольствовались всѣ вмѣстѣ явиться у Ихъ Величества, у делфина и у принцессъ, не чиня никакого комплимента. Для сей оказіи Его Величество и делфинъ принимаетъ отъ короля Гишпанскаго орденъ золотого руна, чего Французскіе короли за нѣсколько вѣковъ не чинили. Принцесса отсюда отъѣдетъ 6-го будущаго августа, и на рубежахъ Гишпанскихъ донъ-Филиппъ ея супругъ пріѣдетъ въ стрѣчу для полнаго довершенія того брака. А между тѣмъ маркп Дела Мина учинитъ формальное требованіе принцессы, и чаятельно, что Его Величество въ сговорѣ самъ репрезентовать будетъ донъ-Филиппа. Делфиновъ бракъ еще здѣсь таятъ, однакожъ уже безсумнительно, что и объ оном̀ соглашенось. По всему должно ожидать, что сія вѣдомость въ Англіи пріятна быть не можетъ, и временемъ не весьма полезна и самому цесарскому двору явится,

хотя теперь кажется, что сіе новое примиреніе не противно Его Императорскаго Величества интересамъ, ибо Гишпанскій дворъ дѣйствительно склоняется приступить къ Вѣнскому трактату, и какъ мнѣ отъ самаго цесарскаго посла сообщено, уже и о формулярѣ акта акцессіи соглашенось, который—буде могу достать, впредь къ Вашему Императорскому Величеству отправлю.

XVI.

Выписка изъ депеши.

Впрочемъ отъ здѣшнихъ дѣлъ только къ извѣстію Вашего Императорскаго Величества достойнаго нахожу, что 2-го сего прибывши изъ Рима, куріеръ привезъ кардинальскую скуфью архіепископу Амбренскому Тансейну; та почесть ему за 10 лѣтъ тому назадъ исходатайствована была отъ аглинскаго претендента; но здѣшній дворъ въ совершенство привесть до сѣхъ поръ не допустилъ, понеже бывшій тогдашній печатей хранитель Шовелинъ ему архіепископу былъ недругъ, почитал его однимъ во всемъ королевствѣ, который бы могъ въ министерствѣ занять его мѣсто. Въ томъ Шовелиновое мнѣніе согласно со общимъ здѣсь всѣхъ благоразсудныхъ людей, да и подлинно высокую степень, въ которомъ онъ Тансейнъ, подлыхъ родителей сынъ, возвышенъ, долженствуетъ своему острому уму и своей прилежности въ защитѣ папской грамоты, которая извѣстна подъ именемъ Унигенитусъ; по сей послѣдней околичности онъ здѣсь много пріятелей имѣетъ, не мало же и недрузей, а самъ человѣкъ проворный и высокомышленный, такъ что многіе думаютъ, что если король по смерти кардинала Флерія пожелаетъ имѣть перваго министра, онъ Тансейнъ можетъ того чина добиться; въ томъ случаѣ нужно ожидать многія такъ внутри, какъ и внѣ государства возмущенія, понеже человѣкъ онъ спыльчивый и въ дерзновенныхъ замыслахъ Шовелину ни въ чемъ не уступаетъ.

XVII.

Державнѣйшая императрица и самодержица, государыня всемилостивѣйшая!

Чрезъ послѣднюю почту я имѣлъ честь получить всемилостивѣйшій Вашего Императорскаго Величества рескрипт отъ 3-го февра-

ля подъ № 7 съ приложенными при немъ Вилленевовымъ письмомъ и меморіею отъ 14-го декабря. На другой день я, бывъ въ Версалѣ, имѣлъ съ господиномъ кардиналомъ довольно долгую конференцію, которой съ моей стороны намѣреніе было, чтобъ 1) отнять ему подозрѣніе, происшедшее отъ сообщенія его письма обрѣтаемому при вашемъ дворѣ шведскому министру, 2) чтобъ склонить его къ сообщенію копій съ Вилленевовыхъ писемъ, 3) чтобъ сколько возможно еще высмотрѣть его прямое намѣреніе въ дѣлѣ турецкой негоціаціи; но онъ свои рѣчи такимъ образомъ учреждалъ и такими противорѣчіями примрачилъ, что я отъ всего того разговору ничего точно заключить не въ состояніи, какъ Ваше Императорское Величество сами усмотрѣть изволите изъ подробнаго описанія того разговора, которымъ нарочно нужно я чаялъ Ваше Императорское Величество утрудить. При входѣ къ нему я тѣмъ началъ, что господинъ Амелотъ многократно обѣщалъ мнѣ сообщить копіи съ Вилленевовыхъ писемъ; напослѣдокъ мнѣ ту надежду письменно отнялъ, и понеже показанная того въ письмѣ его причина гораздо слаба, я прямо вижу, что сумнѣніе, которое мнѣ онъ господинъ кардиналъ въ послѣдней конференціи открылъ, есть истинный резонъ, для чего помянутыя копіи мнѣ не сообщаются; для того его кардинала покорно прошу, чтобъ изволилъ мнѣ прямо объявить, какое его письмо или паче письма при Вашего Императорскаго Величества дворѣ шведскому министру сообщены, понеже я, нарочно всѣ его письма изслѣдовавъ, ничего въ нихъ не нахожу чтобъ къ огорченію Шведскаго двора противъ здѣшняго служить могло, и потому крѣпко надѣюсь, что еслибы онъ кардиналъ соизволилъ откровенно мнѣ себя изъяснить, я бы въ состояніи былъ подозрительство его успокоить и безсумнительно ему показать, что съ Вашего Императорскаго Величества стороны весьма чистосердечно съ нимъ кардиналомъ поступается. На то господинъ кардиналъ, оставляя предложенія мои на сторону, отвѣтствовалъ, что онъ прямо вѣдаетъ о сообщеніи его письма при Шведскомъ дворѣ, и понеже де онъ не любитъ искать ссоръ (il n'est pas tracassier), лучше де о томъ больше не говорить, паче, что онъ за тѣмъ свой истинный поступокъ и прямую дорогу не отмѣняетъ. Потому, сказалъ тогда я ему, не должно имѣть трудность въ сообщеніи мнѣ копій съ писемъ Вилленевовыхъ, которое требованіе весьма праведно, понеже Ваше Императорское Величество, съ крайнею конфиденціею королю препоручивъ свои интересы, не можетъ инако быть увѣдомлены въ какомъ состоя-

нін находятся; да къ тому же не только при всѣхъ медіяціяхъ обыкновенно всѣ касающіяся дѣлу піесы интересованнымъ сторонамъ сообщаются, но и онъ самъ до сѣхъ поръ никогда Вилленевовыхъ писемъ не отказывалъ. На то кардиналъ отвѣчалъ, что господинъ Вилленевъ самъ Вашему Императорскому Величеству доносилъ подробно о состояніи его негоціяціи; что въ письмѣ его къ здѣшнему двору ничего сверхъ посланной къ вамъ меморіи не содержится, и что если прежъ сего трудности не имѣлъ копіи съ нихъ давать, теперь научился исправлять прежнія свои погрѣшенія. Я на сіе послѣднее ему представилъ, что напрасно изволилъ бы исправлять свои поступки, понеже подлинно погрѣшенія въ нихъ не было, и наипаче повторяя свои домогательства, чтобъ склонить его къ сообщенію тѣхъ писемъ, сказалъ мнѣ, что онъ удивляется, что я его о томъ прошу, когда уже всѣ тѣ письма были въ рукахъ цесарскихъ министровъ 4 недѣли, прежде нежели здѣсь видѣны; что я могу требовать оныя отъ князя Лихтенштейна, которому позволеніе дастъ оныя мнѣ сообщить, но что самъ отъ себя никакихъ копій давать впредь не хочетъ. Сіе уже онъ предъ симъ дважды мнѣ былъ сказалъ, и я не премпнулъ тогда же цесарскимъ министрамъ тѣ слова сообщить, которые оба съ присягами мнѣ утверждали, что господинъ кардиналъ мнѣ въ томъ на нихъ напрасно затѣялъ, понеже ихъ двору и имъ ничего отсюда не сообщено, и отъ Вилленева, кромѣ его меморіи и письма графа Спинендорфа, другого не прислано. По тому я на вышеписанное кардиналу объявилъ князя Лихтенштейна изъясненія, стараясь ему доказать, что цесарскіе министры не въ состояніи сообщить мнѣ Вилленева письма, понеже оныхъ не имѣютъ; но онъ повторилъ мнѣ на то, что Вѣнскій дворъ всѣ въ своихъ рукахъ имѣлъ прежде здѣшняго, убѣгая растолковать, что разумѣетъ тѣмъ: всѣ въ своихъ рукахъ имѣлъ. Ибо хотя то правда, что пакетъ Вилленевовъ былъ въ Вѣнѣ, однакожь не чаю, чтобъ отъ цесарскихъ министровъ былъ распечатанъ, и князя Лихтенштейна я такимъ честнымъ человѣкомъ почитаю, что не могу сумнѣваться, чтобъ онъ хотѣлъ отъ меня что утаить, и въ томъ еще я дѣйствительно увѣрился, какъ Ваше Императорское Величество ниже сего усмотрѣть изволитъ. Потому опасаюсь, что господинъ кардиналъ тако меня отсылкою къ цесарскимъ министрамъ искалъ межь нами какое разгласіе ввесть, или по меньшей мѣрѣ не имѣя добраго резону сей напрасно употребилъ, притомъ я примѣчаю не малое несходство въ томъ, что самъ трудность имѣетъ копіи сообщить и

въ то же время позволяетъ цесарскимъ министрамъ тѣ же копіи сообщать, также что Вилленевъ сверхъ меморіи ничего не доноситъ, однакожь его доношенія сообщать не можетъ. Кончилъ онъ о тѣхъ письмахъ, что подлинно копію мнѣ сообщить не хочетъ, и въ томъ де подражаетъ образцу цесарскаго и Вашего Императорскаго Величества двора, понеже де ему до сѣхъ поръ не извѣстно, что отъ графа Спицендорфа на послѣднее доношеніе Вилленевово отвѣтствовано, и великій визирь первую объекцію ему Вилленеву представилъ, что отъ вашего двора ему полныя мочи не даны, и все ваше намѣреніе истинно не открыто. Второе уже подозрѣніе, котораго ябеда совсѣмъ явна, и для того не трудно мнѣ было опровергать, представя ему, что сколько цесарскаго двора касается, оставляю отвѣтствовать князю Лихтенштейну, а о Вашего Императорскаго Величества поступкахъ твердо его могу обнадежить, что онъ ошибается въ своемъ разсужденіи, понеже не можно будетъ доказать, чтобъ хотя одна строка во всей сей негоціяціи ему кардиналу съ вашей стороны была утаена, и для доказательства того ему объявлялъ, что я въ своихъ рукахъ имѣю всѣ піесы, принадлежащія къ сей негоціяціи безъизъятно, и прошу, чтобъ онъ мнѣ объявилъ, какую онъ до сѣхъ поръ изъ нихъ не видалъ, обѣщаясь въ будущей вторникъ привезти къ нему въ Версаль. И понеже на то онъ ничего не отвѣтствовалъ, я еще прибавилъ, что весьма смѣху достойно было бы утаить отъ него кардинала тѣ письма, которыя всѣ проходились сквозь руки Вилленевовы, когда я имѣлъ честь ему вручить многія при письмахъ вашего кабинетнаго министра и тайнаго дѣйствительнаго совѣтника графа Андрея Ивановича Остермана, изъ которыхъ нѣкоторыя Вилленевовы руки миновали, и напаче въ послѣдній разъ письма отъ Волоскаго господаря къ генералу Румянцову, которыя порта отъ Вилленева сама утаить хотѣла. Не имѣя что на то говорить, вдругъ всталъ меня спрашивать, отправилось ли Ваше его Императорскаго Величества войско на помочь цесарю, понеже де слухъ носится, что та помочь уже отъ васъ отказана за препятствомъ съ польской стороны, и вмѣсто того Ваше Императорское Величество даетъ цесарю милліонъ рублей (вѣдомость которую цесарскіе министры отъ двора своего чрезъ куріера получили); я на то ему кардиналу отвѣтствовалъ, что Вашего Императорскаго Величества указами ко мнѣ о томъ дѣлѣ давно уже не упоминается, и я совсѣмъ непзвѣстенъ такъ о супротивленіи полскомъ, какъ и о принятой потому Вашего Императорскаго Величества резолюціи;

а здѣсь тожь слышалъ, что онъ господинъ кардиналъ изволилъ сказать, и партикулярно разсуждаю, что буде Поляки учиненіемъ конфедераціи проходу войску препятствовать намѣрены, трудно будетъ оное отправить, не будучи подлинно ваше намѣреніе Польшѣ войну объявить, ни цесарскаго двора желать, чтобъ приходящее къ нему на помочь войско принуждено было противъ иного, кромѣ Турковъ, воевать. На что кардиналъ безъ всякаго съ моей стороны къ тому побужденія, повторилъ мнѣ уже учиненныя увѣренія, помянутыя въ моей покорнѣйшей реляціи подъ № 20, что здѣшній дворъ въ Польшѣ никакой корреспонденціи не имѣетъ; что уже Его Величество никакого дѣла съ тѣмъ королевствомъ, котораго де правленіе столь безпорядочное, имѣть не хочетъ, и сверхъ того, что и король Станиславъ никакой переписки въ томъ королевствѣ не содержитъ, и распространился отчасти въ выхваленіи благополучнаго нынѣшняго состоянія его короля Станислава; представилъ мнѣ географическую карту Крыма и Украйны, печатанную въ Санктпетербургѣ, прося ему растолковать дорогу, которую бы ваше войско идти имѣло для соединенія съ цесарскимъ, и симъ любопытствомъ долгое время препроводилъ, ничего болѣе о дѣлахъ не разсуждая:—обыкновенный его поступокъ въ такіе разговоры вступать, когда о дѣлахъ говорить не склоненъ! Предъ выходомъ спрашивалъ меня, нанялъ ли я себѣ дворъ, что уже во сихъ поръ многократно мнѣ повторялъ, всегда однакожь со мною заключая, что въ здѣшнемъ городѣ нелегко дворъ сыскать. То мнѣ слово отъ слова случай подало припомянуть ему объ отъѣздѣ Вогренановомъ, и онъ еще подтвердилъ, что со всею возможностію его принуждаетъ поспѣшить тѣмъ отъѣздомъ, но господинъ де Вогренанъ великія претензіи имѣетъ, о которыхъ приказалъ де Амелоту изъяснить ему, сколь невозможно ихъ исполненіе, и надѣется, что господинъ Вогренанъ впредь будетъ резонабельнѣе.

Послѣ свиданія съ кардиналомъ видѣлся я съ господиномъ Амелотомъ, съ которымъ также имѣлъ долгой разговоръ въ томъ же намѣреніи, которое при началѣ моей покорнѣйшей реляціи изображено. О сообщеніи копій писемъ Вилленсовыхъ онъ Амелотъ мнѣ сказалъ, что подлинно въ доношеніи Вилленсовомъ, кромѣ его меморіи и писемъ къ графу Спицендорфу и къ помянутому вашему кабинетному министру, ничего не содержится, такъ что онъ самъ удивляется, для чего кардиналъ не позволяетъ и съ того его весьма неважнаго доношенія копію сообщить; что ему также не меньше удивительно, на чемъ основаны кардинальскія мнѣ объявленныя

подозрѣнія, ибо де, какъ я разсуждаю его письма къ вашему кабинетному министру и тайному дѣйствительному совѣтнику графу Андрею Ивановичу Остерману ничего не содержатъ, что бъ всему свѣту объявлять не можно было, и ему никакое письмо принадлежащее къ турецкой негоціяціи съ стороны Вашего Императорскаго Величества не извѣстно, которое бы кардиналу не было сообщено, и не только особливо мнѣ, но и въ присутствіи господина Шмерлинга, который нарочно то требовалъ, меня увѣрилъ, что отъ него цесарскимъ министрамъ ни здѣсь, ни въ Вѣнѣ послѣдняго Вилленевага письма не сообщено, и его Вилленевовъ пакетъ хотя въ Вѣну прибылъ чрезъ цесарскаго куріера, однакожь тамо тотчасъ не распечатанъ вручень французскому секретарю; и напослѣдокъ обѣщалъ мнѣ стараться кардинала удостовѣрить, что помянутыя его подозрѣнія излишны, и отнять его безпокойство. Я свои рѣчи съ статскимъ секретаремъ не описываю, будучи того жь содержанія съ разговоромъ моимъ въ конференціи съ кардиналомъ.

Господинъ Амелотъ также мнѣ спрашивалъ, подлинно ли съ вашей стороны цесарю военная помочь отказана, и я ему тожь что̀ кардиналу отвѣтствовалъ; и онъ еще мнѣ подтвердилъ, что С. Северинова доношенія ни о какихъ военныхъ въ Швеціи приготовленіяхъ, или хотя о намѣреніи къ войнѣ не упоминаютъ. Изъ всего вышеписаннаго Ваше Императорское Величество изволитъ усмотрѣть, сколь невозможно изъ кардинальскихъ словъ какому здравому разсужденію основаніе получить, и трудность та наипаче умножается несогласіемъ въ рѣчахъ статскаго секретаря съ кардиналомъ; правда, что такой ихъ прикрытый поступокъ можетъ подать подозрѣніе о ихъ какомъ-либо потаенномъ намѣреніи, но только на догадкахъ основано будетъ, и сверхъ того ослабеніе кардинальской обыкновенной остроты, и склонность его къ менажированію шведскаго и турецкаго дворовъ никакимъ образомъ противное заключить понуждаютъ; должно бы имѣть дѣла яснѣе, изъ которыхъ бы смѣло можно удостовѣрить, о его потаенномъ или лукавомъ намѣреніи; вѣрныя копіи съ доношеній Вилленева и Сентъ-Северина, какъ и посылаемыхъ къ нимъ указовъ къ тому изрядно служить бы могли, да я никакой дороги не вижу, которою бы тѣ достать было можно. И я бы Вашего Императорскаго Величества указъ преступилъ, еслибъ безразсудно отважилъ свою конфиденцію непзвѣстнымъ персонамъ и тѣмъ открылъ свое подозрѣніе; потому принужденъ еще ожидать способнаго случая, чтобъ пріискать какой надежный къ тому себѣ способъ.

Впрочемъ о гишпанскаго двора акцессіи къ трактату Вѣнскому послѣ отправленія моей покорнѣйшей реляціи подъ № 23, никакого вновь извѣстія изъ Мадрида не получено, и кардиналъ мнѣ самъ сказалъ, что графъ, дела Маркъ теперь прилежно старается, чтобъ отнять того двора требованіе, которымъ желаетъ, чтобъ изъ мирнаго трактата выключенъ былъ артикулъ, коимъ подтверждаются прежніе трактаты, но еще де онъ Дела Маркъ не доноситъ сколько въ немъ прогрессу учинилъ. По всѣмъ изъ Лондона письмамъ народъ аглицкой весьма не доволенъ послѣднею конвенціею съ гишпанскимъ дворомъ, и господа Валполи весьма искусны и счастливы будутъ, если прошедшія по тому дѣлу возмущенія могутъ успокоить. Дюкъ-д'Аргайлъ и милордъ Скарборо, двѣ весьма важныя особы, противъ двора въ парламентѣ объявились, и при послѣднемъ засѣданіи въ верхней каморѣ придворная сторона только седмью голосами одолѣла. Худыя предзнаменанія, которыя ничего счастливаго министрамъ не обѣщаютъ: и если до объявленія войны тамъ дойдетъ, сумнѣваться не должно, что здѣшній дворъ съ гишпанскимъ учинитъ общее дѣло, которое бы было приключеніе цесарскимъ интересамъ не мало полезное, безъ того какъ я имѣлъ честь уже Вашему Императорскому Величеству доносить. Хотя теперь кажется цесарскій дворъ получитъ нѣкую пользу отъ заключаемыхъ въ Бурбонскомъ домѣ браковъ; современемъ сія новая межь французскимъ и гишпанскимъ дворомъ связность не много добра обѣщаетъ.

О Рагоціи я ничего не упоминаю, не имѣя ничего объ немъ новаго доносить, какъ и о негоціяціи милорда Волграфа, которая еще къ концу не пришла. Въ Лондонѣ уже не гораздо тайно, что Ваше Императорское Величество заключаетъ союзъ съ Аглинскимъ дворомъ, потомъ легко та вѣдомость сюда перейдти можетъ, и какъ безсумнительно, будетъ непріятна. Всеподданнѣйше прошу Ваше Императорское Величество наставить меня при случающихся о томъ вопросахъ, какимъ образомъ мнѣ себя вести.

За симъ препоручаю себя въ высочайшую Вашего Императорскаго Величества милость, всенижайше пребывая Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшій рабъ князь Антіохъ Кантемиръ.

Изъ Парижа, марта 13/1-го дня 1739.

XVIII.

Выписка изъ депеши.

Ваше Императорское Величество всемилостивѣйше позволитъ исполнить мнѣ свою рабскую должность, всенижайше донося, что я здѣсь по сю пору живу на постоломъ дворѣ, слѣдовательно, не могу жить здѣсь какъ прилично. Первое не въ характерѣ посольскомъ, понеже не зная, сколь долго имѣю здѣсь прожить, не въ состояніи заводиться экипажемъ, домомъ, служителями и столомъ потребнымъ на нѣсколько мѣсяцевъ. По прибытіи въ здѣшній городъ такое житіе извинить можно, понеже всѣмъ новопріѣзжающимъ министрамъ обыкновенно, и что въ зимнее время трудно двора пріискать; еслибы еще продлиться имѣло—подастъ причину къ различнымъ толкованіямъ къ нѣкакому предосужденію высочайшей вашей славы, ибо скудости или экономіи приписать могутъ то, что отъ другихъ обстоятельствъ происходитъ. Для точной причины не упоминая о моемъ собственномъ безпокойствѣ и лишнихъ издержкахъ въ такой неизвѣстности, смѣлость принялъ всеподданнѣйше вышеписанное Вашему Императорскому Величеству представить, ожидая впрочемъ высочайшаго Вашего Императорскаго Величества указу о наемѣ двора въ Копніенѣ, гдѣ прочіе послы дѣйствительно домы нанимаютъ; нѣкоторые уже наняли, и проч.

XIX.

Въ реляціи камергера и чрезвычайнаго посла князя Антіоха Кантеміра, изъ Парижа отъ $^{28}/_{15}$-го марта 1739 г. написано:

По отправленіи моей послѣдней покорнѣйшей реляціи, я имѣлъ честь получить Вашег Императорскаго Величества два всемилостивѣйшіе рескрипта отъ 17-го февраля подъ № 9 и 10; послѣдній всемилостивѣйшій отвѣтъ на мое донотеніе, касающееся кардинальскаго нареканія о сообщеніи его письма шведскому министру при вашемъ дворѣ; понеже то его подозрительство, имѣло потомъ худыя слѣдствія, какъ Ваше Императорское Величество изволили усмотрѣть изъ моихъ покорнѣйшихъ предъидущихъ реляцій. Я въ самомъ началѣ моей послѣдней съ нимъ въ Версали конференціи исполнилъ Высочайшій Вашего Императорскаго Величества указъ,

и такъ содержимыми въ немъ доводами, какъ и другими къ дѣлу приличными, крайне старался его увѣрить, что ни при вашемъ дворѣ, ни чрезъ вашего министра въ Стокгольмѣ никакого сообщенія его кардинальскихъ писемъ не только шведскому двору, но никому другому, кромѣ Вѣнскому, не чинено, и обнадеживая его о томъ именемъ Вашего Императорскаго Величества, еще пространно ему изъяснилъ, что такое сообщеніе Вашего Императорскаго Величества интересамъ никакой пользы принести бы не могло, что Ваше Императорское Величество не только ни мало когда намѣренія не имѣли французскій дворъ при шведскомъ привесть въ подозрительство, но напротивъ тѣмъ больший кредитъ ему желаетъ, сколь подлиннѣе обнадежены, что оный вашимъ интересамъ полезенъ и межь прочимъ Ваше Императорское Величество истинную склонность сохранять съ королемъ прямую дружбу и оную наипаче изъ дни въ день утвердить и пріумножить.

Не оставилъ я притомъ увѣрить его кардинала о особливой Вашего Императорскаго Величества къ нему эстимѣ, и съ какою конфиденціею изволите полагаться на его правотушіе, по сему съ своей стороны съ нимъ какъ до сѣхъ поръ откровенно поступали, такъ и впредь поступать имѣете, для чего отъ него особливо желаете, чтобъ не изволилъ всякимъ посторонним внушеніямъ вѣру давать, понеже безсумнительно многіе, завидуя доброму согласію межь Вашимъ Императорскимъ Величествомъ и королемъ, найдутся готовы ложными вымыслами искать оное разорвать.

На сіи мои рѣчи, которыя я вкратцѣ вмѣстѣ собралъ въ разныхъ предложеніяхъ и отвѣтахъ, кардиналъ мнѣ объявилъ, что онъ особливое высочайшее почтеніе имѣя о Вашего Императорскаго Величества истинно императорскихъ добродѣтеляхъ, и наипаче увѣренъ будучи о вашемъ праводушіи и во всѣхъ своихъ поступкахъ чистосердечномъ постоянствѣ, полную вѣру подастъ всему тому, что я Вашего Императорскаго Величества именемъ объявляю и слѣдовательно не сумнѣвается, что Ваше Императорское Величество никогда не изволили приказывать его кардинальское письмо въ Швеціи или министру шведскому при вашемъ дворѣ сообщать; но съ другой стороны также сумнѣваться не можетъ, что часть одного его письма подлинно въ Стокгольмѣ явилась, ибо та часть ему кардиналу оттуда прислана, и онъ ее читалъ; со всѣмъ де тѣмъ, какъ онъ прежде мнѣ говорилъ, такъ и теперь подтверждаетъ, что сіе малое несходство не сильно отмѣнить его истинное намѣреніе о употребленіи всѣхъ своихъ силъ въ

исполненіи своихъ обѣщаній; понеже Его Королевское Величество истинно и безпристрастно желаетъ съ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ содержать добрую дружбу, и что кромѣ того тишину сѣверную признаетъ полезною самой Швеціи, а прекращеніе Турецкой войны не отмѣнно нужно для исполненія собственныхъ Его Величества намѣреній, то есть, для генеральнаго всей Европы покоя.

При чемъ онъ распространялся въ похвалахъ Вашего Императорскаго Величества, заключая, что по данному отъ Вашего Величества позволенію, онъ всегда впредь мнѣ безъ убиновенія объявлять станетъ всякое подозрѣніе, которое бы ему родиться могло, согласно со мною признавая, что злобные люди могутъ нарочно или при вашемъ дворѣ, или ему внушенія чинить, завидуя доброму согласію межь Вашимъ Императорскимъ Величествомъ и королемъ.

На что я особливо ему изъяснилъ, что онъ подлинно не будетъ каяться о являемой къ Вашему Императорскому Величеству полной конфиденціи, понеже таково всегда отъ васъ того употребленіе учинено будетъ, чтобъ онъ паче увѣрился о истинныхъ доброжелательныхъ Вашего Императорскаго Величества септиментахъ; разсуждая ему впрочемъ, что положеніе двухъ государствъ таково, что одно другому вреда искать не имѣетъ, и еще меньше дѣйствительно вредить можетъ, а напротиву взаимно себѣ могутъ быть полезны, и согласіе двухъ воровъ тишину Европейскую утвердить сильно, не подая благоразсуднымъ никакой опасности.

На сіе онъ мнѣ отвѣтствовалъ, что разсужденіе мое весьма основательно, и кромѣ того онъ особливо пользу двумъ народамъ усматриваетъ отъ комерціи, которую межь ними распространить можно; и сіе причину мнѣ даетъ думать, что въ началѣ его кардинальское намѣреніе предлагать какой-либо трактатъ комерціи, для чего впредь при пристойныхъ оказіяхъ лучше его мнѣніе высмотрѣть не премину.

Въ заключеніе моего разговору о сей матеріи, я ему сказалъ, что понеже усмотрѣваю, что онъ уже обнадеженъ, что прежнія его подозрительства были изгнаны, и что учиненныя отъ меня часто ему увѣренія счастіе имѣли подтверждены быть именемъ Вашего Императорскаго Величества, я уповаю, что впредь изволитъ полную конфиденцію мнѣ дозволить и потому уже не откажетъ мнѣ сообщеніе писемъ Вплленевовыхъ, которыя впредь получитъ, обѣщаваясь ему заранѣе, что тѣ письма у Вашего Императорскаго

Величества хранены будутъ такимъ образомъ, что никогда никто ни строки въ нихъ не увидитъ, выключая всегда цесарскій дворъ, понеже дѣла сіи Вашему Императорскому Величеству съ вашимъ союзникомъ общія, и что онъ кардиналъ отъ Его Императорскаго Величества ничего самъ не таитъ. На сіе онъ улыбнулся, отвѣтствуя, что еще того мнѣ обѣщать не можетъ, но впредь де о томъ со мною поговоритъ.

По семъ вступили мы въ разговоръ о дѣлахъ Турецкихъ; началъ онъ тѣмъ, что князь Лихтенштейнъ сообщилъ его цесарскаго величества ультиматумъ, и я при томъ ему давъ знать, что и Вашего Императорскаго Величества изъ дня въ день ожидаю, онъ мнѣ сказалъ, что подружески намъ совѣтуетъ, какъ скоро я свои инструкціи получу, согласиться прилежно съ княземъ Лихтенштейномъ (какъ уповаетъ, что Вашимъ Императорскимъ Величествомъ и цесаремъ уже учинено), дабы чинимыя отъ двухъ высочайшихъ союзническихъ дворовъ предложенія были сходныя и неотмѣнныя, которыя отъ него къ Вилленеву посланы будутъ, съ такими наставленіями, которыми Ваше Императорское Величество и цесарскій дворъ будетъ довольны; помянутое де согласіе для того неотмѣнно нужно, что случившееся до сѣхъ поръ малое несходство межъ предложеніями двухъ союзническихъ дворовъ причину подало Портѣ думать, что не трудно будетъ ихъ разлучить и привесть одинъ изъ двухъ къ сепаратному миру. Для сего де мирныя негоціяція безполезны продолжались, а когда она Порта усмотритъ, что высочайшіе союзники такъ сильно согласны, что союзъ ихъ разорвать никакимъ образомъ невозможно, тогда легче будетъ ее склонить къ резонабельнымъ кондиціямъ, паипаче же если цесарское войско хотя малое счастіе въ будущей кампаніи получитъ; при семъ онъ вступилъ въ долгое разсужденіе о порядкѣ, въ которомъ бы оное цесарское войско воевать было должно, гораздо осуждая поступокъ цесарскихъ генераловъ въ прежнихъ компаніяхъ въ раздѣленіи войска на малыя части, и слово за словомъ дошелъ до Вашего Императорскаго Величества обѣщаннаго цесарю помочнаго войска, разсуждая, что теперь, имѣя еще обстоятельнѣйшее донощеніе отъ Сентъ-Северина, что никакого намѣренія о воспыхъ замыслахъ въ Швеціи не имѣютъ, Ваше Императорское Величество (по его точнымъ словамъ) не можетъ праведно цесарю отказать исполненіе своего обѣщанія. При семъ случаѣ впервой онъ столь откровенно свое мнѣніе о сей матеріи мнѣ объявилъ, и что паипаче меня удивило, еще повторилъ, что данныя Вашему

Императорскому Величеству извѣстія о возмущеніяхъ шведскихъ и о негоціяціи того двора при Портѣ неосновательны. На оное я ему кардиналу отвѣтствовалъ, что Ваше Императорское Величество твердое намѣреніе имѣетъ нераздѣльнымъ быть съ своимъ союзникомъ, и ультиматумъ вашъ безсумнительно будетъ произведенъ съ согласія цесарскаго двора; что о помочномъ войскѣ я отъ Вашего Императорскаго Величества двора никакого наставленія не имѣю, но то за подлинно вѣдаю, что если не учинится какое важное препятство тому войску, Ваше Императорское Величество никогда не оставитъ не исполнено свое обѣщаніе; а здѣсь слышу, что республика Польская намѣрена всѣми своими силами не допустить проходъ тому войску сквозь свои области, и хотя я признаваю, что Поляки супротивляться вашему оружію не сильны, однакожъ чаю, и самъ его цесарское величество требовать того не будетъ, чтобъ ваше войско начало войну съ Поляками, понеже отъ того никакой пользы общимъ интересамъ произойдти не можетъ что впрочемъ сколько замысловъ шведскихъ касается — Ваше Императорское Величество мнѣ повелѣли его кардинала благодарить за домогательства Сентъ-Северинова его поступкамъ; что его радѣтельствомъ, правда, дѣла въ сеймѣ не въ такомъ движеніи, какъ прежде были, и что явно военныхъ пріуготовленій не видятся; но во всемъ томъ онъ кардиналъ позволитъ мнѣ ни мало не сумнѣваться, что не только тѣ военные замыслы въ секретной коммиссіи имѣлись, но и дѣйствительно негоціяція министровъ шведскихъ при Портѣ продолжается, о чемъ Ваше Императорское Величество сильно удостовѣрены, для чего еще его кардинала прошу, чтобъ господину Вилленеву указалъ наблюдать поступки помянутыхъ шведскихъ министровъ и турецкимъ внушить, сколь мало пользы отъ шведскаго двора Порта ожидать можетъ; понеже если господинъ Вилленевъ то не учинитъ, великій визирь льстить себѣ будетъ, отъ того союза такія слѣдствія, которыя напаче сего огордить могутъ, и слѣдовательно миръ удалится. На то онъ мнѣ отвѣчалъ, что онъ со мною признаетъ, что предложенія шведскія при Портѣ къ заключенію мира не полезны, и уже о томъ потребныя наставленія Вилленеву даны, къ которымъ трудно что ни есть сильнѣйшаго прибавить, хотя онъ не можетъ еще вѣрить, чтобъ Ваше Императорское Величество имѣли о томъ надежное извѣстіе, ибо Сентъ-Северинъ ни чего о томъ не упоминаетъ; а трудно думать, чтобъ онъ не былъ извѣстенъ о томъ, что въ коммиссіи секретной чинится. Я не смѣлъ далѣе вступать сему дока-

зывать, что онъ въ своемъ разсужденіи ошибается, дабы не подать ему какого знаку о тѣхъ письмахъ, которыя я въ своихъ рукахъ имѣю, для того я ему отвѣтствовалъ, что мнѣ ни мало не удивительно, что Сентъ-Северинъ о тѣхъ шведскихъ поступкахъ не извѣстенъ, ибо тамошніе безпокойные люди при первомъ учиненномъ ему Сентъ-Северину предложеніи, усмотрѣвши, что онъ не только ихъ намѣренію споспѣшествовать не склоняется, но напротиву своими поступками являетъ, сколь онъ радѣтельно ищетъ сохранить тишину сѣверную, прилежно отъ него свои поступки съ тѣхъ поръ таить стали. Таковыя рѣчи кардиналу были гораздо угодны и казался онными доволенъ, выхваляя благоразсудство его Сентъ-Северинова, и подтверждал мнѣ, что и впредь онъ неотмѣнно продолжать будетъ свои нынѣшніе поступки, прося Ваше Императорское Величество быть безопасна съ той стороны; не хотѣлъ я при томъ ему напомянуть о декларации желаемой при шведскомъ дворѣ, оставляя то къ другому случаю. Въ предбудущій, спречь, вторникъ попытаюсь предложить ему о той декларации, осторожно умѣряя свои слова, чтобъ не досадить его делпкатству, которое вы изволили примѣтить во многихъ случаяхъ.

Изъ всего нашего разговору съ кардиналомъ заключить можно, 1) что недовольство его, происшедшее отъ сумнѣнія, что письма его въ Швеціи сообщены отнято, и увѣренъ, что никакого потаеннаго намѣренія въ сторону Вашего Императорскаго Величества не было, но еще сумнѣніе осталось, что изъ тѣхъ писемъ какая часть въ Стокгольмѣ видѣна; 2) что намѣренъ по усмотрѣніи послѣднихъ предложеній Вашего Императорскаго Величества и цесарскихъ, отправить указы къ Вилленеву, дабы въ негоціяціи своей поступалъ съ большимъ радѣтельствомъ и смѣлостію, и 3) что безсумнительно вѣритъ, что во Швеціи всѣ военные замыслы отставлены, и потому Ваше Императорское Величество съ той стороны ни чего опасаться не должна. По всей же конференціи съ толикимъ особливымъ высокопочитаніемъ упоминалъ отъ Вашего Императорскаго Величества высочайшей особѣ, столько усердного желанія являлъ о предостереженіи интересовъ Вашего Императорскаго Величества и вашего союзника и со мною столь особливою учтивостію и ласкостію поступалъ, что оный день паипаче при немъ удачливымъ почитаю, и еслибъ неотмѣнно впредь того жъ поступка держался, трудно бы имѣть какого подозрительства о его намѣреніяхъ; но по несчастію дни его одинъ на другого не похожи, и можетъ быть въ будущій вторникъ отмѣну въ немъ найду. Съ статскимъ секре-

таремъ разговоръ мой о тѣхъ же матеріяхъ былъ въ той же силѣ, для чего я повтореніемъ того описанія Ваше Императорское Величество утруждать удержуся; особливо изъ его рѣчей имѣю всеподданнѣйше донесть, что по требованію князя Лихтенштейна имѣетъ отправится отсюда французскій куріеръ съ вышепомянутыми наставленіями къ господину Вилленеву. Князь Лихтенштейнъ хотѣлъ бы, чтобъ тотъ куріеръ не дожидался моихъ инструкцій, разсуждая, что Вашего Императорскаго Величества министры при Вѣнскомъ дворѣ могутъ сообщить вашу резолюцію, и оттуда прямо въ Константинополь съ тѣмъ куріеромъ отправить; господинъ Амелотъ напротиву желалъ бы подождать, пока увѣдаютъ здѣсь о той вашей резолюціи; я и объ одномъ и о другомъ своего мнѣнія имъ объявлять удержался, чтобъ не приключить какой напрасной остановки, столь наипаче, что не трудно другого куріера за первымъ послать. Статскій секретарь, между прочимъ, весьма любопытно хотѣлъ знать, какую деверзію Ваше Императорское Величество намѣрены учинить въ наступающей компаніи, на которое я много отвѣтствовать не могъ, кромѣ самой истины, то есть, что мнѣ о томъ Вашего Императорскаго Величества высочайшее намѣреніе неизвѣстно. Такъ ему статскому секретарю, какъ и господину кардиналу я не оставилъ дать знать по силѣ высочайшаго вашего указу, что для вящшаго оказательства вашей къ кардиналу конфиденціи немедленно чрезъ меня сообщить ему изволите о всѣхъ вашихъ поступкахъ въ Швеціи при нынѣшнихъ происхожденіяхъ, на что̀ кардиналъ совсѣмъ умолчалъ, а господинъ Амелотъ мнѣ сказалъ, что по письмамъ Сенть-Севериновымъ господинъ Бестужевъ чрезъ все время сейма покойно себя удержалъ.

Таковы были до сѣхъ поръ мои поступки вслѣдствіе Вашего Императорскаго Величества всемилостивѣйшихъ указовъ подъ № 8-мъ и 9-мъ, по которымъ и впредь съ радѣтельствомъ поступать не премину, пока совершенно отниму всѣ кардинальскія подозрительства, и склоню его къ исполненію Вашего Императорскаго Величества желанія, имѣя во свое время обстоятельно донести, что̀ впредь по тѣмъ моимъ домогательствамъ произойдетъ.

По высочайшему Вашего Императорскаго Величества рескрипту, подъ № 9-мъ, во всѣхъ случаяхъ цесарскому послу первенство безпорно уступать не премину; а что касается до проекта сообщеннаго при Вашего Императорскаго Величества дворѣ отъ Вѣнскаго для акцессіи вашей къ Вѣнскому трактату, я по тому жъ высочайшему указу потребныя объявленія учинилъ статскому секрета-

рю, который далъ мнѣ знать, что господинъ Мирепоа уже наставленъ и уполномоченъ для заключенія акцептаціи по вашей акцессіи; впрочемъ же, какъ Ваше Императорское Величество уже изъ предыдущихъ моихъ усмотрѣли, господинъ Амелотъ упоминалъ о двухъ проектахъ, сообщенныхъ здѣсь отъ Вѣнскаго двора, одинъ для акцессіи вашей, а другой для акцептаціи короля Французскаго, которые по его Амелотовымъ словамъ были не вовсе сходны, и Его французское Величество не имѣлъ ни какого затрудненія одного изъ тѣхъ двухъ проектовъ силы держаться. О всемъ томъ дѣлѣ уже довольно съ нимъ Амелотомъ и княземъ Лихтенштейномъ мы изъясненіе учинили (какъ всенижайше я доносилъ въ покорнѣйшей моей реляціи подъ № 18), такъ что въ томъ никакой остановки впредь произойдти не можетъ, развѣ какія новыя затрудненія приключатся.

О господинѣ Вогренанѣ статскій секретарь и господинъ кардиналъ мнѣ сказали, что еще послѣднюю резолюцію не приняли; а сей прибавилъ, что онъ сожалѣетъ о случившемся замедленіи, которому не онъ виновенъ, и проситъ меня, чтобъ я твердо надѣялся, что свое обѣщаніе немедленно исполнитъ. Статскій же секретарь сверхъ того меня обнадежилъ, что если вмѣсто Вогренана другой будетъ назначенъ, то выбрана будетъ особа знатная и такого состоянія, чтобъ по назначеніи своемъ въ 8 дней отсюда отъѣхалъ. Не хотѣли мнѣ объявить кого къ тому дѣлу намѣряютъ, а постороннимъ образомъ я увѣдалъ, что Вогренапово мѣсто заступитъ господинъ Лотрекъ, генералъ-лейтенантъ, недавно употребленный въ Швейцарахъ для примиренія случившагося тамъ бунта, человѣкъ, какъ слышу, знатной фамиліи, благоразсудный и въ дѣлахъ искусный, и я, не вѣдая высочайшее Вашего Императорскаго Величества мнѣніе о сей отмѣнѣ особъ, въ никакое разсужденіе о томъ съ министрами здѣшними не вступаю, ожидая всемилостивѣйшаго Вашего Императорскаго Величества о томъ наставленія.

Отъ здѣшнихъ дѣлъ имѣю всенижайше донесть, что на прошлой недѣлѣ гишпанскій и неаполитанскій посолъ получилъ указъ о заключеніи акцессіи ихъ государей къ Вѣнскому трактату, и дѣйствительно пишутся 6 экземпляровъ того трактата. Акцессія тѣхъ двухъ дворовъ, какъ мнѣ господинъ Амелотъ сказалъ, имѣетъ быть совсѣмъ сходна съ сардинскою. Въ тѣхъ же прошедшихъ дняхъ господинъ Дела Мина поднесъ королю орденъ золотаго руна для Его Величества и для делфина. Его Величество свой тот-

часъ на себя вздѣлъ и потомъ также на сына своего положилъ. Помянутый посолъ готовитъ свой экипажъ для въѣзду и публичной аудіенціи, при которой имѣетъ формально требовать принцессу королевскую дочь для Донъ-Филиппа.

Послѣ того какъ вѣдомость здѣсь дошла о удачѣ аглицкаго министра въ Копенгагенѣ, возобновилась здѣсь негоціяція голландскаго посла о возобновленіи трактата комерціи, который по сю пору былъ отложенъ разными требованіями здѣшняго двора, на которыя Статы Генеральные склониться не могли; теперь уже тотъ трактатъ имѣетъ быть сходенъ съ предыдущимъ и скоро здѣсь заключенъ будетъ. Аглицкій съ здѣшнимъ же дворомъ еще не подписанъ, какъ слышно для того, что милордъ Волграфъ ожидаетъ послѣдпюю резолюцію своего двора на приключившееся затрудненіе о оцѣнкѣ одного аглинскаго корабля, арестованнаго въ Мартинике, который тогда проданъ, а по сему трактату хозяиномъ того корабля деньги возвращены быть имѣютъ; понеже сіе затрудненіе не велико, чаятельно, что подписка трактата долго за тѣмъ не остановится.

Изъ Лондона чрезъ вчерашнюю почту вѣдомость пришла, что нижняя камора резолюцію приняла подать королю о сообщенной конвенціи адресъ въ равной силѣ, каковъ былъ верхней каморы, и та резолюція принята большествомъ 22 голосовъ съ придворной стороны, которое число являетъ важное умаленіе придворной стороны.

Слухъ о объявленіи Донъ-Филиппа королемъ Корспческимъ здѣсь отъ министровъ совсѣмъ опровергается, такъ что по видимому должно бы чаять, что бунтовщики тѣмъ себѣ здѣшній дворъ не склонятъ.

Понеже деньги мои начинаютъ мнѣ не доставать, и я еще кредитъ здѣсь не много имѣю, всеподданнѣйше Ваше Императорское Величество прошу указать заблаговременно учинить милостивѣйшее опредѣленіе о моемъ жалованьи и о переводѣ онаго, наипаче что скоро наступать имѣютъ поѣздки королевскія, и за ними праздники Донъ-Филиппова сговору, которые требуютъ не малое иждивеніе; и при томъ смѣлость пріемлю напомянуть о обрѣтаемомъ въ Лондонѣ Мазолевскомъ, который, тамъ живучи на своемъ одномъ жалованьи, въ весьма худомъ состояніи находится.

XX.

Въ реляціи камергера и чрезвычайнаго посла князя Антіоха Кантимира изъ Парижа отъ $^{10}/_{5}$ апрѣля 1739 году:

Въ прошедшій понедѣльникъ я имѣлъ честь получить Вашего Императорскаго Величества всемилостивѣйшій рескриптъ подъ № 12 отъ 10-го марта съ приложенными при немъ письмомъ къ господину кардиналу, съ копіею того письма и съ другого письма кардинальскаго, къ которому примѣчанія прибавлены, такъ же и приложенія къ сему; понеже тотъ пакетъ дошолъ ко мнѣ поздно, и не успѣлось разобрать цыфири прежде отъѣзду моего въ Версаль, я третьяго дня при вручении помянутаго письма господину кардиналу не могъ съ нимъ вступить въ пространный разговоръ о содержимыхъ въ высочайшемъ вашемъ указѣ дѣлахъ; для того еще вчерась въ Пети съ нимъ видился; во обоихъ тѣхъ свиданіяхъ я такимъ образомъ свой разговоръ велъ, чтобъ не вдругъ о семъ ему напоминать и не вступать вдругъ во всѣ подробности, понеже ясно усматривалъ, что не охотно вступаетъ въ разговоръ о томъ, что̀ касается подозрительства своего о сообщеніи части его письма шведскому министру, и что можетъ быть уже сожалѣетъ, что чрезмѣрно лишнія жалобы о томъ учинилъ. Сколько къ тому дѣлу принадлежитъ, вслѣдствіе высочайшаго Вашего Императорскаго Величества указа, я ему съ начала объявилъ, что Ваше Императорское Величество хотя имѣли обстоятельное извѣстіе о происхожденіяхъ при шведскомъ сеймѣ и о производимой шведской негоціяціи при Портѣ, однакожь за благо изобрѣли терпѣливо ожидать, чѣмъ того сейма замыслы кончатся, и никакого поступку противъ того при шведскомъ дворѣ не чинить, не упуская потребныя мѣры принимать для отвращенія непріятельской силы во свое время—не для того что Ваше Императорское Величество презираетъ силу той короны, но что надѣялись, что въ народѣ Шведскомъ радѣтельныя отечеству своему особы сами не допустятъ къ совершенству привести такія намѣренія, которыя самимъ шведскимъ интересамъ противны; что отъ Всевышняго помочи не отчаеваетесь въ случаѣ внезапнаго нападенія; что во свое время найдутся спомощники Вашего Императорскаго Величества праведныхъ поступковъ, и паипаче, что безопасность свою основали на учиненныя на господина кардинала обнадеживанія, на которыя изволите совсѣмъ полагаться; такой поступокъ Ваше Император-

ское Величество продолжали до самаго того времени, какъ самые шведскіе министры при вашемъ дворѣ о семъ дѣлѣ отозвались, и тогда имъ въ вышепомянутыхъ терминахъ изъясненіе учинено, выключая послѣднее; потомъ я пространнѣе старался кардинала увѣрить о Вашего Императорскаго Величества къ нему особливомъ почтеніи и конфиденціи, которая основана на извѣстномъ Вашему Императорскому Величеству его праводушіи; повторилъ ему многократно, что Ваше Императорское Величество съ нимъ всегда будетъ поступать съ крайнею откровенностію, и просилъ его, чтобъ на томъ твердо полагаясь, не подавалъ вѣры чинимымъ противъ того внушеніямъ, которыя безсумнительно происходятъ отъ такихъ людей, которые доброму согласію между Вашимъ Императорскимъ Величествомъ и королемъ завидятъ, и что для убѣжанія такого несходства всего бы полезнѣе употребить рефлексіи вашего перваго кабинетнаго министра, которыми письмо свое заключаетъ, понеже я благонадеженъ, что если онъ господинъ кардиналъ изволитъ по тѣмъ правиламъ разсмотрѣть помянутыя внушенія, легко узнаетъ ихъ несостоятельства и хитрость. Я здѣсь вмѣстѣ собралъ и сокращенно описалъ рѣчи свои, которыя въ конференціяхъ съ кардиналомъ перерывно говорены, принужденъ будучи часто матерію сію возобновлять, отъ которой кардиналъ безпрестанно искалъ слово удалять. На изъясненіе о поведеніи Вашего Императорскаго Величества въ дѣлѣ, касающемся шведскихъ замысловъ, кардиналъ почти никакого отвѣта мнѣ не далъ, кромѣ того, что еще повторилъ, что Сентъ-Северинъ никогда о производимой при Портѣ шведской негоціяціи не доносилъ, и во всѣхъ письмахъ своихъ теперь доноситъ, что въ Стокгольмѣ ни малѣйшаго виду нѣтъ къ военнымъ намѣреніямъ; когда же я напомянулъ о томъ, что сами шведскіе министры при вашемъ дворѣ отозвалися, господинъ кардиналъ показался тому удивляться и, заставя меня о томъ повторить, ничего болѣе не сказалъ, благодарствуя впрочемъ, что Ваше Императорское Величество въ семъ случаѣ изволили конфидентно ему открывать весь свой поступокъ по тому дѣлу, и оный выхвалялъ; повторилъ онъ, что какъ съ самаго начала мнѣ говорилъ, такъ и теперь подтверждаетъ, что помянутый Сентъ-Северинъ указы имѣетъ всячески стараться шведскій дворъ отговорить отъ войны, если впрямъ къ тому намѣренъ, и что подлинно его королевское величество никогда не подастъ руки къ поспѣшествованію подобнаго намѣренія, не только для того, что признаетъ оное противно самимъ шведскимъ интересамъ, но что къ тому жь чаетъ, что

весьма непристойно великому государю, каковъ Его Величество, меньше жь христіянину, употреблять такіе коварные поступки противъ другого государя, съ которымъ дружбу свою возобновилъ, и который ему свои интересы препоручалъ. Вашему Императорскому Величеству безъ сумнѣнія удивительно покажется, что на вышеписанныя мои предложенія кардиналъ такими увѣреніями отвѣтствуетъ, которыя тутъ не къ дѣлу, понеже ему наиспльнѣйше представлено, что Ваше Императорское Величество ни мало о его праводушіи не сумнѣвается; но онъ господинъ кардиналъ, сколь часто ему о происхожденіяхъ шведскихъ ни упоминается, всегда такой отвѣтъ употребляетъ, почитая, повидимому, что Ваше Величество еще сумнѣвается о его чистосердечности, когда не довѣряетъ, что во Швеціи никакихъ замысловъ военныхъ не имѣется; для прекращенія такого кардинальскаго поступка одинъ бы способъ былъ доказать ему тѣми доводами, которые я въ своихъ рукахъ имѣю, что Ваше Императорское Величество основательно увѣдомлены о всѣхъ шведскихъ происхожденіяхъ, но то самое наиспльнѣйше высочайшими вашими указами мнѣ запрещено, и можетъ быть, открывая то, что онъ прикрыть намѣренъ, могло бы его раздражить, хотя впрочемъ и понудило бы къ лучшему чистосердечію. Я, видя что онъ тѣмъ еще рѣчь туда ищетъ приводить, откуда я его отдалять бы желалъ, предложилъ ему, что Ваше Императорское Величество, какъ я часто имѣлъ честь ему говорить, весьма благонадежны, что Его Королевское Величество никакого участія въ намѣреніяхъ шведскихъ не имѣетъ, и оныя споспѣшествовать никогда не станетъ; что господинъ Сентъ-Северинъ своими поступками, которыми Ваше Императорское Величество крайне довольны, уже то безсумнительно доказалъ, и что онъ господинъ кардиналъ могъ бы совершенно о тѣхъ Вашего Императорскаго Величества сентиментахъ увѣренъ быть, разсуждая полную откровенность, съ которою Ваше Императорское Величество къ нему поступаетъ, и съ каковою повелѣли своему министру въ Стокгольмѣ поступать съ господиномъ Сентъ-Северинымъ, отъ котораго безсумнительно онъ изволитъ о томъ имѣть обстоятельное доношеніе, что теперь дѣло идетъ о томъ, чтобъ сыскать способъ о прекращеніи шведской негоціяціи при Портѣ, которая пока продолжатся станетъ и подастъ великому визиру поводъ къ отдаленію мира, прибавляя его гордость химерическими надеждами; притомъ я вступилъ въ подробное изъясненіе вреда отъ той негоціяціи происходящаго въ негоціяціи мирной. Госпо-

динъ кардиналъ забылъ уже, что мало прежде Сентъ-Северина со всѣмъ о той негоціяціи безызвѣстна сказывалъ, мнѣ отвѣтствовалъ, что господину Вилленеву не однажды уже отъ короля указы посланы ту шведскую негоціяцію по крайней своей возможности препятствовать, и я могу быть благонадеженъ, что онъ столько о томъ радѣетъ, сколько бы я самъ учинить могъ; но что и недавно еще онъ господинъ Вилленевъ доносилъ, что великій визирь не имѣетъ ни малой склонности вступить съ шведскимъ дворомъ въ союзъ, и при томъ примѣчаетъ, что Порта находится въ великомъ оскудѣніи денежномъ, для того же не можетъ вступить въ обязательства съ Швеціею, которой бы должно субсидіи давать; что съ другой стороны онъ Вилленевъ не видитъ, чтобъ теперь та негоціяція при Портѣ продолжалась наипаче по ссылкѣ Боневаловой; и я господину кардиналу еще на то отвѣтствовалъ, что Ваше Императорское Величество совершенно увѣрены, что такіе указы къ господину Вилленеву посланы; что онъ по нимъ радѣтельно исполнитъ, и что теперь о шведской тамо негоціяціи продолженіи неизвѣстенъ; однакожъ отъ того не можно иного заключить, развѣ что шведскіе министры, усмотрѣвши, что онъ Вилленевъ ихъ намѣреніямъ противенъ, таятъ отъ него свои дѣла, и для того я господина кардинала прошу, чтобъ еще ему Вилленеву о томъ подтвердить, чтобъ старался прилежнѣе выѣдать шведскихъ министровъ поступки, не преставая Портѣ внушать, сколь ея союзъ съ Швеціею мало пользы принести имѣетъ; понеже подлинно если та негоціяція продолжаться будетъ, господинъ Вилленевъ въ своей большей трудности найдетъ; и господинъ кардиналъ потому исполнить обѣщался; потомъ я разсуждалъ ему о характерѣ и состояніи визирскомъ, по силѣ письма Вашего Императорскаго Величества кабинетнаго министра графа Андрея Ивановича Остермана, заключая, что его самый интересъ повидимому требовать будетъ продолженіе войны, и что хотя Ваше Величество увѣрены, что онъ для отдаленія Персіи отъ войны хитростно мирныя негоціяціи продолжать казался, не имѣя впрочемъ ни малой склонности къ миру, однакожъ на послѣднюю меморію господина Вилленева немедленно отвѣтъ учинить изволите, который и ему кардиналу сообщенъ будетъ, чего учинить еще не могли, ожидая отвѣта отвѣтнаго двора, будучи нужно о семъ дѣлѣ согласится съ своимъ союзникомъ; на что господинъ кардиналъ мнѣ сказалъ, что хотя и онъ признаетъ въ великомъ визирѣ помянутый характеръ, однакожъ мира не отчаевается, если Его Цесарское Величество

въ состояніи будетъ сею кампаніею имѣть довольное войско не для полученія какихъ новыхъ выигрышевъ надъ непріятелемъ, но только для защищенія своихъ земель, и для предупрежденія новыхъ уроновъ, то одно де довольно бы было велика́го визпря къ миру склонить, и для того Ваше Императорское Величество резолюція на меморію Вилленевову можетъ быть не нужна, и надѣется, что я скоро оную получу, понеже де о томъ дѣлѣ давно уже изъ Вѣны къ двору вашему курьеръ отправленъ; прибавилъ онъ къ тому, что удивляется, что Ваше Императорское Величество не упоминаетъ о отправленіи полномочія къ господину Вилленеву, которая такъ же бы де нужна была; прочій нашъ разговоръ не такой важности былъ, чтобъ нужно было описаніемъ онаго Ваше Императорское Величество утруждать. Что отъ всего того заключать я сказать не въ состояніи; ибо хотя съ одной стороны являлъ готовость и усердіе къ пресѣченію часто помянутой шведской негоціяціи и къ поспѣшенію мира, съ другой въ рѣчахъ несходство и недовѣреніе чинимыхъ ему обнадеживаній, какъ и продолженіе хотя не такъ сильныхъ какъ прежде подозрѣній не позволяютъ совсѣмъ довѣрять его обнадеживаніямъ; можетъ быть впредь еще что яснѣе усмотрѣть будетъ можно, имѣя я въ предбудущихъ своихъ съ нимъ разговорахъ употреблять милостивѣйшія наставленія, предписанныя мнѣ въ ремаркахъ на письмо кардинальское; и всѣ мои крайнія домогательства клонить стану такъ къ тому концу, какъ и къ отнятію его кардинальскихъ сумнительствъ, пока совершенно его увѣрю, что Ваше Императорское Величество, по сродному своему обычаю, съ нимъ со всякою истиною поступаете. Прежде выходу отъ него я еще о семъ послѣднемъ ему повторилъ по случаю учиненной недавно отъ него жалобы на вашего посла графа Александра Гавриловича Головкина, изъяснял ему, что того вашего посла благоразсудность такова, что я не могу еще увѣрится, чтобъ онъ могъ учинить такой поступокъ, который ему господину кардиналу подалъ бы недовольство, и буде паче чаянія онъ то учинилъ, безсумнительно Ваше Императорское Величество тотъ поступокъ апробовать не изволитъ, понеже никакой пользы своимъ интересамъ не видитъ, чтобъ датскій дворъ не склонился вступить въ союзъ съ французскимъ. На то онъ мнѣ отвѣтствовалъ, что вѣдомости о поступкѣ вашего посла въ Гагѣ письма вѣрныя, но совсѣмъ тѣмъ никакую де ему имиресію не чинятъ, понеже онъ приписуетъ то графа Александра Гавриловича лишней ревности, а впрочемъ онъ господина графа знаетъ весьма чест-

нымъ человѣкомъ и имѣетъ его въ особливомъ почтеніи, также всему тому, что именемъ Вашего Императорскаго Величества ему представляется, онъ полную вѣру подаетъ, понеже ему особливо извѣстенъ хвальный Вашего Величества характеръ, котораго основаніе есть чистосердечность, — и съ тѣмъ я отъ него отпущенъ.

Съ статскимъ секретаремъ я о турецкихъ дѣлахъ мало слова имѣлъ, понеже, какъ выше имѣлъ честь упомянуть, прежде свиданія съ нимъ ремарки на письмо кардинальское не можно было успѣть съ цыфири разобрать; а что до шведскихъ дѣлъ касается, ему въ такой же силѣ, какъ кардиналу, сообщеніе учинилъ и почти подобные отвѣты имѣлъ, наипаче же повтореніе того, что Сентъ-Северинъ о производимой шведской при Портѣ негоціяціи ни мало не извѣстенъ; понеже я съ нимъ завтра видѣться имѣю, оставляю до предбудущей почты обстоятельнѣе доказать его разговоръ о сихъ дѣлахъ, чтобъ излишне Ваше Императорское Величество не утруждать, наипаче же, что тогда основательнѣе о всѣмъ матеріи его разсужденій увѣдаю; въ то же время имѣть буду честь при покорнѣйшей моей реляціи пространное доношеніе на часто помянутыя ремарки къ кардинальскому письму, которыя настоящею почтою переписать не успѣетъ.

Такъ сей статскій секретарь, какъ и господинъ кардиналъ мнѣ напослѣдокъ объявили, что Его Величество назначилъ посломъ къ вашему двору, бывшаго при прусскомъ, своего министра господина Шетардія, и господинъ кардиналъ обнадежилъ меня обыкновенною рѣчью, что немедленно отсюда отъѣдетъ, а съ другой стороны я слышу, что правда его понуждаютъ какъ можно скорѣе отсюда отправляться, и для того велѣли ему сегодня подать меморію о своихъ требованіяхъ, по которой имѣетъ опредѣлено быть его жалованье. Господинъ Шетарди не богатѣя графа Вогрепана и сверхъ того долженъ въ Берлинѣ 8000 франковъ, которые прилично не отъѣзжая оттуда уплатить; опасаюсь, чтобъ такая велпкая сумма новое затрудненіе не приключила [1]).

Акцессія къ Вѣнскому трактату остановлена, какъ я имѣлъ честь доносить, только за переписку экземпляровъ. Гишпанскій посолъ

---

[1]) Любопытно, что правившій въ то время въ отечествѣ нашемъ государственнымъ кормиломъ вице-канцлеръ графъ Остерманъ—весьма противился назначенію Шетарди посломъ въ Россію, по причинѣ его незнатнаго происхожденія: какъ будто предчувствовалъ, что онъ будетъ виновникомъ его паденія! *Д. Б.-К.*

самъ публично опровергаетъ всѣ другіе резоны, которыхъ по обыкновенію здѣшняго города не малое число выдуманы и разсѣяны.

О эскадрѣ, состоящейся въ 4-хъ военныхъ корабляхъ и одной фрегатѣ, уже здѣсь ни малаго сумнѣнія нѣтъ, что изъ Бреста прямо отъѣзжаетъ въ Копенгагенъ, и оттуду въ Стокгольмъ, для чего приказано офицерамъ и гардемаринамъ по своей возможности лучшій себѣ уборъ приготовить, чтобъ могли при тамошнемъ дворѣ въ богатомъ платьѣ явиться. Командиръ той эскадры графъ Аптинъ отъѣзжаетъ въ Брестъ въ восемь дней, а вся эскадра оттуда подымется въ половину мая; со всѣмъ тѣмъ министры здѣшніе о отправленіи той эскадры ко мнѣ не отзывались, и я безъ указу Вашего Императорскаго Величества также упоминать не стану.

Впрочемъ отъ здѣшнихъ дѣлъ ничего болѣе къ извѣстію Вашего Императорскаго Величества достойнаго не имѣю, препоручаю себя въ высочайшую Вашего Императорскаго Величества милость и всенижайше пребываю и проч.

XXI.

Всенижайшее доношеніе на примѣчанія къ кардинальскому письму отъ 23-го генваря.

„Генерально можно о семъ отвѣтѣ разсуждать“, и прочая.

Ваше Императорское Величество съ сроднымъ себѣ проницательствомъ примѣчать изволите, что все кардинальское письмо весьма не явственно, и въ немъ такіе сумнительныя експрессіи находятся, которыхъ трудно прямое намѣреніе узнать; всѣ его разговоры подобнаго состоянія, какъ Ваше Императорское Величество всемилостивѣйше усмотрѣть изволили во свое время изъ моихъ покорнѣйшихъ реляцій; изъясняется онъ обыкновенно темными експрессіями, и часто двухъ дней разговоры одинъ другому противенъ. Желалъ бы онъ такъ въ словахъ, какъ въ поступкахъ своихъ являться чистосердечнымъ; но часто къ тому такой способъ употребляетъ, что хитрость весьма гола становится.

„Иное дѣло позволить, иное дѣло желать“.

О семъ я ему пространно изъяснилъ въ той своей конференціи, послѣ которой онъ резолюцію принялъ о дозволеніи мнѣ аудіенціи въ характерѣ полномочнаго министра, и Ваше Императорское Величество изволили усмотрѣть изъ покорнѣйшей моей реляціи отъ 18-го декабря, какимъ образомъ онъ ту рѣчь извинялъ, приписуя

ее своему учтивству и обѣщевалсь то погрѣшеніе исправить, еслибъ я о противномъ его не просилъ; впрочемъ никогда доказано съ его стороны не будетъ, что по объявленіи королевской воли о избраніи характера полномочнаго министра, хотя малѣйшее слово было отъ меня того характера.

„Сіи подчерченныя слова видъ даютъ“, и проч.

Господину кардиналу рѣченіе сіе весьма фамиліарное, и неотмѣнно оное употребляетъ; а противъ доводовъ письма вашего перваго кабинетнаго министра подлинно основательнаго отвѣта дать не можетъ; меньше же причины ему есть остаться по тому дѣлу въ какомъ недовольствѣ, понеже Ваше Императорское Величество все его желаніе точно исполнили.

„И для того такожде хотя и паки здѣсь“, и проч.

Ваше Императорское Величество сами всемилостивѣйше разсудить изволитъ, сколь мнѣ тяжки внушенія кардинальскія, которыя могутъ Ваше Императорское Величество противъ меня на гнѣвъ привесть, но со всѣмъ тѣмъ я объ нихъ ни мало ему не упоминалъ, и упоминать не стану по силѣ высочайшихъ Вашего Императорскаго Величества указовъ, уповая, что Ваше Императорское Величество изъ другихъ обстоятельствъ и образовъ изволите признать, что тѣ кардинальскія внушенія совсѣмъ безосновательны и употреблены для покрытія своихъ прямыхъ резоновъ, которые таковы, что говорить объ нихъ стыдно; господинъ Вогренанъ свой экипажъ не по моимъ словамъ задержалъ, ибо никогда того экипажа не имѣлъ, такъ что ни сухимъ путемъ, ни моремъ отправить того было не можно, чего въ существѣ не бывало; не по моимъ же словамъ онъ Вогренанъ на легкѣ отсюду не отправился, понеже онъ самъ, такъ какъ кардиналъ и господинъ Амелотъ свидѣтель, что я его часто къ тому побуждалъ; замедленія его одна причина была та, что не было учинено ни какое опредѣленіе о его жалованьи, и то такъ явственно, что напослѣдокъ о томъ опредѣленіи согласиться съ кардиналомъ не могучи, сіе посольство другому препоручено. Впрочемъ однимъ взглядомъ въ семъ пасажѣ кардинальскаго письма многія несходства усмотрѣть не трудно: напримѣръ, въ своемъ письмѣ отъ 13-го ноября онъ напоминалъ, что я ему говорилъ о невозможности отправленія Вогренановыхъ экипажевъ, а здѣсь показываетъ, что я Вогренана о томъ увѣрилъ; въ письмѣ вашего кабинетнаго министра дорога чрезъ Ригу и Ревель не ему Вогренану, но его экипажу показана, безъ котораго экипажа однако кардиналъ признаетъ, что Вогренанъ немедленно отъѣхать можетъ,

я съ самаго начала то уже принималъ въ предыдущихъ своихъ письмахъ.

Подобное на меня нареканіе я никакимъ образомъ не могу приписать кардинальской на меня злобѣ, понеже я не могу довольно ухвалиться его къ себѣ учтивствомъ и ласкою, да и причину къ тому никакую не имѣетъ, ибо я съ крайнимъ прилежаніемъ и осторожностію поступки свои умѣряю, чтобъ никакого недовольства ему не подать; страшуся впрочемъ описать похвалы, которыя онъ мнѣ и за глаза, и въ присутствіи часто даетъ.

„Вамъ уже знать дано о полученіи здѣсь“ и проч.

Тотъ отвѣтъ Вилленевовъ прямо отъ него здѣсь присланъ, однакожь и не оставилъ, такъ кардиналу какъ и Амелоту представить, что я имѣю указъ оный сообщить; но они отвѣтствовали, что то не нужно, понеже отъ своего посла уже давно оный получили.

„Сіи вѣдомости давно пришли“.

Ваше Императорское Величество всемилостивѣйше усмотрѣть изволили изъ реляціи моей отъ 15-го февраля, что Вилленевовъ пакетъ подлинно въ Вѣнѣ у французскаго секретаря долго задержанъ, и оный напослѣдокъ привезенъ сюды чрезъ цесарскаго куріера; отъ того долгаго медленія пакета кардиналъ и подозрѣніе принялъ, что оный при Вѣнскомъ дворѣ распечатанъ, какъ я имѣлъ честь доносить въ реляціи моей отъ 12-го марта.

„О развѣдываніи о сихъ вѣдомостяхъ подтверждаются“, и проч.

Я самъ и цесарскіе министры признаваемъ сколь великой важности есть имѣть полное извѣстіе о присылаемыхъ отъ Вилленева вѣдомостяхъ; но въ покорнѣйшихъ моихъ предыдущихъ реляціяхъ я уже имѣлъ честь Вашему Императорскому Величеству представить, сколь трудно то достать можно, паипаче же когда убѣгать должно все то, что̀ министерству здѣшнему показать можетъ, хотя малое съ вашей стороны подозрительство. Отъ нихъ самихъ сообщаемыя прежь сего намъ копіи были одинъ способъ къ проницанію истины, сличая тѣ (хоть бы оныя и были неполныя) съ ихъ рѣчьми и съ другими вѣдомостьми, которыя чрезъ Венеціянскій каналъ приходятъ; но господинъ кардиналъ за благо изобрѣлъ и тотъ способъ пресѣчь.

Цесарскіе министры не больше меня счастливые въ семъ случаѣ, и конфиденція здѣшняго двора къ Вѣнскому еще не въ такомъ состояніи, чтобъ они могли отъ кардинала ожидать полную откровенность. Часто сами они со мною признаютъ, что не знаютъ что̀

заключать отъ его кардинальскихъ рѣчей и поступковъ, повсядневно отмѣнныхъ и межь собою несходныхъ. Князь Лихтенштейнъ иногда чрезъ мѣру всѣмъ кардинальскимъ рѣчамъ довѣряетъ, разсуждая, что трудно честному человѣку грубо обманывать; иногда о всѣхъ его кардинальскихъ рѣчахъ сумнѣвается, разсуждая, сколь одного дня рѣчи съ другого дня рѣчьми несходны; въ такихъ околичностяхъ трудно не ошибитись.

„Сей пасалъ весь такъ составленъ", и проч.

Сіе кардинальское письмо писано мало предъ учиненіемъ мнѣ выговора о сообщеніи одного изъ его прежнихъ писемъ шведскому министру, и потому чаятельно, что того дѣла касается его нареканіе о недостаткѣ вѣрности и откровенности въ поступкахъ; понеже какъ Ваше Императорское Величество изволили усмотрѣть изъ покорнѣшей реляціи отъ 5-го марта, то сообщеніе онъ почитаетъ весьма важнымъ дѣломъ, думая, что то учинено для умеиьшенія французскаго кредита въ Шведской націи и для приведенія ихъ двухъ къ холодности; не меньше же для огорченія противъ себя Порты Оттоманской, полагая, что отъ шведскаго двора великому визирю то письмо можетъ быть сообщено.

Какіе были мои поступки для отнятія того его напраснаго подозрѣнія и прежде полученія высочайшаго Вашего Императорскаго Величества указа, и вслѣдствіе онаго — въ предыдущихъ моихъ покорнѣйшихъ реляціяхъ пространно описано, и чаю, что уже буде не вовсе, то отъ большей части оное подозрѣніе отнято; но по несчастію, господинъ кардиналъ, который себя называетъ человѣкомъ нелегкимъ къ принятію подозрѣнія, на всякой почти день новыя раждаетъ и вѣру всему тому додаетъ, что съ его намѣреніемъ сходно. Послѣ недовольства о сообщеніи того его письма показалъ другое весьма неосновательное о томъ, что отправляемыя къ Вилленеву письма отъ вашего и цесарскаго двора ему не сообщаются; потомъ что пакетъ Вилленевовъ въ Вѣнѣ распечатанъ, а теперь что Вашего Величества посолъ въ Гагѣ радовался о неудачѣ Шавиніовой и по видимому, еще и впредь подобныя нареканія ожидать должно. Я съ своей стороны подлинно ни малѣйшую причину къ неудовольству или къ признанію, что Ваше Императорское Величество на него имѣетъ какое сумнѣніе, никогда ему не подалъ, слѣдуя неотмѣнно высочайшимъ вашимъ указомъ и употребляя во всѣхъ своихъ разговорахъ столь умѣренныя и столь чистосердечныя експрессіи, что онъ по тѣмъ двумъ обстоятельствамъ паипаче меня другимъ чужестраннымъ министрамъ выхвалялъ; если бы

я такъ поступилъ, не оставилъ бы онъ самъ о томъ въ письмахъ своихъ къ вашему кабинетному министру напомянуть; когда и то мнѣ приписываетъ, чего я не говарпвалъ,—гораздо бы легче было правду писать, чѣмъ выдумки—и то примѣтно, что самъ статскій секретарь удивляется, откуда онъ кардиналъ такія подозрѣнія беретъ. Впрочемъ того подозрѣнія не одного только двора вашего касаются, часто и противъ Вѣнскаго подобныя жалобы чинитъ, какъ мнѣ самъ цесарскій посолъ далъ знать, и можетъ быть, что и прочихъ дворовъ министры тожь усматриваютъ; къ тому же подобныя линіи подозрительства и на домашнихъ раждаются, такъ что отъ всего должно бы заключить, что господинъ кардиналъ противно тому, что самъ удостовѣряетъ, весьма склоненъ подозрѣнія принимать. Сверхъ того примѣчено въ немъ, что когда опасается отъ кого жалобъ на себя оныя своими жалобами предупреждаетъ.

Пасажъ его письма, въ которомъ напоминаетъ, что въ нынѣшнемъ вѣку ложь и обманы весьма въ употребленіи, можетъ еще основанъ быть на разныя ложныя вѣдомости, которыя во время отправленія того письма здѣсь носились. Слухъ тогда былъ генеральный, что французскій дворъ имѣетъ войну начать противъ цесаря, для того что его императорское величество, занявъ здѣсь двѣнадцать милліоновъ ливровъ закладомъ Луксембурга, тотъ городъ по обѣщанію въ руки французскія отдавать не хотѣлъ; также, что господинъ Вилленевъ для оказательства только продолжаетъ мирныя негоціаціи; подъ рукою старается сколь можно войну продолжать. Еслибъ я могъ предвидѣть тотъ пасажъ его письма, не оставилъ бы въ своей покорнѣйшей реляціи о тѣхъ ложныхъ вѣдомостяхъ доносить, которыя обыкновенно я умалчиваю, понеже повседневно такія великимъ числомъ здѣсь слыша, гораздо бы Ваше Императорское Величество утруждалъ, если бы все подробно описывать хотѣлъ.

„О послѣ французскомъ“ и проч.

Благодареніе съ стороны Вашего Императорскаго Величества за удовольствительные поступки французскаго посла Сентъ-Северина отъ меня, по силѣ вашего указа, давно учинены и часто потомъ подтверждены съ прибавкою, что Вашего Величества министръ въ Стокгольмѣ всѣми своими ко мнѣ письмами имъ Сентъ-Северином хвалился, и господину кардиналу довольно изъяснено, что дѣло идетъ не о томъ, чтобъ Франція шведской негоціаціи помогать хотѣла, но чтобъ посредствомъ Франціи ту негоціацію пре-

кратить. Ваше Императорское Величество уже изъ моей покорнѣйшей реляціи отъ 23-го генваря всемилостивѣйше усмотрѣть изволили, что я совершенно увѣренъ, что здѣшній дворъ къ поспѣшествованію той негоціаціи руки не подастъ, слѣдовательно, безразсудно бы было мнѣ противъ такого намѣренія, которое самъ опровергаю, представленія чинить. Я примѣчаю, что сколь часто кардиналу о той негоціаціи напоминается, столь часто онъ повторяетъ увѣренія о королевскихъ истинныхъ поступкахъ въ семъ дѣлѣ, какъ бы требованія о прописканіи способовъ къ пресѣченію той негоціаціи были натуральное слѣдствіе сумнительства о его величества неправодушіи въ томъ дѣлѣ. Не могу сказать, чрезъ тотъ поступокъ ищетъ ли кардиналъ пресѣчь докуку тѣхъ требованій, или оный должно приписать его старости, которая, какъ я имѣлъ честь уже въ одной моей покорнѣйшей реляціи упомянуть, начинаетъ въ отправленіи дѣлъ чувствительна становится.

„Подлинно дѣла съ французской стороны“, и проч.

Гораздо съ большимъ основаніемъ подозрительны его поступки, какъ Ваше Императорское Величество всемилостивѣйше примѣчать изволите, и то самое подаетъ затрудненіе истинно разсуждать о его намѣреніяхъ, какъ я имѣлъ честь всенижайше доносить въ прежнихъ моихъ реляціяхъ. Показанныя причины къ правому подозрѣнію и цесарскіе министры, и я подобнымъ образомъ давно усматривали, и давно бы я всенижайше Ваше Императорское Величество просилъ, его кардинала хитрости остерегаться, если бы съ другой стороны не примѣчалъ, что такому его поступку причину подать могутъ: 1-е, нравъ его подозрительный и непостоянный; 2-е, крайнее деликатство не раздражить шведскій дворъ и Порту; 3-е, французскій интересъ охранять свой кредитъ при тѣхъ двухъ дворахъ для другихъ своихъ намѣреній, которыя рефлексіи я всенижайше Вашему Императорскому Величеству представилъ въ вышепомянутой моей реляціи, отъ 23-го генваря, отправленной съ куріеромъ; больше же всего запрещаетъ мнѣ его кардинальское намѣреніе злобнымъ почитать поведеніе Септъ-Северина, и по всему тому, одно съ другимъ сличая, трудно съ основательствомъ судить—онъ кардиналъ прямо ли или коварно поступаетъ.

„Сіе изъясненіе кардинальское весьма“, и проч.

Не можно ничего о семъ кардинальскомъ пасажѣ прибавить, сверхъ того, что я выше сего имѣлъ честь донесть, и експрессіи его не могу приписать, развѣ тому его праву къ подозрѣніямъ

склонному, понеже совершенно всенижайше Ваше Императорское Величество удостовѣряю, что мои поступки и слова тѣмъ експрессіямъ причину подлинно не подали. Я уповаю, что вскорѣ уже французскій посолъ къ двору Вашего Императорскаго Величества отъѣдетъ, и слѣдовательно, по всемилостивѣйшей Вашего Императорскаго Величества резолюціи къ здѣшнему двору мнѣ наслѣдникъ будетъ назначенъ, который случай имѣть будетъ прилежно извѣститься о моихъ поступкахъ, и потому безсумнительно мои покорнѣйшія доношенія подтвердитъ.

Въ заключеніе оныхъ имѣю всенижайше донесть, что по высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества указамъ крайнее старательство прилагать буду какъ можно прямѣе проницать намѣреніе здѣшняго министерства, пользуяся въ томъ милостивѣйше показанными мнѣ способами.

Замѣчанія сіи писаны графомъ А. И. Остерманомъ.

Генерально можно о семъ отвѣтѣ разсуждать, что оный весьма неявственный, и нѣкоторыя такія сумнительныя изъясненія въ ономъ находятся, о которыхъ трудно узнать, въ какой видъ и въ какой силѣ оныя написаны.

Иное дѣло позволить, иное дѣло желать. Позволить значитъ, что было требованіе, на которое позволяется, а такое требованіе съ нашей стороны не было, понеже характеръ на благоизобрѣтеніе королевское оставленъ; но сіе дѣло уже окончено, и для того и упоминать о томъ больше непотребно, какъ и кардиналъ самъ ниже сего упоминаетъ.

Сіи подчерченыя слова видъ даютъ, будто какое неудовольство кардиналъ имѣетъ, отъ чего со всякимъ крайнѣйшимъ прилежаніемъ убѣгать надобно.

Lettre du Cardinal de Fleury au Comte Osterman.

A Issy, 23 Janvier 1739.

J'ai reçu il y a huit jours, Monsieur, la lettre, dont votre Excellence, m'a honoré du 14 du mois dernier par M-r le Prince Cantemir, et j'ai attendu pour y répondre le départ du courier, qu'il me dit devoir envoyer à Votre Cour.

J'avais eu l'honneur de mander à Votre Excellence par trois lettres consécutives dans les mois d'Aout, Septembre et Novembre, que le Roy consentait à donner le titre d'Ambassadeur aux Ministres respectifs des deux Cours, et j'avais crû, qu'il falait attendre la réponse à mes dépesches avant de donner audience à M-r. le Prince Cantemir; mais il a parû souhaiter avec tant de vivacité de l'avoir en attendant en qualité de Ministre Plénipotentiaire, que le Roy a bien voulu y consentir.

C'est une affaire faite et dont il n'est plus néces saire de parler. J'ai lieu d'espérer qu'il s'acquitera bien de sa commission, surtout s'il suit exactement les conseils de Votre Excellence.

И для того такожде хотя и паки здѣсь объ учиненныхъ чрезъ васъ Вогренану внушеніяхъ слово есть, однакожь отнюдь вамъ никакимъ образомъ о томъ не отзываться, или въ какое толкованіе и експликацію вступать, которыя всегда ко огорченію и къ студеностямъ поводъ подаютъ, но паче и насупротивъ того чрезъ всякіе способы трудится кардинальскую конфиденцію къ себѣ получить.

Сіе не весьма сходно съ тѣмъ, что вы доносите, что еще Вогренану никакое опредѣленіе о жалованіи его и о прочихъ не учинено, однакожь о такомъ несходствѣ отнюдь не упоминать; но только объ отправленіи его имѣть пристойное домогательство безъ озлобленія кардинальскаго.

Вамъ уже знать дано о полученіи здѣсь отвѣта отъ маркиза де-Вилленева, и оный отвѣтъ вамъ же на предъ сего сообщенъ, который надлежитъ вамъ кардиналу самому или министрамъ сообщить, какъ вы сами для лучшаго ублаженія за инапристойнѣйше разсудите, ибо хотя безъ всякаго сумнѣнія оный отвѣтъ отъ него Вилленева прямо ко двору и посланъ, однакожь для лучшаго показанія нашей совершенной конфиденціи не безпотребно, чтобъ такое сообщеніе прямо и отъ насъ учинено было.

При томъ сообщеніи можете объявить, что по такимъ поступкамъ турецкимъ довольно явно, что Турки, а визирь особливо, какъ видно для своей партикулярной консерваціи, и надѣясь на себя и свое счастіе, къ резонабельному миру никакой склонности не имѣютъ. Впрочемъ мы съ цесарскимъ дворомъ о томъ должное союзническое сношеніе имѣть

Sur les notions, que M-r le Prince Cantemir donna après son arrivée à M-r le Comte de Vaulgrenant, de l'impossibilité qu'il y avait de prévenir les glaces, qui bouchent les Ports de la Russie dans la saison où nous étions, ce Comte s'était déterminé à ne partir que vers la fin du mois de Mars, mais puisque Votre Excellence croit, qu'il peut sans aucun risque prendre la route de Riga ou de Revel, je lui aij dit de se disposer à partir incéssament, et il n'y aura pas un grand inconvenient d'arriver à Pétersbourg avant ses équipages.

Nous n'avons point eu de nouvelles de M-r le Marquis de Villeneufve depuis le 4 du mois de Novembre dernier, et il n'avait vu jusqu'à ce jour le grand vizir, que dans une visite de compliment sur son arrivée à Constantinople. Le Ministre Ottoman lui dit seulement, qi'il avait impatience de l'entretenir plus particulièrement, et qu'il lui ferait savoir, quand cela se pourait.

и потомъ свое мнѣніе кардиналу и французскому двору откровенно сообщить не оставимъ, ибо натурально напередъ съ союзникомъ своимъ обо всемъ томъ согласиться имѣемъ. И ежели Турки резонабельны быть не хотятъ, то уже кромѣ продолженія войны намъ не остается, и Всемогущій Богъ намъ и силы и благословеніе свое къ тому подастъ.

Произведенныя съ маркизомъ де-Вилленевомъ въ Цареградѣ конференціи и поступки во оныхъ турецкихъ министровъ явно даютъ знать, что оныя конференціи только для обманыванія персидскихъ министровъ учреждены были.

По прежнимъ маркиза де-Вилленева письмамъ ко двору своему, визирь обѣщалъ было по пріѣздѣ своемъ въ Константинополь съ нимъ Вилленевомъ прямо и безпосредственно трактовать. Сіе нынѣ все оставлено; а вмѣсто того для лица, и чтобъ персидскіе послы подумали, что миръ ихъ съ нами при заключеніи находится, другихъ министровъ къ конференціямъ опредѣлилъ, отдаляясь самъ противно прежнему своему обѣщанію съ нимъ посломъ въ дѣло вступать, и оныхъ министрамъ не къ заключенію мира, но только къ выслушанію посольскихъ пропозицій полномочія далъ; однимъ словомъ, визирю для своего содержанія миръ непотребенъ, но понеже о семъ такожде, и что до Очакова принадлежитъ въ приложенномъ отвѣтѣ къ кардиналу отвѣтствовано, то на оный отвѣтъ ссылаемся, по содержанію котораго и вы себя смотря по потребности дѣлъ въ своихъ разговорахъ изъяснить можете.

Маркизъ де-Вилленевъ имѣетъ проектъ къ чинимому съ нами

Mais M-r. de Villeneufve nous mande en général, que les Turcs ne paraissaient pas trop disposés à la paix, et qu'ils étaient assez piqués de savoir que vos trouppes avaient non seulement razé les nouvelles fortifications, que vous aviez faites à Oczakof et à Kinburne; mais encore qui y étaient avant que vous vous en fussiez rendus maîtres.

Je ne crois pourtant pas, que nous devions perdre espérance de

миру; пока Турки въ подробности того проекта не вступятъ и пунктъ за пунктъ съ нимъ посломъ не опредѣлятъ и на мѣрѣ не поставятъ, хотя съ оставленіемъ спорныхъ до времени, то прямую склонность къ миру не имѣютъ.

Сіи вѣдомости уже давно пришли и не уповательно есть, какъ вамъ объявляется, чтобъ секретарь французскій въ Вѣнѣ оныя, такъ долго не отсылая ко двору своему, удержать посмѣлъ.

О развѣдываніи о сихъ вѣдомостяхъ подтверждаются прежніе рескрипты; дѣло сіе весьма важное, и къ великой нашей пользѣ служить можетъ о содержаніи оныхъ и особливо въ разсужденіяхъ его посольскихъ, какъ до мира, такъ и до тамошняго внутренняго состоянія касающихся, извѣстіе имѣть.

Видится, что по той тѣсной конфиденціи, которая между цесарскимъ и французскимъ дворомъ находится, сей послѣдній не имѣлъ бы имѣть сумнѣніе о томъ по послѣдней мѣрѣ цесарскому министру сообщить, отъ котораго потомъ и намъ сообщеніе учинено быть могло бъ; толь наипаче понеже французскій дворъ увѣренъ быть можетъ, что намъ такое сообщеніе при Портѣ въ ихъ предосужденіе употреблять не возможно, ибо то едино къ нашему вреду служить имѣло бъ.

Сей пасажъ весь такъ составленъ, что куды онъ клонится имѣетъ—понять весьма трудно.

Въ существѣ самомъ съ нашей стороны къ французскому двору съ такою истиною и откровенностію поступается, что болѣе того невозможно, и потому мы не знаемъ, чтобъ мы кардиналу къ какому праведному, хотя наи-

la paix, et c'est souvent dans le moment, qu'on la désire le plus, qu'on fait semblant de s'y rendre plus difficile.

Nous attendons avec impatience des nouvelles plus détaillées de notre Ambassadeur.

Votre Excellence m'informe d'un fait, que nous ne savions pas, qui est le supplice du seraskier de Bender.

Il est vrai, qu'on avait fait courir beaucoup de fausses nouvelles sur les opérations de la dernière campagne, et nous sommes, par malheur, dans un tems, où il semble, qu'on ne soit occupé, qu'à répandre de tous côtés des mensonges, qui ne servent qu'à former des soupçons, auxquels souvent on ne se livre, que trop facilement.

малѣйшему сумнѣнію и подозрѣнію объ насъ подать могли.

Ежели кардиналъ чрезъ сіе на насъ намекаетъ, будто съ нашей стороны объ немъ какое подозрѣніе имѣется или будто намъ какія внушенія учинены, а мы онымъ будто тотчасъ вѣру имѣемъ, то такожде не видно, какой мы къ такому мнѣнію объ насъ поводъ подали; ибо не токмо что вамъ отъ такихъ случаевъ крайнѣйше убѣжать наикрѣпчайше безпрестанно подтверждается, но и въ письмахъ, къ нему кардиналу отправленныхъ, крайнѣйшее стараніе употреблено, чтобъ ни единое слово не было, которое бъ не имѣло его о нашей полной къ нему конфиденціи обнадежить; подлинно есть, что мы въ томъ никакого пареканія на себя не заслужили, ибо хотя бъ и были такія дѣла, которыя бъ могли къ какому сумнѣнію объ истинности всѣхъ тамошнихъ поступкахъ поводъ подать, однакожь мы ни малѣйшаго виду до сего времени о томъ никому не показали, и вамъ показывать не велѣли, и нынѣ не велимъ.

Ежели онъ кардиналъ чрезъ тѣ слова намекаетъ на тотъ выговоръ, который вамъ недавно учинилъ будто объ учиненномъ здѣсь изъ письма егошведскому министру нѣкоторомъ сообщеніи, то кажется оное дѣло не такой важности, чтобъ для онаго такія крѣпкія експрессіи употребить; весьма бъ желательно было, чтобъ кардиналъ именно объявилъ—въ чемъ то сообщеніе состоитъ, и до какого дѣла оное именно касается: ибо тогда свободнѣе было бъ въ память привесть, что иногда безъ всякаго другого намѣренія о томъ дѣлѣ съ кѣмъ говорено, и пото-

Il est encore plus triste de connaître tous les jours, qu'il y a fort peu de bonne foy et de sincérité dans le monde.

му и лучше въ состоянiи быть могли бъ, о томъ себя подробнѣе изъяснить, что нынѣ, не вѣдая подлинно, о чемъ дѣло идетъ, учинить не можемъ.

Сколько по словамъ кардинальскимъ узнать возможно, то оный пасажъ, о чемъ нареканiе идетъ, имѣетъ касаться до нашего съ Турками мира.

Въ началѣ подлинно есть, что кромѣ цесарскаго двора, никому кардинальскiя письма ни цѣлыя, ни частiю не сообщены, и во оныхъ ничего не содержано, что намъ при другихъ дворахъ, особливо въ Швецiи къ особливой пользѣ, а кардиналу и его намѣренiямъ къ предосужденiю служить могло бъ.

Мы ссылаемся на то, что обстоятельнымъ нашимъ рескриптомъ отъ 17-го февраля уже о семъ дѣлѣ писано; и къ тому еще для вашего одного собственнаго и партикулярнаго извѣстiя сiе прибавляемъ, что ежели бъ иногда отъ министровъ нашихъ о французской медiацiи, и что мы чрезъ оную вскорѣ миръ получить уповаемъ, и о кардинальскихъ справедливыхъ поступкахъ, или о желанiи его къ заключенiю сего мира, хотя бъ и шведскому министру упомянуто было, что однакоже заподлинно въ память не приходитъ, а кардиналъ и то за противно принимаетъ, то уже совершенно невѣдомо, что о такомъ его деликатствѣ разсуждать надлежитъ, ибо кардиналу натурально не можетъ быть противно, еже мы объ имѣющихъ апаренцiяхъ къ скорѣйшему заключенiю мира съ Портою въ Швецiи пристойныя внушенiя учинить повелѣли, дабы тѣмъ тамошнiе противные замыслы до дальнѣйшаго слѣд-

Je rens mille grace à Votre Excellence du détail, qu'Elle a bien voulu me communiquer de tout ce quic'était passé pendant la campagne dernière entre la flotte Turcque et la flotille Czarienne, qu'on avait également éxagéré en bien et en mal, comme il arrive toujours dans les nouvelles qui viennent de pays si éloignés.

Le Marquis de Villeneufve nous a écrit, que le Grand Visir etait d'un caractère assez haut et fort ferme dans les partis qu'il avait pris sans s'arrêter non seulement par l'incertitude, mais quelquefois même par le peu de vraisemblance de succès.

ства не допустить; по послѣдней мѣрѣ по праводушію его сіе уповать не можемъ, особливо когда такія внушенія безъ жаднаго французскимъ интересамъ предосужденія учинены.

Но какъ бы то ни было, нынѣ потребно отъ всего того убѣжать, что кардиналу къ какому недовѣрію, а паче неудовольству, хотя малый поводъ подать можетъ, и для того такожде въ приложенномъ при семъ отвѣтѣ всякое стараніе приложено, чтобъ его о нашей конфиденціи и объ истинности поступковъ нашихъ одиножды за все обнадежить, въ чемъ и вы все свое стараніе приложить имѣете, ибо сей надежнѣйшій способъ есть о прямыхъ тамошнихъ намѣреніяхъ узнать и въ проводѣ не быть.

О визирѣ въ отвѣтѣ немного попространнѣе для того упомянуто, чтобъ кардиналъ извѣстенъ былъ о здѣшнихъ объ немъ визирѣ имѣющихъ сентиментахъ, и изъ того бъ усмотрѣлъ, что мы о турецкихъ происхожденіяхъ не вовсе безизвѣстны, коль мало при семъ визирѣ и его нравѣ о мирѣ надежду имѣть возможно, и что слѣдовательно, всѣ съ нашей стороны вящше ему показуемыя снисхожденія къ миру едино токмо къ вящшему его возгордѣнію и отдаленію отъ мира служить могутъ.

О послѣ французскомъ въ Швеціи мы уже въ прежнемъ рескриптѣ вамъ дали знать, и кардиналу самому съ пристойнымъ отъ насъ благодареніемъ засвидѣтельствовать повелѣли; что мы инако не можемъ какъ поступки его весьма хвалить и оными совершенно довольными быть, и подлинно мы, какъ о томъ часто въ

M-r le prince Lichtenstein est très informé de toutes les démarches de M-r le Comte de S-t Severin, notre Ambassadeur en Suède; et lui rend toute la justice qu'il mérite.

прежнихъ рескриптахъ и въ письмахъ, къ кардиналу отправленныхъ, упомянуто и обстоятельно подтверждено о Франціи, чтобъ оная такой шведской негоціаціи вспомогать похотѣла, никакого подозрѣнія не имѣемъ, но дѣло не въ томъ состоитъ; оное состоитъ въ томъ, что пока оная негоціація продолжится, Турки въ надеждѣ на какую шведскую диверсію къ миру не приступятъ. Мы ссылаемся о томъ на отправленный къ вамъ рескриптъ, оставляя на собственное ваше и цесарскихъ министровъ разсужденіе, какое вы изъ того употребленіе учинить заблагоразсудите, и дабы вамъ толь свободнѣйшій приступъ къ тому учинить, того ради разсудили запотребно, и въ отвѣтномъ нынѣшнемъ къ кардиналу письмѣ о томъ упомянуть прямо еже и къ вящшему показанію нашей истинной къ нему откровенности служитъ и отъ васъ заявной знакъ оной показанъ быть можетъ.

Въ прежнемъ нашемъ обѣщали кардиналу откровенно же сообщить всѣ наши въ шведскихъ дѣлахъ поступки.

Сіе учинено особливымъ при семъ рескриптомъ, по которому вы въ томъ дѣлѣ поступать имѣете.

А слѣдующее къ единому секретнѣйшему вашему наставленію для того вамъ сообщается, дабы вы потому столь вящшимъ основаніемъ о тамошнихъ поступкахъ разсуждать, и столь вящшею осторожностію и прилежаніемъ на оные смотрѣть и толь основательнѣе же намъ о томъ всегда доносить могли.

Подлинно, дѣла съ французской стороны такимъ образомъ происходятъ, что ежели бъ мы

Le Roi étant déclaré médiateur entre les trois Puissances belligérantes en remplira exactement toutes les fonctions par une parfaite impartialité et Sa Majesté est bien éloignée de se rendre suspecte en favorisant directement ou indirectement quelqu'une des couronnes intéréssées.

Nous n'avons jamais été informés des négotiations de la cour de Suède avec la Porte, et ses envoyés ont caché soigneusement tout ce qui se passait à M-r le Marquis de Villeneufve. Si on a conçu des soupçons contraires, on ne nous a pas rendu justice, et la bonne foy de Sa Majesté n'y donnera jamais certainement aucun lieu.

склонны были обо всемъ тотчасъ подозрѣніе взять, то бъ разные къ тому поводы имѣли, и не токмо мы, но и самый цесарскій дворъ.

Кардиналъ и французскіе министры одно объявляютъ, о чемъ и въ кардинальскомъ письмѣ подтверждается, будто о шведской негоціаціи съ Портою никакого извѣстія никогда не имѣли; что Сентъ-Северинъ объ оной ничего не доносилъ, и маркизъ де-Вилленевъ будто никакого сообщенія съ шведскими министрами не имѣетъ.

Не понятно, для чего французскіе министры такимъ образомъ поступаютъ, когда оные сами легко разсудить могутъ, что намъ нельзя не вѣдать, о чемъ почитай всѣмъ чужестраннымъ министрамъ въ Швеціи извѣстно.

Изъ секретнѣйшаго аусшуса прямо и формально о той негоціаціи французскому послу сообщено и на письмѣ у него оставлено, съ котораго письма однакоже съ подтвержденіемъ высочайшаго секрета вамъ при семъ въ цыфрахъ вѣрная копія посылается. Французскій посолъ принялъ то на доношеніе, и потому какъ вѣрить, чтобъ оный посолъ о томъ ко двору своему не доносилъ.

И какъ утаеніе того отъ тамошнихъ министровъ принять надлежитъ, когда они къ такому утаенію никакой причины не имѣютъ, ибо какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ случаѣ могли бъ такой же отвѣтъ вамъ учинить, какъ нынѣ учинили, и кажется съ праводушіемъ вящше сходно было признать, что правда послу ихъ о томъ въ Швеціи говорено. Однакоже они противъ того къ послу своему для отвращенія оной надлежащія представленія учинить повелѣли, и такимъ образомъ пря-

мой причины къ какому подозрѣнію быть не могло.

Равнаго состоянія и то есть, что о маркизѣ де-Вилленевѣ и о его будто съ шведскими министрами незнакомствѣ объявлено, понеже довольно извѣстно есть, и наши и всѣ чужестранные министры, бывшіе и нынѣ пребывающіе въ Константинополѣ, о противномъ тому засвидѣтельствуютъ въ нынѣшней своей негоціаціи, имѣютъ ли они съ нимъ Вилленевомъ такое сношеніе, о томъ мы неизвѣстны, но чтобъ онъ маркизъ о той негоціаціи извѣстенъ не былъ, едва ли состоятельно, и ежели подлинно тѣ шведскіе министры и Порта оную негоціацію отъ него Вилленева таятъ, по сіе явный знакъ есть не токмо ихъ турецкой несклонности къ миру, но и ихъ лукавыхъ и обманныхъ къ Франціи поступковъ, которые по справедливости всякое примѣчаніе у кардинала самого заслужить имѣли бъ. Чрезвычайное деликатство, съ которымъ какъ при шведскомъ дворѣ, такъ и при Портѣ поступаютъ и далѣе поступать намѣрены, такожде натурально къ какому сумнѣнію поводъ подать могло бъ, толь наипаче, понеже по послѣдней съ Швеціею заключенной конвенціи довольно явствуетъ, что Франція съ нами въ какое полезное обязательство вступить едва ли намѣрена, понеже безъ сумнѣнія, такое съ нами чинимое обязательство Швеціи имѣло быть противно.

Ежели потому же въ тонкое толкованіе о происхожденіи мирной негоціаціи съ Портою вступить, то и тамо къ немалымъ сумнѣніямъ причины довольныя найдутся; кардиналъ самъ въ письмахъ своихъ и неоднократно сло-

весно на крѣпко обнадежилъ, что маркизъ де-Вилленевъ обо всемъ инструпированъ и свободныя руки имѣетъ, а насупротивъ того въ доношеніяхъ своихъ ко двору едва ли не во всѣхъ объ ожиданіи новыхъ инструкцій упоминаетъ и въ пномъ явно упоминаетъ, что онъ для полученія такихъ новыхъ инструкцій время выиграть стараніе имѣлъ; и по нынѣшнимъ послѣднимъ отъ него здѣсь полученнымъ депешамъ видно, что онъ правда о здѣшнихъ кондиціяхъ предлагалъ, однако же чтобъ онъ для принятія оныхъ Туркамъ какія пристойныя представленія или хотя къ тому клоняющіяся внушенія учинилъ,не показывается.

Но какъ бы все то ни было, то разсудить надлежитъ, еже и ни отъ кого запротивно принято быть не можетъ, что Франція сію медіацію такимъ образомъ вести не оставитъ, какъ съ ея собственными интересами сходно. Въ чемъ прежде сего французскіе интересы состояли—извѣстно есть, которые Аустрійскому дому не вовсе полезны были; въ чемъ оные французскіе интересы нынѣ состоятъ, намъ неизвѣстно, и только цесарскій дворъ можетъ вѣдать, и натурально по нынѣшней съ французскимъ дворомъ имѣющей тѣсной конфиденціи вѣдать имѣетъ, ежели - тѣ прежніе французскіе Аустрійскому дому такъ опасные интересы и виды нынѣ отмѣнились, ибо инако всегда къ какому подозрѣнію, или лучше сказать, недовѣрію дорога остаться можетъ.

По вышеписаннымъ обстоятельствамъ показывается, что причины къ подозрѣнію не вовсе безъ основательныя были бы, ежели бъ мы по взятію опаго тотчасъ склонны были; но мы до сего вре-

Votre Excellence me fait trop d'honneur d'avoir les mêmes sentiments de moi, et je ne refuse point cette louange, parceque je ne crains point de déclarre, que je ne ferai jamais rien, qui puisse la détruire.

мени отъ того весьма отдаляемся, и вамъ отъ показанія какого подозрѣнія со всякимъ осторожнымъ прилежаніемъ убѣжать повелѣваемъ, и о вышеписанномъ къ секретнѣйшему партикулярному вашему наставленію единственно для того упоминаемъ, дабы вы потому толь лучше въ состояніи были о тамошнихъ поступкахъ со основаніемъ разсужденіе имѣть, и по тому намъ также объ оныхъ различая истинное отъ неистиннаго намъ доносить.

Сіе изъясненіе кардинальское весьма примѣчанія достойно; съ нашей стороны ничего такъ ни желается, какъ установленіе такой полной взаимной конфиденціи, и къ тому всѣ наши поступки до сего времени явно клонятся. Мы не токмо обо всѣхъ дѣлахъ съ чистосердечною откровенностію себя изъяснить повелѣли, но что больше всего есть интересы и миръ нашъ съ Портою съ неоставленіемъ другихъ извѣстнымъ образомъ единой французской медіаціи повѣрили; когда кардиналъ объ установленіи другого систематі въ Европѣ въ письмахъ своихъ упоминалъ, то мы о склонности своей ко вспособствованію въ отвѣтахъ отсюда тотчасъ засвидѣтельствовать повелѣли, и въ нынѣшнемъ отвѣтѣ нарочно для того подтверждено, что отъ насъ зависѣть не будетъ Францію объ истинности нашихъ намѣреній и самимъ дѣломъ увѣрить.

Вы можете сими изъясненіями съ показаніемъ нелицемѣрной откровенности у кардинала пользоваться, объявляя, что то еже въ отвѣтномъ къ нему письмѣ о семъ артикулѣ истинной взаимной конфиденціи содержано и вамъ на словахъ прямо подтвердить пове-

Je me préterai avec plaisir à une confiance absolue, quand elle sera mutuelle et bien établie.

Mon caractère n'est pas d'être soupçonneux quoiqu'on coure risque d'être, trompé dans ces tems cy, quand on évite de l'être. Je tacherai de ne point dementir la bonne opinion, que Sa Majesté Czarienne et votre Excellence veulent bien avoir de moi; et je profiterai avec plaisir de toutes les occasions, de marquer mon profond respect à Votre Souveraine, et à vous, Monsieur, en particulier les sentiments les plus distingués, avec lesquels j'honore votre Excellence

le Card. de Fleury.

лѣно, и слѣдовательно, отъ него кардинала зависитъ себя объ истинности тѣхъ нашихъ сентиментовъ взаимною откровенностію еще вящше увѣрить.

Все сіе изъясненіе служитъ къ вашему лучшему наставленію и имѣетъ впрочемъ въ крайнѣйшемъ секретѣ у васъ содержано быть, и что по оному тамо произойдетъ, какимъ образомъ кардиналъ себя изъяснитъ, и вы о прямыхъ тамошнихъ намѣреніяхъ иногда провѣдать можете; о томъ обо всемъ мы отъ времени до времени обстоятельныя донесенія ваши ожидать будемъ.

По написаніи вышеписаннаго получили реляцію изъ Копенгагена, изъ которой заблагоразсудили при семъ къ вамъ послать екстрактъ для одного вашего секретнѣйшаго извѣстія. Изъ онаго вы усмотрите, какіе способы французскаго министра въ Копенгагенѣ употребляются для склоненія короля Датскаго ко вступленію въ предложенный отъ Франціи союзъ. Способы не весьма намъ полезные и поступки не вовсе безсумнительные, которые по послѣдней мѣрѣ то подтверждаютъ, что въ вышеписанныхъ ремаркахъ о не имѣющемъ у Франціи прямомъ намѣреніи ко вступленію съ нами въ какое полезное обязательство означено; однакоже вы имѣете сіе въ высшемъ секретѣ содержать, а впрочемъ для лучшаго провѣдованія о тамошнихъ прямыхъ намѣреніяхъ и съ датскимъ тамо обрѣтающимся министромъ дружеское обхожденіе имѣть безъ всякой афектаціи, дабы французское министерство иногда бъ и о томъ подозрѣніе взять не могло бъ, будто бъ мы ихъ союзу при Датскомъ дворѣ мѣшаемъ.

Таковыя ремарки отправлены къ князю Антіоху Кантемиру при рескриптѣ № 12, отъ 10-го марта 1739 года.

XXII.

Державнѣйшая императрица и самодержица, государыня всемилостивѣйшая!

Чрезъ послѣднюю почту я имѣлъ честь получить исправно Вашего Императорскаго Величества высочайшіе рескрипты отъ 27-го марта подъ № 15 и 16, съ приложенными къ нимъ экстрактами изъ доношеній вашихъ министровъ въ Стокгольмѣ и Копенгагенѣ.

Содержаніе въ нихъ, какъ и въ предыдущихъ послѣднихъ двухъ всемилостивѣйшія наставленія и пространнѣйшія сообщенія всего того, что къ ясному понятію настоящихъ дѣлъ служить можетъ, сколь нужны мнѣ были для своего поведенія, столь полезны быть имѣютъ для предостереженія Вашего Императорскаго Величества интересовъ.

Разсуждая утаеваемыя Виллепевымъ с здѣшними министрами обстоятельства мирной негоціаціи, отказъ сообщенія его Вилленсовыхъ писемъ, несогласныя кардинальскія рѣчи, малую ревность и слабость помянутаго посла представленій при сообщеніи вашихъ и союзника вашего кондицій и медленіе въ отправленіи отсюду къ нему указовъ, безсумнительно кажется (какъ Ваше Императорское Величество всемилостивѣйше изволитъ заключать), что дворъ здѣшній не гораздо склоненъ поспѣшать окончаніемъ войны.

Съ другой стороны, для удержанія шведскаго злаго намѣренія кардинальскія обѣщанія съ принятыми къ тому мѣрами не соотвѣтствуютъ. Слова Сентъ-Северинова къ господину Безтужеву и министровъ здѣшнихъ со мною несогласныхъ помянутаго посла доношеній о тамошнихъ происхожденіяхъ прилежно здѣсь утаеваются; и что всего пуще здѣшняго двора пропскомъ сенаторы, вашимъ интересамъ склонные, достоинства своего лишены бываютъ, все то подлинно не оказываетъ великое доброжелательство съ стороны французской и даетъ много причины сумнѣваться о чистосердечности кардинальской.

Мнѣ давно его поступки подозрительны становились, какъ Ваше Императорское Величество изволили усмотрѣть изъ разныхъ моихъ доношеній, но не отважился я его до сѣхъ поръ конечно осудить, думая, что усматриваемыя мною въ словахъ и въ дѣлахъ его несходства могутъ происходить и отъ другихъ нашихъ причинъ, кромѣ его злого и хитростнаго намѣренія.

Извиняютъ его старость, которой малопамятство и легкоподозрительство обыкновенны; нравъ его непостоянный, который не только въ дѣлахъ, Вашего Императорскаго Величества касающихся, но и во всѣхъ другихъ, кои сквозь его руки происходятъ, чувствителенъ; духъ сродный Французской націи, которая въ счастіи любитъ властвовать и мало умѣрять, такъ слова какъ поступки свои. Извиняютъ его положеніе и обстоятельства дѣлъ европейскихъ [1]). Гишпанія еще чувствуетъ язву лишенія Тосканы и Пармы, которыя Франція цесарю гварантировала; Англія съ одной стороны войной Гишпанцамъ грозитъ, съ другой—союзниковъ въ Сѣверѣ ищетъ. Король Прусскій ждетъ смерти Палатинскаго електора для похищенія Юлія и Берга, которые Франція другому обѣщала. Торгъ аглинскій и къ восточнымъ пристанямъ, чрезъ прилежность французскую почти опроверженный, ищется восставить лишеніемъ французскаго кредита при Портѣ.

Не дивно бъ, еслибъ кардиналъ въ такихъ околичностяхъ Портѣ и шведскому двору лаская являлъ умѣренное лукавство и союзниками въ Сѣверѣ себя укрѣпить искалъ. Но теперь явно вижу, что и одно и другое чрезмѣрно становится, и что нужно помышлять о своей предосторожности; толь наипаче, что отправленіе здѣшней эскадры въ Балтику со всѣмъ неблаговременно, сколь бы не безвинна была того причина.

Согласіе здѣшняго двора съ цесарскимъ какъ худо сшитая рана легко разсядится можетъ, и Бурбонскій домъ, сколько я усмотрѣть могу, ни мало свои любимыя старыя начала не отмѣнилъ; столь меньше отмѣнить склоненъ кажется по новомъ брачномъ союзѣ между двумя его дѣтьми. Оный теперь полезенъ былъ цесарю приступленіемъ Гишпанскаго двора къ Вѣнскому трактату, еслибъ полезнымъ почесть можно оное обязательство, въ которое королева Гишпанская не добровольно вступаетъ съ намѣреніемъ разорвать оное при первомъ удобномъ случаѣ.

Отъ сего Ваше Императорское Величество всемилостивѣйше изволитъ разсудить, сколь мало причины имѣютъ протестанскія державы опасаться соединенія между цесаремъ, Францією и Гишпаніею, и если кардиналъ продолженіе войны турецкой желаетъ, какъ его поступки то являютъ, то не въ иномъ намѣреніи, развѣ чтобъ держа съ тои стороны цесаревы руки связаны, лишить мор-

[1]) Образецъ утонченной политики и дальновидности.

Д. Б.-К.

скихъ державъ помочи Его Императорскаго Величества и предупредить какой генеральній въ Европѣ союзъ, котораго слѣдства сколь опасны, уже предъ сего Франціи искуспла.

Ваше Императорское Величество полагаться на томъ можетъ, что являема отъ кардинала къ цесарю благосклонность не надежна, и Его Величества обрѣтаемые здѣсь министры безъ сумнѣнія не много оною Его Императорскому Величеству льстятъ; а буде льстятъ, то ошибаются къ вреду своего государя.

Учиненный за нѣсколько мѣсяцевъ князю Лихтенштейну отказъ въ задержаніи здѣсь Рагоція довольно то мнѣніе подтверждаетъ. Еслибъ и другихъ резоновъ не было оное основательнымъ почесть, хотя же бы и впрямь кардиналъ желалъ тѣсную дружбу межъ королемъ и Его Императорскимъ Величествомъ продолжить, кардиналъ уже старъ, а всякій другой министръ, кой ему наслѣдовать будетъ, станетъ держаться старыхъ правилъ, которыхъ основаніе было Австрійскаго дому пониженіе.

Кардиналъ долженъ въ нынѣшнихъ временахъ менажировать Вѣнскій дворъ, чтобъ столь свободнѣе могъ пріумножить холодность между Его Императорскимъ Величествомъ и морскими державами, натуральными его союзниками, и чтобъ спомощника себѣ имѣть въ дѣлѣ Юлія и Берга. Когда же въ войнѣ межъ Англіею и Гишпаніею (которая по всѣмъ изъ Лондона письмамъ не извѣстна) Бурбонскій домъ получитъ удачу, и дѣло Юліе-Бергское кончится, опасаюся, что нужда менажированія и съ нею дружба вся минется.

Тѣсный союзъ Вашего Императорскаго Величества съ цесаремъ можетъ быть причиною есть, что и безъ злаго противъ васъ особливо намѣренія кардинальскіе поступки интересамъ вашимъ предосудительны бываютъ, и можно бы почти смѣло сказать, что дворъ здѣшній охотно бъ съ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ въ тѣсныя обязательства вступилъ, еслибъ впдѣлъ надежду разлучить васъ съ Его Императорскимъ Величествомъ. Еслибъ можно было видѣть письма Вилленевы цѣлыя, чаю, можно бы сему разсужденію доказательства сыскать; для того какъ Ваше Императорское Величество всемилостивѣйше примѣчать изволитъ, всѣ сепаратные поступки цесарскаго двора въ мирной негоціаціи Его Императорскому Величеству самому предосудительны быть могутъ, подая поводъ надеждѣ къ разлученію двухъ высочайшихъ союзниковъ.

Я уповаю, что Ваше Императорское Величество милостивѣйше изволитъ мнѣ оставить, если я можетъ быть излишно распространилъ свои слабыя разсужденія, которыя отъ сличенія всемилостивѣйше сообщенныхъ мнѣ наставленій и извѣстій съ тѣмъ, что я здѣсь примѣтить могъ натурально происходить, мнѣ показался; буде изъ нихъ другого плода не будетъ, то по меньшей мѣрѣ Вашему Императорскому Величеству причину подадутъ еще лучше изъяснить мнѣ своими высочайшими указами дѣлъ нынѣшнихъ состояніе и исправить мое невѣжество.

Между тѣмъ я по полученнымъ уже Вашего Императорскаго Величества рескриптамъ неотмѣнно слѣдовать буду, убѣгая все то, что кардиналу хотя малѣйшій знакъ подозрѣнія или малѣйшій поводъ къ недовольству подать можетъ.

Его кардинальскія частораждаемыя подозрительства, надѣюся, что легче можно будетъ убавить, не столько опымъ атенціи дая; никогда конца не будетъ, еслибъ должно было всякаго неосновательства дважды и трожды доказывать.

О негоціаціи аглинской, будто производимой при вашемъ дворѣ, изъ Лондона ко мнѣ и къ другимъ здѣсь писано: потому можетъ статься, что и французскій посолъ Камбисъ о томъ кардиналу доносилъ. Однакоже ко мнѣ по сю пору ни онъ кардиналъ, ни Амелотъ не отзывался (кромѣ вопроса о проѣхавшемъ сквозь Берлинъ ко двору вашему аглинскомъ куріерѣ). А когда отзовутся, слѣдовать буду высочайшему Вашего Величества указу.

Впрочемъ, препоручая себя въ высочайшую Вашего Императорскаго Величества милость, всенижайше пребываю Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшій рабъ князь Антіохъ Кантемиръ.

Изъ Парижа 1739 мая 3-го (апрѣля 22-го).

XXIII.

Въ реляціи камергера и чрезвычайнаго посла князя Антіоха Кантемира, изъ Парижа отъ 10-го мая (29-го апрѣля) 1739 года написано:

Отъ здѣшнихъ дѣлъ къ извѣстію Вашего Императорскаго Величества достойнаго только нахожу, что почти во всѣхъ здѣшнихъ провинціяхъ великій недостатокъ хлѣба, и во многихъ бѣдность и голодъ столь чувствительны становятся, что народъ толпами соби-

рается и разбиваютъ домы обильнѣйшихъ для добычи пищи; если наступающая жатва не будетъ обильна, то опасаются здѣсь общаго голоду.

XXIV.

Графу А. И. Остерману.

Сіятельнѣйшій графъ,

Премилостивый государь мой!

Въ высочайшемъ Ея Императорскаго Величества рескриптѣ отъ 7-го апрѣля послѣдній параграфъ, касающійся опредѣленія моего жалованья, такого содержанія, что я (какъ въ нынѣшней своей реляціи доношу) не знаю, что прямо изъ того заключать. Я не дерзнулъ въ той своей реляціи искать непристойнымъ рабу любопытствомъ проницать въ намѣреніе Ея Императорскаго Величества или докучными просьбами утруждать Ея Императорское Величество; но на вашего сіятельства къ себѣ высокую милость полагаясь, смѣлость пріемлю настоящимъ моимъ покорнѣйшимъ письмомъ, и склонность мою, и состояніе здѣшнихъ пждивеній изъяснить; сколько перваго касается, я, какъ часто уже вашему сіятельству доносилъ, никакой воли не имѣю; всякое мое и государыни обо мнѣ опредѣленіе съ удовольствомъ пріемлю и, самый животъ свой къ услугамъ Ея Величества посвятивъ, по своей угодности мною распоряжать право имѣетъ; однакоже должность моя принуждаетъ меня объявить, что для нынѣшнихъ деликатныхъ негоціяцій и для здѣшнихъ негораздо простыхъ министровъ требуется больше искусства и искусу, нежели во мнѣ самъ нахожу; большей ревности сыскать будетъ трудно. Сколько до втораго пункта принадлежитъ, нижайше прошу въ разсужденіе принять: 1-е, высочайшую степень, которую Ея Императорское Величество содержитъ между коронованными государями; 2-е, великолѣпность двора и роскошность народа здѣшняго; 3-е, дороговизну здѣшняго города, и 4-е, моихъ доходовъ состояніе. Противъ 1-го примѣчать я долженъ, что и самый сардинскій посолъ содержитъ домъ, котораго уборъ сталъ болѣе 100 тыс.; дворянъ, пажей, множество служителей, лошадей съ двадцать, каретъ три, почтовыя коляски, и чинитъ равномѣрныя тому штату пждивенія, которыя всходятъ до 120,000 ливровъ въ годъ. Не упоминаю о цесарскомъ, гишпанскомъ, аглинскомъ, португальскомъ и неаполитанскомъ послахъ, которыхъ расходы вдвое и трое больше; но не чаю, чтобъ Ея Императорское Величество изволила

своего посла содержать ниже сардинскаго. На 2-е излишно вашему сіятельству доносить, что дворъ здѣшній, какъ и все дворянство, во всемъ пышенъ. Платье свое и служителей, кружева, бѣлье, лошади, уборъ конскій и домовый, столъ, все должно быть богатое, и то цѣлый годъ безпереч. Мотовство такъ далеко идетъ, что и на игру должно опредѣлить не малую сумму въ годъ, понеже нельзя безъ картъ здѣсь прожить, какъ безъ хлѣба и безъ воды. 3-е, дороговизны здѣшней пропорцію изволите точно угадать, считая люйдоръ противъ рубля въ С.-Петербургѣ; то есть, всѣ вещи въ пятеро здѣсь противъ С.-Петербургскаго дороже. 4-е, мои собственные доходы всегда были такъ малы, что какова бы ни была ревность моя оные къ службѣ Ея Императорскаго Величества употребить, весьма мало бъ служили; а послѣ тяжбы съ мачихою принцессою Гессенъ-Гомбургскою и тѣ пресѣклись опискою моихъ деревень; по всему тому слѣдуетъ, что если Ея Императорское Величество изволитъ, отмѣнивъ прежнюю всемилостивѣйшую резолюцію, меня здѣсь оставить, то на мое содержаніе должно будетъ опредѣлить не малую сумму и на пріуготовленіе дома, экипажа, серебряной посуды и прочее еще неменьшую. Пожалованные мнѣ при отъѣздѣ изъ Лондона 5000 руб., изъ которыхъ за проѣздомъ и за платежемъ нѣкоихъ долговъ въ Лондонѣ дошли сюды не съ большимъ 3000 руб., уже всѣ издержаны. Понеже постоялый домъ плачу по 500 ливровъ, карету по 370 на мѣсяцъ, ливрей двѣ сдѣлалъ, платья себѣ паръ пять—шесть, и сколько домъ позволяетъ служителей содержу число не малое, и обѣды хоть не велики, да часты. Хотя пждивенія мои и теперь не малы, чести мало дѣлаютъ. Еслибъ домъ свой завести, утросныя издержки будутъ не больше приличныя; если домъ не найму лѣтомъ, зимою сыскать будетъ не можно. Теперь готовъ домъ недавно умершей госпожи Бонакъ, и буде не спѣшить, то и тотъ уйдетъ. Чтобъ не показалось, что я съ корыстливости такъ высоко всѣ нужды помышляю, покорнѣйше представляю, что я ничего не требую на свои пріуготовленія и на уборъ домовый, только бы позволено было прислать точныя росписи, что на то изойдетъ, съ тою конди ціею, что серебряную посуду сдѣлавъ подъ гербомъ императрицынымъ, при возвращеніи въ отечество имѣю возвратить въ казну Ея Императорскаго Величества, а всѣ прочія вещи противъ той росписи оставить опредѣляемому по мнѣ наслѣдинку или кому Ея Императорское Величество укажетъ. Безъ серебряной посуды пробавиться не можно, а мою по меньшей мѣрѣ надлежитъ утропть,

чтобъ можно было служить къ обѣду 20 персонъ. Прилагаю при семъ самый умѣреннѣйшій планъ, по которому Ея Императорскаго Величества не женатый посолъ здѣсь домъ свой содержать долженъ.

Я неотмѣнно должности своей чаялъ о всемъ вышеписанномъ подробно вашему сіятельству донесть, чтобъ молчаніе мое не учинило меня повиннымъ, если недостатки мои при продолженіи моей здѣсь резиденціи явятся славѣ Ея Императорскаго Величества предосудительны; для того уповаю, что ваше сіятельство милостиво извините пространность сего письма, и что онымъ такое употребленіе учинить изволите, какое вашему сіятельству приличнѣе покажется, и по которому я бы могъ признать вашего сіятельства къ себѣ неотмѣнную милость. Впрочемъ съ крайнымъ почтеніемъ пребываю Вашего сіятельства всепокорно послушный слуга Князь Антіохъ Кантемиръ.

Изъ Парижа.

Мая 14-го (3-го) дня 1739 года.

Служители:

Секретарь посольства.
Другой секретарь.
Священникъ.
Пономарь.
Дворянинъ.
Конюшій.
Два пажа.
Дворецкій.
Конфектный мастеръ.
Два повара.
Два камердинера.
Ключникъ.
Свизъ для воротъ.
Шесть лакеевъ.
Три конюха.
Поваренный слуга.
Блюдомоя.
Фротеръ, что домъ чиститъ.

Экипажъ:

2 цука.

4 лошади для почтовой коляски.

2 лошади для посылки и для нажей.

3 кареты, одна повседневная, другая выѣздная, третья дорожная.

Одна почтовая коляска.

XXV.

Въ реляціи камергера князя Антіоха Кантемира изъ Парижа отъ 24-го мая (4-го іюня) 1739 года написано:

Предъ заключеніемъ моей другой сегодняшней реляціи, я имѣлъ честь получить Вашего Императорскаго Величества всемилостивѣйшій рескриптъ подъ № 25-мъ отъ 1-го мая, касающійся отъ большой части турецкой негоціаціи и отправленія французской эскадры въ Балтику.

Я уже обстоятельно и всенижайше доносилъ въ помянутой моей другой реляціи, что вслѣдствіе высочайшихъ вашихъ указовъ мною исполнено при сообщеніи піесовъ, принадлежащихъ къ Вилленевой экспедиціи, нарочно обстоятельно описавъ происшедшее въ конференціяхъ моихъ съ кардиналомъ и съ Амелотомъ, дабы Ваше Императорское Величество всемилостивѣйше усмотрѣть изволили ихъ намѣреніе изъ самыхъ словъ ихъ; также потребныя внушенія о отправленіи ревностныхъ указовъ къ нему Вилленеву и пристойное употребленіе приложенныхъ вѣдомостей при высочайшемъ рескриптѣ подъ № 23-мъ не пропущены; потому остается мнѣ о той матеріи всенижайше прибавить, что и цесарскіе министры, и я усматриваемъ нѣкую новую горячность къ поспѣшенію мира, и если не ошибаюсь, должно оную приписать какой новой важной отмѣнѣ при Портѣ, о которой Вилленевъ опасается, что если много времени упуститъ, то негоціація сія изъ рукъ его выйдти можетъ; ревнивость его о чинимыхъ представленіяхъ отъ польскаго посланника можетъ быть о томъ основана. Ваше Императорское Величество изъ содержанія сего моего донесенія всемилостивѣйше усмотрѣть изволитъ, что разсужденіе сіе до сѣхъ поръ догадками почитать должно; но понеже помянутая горячность къ поспѣшенію мира довольно чувствительна, въ такомъ расположеніи здѣшняго министерства ожидать бы должно, что сильно Вилленеву укажутъ о томъ намѣреніи радѣть; со всѣмъ тѣмъ я и чрезъ цесарскихъ ми-

нистровъ и собою еще ихъ побуждать къ тому не оставлю; не можно изобразить съ какою умѣренностію и учтивостію кардиналъ въ послѣднемъ свиданіи со мною обходился и разсужденіи свои производилъ; такой поступокъ, можетъ быть еще приписать должно вышепомянутой моей рефлексіи и показываетъ его искусство въ утаеніи прямыхъ намѣреній.

Господинъ Амелотъ, какъ Ваше Императорское Величество всемилостивѣйше примѣчаетъ, съ большею откровенностію поступаетъ, и того и при семъ случаѣ знакъ далъ, являя безъ всякаго обиновенія недовольство о краткомъ срокѣ вашего ультимата.

О нареканіяхъ кардинальскихъ я уже давно вслѣдствіе прежде посланныхъ ко мнѣ высочайшихъ указовъ не упоминалъ, какъ и онъ самъ болѣе о томъ не отзывался: трудно угадать, скрываетъ ли въ томъ свою мысль, или учиненными изъясненіями удовольствованъ, хотя въ самомъ дѣлѣ сіи таковы, что неудовольству мѣсто не остается.

Сколько принадлежитъ до отправленія эскадры, какъ скоро оное здѣсь всѣмъ извѣстно стало, я не премнулъ чрезъ цесарскаго министра стараться вывѣдать ея намѣренія, и какое онъ изъясненіе доставить мнѣ могъ, всенижайше я доносилъ въ покорнѣйшей моей реляціи подъ № 41-мъ, которая до отпуску высочайшаго вашего рескрипта, ко двору вашему дойдти не могла; прежде того я безъ указу не смѣлъ. И самъ цесарскій посолъ не совѣтовалъ что-либо представлять, когда всѣми тогда отправленными ко мнѣ всемилостивѣйшими наставленіями напсильнѣйше мнѣ было повелѣно ни малѣйшаго знаку подозрѣнія о кардинальскихъ поступкахъ не подать.

Изъ всѣхъ его отвѣтовъ на чинимыя мною весьма учтиво представленія о происхожденіяхъ шведскихъ Ваше Императоское Величество всемилостивѣйше усмотрѣть изволите, что онъ всегда обнадеживаніями о своей чистосердечности отзывался, какъ быть представленія происходили отъ подозрительства на него. Въ семъ случаѣ еще больший поводъ къ такому его поступку бы подался, а то самое убѣгать я искалъ вслѣдствіе высокопомянутыхъ вашихъ указовъ.

Ваше Императорское Величество, вѣдая уже нравъ его кардинальскій и его непонятное деликатство, всемилостивѣйше изволитъ извинить то, что̀ въ семъ дѣлѣ неисправно признать изволили.

Обнадеживанія, которыя онъ кардиналъ напослѣдокъ такъ цесарскимъ министрамъ, какъ мнѣ далъ о томъ, что помянутая эс-

кадра никакого злобнаго намѣренія не имѣетъ, потому кажется вѣроятно, что по здѣсь получаемымъ изъ Швеціи извѣстіямъ тамо никакихъ военныхъ пріуготовленій не видно. Однакоже подлинно всѣ благоразсудные признаютъ, что сколь бы безвинно было намѣреніе той эскадры, въ нынѣшнихъ околичностяхъ отправленія ея къ Балтику неблаговременно, и въ той силѣ я объ ней кардиналу и Амелоту представилъ.

Въ приложенной при высочайшемъ вашемъ рескриптѣ рукописной французской вѣдомости показано, что указы отправлены и въ Тулонъ для вооруженія кораблей, и о таковомъ указѣ здѣсь ничего не слышно, и еслибы впрямь въ Тулонѣ корабли вооружались, то оные не могутъ быть опредѣлены для Балтики; по меньшей мѣрѣ было бы то безразсудно, когда всегда другіе корабли къ вооруженію въ Брестѣ готовы могутъ. А по вооруженіи эскадры Аглицкой не чаятельно, чтобъ здѣсь хотѣли противъ себя подозрительства прибавить.

Слабость отъѣхавшей эскадры изъ Бреста заставила, какъ я разумѣю изъ словъ милорда Валграфа, оную призирать; но еслибы число кораблей французскихъ было важнѣе, то Агличане чуть не препятствовали бы проѣзду сквозь каналъ.

Что помянутый посолъ аглинской подалъ здѣсь меморію о дѣлѣ Корсическомъ, я никогда не слыхалъ; но легко будетъ истину увѣдать, понеже онъ со мною ласково и откровенно обходится.

Трудно впрочемъ судить о намѣреніи здѣшняго министерства въ томъ дѣлѣ, понеже Малбой по пріѣздѣ своемъ въ тотъ островъ съ многочисленнымъ войскомъ никакого дѣйствія не началъ.

Что принадлежитъ до кардинала Тансина о его дальнихъ видахъ и состояніи, я въ свое время имѣлъ честь всенижайше Вашему Императорскому Величеству донесть, и авторъ помянутой французской вѣдомости не худо разсуждаетъ о безпокойствѣ Шовелиневомъ при возвышеніи его въ кардинальское достоинство, понеже сердечно другъ друга ненавидятъ. Господина Тансина острый умъ и проворство, по общему здѣсь разсужденію и самому кардиналу де-Флерію показались отчасти опаснымъ; для того, сказываютъ, въ Римъ отдаленъ, куды, чаю, уже изъ своей епархіи отправился.

Въ заключеніе сей имѣю Вашему Императорскому Величеству всенижайше донесть, что господинъ кардиналъ и прочіе французскіе министры завтра изъ Версали разъѣдутся до прибытія королевскаго въ Компіенъ, куды Его Величество отъѣзжаетъ 7-го

сего, и проѣзжая съ продолженіемъ ловли чрезъ Шантильи, прибудетъ къ 11-му. По то число уже съ ними французскими министрами обыкновенно чужестранные не видаются; а тогда и я, слѣдуя двору, не оставлю повторительно точно исполнить высочайшіе Вашего Императорскаго Величества указы и о происшедшемъ подробно донесу.

XXVI.

Выписка.

Голодъ въ многихъ здѣшнихъ провинціяхъ продолжается, и при учиненныхъ королю комплиментахъ о мирѣ президентъ камеры д'анкетъ господинъ Камюсъ въ своемъ королю говорилъ, что желательнѣе бы было, чтобъ миръ народу чувствителенъ былъ обилствомъ, нежели звономъ трубъ, понеже теперь терпитъ голодъ и убожество; слѣдствіи чрезмѣрнаго нждивенія откупщиковъ (des fermiers généraux). Его Величество ни мало противно не принялъ такую его рѣчь; но всѣ признаютъ, что она неблаговременна была, понеже Его Величество уже отправилъ въ тѣ провинціи, гдѣ голодъ чувствителенъ, великое число хлѣба и около трехъ милліоновъ денегъ на раздачу народу.

Изъ Лондона, отъ 2-го іюня, ко мнѣ пишутъ, что съ прибывшимъ днемъ прежде куріеромъ получена вѣдомость, что король Гишпанскій напослѣдокъ склонился изъ своей казны заплатить тѣ 68,000 фунтовъ стерлинговъ спорные съ Полуденною компаніею, которой аккордуетъ столь долго задержанную цедулу для отправленія обыкновеннаго корабля по обязательствамъ трактата д'Ассіенто; что вслѣдствіе того опредѣлено эскадру контръ-адмирала Гаддока изъ Средиземнаго моря отозвать, и что учрежденный осмимѣсячный срокъ для дефинитивнаго трактату прибавленъ до 16 мѣсяцовъ. Изъ такой резолюціи аглинскаго министерства видно, что не смѣя противъ воли парламентской въ помянутомъ трактатѣ Гишпанскому королю позволеніе дать о продолженіи екаминаціи торговыхъ аглицкихъ кораблей, и съ другой стороны, вѣдая, что дворъ гишпанскій безъ того къ заключенію трактата не поступитъ, ищетъ убѣжать войну, выигрывая время, какъ обыкновенный до сѣхъ поръ былъ его поступокъ. Судить можно потому, что та война уже не скоро воспослѣдуетъ, паипаче, что ко мнѣ и изъ Мадрида пишутъ, что и тамъ мало склонности къ разрыву

съ Англичанами видится. Такая неожидаемая отмѣна цесарскому двору со временемъ можетъ быть предосудительна, понеже всѣ вѣдаютъ, что Гишпанская королева не забыла княженій Пармы и Піаченцы, и что въ покоѣ она пребыть не можетъ.

Я слышу съ надежной стороны, что французскій посолъ въ Гагѣ старается статовъ генеральныхъ привесть къ вступленію въ трактатъ неутралитета, каковой содержали при послѣдней войнѣ. Для полученія обстоятельнѣйшаго извѣстія сообщаю сіе обрѣтаемому въ Гагѣ Вашего Императорскаго Величества полномочному и чрезвычайному послу.

Письма изъ Мадрида даютъ знать, что король Гишпанскій назначилъ посланника для датскаго двора; поступокъ, котораго ни поводъ, ни намѣреніе я понять не могу. Обрѣтаемый при томъ датскомъ дворѣ французскій министръ Шавиньи оттуду возвратится, какъ скоро эскадра французская сквозь датскіе порты проѣдетъ; а датскій здѣсь посланникъ графъ Шуленбургъ такъ же получилъ свой рапель и къ концу сего мѣсяца въ свое отечество отъѣзжаетъ.

За симъ препоручаю себя въ высочайшую Вашего Императорскаго Величества милость; всенижайше пребывая Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшій рабъ князь Антіохъ Кантемиръ.

Изъ Парижа, іюня 7-го (мая 27-го) дня 1739.

XXVII.

Выписки.

1) Въ реляціи камергера и чрезвычайнаго посла князя Антіоха Кантемира изъ Компіеня іюля 9-го (іюня 28-го) дня 1739 года, написано:

Шетарди, уже на прошлой недѣлѣ дѣйствительно отправилъ весь свой экипажъ въ Руанъ, откуду моремъ въ Амстердамъ, оттуду въ С.-Петербургъ пошлется. Самъ онъ буде вчерась въ вечеру сюды не пріѣхалъ, сегодня прибудетъ для полученія отпуску отъ короля, потомъ, мало дней помѣшкавъ въ Парижѣ, намѣренъ на послѣдокъ отъѣхать; чтобъ уже болѣе мнѣ не ошибаться, поставляю точное время его пріѣзда къ двору вашему около половины сентября.

Съ крайнимъ своимъ удовольствомъ я усмотрѣлъ изъ высочайшихъ Вашего Императорскаго Величества указовъ, что всемило-

стивѣйше изволили аппробовать резоны, для которыхъ я противъ его назначенія не поступилъ вслѣдство перваго объ немъ вашего указу, и при томъ приношу всеподданнѣйшее благодареніе. Въ исполненіи вашихъ указовъ поступать должно, примѣняясь по нраву министровъ и по околичностямъ; при полученіи оныхъ, безъ такого изъясненія высочайшей Вашего Императорскаго Величества воли, руки мнѣ были много связаны; не смѣя на себя перенять, то, что указами вашими не повелѣно, и съ опасностію удерживался предписанное не исполнять, не вѣдая, какъ то отъ Вашего Величества будетъ принято. По несчастію подобные мои поступки раза два три, будучи отъ Вашего Императорскаго Величества дезапробованы, мнѣ несмѣлость прибавили, къ которой безъ того малый искусъ обыкновенно поводъ подаетъ; Вашему Императорскому Величеству будучи извѣстно, что не всегда ревности и прилежанію удача въ дѣлахъ соотвѣтствуетъ. Всенижайше уповаю, что впредь о моихъ поступкахъ судить соизволитъ съ обыкновеннымъ себѣ снисхожденіемъ, и проч.

2) Въ реляціи его же князя Кантемира изъ Парижа отъ 30-го (19-го) іюля 1739 г. написано:

По Высочайшему Вашего Императорскаго Величества указу подъ № 36, я имѣлъ 24-го сего у короля приватную аудіенцію и при пристойномъ комплементѣ съ стороны Вашего Императорскаго Величества вручилъ Его Величеству вашу грамоту объявительную о бракѣ Ея Высочества государыни принцессы Анны, а надлежащую Гишпанскому королю того же дня отдалъ, для отсылки въ Мадритъ, маркизу Деламина; его французское величество на комплементъ ни однимъ словомъ не отвѣтствовалъ, а впрочемъ довольно со мною разговаривать изволилъ о письменахъ, о языкѣ русскомъ и о подобныхъ любопытныхъ матеріяхъ; такое Его Величества молчаніе другому чему приписать не могу развѣ его величества сродной несмѣлости; его величество обыкновенно не многорѣчивъ, и когда дѣло о комплементѣ идетъ, часто предъизбираетъ молчаніемъ прикрыть свою несмѣлость; тотъ его величества характеръ отъ всѣхъ чужестранныхъ министровъ примѣченъ. Кардинала же и Амелота, которые также никакимъ комплементомъ не отозвались, чѣмъ изъяснить—не знаю.

Господинъ кардиналъ о семъ новомъ приключеніи разсуждалъ, что никакого разсужденія о допускѣ двухъ морскихъ державъ не имѣетъ, но въ самомъ дѣлѣ безсумнительно, что по возможности стараться станетъ, чтобъ ихъ къ тому не допустить, и вслѣд-

ствіе того должно быть содержаніе отправленныхъ къ Вилленеву указовъ съ куріеромъ, который отсюду отъѣхалъ, прежде нежели дворъ отсюду въ Компіень поднялся; о помянутомъ призываніи морскихъ державъ въ медіацію цесарскимъ министрамъ не больше обстоятельствъ сообщено, нежели Вашему Императорскому Величеству донесено изъ Вѣны; однакоже по оному мы не оставили потребные поступки учинить при здѣшнемъ министерствѣ, которые по счастію согласны находятся съ тѣмъ, что Ваше Величество всемилостивѣйше мнѣ повелѣваетъ нынѣшнимъ своимъ указомъ подъ № 38. Что на оныя наши представленія здѣсь намъ отвѣтствовано, всемилостивѣйше изволите усмотрѣть изъ покорнѣйшихъ моихъ реляцій подъ № 61, 62 и слѣдующихъ, и буде смѣть мнѣ свое нижайшее мнѣніе предложить, полезно бы было оставить здѣшнихъ въ нынѣшнемъ ихъ безпокойствѣ по тому дѣлу, которое можетъ Вилленева всего больше побуждать поспѣшить заключеніемъ мира, чтобъ тѣмъ допускъ новыхъ медіаторовъ предупредить; а съ другой стороны, полезно же бы было морскихъ державъ отвратить отъ требованія мнѣнія союзническихъ дворовъ, имѣя довольную дорогу собою резолюцію принять, чтобъ чрезъ то избѣжать недовольство здѣшняго двора.

Для того же резона не безполезно оставить здѣшнихъ въ безпокойствѣ въ томъ, что касается представленія медіаціи персидской, о которой уже какъ министры французскіе ко мнѣ не отзывались, такъ я и имъ не упоминалъ.

Любопытство ихъ, о намѣреніи Вашего Императорскаго Величества войскъ отчасти являетъ недовольство, съ которымъ услышали проѣздъ онаго сквозь Польшу [1]); цесарскіе министры о томъ походѣ не инакъ здѣсь сообщили, развѣ какъ о приватной вѣдомости, и я до сихъ поръ ни отрицать, ни подтверждать оной не могъ, понеже о семъ дѣлѣ рескрипта Вашего Императорскаго Величества не получалъ; нумеры всѣхъ вашихъ указовъ сходны, потому не знаю, подъ которымъ имѣетъ быть тотъ потерянный рескриптъ; но каково бы то ни было, теперь не оставлю при дворѣ здѣшнемъ о той Вашего Императорскаго Величества резолюціи потребное сообщеніе учинить и изъяснить, что Ваше Императорское Величество давно ту королю аттенцію имѣть изволили, но что по несчастію указъ вашъ въ дорогѣ утратился; отъ явно вредныхъ толкованій о томъ походѣ кардиналъ до сихъ поръ удерживается,

[1]) Французскій дворъ оказываетъ свое неудовольствіе о проходѣ черезъ Польшу войскъ россійскихъ. *Д. Б.-К.*

хотя не совсѣмъ можетъ утаить свое неудовольство; буде помнитъ свои прежнія слова, долженъ бы стыдиться инако поступать, но по несчастію различіе въ мнѣніи и въ словахъ ему обыкновенно, какъ еще недавно усмотрѣно; въ томъ, что касается Вашего Величества кондицій, которыя многократно аппробовалъ, потомъ того отрицается, и напослѣдокъ еще способными къ заключенію мира признадъ. Я всѣ тѣ свои примѣчанія цесарскимъ министрамъ сообщилъ, внушивъ притомъ, что объ нихъ министрамъ вашимъ въ Вѣну прислалъ; они сами не знаютъ что̀ потому заключать и отъ большей части такіе несогласные поступки приписываютъ перемѣнчивому кардинальскому нраву.

XXVIII.

По титулѣ.

Въ прошедшую среду, то есть, 5-го сего, я имѣлъ честь получить высочайшій Вашего Императорскаго Величества рескрипть отъ 3-го іюля, подъ № 39, о дѣлѣ Спиклеровомъ съ приложеннымъ при немъ экстрактомъ, оба на нѣмецкомъ языкѣ, и подскрыптомъ на русскомъ. Вслѣдствіе сего сочиненный на французскомъ языкѣ чрезъ Генриха Гроса переводъ на другой день я сообщилъ статскому секретарю Амелоту, при пзустномъ почти въ той же силѣ объявленіи; и понеже во всѣхъ чужестранныхъ газетахъ до сихъ поръ многократно объ ономъ разглашено съ подобными обстоятельствами, каковы изображены въ присланномъ ко мнѣ отъ Вашего Императорскаго Величества экстрактѣ, я господина Амелота просилъ, чтобъ изволилъ приказать сообщенный переводъ Вашего Императорскаго Величества рескрипта въ здѣшнихъ газетахъ напечатать, представляя ему, что я уповаю, что не будетъ имѣть затрудненіе обнародить оправданіе Вашего Императорскаго Величества. По прочтеніи вышепомянутаго перевода онъ Амелотъ мнѣ сказалъ, что не оставитъ оный кардиналу показать и представить ему требованное мною онаго напечатаніе, хотя де въ здѣшнихъ газетахъ о приключеніи Спиклеровомъ только одно дѣйство описано безъ всякихъ рефлексей, и что впрочемъ Ваше Императорское Величество можетъ быть благонадежна, что здѣсь всѣ увѣрены будучи о Вашего Величества высокихъ добродѣтеляхъ, ни кому на умъ не всходило, столь гнусное дѣло приписать Вашему Императорскому Величеству или чаять, что оное по ва-

шему указу учинено. Но то де безсумнительно, что по требованію Вашего Императорскаго Величества министра при польскомъ дворѣ обрѣтаемый при томъ же дворѣ резидентъ далъ офицерамъ, убійцамъ Спиклеровымъ, пашпорты и рекомендательныя письма; что вслѣдствіе того отъ цесарскаго двора позволено оным офицерамъ за нимъ Спиклеромъ гнаться, и всѣ способы употреблены для его арестованія, и что всѣ тѣ обстоятельства сообщены здѣсь чрезъ князя Лихтенштейна рескриптомъ Его Царскаго Величества, писаннымъ къ сейму Ратисбонскому; хотя де оттого не слѣдуетъ, что помянутый вашъ министръ приказалъ Спиклера смерти предать, однакожь безсумнительно становится, что убійцы его были русскіе офицеры, которые, имѣя можетъ быть приказъ объ одномъ арестованіи Спиклеровомъ или объ отнятіи его писемъ, далѣе предписаннаго поступили и такимъ образомъ учинили злодѣйственну вашего помянутаго министра ревность, который можетъ быть чаялъ для предостереженія интересовъ вашихъ потребно искуснымъ образомъ получить Спиклеровы письма [1]). Но все де то дѣйство французскаго двора не касается, и потому его королевское величество не долженъ изслѣдовать причины и обстоятельства онаго, не желая никому приписать столь мерзкое дѣло: напротивъ онъ указъ имѣетъ мнѣ горячія жалобы принесть, что товарищъ въ пути Спиклеровъ, нѣкто Кутюріеръ, родомъ Французъ, арестованъ съ пашпортомъ французскимъ въ Саксоніи по требованію вышепомянутаго же Вашего Императорскаго Величества министра, какъ о томъ объявилъ здѣсь саксонскій секретарь де-Бре по указу короля Польскаго, и до сихъ поръ безвинно въ тюрьмѣ держится: дѣло де, оное противно праву народному, и слѣдовательно, его королевское величество не можетъ оное развѣ въ крайнюю обиду себѣ принять, и потому не только причину имѣетъ ожидать, что оный Его Величества подданный будетъ освобожденъ, но что и сатисфакція дана будетъ противъ тѣхъ, которые его арестовали.

На оное отвѣтъ мой былъ слѣдующій: 1-е, что онъ самъ изъ вашего высочайшаго рескрипта усматриваетъ, что при вашемъ дворѣ ни малаго извѣстія неимѣется о Спиклеровомъ убійствѣ, и что Ваше Императорское Величество совсѣмъ оное дезапробуетъ;

---

[1]) Spickler убитъ отъ капитана барона Кутлера и поручика Левицкаго, въ іюнѣ 1739 года, возвращаясь изъ Константинополя въ Швецію. Графъ Остерманъ убійство сіе, приписываемое русскимъ офицерамъ, называлъ въ рескриптахъ императорскихъ интригою французскаго двора для вооруженія Швеціи противъ Россіи. *Д. Б.-К.*

2-е, что слѣдовательно вашъ министръ не могъ имѣть никакого указу, чтобъ онъ требовалъ позволеніе за нимъ Зинклеромъ гнаться или отъ него письма отнять; 3-е, что всѣ сего дѣла обстоятельства столь различно изъ разныхъ мѣстъ описаны, что то самое не допускаетъ имъ подавать полную вѣру; 4-е, что еслибы касающіяся вашего министра обстоятельства были истинны, онъ подлинно не оставилъ бы меня о томъ увѣдомить; наипаче же доносить Вашему Императорскому Величеству, а изъ вышепомянутаго указу видно, что къ Вашему Императорскому Величеству о томъ не донесено; 5-е, что хотя я цесарскій рескриптъ къ діетѣ Ратисбонской еще не видалъ, понеже князь Лихтенштейнъ только третьяго дни изъ Компьеня возвратился, однакоже не надѣюсь, что его цесарское величество могъ вышепомянутыя обстоятельства подтверждать, а для лучшаго своего извѣстія тотчасъ оный не оставлю требовать отъ его величества посла; 6) что буде впрямъ его императорское величество тѣ обстоятельства подтверждаетъ, то я не могу развѣ объ нихъ Вашему Императорскому Величеству доносить и ожидать вашихъ высочайшихъ инструкцій, до полученія которыхъ вмѣсто всякаго отвѣта ссылаюсь на сообщенный ему Вашего Императорскаго Величества рескриптъ, изъ котораго то одно усматриваю, что Ваше Величество въ семъ дѣлѣ ни малаго участія не имѣетъ. Что впрочемъ, сколько касается арестованія Кутюріерова, дѣло то мнѣ совсѣмъ новое и еще больше прежняго непонятно. Въ такихъ обстоятельствахъ, съ какими объ немъ его королевскому величеству донесено, что буде баронъ фонъ-Кейзерлингъ требовалъ его арестованія, то я надѣюсь, что оное учинено для того, что оный Кутюріеръ, будучи одинъ свидѣтель убійства Зинклерова, и Ваше Императорское Величество, неотмѣнно желая учинить всѣ возможные происки, чтобъ достать убійцовъ, опаго Кутюріера просили въ Саксоніи его удержать, чтобъ отъ него вывѣдать убійства обстоятельства и дорогу, которою убійцы бѣжали.

Господинъ Амелотъ, который сначала описанныя жалобы съ горячности мнѣ выговаривалъ, уже гораздо смиреѣе отвѣтствовалъ, что сколько до обстоятельствъ убійства Зинклерова принадлежитъ, я оныя симъ увижу въ помянутомъ цесарскомъ рескриптѣ, къ которому де меня отсылаетъ, повторяя, что оныя къ нему, яко къ дѣлу, французскому двору чужему, не принадлежатъ: а о задержаніи Кутюріеровомъ ему не позволено сумнѣваться о томъ, что именемъ короля Польскаго его величества секретарь здѣсь объявилъ, и слѣдовательно, вѣдаетъ, что онъ Кутюріеръ въ тюрьмѣ

держится по требованію вашего министра. Правда де, ему не извѣстно содержаніе учиненному уже ему Кутюріеру допроса, понеже еще отъ польскаго двора не сообщенъ, но постороннимъ образомъ слышалъ, что отъ него допрашивано о письмахъ и поступкахъ Спиклеровыхъ, а не обстоятельствахъ убійства, и о дорогѣ, которою убійцы бѣжали. Еслибъ де его Кутюріера хотѣли употребить только свидѣтелемъ, не должно бы его въ тюрьму посадить; буде же онъ чемъ виновенъ, то должно бы здѣсь суда просить. Я еще противъ того ему сказалъ, что точнаго отвѣта ему дать о всемъ томъ не могу, понеже мнѣ дѣло совсѣмъ новое; но однакожь позволилъ мнѣ примѣчать, что его королевскому величеству никакимъ образомъ не можетъ быть противно, если помянутый Кутюріеръ задержанъ для того, чтобъ пользоваться его свидѣтельствомъ. Если же за вину какую арестованъ, то и въ томъ сохраненъ поступокъ повседневно обыкновенный, понеже по прошенію обиженнаго во всякомъ государствѣ арестовать можно виноватаго, чтобъ не допустить его избѣжать достойнаго наказанія.

Долго еще потомъ подобныя обекціи и отвѣты межь нами повторены, которыхъ однакожь описаніемъ Ваше Императорское Величество утруждать излишно бы было, понеже всѣ на вышеписанные сходятъ.

Предъ выходомъ я, усматривая, что противно повторенымъ обпадеживаніямъ и самымъ обстоятельствамъ, по которымъ объ отъѣздѣ Шетардіевомъ къ 4-му сего августа сумнѣваться было не можно, онъ Шетарди внезапно здѣсь остановился, требовалъ отъ него Амелота вѣдать, что̀ къ тому поводъ подало? На что̀ онъ безъ обиновенія мнѣ отвѣтствовалъ, что обстоятельства арестованія Кутюріерова съ пашпортомъ французскимъ таково, что господинъ кардиналъ заблагоразсудилъ Шетардія отъѣздъ остановить, пока подробное извѣстіе получится о состояніи сего дѣла, и пока онъ Кутюріеръ будетъ освобожденъ. Тогда я узналъ, что не безоснователно въ своей покорнѣйшей реляціи отъ 23-го іюля я примѣчалъ, что пріисканный тогда отъ Шетардія претекстъ къ медленію имѣлъ какое отношеніе къ Спиклерову дѣлу, и что напротиву я ошибался въ своей предпослѣдней, опровергая тѣ свои рефлексіи.

Противъ того объявленія я статскому секретарю представилъ, что я подлинно онаго слышать не ожидалъ, и не могу ему утаить, что арестованіе Кутюріерово, если бы въ самомъ дѣлѣ оно подлинное было и со всѣми обстолтельствами извѣстно, не такой важности, чтобъ за нимъ должно было остановить торжественное посольство,

съ столькими повтореннымі обнадеживаніями обѣщанное; что для того я уповаю, что господинъ кардиналъ по зрѣлѣйшемъ разсужденіи изволитъ нынѣшнее свое намѣреніе отмѣнить, а я ему паиспльнѣйше обѣщеваюсь, что съ Вашего Императорскаго Величества стороны въ томъ Кутюріеровомъ дѣлѣ учинено будетъ полное удовольство, каково правильно требовать можно; что я впрочемъ на его разсужденіе оставляю, къ какимъ толкованіямъ натурально поводъ подать можетъ остановленіе посла за такъ маловажнымъ резономъ, когда Ваше Императорское Величество никакого участія подлинно не имѣетъ въ арестованіи французскаго подданнаго, и когда его французскому величеству обѣщевается вся возможная сатисфакція. На то онъ еще повторилъ резоны, для которыхъ дѣло сіе важное почитать должно; напослѣдокъ заключилъ, что онъ представитъ мои рѣчи кардиналу и съ нимъ согласится, что по онымъ для отъѣзда Шетардіева учинить будетъ можно.

Конференція съ кардиналомъ о помянутомъ убійствѣ. Я самъ потомъ съ нимъ кардиналомъ видѣлся и сообщилъ часто помянутый переводъ высочайшаго вашего рескрипта при подобныхъ, какъ и статскому секретарю, изустныхъ изъясненіяхъ: прочевши оный сказалъ мнѣ почти въ равныхъ же терминахъ, какъ и Амелотъ, что Вашему Императорскому Величеству персонально не нужно никакого оправданія, понеже никому въ умъ не всходило, чтобъ Ваше Величество такое дѣйство или позволили, или указали учинить; но что по вашего министра, обрѣтаемаго въ Варшавѣ, прошенію за Спиклеромъ въ погоню посылано, и чрезъ двухъ русскихъ офицеровъ онъ убитъ, сумнѣваться не должно; ибо не только со всѣхъ сторонъ вѣдомость ту подтверждаютъ, но и въ сообщенномъ здѣсь отъ цесарскихъ министровъ Его Императорскаго Величества рескриптѣ именно изображено: потому де подлинно Вашего Величества характера и высочайшей чести достойно авторовъ такого гнуснаго дѣла наказать въ образецъ всему свѣту; но трудность въ томъ состоитъ, гдѣ тѣхъ офицеровъ сыскать, ибо хотя онъ ни мало не сумнѣвается, о всемъ томъ, что въ Вашего Императорскаго Величества декларацін содержится, опасается, что злодѣи укроются. Я противъ того ему отвѣчалъ, что Ваше Императорское Величество всевозможные способы употребитъ, чтобъ виновныхъ сыскать; и буде оные не ваши подданные—служить будутъ къ доказательству, сколь подозрѣніе на вашихъ людей было безосновательно; буде же подданные—претерпятъ строгое наказаніе, каково тяжесть сего дѣла достойна: и для того Ваше Императорское Величество

просили и цесаря, и короля Польскаго, чтобъ въ своихъ областяхъ указали прилежные прописки учинить. Притомъ я прибавилъ, что всего удивительнѣе мнѣ было сегодни слышать отъ господина Амелота, что Французъ, Синклеровъ товарищъ, Кутюріеръ въ Саксоніи арестованъ, будто по требованію Вашего Императорскаго Величества министра, и что для того онъ кардиналъ изволилъ остановить отъѣздъ Шетардіевъ. На то онъ мнѣ отвѣтствовалъ, что все то истинно, и не знаетъ для какой причины и съ какого поводу учиненъ французской націи афронтъ арестованіемъ безвиннаго подданнаго его величества, противно дружбѣ межь Вашимъ и его величествомъ и противно праву народному; что то дѣйство такой важности, что не пристойно его величества послу отсюду отъѣхать; а какъ скоро оный Кутюріеръ будетъ освобожденъ, то Шетарди немедленно отправится въ путь свой, къ чему де уже совсѣмъ былъ готовъ. Тогда я ему кардиналу пространно повторилъ рѣчи свои, которыя прежде имѣлъ съ Амелотомъ; напаче ему изъяснивъ, 1-е, что по содержанію высочайшаго вашего рескрипта безсумнительно, что Ваше Императорское Величество никакого извѣстія не имѣетъ о томъ арестованіи; 2-е, что хотя мнѣ не будучи обстоятельства того дѣла сообщены, правильно причину имѣю сумнѣваться, надежна ли та вѣдомость; но понеже онъ кардиналъ о томъ удостовѣряетъ свидѣтельствомъ саксонскаго секретаря, поставляю, что онъ Кутюріеръ подлинно арестованъ; 3-е, въ такой суппозиціи то арестованіе опому приписать не можно, развѣ ревности Вашего Императорскаго Величества министра въ пріисканіи убійцевъ Синклеровыхъ; ибо онъ Кутюріеръ одинъ будучи свидѣтель его убійства, только чрезъ него можно обстоятельства онаго вышѣдать; понеже 4-е, не можно никакого другаго намѣренія приискать, будучи весьма безразсудно онаго въ Саксоніи арестовать, для прикрытія сего дѣла, ибо пока онъ тамъ находится, служитъ всему свѣту свидѣтельствомъ убійства; что впрочемъ 5-е, можетъ статься, что онъ самъ виновенъ признанъ, и въ такомъ случаѣ всякъ государь въ своей землѣ право имѣетъ не только арестовать, но и наказать виноватаго: я увѣренъ, что онъ Кутюріеръ въ семъ послѣднемъ случаѣ не находится, но понеже его польское величество, за благо изобрѣвъ его арестовать, должно признать, что то не безъ резона учинено: но какова бы ни была причина его задержанія, я оставляю ему кардиналу судить, довольно ли важно оное дѣло, чтобъ за тѣмъ остановить торжественно обѣщанное посольство: въ партикулярной особѣ, каковъ Кутюріеръ, честь Француз-

ской націи не зависитъ, и не можно заключить, что его арестованіемъ народъ Французскій обезчещенъ; понеже на всякой день въ разныхъ государствахъ подданные чужестранные и арестуются, и наказуются, но нація оныхъ участія въ томъ не принимаетъ, а остановленіе посольства, какъ дѣло собою важное, натурально подастъ поводъ къ предосудительнымъ толкованіямъ, такъ что не можно будетъ унять подозрѣніе, что между двѣмя дворами холодность произошла: для того покорно его прошу зрѣло о томъ разсудить и отмѣнить свое намѣреніе. На то кардиналъ повторилъ, что подданный французскій будучи безвинно арестованъ, не можно то принять инако развѣ какъ за учиненный всей націи афронтъ, и пока не будетъ освобожденъ, онъ не можетъ согласиться на Шетардіевой отъѣздъ: буде же я свободу Кутюріерову обѣщаю, то немедленно прикажетъ ему отъѣхать. Я противъ того ему далъ знать, что вслѣдствіе высокопомянутаго вашего рескрипта, я никакой трудности не имѣю его кардинала и изустно, и письменно буде желаетъ удостовѣрить, что Ваше Императорское Величество какъ во всемъ дѣлѣ никакого участія не имѣетъ, такъ помянутому Кутюріеру никакого утѣсненія учинить не намѣрены, и потому смѣло могу его обнадежить, что буде онъ арестованъ по требованію министра вашего, то также чрезъ него будетъ свобода его исходатайствована, и что сегодня жъ о томъ писать буду къ барону фонъ-Кейзерлингу и готовъ ему кардиналу свое письмо подъ открытою печатью вручить, а притомъ позволилъ бы мнѣ примѣчать, что онъ Кутюріеръ арестованъ не въ вашей области, и понеже я не знаю причины его арестованія, я въ томъ только себя обязую, что̀ Вашего Императорскаго Величества министра касается; благонадеженъ впрочемъ, что онъ самъ признаетъ нужно его задержаніе, буде оно учинено въ томъ намѣреніи, чтобъ доискать убійцовъ Спиклеровыхъ. Господинъ кардиналъ на то мнѣ отвѣчалъ, что онъ доволенъ тѣмъ, чтобъ я къ барону фонъ-Кейзерлингу писалъ о свобожденіи Кутюріеровомъ, и не требуетъ чтобъ ему то письмо вручить, полагаяся совсѣмъ на мое обѣщаніе, и если я обяжусь, что онъ Кутюріеръ свободу свою получитъ, будучи увѣренъ о его безвинности, то онъ готовъ Шетардію приказать тотчасъ отъѣхать,—и съ тѣмъ меня отпустилъ, не изъяснивъ подлинно, желаетъ ли отъ меня особливаго письменнаго обязательства. Буде онаго требовать не будетъ, то столь наипаче меня обяжетъ; въ противномъ случаѣ соглашусь съ цесарскими министрами о поступкѣ, который интересамъ Вашего Императорскаго Величества приличнѣе явится.

Впрочемъ кардиналъ разговоръ свой началъ спылчиво, дезаппробуя убійство, и безкрытно являя свое неудовольство, такъ объ одномъ, какъ и о арестованіи Кутюріеровомъ; но потомъ по малу по малу, уважая изъясненія и резоны, склоннѣе становился, и напослѣдокъ меня отпустилъ гораздо ласково; но хотя прилежно удерживался прекословить всему тому, что въ Вашего Императорскаго Величества декларацiи изображено, и изъ всего именно высочайшее ваше лицо выключалъ, однакоже въ томъ мнѣніи остался, что Спинклеръ русскими офицерами убитъ. И подлинно о томъ къ сумнѣнію мѣста не остается, читая присланный отъ цесарскаго двора фактумъ, который того же дня мнѣ отъ господина Шмерлинга сообщенъ, и съ котораго въ запасъ при семъ прилагаю копію. Рескрипту же цесарскаго къ діетѣ Ратисбонской не бывало, какъ изволите усмотрѣть изъ Шмерлингова письма.

На требованіе мое о напечатанiи вашей декларацiи въ газетахъ, чего здѣсь безъ указу отъ двора учинить не можно, кардиналъ отвѣтствовалъ, что нужно де то учинить въ началѣ въ Вѣнскихъ газетахъ, откуду де здѣсь та вѣдомость получена. Я не много о томъ ему докучалъ, ожидая способнѣйшаго случая, когда нынѣшняя горячность недовольства минется;—паипаче, что не сумнѣваюсь, что оная декларацiя будетъ напечатана въ Амстердамскихъ газетахъ, которыя больше здѣшнихъ во всемъ свѣтѣ читаются.

По возвращенiи отъ кардинала я сообщилъ о всемъ происшедшемъ обоимъ цесарскимъ министрамъ, которымъ и копію далъ съ часто помянутаго высочайшаго рескрипта на нѣмецкомъ языкѣ, и изъяснивъ имъ подробно, какія непріятныя слѣдствiи ожидать должно отъ остановленія обѣщаннаго Вашему Императорскому Величеству посольства для столь маловажной причины, которая явно себя нарочно пріисканнымъ претекстомъ являетъ, просилъ ихъ, чтобъ они повидались съ кардиналомъ и старались бы уговорить его отмѣнить свою резолюцію.

Вслѣдствіе того они, 7-го сего, видѣли кардинала и на его подобныя какъ мнѣ учиненныя жалобы въ равной силѣ ревностныя представленія учинили, съ обнадеживаніями, что Французъ Кутюріеръ не только безсумнительно освобожденъ будетъ, но и дѣйствительно, буде же не освобожденъ, содержится въ изрядномъ стартементѣ безъ всякаго утѣсненія, какъ по случаю прибывшій сюда Саксонецъ, нѣкто Фришъ, который во время его арестованія въ Дрезденѣ случился, имъ засвидѣтельствовалъ, съ тою околичностію, что когда оный Кутюріеръ отъ двухъ офицеровъ туда

привезенъ, баронъ фонъ-Кейзерлингъ, не вѣдая ни причины, ни околичности случившагося Спиклеру несчастія, для его безопаства просплъ, чтобъ его удержать, пока къ Вашему Императорскому Величеству о томъ донесетъ и отвѣтъ получитъ; и притомъ заключили, изъясняя, что остановленіе посольства должно бы имѣть гораздо важнѣйшую сего причину и кажется не праведно, когда Ваше Императорское Величество ни малаго извѣстія о семъ дѣйствѣ не имѣетъ, прибавя притомъ всѣ прочіе отъ меня кардиналу представленные резоны, которые повторять удержуся, и давъ ему знать о отправленномъ отъ меня письмѣ къ барону фонъ-Кейзерлингу, которое имъ отъ меня было сообщено, и которое его кардинала удовольствовать бы должно, какъ Ваше Величество изъ приложенной при семъ копіи усмотрѣть изволите.

Тѣ ихъ представленія никакую точную о Шетардіи резолюцію отъ кардинала произвести не могли; всегда онъ повторялъ свою одну рѣчь, что тѣмъ арестованіемъ учиненъ афронтъ Французской націи, и заключилъ, что Шетарди отъѣхать не можетъ, пока ему кардиналу не покажу мое помянутое письмо къ барону фонъ-Кейзерлингу и письменно не обяжусь, что Кутюріеръ изъ аресту будетъ освобожденъ: между прочимъ онъ прибавилъ, что и кромѣ той причины напрасно бы было спѣшить отъѣздомъ Шетардіевымъ, понеже онъ долженъ свою отпускную аудіенцію имѣть отъ короля Прусскаго, который теперь въ Берлинѣ находится.

Противъ сего цесарскіе министры еще отвѣчали, что они не ожидаютъ никакого затрудненія, съ моей стороны, обѣщаться о домогательствѣ вашего министра при польскомъ дворѣ, чтобъ Кутюріеръ былъ освобожденъ; но не могу обязаться, будучи онъ арестованъ въ областяхъ короля Польскаго, что его польское величество его подлинно освободитъ, буде не по прошенію вашего министра указалъ его арестовать; а впрочемъ они вѣдаютъ, что король Прусскій возвратится въ Берлинъ прежде, нежели Шетарди туды доспѣть можетъ.

Прилежно уваживъ всѣ кардинальскіе разговоры, цесарскіе министры согласно со мною подозрѣніе имѣютъ, что кардиналъ симъ своимъ поступкомъ претекстъ ищетъ къ замедленію отправленія посольства или совсѣмъ оное удержать намѣренъ.

Чтобъ лучше о томъ увѣриться нужно, признали мнѣ еще съ нимъ повидаться, и сообщивъ ему только для прочтенія письмо мое къ частопомянутому барону фонъ-Кейзерлингу, примѣчать что потому произойдетъ, и буде тѣмъ не будетъ доволенъ, какъ и обна-

деликатніями хотя на письмѣ, что я его барона еще просить буду, чтобъ онъ о свободѣ Кутюріеровой по крайней возможности домогался, то требовать отъ него кардинала точнаго отвѣта что мнѣ должно Вашему Императорскому Величеству доносить о Шетардіевомъ отъѣздѣ.

Вслѣдствіе того я сегодня по утру былъ у кардинала и далъ ему прочесть помянутое мое письмо къ барону фонъ-Кейзерлингу, которымъ онъ весьма былъ доволенъ, признавая въ точныхъ словахъ, что ничего болѣе отъ меня требовать не могъ бы, и что нельзя съ большею чистосердечностію поступать; но притомъ желалъ, чтобъ я подписавъ копію того письма у него оставилъ. Противъ того я просилъ его, чтобъ меня отъ того извинилъ, понеже какъ онъ самъ изволитъ признать, я, пишучи къ своему товарищу, изъясняю свое мнѣніе въ такихъ откровенныхъ словахъ, которыя я не употребилъ бы, еслибъ письмо мое имѣло служить для врученія ему кардиналу, что въ немъ за сумнительныя почитаю обстоятельства, которыя отъ его польскаго величества министра здѣсь сообщены, а мнѣ неприлично прекословить тому, что по его величества указу представляется, и что еслибъ онъ изволилъ, какъ я самъ предложилъ третьяго дня, мнѣ объявить, что желаетъ съ того моего письма имѣть копію, то оное сочинилъ бы хотя въ той же силѣ, въ другихъ однако терминахъ, и потому никакой трудности оное у него оставить не имѣлъ бы.

Кромѣ сихъ резоновъ, для которыхъ я ту копію ему кардиналу оставить неприлично чаялъ, важнѣйшій мой резонъ, который предъ нимъ умолчалъ, есть тотъ, что въ оном письмѣ упомянается о фактумѣ цесарскомъ, который сумнѣваться не оставляетъ, что убійцы Спиклеровы были русскіе офицеры, и что я убѣжать хотѣлъ всякое хоть малѣйшее слово, которое другихъ дворовъ касаться можетъ.

Кардиналъ на то отвѣтствовалъ, что онъ учиненнымъ отъ меня поступкомъ совсѣмъ доволенъ, и совершенно увѣренъ, что показанное письмо отъ меня къ вашему полномочному министру отправлено; но нужно де ему имѣть что ни есть королю показать, и для того понеже съ того письма копію оставить у него неприлично чаю, то проситъ меня, чтобъ я къ нему кардиналу прислалъ при письмѣ своемъ экстрактъ изъ того письма, изъ котораго его французское величество могъ бы усмотрѣть, что я стараюсь о освобожденіи Кутюріеровомъ. Оное я исполнить обѣщался и именно ему показалъ пасажи письма, которые въ экстрактѣ вне-

сены будутъ, и которыми онъ удовольствовался. Онаго экстракта копія при семъ приложена будетъ, какъ и копія съ письма къ кардиналу.

Письмо то къ кардиналу сочинено съ согласія цесарскихъ министровъ, и общимъ совѣтомъ уважены содержаніе и термины онаго.

Резоны, которые меня склонили и цесарскимъ министрамъ важными казались, чтобъ въ семъ кардинала удовольствовать, суть слѣдующіе; 1-е, пасажи моего письма согласны Вашего Императорскаго Величества декларацiи, которой свобожденіе Кутюріерово ѣсть сродное слѣдствіе. 2-е, отъѣздъ Шетардіевъ отъ того зависитъ, и буде при долгомъ его медленіи наружу выйдетъ онаго причина, подастся поводъ заключать, что межъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ и королемъ разгласіе возобновилось, которое несходство, кажется, должно предупредить всѣми приличными способами.

Потому нижайше уповаю, что Ваше Императорское Величество всемилостивѣйше аппробуетъ сей мой поступокъ, на который указу отъ Вашего Величества требовать и ожидать время не позволяло.

Кардиналъ еще при семъ повторилъ, что ни малѣйшаго сумнѣнія никто здѣсь не имѣетъ, что Ваше Императорское Величество персонально ни извѣстія, ни участія не имѣетъ въ убійствѣ Синклеровомъ, и притомъ прибавилъ, что для самаго охраненія высочайшей вашей чести нужно, чтобъ Французъ Кутюріеръ былъ сохраненъ въ цѣлости и со всякою безопасностію отпущенъ былъ въ отечество; и объ ономъ, что точно будетъ исполнено, я его кардинала просилъ ни мало не сумнѣваться.

Напослѣдокъ я требовалъ отъ него вѣдать, что вслѣдствіе учиненныхъ отъ меня поступковъ изволитъ опредѣлить о Шетардіевомъ отъѣздѣ; обнадежилъ меня, что какъ скоро получитъ и королю покажетъ вышепомянутое мое къ нему письмо съ экстрактомъ, прикажетъ немедленно Шетардію въ путь свой отправиться.

Онъ Шетарди послѣ меня къ нему кардиналу вошелъ и по выходѣ далъ мнѣ знать, что кардиналъ мною и письмомъ моимъ весьма доволенъ и сказалъ ему, что здѣсь не имѣетъ остановиться развѣ дней на шесть; что послѣ завтра возвратився изъ Версали (куда сегодня отъѣзжаетъ, и куда ему являться не совѣтуетъ, понеже отъ короля уже отпускъ свой имѣлъ) дастъ ему подлинный приказъ объ отъѣздѣ.

Потому въ малые дни усмотрѣть будетъ можно, исполнитъ ли онъ кардиналъ свои обѣщанія, которымъ уже я довѣрять не смѣю. То извѣстно, что корабль съ экипажемъ посольскимъ давно изъ Руана въ море пустился, и съ моей стороны предупреждены всѣ причины и претексты къ жалобамъ, какъ самъ кардиналъ и мнѣ, и Шетардію, и цесарскимъ министрамъ объявилъ. По меньшей мѣрѣ, если и теперь слово свое не додержитъ, никакого извиненія имѣть не можетъ.

Отъ состоянія нынѣшнихъ околичностей Ваше Императорское Величество всемилостивѣйше признать изволитъ, что я съ здѣшними министрами о другихъ дѣлахъ говорить не много времени имѣлъ, да и случай къ тому не былъ приличный. Въ двухъ только словахъ я статскому секретарю далъ знать, что отъ Вашего Императорскаго Величества давно ко мнѣ указъ былъ присланъ, сообщить о проѣздѣ вашихъ войскъ сквозь Польшу, который указъ будучи утраченъ въ дорогѣ, не знаю того дѣла обстоятельства, а отъ него я увѣдалъ, что отъ Вилленева, послѣ 20-го мая, никакихъ писемъ не получали. Кардиналъ же вчерась цесарскимъ министрамъ далъ знать, что получены отъ него Вилленева письма отъ 16-го іюня, въ которыхъ только примѣтнаго, что онъ дѣйствительно изъ Константинополя къ войску турецкому отъѣхалъ, и что морскихъ державъ послы всевозможные подвиги чинятъ о допускѣ своемъ къ медіяціи. Съ оныхъ писемъ копіи надѣюся впредь намъ сообщены будутъ.

Отъ здѣшнихъ дѣлъ только имѣю всенижайше донесть, что ратификаціи здѣшнія на акцептацію Вашего Императорскаго Величества акцесіи къ Вѣнскому трактату отправлены отсюды 31-го іюля, и что сколько до сѣхъ поръ провѣдать было можно, въ Тулонѣ вооружается нѣсколько малыхъ фрегатовъ.

Графъ Тессинъ прибылъ сюды на сихъ дняхъ: до сѣхъ поръ еще никакого движенія себѣ не даетъ и съ кардиналомъ не видался, будучи за болѣзнію своихъ глазъ изъ дому непсходенъ.

За симъ препоручаю себя въ высочайшую Вашего Императорскаго Величества милость, всенижайше пребывая Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшій рабъ князь Антіохъ Кантемиръ.

Изъ Парижа. Августа 8-го (іюля 28-го дня) 1739.

Копія съ письма князя Кантемира къ барону Кейзерлингу, отъ 6-го августа 1739 года.

Je viens de communiquer aujourd'hui à M-r le Cardinal de Fleury la déclaration de l'Impératrice, notre gracieuse Souveraine, sur l'assassinat de Sinckler, datée du 3-me Juillet. Comme indubitablement vous en avez reçu une pareille, je ne vous en fais point de détail. Elle était plus que suffisante à convaincre tout le monde, que notre cour n'avoit jamais donné des ordres pour une action si noire. Mais M-r le Cardinal est cependant persuadé que ce sont deux officiers Russes qui l'ont commis. Un factum envoyé ici de la cour de Vienne, où est marqué positivement cette circonstance, ne laisse pas lieu d'en douter. Comme cette affaire ne regarde la cour de France qu'indirectement, elle se contente de la désaprouver sans pourtant en faire des plaintes. M-r le Cardinal m'a témoigné son mécontentement sur un autre sujet, qui est l'émprisonnement d'un certain Français qui accompagnoit Sinckler dans son voyage, nommé Couturier lequel, selon que M-r de Brais sécretaire de Saxe à déclaré ici par ordre du Roi de Pologne, après avoir été relaché par les officiers qui ont tué Sinckler, avoit été de rechef arreté et mis en prison où il se trouve actuellement, et cela à Votre requisition où à celle de M-r Golimbowsky. Son Eminence m'en a fait des plaintes très vives, en me déclarant que le Roi ne sauroit prendre une telle demarche que comme une insulte faite à la nation française, et qu'en consequence Sa Majesté a trouvé à propos de differer le depart de son Ambassadeur pour notre cour, qui étoit sur le point de se mettre en chemin. Comme cette affaire étoit pour moi tout à fait nouvelle n'en ayant des informations ni de Vous ni d'autre part, je n'ai pu repondre rien de positif sur les circonstances; mais j'ai fait mon possible pour prouver à Son Eminence l'un des deux, ou que l'emprisonnement du dit Couturier est inventé, ou que s'il avoit lieu, Vous ne l'auriez demandé que pour vous assurer de la seule personne qui est capable de donner quelques lumières d'un fait aussi obscur que l'assassinat de M-r Sinckler, et de tacher à decouvrir s'il est possible par son moyen les auteurs de cet assassinat. Le temps ne me permet pas de vous communiquer tout au long mon raisonnement: je me reserve à vous envoyer par la première poste un extrait de ma relation. Vous pouver, Monsieur, en attendant juger par les expressions de M-r le Cardinal de quelle manière il a pris cet emprisonnement, et le retard de l'ambassade fait voir les suites, aux quelles ou doit s'attendre.

Les interets de notre très gracieuse souveraine exigent cependant de les prevenir: et c'est pour cela que je prends la liberté de vous suplier, Monsieur, 1-re: de m'instruire en détail de la manière dont l'affaire c'est passée, si réelement cela n'est pas une fable, afin que je puisse donner de bonnes raisons à M-r le Cardinal si le fait existe, ou l'en desabuser s'il n'existe pas. 2-e. Si vous avez requis l'emprisonnement de M-r Couturier pour la fin que je m'imagine et que j'ai indiquée ci-dessus; j'espére que le but est obtenu jusqu'à cette heure; par consequent S. M. Imperiale ne sauroit désaprouver si vous vous employer à faire élargir le dit sieur Couturier, outre qu'il ne paroit point nécessaire qu'il soit détenu dans un cachot comme on l'a dit à M-r le Cardinal s'il n'est pas criminel. 3-e. s'il l'ut et qu'il est arreté sans votre requisition par ordre de S. M. Polonaise, et pour des raisons qui ne regardent point ni l'assassinat de M-r Sinckler, ni autre affaire qui ait raport à notre cour: vous aurez la bonté de m'en envoyer des preuves pour en convaincre &.

Au Cardinal.

Monseigneur!

En consequence de ma promesse, j'ai l'honneur d'envoyer à votre Eminence ci joint un extrait de ma lettre à M-r le Baron de Keyserling. Elle est parti pour Dresde vendredi matin, et je me flatte qu'elle aura l'effet que votre Eminence desire, si M-r le Baron ne m'a déjà prevenu. Je suplie votre Eminence de me nommer le jour que je pourrai avoir l'honneur de lui faire ma Cour à Spyc. En attendant j'ai celui d'être avec tout le respect possible &.

XXIX.

По титулѣ.

Въ послѣдней моей я всенижайше доносилъ о полученіи всемилостивѣйшаго Вашего Императорскаго Величества рескрипта отъ 11-го августа, подъ № 46, при которомъ приложены: письмо къ кардиналу де-Флерію, копія съ онаго, копія съ письма графа Спицендорфа къ маркизу Виллепеву, цесарскій мирный планъ, экстрактъ изъ письма Амелотова, копія съ двухъ Вашего Императорскаго Величества рескриптовъ къ генералу-фельдмаршалу графу фонъ-Миниху о Синклеровомъ дѣлѣ, копіи съ двухъ грамотъ Вашихъ къ королю Польскому, и королевскій отвѣтъ къ Вашему Величеству и реляція печатная на нѣмецкомъ и русскомъ языкѣ о акціи при Синковцѣ.

Въ всенижайшій отвѣтъ на оный Вашего Императорскаго Величества рескриптъ только имѣю донесть:

1) Что приложеніе, присланное при ономъ подъ нумеромъ 5-мъ, а именно экстрактъ изъ письма Амелотова, ни отъ него, ни отъ цесарскихъ министровъ мнѣ не сообщенъ; потому объ томъ упоминать имъ не стану, а причину того несообщенія легко усмотрѣть можно, разсуждая содержаніе письма, въ которомъ, какъ Ваше Императорское Величество всемилостивѣйше примѣчаетъ, не чрезвычайно великая горячность къ интересамъ вашимъ показывается; Ваше Императорское Величество въ свое время изъ моихъ покорнѣйшихъ реляцій усмотрѣть изволили, что статскій секретарь и въ разговорахъ со мною почти тѣ же экспрессіи употреблялъ, находя не малое затрудненіе въ томъ, что Кинбурнъ и Очаковъ, не ревокуя представленныя тогда кондиціи, разорены, и всѣ противъ того такъ словесно отъ меня, какъ и сильнымъ основаніемъ показанные резоны и изъясненія въ слѣдующихъ потомъ письмахъ вашего перваго кабинетнаго министра графа Андрея Ивановича Остермана оное его мнѣніе отмѣнить не были сильны; понеже трудно удостовѣрить о чемъ того, кто не хощетъ быть удостовѣреннымъ, но съ другой стороны—желательно бы было, чтобъ цесарскій дворъ въ изъясненіи того пункта отъ вашихъ экспрессій не удалялся, чтобъ здѣшнія объекціи тѣмъ сильнѣе не становились. Ваше Императорское Величество ниже сего всемилостивѣйше усмотритъ и самаго кардинала повторенный совѣтъ о согласномъ во всемъ поступкѣ двухъ высокихъ союзниковъ. 2) О учиненномъ письменномъ отвѣтѣ отъ Вѣнскаго двора морскимъ державамъ о ихъ медіаціи мнѣ только вкратцѣ дано знать отъ Вашего Императорскаго Величества чрезвычайнаго посланника господина Ланчинскаго, а самый отвѣтъ на письмѣ и не видалъ, но каковъ онъ бы ни былъ, понеже Ваше Величество не заблагорассуждаетъ вступать въ дальное толкованіе о семъ дѣлѣ, я къ здѣшнимъ министрамъ о томъ отзываться не стану, пока сами поводъ не подадутъ, только наипаче, что учиненный отъ васъ министрамъ морскихъ державъ словесный отвѣтъ сходенъ съ самою кардинальскою рефлекціею, которую всемилостивѣйше усмотрѣть изволили изъ покорнѣйшей моей реляціи отъ 19-го іюля.

Вслѣдствіе же онаго высочайшаго указу я третьяго дня статскому секретарю Амелоту сообщилъ всѣ вышепомянутыя приложенія, кромѣ грамоты короля Польскаго.

Сію для того удержалъ, что въ ней упомнается о причиненныхъ

вашимъ войскомъ въ Польшѣ обидахъ, и что не трудно изъ ней усмотрѣть, что буде его польское величество проѣздъ тѣхъ вашихъ войскъ сквозь Польшу не позволилъ, однакожь оному не гораздо противился; два обстоятельства, которыя полезнѣе здѣсь утаить, а наипаче послѣднее, дабы не употребили тотъ способъ къ пріумноженію недовольства Поляковъ противной стороны.

Не возможно будучи Амелоту въ то время всѣ тѣ письма прочитать, я не могъ съ нимъ долгій разговоръ имѣть, понеже предъидущее объ нихъ извѣстіе было нужно; довольствовался я ему вкратцѣ оныхъ содержаніе исчислить и особливо подтвердить, что отправленіе эмисара Вашего Императорскаго Величества учинено по самому предложенію Вилленевову, и что ему, кромѣ воли того французскаго посла, никакой инструкціи не дано. Разсуждая крайнее здѣшнее деликатство и удобность къ подозрѣнію, тѣ внушенія весьма нужны.

Притомъ же я требовалъ отъ него извѣстіе о прогресахъ Вилленевовыхъ въ негоціяціи по прибытіи генерала Неуберга къ войску турецкому. На сіе только въ отвѣтъ получилъ, что Вилленевъ ни о чемъ еще доносить не въ состояніи, понеже будучи помянутому генералу отъ визиря представлено, что цесарь Бѣлградъ уступилъ, и онъ, не имѣя на то довольныхъ инструкцій, негоціяція продолжиться не могла.

При отпускѣ послѣднихъ Вилленевовыхъ писемъ, по его жь Амелотовымъ словамъ, получилъ онъ Вашего Императорскаго Величества ультиматумъ, отправленный съ Каньонемъ, которымъ особливо хвалится; но ничего не упоминаетъ, что съ тѣмъ ультиматумомъ потомъ учинено. Въ семъ послѣднемъ ниже сего различіе усмотрится въ словахъ кардинальскихъ.

Къ нему кардиналу сегодня по его желанію я ѣздилъ обѣдать въ Марли, гдѣ отъ него принятъ съ многою ласкою и учтивостію. При вручніи надлежащаго ему письма я именемъ Вашего Императорскаго Величества его обнадежилъ о особливой вашей къ нему естимѣ и о вашей благонадежности на его праводушіе. Всѣ піесы, врученныя отъ меня Амелоту, уже ему были сообщены. Письмо онъ прочелъ съ прилежаніемъ, и комплиментъ съ стороны Вашего Императорскаго Величества принялъ съ крайнимъ благодарствомъ. По прочтеніи письма сказалъ мнѣ, что всего прежде долженъ меня увѣдомить, что Константинополь наполненъ шпіонами; и я, спросивъ его, отъ кого они посланы и къ какому намѣренію, отвѣтствовалъ онъ, что онъ ни одно, ни другое не знаетъ. Я не могу

разумѣть къ какому намѣренію то внушеніе отъ него учинено, ни къ чему оное пользовать можетъ. Потомъ разговоръ со мною продолжалъ близъ съ получаса, который столь межъ собою не связенъ, что трудно порядочно описать. Изъ всего я разобрать могъ:

1-е. Что онъ доволенъ Вашего Императорскаго Величества послѣдними изъясненіями, посланными къ Вилленеву.

2-е. Что хотя признаетъ равномѣрность поступковъ вашихъ, однакоже забыть не можетъ, что Кинбурнъ и Очаковъ обѣщанъ былъ Портѣ.

3-е. Что не хвалитъ частыя учиненныя отъ цесарскаго двора въ кондиціяхъ отмѣны, понеже де ничего столько не вредно благопоспѣшенію негоціяціи, которое тѣмъ еще предосудительнѣе, что до сѣхъ поръ два высочайшіе союзника никогда къ Вилленеву вдругъ кондиціи свои не отправляли, но то одинъ, то другой сепаратно свои посылалъ, такъ что если де онъ Вилленевъ не былъ особливаго благоразсудства человѣкъ, могли бы отъ того воспослѣдствовать многія замѣшательства.

4-е. Что онъ признаетъ цесарское состояніе весьма слабымъ, и въ конфиденцію де сказать — примѣчаетъ, что его императорское Величество министерство не со всею должною ревностію служитъ и иногда чрезъ мѣру высоко, иногда чрезъ мѣру мягко поступаетъ: самыя экспрессіи, которыя Ваше Величество употребляетъ въ своемъ рескриптѣ отъ 4-го августа.

5-е. Что по такому Его Императорскаго Величества состоянію не должно бы Вѣнскому двору миръ остановлять для малыхъ авантажей и питать себя напрасною надеждою, но однажды за все принявъ резолюцію уставить свои кондиціи, каковы сходны тому своему состоянію.

6-е. Что негоціяція, по его мнѣнію, до сихъ поръ не могла имѣть многіе прогрессы, понеже Вилленевъ до сихъ поръ былъ только носитель взаимныхъ кондицій, безъ всякой полной мочи.

7-е. Что онъ еще мира не отчаевается, если на мѣсяцъ только Бѣлградъ осаду выдержитъ, понеже тогда азіатическія турецкія войска принудятъ великаго визиря намѣреніе свое отставить.

8-е. Что онъ признаетъ отъ обѣихъ дворовъ предлагаемыя кондиціи Портѣ таковы, что на оныхъ заключенный трактатъ имѣетъ быть ей довольно честенъ, и великій визирь буде оные откинетъ, то равно погрѣшитъ какъ цесарскій дворъ, отмѣняя свой ультима-

тумъ, понеже какъ выше упомянулъ—не должно питать себя тщетными надеждами и лучше держаться того, что въ рукахъ кто имѣетъ.

Я, оставляя на сторону то, что касается цесарскаго министерства, нужно только чаялъ ему изъяснить причины разоренія Кинбурна, напомнивая ему содержаніе о томъ писемъ вышепомянутаго вашего кабинетнаго министра, и что Ваше Императорское Величество сами предосудительными признаваетъ сепаратныя къ Вилленеву экспедиціи и часто Вѣнскому двору совѣтовали въ оныхъ не поспѣшать, какъ и къ нему кардиналу въ одномъ частопомянутаго вашего кабинетнаго министра письмѣ изображено; что впрочемъ если онъ кардиналъ изволилъ разсмотрѣть отправленныя къ Вилленеву отъ двора Вашего Императорскаго Величества письма и проектъ дефинитивнаго трактата, изволитъ признать, что онъ весьма довольно уполномоченъ, и что потому, какъ и разсуждая умѣренность вашихъ требованій, которыя всегда равномѣрныя были, если Порта истинное желаніе къ миру имѣетъ, за вами заключеніе онаго остановиться не можетъ.

Оное г-нъ кардиналъ истинно быть призналъ и притомъ далъ мнѣ знать, что Вилленевъ по полученіи ультиматума вашего оной великому визирю сообщилъ, который турецкій министръ на артикулъ, въ которомъ дозволяется Портѣ вмѣсто Азова на Кубани городъ построить, сказалъ, что сія новая кондиція нѣсколько въ себѣ важна (c'est encore quelque chose). Кромѣ же того, ни о отправленіи эмпсара, ни о состояніи негоціяціи Вилленевой и Неуберговой онъ кардиналъ ничего болѣе не разсуждалъ.

Между прочимъ разговоромъ слово случай мнѣ подалъ обстоятельно ему припомянуть многолѣтныя нападенія Татаръ на Вашего Императорскаго Величества границы, которыя къ войнѣ причину подали; многіе въ той войнѣ труды и издержки, которой одно намѣреніе будущая безопасность отъ сохраненія Азова зависитъ; а потомъ постороннимъ образомъ, какъ бы не указомъ вашимъ, по собою его удостовѣрилъ, что буде онъ какое средство къ доставленію того безопасства находитъ, я не сумнѣваюсь, что Ваше Императорское Величество съ благодарствомъ приметъ его совѣты. На то онъ кардиналъ отвѣтствовалъ, что лучшій совѣтъ, который онъ дать можетъ, есть тотъ, о которомъ онъ прежде упоминалъ, спрѣчь, что два союзническіе двора ничего безъ взаимнаго согласія не чинили, чтобъ съ общаго согласія учредивъ свои кондиціи, оныхъ держались; что никогда ничего не предлагали, развѣ оба вмѣстѣ; а впрочемъ де онъ въ послѣднемъ своемъ къ великому визирю

письмѣ (я чаю—о томъ разумѣетъ, которое къ бывшему визирю послано) съ горячностію цесарскіе и ваши кондиціи выхваляя, съ тѣхъ поръ Вилленевъ Портѣ сталя подозрителенъ.

О грамотахъ Вашего Императорскаго Величества къ королю Польскому ничего не разсуждалъ, кромѣ того, что онъ удивляется, что Вашего Императорскаго Величества войска такъ поздно резолюцію приняли сквозь Польшу идти; и я противъ того отвѣтствовалъ, что причиною тому было учиненный отъ Поляковъ шумъ и намѣреніе конфедераціи, которое самому королю опасно становилось; онъ кардиналъ сказалъ, что все то только былъ слухъ неосновательный, и что не должно было на тотъ шумъ смотрѣть, понеже Поляки противиться не въ состояніи. Не знаю, какъ сіи рѣчи согласить съ тѣмъ, что я изъ его устъ въ Компіенѣ слышалъ.

О Синклеровомъ убійствѣ. Отправленные къ Вашего Императорскаго Величества фельдмаршалу графу фонъ-Минниху указы весьма ухвалялъ, подтверждая при томъ, что Вашего Величества высокія добродѣтели столь извѣстны, что никому здѣсь въ умъ не всходитъ убійство Синклерово вамъ приписать, но еще сумнѣваться трудно, что хоть безъ вашего извѣстія, но чрезъ вашихъ людей то убійство учинено. Противъ чего я еще его удостовѣрилъ, что Ваше Императорское Величество всѣми возможными силами въ доисканіи тѣхъ убійцевъ старается.

За сообщенныя реляціи о дѣйствахъ вашихъ войскъ кардиналъ мнѣ благодарилъ, и еще сверхъ того, поздравлялъ меня взятіемъ Хотина, о которомъ къ нему пишутъ изъ Вѣны, и которое онъ почитаетъ хорошимъ способомъ къ поспѣшенію мира. Я въ сейчасъ изъ Вѣны письмо получаю, въ которомъ о семъ авантажѣ не упоминается.

Отъ здѣшнихъ дѣлъ ничего примѣтнаго доносить не имѣю. Частые совѣты министровъ французскихъ причину даютъ думать, что дѣла здѣсь въ ферментаціи, и что тому поводъ аглинская война. О чинимомъ въ портахъ здѣшнихъ вооруженіи Ваше Императорское Величество изъ предыдущихъ моихъ усмотритъ, которыя настоящею подтверждаю. И за тѣмъ препоручаю себя въ высочайшую Вашего Императорскаго Величества милость, всенижайше пребывая Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшій рабъ князь Антіохъ Кантемиръ.

Изъ Парижа. Сентября $^{17}/_{6}$ 1739.

XXX.

Въ реляціи камергера князя Кантемира изъ Фонтенебло отъ $^{23}/_{11}$ октября 1739 г. написано:

Смотря по нынѣшнему состоянію обстоятельствъ, я причину имѣю ожидать, что г-нъ кардиналъ возможныя домогательства учинитъ для отвращенія войны въ сѣверѣ, ибо теперь Ваше Императорское Величество свободныя руки имѣя, Швеція ни себѣ, ни здѣшнимъ интересамъ тою войною никакую пользу учинить не можетъ: еслибъ миръ вашъ съ Портою не воспослѣдовалъ послѣ заключенія цесарскаго, противное ожидать бы было должно, по общему всѣхъ здѣсь благоразсудныхъ мнѣнію, какъ всенижайше доносилъ въ покорнѣйшей своей реляціи подъ № 84 отъ 27-го сентября.

Для той же причины я еще однажды съ кардиналомъ о сихъ дѣлахъ поговорю, для полученія позитивнѣйшаго отвѣту, а потомъ уже болѣе отзывался не стану, оставляя цесарскимъ министрамъ обѣщаніе свое исполнить, чего до сихъ поръ имъ учинить не удалось.

XXXI.

Въ реляціи его же князя Кантемира изъ Парижа отъ $\frac{\text{11-го декабря}}{\text{30-го ноября}}$ 1739 года, написано:

Чрезъ послѣднюю почту я имѣлъ честь получить два Вашего Императорскаго Величества всемилостивѣйшіе рескрипты, подъ № 64 и 65-мъ; оба отъ 3-го ноября съ приложенными при нихъ копіями: съ ратификаціи на конвенцію о рубежахъ, съ письма, отправленнаго съ тою ратификаціею къ маркизу де-Вилленеву, и съ другихъ шести писемъ, принадлежащихъ къ Синклерову дѣлу.

По онымъ Вашего Императорскаго Величества всемилостивѣйшимъ указомъ я немедленно всѣ вышепомянутыя копіи кардиналу сообщилъ, и сколько турецкихъ дѣлъ касается при изъясненіи причины, для которой Ваше Императорское Величество не только нужно чаяли конвенцію ратификовать, но и опую ратификацію безъ замедленія отправить, просилъ его, чтобъ соизволилъ подтвердить маркизу Вилленеву королевскій указъ, дабы въ совершеніи мирнаго дѣла отнятіемъ оставшихся малыхъ затрудненій прилежное

старательство приложилъ, которое свое прошеніе я препроводилъ повторительнымъ обнадеживаніемъ Вашего Императорскаго Величества благодарства и благонадежности вашей на него кардинала, къ которому особливое почтеніе всегда сохранить имѣете.

На то г. кардиналъ мнѣ отвѣтствовалъ, что прежде сообщенныя отъ меня къ Вилленеву отправленныя письма и инструкціи онъ высмотрѣлъ и сегодня высмотрѣть не оставитъ; что онъ въ тѣхъ прежнихъ піесахъ подлинно великихъ затрудненій не находитъ, что Ваше Императорское Величество крѣпко можете надѣяться, что г-нъ Вилленевъ крайне прилежать будетъ, чтобъ все по вашему желанію было исполнено, о чемъ де къ нему Вилленеву не однажды уже отсюду писано. Потомъ повторилъ мнѣ, что помянутый посолъ человѣкъ честный и принятую на себя должность подлинно безъ всякой хитрости отправитъ, въ чемъ онъ кардиналъ за него отвѣтствуетъ столь наипаче, что если бы маркизъ Вилленевъ и не былъ такого характера, данныя ему отъ короля инструкціи онъ приступить не посмѣетъ; а что оныя инструкціи съ Его Величества къ Вашему Императорскому Величеству дружбою и перенятою на себя медіаціею согласны, такъ Ваше Императорское Величество, какъ и весь свѣтъ, въ свое время будетъ удостовѣренъ, хотя до сихъ поръ злобные люди старались такъ Вашему Императорскому Величеству, какъ и цесарскому двору, здѣшніе поступки учинить подозрительнымп, лукаво внушая, будто оный маркизъ Вилленевъ старался заключеніе мира отдалять.

Противъ того я г-ну кардиналу предложилъ, что изъ писемъ Вашего Императорскаго Величества къ королю и къ нему онъ изволилъ усмотрѣть удовольство Вашего Императорскаго Величества поступками часто помянутаго посла, какъ и благодарство Ваше, а Вы своими чрезъ все время сей негоціаціи оказали, съ какою совершенною откровенностію и благонадежностію интересы свои его королевскому величеству препоручили, отъ чего свободно заключать можетъ, что всѣ разсѣянныя въ печатныхъ, а наипаче въ письменныхъ вѣдомостяхъ предосудительныя разсужденія при Вашемъ Величествѣ никакой удачи не имѣли, и тому инако бы быть нельзя, разсуждая, что Вашему Императорскому Величеству королевскій и его кардинала характеръ извѣстенъ, что впрочемъ злобнымъ людямъ рта затворить не можно, и ихъ нареканія маркизу Вилленеву вредить не могутъ, понеже если бы другихъ доказательствъ его доброй вѣры не имѣлось, заключеніе вашего мира, въ столь трудныхъ обстоятельствахъ, о его честности засвидѣтельствуетъ; и для

того Ваше Императорское Величество не сумнѣвается, что онъ и оставшесся съ такою же ревностію довершить не преминетъ. Тѣми моими словами кардиналъ казался гораздо доволенъ и заключилъ разговоръ свой о сей матеріи извиненіемъ, что на вашу къ нему грамоту до сихъ поръ не отвѣтствовалъ, понеже, будучи въ Версаліи, никогда ни малаго покоя не имѣетъ, а что на сихъ дняхъ поѣдетъ въ Исси и тотчасъ не оставитъ Вашему Императорскому Величеству пристойно благодарить за показанное къ нему отмѣнное снисхожденіе.

О Спиклеровомъ дѣлѣ. Принадлежащія къ Спиклерову дѣлу письма, понеже онъ не имѣлъ времени при мнѣ разобрать, я ему подробно описалъ и ясно далъ выразумѣть, что Вашего Императорскаго Величества генералъ-поручикъ фонъ-Спигель во оправданіе свое къ двору вашему доносилъ противу нареканій содержимаго въ Бастиліи колодника, который никогда въ Вашего Императорскаго Величества службѣ не бывалъ, какъ безсумнительными доказательствами засвидѣтельствовано будетъ; и притомъ я ему объявилъ, что всѣ вышепомянутыя піесы въ оригиналѣ сообщены обрѣтаемому при вашемъ дворѣ шведскому министру Полкену; что мнѣ тѣ же копіи повелѣно сообщить же барону Флемингу и графу Тессину и съ ними учинить общее дѣло, дабы чрезъ совокупныя домогательства при его королевскомъ величествѣ доставить, чтобъ его величество повелѣлъ прилежно помянутаго колодника о Спиклеровомъ убійствѣ допросить и всевозможныя старательства приложить для сысканія и прочихъ убійцевъ, къ чему уже изрядный способъ имѣется, понеже частопомянутый колодникъ самъ во убійствѣ признается, какъ изъ его самаго письма къ генералу Спигелю явно; заключилъ я горячимъ прошеніемъ, чтобъ онъ г. кардиналъ изволилъ указать немедленно частопомянутыя письма разсмотрѣть; колодника прилежно беречь дабы не могъ убѣжать, и между тѣмъ всѣ потребные къ изъисненію сего важнаго дѣла поступки учинить, которыми особливо Ваше Императорское Величество обяжетъ.

Г-нъ кардиналъ отчасти удивился, слыша о содержаніи вышепомянутыхъ піесовъ, и мнѣ на мои предложенія отвѣтствовалъ, что до сихъ поръ колодника за болѣзнію полицемейстера допросить было не можно; что въ прежнихъ допросахъ оный колодникъ своими отвѣтами показалъ, что онъ плутъ ремесломъ; но что сообщенныя отъ меня письма служить будутъ къ лучшему изслѣдованію истины, и что Ваше Императорское Величество можетъ быть

благонадежна, что здѣсь не оставлено будетъ всевозможныя старательства приложить для изысканія прочихъ убійцевъ и для изслѣдованія сего дѣла безпристрастно. При томъ спросилъ меня, говорилъ ли я о семъ шведскимъ министрамъ? На что я ему отвѣтствовалъ самую истину, что еще и до полученія высочайшаго вашего указу дважды нарочно ѣздилъ къ графу Тессину, чтобъ съ нимъ о семъ согласится и учинить общее дѣло, но однажды дома не засталъ, а въ другорядь присутствіе посла голландскаго намъ помѣшало; что потомъ болѣзнь меня въ домѣ слишкомъ недѣлю задержала, а сегодня предъ входомъ къ нему кардиналу я о всемъ сообщилъ барону Флемингу и по указу Вашего Императорскаго Величества его барона просилъ, чтобъ онъ и графъ Тессинъ изволили обще со мною при французскомъ министерствѣ домогаться, чтобъ колодника допросить и все сіе дѣло чрезъ него прилежно изслѣдовать для открытія истины, удостовѣривъ его о Вашего Императорскаго Величества истинномъ намѣреніи о изысканіи убійцевъ и обѣщавъ ему всѣ ко мнѣ присланныя и къ оному дѣлу принадлежащія письма сообщить, какъ уже Полкену при вашемъ дворѣ сообщены. Г-нъ кардиналъ всѣ тѣ учиненные отъ меня поступки похвалилъ и обнадежилъ меня, что въ малые дни колодникъ будетъ допрошенъ, и съ тѣмъ матерію сію кончилъ.

По выходѣ отъ него я допущенъ бывъ къ королевской аудіенціи, подалъ Его Величеству грамоту Вашего Императорскаго Величества съ пристойнымъ комплиментомъ по содержанію оныя, котораго при семъ прилагаю копію. Его королевское величество по своему обыкновенію на оный комплиментъ ничего не отвѣтствовалъ, а вмѣсто того кардиналъ, къ крайнему моему удивленію, адресовался къ королю и сказалъ его величеству, что я того утра сообщилъ ему, по указу Вашего Императорскаго Величества многія письма, принадлежащія къ Синклерову дѣлу, изъ которыхъ де оказывается, что наши люди въ томъ убивствѣ участія никакого не имѣли, и что Ваше Императорское Величество мнѣ повелѣли не только короля просить, чтобъ изволилъ арестованнаго въ Руанѣ человѣка допросить и чрезъ него по крайней возможности убійцовъ пріискивать, но и учинить въ моихъ домогательствахъ общее дѣло съ шведскими министрами; а г-нъ Амелотъ къ тому прибавилъ, что того жъ утра баронъ Флемингъ ему объявилъ, что уже отъ меня при немъ тотъ Вашего Императорскаго Величества указъ исполненъ. Я тогда, самъ его королевскому величеству все вышеписанное подтвердивъ, удостовѣрилъ его величество, что вы крайне желаете, чтобъ сего

мерзкаго дѣла и авторовъ, и обстоятельства открыть; что понеже его величество въ рукахъ способъ имѣетъ, прилежно его просите, чтобъ изволилъ указать беззамѣдленія колодника допросить, и что впрочемъ я надежно могу его величество обнадежить, что онъ колодникъ никогда къ Вашему Императорскому Величеству не принадлежалъ; противъ чего г-нъ Амелотъ отозвался, что король уже указалъ колодника допросить, и полицемейстеръ Геро немедленно процесъ ему начнетъ; и съ тѣмъ я отъ короля отпущенъ, который во все то время ничего говорить не изволилъ.

Въ подобныхъ аудіенціяхъ никогда обыкновенія не бывало о дѣлахъ говорить, и я не могу понять, въ какомъ намѣреніи кардиналъ о семъ отозвался; можетъ быть, то учинилъ, для предупрежденія шведскихъ жалобъ, если впредь чрезъ допросъ колодниковъ явится, что Вашего Императорскаго Величества люди въ убивствѣ участія не имѣютъ; или мнѣ хотѣлъ доказать, что онъ о всѣхъ моихъ представленіяхъ королю доноситъ; какова ни будетъ причина его поступку, отъ всего происшедшаго должно ожидать, что сіе дѣло немедленно съ прилежаніемъ будетъ изслѣдовано, а съ моей стороны Вашего Императорскаго Величества высочайшій указъ столь легче исполнять, что по счастію нужды не имѣю стараться о проискѣ убійцовъ, понеже какъ изъ прежнихъ моихъ покорнѣйшихъ реляцій, такъ изъ вышеписаннаго явно, что одинъ изъ нихъ недавно здѣсь пойманъ и дѣйствительно подъ арестомъ содержится.

Что же принадлежитъ до сообщенія піесовъ шведскимъ министрамъ, время меня не допустило ту должность свою исполнить, а завтра то учинить не оставлю.

О обоихъ сихъ дѣлахъ, то есть, о негоціаціи турецкой и о Спиклеровомъ, я не оставилъ и статскому секретарю Амелоту подобныя жъ, какъ и кардиналу, предложенія учинить, отъ котораго такожде обнадеженъ, что къ Вилленеву вслѣдствіе Вашего Императорскаго Величества требованій, какъ уже до сихъ поръ указы отправлены, такъ и впредь повторены будутъ, и что въ допросѣ колодника и въ изслѣдованіи Спиклерова убивства безъ замедленія и съ прилежностію поступлено будетъ, для чего намѣренъ былъ полицемейстеръ послать сообщенныя отъ меня кардиналу піесы.

Вашего Императорскаго Величества всемилостивѣйшія разсужденія о обстоятельствахъ, съ которыми найденныя при Спиклерѣ письма въ Гамбургѣ на почтѣ оставлены, столь правы и собою ясны, что могли бы всякаго легко увѣрить, что тѣ, которые убивство учи-

нили, оное какъ безъ всякаго менажированія производили, такъ нарочно стараются всѣ опаго обстоятельства паипаче открыть, и потому должно чаять, что то дѣло для возмущенія сѣвера самыхъ зломышленныхъ Шведовъ или другого кого произведено, но со всѣмъ тѣмъ я вашимъ интересамъ полезнѣе призналь объ оныхъ разсужденіяхъ министерству здѣшнему не упоминать, понеже вѣдая, сколь легко по своему делпкатству изъ всего къ неудовольству причину берутъ, опасаюсь, чтобъ не почаяли, что на нихъ подозрительство сваливается, и тотъ мой поступокъ столь правильнѣе я чаю, что имѣя вскорѣ учинень быть помянутому колодинку допросъ, изъ того можетъ быть откроются соучастники и начальники сего дѣла.

Домогательства мои вслѣдствіе прежнихъ высочайшихъ Вашего Императорскаго Величества указовъ, служащія къ удержанію шведскаго двора отъ своихъ воепныхъ замысловъ, много служили къ оказательству Вашего Величества миролюбныхъ намѣреній, и для того больше я употребилъ, когда еще не совсѣмъ былъ надеженъ заключенный межь Вашимъ Императорскимъ Величествомъ и Портою миръ, и когда по письмамъ вашего министра изъ Стокгольма еще не оказывалось, что приготовленія тамошнія престали; а какъ скоро господинъ Бестужевъ о противномъ меня увѣдомилъ, и отъ Вѣнскаго двора получено извѣстіе, что Турки начинаютъ исполнять артикулы трактата, я уже вышеупомянутыя домогательства пресѣкъ, довольствуяся подтверждать, когда случай подавался о томъ одномъ, что Ваше Императорское Величество никогда агрессорами не будете, которымъ образомъ и впредь поступать буду. А впредь послѣднемъ моемъ свиданіи съ кардиналомъ ему о случившійся въ Швеціи отмѣнѣ не оставилъ изъяснить, по частію, почти въ той же силѣ, какъ Вашего Императорскаго Величества указъ имѣлъ мнѣ предписываетъ, оныимъ изъясненіемъ довольствоваться буду, повтореніе опаго будучи излишно.

Что же принадлежитъ до удержанія цесарскихъ министровъ отъ предложенія гарантій въ безопасность шведскую, Ваше Императорское Величество изъ предыдущихъ моихъ всемилостивѣйше усмотритъ, что оный поступокъ уже давно имъ былъ учиненъ, но столь слегка, что кардиналъ силу предложенія знатно не понялъ, и по всему чаю, что Ваше Императорское Величество можетъ о семъ дѣлѣ совсѣмъ быть спокойна, ибо если о томъ ему кардиналу впредь упоминать (о томъ) удержимся, то онъ отзываться не станетъ, и такимъ образомъ дѣло собою падетъ.

Движенія сардинскихъ войскъ какъ въ самомъ дѣлѣ были весьма не важныя, такъ скоро и пресѣклись; я оныхъ причину всенижайше описалъ въ послѣдней моей покорнѣйшей реляціи, и по оной разсуждать должно, что и впредь отъ времени до времени подобныя смущенія приключатся, ибо споръ о четырехъ Генуетскихъ фьефахъ, неправо чрезъ Вѣнскій трактатъ сардинскому двору уступленныхъ, межъ республикою и королемъ Сардинскимъ продолжается, и дѣйствительно той республики посланникъ здѣсь проситъ, чтобъ чрезъ добрыя офиціи его французскаго величества возвращеніе тѣхъ фьефовъ республикѣ исходатайствовать. Французское министерство много клонится къ пользѣ республики въ семъ дѣлѣ, но съ одной стороны его цесарское величество ни малѣйшей воли къ награжденію короля Сардинскаго, ежлибъ тѣ фьефы у него убавить, не имѣетъ, а съ другой стороны король Сардинскій безъ полученія эквивалента къ ущербу своихъ областей не поступитъ, и потому чаятельно, что республика убытокъ претерпитъ. Сосѣдство короля Сардинскаго не въ одномъ томъ ей обидно, понеже какъ Ваше Императорское Величество изрядно вѣдаетъ, сардинскій дворъ въ лѣдахъ весьма плодовитъ; чего та республика съ здѣшней стороны опасаться должна, прямо еще сказать не можно, ибо дѣло корсическое еще по сю пору — такая трудная загадка, что рѣшить оную не можно, но всѣ благоразсудные люди примѣчаютъ, что Франція охотно желаетъ продолжать пребываніе своихъ войскъ въ томъ островѣ, который не видно, себѣ ли больше, или Гишпаніи прочитъ.

Сего послѣдняго двора война съ Англіею по самому цесарскихъ министровъ мнѣнію много пользуетъ интересамъ Его Императорскаго Величества, не оставляя королевы Гишпанской времени сардинскому двору способъ о возобновленіи смущенія въ Италіи; и по видимому цесарскій дворъ надолго тишину свою сохранитъ, понеже по отверстіи парламента оказалось, что не только Англинскій народъ намѣренъ всѣми своими силами войну ту производить, но обѣ парламентскія каморы поданнымъ королю адресомъ всякій къ примиренію способъ на долго пресѣкли; въ томъ адресѣ, который я сегодня у аглинскаго посла видѣлъ, парламентъ при обѣщаніи всѣхъ способовъ къ произведенію сильно войны проситъ его аглицкое величество, чтобъ не вступать съ гишпанскимъ дворомъ ни въ какой трактатъ и ни въ какую негоціацію, пока оный гишпанскій дворъ прелиминаріемъ не представитъ, что Англичане впредь будутъ имѣть полную вольность навигаціи въ Аме-

рикѣ; что Гишпанцы не имѣютъ ни подъ какимъ претекстомъ визитовать, меньше жь арестовать аглинскіе корабли; разсуждая состояніе аглинскаго правленія, король Великобританскій оный адресъ такою себѣ инструкціею почитать долженъ, которую преступить не посмѣетъ, и милордъ Валдграфъ мнѣ сегодня говорилъ, что еслибъ отъ кардинала ему о примиреніи впредь какое представленіе учинено было, то не можетъ въ иной силѣ отвѣтствовать; отъ которыхъ аглицкаго посла словъ слѣдуетъ: 1-е, что по сю пору о примѣреніи отъ кардинала слова не было; 2-е, что впредь къ примѣренію двери затворены; какую при сихъ трудныхъ обстоятельствахъ резолюцію онъ кардиналъ прійметъ, еще подлѣннѣе сказать не можно, а чинимыя по примѣчаемымъ околичностямъ о томъ разсужденіи толь пространно въ предыдущихъ моихъ описаны, что къ оныимъ прибавить ничего не имѣю; долженъ я только повторить, что еще продолжается сумнѣніе здѣсь, что Агличане при вашемъ дворѣ въ своей негоціаціи пріуспѣваютъ, и для того еще недавно господинъ Шавиньи мнѣ внушалъ, что Вашего Императорскаго Величества интересамъ полезно бы было не спѣшить въ пріемѣ резолюціи и не присвоять себѣ никакой партіи, пока не изволите усмотрѣть, которая больше вамъ авантажна; на что я ему отвѣтствовалъ, что сколько ни разглашаютъ публичныя вѣдомости, Агличане при вашемъ дворѣ никакого предложенія по сю пору не чинили, и я заподлинно вѣдаю, что Ваше Императорское Величество не намѣрены вступать ни въ какія обязательства, которыя бы могли быть третьей державѣ предосудительны, и когда случай подается, не оставляю въ осторожныхъ словахъ то самое и кардиналу подтверждать. Я чаю, что уже онъ моихъ словъ силу довольно выразумѣлъ, и что въ самомъ дѣлѣ, какъ Ваше Императорское Величество всемилостивѣйше примѣчастъ, господинъ Шетардіи, по прибытіи своемъ, который уже медлить не можетъ, какія-либо представленія учинить не оставитъ, и въ такомъ расположеніи здѣшняго двора графа Тессина проектъ мало пріуспѣваетъ. Съ нѣкотораго времени примѣчены, что онъ Тессинъ частыя свиданіи имѣетъ съ гишпанскимъ посломъ, отчего не должно ли судить, что гишпанскій дворъ ищетъ какую-либо помощь съ шведской стороны.

Отъ прочихъ здѣшнихъ дѣлъ ничего болѣе къ извѣстію Вашего Императорскаго Величества достойнаго не обрѣтая, препоручаю себя въ высочайшую Вашего Императорскаго Величества милость, всенижайше пребывая и проч.

Копія съ моей рѣчи къ королю, отправленной декабря 3-го 1739 года.

La paix heureusement conclue entre l'Impératrice ma Souveraine et la Porte Ottomane par la médiation et sous la garantie de votre Majesté, prouve votre amour pour la chrétienneté et votre amitié envers Sa Majesté Impériale. La chrétienneté doit aux soins de votre Majesté sa tranquillité, et l'Impératrice ma Souveraine, la sureté de ses frontières, seul objet de la guerre. Aussi rien ne peut égaler la reconnaissance de Sa Majesté Impériale et Son desir à en convaincre votre Majesté par des faits, comme Elle se faits un plaisir à vous la prouver par Sa présente lettre, que la vérité même a dictée.

Прибавокъ къ церемоніалу французскому.

Какъ скоро здѣсь получена вѣдомость о смерти прокуратора Лезія, отца новоприбывшаго сюда Венеціянскаго посла, ихъ королевское величество прислали къ нему послу вводителя посольскаго Сентота съ сожалительнымъ комплементомъ. Подобная учтивость съ стороны королевской и королевиной показывается посламъ при всѣхъ подобныхъ жалостныхъ и веселыхъ случаяхъ.

XXXII.

По титулѣ.

При самомъ отпускѣ послѣдней моей покорнѣйшей реляціи я имѣлъ честь получить высочайшій Вашего Императорскаго Величества рескриптъ отъ 13-го ноября, подъ № 67, съ приложенными при немъ копіями съ письма господина Вилленева отъ 3-го октября, съ отвѣтнаго на оное отъ 12-го ноября и съ экстрактомъ, касающимся шведскаго наслѣдства.

По содержанію онаго высочайшаго указу я третьяго дни ѣздилъ къ кардиналу въ Пссн и сообщилъ ему копію съ отвѣта на вышепомянутое Виленевово письмо, которое онъ тогда при мнѣ не прочелъ, но я вкратцѣ ему описалъ содержаніе того и наипаче оставшіяся затрудненія для совершеннаго окончанія мира, повторительно его прося, чтобъ изволилъ къ маркизу Вилленеву указъ отправить, дабы радѣтельно и съ сродною себѣ правотою старался тѣ трудности отнять и сіе дѣло къ концу привесть по отправленной ему отъ Вашего Императорскаго Величества инструкціи. Господинъ кардиналъ противъ того мнѣ отвѣтствовалъ, что тре-

бованіе то весьма правильно, и что хотя такіе указы давно уже къ нему посланы, однакожь не оставитъ подлинно оные подтвердить. Прибавилъ онъ къ тому, что, какъ слышитъ, что Турки уже исполнять начали кондиціи мира съ его цесарскимъ величествомъ, на который де трактатъ уже и ратификація въ Вѣнѣ получена, потому не чаятельно, чтобъ они похотѣли какое затрудненіе учинить въ томъ, что̀ касается вашего трактата.

По словамъ князя Лихтенштейна, помянутое данное кардиналу извѣстіе гораздо сумнительно, и изъ писемъ Венеціянскаго въ Константинополѣ посла напротиву усматривается, что Порта заключеннымъ съ цесаремъ трактатомъ показалась не довольна и на великаго визиря столь сильное нареканіе было, что чуть мѣста своего не лишенъ; а отъ маркиза Виллепева здѣсь сказуютъ, что по отъѣздѣ съ-подъ Бѣлграда никакого извѣстія не получали, и кардиналъ мнѣ то самъ подтвердилъ, дая мнѣ знать, что вышепомянутое отъ него Виллепева письмо отъ 3-го октября онъ не видалъ; потому я обѣщалъ оное къ нему привесть въ Версаль въ наступающій вторникъ.

До сихъ поръ я отъ него кардинала выразумѣть не могъ, каковы ему кажутся примѣчанія ваши на трактатъ и требованія ваши для исправленія онаго, и неже охотно отъ той матеріи слово отдаляетъ, хотя впрочемъ на всякій день сильнѣе подтверждаетъ обнадеживаніе о своихъ истинныхъ намѣреніяхъ, о радѣтельномъ усердіи маркиза Виллепева, за котораго де отвѣтствуетъ, и что съ здѣшней стороны ничего оставлено не будетъ для довершенія мирнаго дѣла къ вашему удовольству.

Такія же увѣренія чинитъ и цесарскому послу, который однакожь еще сего утра мнѣ сказалъ, что со всѣмъ тѣмъ его дворъ, не видя съ стороны турецкой исполненіе трактата, хотя уже большая часть Бѣлградскихъ крѣпостей разорена, настоитъ при здѣшнихъ министрахъ о полученіи рѣшительнаго отвѣта на учиненную формально рекламацію здѣшней гарантіи. Тотъ отвѣтъ изъ дня въ день отлагается, и для того князь Лихтенштейнъ намѣренъ завтра на письмѣ объ ономъ просить, чтобъ его государю можно было вѣдать, чего отсюду ожидать имѣетъ.

Хотя не чаятельно, чтобъ Порта напослѣдокъ не исполнила свое обязательство, паче когда чрезъ нынѣшній миръ получаетъ съ стороны Вашего Императорскаго Величества не ожидаемые авантажи, и слухъ о намѣреніи Шахъ Надира къ возобновленію войны противъ нея до самаго Константинополя дошолъ,

однакожь всѣ сіи затрудненія, которыя по видимому не столь легко загладить какъ съ начала казалось, даютъ поводъ примѣчать, что еще тишина съ той стороны не вовсе основана и въ такомъ состояніи дѣлъ Вашего Императорскаго Величества интересамъ необходимо нужно, чтобъ здѣшній дворъ не утвердился въ подозрѣніи о вступленіи Вашего Императорскаго Величества въ какое согласіе съ Англичанами, понеже имѣя такое подозрѣніе, можетъ быть станетъ искать не только при Портѣ затрудненія, которыя совершенному мира постановленію мѣшаютъ продолжать, но и чрезъ то самое возобновлять шведскія надежды. Я чаю, уже Вашему Императорскому Величеству донесено, что милордъ Картретъ, при полномъ собраніи верхней парламентской каморы, въ своей рѣчи о нынѣшней войнѣ Англичанъ съ Гишпанцами довольно ясно внушилъ, что Англія отъ Вашего Императорскаго Величества помочь ожидать можетъ, употребляя сіи самыя слова, что героиня сѣверная до 50,000 войска прислать можетъ. Сей слухъ, который сюда чрезъ разныя письма дошелъ кардиналу, учинилъ импресію, и такъ отъ цесарскаго посла, какъ и отъ многихъ другихъ, хотя несеріозно, однакожь изъясненіе имѣть желалъ; для того я при послѣднемъ съ нимъ свиданіи слово до слова рѣчь свѣдши къ англинской войнѣ, въ образъ разговора, и отчасти улыбаяся напомянулъ о вышеписанномъ слухѣ, дая ему разумѣть, что я въ тѣхъ рѣчахъ милорда Картрета, которыя не знаю въ самомъ дѣлѣ говорилъ ли онъ или нѣтъ, ничего основательнаго не вижу, кромѣ означенія Вашего Императорскаго Величества высочайшаго лица подъ именемъ сѣверной героини; что впрочемъ я заподлинно знаю, что англинскій дворъ по сю пору никакого представленія при вашемъ исчинилъ, и что Ваше Императорское Величество подлинно ни въ какіи обязательства, третьему предосудительныя, вступать не намѣрены.

На тѣ мои слова кардиналъ отвѣчалъ, что онъ о всемъ томъ, что я ему говорилъ, удостовѣренъ, и можно де чаять, что милордъ Картретъ помянутыя слова въ рѣчь свою ввелъ для ободренія своей партіи, какъ интересъ его требовалъ; но другимъ онъ уже и предъ симъ о сей матеріи говоря, нескрытно далъ разумѣть, что хотя онъ и удостовѣренъ, что я ему никогда истину не таю, однакожде дворы де обыкли самимъ своимъ посламъ того не объявлять, чего отъ извѣстія прочихъ укрыть намѣрены; отъ которыхъ словъ можно заключить, что учиненными отъ меня такъ соб ю, какъ и чрезъ друзей, которые о семъ дѣлѣ мнѣ гово-

рили изъясненіями еще его сумнительство не успокоено, и въ такомъ случаѣ уже успокоено быть не можетъ, развѣ чрезъ донешенія маркиза Шетардія, который безсумнительно до сихъ поръ ко двору вашему прибылъ.

Примѣтно, что кардиналъ въ разговорѣ о аглицкой войнѣ мнѣ самъ не утаплъ, что оная и много дѣла, и много безпокойства ему даетъ, усматривал въ Европѣ великую ферментацію и предвидя, что та войпа серіозна можетъ учинится; въ самомъ дѣлѣ со всѣхъ сторонъ слышу, что онъ не знаетъ, какія мѣры принять при семъ состояніи дѣлъ, примѣчая, что Гишпанію вовсе оставить съ здѣшними интересами несходно, и что генеральная война легко воспослѣдуетъ, если Франція въ пользу гишпанскую объявится. По общему мнѣнію, какъ уже я имѣлъ честь всенижайше доносить, резолюція его зависитъ отъ дѣйствія адмирала Вернона въ Америкѣ, который, по полученнымъ на сихъ дняхъ извѣстіямъ, уже прибылъ къ острову Детортю.

Содержимый въ бастиліи колодникъ еще не будучи допрошенъ, я повторилъ кардиналу свои прошенія, не оставляя никакой резонъ, чтобъ ему нужду того доказать, для удовольствованія какъ Вашего Императорскаго Величества, такъ и шведскаго двора, и сверхъ того просилъ его, чтобъ приказалъ арестовать въ Руанѣ помянутаго въ сообщенныхъ ему отъ меня письмахъ капитана Паицера, понеже я надѣюсь, что чрезъ него можно будетъ и прочихъ убійцовъ сыскать. Господинъ кардиналъ на то повторилъ мнѣ многократно учиненныя свои обнадеживанія, что немедленно тотъ допросъ учиненъ, и все дѣло безпристрастно изслѣдовано будетъ, какъ де давно бы учинено было, еслибъ полиціймейстера болѣзнь до сихъ поръ не препятствовала; что объ арестованіи капитана Паицера уже указъ данъ, и потребныя къ тому мѣры приняты; что господинъ Амелотъ ему донесъ о учиненныхъ такъ мною, какъ и барономъ Флемингомъ и графомъ Тессиномъ прошеніяхъ; а потомъ въ долгомъ о сей матеріи разговорѣ напомнивъ о возвращеніи Спиклеровыхъ писемъ, и въ другомъ мѣстѣ при оказаніи сколь онъ увѣренъ, что министерство ваше, меньше же Ваше Императорское Величество въ убійствѣ его никакого участія не имѣетъ, желая вѣдать мое мнѣніе о истинныхъ производителяхъ того мерзскаго дѣла,—я отвѣтствовалъ на первое, что тѣ письма знаю, что вручены Гамбургскому почтмейстеру, члену шведской нации, который не знаю для чего приносителя не арестовалъ, а на второе, что можетъ быть, что содержимый въ бастиліи колодникъ

Прлянецъ съ своими товарищи, чаявъ, что чрезъ такое убивство заслужитъ отъ Вашего Императорскаго Величества себѣ награду, собою на такое дѣло поступили, и когда по окончаніи дѣла усмотрѣли, что они въ своемъ счетѣ ошиблись, возымѣли полезнѣе своему безопасту защитить себя высокимъ Вашего Императорскаго Величества именемъ; а въ дальнѣйшія подробности вступать я удержался для причинъ, показанныхъ въ моей покорнѣйшей реляціи подъ № 105 отъ 30-го ноября.

Тѣ мои разсужденія, сколько послѣдняго пункта касается, кардиналу показались довольно имовѣрны, а о первомъ примѣчалъ, что можетъ быть, когда письма почтмейстеру вручены, онъ не вѣдалъ, что̀ въ нихъ содержится.

Каково то ни есть, я до сихъ поръ усматриваю, что не гораздо здѣсь спѣшатъ о изслѣдованіи сего дѣла, и причину того разумѣть не могу, только кажется, что въ томъ хитрость какая кроется, буде скоро поступокъ свой не премѣнятъ, наипаче когда согласно я и шведскіе министры о томъ при министерствѣ здѣшнемъ стараемся; съ другой стороны легко примѣтилъ изъ кардинальскихъ словъ, что онъ гораздо аппробуетъ, что я съ ними шведскими министрами учинилъ себѣ сіе дѣло общее.

Такіе прекословные въ немъ кардиналѣ поступки весьма обычайны, какъ Ваше Императорское Величество въ моихъ покорнѣйшихъ реляціяхъ много примѣровъ видѣть изволили.

Въ письмѣ Пацеровомъ къ сестрѣ генерала-лейтенанта Спигеля будучи упомянуто, что Бродинъ и Нотгафтъ по убійствѣ бѣжали въ Голландію, я сегодня послалъ съ того письма экстрактъ къ Вашего Императорскаго Величества тайному дѣйствительному совѣтнику и полномочному послу графу Александру Гавриловичу Головкину, и другой изъ высочайшаго вашего ко мнѣ указу отъ 3-го ноября, прося его въ своемъ письмѣ, чтобъ вслѣдствіе того указу старался о помянутаго Нотгафта пребываніи провѣдать, и буде онъ въ Голландіи обрѣтается, домогаться о его арестованіи; въ чемъ уповаю Ваше Императорское Величество всемилостивѣйше аппробуетъ мой поступокъ.

Впрочемъ при семъ прилагаю пакетъ, присланный ко мнѣ вчерась отъ кардинала де-Флерія, въ которомъ включено его письмо къ Вашему Императорскому Величеству. Съ сего жь прислана жь мнѣ отъ него копія, съ которой при семъ приложенъ переводъ; а съ письма къ вашему кабинетному министру по обыкновенію копіи мнѣ не дано. О томъ своемъ къ Вашему Император-

скому Величеству письмѣ онъ кардиналъ въ послѣднемъ со мною свиданіи мнѣ говорилъ, извиняясь многодѣліемъ, что отвѣтомъ замедлилъ; а отъ многихъ я вѣдаю, что онъ показанною ему отъ Вашего Императорскаго Величества чрезъ свою грамоту милостію весьма доволенъ, и кого ни видитъ, всякому о томъ хвалится; недавно и при столѣ своемъ ту вашу грамоту гостямъ своимъ къ похвалѣ своей показалъ. И въ самомъ дѣлѣ онъ и мнѣ то свое удовольство всѣми мѣрами показать тщится и меня съ особливою ласкою и учтивостію принимаетъ.

О намѣреніи одной шведской партіи о произведеніи одного изъ двухъ принцовъ Биркенфельдовъ на престолъ шведскій, и здѣсь на нѣсколько времени скрытой слухъ носился, но понеже того слуха никакого основанія не являлось, я доношеніемъ объ ономъ утруждать Ваше Императорское Величество удержался. Нынѣ же, по содержанію высочайшаго Вашего Императорскаго Величества указу, по возможности стараться стану извѣдать—другая часть той вѣдомости, спрѣчь, что ту негоціацію здѣсь графъ Тессинъ производитъ, истинна ли, или нѣтъ.

Князю Лихтенштейну, какъ онъ сегодня мнѣ сказалъ, тожь отъ своего двора пишутъ. Но оба усматриваемъ, что дѣло то будучи деликатное, въ изслѣдованіи онаго нужно со многою осторожностію поступать. И потому не легко получить намѣренное, а наугадъ можно сказать, что графъ Тессинъ, видя себя неудачливымъ въ прочихъ проектахъ и опасаяся, чтобъ королевская въ Швеціи партія вверхъ не взяла собственному безопасію сходно найдетъ поспѣшествовать интересы принца Биркенфельда, и можетъ быть, что и кардиналу тотъ проектъ не будетъ противенъ, разсуждая связность Франціи съ палатинскимъ домомъ и холодность съ Гессенкасельскимъ; но о прямой его склонности впредь по нужномъ изслѣдованіи во свое время всенижайше донесть не премину. Оба вышепомянутые принцы Биркенфельдъ дѣйствительно въ Парижѣ находятся и здѣсь приняты, такъ у короля, какъ и у министровъ, и генерально у всѣхъ съ особливою отмѣнностію и ласкою; меньшой братъ въ здѣшней службѣ полкъ имѣетъ, и буде впрямъ часто помянутое намѣреніе шведской партіи состоится, то знатно сего предызберутъ, ибо большой братъ, какъ Вашему Императорскаго Величества извѣстно, для полученія електорскаго чину одного только принца Сулцбахскаго предъ собою имѣетъ, и кромѣ того, не знаю согласно ли будетъ интересамъ французскимъ, чтобъ король Шведскій за своимъ княженіемъ отъ имперіи завсегдалъ.

Объ отзывѣ въ Гишпанію маркиза дела-Мины по просьбѣ кардинала. О причинѣ отзыва маркиза дела-Мины уже и изъ Мадрита подтверждаютъ, что оный учиненъ по требованію кардинальскому, который чрезъ графа дела-Марка формально о томъ короля Гишпанскаго просилъ, представляя, что въ нынѣшнихъ конъюктурахъ обоихъ дворовъ интересъ требуетъ, чтобъ его гишпанское величество отозвалъ отсюду министра, который больше способенъ межь тѣми двумя дворами разгласіе ввесть, нежели утвердить доброе согласіе.

Республика Женуеская на поданный отъ французскаго посланника меморіалъ, о которомъ я всенижайше доносилъ въ покорнѣйшей моей реляціи отъ 29-го ноября, письменно отвѣтствовала, что если его французское величество для сохраненія корсической тишины потребно разсуждаетъ оставить въ томъ островѣ нѣсколько своего войска, она не только той его величества резолюціи не противна и съ благодареніемъ оную пріймет. По томъ здѣшній дворъ уже правильный резонъ имѣетъ войска своего по меншей мѣрѣ часть, изъ острова не выводить, въ чемъ не знаю, найдетъ ли республика напослѣдокъ свою пользу; общее мнѣніе обѣщаетъ противное.

Отъ прочихъ здѣшнихъ дѣлъ только имѣю всенижайше прибавить, что неаполитанскій посолъ дюкъ Кастропигльяно 17-го сего сюды прибылъ и сегодня мнѣ о томъ повѣстилъ. За симъ препоручаю себя въ высочайшую Вашего Императорскаго Величества милость, всенижайше пребывая Вашего Императорскаго Величества всенижайшій рабъ князь Антіохъ Кантемиръ.

Изъ Парижа. Декабря $\frac{9\text{-го}}{20\text{-го}}$ дня 1739 году.

МНѢНІЕ ГРАФА А. И. ОСТЕРМАНА О СОСТОЯНІИ И ПОТРЕБНОСТЯХЪ РОССІИ ВЪ 1740 ГОДУ.

Подъ этимъ заглавіемъ печатается записка, написанная графомъ А. И. Остерманомъ для представленія правительницѣ Аннѣ Леопольдовнѣ. Время составленія записки ближайшимъ образомъ опредѣляется словами ея автора, что во время писанія ея былъ изданъ манифестъ о соблюденіи правосудія: этотъ намекъ, несомнѣнно, относится къ именному указу противъ волокитъ, данному сенату 27-го ноября 1740 года (см. „Исторія Россіи“ *С. М. Соловьева*, XXI, 49). Была ли дѣйствительно подана эта записка—достовѣрно не извѣстно. Въ непродолжительное правленіе Анны Леопольдовны (съ 9-го ноября 1740 г. по 25-е ноября 1741 г.) на долю графа Остермана преобладающая роль выпала въ началѣ марта 1741 г. „Остерманъ никогда не былъ такъ великъ и могущественъ, какъ теперь“, писалъ Шетарди 7-го марта 1741 г.—„Можно, нѣсколько не преувеличивая, сказать, что онъ теперь настоящій государь всей Россіи“ („Маркизъ де-ла-Шетарди въ Россіи“, 213). Но еще въ концѣ 1740 г., именно тогда, когда писалась печатаемая записка, современные наблюдатели стали замѣчать, что это преобладающее значеніе Остермана нарождается, не смотря на назначеніе Миниха первымъ министромъ („Исторія Россіи“, XXI, 37—38). Быть можетъ, послѣдовавшій 28-го января 1741 г. указъ кабинетъ-министрамъ о распредѣленіи между ними разныхъ отраслей администраціи написанъ былъ ужь подъ вліяніемъ записки, поданной Остерманомъ. Впрочемъ, не рѣшаемся утверждать, чтобъ записка была дѣйствительно представлена правительницѣ, тѣмъ болѣе, что не находимъ никакихъ свѣдѣній о подобномъ шагѣ со стороны Остермана въ разсказѣ г. Соловьева, который, вѣроятно,

не нашелъ слѣда печатаемаго документа въ архивахъ. Во всякомъ случаѣ, интересъ Остерманова мемуара не подлежитъ сомнѣнію. Записка была составлена на нѣмецкомъ языкѣ и здѣсь печатается со стариннаго списка стариннаго же русскаго перевода ея. Рукопись эта обязательно сообщена для напечатанія П. В. Помяловскимъ.

Представленіе генералъ-адмирала графа Андрея Ивановича Остермана въ 1740 году, на нѣмецкомъ языкѣ писанное, правительницѣ принцессѣ Аннѣ о внутреннемъ тогда состояніи Россійской имперіи и о надежнѣйшихъ способахъ къ благоуспѣшнѣйшему управленію государствомъ.

Какъ Вашего N. N. всемилостивѣйшему памѣренію было бы противно, такъ и мнѣ не возможно описать во всемъ совершенствѣ, тѣ непзреченныя великія качества и добродѣтели, которыми Богъ столь богато украсилъ высочайшую и дражайшую Вашу особу. По между оными есть три, которыхъ я, по принадлежности ихъ сюда, со всемилостивѣйшимъ Вашего N. N. позволеніемъ, не могу не коснуться, и вопервыхъ, извѣстнаго Вашего N. N. благочестія. Оно учинитъ васъ какъ временно, такъ и вѣчно счастливою. Упованіе, возлагаемое на Ваше N. N. цѣлымъ народомъ, чрезъ то паипаче утвердится, поелику онъ знать и потому счастливымъ себя считать будетъ, что имѣетъ благочестивую правительницу. Вовторыхъ, врожденное Вашему N. N. человѣколюбіе и благосклонность, являемая Вами къ каждому. Симъ человѣколюбіемъ и милостію Ваше N. N. привлечете къ себѣ во всякое время сердца и умы цѣлаго народа и увѣковѣчите Вашу славу въ потомствѣ. Всѣмъ извѣстно, какое доброе дѣйствіе производитъ то въ умахъ подданныхъ, когда имѣютъ они правительницу милостиво и человѣколюбно ихъ выслушивающую, и никого отъ себя печальнымъ не отпускающую. Третіе есть извѣстная Вашему N. N. любовь къ правосудію и истинѣ. Для сего Богъ непрестанно будетъ съ Вами, поелику онъ живетъ въ исполнителяхъ любви и правосудія. Злоба чрезъ то покорится; все будетъ въ должномъ повиновеніи и въ сердцахъ всѣхъ честныхъ подданныхъ, боящихся Бога и хотящихъ быть христіанами, воспалится неугасимый огонь любви и радостнаго на Ваше N. N. упованія.

Сколько тысячь вздоховъ и молитвъ ежедневно восходить будетъ къ Богу за благодеяствіе Вашего N. N., поелику при достославнѣйшемъ правительствѣ вашемъ будетъ каждому большому и малому, убогому и богатому, безъ различія и лицезрѣнія оказываемо должная справедливость.

Признаюсь, что исполненіе правосудія всегда я почиталъ знатнѣйшею подпорою каждаго правительства, а по тому самому, какъ Ваше N. N. по врожденному собственному побужденію оное любить желаете, предсказываю напередъ правленію Вашему тысячи благословеній и счастія.

А дабы упредить въ томъ народъ при самомъ началѣ, то начерталъ я для всеподданнѣйшаго Вашему N. N. предложенія проектъ манифеста касательно той матеріи для публикованія [1]). Хотя жь и спаспительнѣйшія предписанія, какъ то, къ сожалѣнію, утверждаетъ опытъ, невсегда со всякою точностію бываютъ соблюдаемы, и въ такомъ пространномъ государствѣ, какова есть Россійская имперія, многія произойдти могутъ несправедливости, однакожь при всемъ томъ Ваше N. N. то имѣть будете утѣшеніе, что оныя происходятъ не по всемилостивѣйшему намѣренію Вашему, но противъ воли и приказанія; что народъ увѣренъ въ томъ, и Богъ причтетъ такія несправедливости не Вамъ, но производителямъ оныхъ. Впрочемъ, если таковые несправедные судьи будутъ пойманы, то Ваше N. N. предадите ихъ совершенно во власть законовъ, которые, каждому надлежащую опредѣляя мзду, долженствуютъ быть для каждаго священны.

А дабы народъ о правосудномъ и истину любящемъ Вашего N. N. духѣ тѣмъ вящше былъ увѣренъ, то не безполезно было бы, когда Вы повелите указать, чтобъ вамъ изъ сената, а чрезъ оный и изъ другихъ мѣстъ еженедѣльно или только помѣсячно подавали письменный рапортъ о рѣшенныхъ и производимыхъ судныхъ дѣлахъ. Сіе побудило бы коллегіи и другія мѣста къ вящшей внимательности, и еслибъ притомъ Вашему N. N. благоугодно было приставить честнаго и совѣстнаго человѣка къ надлежащему сихъ рапортовъ разсмотрѣнію, и дабы доносить Вамъ о нужныхъ дѣлахъ съ благоразсужденіемъ, то бы сіе конечно было и утѣшно и полезно, и особливо когда бъ повелѣніе вскорѣ публиковано и народу извѣстнымъ учинено было.

---

[1]) Оное во время писанія сего хотя и случилось, однакоже не будетъ вреда, если таковые манифесты и часто повторяемы будутъ.

Слишкомъ 20 лѣтъ тому, какъ трудятся нѣкоторые надъ новою книгою законовъ. Но онымъ способомъ, какъ трудятся при томъ, сіе само по себѣ весьма нужное дѣло едва ли прійдетъ къ концу чрезъ многіе еще годы. Совсѣмъ отдѣленная коммиссія, которая бы впрочемъ ничего другого не дѣлала, могла бы кажется обдумать то основательно. Сія коммиссія могла бы состоять изъ двухъ духовныхъ особъ, нѣкоторыхъ изъ гражданства, съ присовокупленіемъ къ тому двухъ знающихъ законопскусниковъ.

Помянутыя три качества (пріемлю дерзновеніе смѣло сказать) одни довольно достаточны учинить Вашего N. N. правленіе счастливымъ, славнымъ и вкупѣ спокойнымъ, поелику ничѣмъ другимъ, какъ токмо онымп, можно привлечь къ себѣ умы всѣхъ и получить благословеніе отъ Бога.

По сей Вашему N. N. врожденной любви ко правосудію не будутъ обойдены, при оказаніи милостей, при воздаяніи за показанныя службы, при повышеніяхъ и производствѣ въ чины, тѣ изъ народа, которые имѣютъ достоинства и заслуги. Сколь доброе дѣйствіе произведетъ то въ умахъ подданныхъ и во всемъ народѣ, само по себѣ очевидно явствуетъ.

Сюда принадлежитъ и то, о чемъ я Вашему N. N. взялъ дерзновеніе всеподданнѣйше словесно представить. Правитель никакъ не можетъ знать все происходящее въ государствѣ и потому весьма благоразумно поступаетъ, когда всякое выслушиваетъ. Но не безполезно бы ему было, когда бъ вмѣстѣ надлежащимъ образомъ испытывать справедливость или несправедливость ему доносимаго. Чрезъ то научится онъ узнавать людей, и невинный не смѣшается съ виновнымъ. А поелику государь не можетъ быть безъ министровъ и слугъ, то кажется, справедливость того требуетъ, если впрочемъ должны порядочно течь дѣла, чтобъ довѣренность между государемъ и рабомъ была взаимна и совершенна.

Не возможно проникнуть въ сердце каждаго, и потому то, что̀ Священное Писаніе говоритъ, то есть, чтобъ узнавать людей по ихъ дѣламъ, есть единственный и по большей части безопаснѣйшій осслокъ, по коему государь можетъ судить о слугахъ своихъ; и такимъ образомъ отдается каждому справедливость, также избѣжите Ваше N. N. многихъ тысящь безпокойныхъ и досадныхъ часовъ, и само по себѣ тяжкое бремя правленія весьма облегчится чрезъ то. Ко облегченію бремени правленія не мало послужитъ и то, когда Вашему N. N. благоугодно будетъ учредить, по обыкновенію другихъ странъ, нѣкоторые совѣтные дни въ недѣлѣ, а

при совѣтахъ присутствовать собственною высокою особою. Четырехъ въ недѣлѣ, по моему слабому разсужденію, могло бы быть довольно, а прочіе дни оставить на пріуготовленіе дѣлъ и отправленія. Если жь случится, что̀ чрезвычайное, не терпящее времени, то и отправленіе можетъ быть также чрезвычайное.

Дѣла состоятъ изъ чужестранныхъ и внутреннихъ. Для дѣлъ чужестранныхъ можетъ быть довольно двухъ, а иногда и одного дни въ недѣлѣ, потому что Ваше N. N. и сверхъ совѣтныхъ дней можете приказать всеподданнѣйше представлять вамъ приходящія реляціи. Прочіе дни остаются для дѣлъ внутреннихъ. Когда случатся дѣла изъ сената, и Вашему N. N. всемилостивѣйше благоугодно было бы взять въ совѣтъ вмѣстѣ съ генералъ-прокуроромъ еще одного или двухъ сенаторовъ, въ дѣлахъ военныхъ, до крѣпостей и сухопутной арміи касающихся генералъ-фельдмаршала и еще какого-либо члена изъ военной коллегіи; при дѣлахъ же до флота относящихся адмирала и члена изъ адмиралтейской коллегіи, то бы сіе конечно не могло какъ особливую принести пользу. Весьма обычайной при семъ и самой по себѣ зѣло вредной зависти чрезъ то избѣгнуто будетъ, довѣренность умножится, и дѣла будутъ весьма гораздо основательнѣе разсматриваемы и скорѣе отправляемы.

Когда въ дѣлахъ, о которыхъ есть законы и уставы, будетъ говорено по тѣмъ законамъ и уставамъ, и Ваше N. N. похотите въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда заблагоразсудите, и то, не подавъ дальнѣйшаго повода къ коварству, сдѣлать можно будетъ, оказать милость къ правой сторонѣ, то натурально послѣдуетъ изъ того, что по законамъ наказываемые будутъ приписывать то единственно самимъ себѣ и законамъ; напротивъ же того, взыскиваемые помянутымъ способомъ за справедливость милостію будутъ приписывать оную Вашему N. N. единственно. Чрезъ сіе возбудятся любовь вмѣстѣ съ повиновеніемъ, и время и опытъ покажутъ велику̀ отъ того пользу.

Все доселѣ сказанное вообще есть то, что̀ по моему хотя слабому, но вѣрному и непритворному мнѣнію пріобрѣтетъ Вашему N. N. Божіе благословеніе и учинитъ правленіе ваше спокойнымъ, счастливымъ и славнымъ.

Что же касается до внутренняго состоянія государства, то вопервыхъ, представляется вѣра, которая заслужитъ Вашего N. N. особливое вниманіе, во всякое время, а паипаче для многихъ въ государствѣ находящихся раскольниковъ и извѣстнаго спаъ злыхъ

людей расположенія. Не можно ничего сказать предварительно особеннаго касательно сей матеріи, потому что опредѣленія въ оной зависятъ отъ случаевъ и обстоятельствъ.

По моему слабому всеподданнѣйшему разсужденію, Ваше N. N. никогда не погрѣшите, когда въ дѣлахъ вѣры соблаговолите всѣхъ Вашихъ опредѣленій полагать основаніемъ публикованный блаженныя памяти императоромъ Петромъ Великимъ духовный регламентъ и пещись о исполненіи онаго. Если Ваше N. N. не изволили читать его, то пріемлю дерзость всеподданнѣйше Вамъ представить, дабы узнать регламентъ тотъ, онъ хорошо сочиненъ и совершенное получилъ одобреніе отъ всего народа, исключая, можетъ быть, только нѣкоторыхъ чревослужителей (угодниковъ, служителей мамонѣ); и потому всѣ опредѣленія, на немъ основанныя, не могутъ не принести Вашему N. N. удовольствія и всему народу будутъ пріятны.

Духовенству и монастырямъ дается то, что къ пристойному содержанію ихъ потребно, а прочее по благочестивымъ причинамъ употребляется на училища и больницы.

Ни что такъ государству не нужно, какъ хорошія училища. Изъ остающихся церковныхъ доходовъ Богъ знаетъ сколько можно учредить и содержать оныхъ. И когда бъ притомъ сдѣлать такое узаконеніе, чтобъ дѣти и юношество въ нихъ ежедневно по часу пристойно и основательно поучаемы были, чѣмъ должны они Богу и верховному правительству, то бы сіе, укореняясь съ приращеніемъ лѣтъ, послужило бъ со временемъ къ сильному искорененію злобы.

По моему слабому всеподданнѣйшему мнѣнію, не безполезно было бы, еслибъ при самомъ началѣ счастливаго вступленія въ правленіе изданъ былъ манифестъ синоду, такого же почти содержанія, каковъ былъ публикованный за нѣсколько времени до славной памяти Ея Императорскаго Величества кончины, и повелѣно бъ было онымъ стараться о распространеніи истиннаго и нелицемѣрнаго благочестія, также праздныя священническія мѣста отдавать людямъ извѣстнаго, честнаго и скромнаго житія и обращать живущихъ въ государствѣ не вѣрствующихъ.

Еслибъ потомъ за нужное сочтено было въ дѣлахъ, до вѣры касающихся, повелѣть новыя нѣкоторыя учинить распоряженія, то про всякій случай было бы не худо брать изъ синода одного или двухъ членовъ къ чинимымъ о томъ въ высочайшемъ Вашего N. N. присутствіи разсужденіямъ.

Послѣ вѣры слѣдуетъ гражданское и воинское состояніе, на коихъ весь добрый порядокъ и вмѣстѣ безопасность государства зависимо основаны быть должны. Они оба имѣютъ столь тѣсную связь между собою, что одно безъ другого быть не можетъ.

Что касается до воинскаго состоянія, то сила государства, слава Богу, въ желанномъ добромъ положеніи, и Ваше N. N., конечно, не оставите содержать оное въ семъ положеніи, поелику въ томъ состоитъ слава и внѣшній и внутренній покой и безопасность государства.

Повелѣнный еще Ея Императорскаго Величества блаженныя памяти смотръ полковъ по такъ называемой инспекторской инструкціи случится чаятельно большею частію нынѣ, и изъ подаваемыхъ рапортовъ тогда усмотрится, что при полкахъ исправить или и вновь учредить за полезно и нужно суждено будетъ.

Крѣпости, служащія наипаче къ безопасности государства, можетъ быть, не вездѣ въ надлежащемъ находятся состояніи. Когда Ваше N. N. повелите подать себѣ о состояніи всѣхъ крѣпостей обстоятельный на письмѣ рапортъ, то при разсужденіи о каждой нужно будетъ одинъ разъ на всегда основательно положить, что къ поправленію и содержанію каждой потребно.

Сюда принадлежатъ и такъ называемыя Царицынская, Закамская и Украинская линіи. О Царицынской извѣстно, что она проведена по песчанымъ мѣстамъ, а по большой части изъ одного песку состоящимъ. О сей линіи при прежнихъ и въ Ея Императорскомъ Величествѣ блаженныя памяти правленіе различные подаваны были новые проекты; но всѣ оные по причинѣ бывшихъ тогда обстоятельствъ отложены разсмотрѣніемъ до спокойнѣйшихъ временъ. Между ними былъ одинъ, по которому, сколько я могу упомнить, должно было провесть сію линію вдоль двухъ рѣкъ, изъ которыхъ одна неподалеку отъ Царицына впадаетъ въ Волгу, а другая въ Донъ. Сей послѣдній проектъ нравился мнѣ и тогда болѣе прочихъ, отчасти потому, что по исполненію болѣе возможенъ и не такъ дорогъ казался, а отчасти и наипаче для того, что вся тамошняя сторона между Волгою и Дономъ была бы прикрыта отъ всякихъ набѣговъ со стороны Кубани, и не было бы также недостатку въ травѣ, водѣ и дровахъ. Не въ примѣръ я держался бы того всеподданнѣйшаго мнѣнія, что при спокойныхъ временахъ могло бы сіе быть изъ первыхъ предпріятій въ пользу государства и къ вящей онаго безопасности.

Закамская линія долженствовала служить къ безопасности отъ Башкировъ; но теперь, какъ сказываютъ, ландмилиція переведена оттуда далѣе въ небольшія, отчасти отстроенныя, а отчасти еще строящіяся крѣпости. Поелику я о тамошнихъ странахъ, также о Башкирцахъ мало или совсѣмъ довольнаго свѣдѣнія не имѣю, то и не могу судить о томъ основательно. Башкирскихъ дѣлъ, по слабому разсужденію моему, и какъ я часть письменно и изустно въ кабинетѣ о томъ представлялъ, презирать не надлежитъ.

Еслибъ можно было Башкирцовъ раздѣлить и въ семъ намѣреніи заложить по разнымъ мѣстамъ въ землѣ ихъ небольшія крѣпости, то я считалъ бы то способнѣйшимъ средствомъ удержать народъ сей въ должномъ повиновеніи, и когда бъ притомъ поставлены были тамъ разумные и безкорыстные командиры, то не токмо бы можетъ быть никакой опасности отъ нихъ не было, но и великой пользы государству ожидать можно было.

О Украинской линіи и расположеніи по оной полковъ еще при царствованіи блаженныя памяти Ея Императорскаго Величества многія выходили учрежденія. Дѣло сіе требуетъ по справедливости зрѣлаго разсужденія. Мнѣ пришло на мысль, не могло ли бы при семъ быть полезно, когда бъ отъ Самары и вдоль оной до Міуса заложить въ различныхъ способныхъ мѣстахъ небольшія крѣпости, которыя бы, прикрывъ большой и прекрасный, между сею рѣкою, линіею и Донцомъ лежащій край, могли сдѣлать его для поддан-ныхъ способнымъ къ употребленію. Бахмутскіе и другіе тамъ лежащіе соляные заводы были бы также прикрыты, и можетъ быть, и пздержки бъ многія чрезъ то уничтожились. Между сими небольшими крѣпостями можно было бы со временемъ посредствомъ засѣкъ, глубокихъ рвовъ и разсадки хорошаго терновника и другими способами, безъ отягощенія совершенно заградить всѣ проходы, и чрезъ то немалый удѣлъ земли сдѣлать къ употребленію годнымъ и полезнымъ.

Это только голая мысль, которой возможность или невозможность при надлежащемъ разсмотрѣніи окажется. Что тайный совѣтникъ Неплюевъ въ особливой реляціи своей о лежащихъ по ту сторону Днѣпра по большой части нынѣ пустыхъ мѣстахъ пишетъ, то по-совершеніи разграниченія также должно бы, по слабому разсужде-нію моему, не оставить безъ вниманія.

Въ продолженіе, слава Богу, счастливо окончанной войны эко-номія въ полкахъ и срокъ мундирной и прочей аммуниціи не могли быть точно наблюдаемы, а сіе необходимо требовало многихъ чрез-

вычайныхъ издержекъ. Когда сей срокъ въ полкахъ опять введенъ будетъ, и многое къ амуниціи принадлежащее будетъ въ мирныя времена сколько возможно не такъ часто употребляемо, а иногда сроки и далѣе продолжаемы будутъ, то сіе принесетъ военной казнѣ немалую пользу, безъ всякаго ущерба службѣ. Чрезъ ежегодное въ мирныя времена такое поведеніе и вообще чрезъ добрую экономію не мало сберечь можно.

Ружейное мастерство въ Тулѣ въ такомъ состояніи, что до 50 т. ружей тамъ ежегодно могутъ быть изготовлены. Когда такимъ образомъ ежегодно по 50 т. новыхъ ружей готовить, а въ полкахъ въ мирныя времена употреблять старыя ружья пока можно будетъ, то въ немногіе годы цейгаузы вездѣ наполнятся новыми ружьями, а при рачительномъ содержаніи ружейныхъ фабрикъ со временемъ произойдетъ выгодный ружьями торгъ съ другими землями, потому что здѣшнія ружья безспорно дѣлаются крѣпче, нежели многія чужестранныя, а притомъ дешевле обходятся.

Объ артиллеріи и въ семъ году вышли весьма полезныя учрежденія. Поелику извѣстно, что въ различныхъ мѣстахъ въ государствѣ лежатъ безъ всякаго призрѣнія многія годныя и негодныя мѣдныя и чугунныя пушки, по нѣсколько лѣтъ тому назадъ, какъ обстоятельно приказано сыскать и перевести оныя. Но объ успѣхѣ, сколько мнѣ извѣстно, доселѣ еще не подано генеральнаго рапорта. Когда сей генеральный рапортъ объ артиллеріи отберется, то чаятельно, многія пушки найдутся такія, кои отчасти и годны, а впрочемъ по нынѣ введеннымъ калиберамъ могутъ быть перелиты.

То же можно сдѣлать съ пушками, у непріятеля взятыми, и когда такимъ образомъ литье пушекъ продолжится, также о новыхъ лафетахъ и прочихъ снарядахъ будетъ приложено стараніе, то и артиллерія съ Божескою помощію, какъ походная, такъ и городская, въ непродолжительномъ времени будетъ на доброй ногѣ, и вовсемъ довольное изобиліе.

Съ артиллерію въ сродствѣ порохъ, и если пороховыя мельницы, такъ какъ и артиллерію, отъ оныхъ зависящую, содержать въ непрестанномъ движеніи и надлежащемъ порядкѣ, то вскорѣ магазины всюду могутъ быть наполнены, и никогда въ порохѣ не будетъ оскудѣнія.

Сюда принадлежитъ селитра, о которой недавно вышли вновь повторительные указы. Извѣстно, что въ здѣшнемъ государствѣ столько оной добывать можно, что къ немалому прираще нію государственныхъ доходовъ не невозможно снабдѣвать отсюда и другія

земли; потому что она можетъ быть продаваема всегда дешевле изъ Ость-Индіи въ Европу привозимой. Въ мирныя времена въ тратѣ пороха легко можно видумать нѣкоторое сбереженіе.

Когда бъ по вышедшимъ установленіямъ были учреждены и пристойно содержимы и въ драгунскихъ полкахъ, такъ какъ и въ конной гвардіи и полкахъ кираспрскихъ, частные конскіе заводы, то изъ сего не было бы никогда недостатку въ годныхъ драгунскихъ лошадяхъ, и со временемъ много бы сберегала военная казна.

Въ прежнія времена учреждены были особливыя коммиссіи, а въ достославныя блаженныя памяти Ея Императорскаго Величества царствованіе многократно было рекомендуемо сенату принять въ разсужденіе, не можно ли въ поставкѣ рекрутъ найдти такого способа, чрезъ который бы оная могла происходить всегда съ меньшимъ отягощеніемъ государству, порядочно и безъ допмокъ, различные поданы о томъ проекты, и можетъ быть, дѣло оное не невозможно, и не иначе къ удовольствію Вашего N N. и ко благу имперіи, какъ весьма полезно быть можетъ.

Повторительное обстоятельное повелѣніе о солдатскихъ дѣтяхъ, чтобъ они какъ въ гарнизонахъ, такъ и въ полкахъ не пропадали, но рачительно были сохраняемы и воспитываемы, будетъ имѣть особливую пользу и доставить многихъ хорошихъ рекрутъ. Очевидная польза и отъ того, если полевые полки набирать изъ гарнизоновъ, а въ гарнизонахъ помѣщать рекрутъ.

Учрежденіе хорошихъ магазиновъ въ дешевое время въ способныхъ къ перевозкѣ мѣстахъ, а особливо въ Тверп и Очесвѣ, во всякое время будетъ имѣть свою пользу, и многіе дорогіе подряды чрезъ то избѣгнутся.

Такъ называемыя подушныя деньги суть источникъ содержанія сухопутной арміи. Бывающія при томъ допмки или недоимки (Restanzien) заслуживаютъ особенное вниманіе. Между обѣими есть безъ сомнѣнія такія, которыя не могутъ быть заплачены, и слѣдовательно, считаются напрасно недоимками. Но многія между ими конечно будутъ и такія, которыя чаятельно могутъ быть заплачены, и слѣдовательно, по справедливости заплачены быть должны, потому что тягости народныя должны быть каждымъ подданнымъ соразмѣрно и равно несомы. А дабы первыя различить отъ послѣднихъ и помочь бѣдности, то оказалось бы по моему слабому, но вѣрному разсужденію, необходимо нужнымъ настоять въ томъ, чтобъ многократно о сихъ недоимкахъ изданныя всемилостивѣйшіе указы непремѣнно и точно исполняемы были и именно, чтобъ тѣ мѣста,

на которыхъ такія недоимки находятся, были самолично осмотрѣны, и съ не платившихъ взыскано провинціальными воеводами и къ собранію подушныхъ денегъ приставленными офицерами, съ прибавленіемъ къ нимъ изъ полевыхъ полковъ, въ такія провинціи назначенныхъ. Сіе, происходя въ одно и то же время помянутымъ образомъ по всюду, не можетъ быть продолжительно, а къ истребленію недоимковъ весьма способно.

Многократно предлагаемо было о новой ревизіи, которая однакоже при бывшихъ войнахъ и обстоятельствахъ не могла удобно произведена быть въ дѣйство. Должно думать, что при такой ревизіи во многихъ мѣстахъ оказалась бы убыль, а въ иныхъ, можетъ быть, и приращеніе. Итакъ, если надобно, чтобъ для того была новая ревизія, то я не могъ бы при настоящемъ дѣлъ положеніи отсовѣтовать оной. Въ такомъ случаѣ она бы могла безъ дальныхъ околичностей и многой траты времени произведена быть въ дѣйство такимъ же образомъ, какъ о недоимкахъ выше сказано, то есть, чрезъ провинціальныхъ воеводъ, каждаго въ своей провинціи и въ одинакое время, съ присовокупленіемъ къ нимъ по два человѣка честныхъ и способныхъ. При такой ревизіи основательно бы оказалось, что относительно къ подушнымъ деньгамъ поправить или какія вновь учинить полезныя постановленія, о чемъ теперь, по крайней мѣрѣ съ надлежащею основательностію, судить не можно.

Относительно къ морской силѣ въ бывшей за нѣсколько лѣтъ предъ симъ коммиссіи вышли многія полезныя распоряженія, которыхъ исправное наблюденіе и исполненіе, по моему слабому разсужденію, не иначе какъ къ сохраненію и отличнымъ выгодамъ флота служить можетъ. При оныхъ расположеніяхъ ясно выражено и то, какимъ образомъ поступать съ кораблестроеніемъ здѣсь въ С.-Петербургѣ. Весьма потребная отстройка доковъ необходимѣе всего къ содержанію и сохраненію кораблей, а поелику Богъ послалъ миръ, то можно работать при томъ солдатами. Они будутъ получать ежедневно 4 копѣйки, сверхъ обыкновеннаго содержанія; работа пойдетъ успѣшнѣе и меньше стоить будетъ. При строеніи доковъ находится и то еще важное обстоятельство, что на оное въ адмиралтействѣ ежегодно исходитъ 1200 т. рублей, и должны исходить, пока оное строеніе не окончится, а помянутымъ способомъ флотъ и адмиралтейство обойдется и однимъ милліономъ, а прочія 200 т. будутъ сбережены или на другія нужныя государственныя издержки употреблены.

Новозаведенное кораблестроеніе въ Архангельскѣ при рачительнѣйшемъ содержаніи будетъ весьма полезно флоту и государству. Корабли тамъ не такъ много стоятъ, а потому здѣшній флотъ ежегодно можетъ получать свѣжихъ рекрутъ. Матросы чрезъ частое плаваніе будутъ экзерцироваться, и эскадра тамъ при воспослѣдовавшей войнѣ съ Швеціею весьма можетъ быть полезна, дабы непріятели въ Сѣверномъ морѣ не могли сдѣлать диверсіи Не худо бы также имѣть тамъ и добраго флагмана.

По установленію блаженныя памяти императора Петра I должно тѣхъ рекрутовъ во флотъ брать, которые жилище свое неподалеку отъ моря и воды имѣютъ, и слѣдовательно, уже привыкли къ морскому и водяному воздуху. Такое весьма превосходное установленіе, по моему слабому разсужденію, можетъ съ пользою быть удержано. Доброе установленіе о матросскихъ и другихъ низшихъ адмиралтейскихъ служителей дѣтяхъ принесетъ также немалую пользу и доставитъ флоту хорошихъ рекрутъ. А еслибъ въ мирныя времена здѣшніе молодые дворяне стали служить по нѣсколько лѣтъ на англіскомъ, французскомъ и другихъ державъ флотахъ, какъ то прежде бывало, то бы проявлялись отъ времени до времени добрые и искусные морскіе офицеры.

Никто не хочетъ охотно служить во флотѣ, потому что они тамъ не имѣютъ такихъ случаевъ къ повышенію и къ знатнѣйшимъ чинамъ, какъ въ сухопутной арміи; для того потребно для сихъ людей нѣкоторое поощреніе.

Адмиралтейству надлежитъ также всевозможно стараться о сохраненіи и лучшемъ возращеніи новозаведенныхъ на Волгѣ лѣсовъ. Когда они хорошо будутъ содержаны и непрестанно насаждаемы, то не можетъ потомъ никогда въ государствѣ быть недостатку въ дубовомъ деревѣ для кораблестроенія.

Флотъ и адмиралтейство содержатся кабачными доходами и внутренними пошлинами. Еслибъ адмиралтейству надлежащія деньги платить изъ каммеръ-коллегіи, рентереи или изъ другого какого точно опредѣленнаго мѣста, и оная бъ совсѣмъ не занималась собираніемъ денегъ въ государствѣ и по провинціямъ, то бы нѣсколько сотъ людей при адмиралтействѣ могли быть въ другое опредѣлены, счеты бы содержались въ порядкѣ и безъ замѣшательства, а притомъ не малое количество и денегъ ежегодно было бы сбережено. О семъ часто и многократно было предлагаемо, а блаженныя памяти Ея Императорское Величество всемилостивѣйше то и одобрить и сенату исполненіе препоручить изволила; но доселѣ оное

не произошло еще въ дѣйство. Могущія открыться при томъ затрудненія, по моему слабому разсужденію, не избѣжны, ибо для чего бы не можно было принимать столь же хорошо изъ одного мѣста, какъ изъ различныхъ, а особливо еще одинакія деньги? Существо вещи, кажется, само требуетъ перваго, потому что при послѣднемъ всякія замѣшательства неминуемо произойдти долженствуютъ.

Но можетъ быть, всей суммы адмиралтейство не можетъ получить изъ одного мѣста? Сіе, кажется, и не такъ нужно, потому что и безъ того адмиралтейству не въ одномъ мѣстѣ деньги нужны. Въ Астрахани, Казани, Москвѣ, Архангельскѣ, Новѣгородѣ и Петербургѣ адмиралтейство весьма удобно можетъ получать свои деньги.

Изъ Казанской губерніи къ валянію и привозкѣ дубоваго дерева многія тысячи душъ изъ такъ называемыхъ ясашниковъ адмиралтействомъ набраны; а изъ различныхъ за нѣсколько лѣтъ предъ симъ много учиненныхъ опытовъ ясно оказалось, что чрезъ добровольно набранныхъ людей многое и скорѣе, и съ меньшими гораздо издержками, нежели чрезъ тѣхъ ясашниковъ, сдѣлать можно. Принужденная работа, не упоминая о могущихъ произойдти при томъ пронырствахъ, обыкновенно идетъ гораздо лѣнивѣе, нежели у работающихъ изъ доброй воли. Я всегда того всеподданнѣйшаго не въ образецъ мнѣнія, чтобъ къ работѣ, которая добровольными сдѣлана быть можетъ, не сбивать деревень и крестьянъ. Крестьянамъ отъ того разореніе, а работа идетъ медленнѣе и стоитъ болѣе. Сіе ясно усмотрѣть можно, когда Ваше N. N. заблагоразсудите повелѣть подать себѣ и безъ того нужный, справедливый и обстоятельный рапортъ о всѣхъ къ публичнымъ работамъ и заводамъ сбитыхъ деревняхъ и вотчинахъ, въ какомъ они состояніи до того находились, и теперь находятся.

Итакъ, при адмиралтействѣ надлежитъ размыслить и о пособіяхъ, которыя изъ нихъ самыя выгоднѣйшія и полезнѣйшія. На здѣшнее кораблестроеніе при употребленіи по большой части добровольныхъ людей пойдетъ, можетъ быть, также менѣе издержекъ, нежели при употребленіи въ ономъ состоящихъ въ службѣ и на жалованье плотниковъ, а вмѣстѣ немалое сбереженіе будетъ чрезъ то и въ деньгахъ, и въ людяхъ.

При адмиралтействѣ находятся нѣкоторыя фабрики, а особливо парусная, которыя, при хорошемъ управленіи и содержаніи въ добромъ порядкѣ, могутъ также имѣть свою выгоду и приносить пользу.

Для морской службы предполагаются различные матеріалы, которые ежегодно покупать надлежитъ. Но какъ оные, а особливо въ мирныя времена, не каждый годъ употребляются, слѣдовательно, и не нужно покупать ихъ ежегодно, а чрезъ то также немалое число денегъ сберечь можно.

Величина и пропорція военныхъ кораблей, изъ которыхъ здѣшній флотъ состоять долженъ, опредѣлена и одинъ разъ на всегда твердо установлена, между прочимъ и съ тѣмъ намѣреніемъ, дабы такелажи, якори, желѣзо и другія вещи съ старыхъ кораблей не пропадали, но при новыхъ опять употреблены быть могли, чего, конечно, не можно бы сдѣлать было, еслибъ каждый корабль имѣлъ свою особливую препорцію. Чрезъ сіе также не мало сберегается, какъ то и вообще извѣстно, что при доброй экономіи въ адмиралтействѣ многое соблюсти и чрезъ то хорошую запасную казну составить можно.

При морской академіи небезполезны были бы нѣкоторыя новыя учрежденія. Я началъ было прежде при коммиссіи объ оной сочинять проектъ, который отыскавъ не премину всеподданнѣйше представить.

Гражданское состояніе, не смотря на многоразличныя учрежденія, доселѣ еще не устроено. По моему слабому разсужденію, оно весьма великой важности, потому что отъ него собственно должно зависѣть управленіе всего внутренняго состава государственнаго. Правосудіе, доходы, полиція, однимъ словомъ все принадлежитъ сюда. Скорѣйшее устраненіе гражданскаго состоянія должно быть изъ самонужнѣйшихъ и прежде всего предпринимаемыхъ дѣлъ, и при устраненіи онаго не столько на количество и множество членовъ въ коллегіяхъ и другихъ судебныхъ мѣстахъ смотрѣть надлежитъ, сколько на честность и способности и множество поручаемыхъ имъ въ управленіе дѣлъ. Множество членовъ иногда болѣе препятствуетъ дѣлопроизводству, чѣмъ споспѣшествуетъ оному. Когда бъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ случаются дѣла различнаго и между собою несходнаго содержанія и свойства, учредить различные департаменты, то дѣлопроизводство чрезъ то весьма бы облегчилось, и все въ лучшемъ порядкѣ содержано было. Мнѣ весьма понравилось для сего учиненное господиномъ президентомъ барономъ Менгденъ раздѣленіе въ порученныхъ ему коллегіяхъ. Въ началѣ царствованія блаженной памяти Ея Императорскаго Величества хотя и были назначены при сенатѣ таковые департаменты, однако не пришли потомъ въ состояніе. Департаменты можно

учредить смотря по множеству и разнообразности дѣлъ, и по тому жь точно опредѣлить число нужныхъ членовъ. Если департаменты раздѣлить между членами, то каждый изъ нихъ получитъ чрезъ то случай показать свое прилежаніе и раченіе къ службѣ.

Обогатившееся нѣкоторымъ образомъ дворянство показывало доселѣ болѣе охоты къ военной, нежели къ гражданской службѣ. Причина сему та, что они въ первой прежде получаютъ чины, и исправляя должность свою честно, дѣйствительно менѣе имѣютъ труда и менѣе отчетовъ, нежели въ послѣдней. Одержусь не въ примѣръ того всеподданнѣйшаго мнѣнія, что для того нехудо было бы гражданскому состоянію придать болѣе ревнованія, и что̀ касается до жалованья, то такъ распорядить оное, чтобъ они могли нѣкоторымъ образомъ довольствоваться имъ и не имѣли причины прокладовать запрещенные пути. Наблюдая препорцію, можно расположить оное по трудамъ каждаго мѣста, сохраняя вездѣ, сколько возможно, для избѣжанія вреднаго завидованія равенство. Канцеляріямъ можно назначить нѣкоторую сумму соразмѣрно дѣламъ ихъ и трудамъ изъ нихъ каждой, а коллегіямъ такую сумму предоставить самимъ для распредѣленія между канцелярскими служителями по заслугамъ и способности каждаго. Канцеляріямъ можно также позволить и нѣкоторыя аудіенціи, только нужно именно оныя ограничить.

Описать не возможно, коликой важности, чтобъ были на воеводствѣ честные и нѣкоторымъ образомъ обогатившіеся подданные. По моему слабому разсужденію, должно бы при семъ смотрѣть наипаче на ихъ прежнее поведеніе, чтобъ они имѣли по крайней мѣрѣ нѣкоторое число недвижимаго имѣнія.

По учрежденію должно воеводамъ каждые два года смѣняется и отчетъ давать. Причина тому должна быть та, дабы упредить чрезъ то многія притѣсненія, которымъ часто подвергаются отъ воеводъ обыватели. Признаюсь, что никогда не былъ сего мнѣнія, и помянутая причина не казалась мнѣ довольно достаточною къ отвращенію злоупотребленій; ибо изъ тѣхъ, которые хотятъ грабить, грабитъ тотъ, конечно, всегда болѣе, который не много времени на грабежъ имѣетъ. Да и сверхъ того, находятся при томъ многія и великія неудобства. Каждый годъ по оному учрежденію потребно болѣе ста новыхъ кандидатовъ, а поелику оныхъ столько не находится, то смѣна состоитъ часто въ томъ единственно, что воеводa изъ одной провинціи перемѣщается въ другую. Такихъ воеводъ уже не считаютъ, да и тѣ, которыхъ считать надлежитъ, должны

часто многіе годы дожидаться того и проживать напрасно свое имѣніе. Каждому воеводѣ потребенъ по крайней мѣрѣ годъ, дабы узнать порядочно состояніе и дѣла порученной ему провинціи. Другой годъ проходитъ въ пріуготовленіяхъ къ счету, а затѣмъ не остается ему ни времени, ни охоты думать много о нѣкоторомъ прираще-ніи доходовъ и другихъ хорошихъ распоряженіяхъ. Судебныя дѣла остаются чрезъ то въ провинціяхъ по большой части не рѣшены. Каждый думаетъ, что время сіе скоро минуется, и не хочетъ сдѣлать себѣ ни кого врагомъ, который бы могъ потомъ вредить ему. А поелику не хочетъ онъ сдѣлать и несправедли-вости, то предоставляетъ все своему преемнику, сей другому и такимъ образомъ поступаютъ тѣ, которые не о грабежѣ и взяткахъ мыслятъ, но хотятъ токмо отъ всякихъ хлопотъ освободиться. Чего жъ ждать отъ иначе мыслящихъ—само по себѣ удобопонятно. Слишкомъ пространно было бы исчислять обстоятельно всѣ не-удобства, отъ такой двулѣтней смѣны происходящія. По моему не въ примѣръ мнѣнію, казалось бы лучше, оставлять воеводъ при ихъ постахъ до тѣхъ поръ, пока они ведутъ себя, честно и никто на нихъ не жалуется.

Я говорилъ о воеводахъ нѣсколько пространно, но они того и за-служиваютъ, ибо они въ провинціяхъ то же самое, что̀ управители и прикащики въ частныхъ людей помѣстьяхъ, отъ коихъ вѣрнаго и честнаго управленія зависитъ благо подчиненныхъ и самого госпо-дина.

Когда бъ далѣе Ваше N. N. заблагоразсудили всемилостивѣйше потребовать отъ каждой коллегіи обстоятельный рапортъ о ея состояніи и дѣлопроизводствахъ, то по разсмотрѣніи съ основаніемъ каждаго можно было бы недостатки при каждой дополнить, и что̀ нужно, исправить. Можетъ быть, открылось бы тогда и средство, какъ во многихъ мѣстахъ отправленіе дѣлъ сократить, а вмѣстѣ можно было бы и число многихъ писцовъ и канцелярскихъ служи-телей уменьшить и ограничить.

Относительно къ состоянію доходовъ не безполезно было бы пред-писать сенату изготовить описаніе всѣхъ государственныхъ дохо-довъ съ обстоятельнымъ извѣстіемъ, въ чемъ оные состоятъ соб-ственно, какъ и откуда и какимъ образомъ получаются, и какъ бываютъ управляемы. При такомъ описаніи можно было бы осно-вательно разсуждать объ нихъ, и при исправленіи относительно къ приходу и расходу сдѣлать вообще нужное учрежденіе. Сюда принадлежатъ подушныя деньги, о которыхъ выше упомянуто. Мо-

нета можетъ также безъ отягощенія подданныхъ не мало умножить государственные доходы. Главное дѣло состоитъ въ томъ, чтобъ оная годъ отъ году была содержима въ безпрестанномъ оборотѣ и тисненіи, а дабы то произвести въ дѣйство и имѣть непрестанно въ рукахъ потребное здѣсь серебро, то нѣтъ, кажется, удобнѣйшаго средства, какъ завести въ самой Голландіи или Англіи или въ обоихъ мѣстахъ знатный капиталъ. Блаженныя памяти Ея Императорское Величество нѣсколько лѣтъ тому назадъ соизволила всемилостивѣйше одобрить учиненныя ей о томъ представленія и повелѣла учинить нужныя о томъ распоряженія; но оныя никогда не пришли къ исполненію. Когда бы имѣть такой знатный капиталъ внѣ государства, то бы не могло быть для монеты недостатку въ серебрѣ. Выгода, которою впрочемъ купцы станутъ пользоваться, будетъ и казнѣ прибыльна, и поелику чужестранные купцы для покупки россійскихъ произведеній имѣютъ также нужду и въ россійскихъ деньгахъ, то чрезъ то сыщется вмѣстѣ и удобность, и случай поставить промѣнъ на такой постоянной ногѣ, что корона необходимо при томъ выиграетъ, и коммерція не потерпитъ ущербу. Къ заведенію такого капитала могли бы на первый случай употреблены быть казенные товары. Съ ревенемъ я дѣлалъ небольшую пробу и съ удачею оной вздумалъ всеподданнѣйше предложить учрежденіе небольшой отдѣленной монетобитни. О семъ, и что вообще до казенныхъ товаровъ принадлежатъ, и какимъ образомъ наилучше, по моему слабому разсужденію, споспѣшествовать прибытку отъ оныхъ къ пользѣ государства и къ умноженію доходовъ, я бралъ вольность напередъ сего открыть мои всеподданнѣйшія не въ примѣръ мысли, и на оныя со всемилостивѣйшимъ Вашего N. N. позволеніемъ здѣсь ссылаюсь.

Пока продолжится война Гишпанская, серебро будетъ рѣже и дороже. И такъ, нужно было бы размыслить, не можно ли найдти въ продолженіе оной случая, тайно и подъ рукою, какъ въ Голландіи, такъ и въ другихъ знатныхъ торговыхъ городахъ, битые рейсталеры $^2/_3$ частей, и другія хорошія серебряныя монеты вымѣнивать и сюда перевозить. А можетъ быть, нашлись бы и въ государствѣ охотники отдавать серебро свое на монеты по 19 коп. золотникъ, еслибъ о томъ публиковано было.

Нужно также помыслить между прочимъ и о истребленіи пятаковъ. Но дѣло сіе само по себѣ не легко, и чѣмъ оно тяжеле, тѣмъ менѣе въ ономъ спѣшить можно. Между многими о семъ по-

данными проектами найдутся, можетъ быть, пристойныя къ тому средства. Но прежде, нежели можно предпринять что либо относительно къ тому, нужно помыслить о достаточной ходячей монетѣ, ибо пока оной не будетъ, то и пятаковъ вывесть не можно. Я начерталъ прежде мои мысли о томъ, которыя пріискавъ не премину всеподданнѣйше представить.

Кабачные доходы, сколько мнѣ извѣстно, болѣе упадаютъ, нежели прирастаютъ. Главныя тому причины, безъ сомнѣнія: 1) множество по провинціямъ и уѣздамъ на дорогахъ и въ другихъ мѣстахъ заведенныхъ, по большей части за малую цѣну отдаваемыхъ на откупъ небольшихъ кабаковъ; 2) множество находящихся въ государствѣ винокурень, въ которыхъ ежегодно дѣйствительно болѣе выспиживаютъ вина, нежели сколько въ кабакахъ оная исходитъ, а отсюда вкрались пронырства и тайныя шинкарства, которыя къ величайшему ущербу кабацкихъ доходовъ служатъ. О семъ многократно было разсуждаемо, и нѣсколько лѣтъ сряду, въ выразительнѣйшихъ терминахъ сенату препоручаемо, какъ то и въ кабинетѣ многія находятся подавацныя о томъ представленія. Сіи кабачные доходы должны бы въ камеръ-коллегіи отдѣленный департаментъ составлять и не быть смѣшиваемы съ другими доходами и дѣлами. Еслибъ города сняли на себя всѣ кабаки въ государствѣ, и каждый учреждалъ ихъ по собственному разсужденію въ своемъ уѣздѣ по селамъ и деревнямъ то корона ежегодно бы получала надлежащія деньги исправно, и нѣсколько тысячъ людей, для кабаковъ впрочемъ употребляемыхъ, было бы чрезъ то сбережено. Надлежало бы разсудить далѣе—не можно ль бы было множество винокурень ограничить и твердо постановить имѣть оныя въ такихъ только мѣстахъ, гдѣ хлѣбъ дешевъ, и есть дрова. При точномъ и зрѣломъ разсмотрѣніи, конечно, откроются такіе способы, посредствомъ которыхъ сіи важные доходы не токмо поддержать всегда, но и знатно исправить можно будетъ.

Между государственными доходами есть нѣкоторые, канцелярскими доходами названные. Какъ всѣ оные именуются, дѣйствительно я не знаю. Сіи доходы не менѣе заслуживаютъ подробнаго розысканія, тѣмъ болѣе, что можетъ быть, нѣкоторые изъ нихъ находятся такіе, которые казнѣ мало или и ничего не приносятъ, и однакоже къ отягощенію подданныхъ служатъ, а другіе, при добромъ распоряженіи, болѣе пользы приносить могущіе. Между первыми считаю я получаемыя въ государствѣ откупами такъ называемыя мостовыя деньги. Мосты не содержатся, корона полу-

часть отъ того мало или и совсѣмъ ничего, а бѣдный крестьянинъ долженъ однакоже вездѣ платить. Я бы думалъ, что шведскія учрежденія о дорогахъ и мостахъ могли бы и здѣсь столь же хорошо быть введены, какъ въ другомъ мѣстѣ, и принесли бы государству великую пользу. Между послѣдними поставляю я банныя и съ мельницъ деньги. Они сбираются по сдѣланному Богъ знаетъ за сколько лѣтъ росписанію. Во многихъ мѣстахъ, гдѣ по оному росписанію были бани и мельницы, теперь все пусто, и потому многія произошли доимки; напротивъ того съ новопостроенныхъ бань и мельницъ ничего не сбирается. Посредствомъ новой ревизіи, которая часто и выразительно блаженныя памяти Ея Императорскимъ Величествомъ была препоручаема, и которую чрезъ воеводъ, каждаго въ своей провинціи, легко произвести можно, отвратилось бы то неудобство, и получаемые отъ того доходы весьма бы поправились.

Коммерцъ-коллегія можетъ также по умноженію государственныхъ доходовъ безъ отягощенія подданныхъ весьма много способствовать. Внутреннія пошлины не приносятъ каждый годъ столько, сколько бы естественно приносить должны были и могли. Учрежденныя въ различныхъ мѣстахъ въ государствѣ небольшія и на откупъ отданныя таможни не послѣднею въ томъ причиною. Въ бывшей въ прежнія времена коммиссіи о коммерціи, въ которой я и князь Черкасской присутствовали, о дѣлѣ семъ было зрѣло разсуждаемо, и уже предпринимаемъ былъ государственный тарифъ какъ для входящихъ, такъ и исходящихъ изъ государства товаровъ. Но поелику та коммиссія послѣ уничтожилась, то и проектованный тарифъ остался безъ дѣйствія, да и не могъ быть приведенъ къ исполненію въ разсужденіи случившихся тогда обстоятельствъ. Когда бы сдѣлать сіе нынѣ, то уповательно, что внутреннія чрезъ то пошлины принесли бы по крайней мѣрѣ вдвое, если не втрое болѣе нынѣшняго, также можно было бы отвратить чрезъ то разомъ многія пронырства и весьма облегчить притомъ внутреннюю торговлю.

О казенныхъ товарахъ выше упомянуто. Табакъ приносилъ прежде гораздо болѣе, нежели нынѣ. А особливо въ Сибири можно оный, какъ мнѣ сказано, весьма прибыльный производить торгъ, потому что тамошніе народы табакъ любятъ и мѣняютъ на оный съ величайшею охотою лучшіе свои мѣха. При порядочномъ разсужденіи, конечно, найдутся такія средства, чтобъ и чрезъ табакъ не мало умножить государственные доходы.

Доходы сибирскіе чрезъ честныхъ и умныхъ правителей могутъ также знатно быть умножены, и я надѣюсь, что вице-губернаторъ Ланге сдѣластъ тому начало и вмѣстѣ приложитъ и покажетъ путь къ тому. Вино выписывается въ Сибири съ великою пользою, и можно думать, что при хорошемъ распоряженіи расходъ на оное между тамошними, такъ называемыми иноземцами умножится и вдвое болѣе быть можетъ.

Торговля съ Китаемъ могла бы также много способствовать къ умноженію доходовъ, еслибъ оную поставить на хорошей ногѣ. Учрежденіе китайской компаніи могло бы, безъ сомнѣнія, быть наилучшимъ къ тому средствомъ. Но Богъ знаетъ, можно ли и какъ скоро привести оную въ состояніе, потому что, по видимому, довѣріе здѣсь еще не столь твердо, какъ того учрежденіе такой компаніи требуетъ. Мнѣ приходило часто на мысль, когда бы при учрежденіи той компаніи встрѣтились какія препятствія, не можно ли было бы тогда съ платежемъ знатной пошлины сдѣлать торговлю съ Китаемъ свободною, тѣмъ паче, что то не препятствовало бы коронѣ самой принять въ оной участіе. Но я не знаю, возможно ли то, или нѣтъ. Въ первомъ случаѣ я бы смѣло могъ обнадежить, что пошлины принесли бы гораздо болѣе, нежели на сколько простирается нынѣшняя прибыль отъ каравановъ. При разсужденіи о томъ откроется, конечно, способъ, какъ сію торговлю исправлять и прямо ею пользоваться можно. Подобнаго надѣяться можно и отъ торговли съ Персіею и Бухаріею, еслибъ только безпокойный шахъ захотѣлъ успокоиться.

Извѣстно и то, что къ умноженію доходовъ можно изобрѣсти и съ Турціею также весьма выгодный торгъ. Россія имѣетъ многія произведенія, которыя въ Турціи весьма надобны и могутъ изъ Россіи гораздо дешевле туда быть доставляемы, нежели изъ другихъ мѣстъ, напримѣръ: мѣха, желѣзо, кофти, холстъ и другіе товары. Напротивъ того, и Россія можетъ изъ Турціи получать гораздо дешевѣйшею цѣною все то, что̀ другими народами изъ тамошнихъ произведеній привозится сюда моремъ. Сей торгъ можно учредить чрезъ Черное море, а въ Турціи находятся не только турецкіе, но и греческіе, армянскіе, еврейскіе и другихъ народовъ купцы, съ которыми оный съ пользою производиться будетъ. Какъ скоро границы будутъ твердо постановлены, и съ Портою совершенный воспослѣдуетъ миръ, тотчасъ можно сдѣлать пробу и положить твердое основаніе къ оному торгу.

Не менѣе надѣяться можно, что и отъ мануфактуръ и фабрикъ, для которыхъ потребные матеріалы въ самомъ государствѣ находятся, при хорошемъ смотрѣніи и управленіи знатная польза государству доставлена быть можетъ. Къ достиженію сей цѣли нужно отчасти учинить справедливое вспоможеніе фабрикантамъ, а отчасти и поощрить ихъ надлежащимъ образомъ къ исправленію и приведенію въ совершенство своихъ фабрикъ.

Щетина, различные роды клею, смола, рыбій жиръ и паюсная икра составляли предъ симъ весьма важный торгъ, который нынѣ, какъ я услышалъ, чрезвычайно умалился. Надлежало бы узнать тому причины, дабы усмотрѣть, сколько пособить оному должно.

Деготь былъ предъ симъ всегда весьма важный торгъ въ Архангельскѣ, и я бы думалъ, что еслибъ завести о томъ съ умными и имѣющими довѣріе купцами переписку, то бы оный дѣйствительно возставился, а чрезъ то бы со временемъ совершенно палъ доходъ отъ дегтя у нашихъ сосѣдей.

Въ государствѣ множество находится дубоваго дерева, которое никакъ не можно употребить на стройку кораблей, но весьма хорошо на бочки, боченки и другія малости, и я помню, что одинъ Англичанинъ дѣлалъ о томъ нѣкоторыя адмиралтейству предложенія, и кажется, можно было бы каждый годъ хорошее количество онаго на корабляхъ отпускать и продавать.

Нѣтъ сомнѣнія, что посредствомъ всего доселѣ приведеннаго могутъ быть весьма умножены государственные доходы; однакожъ было бы не возможно предпринять и распорядить все въ одинъ разъ. Находятся въ томъ числѣ такія дѣла, которыя принадлежатъ отчасти къ одному кабинету, а отчасти къ кабинету съ присовокупленіемъ сената, также къ военной и коммерцъ коллегіямъ. Когда такимъ образомъ принимать въ разсмотрѣніе одну вещь по другой въ томъ мѣстѣ, куда принадлежитъ оная, и по надлежащемъ испытаніи и размышленіи брать потомъ основательныя возпамѣренія, то и Ваши N. N. съ помощію Божіею вскорѣ ощутите плоды такого о благосостояніи государства Вами имѣемаго вѣрнѣйшаго попеченія, и доходы государственные только умножатся, что Ваше N. N. будете въ состояніи и нѣкоторое облегченіе народу въ другихъ частяхъ доставить.

Прежде, нежели заключу сію статью, къ гражданскому состоянію относительную, не могу не упомянуть, хотя кратко, еще о двухъ вещахъ, и вопервыхъ, о многихъ въ различныхъ мѣстахъ государства учрежденныхъ коммиссіяхъ. Слишкомъ, къ сожалѣнію, извѣстно,

какъ въ оныхъ дѣла происходятъ, и потому надлежало бы по моему вѣрному, не въ примѣръ разсужденію, размыслить, не можно ли бы уничтожить коммиссіи, которыхъ и безъ того конецъ не предвидится, и которыя не приносятъ далной пользы, и оставить тѣ токмо, отъ которыхъ извѣстной пользы ожидать можно. Первое будетъ признано за новую къ народу милость и произведетъ, слѣдовательно, хорошее дѣйствіе. Употребляемыя при томъ люди и содержаніе на нихъ будутъ сбережены, и однакожъ ничего не упустится. Вовторыхъ, о вышедшемъ за два года или болѣе предъ симъ постановленіи, по которому каждый въ своемъ мѣстѣ долженъ отвѣчать нѣкоторымъ образомъ за доходы и правильный сборъ оныхъ. Сіе постановленіе спасительно, и потому и возобновленіе и исполненіе онаго могло бы принесть особливую пользу.

И сіе есть вообще то, что вашего N. N. вниманіе при внутреннемъ состояніи государства наипаче заслужить можетъ. Что жъ касается до здѣшнихъ выгодъ относительно къ чужестраннымъ державамъ, то смерть Римскаго императора сдѣлала великій переворотъ въ различныхъ странахъ, какъ то я уже и описалъ; и поелику будущія времена и происшествія не извѣстны, а въ иностранныхъ дѣлахъ всѣ мѣры по происшествіямъ и обстоятельствамъ должны быть предпринимаемы, то и невозможно съ точностію судить о томъ. Каждое государство имѣетъ свои особенныя фундаментальныя выгоды, которыя всегда ему свойственны и неудобно перемѣнены быть могутъ.

Безопаснѣйшій путь при томъ есть тотъ, чтобъ сколько возможно, никогда отъ оныхъ не отдаляться. Въ чемъ сіи начальныя выгоды здѣшняго государства въ разсужденіи другихъ державъ состоять могутъ, о томъ намѣренъ я взять вольность всеподданнѣйше Вашему N. N. представить, какъ наискорѣе возможно будетъ, мои слабыя мысли.

ПРОЕКТЫ АННИНСКИХЪ ВРЕМЕНЪ [1]).

I.

Проектъ А. Волкова объ учрежденіи генеральной коммиссіи.

Сіятельнѣйшій графъ, милостивѣйшій государь патронъ.

Что Ея Императорскаго Величества высокій интересъ по цивильнымъ дѣламъ едва не вездѣ упущенъ и по нынѣ упускается, о томъ, надѣюсь, что вашему сіятельству извѣстно, а что взысканіе онаго отчасти и чрезъ разныя коммиссіи чинится, и то сходно ль съ пользою Ея Императорскаго Величества, ваше сіятельство изволите лучше милостиво разсудить, а я не нахожу тутъ лучшаго, развѣ великаго убытку казнѣ Ея Императорскаго Величества и излишняго расходу людямъ и напраснаго отягощенія и турбованія Ея Императорскаго Величества служителямъ и многой конфузіи и непорядку. Милостивый государь, ваше сіятельство изволите милостиво разсудить, что каждое дѣло не разными командами и множествомъ людей, но отъ большей части искусствомъ и прилежаніемъ къ благополучному концу приходитъ, а изъ разныхъ коммиссій что̀ послѣдуетъ? 1) Судей множество, которые разнаго качества люди, и имъ жалованье по рангамъ, хотя кто много трудится, хотя мало, или и ничего, а отговорка общая: „не одинъ я служу“ и „всѣхъ дѣлъ не передѣлаешь“; 2) содержаніе ихъ разныхъ апартаментовъ, служительми и всѣми потребностьми;

---

[1]) Подъ этимъ заглавіемъ печатаемъ двѣ относящіяся къ царствованію императрицы Анны записки объ усовершенствованіи дѣлопроизводства въ гражданской администраціи; извѣстно, что въ это время было обращено значительное вниманіе на «цивильныя дѣла».

3) разныя посылки ради экспекуціи, и чѣмъ было одному ѣхать, вмѣсто того разные въ одно мѣсто на разныхъ коштахъ поѣдутъ; 4) съѣхавшись въ губернію или провинцію, каждый своего взыскиваетъ, губернаторовъ понуждаютъ, к нцеляріи арестуютъ и въ томъ поступаютъ, кто кого удаляя, и тако тамошніе управители не вѣдаютъ, что̀ дѣлать, и гого прежде отправлять; 5) въ нѣкоторыхъ губерніяхъ и провинціяхъ денежный приходъ и расходъ всѣхъ сборовъ въ одну книгу записывался, то для счету и свидѣтельства какъ тое книгу въ розныя коммиссіи послать возможно? 6) вмѣсто того, чтобъ въ одно было мѣсто губернатору и воеводамъ отчетъ давать, нынѣ принуждены въ разныя мѣста ѣхать или приказныхъ людей посылать; 7) всего паче, что Ея Императорскому Величеству отъ разныхъ докладовъ излишній и непрестанный трудъ происходитъ. Того ради я по должности моей вашему сіятельству, моему милостивому государю, на ваше высокомудрое и милостивое разсужденіе, какъ о томъ единому Богу извѣстно, истинно отъ моей сущей ревности всепокорнѣйше и всенижайше слѣдующее доношу: ежелибъ Ея Императорское Величество всемилостивѣйше соизволила повелѣть для всѣхъ прошлогоднихъ (понеже еще многія мѣста безъ ревизій оставлены и до нынѣ) и будущихъ упущеній и взысканія Ея Императорскаго Величества высокаго интереса вмѣсто разныхъ коммиссій одну генеральную коммиссію или инквизицію учинить, то бъ все съ наилучшимъ успѣхомъ и съ великою пользою Ея Величества и подданнымъ и съ вящимъ страхомъ настоящимъ и будущимъ судьямъ благовременно и порядочно отправляться могло. Оная инквизиція раздѣлена быть имѣетъ только на три апартамента; въ первомъ разсмотрѣніе и взысканіе преступленія и неисполненія регламентовъ и указовъ Ея Императорскаго Величества; во второмъ —взысканіе и свидѣтельство счетовъ, на указные сроки въ ревизіонъ-коллегію не отправленныхъ; въ третьемъ—взысканіе доимки всего государства; той коммиссіи или инквизиціи судьи будутъ всѣ вмѣсто разныхъ многихъ въ одномъ апартаментѣ сидѣть, и больше не надобно, какъ одинъ президентъ, которому надобно быть гораздо добраго качества, и который бы могъ самъ Ея Императорскому Величеству всеподданнѣйше о всемъ поведеніи подлинно репортовать; а паче всего, чтобъ Ея Императорскому Величеству весьма вѣренъ былъ. При немъ четыре совѣтника изъ штабъ-офицеровъ, и четыре ассессора изъ прочихъ искусныхъ и достойныхъ людей; и тако мочно, съ помощію Божіею, обнадежить, что изъ сей диспозиціи

Ея Императорское Величество весьма довольна быть и непрестанное плодоносіе видѣть изволитъ, съ прекращеніемъ излишняго многаго труда и напраснаго убытка (понежь отъ однихъ разныхъ судебныхъ мѣстъ и отъ разныхъ посылокъ не малая сумма въ казнѣ Ея Величества останется) и съ конечнымъ прекращеніемъ помянутыхъ всѣхъ непорядковъ, и что нынѣ сыскивается упущеннаго, гораздо болѣе того еще сыскаться можетъ. И ежели ваше сіятельство сіе за потребно и милостиво принять изволите, и чрезъ вашу милостивую сего моего малаго труда рекомендацію Ея Императорскому Величеству угодно будетъ и Ея Величество всемилостивѣйше соизволитъ повелѣть о томъ основательный генеральный проектъ учинить и кандидатовъ выбрать, въ томъ я ото всего моего сердца трудиться готовъ; но понеже не возможно миновать, чтобъ нѣкоторыхъ потребныхъ къ тому справокъ изъ сената не брать, того ради всепокорно прошу, дабы повелѣно было господину Маслову за тѣмъ проектомъ вкупѣ со мною потрудиться, съ которымъ можно бъ, съ помощію Всемогущаго Бога, еще наиважнѣйшимъ и весьма Ея Императорскому Величеству и всему государству полезнѣйшимъ проектомъ услужить, ежели также на то Ея Императорскаго Величества всемилостивѣйшее соизволеніе и повелѣніе будетъ, а именно: на какомъ наилучшемъ крѣпкомъ и весьма надежномъ фундаментѣ возможно постановить сенатское правленіе, которое по нынѣ на такомъ слабомъ основаніи, что упущенію ничто иное какъ оное вино, что возможно ясно и достовѣрно доказать, а надѣюсь, что и сами ваше сіятельство не безъ великаго соболѣзнованія вѣдать и видѣть изволите, а особливо когда въ сенатѣ одинъ или два только сенатора, чрезъ которое довольное время сидятъ (да и тѣ сами подъ счетомъ, къ тому жь искренніе между собою братья), и что дѣла чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ и лѣтъ продолжаются, и прочіе многіе непорядки происходятъ, къ немалому безславію и убытку Ея Императорскаго Величества и къ разоренію подданныхъ, что все весьма въ краткомъ времени Божіею помочію и Ея Императорскаго Величества премудростію и счастіемъ премѣнится можетъ къ приращенію безсмертныя славы и пользы Ея Величества и подданныхъ. И буде сіе Ея Императорскому Величеству также угодно будетъ, то весьма потребно, чтобъ всю тое диспозицію, не упуская времени, учинить, дабы вышепомянутые всѣ непорядки не могли вступить въ наступающій —дай Боже благополучный! — новый годъ, но чтобъ Божіимъ благословеніемъ во всемъ послѣдовала всякая исправность и общее благо-

получіе, и наипаче по Ея Императорскаго Величества высочайшему желанію правый и скоро-рѣшительный судъ, что̀ все Господь Богъ Всемогущій да управитъ.

Сіятельнѣйшій графъ, милостивѣйшій отецъ государь, вашего сіятельства милостиваго государя и отца вѣрно и вѣчно обязанный и всенижайшій слуга

А. Волковъ.

19-го декабря 1732 г.

P. S. Милостивѣйшій государь, ваше высокографское сіятельство, изволите милостиво разсудить что̀ можетъ быть ко взысканію упущеннаго, удобнѣе и Ея Императорскому Величеству прибыльнѣе, и служителямъ и подданнымъ Ея Величества сноснѣя ко взысканію упущеннаго—разныя ль коммиссіи, или одна генеральная.

Напримѣръ:

1) Въ разныхъ десяти коммиссіяхъ хотя положить судей по 4 персоны съ президентомъ, то будетъ 40 человѣкъ.	А въ одной генеральной 9.
2) Въ разныхъ коммиссіяхъ однихъ судейскихъ апартаментовъ 10-ть.	А въ одной генеральной 1.
3) Въ разныхъ коммиссіяхъ на одни уборы, столы и стулья и прочее и на годовой расходъ на свѣчи, на дрова и прочее, хотя на каждый апартаментъ 300 р., а на десять 3,000 руб.	А въ одной генеральной только 300 руб.
4) Всѣмъ судьямъ тѣхъ коммиссій годовое желованье, хотя бъ въ нихъ выше полковника не было, сорока человѣкамъ, 15,600 р.	А въ генеральной 9; хотя тутъ и генералъ-маіоръ президентъ будетъ 4,920 руб.
5) Въ кладовой коммиссіи имѣется приказный столъ, тутъ опредѣляются по особливому секретарю, которыхъ въ разныхъ 10; имъ жалованья 5,000 руб., протоколистамъ десяти 3,000 руб., регистраторамъ десяти 3,000 р., итого 11,000 руб.	А въ одной такихъ чиновъ по одному человѣку, имъ жалованья 1,100 руб.
Всего въ десяти 29,600 руб.	А въ одной генеральной 6,326 руб.

И тако однихъ вышеписанныхъ расходовъ, не упоминая прочихъ, убытку Ея Императорскому Величеству будетъ на каждой годъ отъ разныхъ предъ одною 23,280 рублевъ.

6) Въ разныхъ же коммиссіяхъ судей не малое время безъ дѣла сидятъ, пока изъ приходныхъ и расходныхъ книгъ счеты сочиняются, по то время дѣлать имъ нечего, какъ ужь нынѣ опробовано.

А въ генеральной, когда, напримѣръ, по военной коллегіи не готово, тѣмъ временемъ по каморъ-коллегіи готовое слушать будутъ, и тако время ни на часъ не упустится.

7) Изъ разныхъ коммиссій пошлются въ 12-ть губерній ради какой экзикуціи въ каждую по 10-ти челов., итого 120 челов.; то какой одинъ расходъ людямъ будетъ; чтожь имъ подводъ, прогоновъ, а когда изъ разныхъ коммиссій въ одну губернію съѣдутся, какая отъ нихъ можетъ происходить конфузія, какъ уже и нынѣ происходитъ.

А въ генеральной по одному.

8) А что всего паче Ея Императорскому Величеству отъ разныхъ коммиссій 10 докладовъ надобно слушать и опробовать.

А отъ генеральной одинъ о тѣхъ же дѣлахъ отъ Ея Императорскаго Величества опробуется, и тако сколько Ея Императорскому Величеству труда убудетъ.

Прочего жь всего описать трудно, но время покажетъ. Буде же сумнѣваться, что одной генеральной исправиться не мочно, для чего жь одна ревизіонъ-коллегія всего государства счеты свидѣтельствуетъ, тако жь и въ главномъ кригсъ-коммиссаріатѣ по статуту положено для счету и свидѣтельства одна коммиссія, гдѣ только три маіора, а тутъ главный кригсъ-коммисаріатъ, гдѣ едва не половина государственнаго приходу, тако жь вся армія и гарнизоны, и мундирная и аммуничная и провіантская канцеляріи считаны и свидѣтельствованы быть имѣютъ. Воистинно, милостивый государь, не во множествѣ людей, но въ вѣрности и искусствѣ и прилежаніи все состоитъ; трудолюбиво одинъ десять дѣлъ дѣлать можетъ, а оплошные и лѣнивые и сто человѣкъ одного не сдѣлаютъ, какъ нынѣ и ясно показалось, чрезъ ревизію провіантской

канцеляріи: въ счетной провіантской коммиссіи въ восемь мѣсяцевъ на 1.200,000 приходу и расходу освидѣтельствовано, а въ провіантской канцеляріи и въ губерніяхъ и провинціяхъ и въ восемь лѣтъ ни на одну копѣйку. Сіе вашему сіятельству моему милостивому отцу и государю доношу на ваше высокомудрое разсужденіе, отдая Ея Императорскому Величеству мой всеподданнѣйшій и всерабскій долгъ.

II.

Проектъ сенатскаго оберъ-секретаря Сверчкова о уменьшеніи письма въ сенатскихъ дѣлахъ и о прежнемъ учрежденномъ порядкѣ сената и коллегіевъ.

Хотя сколько изъ правительствующаго сената, какъ въ коллегіи, такъ и въ губерніи и въ провинціи, подтверждено было многими указами подъ штрафами, чтобъ изъ коллегій приходили съ такими допошеніями, которыя по должности сенату рѣшеніемъ принадлежатъ, какъ пространно въ указѣ 724 году изображено, а изъ губерній въ сенатъ писали только о тѣхъ дѣлахъ, которыя къ коллегіямъ не принадлежатъ, яко о начатіи войны, мору или замѣшанія или какихъ припадковъ, а о прочихъ всѣхъ дѣлахъ писали въ тѣ коллегіи, къ которымъ какія дѣла принадлежатъ, однакожь и за всѣми многими подтвердительными указами, въ коллегіи съ такими докладами приходятъ, что къ должности онаго сената принадлежатъ, а изъ губерній пишутъ о тѣхъ дѣлахъ, что къ коллегіямъ принадлежало, а не въ сенатъ, и затѣмъ правленіе сенатскаго дѣла въ помѣшательство приводятъ, уповая на то, что за то пренебреженіе не штрафованы.

Того ради не соизволено ль будетъ въ подтвержденіе тѣхъ прежде посланныхъ указовъ и сената, послѣдними указами объявить съ такимъ изъясненіемъ и объявленіемъ формы, а въ формѣ той изъяснить:

I) Чтобъ писали въ сенатъ, изъ губерній 1) о вышеписанныхъ дѣлахъ, которыя къ коллегіямъ не принадлежатъ допошеніями; 2) рапорты на посланные изъ сената указы (которые мимо коллегій, что оные къ коллегіямъ не принадлежатъ, о чемъ писаны будутъ) назначивать въ заглавіи по генеральному регламенту и указы въ три вида: репортъ о полученіи, репортъ за чѣмъ исполнить не можно, репортъ о дѣйствительномъ исполненіи, и репорты въ три вида имѣютъ быть такіе, о которыхъ изображено въ регламентахъ и

указѣхъ, что въ скорости котораго дѣла исполнить не можно; а для уменьшенія письма и излишняго труда, когда который указъ присланъ будетъ только для вѣдома, то слать репортъ одинъ о полученіи, а по которому надлежитъ исполнить, то того жь дни репортовать что̀ получено и исполнено, и писать въ одномъ репортѣ или по послѣдней мѣрѣ на другой день, буде же такъ для законной причины исправиться не можно, то репортовать только о полученіи, а потомъ въ недѣлю второй репортъ прислать, что и дѣйствомъ исполнено; буде же исполненіемъ конечно и въ недѣлю за законными жь причинами не справится, то второй репортъ въ недѣлю послать послѣ прежнихъ указовъ за чѣмъ онаго дѣйствительно исправить не можно было, показавъ тому тѣ законныя причины именно, а потомъ третій репортъ прислать въ назначенный срокъ по регламенту, что̀ дѣйствомъ исполнено; и буде хотя и разныя дѣла будутъ, а случатся репорты одного званія, то въ одинъ репортъ писать, дабы и чрезъ то не умножено было письма и судейнаго труда; а когда оные прійдутъ, то легко можно чрезъ регистратуру подъ каждое дѣло внести, къ которому что̀ прилично; 3) доношенія же опредѣленій въ статскіе чины и приказныхъ людей, которые до сената жь принадлежатъ, писать въ сенатъ въ герольдмейстерскую контору, понеже по должности оной чины представлены быть имѣютъ отъ той герольдіи, а той герольдіи какъ и прочимъ коллегіямъ положено въ сенатъ что надлежитъ по указамъ докладывать, о всемъ выправясь такъ чисто, чтобъ болѣе изъ указовъ выписывать или справокъ не требовало, подъ такимъ штрафомъ, какъ о коллегіяхъ вышеписаннымъ 724 года указомъ опредѣлено; 4) а буде изъ губерній будутъ писать, что въ коллегіяхъ по ихъ доношеніямъ рѣшенія не чинятъ, или что̀ противно будутъ поступать дѣлать, какъ о преимуществѣ коллегій въ генеральномъ регламентѣ изображено, то просто доношеніемъ въ сенатъ не писать, а писать въ сенатъ по формѣ 723 году изъ такой-то губерніи, на такую-то коллегію доношеніе, и потомъ дѣло, дабы подъ именемъ просто доношеніе не смѣли писать о другихъ дѣлахъ или докладывать мимо коллегій о ихъ коллежскихъ дѣлахъ.

II) А изъ коллегій, канцелярій, коммиссій, которыя коллегіямъ не подчинены, писать въ сенатъ: 1) доношенія и репорты, противъ того жь какъ изъ губерній выше опредѣлено, а хотя изъ коллегій о представленіи въ статскіе чины или о такихъ дѣлахъ, которые одному сенату надлежатъ, надлежитъ изъ коллегій пода-

вать въ сенатъ доношенія жь, однако же притомъ о представленіи въ чины всѣ выправки дѣлать во исполненіи сенатской должности и указомъ герольдіи, и для того заранѣе надлежитъ оной по званію своему имѣть о всѣхъ приставленныхъ къ дѣламъ полныя по указамъ вѣдомости, кто гдѣ у дѣлъ, и какъ сочтены будутъ, и во всемъ ли исправны, и нѣтъ ли какихъ подозрѣній; 2) а если какое дѣло рѣшить не можно, то въ заглавіи писать „въ правительствующій сенатъ изъ такой-то коллегіи докладъ", и потомъ дѣло означить кратко, а притомъ приложить экстрактъ пунктами, и подъ тѣмъ экстрактомъ мнѣніе оной коллегіи подписать, и зачѣмъ докладываетъ означить, и такъ исправно дѣлать и поступать, какъ вышеписанный 724 году указъ гласитъ; 3) буде же которое мѣсто оной коллегіи не подчинено, а послѣ генеральнаго регламента чрезъ порядочную корреспонденцію исполненія не учинятъ, то въ сенатъ писать доношеніями жь изъ такой коллегіи на тое и тое коллегію.

Сіе учинено въ разсужденіе того жь, какъ выше и о губерніяхъ предписано.

III) Въ сенатъ же такихъ доношеніевъ изъ коллегій, чтобъ подтвердить указами въ губерніи или въ которыя мѣста, не принимать, и тѣмъ времени и дѣламъ, которые до сената зависятъ, помѣшательства не учинить, понеже всѣ коллегіи учреждены, и каждая по званію своего дѣла преимущество имѣетъ по генеральному регламенту, и потомъ подтвердительнымъ указомъ сами губернаторовъ и воеводъ штрафовать могутъ; а которыя не ихъ вѣдомства, то исправную по тому жь регламенту корреспонденцію имѣть, дабы впредь коллегіи не имѣли отговорки, что онѣ по званію своихъ дѣлъ въ чемъ неисправны.

IV) Когда отъ которой коллегіи по докладу въ сенатъ резолюція учинится, и хотя по вышеписанному указу велѣно оную отдавать въ тое коллегію, понеже невсегда за многотекущими дѣлами въ сенатѣ такъ скоро справиться возможно, того ради по прежнему по тѣмъ резолюціямъ посылать въ тое коллегію только одинъ указъ, а въ прочія мѣста, куда надлежитъ посылать указы или промеморіи, по той сенатской резолюціи изъ той коллегіи, и вездѣ исполнять по тѣмъ посланнымъ той коллегіи указомъ и промеморіямъ, въ такомъ преимуществѣ, какъ по сенатскимъ указомъ, а въ сенатъ по тому посланному указу дѣйствительнаго исполненія взыскивать только на одной той коллегіи; буде же которое мѣсто оной коллегіи не подчинено и дабы не всегда протестомъ быть,

то можно оной коллегіи въ сенатъ на тѣ мѣста подать краткій репортъ къ прокурорскимъ дѣламъ, гдѣ экзекуторскихъ дѣлъ принуждено будетъ исправлять въ помочь той коллегіи взысканія.

V) Буде же какое дѣло новое въ сенатъ по именнымъ Ея Императорскаго Величества указомъ или сенатскимъ резолюціямъ опредѣлено будетъ, а оное до которой коллегіи принадлежитъ, то давать также той коллегіи, какъ выше изображено, а буде дѣло нужное, и для скорости пошлются указы изъ сената во всѣ мѣста, то репорты о полученіи оныхъ принявъ въ сенатъ, и отдавать для исполненія и взысканія по указамъ въ тое жь коллегію, дабы чрезъ сей порядокъ коллегіи дѣла званія своего по данному имъ генеральнаго регламента преимуществу безъ помѣшательства и впредь безъ отговорки исправлять могли, а сенатъ званія своей должности остановки и также помѣшательства не имѣлъ.

VI) А которыя нынѣ въ сенатѣ дѣла есть отъ губерній присланы, а изъ коллегій внесены противно тѣхъ указовъ, тѣ всѣ разобравъ, съ реестрами отослать въ тѣ коллегіи, къ которымъ которыя дѣла по регламентамъ принадлежатъ, кромѣ тѣхъ, которымъ по именнымъ Ея Императорскаго Величества указомъ и кабинетскимъ резолюціямъ особливо въ сенатѣ быть надлежитъ, дабы тѣ коллегіи и губерніи, уповая на то, что въ сенатѣ писано, не имѣли въ чемъ напрасной отговорки, ибо они сами причиною въ упущеніи тѣхъ дѣлъ явятся, если что такимъ безпорядкомъ противно преждепосланныхъ указовъ писали и требовали указу.

VII) Понеже въ нѣкоторыхъ приговорѣхъ правительствующаго сената писано, что во исполненіе дѣлъ подтверждать частыми указами, и сіе слово впредь писать не соизволено ль будетъ отмѣнить и подтвердить во всѣ мѣста, чтобъ за неисправленіе по тремъ указомъ или дубликатомъ штрафовать, ибо отъ умноженія часто подтвердительныхъ указовъ пуще въ слабость и пренебреженіе входятъ, какъ изъ сенатской конторы о томъ уже въ одну каморъ-коллегію и подтверждено, а и во всѣ мѣста по тому примѣру надобно подтвердить, и того надлежитъ наблюдать, чтобъ болѣе трехъ указовъ или промеморій не посылать, но потомъ поступать по генеральному регламенту и по вышеписанному порядку, смотря по срокамъ, какъ оныя по тому жь регламенту и указомъ исполнить надлежало.

VIII) И понеже уповать можно, что по вышеписанному порядку во исполненіе должности сенатской и Ея Императорскаго Величества учрежденныхъ регламентовъ и указовъ, губерніи, опасая се-

бя отъ штрафовъ, впредь о такихъ дѣлахъ, что до коллегій принадлежитъ, въ сенатъ писать не будутъ; однакожъ ежели впредь изъ которой губерніи такія доношенія противно онымъ Ея Императорскаго Величества указомъ будутъ присылать оныя въ сенатъ, получа съ помѣтою оберъ-секретаря, по ихъ должности, не докладывая сенату, отсылать въ тѣ коллегіи, къ которымъ принадлежитъ, и ежели что исполнить по указомъ надлежитъ, то оной коллегіи дать на то доношеніе письменную резолюцію и указъ, а за то того, кто писалъ въ сенатъ мимо коллегій противно вышеписанныхъ Ея Императорскаго Величества указовъ, штрафовать по указу и о томъ въ сенатъ для вѣдома репортовать.

„РОССІЙСКІЙ КАРТУШЪ".

Такъ называли въ старину „славнаго вора, разбойника, извѣстнаго мошенника и того ремесла людей сыщика", который наводилъ ужасъ на жителей Москвы и ея окрестностей въ концѣ первой половины XVIII вѣка. Печатные разсказы о лихихъ дѣлахъ этого дѣйствительно замѣчательнаго, по своему, человѣка—личности, по справедливому замѣчанію С. М. Соловьева (см. „Исторію Россіи", XXII, 268), типической въ своемъ родѣ, стали появляться еще съ 1775 года; нѣкоторые изъ этихъ разсказовъ писаны „такимъ слогомъ, какъ обыкновенно подлые люди разсказываютъ сказки", и сверхъ того, сопровождаются народными пѣснями, будто бы отъ него записанными. Все это доказываетъ, что Каинъ былъ въ свое время личностью общеизвѣстною и даже много лѣтъ послѣ своего ареста пользовался популярностью; быть можетъ даже, что несомнѣнное удальство его возбуждало къ себѣ долю сочувствія въ нѣкоторой части общества.

Къ этимъ-то старинными разсказамъ о Каинѣ, изъ которыхъ любопытнѣйшій перепечатанъ г. Григоріемъ Книжникомъ въ 1859 г. въ С.-П.б., и которые Г. В. Есиповъ уже дополнилъ своимъ извлеченіемъ дѣлъ сыскнаго приказа о Каинѣ (Осьмнадцатый вѣкъ, кн. III), здѣсь присоединяется еще нѣсколько офиціальныхъ документовъ, заимствованныхъ изъ государственнаго архива.

I.

Докладъ императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ отъ генерала-полиціймейстера Татищева.

По слѣдующемуся въ главной полиціи дѣлу по челобитью Коломенскаго полка солдата Федора Тарасова, о увозѣ изъ дому его дочери его дѣвки, оказалось: что опредѣленный въ Москвѣ по

указу изъ правительствующаго сената при сыскномъ приказѣ для сыска воровъ и разбойниковъ, доносителя Ивана Каина, подъ видомъ искорененія таковыхъ злодѣевъ, чинилъ въ Москвѣ многіе воровства и разбои и многія грабительства, и сверхъ того, здѣшнимъ многимъ же обывателямъ только для однихъ своихъ прибытковъ немалыя разоренія и нападки, а въ данномъ ему Каину изъ правительствующаго сената въ 1744 году декабря 7-го дня указѣ, о чиненіи ему Каину въ поимкѣ воровъ и другихъ подобныхъ тому злодѣевъ вспоможенія, между прочимъ накрѣпко подтверждено, что ему Каину въ поимкѣ подъ видомъ такихъ злодѣевъ никому посторонняго обиды не чинить и напрасно не клеветать подъ такимъ же истязаніемъ; а потомъ, по причинѣ учиненнаго имъ воровства въ 745 году, взятъ онъ былъ въ тайную контору, за что подлежалъ и тогда жесточайшему наказанію кнутомъ и дальней ссылкѣ, но въ разсужденіи томъ, дабы впредь въ сыскѣ воровъ и разбойниковъ и прочихъ подозрительныхъ людей имѣлъ онъ крѣпкое смотрѣніе, то ему было оставлено, а вмѣсто того учинено наказаніе плетьми и подъ страхомъ смертныя казни объявлено ему и съ подпискою, ежели впредь онъ сверхъ должности своей явится въ какихъ-либо наималѣйшихъ воровствахъ и взяткахъ, то поступлено будетъ съ нимъ по указамъ; но онъ Каинъ, не взирая ни на что, какъ о томъ выше сего объявлено, вмѣсто поимки воровъ, имѣя у себя товарищевъ фабричныхъ и солдатъ, чинилъ многіе воровства, грабежи и разбои и противные указамъ поступки, что уже нынѣ при бытности моей въ Москвѣ и самымъ дѣломъ открылось, въ чемъ онъ Каинъ и самъ по всѣхъ тѣхъ своихъ преступленіяхъ безъ всякаго ему истязанія, только по одному увѣщанію принесъ повинную и между прочимъ показалъ, что онъ то все чинилъ въ надеждѣ на имѣющихся въ сыскномъ приказѣ судей и секретарей и протоколиста, которыхъ онъ за то, чтобъ его остерегали, даривалъ и многократно въ домахъ у нихъ бывалъ, и какъ между пріятелей обыкновенно, пивалъ у нихъ чай и съ нѣкоторыми и въ карты игрывалъ. И тако, по тому его показанію, сколько возможность допустила собрано товарищевъ его и прочихъ касающихся до того слѣдствія, сорокъ одинъ человѣкъ, которыхъ должно распрашивать, а другихъ сообщниковъ же его, и которые о воровствахъ его вѣдали, а не доносили собрать и ими слѣдовать, чего главной полиціи за вручennыми полицейской должности дѣлами по множеству объявленнаго имъ Каиномъ съ товарищами его воров-

ства производить никакъ не возможно, ибо и нынѣ уже въ настоящихъ полицейскихъ дѣлахъ учинилась не малая остановка, а сыскному приказу объ немъ Каннѣ и о сообщникахъ его слѣдовать за выше показаннымъ ленымъ подозрѣніемъ не только не возможно, но и весьма опасно, чтобъ къ бо́льшему воровству и разбоямъ ему Каину съ его сообщниками попущенія не учинилось; чего ради по всеподданнѣйшему моему мнѣнію наскорѣе бъ то его Каиново и его сообщниковъ воровство изслѣдовано и пресѣчено быть могло, ежели бъ Ваше Императорское Величество изволили указать особливую для того коммиссію учинить, понеже въ повинной его вора и разбойника Каина, сверхъ того ихъ воровства, показано взятковъ на посланнаго отъ сенатской конторы по требованію его Каина для осмотру на стругахъ воровъ и подозрительныхъ людей Ярославскаго пѣхотнаго полка прапорщика графа Сергѣя Алексѣева сына Шереметева, тако жь сенатской конторы на прокурора Щербинина, и на присутствующаго въ Московской полиціи совѣтника Воейкова, секретарей и приказныхъ служителей и раскольнической коммиссіи на секретаря, о чемъ пространнѣе изъяснено въ пріобщенномъ при семъ экстрактѣ, токмо о томъ слѣдствіи еще не учинено, ибо ежели о всемъ томъ слѣдовать въ главной полиціи, то въ настоящихъ по должности моей дѣлахъ можетъ послѣдовать совершенная остановка; того ради Вашему Императорскому Величеству о вышеписанномъ симъ всеподданнѣйше донося, и гдѣ о томъ слѣдствіе производить Ваше Императорское Величество указать изволите, о томъ прошу Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества указа.

Алексѣй Татищевъ.

Марта 19-го дня 1749 года.

II.

Экстрактъ о винахъ бывшаго при сыскномъ приказѣ доносителя вора Ивана Каина.

Въ 1747 году на святкахъ, умысля онъ Каинъ съ товарищи своими четырьмя человѣки, пріѣхавъ днемъ въ обѣдни на стругъ Московскаго купца Степана Клепикова и выждавъ его Клепикова изъ того струга, взяли разбоемъ денегъ болѣе тысячи руб. и другіе пожитки, а работнику его брося въ глаза золы съ солью, связавъ, бросили подъ лавку и притомъ его били.

Изъ компанейской питейной конторы содержащагося подъ карауломъ скованнаго въ побѣгѣ и въ кражѣ денегъ прикащика, подъѣхавъ къ той конторѣ на извощикѣ по согласію съ тѣмъ прикащикомъ, который тогда у карауѣльныхъ выпросился на дворъ, якобы для нужды, увезъ, и сбивъ съ него желѣза, отпустилъ и за то взялъ съ того прикащика 50 руб.

Страстнаго дѣвичьяго монастыря старицу Елисавету, которая вышла замужъ бригадира графа Григорья Чернышева за бригаднаго писаря Алексѣя Совѣтова, и послѣ того по присылкѣ изъ духовной консисторіи держана была въ Вознесенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ подъ карауломъ, согласясь л.-гв. Семеновскаго полка съ солдатомъ Наговицынымъ [1]) да съ отставнымъ солдатомъ, которымъ велѣлъ сказываться, будто онъ Наговицынъ подъячій, понеже онъ въ такомъ платьѣ нарочно наряженъ былъ, а другому солдатомъ, и будто присланы они за тою старицею изъ духовной консисторіи, и взявъ ее изъ того монастыря по просьбѣ означеннаго Совѣтова, увезли и отдали ему Совѣтову, за что дядя оный старицы дома князя Урусова человѣкъ и оный Совѣтовъ дали ему Капну 150 руб.

По просьбѣ здѣшняго купца Андрея Кондратьева на заставѣ, что близъ Донскаго монастыря, остановленный онаго Кондратьева не явленный товаръ: сѣтки серебряныя по цѣнѣ на 300 руб., которыя отъ него Кондратьева отпущены были въ городъ, у приставленныхъ къ осмотру не явленныхъ товаровъ цѣловальниковъ и солдатъ, пріѣхавъ съ товарищи своими многолюдствомъ, разбоемъ взялъ и одного цѣловальника билъ и послѣ того онаго Кондратьева и съ тѣми сѣтками чрезъ другую заставу проводилъ, за что де оный Кондратьевъ далъ ему тогда 5 руб. и впредь хотѣлъ не оставлять.

Товарищъ его суконщикъ Алексѣй Шишкарка, по приказу его одного торгующаго на живомъ мосту незнаемо чьего крестьянина Илью, а чей сынъ не показано, за непослушаніе, что оный Илья лодки не подалъ, билъ рукою, который де того жь часа и умре.

Московскіе купцы два человѣка, а именъ ихъ не показано, пришедъ къ нему объявили, что они везли въ Москву товары, а какіе не извѣстно, кои у нихъ остановилъ доноситель, и притомъ просили его, чтобъ онъ Капнъ какимъ-нибудь случаемъ того доносителя

---

[1]) Наговицынъ и отставной солдатъ сысканы и въ урозѣ старицы винились.

захватилъ въ сыскной приказъ; чтобъ имъ между тѣмъ тотъ товаръ убрать, и по той де ихъ просьбѣ пришедъ, онъ въ тотъ приказъ присутствующему тогда князю Якову Кропоткину фальшиво доносилъ, что будто тотъ доноситель отбилъ у него съ пушкарями оговорнаго человѣка, почему тотъ Кропоткинъ и велѣлъ того доносителя сыскать, котораго онъ сыскать приказалъ въ сыскной приказъ, и хотя де онъ въ томъ и не винился, но по осмотру явился битъ кнутомъ, за что держанъ былъ недѣлю, а потомъ по наказаніи за тотъ отбой плетьми свобожденъ, за что де вышеписанные купцы дали ему 40 рублевъ.

Бѣглаго ссылочнаго изъ сыскнаго приказа за воровство на каторгу Михаила Цыганова, поймавъ въ кирпичныхъ, что близъ Донскаго монастыря, сараяхъ, отпустилъ и въ надлежащее мѣсто не привелъ, только де за отпускъ за бѣдностію взять было съ него нечего.

У цѣловальника Степана Григорьева вынулъ тайно изъ кармана 3 руб.

Усмотрѣлъ онъ Капинъ въ городѣ ходящаго незнаемо какого человѣка въ новой шубѣ и привелъ въ сыскной приказъ, токмо никому еще не объявлялъ, и по приводѣ ощупалъ у него черезъ съ деньгами, при чемъ де тотъ человѣкъ сказалъ ему, что онъ городовой купецъ, и просилъ, чтобъ онъ его отпустилъ, за что де онъ дастъ ему изъ имѣющихся у него въ черезу денегъ половину, чего ради онъ его изъ того приказа выведши и взявъ у него изъ тѣхъ денегъ половину, напримѣръ, рублевъ съ тридцать, отпустилъ, а послѣ де онъ Капинъ объ немъ увѣдомился, что онъ бѣглый солдатъ, а потомъ уже и самъ видѣлъ его скованнаго.

Торгующихъ на Красной площади солдатскихъ женъ Василису Давыдову да Катерину Васильеву съ имѣющимся при нихъ жемчугомъ, будто бы для того, что по указу имъ въ томъ мѣстѣ жемчугомъ торговать не надлежитъ, взявъ привелъ въ домъ свой, для того, чтобъ отъ нихъ получить себѣ за то взятки и какъ де онѣ въ домѣ его дали ему по 10 руб., тогда онъ ихъ отпустилъ и нигдѣ о томъ не объявилъ.

Торгующаго въ спанечномъ ряду Кондратья Бачурина поймалъ на дорогѣ и говорилъ ему, что онъ бѣглый солдатъ, который, боясь его Капина, далъ ему 60 руб., чтобъ онъ впредь его не вербовалъ.

Товарищи его, посольскаго двора ученики Михайла Нажившинъ и прочіе разныхъ чиновъ, съ людей срывали шапки и съ пьяныхъ

обирали платье и отнимали деньги (что де все онъ за ними вѣдалъ, а нигдѣ не доносилъ и ихъ закрывалъ); да они жь ѣздили на дорогу отбивать везеннаго въ Москву въ сыскной приказъ подъ карауломъ Попова сына, что де все онъ Капиъ за ними вѣдалъ, а нигдѣ не доносилъ и ихъ закрывалъ.

Оный же Нажившнъ сказывалъ ему, что гулящій человѣкъ Яковъ Григорьевъ покралъ близь сѣнопалнаго ряда фершельную лавку, гдѣ де его и поймали, и онъ Капиъ о томъ нигдѣ не объявилъ и такъ оставилъ.

Кроющагося отъ отдачи въ солдаты города Волоколамска купца Якова Ѳедорова въ домѣ у себя держалъ завѣдомо, а нигдѣ не объявилъ.

Казенной парусной фабрики бѣглыхъ матросовъ Соколова и Свѣшникова держалъ у себя въ домѣ подъ укрывательствомъ, изъ которыхъ оный Соколовъ у одного человѣка отнялъ денегъ 15 руб., про что онъ Капиъ вѣдалъ, а нигдѣ о томъ не объявилъ.

Товарищъ его купецъ Сергѣй Чижикъ сказывалъ ему, что солдатская дочь, а дѣвка или баба не знаетъ, приходя въ городъ съ матерью своею, въ разныхъ рядахъ крадетъ всякіе товары, а нигдѣ о томъ не объявилъ.

Разныхъ чиновъ за людьми зналъ, что они шпиковали виномъ, а нигдѣ о томъ не доносилъ.

Оловяншшникъ де Ларіонъ Лазаревъ убилъ сестру свою до смерти, а нигдѣ о томъ не доносилъ.

Женку Арину Иванову по злобѣ, что она его бранила, привелъ въ сыскной приказъ и неповинно доказывалъ, что будто она про мошенничество приведенныхъ имъ Капиомъ въ тотъ приказъ мошенниковъ вѣдала, и хотя де она въ томъ и запиралась, но токмо ей учинено наказаніе кнутомъ, а послѣ того онъ Капиъ на ней Аринѣ женился.

Изъ лежащаго близь двора его Капнова купца Воронина лѣсу, приготовленнаго къ строенію, также и у перестройки кружала, въ разныя времена кралъ онъ съ товарищи, какъ лѣсъ, такъ обрубки и лубья, и употреблялп въ домѣ его Капнова въ дрова.

Въ нынѣшнемъ де 1749 году генваря 17-го дня онъ Капиъ изъ дому Коломенскаго полка солдата Ѳедора Тарасова подговорилъ дочь его пятнадцатилѣтнюю дѣвку Аграфену Ѳедорову и увезъ съ собою для непотребнаго дѣла, и державъ нѣсколько дней, отпустилъ.

Суконной фабрики съ компанейщика Григорья Бабкина, за сыскъ той фабрики ученика, который у него Бабкина укралъ денегъ

4,000 руб., взялъ 50 руб., и оный де ученикъ по сыску денегъ имъ Бабкинымъ свобожденъ, а нигдѣ о томъ онъ Капиъ не объявилъ.

Въ имѣющихся въ Москвѣ въ разныхъ трехъ домахъ, въ которыхъ производились колочильныя золотыя и серебряныя не указныя мастерства, не объявя въ надлежащемъ мѣстѣ и не требуя позволенія, собою чинилъ выемки и нѣкоторыхъ съ тѣхъ фабрикъ работниковъ приводилъ въ домъ къ себѣ и по просьбамъ тѣхъ производителей отпускалъ, за что получилъ отъ нихъ въ разныя времена 247 руб., а нѣкоторыхъ приводилъ въ мануфактуръ-коллегію и въ Московскую полицію, и сверхъ же того изъ одного дома взялъ два слитка серебра вѣсомъ фунтовъ въ семь, а изъ другого четыре катушки капители золотой, и не объявя нигдѣ, продалъ за 105 руб., за такую жь выемку, о которой объявилъ онъ въ мануфактуръ-коллегіи, взялъ съ компанейщиковъ 50 руб.

Посланнаго изъ здѣшней таможни съ вином въ компанейскую контору не знаемо какого человѣка по приказу его товарищи отбили, за что онъ получилъ себѣ 20 руб.

Товарищъ его суконщикъ Алексѣй Шипкарка сказывалъ ему, у Воскресенскаго де попа, что въ Кадашевѣ, воры Матвѣй Карнѣевъ да Афонасій Аншеронъ покрали пожитки, токмо де онъ, сожалѣя его Алексѣя, не доносилъ.

Присланныхъ по него Капина изъ конторы парусной фабрики, что въ Преображенскомъ, въ которой надлежало его Капина въ держаніи бѣглыхъ матросовъ и о прочемъ допросить, подъячаго и солдатъ съ товарищи своими билъ дубьемъ и взять себя не далъ.

Съ Московскаго купца Андрона Афонасьева, за сысканіе бѣглой отъ него жены съ пожитками и деньгами, взялъ 20 руб., а гдѣ надлежитъ, какъ объ ней, такъ и извощикѣ, который про побѣгъ ея вѣдалъ и хотѣлъ отвезть въ С.-Петербургъ, не объявилъ и такъ уничтожилъ.

Съ Измайлова, а имя и ранту не показано, за отысканіе бѣглаго его человѣка съ пожитками, котораго онъ Капинъ поймавъ привелъ въ домъ къ нему, взялъ 10 руб.

Съ богадѣленной нищей, у которой сынъ бѣглый ссылки Ѳедоръ Черпецъ держался въ сыскномъ приказѣ, при осмотрѣ у нея въ собственной ея коробкѣ пожитковъ, нѣтъ ли какихъ положенныхъ отъ сына ея, взялъ 5 руб., понеже нашелъ у нея собственныхъ ея и сына ея денегъ рублевъ съ 20 или съ 30; а приказу ему о томъ не объявилъ.

Приказомъ де правительствующаго сената отъ конторы посланъ былъ пашольныхъ полковъ оберъ-офицеръ графъ Шереметевъ, [1]) а имя и котораго полка не показано, по причинѣ пойманныхъ имъ Капиномъ разбойниковъ, для осмотру на идущихъ въ Москву судахъ работныхъ людей, при чемъ былъ и онъ Капинъ, и нѣсколько де человѣкъ подозрительныхъ людей нашли, въ томъ числѣ и съ воровскими паспортами, которые были у хозяина Армянина Марки Шишкина, коп и отведены въ сыскной приказъ, токмо де оный Шишкинъ въ тотъ приказъ незнаемо для чего былъ не сысканъ, а во время де того осмотру оный графъ Шереметевъ бралъ себѣ во взятокъ съ каждаго струга по два руб., въ томъ числѣ съ одного Орловскаго купца Семена Уткина взялъ опъ графъ Шереметевъ кафтанъ смурый суконный простой, да ему Капину опъ Уткинъ далъ 10 руб. за то, чтобъ они на его струги бурлаковъ не осматривали и никакой турбаціи имъ не чинили, за что де они съ того струга ни кого и не взяли, да тогда жъ де оный Шереметевъ со струга купца Логина Лемешева за то жъ взялъ барана живаго большаго; а послѣ де того опъ Капинъ съ товарищи своими на имѣющихся въ Москвѣ и близъ Москвы стругахъ по два года ходилъ по стругамъ для осмотра работниковъ, и хотя де нахаживалъ подозрительныхъ, коп уже биты кнутомъ, по токмо ихъ не брали, ибо де за то опъ Капинъ бралъ тѣхъ струговъ съ хозяевъ по рублю и по полтинѣ, а иные давали ему и мукою, а съ одного де купца Никиты Набокова, устращивая его, что объявленные Шишкина работники и его остановленный на мели струг вели, взялъ 10 руб.

Въ Новой слободѣ съ мясниковъ за то, что они въ домахъ своихъ бьютъ скотину, и за то, чтобъ на съѣзжій дворъ не водили, взялъ 5 рублей.

Тверскаго лѣснаго ряда съ промышленниковъ, которые приведены были имъ съ вырубленнымъ изъ государевой рощи лѣсомъ на съѣзжій дворъ за то, чтобъ онъ на нихъ впредь не доносилъ и турбаціи никакой не чинилъ, взялъ 15 руб.

Какъ де онъ Капинъ бралъ приличившагося въ кражѣ вора Алексѣя Журки жену, а имени не знаетъ, тогда забралъ изъ дому ее епанечки, юпки и рубашки, и не объявя въ сыскномъ приказѣ, продалъ, а кому именно—не помнитъ.

---

[1]) Справкою изъ сыскнаго приказа показано, что посланъ былъ Ярославскаго пѣхотнаго полка прапорщикъ графъ Сергѣй Алексѣевъ сынъ Шереметевъ.

Съ масляника, а имя не упомнитъ, у коего стапвали имѣющіе на стругахъ бурлаки, за то, чтобъ онъ впредь его не турбанилъ, взялъ 30 руб.

Съ пріѣзжихъ изъ Малороссіи маркитантовъ, копхъ онъ устращивалъ и спрашивалъ—есть ли паспорты, взялъ 10 руб. и болѣе ихъ не турбанивалъ.

Въ домъ свой приважпвалъ бурлаковъ, кого гдѣ поймаетъ, и бпвалъ и съ кого что возметъ, хотя бъ и подозрителенъ былъ, отпускпвалъ, а съ кого взять нечего, приводилъ въ сыскной приказъ.

Съ соляныхъ цѣловальпиковъ за обвѣсъ солью мужиковъ, за то, чтобъ доношенія въ соляную контору о томъ не подавалъ, взялъ 20 руб.

Съ извощика Ивана Гордѣева, который у одной женки, а имени не показано, увезъ связку пизанную, за то, чтобъ его въ сыскной приказъ не приводпть, взялъ 5 руб. и его отпустплъ.

Съ купеческаго человѣка Даниды Томилина, за сысканіе бѣглаго его работника и за отдачу ему, взялъ 3 руб.

Съ одного оберъ-офицера, прозваніемъ Кулебякина, который его просплъ, не вѣдаетъ ли онъ куда бъ его въ посылку употребить, на что де онъ Капнъ обманомъ ему обѣщалъ сыскать посылку для сыску воровъ, и за то де онъ Кулебякинъ далъ ему Капну 10 руб., и хотя де онъ неоднократно за тѣмъ къ нему Капну присылалъ, по онъ ничего не учинплъ и отговарпвался фальшиво, что будто онъ за тѣмъ ходитъ къ генералу и кавалеру Левашеву, а потомъ де онъ Кулебякинъ и присылать къ нему не сталъ.

У купцевъ Ивана Лукина да Ивана Турченинова взялъ обманомъ у одного часы серебряные якобы на подержаніе, а у другого епанчу лисью, покрытую сукномъ, будто бы для почпнки портному, и послѣ того часы заложплъ, а епанчу продалъ.

Съ женки, а какъ ее зовутъ не упомнитъ, коя шла по болоту съ содержащимся въ сыскномъ приказѣ воромъ Герасимомъ Емельяновымъ, который тогда уже былъ свобожденъ, причиная опую женку ему б....ю, взялъ 40 руб., да съ него Герасима товарищъ его Платонъ, а послѣ де того опая женка въ кражѣ пожитковъ держалась въ сыскномъ приказѣ и сослана въ ссылку.

Съ масляника, а имя не показано, у коего онъ усмотрѣлъ въ деньгахъ фальшивыхъ гривенниковъ разныхъ чекановъ, алтынъ съ десять, да полтинникъ или рублевикъ не упомнитъ, бпвъ его въ домѣ своемъ держалъ одну ночь, а какъ де оный масляникъ далъ ему 10 или 20 руб. не упомнитъ, тогда де онъ его отпустплъ, а

фальшивые гривенники и полтинникъ онъ Капнъ бросилъ въ воду.

Съ раскольника, а имя и отечества не показано, котораго онъ Капнъ въ домѣ своемъ билъ и спрашивалъ про расколъ, въ чемъ онъ и повинился, взялъ имѣющихся при немъ денегъ съ 40 руб. или больше не упомнитъ и отвелъ въ раскольническую коммиссію, а какъ его въ той коммиссіи во взятіи тѣхъ денегъ спрашивали, тогда онъ Капнъ запирался.

Въ домѣ раскольника Петра Петрова, въ который онъ пріѣзжалъ съ конвоемъ, вошедъ въ верхнюю свѣтлицу, отъ конвойныхъ тайно отперши сундукъ, укралъ денегъ 40 руб., да при попмкѣ одного раскольника, осмотря у него въ карманѣ, взялъ 10 руб.

Изъ дому одного раскольника взявъ съ товарищами своими дѣвку и приведши въ домъ свой, сѣкъ плетью и спрашивалъ о хозяинѣ, что онъ раскольникъ ли? Токмо она въ томъ не винилась, а на другой де день по просьбѣ хозяина ея, а имя не знаетъ, оную дѣвку ему отдалъ и за то взялъ съ него 20 руб.

Какъ де онъ Капнъ изъ раскольнической коммиссіи посланъ былъ съ командою для сыску раскольниковъ, тогда де какъ онъ, такъ и товарищи его, тайно отъ конвойныхъ брали разное платье, да съ одного раскольника онъ Капнъ взялъ 10 или 15 руб. и отпустилъ.

При взятіи изъ Иваповскаго монастыря въ раскольническую коммиссію старицъ, коп явились въ расколѣ, одну старуху, а имя не показано, онъ Капнъ отпустилъ, а какъ де онъ Капнъ въ отпускѣ той старухи взятъ былъ въ ту коммиссію и держанъ подъ карауломъ, тогда по свободѣ, пришедъ той коммиссіи къ секретарю Ивану Шаврову, подарилъ платкомъ италіянскимъ и просилъ, чтобъ онъ его къ сыску той старухи не принуждалъ, а послѣ того въ разныя времена переслалъ къ нему рейскаго рубли на три, и послѣ того оной старухи отъ него не требовано.

По просьбѣ епанечнаго ряду двухъ человѣкъ купцовъ взятаго на монастырское подворье одного человѣка [1]) для отдачи въ рекруты скованнаго, пріѣхавъ съ товарищи своими, взялъ сильно, и привезши въ домъ свой, отдалъ тѣмъ купцамъ, за что взялъ съ нихъ 10 руб.

По просьбѣ мапстейнаго ряда купца Ивана Егорова, пріѣхавъ съ товарищи своими и со взятою съ артиллерійской съѣзжей командою въ домъ Московскаго купца Емельяна Юфатова, искалъ незнаемо какого человѣка, который объявленному Егорову потре-

[1]) Кто именно купцы и котораго монастыря подворье, не показано.

бенъ былъ для отдачи въ рекруты и причинилъ ему Юфатову не малую обиду и забралъ изъ дому его 10 оленей дѣланныхъ, да 10 замшей и проч., и бивъ работниковъ его и перевязавъ, съ собою увелъ, кои у него и ночевали, а послѣ того съ нимъ Юфатовымъ мирился, и при томъ де онъ Юфатовъ сказывалъ ему, что онъ за старание по тому дѣлу далъ сенатской конторы прокурору Щербинину 10 руб. да графа Петра Шереметева дворецкому 10 р.

Купца Колобова съ сидѣльца за сыскание бѣглой его работницы съ краденымъ стаканомъ серебрянымъ и за отдачу ему взялъ 1 руб.

За сыскание бѣглаго изъ дому князя Голицына, а имя непомнитъ, человѣка съ пожитками, взялъ 1 руб. а съ держателя его, у коего тотъ бѣглый жилъ и у него жъ въ домѣ имѣлось непотребство, 3 руб., и для того о томъ нигдѣ не объявилъ.

Съ компанейщика Бабушкина, за сыскание бѣглаго сидѣльца его, взялъ 20 руб., да и другихъ таковыхъ же бѣглыхъ отъ помѣщиковъ съ пожитками поймавъ отводилъ въ дома и за то получалъ себѣ плату; а нигдѣ о томъ не объявилъ.

На Красной площади усмотря одного человѣка, а имя не помнитъ, что продаетъ табакерку золотую изломанную, и признавая, что она краденая, повелъ того человѣка въ сыскной приказъ и дорогою де отъ той табакерки отломилъ тайно кусочекъ и послѣ того продалъ за 10 руб., а съ достальнымъ того человѣка привелъ въ сыскной приказъ.

Питейной компаніи компанейщика Михайла Савина съ прикащика его Ивана Михайлова, за исходатайствованіе въ Новодѣвичьемъ монастырѣ увезенныхъ у онаго прикащика извощикомъ того монастыря крестьяниномъ денегъ 150 руб., взялъ 5 руб., а хотя де тотъ извощикъ и не во всѣхъ тѣхъ деньгахъ винился, токмо онъ Капнъ нигдѣ о томъ не объявилъ.

По имѣющемуся въ сыскномъ приказѣ о покражѣ изъ дому камергера Корфа пожитковъ и серебряной посуды сыскъ былъ имъ Капномъ не знаемо котораго полка капралъ или унтеръ-офицеръ не знаетъ, въ покупкѣ того краденаго серебра и приведенъ де въ сыскной приказъ, а того жъ де дня и съ той покупной имъ посуды нѣсколько принесено, а на третій или четвертый день оный капралъ и свобожденъ, а того жъ де приказу подканцеляристъ Андрей Аверкіевъ, у коего то дѣло было, сказывалъ ему, что у того капрала и еще изъ того покупнаго остались чарки и проч., и то де уже расположится взять на другихъ.

Въ 744 году зимнимъ временемъ по оговору воровъ бѣглыхъ солдатъ Волкова да Колесова, а имянъ не показано, взята была въ сыскной приказъ женка Маркова дочь, которая имѣла у себя воровскую пристань, изъ того приказа безъ всякаго наказанія свобожена, да и въ другихъ де приводахъ она въ томъ приказѣ бывала, только потому жъ безъ наказанія свободы оная Маркова изъ-за взятковъ получала.

Содержащійся въ сыскномъ приказѣ Варварской школы бѣглый школьникъ Иванъ Теренинъ показалъ, что онъ жилъ за Лузою у женки Григорьевой дочери, а имя не показано, и изъ краденыхъ пожитковъ оставилъ у нея двѣ юпки: одну коломенковую а другую коноватную, которая была сыскана и свобожена, а тѣхъ де краденыхъ юпокъ отъ нея не взято, да потому жь де дѣлу оговорный въ кражѣ сукопщикъ Данила, а отечества не показано,—не сыскань.

Въ жительствѣ бѣглаго солдата Максима, а чей сынъ не показано, на котораго въ сыскномъ приказѣ былъ оговоръ въ кражѣ пожитковъ, въ небытность онаго Максима съ товарищи своими забрелъ онъ Каинъ шубъ нагольныхъ овчинныхъ съ десять да всякой мелочи рубашекъ и проч., которое и продали, сверхъ же того, нашли подъ избою въ пескѣ денегъ рублей съ десять и раздѣлили по себѣ, а въ сыскномъ приказѣ не объявили; а послѣ де того и онаго Максима поймали и привели въ сыскной приказъ.

По имѣющемуся въ сыскномъ приказѣ дѣлу велѣно сыскать цѣловальниковъ Василья Иванова да Алексѣя Ѳедорова, у которыхъ жилъ ветошникъ, то къ тому де правящій секретарскую должность Дмитрій Аверкіевъ ихъ не сыскивалъ для того, что они ему Аверкіеву въ домѣ его дали 10 руб.

По дѣлу о кражѣ изъ дому Тараканова, а котораго не знаетъ, пожитковъ, приличился цѣловальникъ Алексѣй Ѳедоровъ, который де и сыскивалъ въ сыскной приказъ, а что съ нимъ учинено, не знаетъ, токмо де послѣ того оный Алексѣй сказывалъ ему Каину, что отъ того дѣла стало ему убытка,—сверхъ того что мукою и прочимъ, дарилъ деньгами въ 50 руб., а кому именно что давалъ не сказалъ.

Содержащаяся де въ сыскномъ приказѣ колодница Акулина Леонтьева, призвавъ его Каина къ себѣ, отдала ему краденую епанечку тафтяную алую на заячьемъ мѣху, которая у нея была въ закладѣ, и онъ де онаго приказа протоколистъ Степанъ Молчановъ опую епанечку взялъ къ себѣ и отнесъ въ домъ свой, о

чемъ де извѣстны подъячіе Андрей Аверкіевъ да Иванъ Коноваловъ; да оный же Молчановъ при взятьи разбойниковъ изъ пожитковъ огородника, у коего они пристань имѣли, навязалъ цѣлый узелъ и взялъ къ себѣ, да и при всѣхъ таковыхъ выемкахъ какъ секретарь, такъ и подъячіе то чинили.

Того жь де приказу секретарь и протоколистъ, будучи въ приказѣ, почасту говаривали ему Капну, чтобъ онъ позвалъ ихъ въ питейный погребъ и поилъ ренскимъ, которыхъ де онъ и напивалъ и издерживалъ на то по рублю и больше; за то, когда на него Капна произойдетъ въ томъ приказѣ какая въ чемъ жалоба, чтобъ они ему въ томъ помогали, и съ тѣми людьми не допуская въ дальное слѣдствіе, мирили, что де и самымъ дѣломъ бывало неоднократно, и сверхъ того, дарилъ ихъ шапками, платками, перчатками и шляпами и къ Вербному воскресенію раскрашенными вербами, а протоколисту и сукна на камзолъ; да женѣ его бархату чернаго аршинъ, да объяри на балахонъ и на юпку, да 3 или 4 платка италіянскихъ. А одинъ де секретарь Иванъ Богомоловъ, при осмотрѣ въ одномъ домѣ, гдѣ приставали воры, не явится ль воровскихъ пожитковъ, взялъ образъ маленькій, обложенъ серебромъ, и отвезъ въ домъ свой; да того жь де приказу судья Аоанасій Ситинъ говорилъ ему Капну въ домѣ своемъ, въ коемъ онъ у него бывалъ часто и пивалъ съ нимъ чай, что онъ мало къ нимъ воровъ водитъ, у него де нѣтъ сахару и чаю, почему онъ Капнъ, купя въ городѣ сахару кенарскаго полпуда, отнесъ къ нему, и сверхъ того онъ Ситинъ бралъ его Капна съ собою часто для разныхъ покупокъ, за которыя деньги отдавалъ не всѣ, а послѣ онъ Капнъ доплачивалъ своими, а иногда посылывалъ его Капна для всякихъ покупокъ и одного только съ человѣкомъ своимъ, которое онъ покупалъ на свои жъ деньги, а какъ де онъ Капнъ въ домъ его Ситина по призыву его ходить пересталъ, тогда де онъ Ситинъ и поставленныхъ къ нему для сыску воровъ солдатъ изъ дому свелъ; да того жь де приказу судьѣ Егору Непѣнину самому и чрезъ служителя его передарилъ картъ дюжины съ двѣ; и въ одно время въ домѣ его игралъ съ нимъ Непѣнинымъ по приказу его для забавы безденежно въ карты, въ называемую игру ...., да ихъ же де Ситина и Непѣнина къ Вербному воскресенью купя подарилъ по крашеной вербѣ, и въ той де надеждѣ на ихъ судей и секретарей и протоколиста онъ Капнъ вышеписанныя продерзости и чинилъ, а безъ того дарить бы ихъ не изъ чего, оные жь секретарь и протоколистъ,

что у него Капна въ домѣ имѣлась зернь, знали и въ бытность у него въ домѣ и игроковъ видали.

Вяжежница Евсевьева дочь, а имя не показано, коя уже полозрителна, бита кнутомъ въ неоднократныхъ приводахъ въ сыскномъ приказѣ въ покупкѣ краденаго была, по правящимъ секретарьскую должность Дмитріемъ Аверкіевымъ изо взятковъ свобождена.

По просьбамъ разныхъ чиновъ людей сыскивалъ онъ съ товарищи своими тѣхъ, кои имъ должны, и отъ нихъ укрываются, и за то получилъ съ нихъ въ разныя времена 103 руб., да и прочимъ де таковымъ должникамъ онъ Капнъ сыски по просьбамъ чинилъ и за то и лучалъ себѣ плату, и почему и по чьимъ просьбамъ и кого именно сыскивалъ, не упомнитъ.

По дѣлу о кражѣ изъ дому здѣшняго купца Григорья Ѳедорова пожитковъ, держался въ Московской полиціи сидѣлецъ его Семенъ Семеновъ и вскорѣ свобоженъ, а потомъ взятъ, и онъ Капнъ былъ въ ту жь полицію и держанъ подъ карауломъ въ цѣпи съ недѣлю, въ томъ, что онъ Капнъ того Семенова въ домѣ объявленнаго хозяина его о кражѣ тѣхъ пожитковъ спрашивалъ и билъ, да и самъ де оный хозяинъ тогда держанъ былъ въ цѣпи жь многое время, и за свободу де себя далъ онъ Капнъ присутствующему въ той Московской полиціи совѣтнику Воейкову 50 руб., секретарю Захару Фокину 3 руб., канцеляристу Будаеву 7 руб., да обрѣтающемуся при немъ Воейковѣ капралу штаны замшевые черные, да по свободѣ сыну его Воейкова Алексѣю, за старание объ немъ Капнѣ, подарилъ рукавицы бархатныя зеленыя, обложены голупомъ золотымъ, да двѣ шапки круглыя бархатныя.

По челобитью главной аптеки купчины Василья Ильина, сыскиванъ былъ въ Московскую полицію зять его купецъ Иванъ Турчениновъ, и ко двору его приставленъ былъ караулъ, а какъ де онъ Капнъ отъ того Турченинова по два раза давалъ въ домѣ той полиціи секретарю Якову Фокину по 10 руб., тогда оный караулъ былъ и сведенъ, да по тому жь де дѣлу отъ него Турченинова далъ онъ Капнъ той полиціи совѣтнику Воейкову 10 руб.

Содержащійся въ Московской полиціи по приводу его Капнева въ произведеніи безъ указу плющильной работы кузнецъ Петръ Алексѣевъ, по свободѣ изъ полиціи далъ ему 15 руб., за то, чтобъ онъ впредь на него не доносилъ, и притомъ сказывалъ, что ему отъ того дѣла стало въ полиціи убытку рублей въ 70, а кому что давалъ—не объявилъ, только де послѣ того въ бытность

его Каннову въ полиціи канцеляристь Егоръ Жеребцовъ говорилъ, чтобъ онъ Каннъ того кузнеца впредь не турбовалъ, понеже де онъ по тому дѣлу взялъ съ него 11 руб.

По имѣющемуся въ сыскномъ приказѣ дѣлу о случившемся въ Страстномъ дѣвичьемъ монастырѣ пожарѣ подлежала сыскать женка Даниlова дочь, кою онъ и сыскивалъ, а послѣ де того, сошедши съ нимъ, Московской полиціи канцеляристь Николай Будаевъ говорилъ о вышеписанной Даниловой дочери, чтобъ онъ ея не сыскивалъ.

Казенной парусной фабрики, что въ Преображенскомъ, матросы Соколовъ и Свѣшниковъ сказывали ему, что де той ихъ фабрики матросы жь, выѣхавъ на дорогу, отбили невѣдомо какихъ чиновъ у людей кумачи, а послѣ де того оные матросы по прощенію тѣхъ грабленныхъ той фабрики директоромъ сысканы и помирены, а все ль грабленное отыскано, не знаетъ.

Когда де у кого что пропадало, присылывали къ нему Каннy сказывать, о чемъ де онъ заказывалъ торгующимъ на площади выжежникамъ, ежели кто что краденое вынесетъ продавать, то бъ они ему объявляли, почему тѣ выжежники такихъ людей къ нему и приваживали, коихъ онъ съ малыми кражами отдавалъ въ домы, а никуда не приводилъ, и за то отъ тѣхъ домовъ получалъ мукою и прочимъ запасомъ, а чьихъ именно домовъ—за множествомъ сказать не можетъ; а у кого де учинится и большая покража, то онъ Каннъ сыскивалъ такимъ же случаемъ, а чтобъ тѣ воры сами о томъ ему сказывали, въ томъ онъ Каннъ запирался.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ ЧУМЫ ВЪ МОСКВѢ ВЪ 1771 ГОДУ.

Событія, сопровождавшія развитіе чумной заразы въ Москвѣ въ 1771 году, составляютъ одинъ изъ характерныхъ фактовъ въ „народной“ (въ тѣсномъ смыслѣ этого слова) исторіи XVIII вѣка. Въ ряду извѣстій объ этихъ событіяхъ видное мѣсто принадлежитъ печатаемому ниже современному, писанному неизвѣстнымъ, къ сожалѣнію, очевидцемъ ихъ, документу, который хотя и былъ уже обнародованъ въ статьѣ П. К. Куприянова, въ Русскомъ Словѣ 1860 года, № 11, но здѣсь является съ значительными дополненіями и исправленіями текста по старинному списку, обязательно сообщенному П. А. Ефремовымъ.

Письмо, пущенное изъ Москвы отъ 31-го октября 1771 года.

Любезный другъ!

Пущеннымъ отъ 21-го числа сего мѣсяца требуешь, чтобъ я тебя обстоятельно увѣдомилъ о такомъ дѣлѣ, которое растравитъ должно мои раны и подвигнуть всю внутреннюю. Внемли. Давно уже писалъ я къ тебѣ, что по причинѣ усилившейся здѣсь болѣзни всѣ, не токмо не привязанные къ дѣламъ бояра, но и тѣ, коимъ поручено правленіе города, разъѣхались по деревнямъ; на дворахъ остались одни холопи, и тѣ голодные; раскольники и чернь негодовали на учрежденіе карантинныхъ домовъ, запечатаніе бань, непогребеніе мертвыхъ при церквахъ и на прочія коммиссіею учрежденныя распоряженія. Попы не столько для святости, сколько для корысти, учредили по приходамъ, безъ дозволенія на то

пастырскаго, ежедневные крестные ходы; народъ отъ сихъ ходовъ и пуще заражался, ибо мѣшались тутъ больные и зараженные съ здоровыми. Попы, увидя напослѣдокъ, что отъ ходовъ и сами начали умирать, какъ имъ отъ архіерея предсказываемо было, бросили хожденіе. Что жь?... Праздность, корыстолюбіе и проклятое суевѣріе прибѣгло къ другому вымыслу. Въ началѣ сентября попъ Всѣхъ Святыхъ, что на Куличкахъ, выдумалъ чудо съ помощію фабричнаго. На Варварскихъ воротахъ древній былъ образъ Боголюбскія Богоматери. Вдругъ начались тутъ молебны и всенощныя: чудо выдумано такое, которое ни съ величествомъ Божіимъ, ни съ вѣрою здравою, ниже съ разумомъ не согласно: будто фабричный пересказывалъ попу, что видѣлъ онъ во снѣ Богоматерь, вѣщающу къ нему такъ: что понеже 30 лѣтъ прошло, какъ у Ея на Варварскихъ воротахъ образу не токмо никто не пѣлъ никола молебна, ниже поставляема была свѣча, то за сіе Христосъ хотѣлъ послать на городъ Москву каменный дождь, но она упросила, дабы трехмѣсячный былъ моръ. Изрядная сказка! Не токмо чернь, но купечество, а особливо женскій полъ, слушая таковые разсказы фабричнаго, присѣдящаго у Варварскихъ воротъ и собирающаго деньги съ провозглашеніемъ: „порадѣйте, православные, Богоматери на всемірную свѣчу!“—въ запуски старались изъявить свою набожность. Мерзкіе козлы (попами грѣхъ назвать!), оставя свои приходы и церковныя требы, собирались тутъ съ налоями, дѣлая торжище, а не богомоліе. Дошло сіе до ушей покойнаго владыки, который по причинѣ оказавшейся въ Чудовѣ заразы, высылая больныхъ, въ заперти сѣлъ. Онъ почиталъ за долгъ, и регламентомъ, и монаршими указами предписанный, достигнуть и пресѣчь сіе позорище. Первое его по сему дѣлу было намѣреніе удалить оттуда поповъ, и икону перепесть (ибо въ воротахъ ни проѣзду, ни проходу не было по причинѣ приставленной лѣстницы) въ новопостроенную Ея Величествомъ тутъ же у Варварскихъ воротъ Кира и Іоанна церковь, а собранныя тамо деньги употребить на богоугодныя дѣла, а всего ближе отдать въ воспитательный домъ, въ коемъ онъ опекуномъ былъ. Требованные въ консисторію попы не токмо отреклись идти, но и еще угрожали присланнымъ побитіемъ ихъ каменьями. Между тѣмъ язва такъ усилилась въ градѣ, что по 900 слишкомъ въ день умирало; а какъ по предписанію докторскому запрещаемо было прикосновеніе и тѣсныя между народомъ всякія сборища, то не могъ обойдтись преосвященный, чтобъ о такомъ у Варварскихъ воротъ народномъ

сборищѣ не посовѣтовать съ господиномъ Еропкинымъ, который одинъ только и былъ въ городѣ начальникъ, также и о способахъ къ прекращенію онаго сходбища. Страхъ, дабы не обратить на себя простолюдимовъ, произвелъ у нихъ такое по сему дѣлу рѣшеніе, чтобъ оставить до времени перенесеніе иконы; а дабы собираемыя у Варварскихъ воротъ деньги чрезъ фабричныхъ не могли быть расхищены, то приложить къ ящикамъ консисторскую печать; для безопаснѣйшаго же исполненія сего дѣла обѣщалъ г. Еропкинъ прислать отъ себя нѣсколькихъ солдатъ Великолуцкаго полку. 15-го числа сентября, въ 5 часовъ пополудни, пришла въ Чудовъ рѣченная команда, въ 6 солдатахъ и одномъ унтеръ-офицерѣ состоящая. Съ сими военными людьми посланы были, въ надеждѣ, что простой народъ разошелся, двое подъячихъ съ консисторскою печатью и третій попъ, зачинщикъ чудесъ, который того дня допрашиванъ былъ о чудѣ въ консисторіи, къ Варварскимъ воротамъ. Но прежде, нежели пришла команда, плацъ-маіоръ былъ уже предувѣдомленъ о томъ, видно отъ попа Всесвятскаго, съ которымъ онъ и дѣлился сборами денежными. Онъ приложилъ къ сундукамъ денежнымъ свои печати и разгласилъ, что въ вечеру самъ архіерей будетъ къ воротамъ брать икону, вооружилъ всѣхъ кузнецовъ, у Варварскихъ воротъ находившихся, и другихъ, проходившихъ тутъ для богомолепія, и ожидалъ уже въ готовности вступить съ присланными въ бой. Что плацъ-маіоръ всему бунту начало, въ томъ Успенскій ключарь и подъячій консисторіи неложные свидѣтели, ибо, поперныхъ, когда по случаю ѣхалъ мимо воротъ Варварскихъ ключарь, то спрашиванъ былъ отъ плацъ-маіора, скоро ли де ванъ архіерей сюда будетъ брать икону; а потомъ, когда и команда прислана была изъ консисторіи, то пашла уже вооруженныхъ большую часть народа. Едва только подъячій хотѣлъ приложить консисторскую печать къ сундукамъ, какъ вдругъ данъ былъ голосъ: „Бейте ихъ!“ Солдаты, оборопяя подъячихъ, перебиты были. Драка сдѣлалась ужаснѣйшая. Сбѣжавшимся со дворовъ людямъ сказано было отъ баталіонныхъ солдатъ, что грабятъ икону. Вдругъ ударили въ набатъ въ приходскихъ церквахъ, потомъ на Спасскихъ воротахъ въ городской набатъ, а наконецъ и по всѣмъ приходскимъ церквамъ и во всемъ городѣ. Народъ бѣжалъ къ Варварскимъ воротамъ съ дубинами, кольями, топорами и другими убивственными орудіями. О таковомъ смятеніи и бунтѣ услышавъ, владыка немедленно поѣхалъ изъ Чудова со мною и въ моей каретѣ къ Михайлѣ Григорьевичу Собакину, въ наде-

ждѣ тамъ переночевать, яко у холостаго человѣка. Мы его застали больнаго, въ постелѣ, и отъ набатовъ въ великій страхъ пришедшаго. Мы принуждены его оставить и совѣтъ положили—оттуда ѣхать къ г. Еропкину; но какъ только со двора отъ г. Собакина выѣхали, то онъ приказалъ мнѣ себя везти въ Донской монастырь. Ни просьбы, ни представленія мои не могли успѣть, чтобъ туда, то есть, въ Донской, не ѣхать. Ѣхавъ по улицамъ ночью, какое мы видѣли зрѣлище! Толпами народъ бѣжалъ, крича: „Грабятъ Боголюбскую Богоматерь!“ Всѣ были, даже до робятъ вооружены, всѣ какъ сумастедшіе, въ чемъ стояли, бѣжали, ку а ихъ стремленіе къ убійству и грабительству влекло. Въ 10 часовъ пріѣхали мы въ Донской монастырь, въ ожиданіи конца начавшемуся въ городѣ смятенію. Я и не воображалъ, чтобъ на Чудовъ было нападеніе, но владыкинъ духъ все сіе предвѣщалъ: нравъ народа ему извѣстнѣе былъ. Въ тотъ же вечеръ обратившаяся отъ Варварскихъ воротъ черь устремилась ночью на Чудовъ монастырь, и разломавъ во; ота, искали вездѣ архіерея, грозя убить его. Все, что ни встрѣчалось ихъ глазамъ, похищаемо, разоряемо и до основанія истребляемо было: верхнія и нижнія архіерейскія кельи, тѣ, гдѣ я и съ братомъ имѣлъ квартиру, экономскія и консисторскія и всѣ монашескія, также и казенная палата со всѣмъ, что въ оной ни было, разграблены; окна, двери, печи и всѣ мебели разбиты и разломаны; картины, иконы, портреты, даже и въ самой домовой архіерейской церкви съ престола одѣяніе, сосуды, утварь и самый антиминсъ въ лоскутки изорваны и ногами потоптаны были отъ такого народа, который по усердію будто за икону вооружился. Тому же жребію подвержены были наши библіотеки и бумаги. Въ то время жилъ въ Чудовѣ для излѣченія болѣзни пріѣхавшій архимандритъ Воскресенскаго монастыря Никонъ, меньшой родной братъ владыки покойнаго; черь, памедъ его и почитая архіереемъ, не только совсѣмъ ограбили и хотя до смерти не убили, однако онъ отъ страху въ умѣ помѣшался и скоро умеръ.

Наконецъ, какое было зрѣлище, когда разбиты были Чудовскіе погреба, въ нихъ Птицыну и другими купцами отданные съ французскою водкою, разными винами и англицкимъ пивомъ! Не только мужчины, но и женщины приходили тутъ пить и грабить; однимъ словомъ, цѣлыя сутки грабленъ и расхищаемъ былъ Чудовъ, и никто никакой помощи дать не могъ. Гдѣ тогда были полицейскіе офицеры съ командами ихъ? Гдѣ полкъ Великолуцкій для защищенія оставленный города? Гдѣ, наконецъ, градодержате-

ли? Изъ сего заключить можешь, что городъ оставленъ и брошенъ былъ безъ всякаго призрѣнія; одинъ только г. Еропкинъ,—и того убійцы искали жизни; прочіе же по деревнямъ всѣ разъѣхались. Оедоръ Ивановичь Мамоновъ на гобвахтѣ просить хотя десяти человѣкъ солдатъ, съ коими могъ бы всѣхъ выгнать изъ Чудова; но капитанъ отозвался неимѣніемъ на то указа; и такъ до тѣхъ поръ дрался съ чернью въ Чудовѣ, пока и самъ почти до смерти прибитъ былъ каменьемъ. О семъ происшествіи свѣдали мы на другой день, то есть, 16-го числа, чрезъ посланнаго въ Чудовъ Донскаго монастыря одного служителя. Въ такомъ случаѣ не осталось намъ иного дѣлать, какъ поскорѣе удаляться изъ города; мы бы тотчасъ уѣхали, но безъ билета никто изъ города не былъ выпущаемъ. Владыка приказалъ мнѣ немедленно дать знать о сихъ горестныхъ обстоятельствахъ письменно г. Еропкину съ таковымъ представленіемъ, что посланная съ общаго ихъ согласія къ Варварскимъ воротамъ для извѣстнаго дѣла команда отъ приставленныхъ у Варварскихъ воротъ баталіонныхъ солдатъ разбита, что устремившаяся почью на Чудовъ чернь весь разграбила, и однѣ только голыя оставила стѣны, что оная же чернь вездѣ искала его убить, но особливымъ Божіемъ провидѣніемъ въ чемъ стоялъ спасся, и что угрозы разсвирѣпѣвшей черни принуждаютъ его искать убѣжища внѣ города. Окончаніе письма состояло въ просьбѣ, чтобъ данъ былъ ему билетъ для свободнаго отъ города выпуску, что въ Чудовъ монастырь съ чудотворцемъ и оставшуюся братіею пріялъ опять въ свое призрѣніе, и чтобъ о таковомъ плачевномъ его состояніи благоволилъ въ С.-Петербургъ представить. Вмѣсто билета присланъ былъ отъ г. Еропкина конной гвардіи офицеръ, чтобы владыка поскорѣе выѣхалъ изъ Донскаго монастыря и чтобъ переодѣлся, дабы его не узнали. Сказавъ сіе, побѣжалъ отъ насъ, дать знать, что онъ насъ ожидать будетъ въ концѣ сада князя Трубецкаго и оттуда велитъ его проводить на Хорошево въ Воскресенскій монастырь, куда имѣлъ намѣреніе владыка уѣхать. Между тѣмъ какъ владыка переодѣвался, и пока сыскали платье, заложили кибитку и дѣлали къ пути приготовленіе, услышали шумъ, крикъ и пальбу около Донскаго монастыря. Чернь, отбивъ карантины и Даниловъ монастырь и другіе карантинные домы, спѣшили къ Донскому монастырю. Какимъ образомъ свѣдали они о нашемъ здѣсь убѣжищѣ, до сихъ поръ закрыта сія тайна: или посланный поутру въ Чудовъ монастырь для развѣдыванія служитель разгласилъ неосторожно, или монастырскіе слуги Донскіе раз-

сказали; послѣднее вѣроятнѣе. Ужь была подвезена кибитка, въ которую лишь только хотѣлъ владыка, переодѣвшись въ простое поповское платье, сѣсть и выѣхать изъ монастыря, какъ вдругъ убійцы начали ломать монастырскія со всѣхъ сторонъ ворота. Страхъ и отчаяніе всѣхъ насъ тутъ постигло. Всѣ, кто ни былъ въ монастырѣ, искали себѣ спасенія. Владыка, съ Никольскимъ архимандритомъ Епифаніемъ, пошелъ прямо въ большую церковь, гдѣ пѣли литургію. Разсѣявшаяся по монастырю чернь, состоящая изъ дворовыхъ людей, фабричныхъ и разночинцевъ, имѣя въ рукахъ рогатины, топоры и всякія убійственныя орудія, искали вездѣ архіерея. Всѣхъ, кто имъ ни попадался, били, домогаясь вѣдать, гдѣ скрылся архіерей. Злодѣи еще въ Чудовѣ знали по единогласному отъ всѣхъ признанію, что владыка со мной и въ моей каретѣ уѣхалъ. Тутъ они ее на монастырѣ увидѣли. Повѣришь ли, любезный другъ, что одинъ изъ подъячихъ нашей канцеляріи тутъ же былъ, объявилъ о моей каретѣ, кучерѣ и лакеѣ, кои смертельно биты были, чтобъ объ архіереѣ и обо мнѣ объявили. Свѣдали наконецъ они, что архіерей въ церкви и я скрылся въ банѣ (ибо мой малой, посадя меня тутъ, самъ ушелъ и повалился ворамъ въ руки, а притомъ въ то время сидѣли въ банѣ двое монастырскихъ слугъ и топили баню). Злодѣи, ворвавшись въ церковь, ожидали конца обѣдни; страдалецъ, изъ олтаря увидѣвъ, что народъ съ оружіемъ и дрекольями вошелъ въ церковь, исповѣдался у служащаго священника и, пріобщившись Святыхъ Таинъ, пошелъ на хоры позади иконостаса. Между тѣмъ какъ злодѣи, не ожидая конца обѣдни, ворвались въ алтарь и искали тамъ покойнаго владыку, одна изъ нихъ партія нашла меня въ банѣ. Боже мой, въ какомъ былъ тогда я отчаяніи жизни моей! Подъятые на меня смертные удары отражены были часами и табакерками, при мнѣ тогда находившимися. Проспалъ я ихъ о печинепіи мнѣ зла; вдвое того просили не знаю еще какіе сторонніе люди, называя меня по имени и приписывая мнѣ имя добраго и честнаго человѣка, въ числѣ коихъ былъ и вышепомянутый подъячій нашъ Красной. Меня потащили изъ бани, и встрѣтившаяся другая партія лишила бъ меня жизни, хотя двѣ и получилъ отъ нихъ контузіи, еслибъ первые мои злодѣи не приняли меня подъ свое защищеніе; такое то дѣйствіе золота и серебра! Едва взошелъ я съ ними на церковную паперть, какъ вдругъ увидѣлъ провожаема изъ церкви съ крикомъ и шумомъ радостнымъ покойнаго страдальца. Роковая встрѣча! Злодѣи мои закричали: „вотъ онъ!“ бросили меня полу-

мертва. Представь себѣ, любезный другъ, что̀ со мною въ такомъ горестномъ приключеніи происходило! Сидя еще въ банѣ, пріуготовилъ я себя къ смерти и спокойно ожидалъ убійцевъ, радуясь, что достигну мученическаго вѣнца. Тутъ уповалъ, что немпнуемо вмѣстѣ съ владыкою потащутъ и меня изъ монастыря; но Божіе правосудіе сохранило меня цѣла и невредима. Въ древнія времена церковь служила убѣжищемъ и для самыхъ винныхъ и порочнѣйшихъ людей, въ нынѣшнія жь безвинный архіерей и пастырь вытащенъ былъ отъ своихъ овецъ на убіеніе. вотъ плоды преосвященнаго вѣка!... Но что я медлю и не приступаю къ повѣствованію той жесточайшей для меня въ жизни минуты, въ которую я услышалъ, что владыка убитъ до смерти!... Злодѣи, вмѣняя за грѣхъ осквернить монастырь, а паче церковь кровію, вывели страдальца въ заднія монастырскія ворота, гдѣ колокольня, и у самой рогатки сначала дѣлали ему нѣсколько вопросовъ, а потомъ мучительскимъ образомъ до тѣхъ поръ били и терзали его, пока уже увидѣли умирающа. Спустя четверть часа скончался новый Московскій мученикъ, и тѣло избитое и обагренное кровію лежало на распутіи день и ночь цѣлую, пока синодальной конторы члены чрезъ полицейскую команду заблагоразсудили поднять. Вотъ точная трагедія, коей былъ я зрителемъ. Проливъ неповинную кровь, убійцы побѣжали къ г. Еропкину, угрожая и его лишить жизни, такъ какъ и всѣхъ докторовъ. Можетъ быть, сіе исполнилось, еслибъ г. Еропкинъ не собралъ Великолуцкаго полку, за тридцать верстъ расположившагося отъ Москвы. Помощію сего полка выгнаны были того жь вечера всѣ грабители и разорители Чудова, очищенъ Кремль, и переловлены многіе со штафами и другими вещами. Въ субботу и графъ Петръ Семеновичь пріѣхалъ въ Москву, также г. Юшковъ и оберъ-полиціймейстеръ съ прочими собрались и усмирили бунтующій народъ; домогавшіеся о распечатаніи бань, о уничтоженіи карантиновъ, о дозволеніи погребать при церквахъ и о выдачѣ захваченныхъ ихъ братій взяты и изъ убійцевъ покойнаго двое главнѣйшими: холопь Раевскаго и цѣловальникъ, но не одни они, многіе были. По разореніи Чудова, по учиненномъ пастырю убивствѣ, написали попы на воротахъ желѣзныхъ надгробную надпись: „И память его съ шумомъ погибе!“ Изрядное добродѣтели награжденіе! Вотъ возмездіе за его труды и толиколѣтнія заслуги! Ни санъ архіерейскій, ни сѣдины, ни ученіе, ни добродѣтельная его жизнь, не могли удержать рукъ отъ кровопролитія. Послѣ сей трагедіи, спустя часъ, поѣхалъ я въ Чер-

ную грязь къ князь Матвѣю Дмитріевичу Кантемиру, гдѣ и братъ мой находился. Я бы остался, но страхъ, дабы и меня не убили, принудилъ искать убѣжища; 25-го сентября пріѣхалъ съ братомъ въ Москву, гдѣ и теперь живу въ домѣ князя, обще съ ними. 4-го октября было погребеніе обоихъ страдальцевъ: Амвросія въ Донскомъ монастырѣ, въ трапезной церкви, по приказанію графа Григорья Григорьевича, а другой, дядя мой архимандритъ Никонъ,—въ Воскресенскомъ монастырѣ. Проповѣдь ты имѣешь, а указъ о погребеніи надо видѣть въ синодѣ, который уже три дня послѣ погребенія пришелъ. Такимъ-то образомъ лишились мы нашихъ благодѣтелей, лишась и ихъ и своего собственнаго имѣнія; въ чемъ стояли, въ томъ только и остались: Господь даде, Господь и взялъ. Быть такъ: надо привыкать къ бѣдности. Болѣе бы писалъ, только почта отходитъ. Прости, любезный другъ, пиши ко мнѣ такъ, какъ прежде писалъ: прямо адресуя на мое имя, изъ почтоваго двора ко мнѣ присылать будутъ. Самуилъ здѣсь, только я съ нимъ еще не видался. Поклонъ всѣмъ пріятелямъ.

ЗАПИСКА КНЯЗЯ Г. А. ПОТЕМКИНА-ТАВРИЧЕСКАГО ОБЪ ОДЕЖДѢ И ВООРУЖЕНІИ ВОЙСКЪ.

(Изъ собранія И. П. Шульгина).

Въ прежнія времена въ Европѣ, какъ всякъ, кто могъ, долженъ былъ ходить на войну, и по образу тогдашняго бою, сражаться бѣлымъ оружіемъ, каждый, по мѣрѣ достатка своего, тяготплъ себя желѣзными бронями; защиты таковыя простирались даже и до лошадей; потомъ, предпринимая дальніе походи и строясь въ эскадроны, начали себя облегчать: полныя латы премѣнялись на половинныя; а напослѣдокъ, и тѣ уменьшились такъ, что въ концѣ осталось отъ сего готическаго снаряду только передняя часть и каскетъ на шляпѣ; а въ пѣхотѣ знакъ, и то только у офицеровъ.

Тогда болѣе сражались по одиначкѣ; то защиты таковыя не мало оборонялп, особливо же отъ конній, почему не напрасное имѣли къ нимъ уваженіе, которое, превратясь въ нѣкоторое военное педанство, поставило цѣну и аммуниціи, вовсе не оборонлющей, а какъ все казалось легко въ разсужденіи желѣзнаго снаряда, то при перемѣнѣ аммуниціи ввели множество вещей излишнихъ и нескладныхъ.

Въ Россію, когда вводилось регулярство, вошли офицеры иностранные съ педанствомъ тогдашняго времени; а наши, не зная прямой цѣны вещамъ военнаго снаряда, почли все священнымъ и какъ будто таинственнымъ. Имъ казалось, что регулярство состоитъ въ косахъ, шляпахъ, клапанахъ, обшлагахъ, въ ружейныхъ пріемахъ и проч. Занимая себя таковою дрянью, и до сего времени не знаютъ хорошо самыхъ важныхъ вещей и оборотовъ, а

что касается до исправности ружья, тутъ полированіе и лощеніе предпочтено добротѣ; а стрѣлять почти не умѣютъ. Словомъ, одежда войскъ нашихъ и аммуниція такова, что придумать почти нельзя лучше къ угнетенію солдатовъ, тѣмъ паче, что онъ, взятъ будучи изъ крестьянъ въ 30 почти лѣтъ возраста, узнаетъ узкіе сапоги, множество подвязокъ, тѣсное нижнее платье и пропасть вещей, вѣкъ сокращающихъ.

Красота одежды военной состоитъ въ равенствѣ и въ соотвѣтственности вещей съ ихъ употребленіемъ. Платье чтобы было солдату одеждою, а не въ тягость, всякое щегольство должно уничтожить; ибо оно есть плодъ роскоши, требуетъ много времени, иждивенія и слугъ, чего у солдата быть не можетъ. На семъ основаніи предложу по порядку.

Шляпа—уборъ негодный; она головы не прикрываетъ, и торча концами во всѣ стороны, озабочиваетъ навсегда солдата опасностію, чтобы ея не измять, особливо мѣшаетъ положить голову, и будучи треугольникомъ, препятствуетъ ей поворачиваться, да и не закрываетъ также отъ морозу ушей.

Кафтанъ и камзолъ съ рукавами,—какъ сихъ вещей вдругъ не носятъ, то которая-нибудь и есть излишняя; покрой кафтана подаетъ много поводу дѣлать его разнообразнымъ, слѣдовательно, уравненія быть не можетъ.

Штаны въ концѣ лосинныя, которымъ срокъ положенъ весьма долгій, такъ что, сберегая ихъ, солдатъ долженъ на свои деньги дѣлать другую пару суконныхъ: убытокъ несносный, коего требовать отъ него несправедливо; при томъ много заботятъ чищеньемъ и трудностію надѣванья. Зимою отъ нихъ холодно, а лѣтомъ жарко, подъ ними же нельзя имѣть полотняной одежды. Нынѣ лосинная одежда не нужна; въ старину ее носили для того, что употребляли желѣзныя латы, и какъ лосина больше могла сносить, нежели сукно, потому и предпочиталась.

Сапоги дѣлаютъ такъ узки, что и надѣвать трудно, а скидывать еще труднѣе, особливо когда намокнутъ; при томъ сколько подвязокъ, чтобы они гладки были, и сколько лакированія, чтобы лоснились.

Для пѣхотнаго шпага лишняя тягость, оружіе неупотребительное, о которомъ главное стараніе у всѣхъ, какъ бы ловчѣе надѣть, чтобы маршировать свободнѣе, также и ворочаться; многія арміи шпагъ въ пѣхотѣ не употребляютъ, а носятъ штыки.

Сѣдло венгерское лучше всѣхъ сѣделъ; доказательствомъ тому, что всѣ націи, ѣздящія верхомъ, такія употребляютъ: Венгеры, Татары, Черкесы, казаки и Поляки; они легки, лошадей вовсе не саднятъ; дѣлать ихъ въ постахъ можно и дешевле старыхъ.

Завивать, пудриться, плесть косы—солдатское ли сіе дѣло; у нихъ камердинеровъ нѣтъ. На что же пукли? Всякъ долженъ согласиться, что полезнѣе голову мыть и чесать, нежели отягощать пудрою, саломъ, мукою, шпильками, косами. Туалетъ солдатскій долженъ быть таковъ: что всталъ, то готовъ. Еслибы можно было счесть, сколько выдано въ полкахъ за щегольство палокъ, и сколько храбрыхъ душъ пошло отъ сего на тотъ свѣтъ?... Простительно ли, что стражъ цѣлости отечества удученъ былъ прихотьми, происходящими отъ вертопраховъ, а часто и отъ безразсудныхъ?

Употребленіе же солдатами пуколь и косъ сопряжено съ слѣдующими невыгодами: уноситъ у нихъ напрасно время и изнуряетъ ихъ, ибо когда бываетъ отрядъ на караулъ, то обыкновенно шесть, а когда эскадрону или цѣлому полку назначается строй, то до 12 часовъ употребить имъ непремѣнно должно для убранія себя взапмно косъ, и препроводить цѣлую ночь въ семъ безпокойствѣ безъ сна; отчего неминуемо должно послѣдовать неизбѣжно упущеніе въ другихъ нужныхъ исправленіяхъ, тѣмъ что, препроводивши такимъ образомъ ночь въ изнуреніи, не имѣютъ они ни силы исправить другихъ своихъ дѣлъ, какъ напримѣръ, вычистить и накормить своихъ лошадей; или ежели въ семъ упущенія не сдѣлаютъ, то не будучи подкрѣплены сномъ, бываютъ слабы, нерасторопны и мало способны къ такимъ дѣйствіямъ гдѣ потребны бодрость, живость и сила. Требуетъ разорительнаго иждивенія для бѣдныхъ солдатъ, которые, нуждаясь и такъ во многомъ по малости своего жалованья, должны еще изъ того употребить на пудру, помаду и косныя ленты, въ годъ каждый по меньшей мѣрѣ по 1 рублю 5 копѣекъ.

Суконные лосинныхъ штановъ выгоднѣе тѣмъ, что суконные полагаются на одинъ, а лосинные на 4 года, почему нижніе чины принуждены бываютъ замѣнять оныя суконными, покупая ихъ на счетъ своего жалованья, что составитъ въ годъ каждому не дешевле 60-ти коп.; во время осеннихъ и дождевыхъ погодъ лосинные причиняютъ великое безпокойство, а паче вновь приверстанныхъ; зимою же они ни мало не грѣютъ; лосинные суконныхъ убыточнѣе для солдатъ, послику не только потребно ихъ часть вохрить, на что въ годъ изойдетъ по меньшей мѣрѣ 20 коп., и

надлежитъ имѣть къ нимъ пары три штиблетъ, манжетъ, что̀ будетъ стоить въ годъ по крайней мѣрѣ 30 коп.; а сукопные по новому образцу ничего того не требуютъ.

Просторные сапоги предъ узкими, и онучи или портянки предъ чулками имѣютъ ту выгоду, что въ случаѣ, когда ноги намокнутъ или вспотѣютъ, можно при первомъ удобномъ времени тотчасъ ихъ скинуть, вытереть портянкою ноги, и обвертевъ ихъ, опять сухимъ уже оной концемъ въ скорости обуться и предохранить ихъ тѣмъ отъ сырости и озноб. Въ узкихъ же сапогахъ и чулкахъ того учинить никакъ не можно, которыхъ неудобно скинуть, ни свободно опять надѣть пельзя, да и чулки невсегда бываетъ возможность перемѣнить или высушить: чрезъ что̀ бѣдные солдаты, имѣя безпрестанно ноги мокрыя, подвергаютъ нерѣдко себя простудѣ и другимъ болѣзнямъ; не имѣя нужды, такъ какъ при узкихъ сапогахъ, подвязывать крѣпко своихъ ногъ, солдаты могутъ и свободнѣе ходить, и болѣе перенести путеваго труда, и обращеніе крови не останавливается.

Ежели всѣ сіи столь очевидныя въ теперешнихъ мундирахъ и другихъ вещахъ неудобства исправить, то солдатъ, сверхъ другихъ многихъ выгодъ, будетъ имѣть еще отъ своего жалованья въ остаткѣ противъ теперешнихъ издержекъ до 2-хъ рублей [1]).

Каска, сверхъ выгоды и способности въ употребленіи своемъ, имѣетъ предъ шляпою и ту предпочтительность, что видъ даетъ пригожій солдату и есть нарядъ военный характеристическій.

---

[1]) Сіе о аммуниціи солдатской писано въ 1783 г.; противъ того времени нынѣ цѣны на всѣ вещи знатно возвысились. Нынѣ 20 фунт. муки для пудры стоитъ болѣе рубля: столько же сала больше двухъ руб. Штиблетовъ и штановъ долженъ солдатъ сшить по нѣскольку; также новую шляпу и къ ней не мало обшивокъ отъ себя купить, пока прійдутъ новые сроки; а жалованье его нѣсколькими копѣйками болѣе прежняго. Что касается до цвѣтовъ одежды солдатской, то изъ оныхъ красный на камзолъ и исподнемъ платьѣ введенъ и употреблялся не безъ намѣренія: красная одежда у Спартанъ скрывала или не такъ сильно показывала льющуюся кровь отъ полученныхъ въ сраженіи ранъ. Сбереженіе сала и муки, которыя тратились къ убранству головъ солдатскихъ безполезно, служило нѣкоторымъ образомъ къ дешевизнѣ сихъ вещей; ибо считая войска хотя двѣсти тысячъ, выходило бы на сіе украшеніе того и другого по сту тысячъ пудъ, которые при новомъ обмундированіи обратились на употребленіе приличнѣйшее.

МНИМЫЙ СЫНЪ ГОЛШТИНСКАГО ПРИНЦА.

(Изъ дѣлъ тайной экспедиціи).

I.

Первый допросъ солдату Ивану Андрееву.

1776 года декабря дня, присланный изъ Нарвской комендантской канцеляріи, Нарвскаго перваго баталіона солдатъ Иванъ Андреевъ, въ домѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника генералъ-прокурора князя Александра Алексѣевича Вяземскаго противъ присланнаго объ немъ изъ оной канцеляріи рапорта допрашиванъ, а въ допросахъ показалъ:

Имя ему Иванъ, а по отечеству называется Андреевъ сынъ; родился онъ въ 1731 году, чему нынѣ сорокъ-шестой годъ; но кто его отецъ и мать, того онъ не знаетъ; воспитанъ же и выросъ въ Олонецкомъ уѣздѣ въ Кондушенской экономической волости, села Михайлова въ деревнѣ Крестовой у крестьянина Андрея Зиновьева сына, почему онъ и называется по отечеству Андреевъ; а въ которомъ году отъ рожденія и отъ кого ему отданъ, ему не извѣстно. Когда же онъ взросъ до пятнадцати или шестнадцати лѣтъ, что было, помнится ему, въ 1747 году, и пришелъ въ такую силу, что могъ уже своею работою себя прокормить, то показанный Андрей Зиновьевъ сталъ его высылать изъ своего дома, выговаривая, яко бы онъ, Иванъ, не его сынъ, и указывая притомъ на свою жену (которая тогда отъ него лежала избита), говорилъ, что „должень ты плакаться Богу на нее, ты де сынъ Голштинскаго принца, и она, тебя оттуда взявъ, отнесла на твое мѣсто своего роднаго сына“; въ чемъ, снявъ со стѣны образъ, онъ ему, Ивану,

клялся и говорилъ: „Поди де, братецъ, коли въ тебѣ есть разумъ ищи себѣ самъ по своей природѣ счастія“. Женѣ же своей говорилъ: „Вотъ что̀ ты, шельмовка, надѣлала, что вмѣсто кровнаго нашего сына принесла другого!“ На что̀ жена тогда ему отвѣчала: „Нашъ де сынъ хотя недолго, однако будетъ царствовать“. А потому онъ Иванъ и думаетъ, что это былъ самый тотъ ихъ сынъ, о которомъ она говорила, — бывшій императоръ Петръ Третій, и считаетъ, что онъ не настоящій принца Голштинскаго сынъ, а подлинно онаго крестьянина Андрея Зиновьева, а Голштинскаго принца онъ сынъ, и настоящее его имя Петръ потому, что въ этомъ клялся ему предъ образомъ оный Зиновьевъ; какимъ же образомъ онъ тою женщиною изъ Голштиніи унесенъ, по колдовству ли ея, или какимъ другимъ случаемъ, того не знаетъ; однакожъ заключа сіе тогда въ своемъ помышленіи, изъявилъ онъ чрезъ самое короткое время отцу своему духовному, помянутаго села Михайлова священнику Василію Аѳонасьеву, такимъ образомъ: „Крестьянинъ де Андрей Зиновьевъ, у котораго я выросъ, говоритъ, яко бы я не ихъ сынъ, а принца Голштинскаго, и настоящее мое имя Петръ; то не стыдно ли мнѣ на свѣтѣ такой знатной породы у крестьянина жить?“ На сіе оный попъ тогда ему отвѣчалъ: „Что̀ мнѣ, другъ мой, съ тобою дѣлать! Когда ты страждешь въ чужихъ рукахъ и самъ не можешь куда идти искать своего благополучія, то молись Богу; а мнѣ за тебя въ судъ идти и объ этомъ донесть не можно“. Послѣ сего докучалъ онъ ему много разъ и просилъ: „Не можно ли, батюшка, написать обо мнѣ куда челобитную или показать въ вѣдомости. Но чрезъ три мѣсяца послѣ перваго извѣта сказалъ ему попъ, что онъ въ вѣдомости объ немъ написалъ, и къ челобитной приложа за него руку, послалъ въ духовный синодъ, въ чемъ его увѣряя, говорилъ: „Вотъ тебѣ моя рука, не тужи!“ Въ той надеждѣ онъ остался и ожидалъ, не станутъ ли его искать, до 1747 года; а въ томъ году или въ 1748, чего подлинно не упомнитъ,—слышалъ онъ самъ, что читали по церквамъ въ книгѣ указы или что другое, что есть пропадшій князь Петръ, котораго тогда искали, но кто таковъ былъ сей Петръ, онъ не знаетъ, и въ то время онъ, Иванъ, о себѣ попу Аѳонасьеву ничего не говорилъ, да и попъ у него ничего не спрашивалъ. Но послѣ сего никакого приключенія съ нимъ не было, а жилъ онъ въ той же деревнѣ у крестьянина Зиновьева до 1757 года и не смѣлъ никуда челобитенъ о себѣ подавать, дабы и его также не засадили, какъ Ивана Антоновича.

А въ 1754 году Кондушинской волости крестьяне привезли его въ Петербургъ и отдали за сію волость въ рекруты; потомъ опредѣлили его въ Копорскій гарнизонъ, и стоялъ онъ на Петербургской сторонѣ на квартирѣ у гарнизоннаго солдата Ефима Титова Копорскаго же гарнизона съ гренадеромъ Романомъ, который природою былъ изъ Татаръ, но какъ ему прозваніе—не помнитъ. Сему гренадеру онъ, Иванъ, въ томъ же году по веснѣ сказывалъ, что онъ принца Голштинскаго сынъ. Гренадеръ на сіе ему отвѣчалъ: „Для чего ты объ этомъ не объявилъ въ военной?“ А онъ, Иванъ, ему сказалъ, что „я этого сдѣлать не смѣлъ, потому что вотъ и природный принцъ Иванъ Антоновичь, да и тотъ сидитъ въ засадѣ“. Гренадеръ ничего болѣе ему на это не сказалъ, какъ только: „Ну, ипъ—живи, какъ хочешь!“ Въ гарнизонѣ былъ онъ два года, а въ 1759 году посланъ въ командѣ въ числѣ тысячи человѣкъ въ Пруссію.

Въ 1760 году, находясь въ Маріенвердерѣ, опредѣлили его въ Кекгольмскій полкъ; но во время бытности его въ Пруссіи, случилось ему только быть при взятіи Кольберга, а больше никакихъ баталій тогда не было. При вступленіи же на всероссійскій престолъ бывшаго императора Петра Третьяго у присягѣ онъ былъ въ Кольбергѣ. Изъ Пруссіи возвратился онъ въ Россію въ 1762 году, и остановились, не дошедъ до Риги верстъ ста съ полтора, не помнитъ въ какомъ-то городѣ на самое короткое время, а потомъ, переправясь чрезъ Двину рѣку, маршировали на мѣстечко Валки, состоящее по сю сторону Риги, а оттуда пошли по большой дорогѣ къ Ревелю, и въ уѣздѣ сей губерніи по рѣчнымъ мѣстамъ стоялъ онъ съ полкомъ на квартирахъ шесть лѣтъ, то есть, до 1769 года, однакожь ни кому нигдѣ о томъ не объявлялъ, что онъ Голштинскаго принца сынъ.

А въ 1769 году по лѣту отправили его въ Петербургъ, а изъ Петербурга въ Кронштадтъ, гдѣ, посадя въ числѣ ста человѣкъ въ командѣ на корабли, послали въ Средиземное море; куда ѣдучи, заѣзжали въ Ревель, Копенгагенъ и Англію, а оттуда уже прямо пріѣхали въ Мальту. Командирами у нихъ тогда были два маіора Матвей Логиновичь Черемисиновъ и Григорій Ивановичь, а прозванія не помнитъ. Въ Мальтѣ простоявъ дней съ пять, пошли въ Морею, гдѣ и высадили его съ прочими на берегъ подъ городъ Корону. Подъ сей городъ дѣлали они подкопы, но подорвать его не удалось, потому что къ Туркамъ перекинулся отъ нихъ Грекъ; почему они, зажечь не допустя, отбили нашихъ прочь. Изъ-подъ

Короны пошли они подъ Наварринъ, которымъ и овладѣли, а отъ сего города пошли подъ Модопу, гдѣ и пробыли дней съ сорокъ; а онъ между тѣмъ оставался въ Наварринѣ. Послѣ того посылали ихъ по Архипелажскимъ островамъ, а именно были въ Негропонтѣ, въ Метелинѣ и прочихъ, коихъ онъ теперь назвать не упомнитъ. Но между прочими на Македонскомъ берегу противъ Тазіи сожгли хлѣбные магазейны, а потомъ большею частію стояли въ Наросѣ. Тогда находился онъ подъ главною командою контръ-адмирала Андрея Власьевича Елманова; и въ одно время не задолго до отбытія сюда, имѣвъ случай, что такъ близко генералъ находится, чего ему прежде никогда не удавалось, объявилъ онъ капитану Вилиму Петровичу фонъ-Дезину, что онъ принца Голштинскаго сынъ Петръ Ѳедоровичъ. Капитанъ тотчасъ приказалъ записать сіе клерку, который записавъ отдалъ капитану, а сей ему сказалъ, что онъ объ этомъ представитъ генералу. Вскорѣ послѣ того призвалъ его генералъ и спрашивалъ, подлинно ли онъ то говорилъ, что въ объявленіи написано. А когда онъ сказалъ, что это правда, и онъ точно Голштинскаго принца сынъ, то генералъ говорилъ ему: „Поди, другъ мой, съ Богомъ и служи; не мое дѣло это разбирать; мы пріѣхали сюда не затѣмъ, а воевать съ непріятелемъ; а когда прійдешь въ Россію, тогда самъ о себѣ государынѣ“. Но онъ, Андреевъ, самъ въ себѣ думаетъ: „Мое дѣло бѣдное; гдѣ мнѣ доступиться до государыни? Самъ я писать не умѣю“. А прошлаго 1775 года, будучи здѣсь осенью, хотя и говорилъ онъ человѣкамъ десяти не знакомымъ ему людямъ, не въ одно время, но порознь попадающимся на рынкѣ, чтобы написали ему къ государынѣ такое дѣльцо; но ни одинъ человѣкъ за то не взялся, и уходили отъ него прочь. Находясь же съ начала и до конца Турецкой войны все въ Средиземномъ морѣ, былъ на баталіяхъ въ морскомъ сраженіи два, а въ сухопутномъ одинъ разъ, только нигдѣ не раненъ.

А по окончаніи войны въ 1775 году отправили его съ прочими на кораблях въ Россію. Дорогою заѣзжали они въ Портъ-Магонъ, Англію, Копенгагенъ и Кронштадтъ, откуда и отправили въ Петербургъ уже въ октябрѣ мѣсяцѣ и по пріѣздѣ поставили ихъ на квартиры въ Московской ямской слободѣ,—откуда онъ, Иванъ, ходя на рынокъ, искалъ, какъ выше сказано, такого человѣка, который бы написалъ ему къ государынѣ челобитную о томъ, что онъ принца Голштинскаго сынъ Петръ Ѳедоровичъ: „И я де ничего больше не хочу; Богъ съ ними, только бы отпустили меня на свое

пропитаніе; покуда есть еще глаза и силы, такъ бы самъ прокормилъ свою голову: я де умѣю про себя кропать сапожишки". Но не сыскавъ никого, такъ сіе дѣло и оставилъ и нигдѣ никому не объявлялъ до сего самаго времени. Находясь же въ Петербургѣ, причислили его съ прочими въ числѣ шестидесяти человѣкъ въ Нарвскій баталіонъ и потомъ отправили въ Нарву въ генварѣ мѣсяцѣ сего 1776 года. Въ баталіонѣ находился онъ три мѣсяца съ половиною, а потомъ опредѣлили въ команду Нарвскаго почтмейстера Линдеберга, гдѣ онъ, исправляя должность почталіона, ѣздилъ такъ какъ извощикъ на фурахъ и въ кибиткахъ съ сѣдоками изъ Нарвы къ Петербургу и по другимъ дорогамъ. Пробывъ же въ сей должности одинъ мѣсяцъ и отъ безпрестанной ѣзды и трудовъ и огорченія, что почти всякій сѣдокъ партикулярный не только бранитъ, но и бьетъ, что ему, какъ служившему много лѣтъ солдату, терпѣть было несносно, просилъ почтмейстера, чтобы онъ его уволилъ; онъ лучше желаетъ быть по прежнему въ баталіонѣ; но онъ его не отпустилъ; послѣ чего случилось съ нимъ слѣдующее: Одинъ партикулярный сѣдокъ, который назывался дворовымъ, а кто онъ подлинно не знаетъ, ѣдучи съ нимъ дорогою изъ Нарвы и остановясь въ корчмѣ, напоилъ его пьянаго, и какъ они въ оной простояли долго, то Андреевъ, опасаясь, дабы почтмейстеръ не сталъ того на немъ взыскивать, сталъ его изъ корчмы звать, чтобы онъ ѣхалъ въ дорогу; то сей сѣдокъ, будучи пьяный же, началъ его за то бить, а онъ, избавляясь отъ побой, бросилъ лошадей и ушелъ отъ него прочь и проспалъ въ лѣсу часовъ десять; а когда пришелъ къ почмейстеру безъ лошадей, то онъ за сіе выбилъ его палкою. Въ прошедшую же субботу, то есть, 26-го минувшаго ноября, напившись онъ въ Нарвѣ безъ памяти, такъ что ходя спотыкался, повезъ на станцію въ деревню Низы дѣвицу Елисавету Иванову, а кто ея отецъ не знаетъ,—которая съ матерью своею въ оной станціи содержитъ трактиръ, и въ дорогѣ, не въ силахъ будучи сидѣть, ввалился къ ней въ сани; но что съ нею онъ говорилъ, и принуждалъ ли ее къ своему согласію, также и показанныхъ въ почтмейстерскомъ рапортѣ Хвостова, и имѣлъ ли намѣреніе ограбить, и отбивъ у нихъ ножъ, ихъ перерѣзать, того ничего онъ не помнитъ. А когда произошла на него отъ оной дѣвицы просьба, то почтмейстеръ, призвавъ его уже не пьянаго, сталъ уграживать, что онъ его высѣчетъ, и посадилъ между тѣмъ подъ караулъ, гдѣ онъ сидя вздумалъ: „Когда я скажу о себѣ почтмейстеру, какой я крови, то онъ, конечно, сѣчь меня

не станетъ". И такъ на другой день пришедъ онъ къ почтмейстеру, говорилъ: „Умилосердитесь, сударь, пожалуйте; эта дѣвица никакой дальней важности на меня не показываетъ; а я ей дѣлалъ ли какую обиду, ничего не помню; за что жь вы меня хотите сѣчь? Я самъ знатной крови". И потомъ сказалъ ему, что онъ сынъ Голштинскаго принца. Почтмейстеръ сказалъ: „Хорошо, братецъ, тебя надобно отослать въ комендантскую". А онъ ему отвѣчалъ: „Я и самъ о томъ прошу". Въ комендантской канцеляріи спрашивалъ его комендантъ: не отъ пьянства ли онъ, или убоясь побой, то на себя сказываетъ? Но онъ отвѣчалъ, что онъ подлинно доказываетъ, что императоръ Петръ III до точно крестьянскій сынъ, потому что въ томъ клялся ему крестьянинъ Зиновьевъ, а его показываетъ настоящимъ Голштинскимъ принцемъ. Послѣ сего посадили его на двое сутокъ подъ караулъ, а на третій день, сковавъ въ желѣза, отправили сюда. Напослѣдокъ онъ говоритъ, что онъ самъ о себѣ никакого больше доказательства не имѣетъ, какъ только то, что слышалъ отъ крестьянина, и о томъ тогда же объявилъ священнику. Что же Нарвскій почтмейстеръ на него показываетъ, будто онъ всегда находился въ пьянствѣ, такъ это не правда; онъ во всю свою у него бытность напивался безчувственно пьянъ, какъ сказано выше, не болѣе трехъ разъ, а въ прочее время хотя и бывалъ пьянъ, но не всегда, да и то въ памяти. Грамотѣ и писать не умѣетъ.

Въ дополненіе сего допроса, онъ показалъ: генералу Ельманову о себѣ объявилъ, что онъ сынъ Голштинскаго принца для того: пускай бы по суду что ни сдѣлали, хотя бы отрубили ему и голову, то все бы лучше, нежели ему по своей природѣ жить въ такой бѣдности; когда бы его отпустили на волю, то онъ бы пошелъ въ Голштинію искать своихъ сродниковъ; буде же и ихъ никого бы не нашелъ, то бы остался по крайней мѣрѣ въ своемъ отечествѣ; можетъ быть, кто-нибудь сдѣлалъ бы съ нимъ какую милость.

II.

Второй допросъ Ивану Андрееву.

1777 года февраля 6-го дня, содержащійся въ домѣ генералъ-прокурора князя Александра Алексѣевича Вяземскаго, Нарвскаго баталіона солдатъ Иванъ Андреевъ былъ вторично спрашиванъ: для чего онъ себя ложнымъ именемъ называть осмѣлился? На что онъ говорилъ: Что де „не самъ я о этомъ имени выдумалъ, а ска-

звалъ ему Олонецкій крестьянинъ, въ чемъ ему и клялся Богомъ". На что̀ ему сказано: „Ты и на крестьянина, сколько изъ существа всего дѣла видно, лжешь". На сіе онъ отвѣчалъ: „Что̀ мнѣ прибыли на крестьянина лгать, коли бъ онъ мнѣ не сказалъ, что я принцъ Голштинской, то бъ почему мнѣ было знать?" На что̀ ему сказано: „Ну, да какъ крестьянинъ увидѣлъ, что ты лѣнивецъ, то онъ на смѣхъ тебѣ сказалъ, что ты принцъ, а ты такъ и повѣрилъ!" На что̀ онъ отвѣчалъ: „Какъ же ему не вѣрить, вѣдь онъ клялся". На сіе ему сказано: „Ну, не совершеннѣйшій ли ты безумецъ, или лучше сказать, плутъ, что ты словамъ такого же подобнаго тебѣ шалуна и невѣжды вѣришь, а здѣсь тебя увѣряютъ генералъ-прокуроръ и другіе, что это самыя враки и выдуманная ложь, съ ясными на всѣ твои слова доводами, и также увѣряютъ тебя по закону Божественному, но ты вѣрить не хочешь". На что̀ оный Андреевъ болѣе не говорилъ, какъ сіе: „Воля ваша, что̀ хотите, то дѣлайте, но какъ крестьянину меня обманывать!" Послѣ сего доказыванъ онъ былъ, что „ты и на попа солгалъ, будто бы ему объявлялъ, что ты принцъ Голштинскій, ибо если бъ ты только въ тогдашнее время этакую рѣчь выболталъ, то бъ попъ, тебя связавъ, отвелъ въ тайную, а тамъ бы тебя до смерти засѣкли". На что̀ онъ отвѣчалъ: „Вольно попу обо мнѣ было не представить, да онъ ему и сказывалъ, что писалъ о немъ въ духовный синодъ". Оный же Андреевъ спрошенъ былъ: „Да живы ли тѣ крестьянинъ и попъ?" На что̀ онъ отвѣчалъ: „Не знаю". Наконецъ паки онъ Андреевъ былъ спрашиванъ: „Скажи ты отъ слова до слова, какъ тебя крестьянинъ увѣрялъ, что ты принцъ Голштинскій, а самою вещію дуракъ Олонецкій?" На что̀ онъ говорилъ „Вотъ какъ это дѣло было: въ одно время тотъ крестьянинъ Зиновьевъ прибилъ жену такъ, что она слегла, а онъ былъ въ той избѣ, и крестьянинъ, браня тое жену свою, говорилъ: „ты колдунья проклятая"; да и указавъ на него Андреева, говоритъ: „вотъ ты этого человѣка съѣла, а своего роднаго сына погубила", и выговоря сіи слова, подшедъ къ нему, говорилъ: „Слушай, братъ, вѣдь ты не мой сынъ, а ты сынъ Голштинскаго принца Петръ Ѳедоровичъ; вѣдь тебя моя жена — колдунья чрезъ волшебство свое изъ Голштиніи унесла сюда, а моего притоманнаго сына отнесла на мѣсто твое въ Голштинію". На что̀ онъ тому отцу своему сказалъ: „Какъ, батюшка, статься нельзя!" На что̀ оный называющійся тогда ему отецъ, снявъ со стѣны образъ поклялся, что „я тебѣ говорю правду, что ты Голштинскій принцъ". Болѣе же сего

доказательства онъ Андреевъ не имѣетъ: „А когда де вы мнѣ не вѣрите, то отпустите въ мое отечество въ Голштинію. На что̀ ему сказано: Въ Голштинію та лишь бы только этакій дуракъ съ этимъ враньемъ показался, то бъ тебя каменьемъ прибили, какъ шалупа".

III.

Справка о смѣрти Ивана Андреева.

Прошлаго 1776 года въ декабрѣ мѣсяцѣ Нарвскаго 1-го баталіона солдатъ Иванъ Андреевъ, будучи въ Нарвѣ, за пьянство и за учиненную имъ продерзость у почтмейстера Липдеберга подъ карауломъ, а послѣ того и Нарвскому коменданту Баранову объявлялъ о себѣ, что яко бы онъ принцъ Голштинскій, а потомъ и въ тайной экспедиціи оное свое вымышленное и ложное объявленіе истинными быть утверждалъ, прибавя еще къ тому, что де Олонецкій крестьянинъ Зиновьевъ сказывалъ ему, что онъ сынъ Голштинскаго принца Петра Ѳеодоровича. И сего года февраля 14-го дня, по высочайшему Ея Императорскаго Величества соизволенію, оный Андреевъ отъ наказанія избавленъ, а дабы позналъ онъ, сколь сіе его преступленіе, а не меньше упорство и непризнаніе въ таковой ощутительной лжѣ терпимо въ благоустроенномъ государствѣ быть не можетъ, также чтобъ онъ по сущей своей грубости иногда не могъ дѣлать не пристойно, какъ между таковыми жь сущими невѣжлами такого ложнаго о себѣ разглашенія, то для исправленія такого его развращеннаго права посадить его въ Шлиссельбургскую крѣпость на пять лѣтъ, гдѣ будучи, можетъ быть, и доведенъ онъ будетъ въ томъ своемъ ложномъ вымыслѣ въ признаніе и раскаяніе,—куда онъ того жь февраля 17-го дня и отосланъ.

А нынѣ Шлиссельбургскій комендантъ Цыглеръ, къ генералъ-прокурору пишетъ, что сего мѣсяца противъ 4-го числа ночью оный Андреевъ часу въ первомъ тихимъ образомъ сталъ говорить, что часовой понять не могъ, на что̀ ему тотъ часовой сталъ говорить, чтобъ онъ молчалъ и спалъ бы; пропустя малое время, оный колодникъ съ своего мѣста сталъ и пошелъ яко бы на дворъ, и подошелъ къ дверямъ къ часовому, и часовой ему говорить сталъ: „Куда ты идешь?" На что̀ тотъ Андреевъ его часоваго ударилъ кулакомъ въ високъ и пробилъ ему до крови; за то часовой его Андреева ударилъ прикладомъ и попалъ ему въ самую грудь, отъ чего онъ Андреевъ упалъ, а послѣ часа черезъ три умеръ. И проситъ: что̀ съ часовымъ повелѣно будетъ чинить.

БРАТЬЯ ЧОГЛОКОВЫ.

Извѣстный Гельбигъ, въ своихъ разсказахъ о случайныхъ людяхъ въ Россіи, говоритъ, что у оберъ-церемоніймейстера двора великаго князя Петра Ѳедоровича, Николая Наумовича Чоглокова, женатаго на графинѣ Маріѣ Симоновнѣ Гендриковой и умершаго въ 1754 году, было четыре сына, изъ которыхъ „по крайней мѣрѣ трое сидѣли въ темницахъ частію за нарушеніе общественнаго спокойствія, частію потому, что были замѣшаны въ заговоры противъ императрицы Екатерины II“ (см. Русскій Архивъ 1865 г., ст. 1460). Но до сихъ поръ не были извѣстны подробности, относящіяся до судьбы братьевъ Чоглоковыхъ. Любопытныя свѣдѣнія о томъ заключаются въ нижеслѣдующихъ офиціальныхъ документахъ.

I.

Записка о Наумѣ Чоглоковѣ (1783 года).

По произведенному у бывшаго Казанскаго губернатора, генералъ-поручика и кавалера Бранта, военному кригсрехту, бывшій въ Грузіи въ корпусѣ генералъ-маіора графа Тотлебена волонтеромъ подполковникъ Наумъ Чоглоковъ оказался въ слѣдующихъ преступленіяхъ: ослушенъ явился своему командиру; произносилъ при арестѣ его предъ нимъ дерзкія слова и не только называлъ графа Тотлебена измѣнникомъ, но и себя въ Россіи третьею персоною, которыя подобныя сему дерзкія изреченія происходили отъ него и прежде и извѣстны были Ея Императорскому Величеству. По сему въ 1771 году, за сіи его преступленія, по опредѣленію

военной коллегіи велѣно: отобравъ патенты и лишя чиновъ, написать означеннаго Чоглокова въ солдаты въ сибирскій гарнизонъ, для чего и отосланъ онъ тогда былъ къ бывшему Тобольскому губернатору Чичерину, съ такимъ предписаніемъ, чтобъ по привозѣ его въ Тобольскъ отправить въ отдаленнѣйшій острогъ, гдѣ содержать его въ арестѣ десять лѣтъ, такъ чтобъ онъ никогда изъ онаго выпускаемъ не былъ, и людей при немъ не больше бъ было двухъ человѣкъ, и никакихъ не подлежащихъ писемъ писать ему не позволять. Во исполненіе сего означенный Чоглоковъ отъ губернатора Чичерина въ 774 году отправленъ былъ въ Березовъ, съ повелѣніемъ тамошнему коммисару, чтобъ содержать его тамъ, на основаніи вышеписаннаго предписанія, производя изъ казны жалованье и провіантъ обыкновенный, по гарнизонному пограничному окладу; но какъ Чоглокову учинена была выдача провіанта, то онъ, не принявъ онаго, объявилъ, что будетъ доволенъ своимъ капиталомъ.

Сколько жъ за означеннымъ Чоглоковымъ въ какихъ мѣстахъ состоитъ имѣнія, о томъ никакого свѣдѣнія по дѣламъ тайной экспедиціи не имѣется; а извѣстно по увѣдомленію Тобольскаго губернатора Чичерина, отъ 29-го октября 1774 года, что Чоглоковъ въ Тобольскъ былъ привезенъ безъ одежды, обуви и безъ всякаго пропитанія. Во время бытности его въ Тобольскѣ, по указу главнаго коммисаріата, изъ Тобольской оберъ-кригсъ-коммисарской коммиссіи, выдано ему 100 рублей. Сверхъ того, надворный совѣтникъ, бывшій въ Якутскѣ воеводою Дебреніи, возвращаясь изъ Якутска, далъ ему до семи сотъ рублей, съ тѣмъ чтобъ ему тѣ деньги обратно получить въ Москвѣ. Кромѣ сего извѣстно, что у онаго Чоглокова въ 1774 году Березовскимъ коммисаромъ при отобраніи писемъ найденъ вексель, данный отъ купца Мартына, суммою на сорокъ одну тысячу рублей, писанный въ Женевѣ 25-го апрѣля 1766 года, которые письма и вексель за печатями коммисарскою и Чоглокова оставлены до воспослѣдованія объ нихъ резолюціи въ Березовскомъ коммисарствѣ, о чемъ представлено тогда было и къ губернатору Чичерину, но каковая отъ него на сіе послѣдовала резолюція, о томъ по дѣлу не извѣстно.

А отъ 24-го генваря 1781 года, правящій должность Перуского и Тобольскаго генералъ-губернатора, генералъ-поручикъ Кашкинъ, при письмѣ къ генералъ-прокурору приложилъ присланныя къ нему отъ правящаго должность губернатора въ Тобольскѣ, оберъ-штеръ-кригсъ-коммисара Осипова, письма означеннаго сол-

дата Наума Чоглокова, коимъ онъ просплъ, чтобъ для излѣченія его болѣзней перевесть его изъ Березова въ Тобольскъ, а притомъ изъяснялся, что будто онъ лишенъ чиновъ безвинно. Почему въ томъ же мѣсяцѣ по высочайшему Ея Императорскаго Величества соизволенію велѣно: какъ Ея Величеству извѣстно, что оный Чоглоковъ былъ сужденъ военнымъ судомъ, коимъ по законамъ за его вины и написанъ въ солдаты; а посему и долженъ онъ сей жребій нести съ должнымъ повиновеніемъ; но однакожь, какъ изъ писемъ его видно, что удручаемъ онъ болѣзнями, а лѣкаря въ Березовѣ нѣтъ, то изъ человѣколюбія Ея Императорскаго Величества, онаго Чоглокова изъ Березова, велѣть съ добрымъ присмотромъ перевесть въ Тобольскъ, гдѣ особенное надъ нимъ имѣть неослабное смотрѣніе оберъ-штеръ-кригсъ-коммисару Осипову, ибо характеръ онаго Чоглокова суть такой, что онъ человѣкъ дерзостію и вѣтренностію наполненный, а притомъ своенравенъ и объятъ, можно сказать, не только безразсудною, но и нетерпимою гордостію; а сіи самые его ни въ какомъ мѣстѣ нетерпимые пороки вовлекли его въ извѣстныя по произведенному объ немъ дѣлу несчастія. И сего ради оный Осиповъ, видя такой его испорченный нравъ, имѣетъ долгъ неослабное за жизнію его смотрѣніе и отъ пороковъ благопристойнымъ средствомъ воздерживать, однимъ словомъ, Чоглоковъ въ Тобольскѣ содержанъ быть долженъ на собственномъ отчетѣ Осипова; изъ Тобольска жъ никуда ни для чего безъ именнаго Ея Величества указа отнюдь его не выпускать, а между тѣмъ, когда жъ болѣнъ, то приказать его пользовать, и объ ономъ о всемъ къ генералъ-поручику Кашкину и къ помянутому Осипову писано.

Нынѣ отъ 11-го прошедшаго декабря отъ означеннаго Чоглокова, къ генералъ-поручику прислано письмо, слѣдующаго содержанія: что онъ находится въ ссылкѣ третій годъ долѣе сроку; пришло въ дряхлость тѣло, и духъ сталъ ослабѣвать; неоднократно покушался онъ прекратить свою несчастную жизнь, но страхъ Божій отъ того его отводилъ, и напослѣдокъ, не стерпя такого волненія въ сердцѣ своемъ и не имѣя въ свѣтѣ утѣшителя въ несносной его горести, взялъ законнымъ образомъ себѣ товарища [1]).

---

[1]) Г. Осиповъ сказывалъ, что у Чоглокова въ Березовѣ жила женщина, остяцкаго рода, но женился ли онъ на ней—того не извѣстно; однакожь, прижитъ съ нею сынъ, о которомъ Чоглоковъ Евгенія Петровича Кашкина просплъ, чтобъ отдать ему онаго для воспитанія.

Сіе сдѣлано имъ скрытно, и тайно будетъ по самую его смерть, и чтобъ ему не дѣлали и не принудили открытіемъ его тайны озлобить на вѣки родственниковъ его. Долговременныя болѣзни и печали сдѣлали его ни къ чему неспособнымъ; ничто его не льститъ, какъ чтобъ препроводить остатки дней своихъ въ покоѣ, гдѣ пожелаетъ, и для того проситъ престательства испросить у Ея Императорскаго Величества на то соизволенія и представить предъ ея освященное лицо письмо его.

Господинъ Тобольскій губернаторъ Осиповъ на требованіе генералъ-прокурора о жизни и поведеніи означеннаго Чоглокова въ Тобольскѣ письменно сообщилъ, что онъ не можетъ иного сказать, какъ находитъ въ немъ человѣка собственно для себя, а равно для частнаго и общественнаго блага вовсе безполезнаго, предавшагося нѣкоторымъ гнуснымъ страстямъ, исполненнаго крайняго отчаянія, относящаго тягость своего жребія не на собственный свой поступокъ, но болѣе на мнимыхъ имъ непріятелей, а потому, сострадая о его участи, надлежитъ считать его болѣе человѣкомъ помѣшаннымъ или испортившимся, нежели съ здравымъ разсудкомъ, во уваженіе чего и требующимъ, для сохраненія человѣколюбія, всегдашняго призрѣнія. Все сіе можетъ быть происходитъ и отъ того, что при ожесточеніи о судьбѣ своей не только къ безбѣдному, но и къ нужному содержанію ничего не имѣетъ, а питается отъ благотворительныхъ рукъ склоннаго къ таковымъ благодѣяніямъ тамошняго народа; но и о семъ послѣднемъ своемъ заключеніи, удовлетворительно утверждать не осмѣливается, ибо пылкость необузданной молодости и вѣтренныхъ мыслей, въ кипящей крови покорепившихся, и въ теперешнихъ зрѣлыхъ лѣтахъ, при всемъ его горестномъ положеніи, въ немъ весьма примѣтны, такъ что движенія чувствъ его наполнены совершеннаго отчаянія и жаждущія полной свободы, не столько вниманія, сколько крайняго сожалѣнія достойны. Впрочемъ г. Осиповъ пишетъ, что по полученіи всемилостивѣйшаго дозволенія отлучиться изъ губерніи, самое то повелѣніе, какое онъ о Чоглоковѣ имѣлъ, къ точному исполненію препроводилъ при отъѣздѣ своемъ къ оставшемуся въ управленіи губерніею вице-губернатору Протопопову. При семъ г. Осиповъ словесно увѣдомилъ, что отъ означеннаго Чоглокова при отъѣздѣ его сюда получилъ онъ письма, но не смѣя вручить ихъ по адресу, кому слѣдовало, отдалъ генералъ-прокурору, которыя оказались слѣдующаго содержанія:

1) Письмо къ сенатору Лукіану Ивановичу Камынину, въ коемъ

Іоглоковъ, прописывая, что онъ, будучи въ Тобольскѣ подъ вѣдомствомъ г. Осипова, наслаждался спокойною жизнію и ни отъ кого обиды не видалъ, за что проситъ изъяснить ему свое удовольствіе, а при томъ попроситъ, чтобъ онъ своимъ стараніемъ испросилъ ему свободу, чтобъ хотя въ Сибири могъ онъ быть волент, и на короткое время дозволено ему было пріѣхать въ Москву.

2) Къ княгинѣ Екатеринѣ Романовнѣ Дашковой, коимъ проситъ испроситъ ему дозволенія ѣздить по Тобольской и Иркутской губерніямъ для описанія и испытанія натуры въ сѣверныхъ краяхъ Сибири, ибо онъ пріобрѣлъ званіе разныхъ въ сѣверныхъ странахъ употребляемыхъ парѣчіевъ, чрезъ что уповаетъ трудами своими принесть отечеству плодъ, и чтобъ для пріуготовленія себя на сіе путешествіе, которое нѣсколько лѣтъ продолжаться будетъ, дозволено ему было на малое время пріѣхать въ Москву.

3) Къ генералъ-прокурору такого жъ содержанія, о чемъ писано и къ княгинѣ Дашковой.

4) Не извѣстно, какой Тарсіи Парфентьевнѣ; въ семъ письмѣ Чоглоковъ пишетъ [1]), что онъ сокрушился болѣе въ послѣдній годъ, нежели во всю бытность его въ ссылкѣ, проситъ не оставить его въ сихъ несносныхъ обстоятельствахъ, промысла никакого не имѣетъ, всегда болѣнъ, все чрезъ мѣру дорого, и не знаетъ какъ ему жить.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1780 года писалъ онъ Чоглоковъ, что ему было тогда 35 лѣтъ, слѣдовательно, нынѣ уже 38.

II.

Записка о Николаѣ Чоглоковѣ.

Отставной маіоръ Чоглоковъ содержится въ Шлиссельбургской крѣпости съ 1775 года, по высочайшему Ея Императорскаго Величества указу, данному покойному генералъ-фельдмаршалу князю Голицыну за извѣстное Ея Величеству преступленіе, которое состояло въ томъ, что онъ по производимому въ Ревельскомъ главномъ земскомъ судѣ слѣдствію оказался въ памѣреніи къ убійству ассессора барона Унгернъ-Штернберга; въ коемъ указѣ хотя и назначенъ былъ срокъ содержанія его 15 лѣтъ, но онъ по приближеніи того срока чинилъ тамъ буйственные и дерзост-

[1]) Г. Осиповъ сказывалъ, что опая Тарсія Парфентьевна находится въ Москвѣ въ Дѣвичьемъ монастырѣ, которая къ Чоглокову пересылала по малому числу денегъ.

ные поступки, о коихъ тамошній бывшій комендантъ бригадиръ Цыглеръ въ рапортѣ своемъ изъяснялъ. А потому о минованіи уже содержанію его срока, такъ и о его поступкахъ въ іюнѣ мѣсяцѣ 1790 года докладовано, за болѣзнію генералъ-прокурора, отъ графа Безбородки Ея Императорскому Величеству, на что Ея Величество высочайше указать соизволила того Чоглокова для усмиренія и воздержанія отъ дерзостныхъ поступокъ посадить въ той крѣпости въ особливую казарму до указа, въ коей онъ и содержался. А послѣ того означенный же комендантъ рапортомъ представилъ, что онъ Чоглоковъ въ своемъ проступкѣ приноситъ предъ Ея Величествомъ извиненіе и проситъ о соединеніи его съ женою и дѣтьми; то по сему Ея Величество и соизволила указать того Чоглокова изъ той казармы освободить, а содержать его въ той же крѣпости обще съ женою и дѣтьми, на прежнемъ основаніи впредь, до высочайшаго о немъ повелѣнія.

III.

Записка о Самойлѣ Чоглоковѣ.

Бывшій лейбъ-гвардіи преображенскаго полка фурьеръ Самойла Чоглоковъ, по произведенному въ тайной экспедиціи слѣдствію, оказался виновнымъ не только въ говореніи имъ дерзкихъ поносительныхъ словъ, но и въ злодѣйскомъ противъ особы Ея Императорскаго Величества намѣреніи, какъ именно по дѣлу видно за что въ декабрѣ мѣсяцѣ 1767 года, по высочайшему Ея Величества, соизволенію наказанъ розгами и посланъ къ командующему тогда по Иртышской линіи генералъ-поручику Ширингеру, коему даннымъ за собственноручнымъ подписаніемъ именнымъ Ея Величества указомъ повелѣно, чтобъ онъ опредѣлилъ его въ состоящіе тамо полки солдатомъ, и имѣть за нимъ смотрѣніе, чтобъ онъ оттуда какъ побѣга учинить не могъ, такъ поведеніе и жизнь его, какъ человѣка молодаго, стараться благопристойно поправить и если по примѣчанію его въ поведеніяхъ своихъ онъ себя исправитъ, въ такомъ случаѣ производить его и въ другіе чины по разсмотрѣнію его, безъ именнаго жъ Ея Императорскаго Величества указа, оттуда его Чоглокова никуда не отлучать и не отпускать, равно и въ отставку не отставлять. А сверхъ того, въ особомъ отъ генералъ-прокурора письмѣ на примѣчаніе къ нему жъ генералу Ширингеру отписаны всѣ природныя онаго Чоглокова дерзкія склонности и нетерпимые пороки.

А въ октябрѣ мѣсяцѣ 1774 года, бывшій въ Тобольскѣ губернаторъ Чичеринъ къ генералъ-прокурору въ отвѣтъ на его письмо писалъ слѣдующее: что сосланные въ Сибирь два брата Чоглоковы содержатся большой въ Березовѣ, а меньшой въ Мангазеѣ, но о состояніи меньшаго онъ ничего донесть не можетъ, никогда его не видалъ и не знаетъ, а по полученіи указа объ отправленіи его въ дальніе города сообщилъ къ командующему тогда на линіи генералъ-маіору Скалону, гдѣ онъ прапорщикомъ находился, и прямо оттуда чрезъ Тару отправленъ въ назначенное мѣсто.

Означенный Чоглоковъ въ Мангазею посланъ, какъ изъ сообщеннаго при письмѣ отъ генералъ-поручика Кашкина экстракта видно, въ силу присланнаго къ помянутому Чичерину изъ военной коллегіи въ 1774 году указа, но по какой причинѣ—того не извѣстно, который до того времени находился въ Омскомъ первомъ баталіонѣ прапорщикомъ, почему оный Чичеринъ отъ военной коллегіи просилъ указа, тѣмъ ли оберъ-офицерскимъ чиномъ въ содержаніи въ Мангазеѣ его числить; и на сіе къ нему изъ той коллегіи писано, что какъ оный Чоглоковъ, будучи въ Омской крѣпости, за чинимые имъ непорядки написанъ изъ прапорщиковъ въ солдаты, а потомъ прежній чинъ его возвращенъ генералъ-поручикомъ Деколонгомъ, то и предписано ему Деколонгу прислать въ коллегію рапортъ, за какіе именно непорядочные поступки и когда оный Чоглоковъ былъ написанъ въ рядовые, также и почему прапорщичій чинъ ему отданъ; а между тѣмъ въ содержаніи его Чоглокова въ Мангазеѣ числить солдатомъ.

IV.

О преступленіяхъ трехъ братьевъ Чоглоковыхъ.

Преступленія трехъ братьевъ: Наума, Николая и Самойлы Чоглоковыхъ, состоятъ въ слѣдующемъ:

1) Подполковникъ Наумъ Чоглоковъ, будучи въ Грузіи въ корпусѣ генералъ-маіора графа Тотлебена волонтеромъ, явился ослушнымъ своему командиру, а при арестѣ за сіе произносилъ предъ нимъ и дерзкія слова, и не только что называлъ его графа измѣнникомъ, но и себя поставлялъ въ Россіи третьею персоною; за которыя его преступленія въ 1771 года опредѣленіемъ военной коллегіи велѣно, лиша его чиновъ, написать въ солдаты въ сибирскій

гарнизонъ, для чего и посланъ онъ былъ въ Березовъ, съ тѣмъ чтобъ содержать его тамъ десять лѣтъ, производя изъ казны жалованье и провіантъ обыкновенный по гарнизонному окладу. А въ 1781 году, по высочайшему Вашего Величества соизволенію, по прошенію того Чоглокова переведенъ онъ изъ Березова въ Тобольскъ для пзлѣченія его болѣзней, съ тѣмъ однакожъ, чтобъ его оттуда никуда не выпускать; въ Тобольскѣ живучи онъ довольное время, просилъ тамошняго губернатора о препровожденіи просьбы его къ Вашему Величеству, состоящей въ томъ, чтобъ повелѣно было ему остатки дней своихъ препроводить въ покоѣ, гдѣ пожелаетъ; но какъ губернаторъ засвидѣтельствовалъ объ немъ, что онъ замѣченъ имъ человѣкомъ болѣе помѣшанным или испортившимся, нежели съ здравымъ разсудкомъ, а потому де и заслуживаетъ токмо человѣколюбиваго призрѣнія, впрочемъ даже и къ нужному содержанію ничего не имѣетъ, а питается отъ благотворительныхъ рукъ—по сему засвидѣтельствованію Вашему Величеству угодно было въ генварѣ мѣсяцѣ 784 года высочайше указать генералъ-поручику и кавалеру Кашкину, чтобъ оному Чоглокову производить на содержаніе безъ огласки изъ казны по 100 руб. въ годъ и оставить на прежнемъ основаніи, которые и производятся.

2) Отставной маіоръ Николай Чоглоковъ, по произведенному въ Ревельскомъ главномъ земскомъ судѣ слѣдствію, оказался въ намѣреніи къ убійству ассессора барона Унгернъ-Штернберга, за что въ 1775 году, по высочайшему Вашего Величества соизволенію, и посланъ къ содержанію въ Шлиссельбургскую крѣпость на 15 лѣтъ; во время жъ содержанія его тамъ женился онъ на дочери бывшаго тамъ комендантомъ полковника Бередникова и прижилъ въ теченіи онаго времени восьмерыхъ дѣтей; по минованіи жъ положеннаго содержанію его срока, онъ бывшему коменданту бригадиру Цыглеру дѣлалъ разныя укоризны, для чего объ немъ не докладывалъ Вашему Величеству, а наконецъ, не удовольствуясь и тѣмъ, подучилъ жену свою выпроситься на форштатъ подъ образомъ законныхъ надобностей, чтобъ она тайнымъ образомъ оттуда уѣхала и подала бы письмо Вашему Величеству о ихъ свободѣ, которая все то и исполнила и въ саду Царскаго Села осмѣлилась то письмо Вашему Величеству подать, за которую его дерзость и взята была подъ стражу и отослана паки въ прежнее мѣсто, съ таковымъ повелѣніемъ, чтобъ его Чоглокова за учиненную предъ комендантомъ дерзость и за наученіе жены

своей посадить въ особливую казарму до указа, въ коей онъ и содержался; но послѣ сего означенный комендантъ рапортомъ представилъ, что онъ Чоглоковъ въ проступкѣ своемъ приносилъ предъ Вашимъ Величествомъ извиненіе и просилъ о соединеніи его съ женою и дѣтьми; то и угодно было Вашему Величеству высочайше повелѣть изъ той казармы его освободить, а содержать въ той же крѣпости обще съ женою и дѣтьми, на прежнемъ основаніи, впредь до высочайшаго повелѣнія.

3) Лейбъ-гвардіи преображенскаго полка фурьеръ Самойла Чоглоковъ, по произведенному въ тайной экспедиціи слѣдствію, оказался виновнымъ не только въ говореніи имъ дерзкихъ поносительныхъ словъ, но и въ злодѣйскомъ противу особы Вашего Величества намѣреніи; за что въ 767 году, по высочайшему Вашего Величества соизволенію, наказанъ розгами и посланъ къ командующему тогда по Иртышской линіи къ генералъ-поручику Ширингеру, коему предписано было, чтобъ онъ опредѣлилъ его Чоглокова въ состоящіе тамо полки солдатомъ и имѣть за нимъ смотрѣніе, чтобъ онъ оттуда побѣгу учинить не могъ, а поведеніе и жизнь его, какъ человѣка молодаго, стараться благопристойно поправить, и если, по примѣчанію его, въ поведеніяхъ своихъ онъ Чоглоковъ себя исправитъ, въ такомъ случаѣ произвесть его и въ другіе чины, а потому и произведенъ онъ былъ въ Омскій первый баталіонъ прапорщикомъ; но послѣ за чинимые имъ въ Омской крѣпости непорядки, въ 774 году, по опредѣленію военной коллегіи написанъ въ солдаты и сосланъ въ Мангазею, гдѣ и помре.

V.

Всеподданнѣйшій докладъ генералъ-прокурора дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Самойлова.

По прошенію родственниковъ извѣстныхъ Чоглоковыхъ угодно было Вашему Величеству мнѣ высочайше повелѣть изъ дѣла объ нихъ сочинить записку; вслѣдствіе чего въ то жъ время отъ меня, по случаю производства объ нихъ въ тайной экспедиціи дѣлъ, препоручено было сіе покойному тайному совѣтнику Шешковскому, который за болѣзнію свою по самую кончину оной мнѣ доставить не могъ.

По разсмотрѣніи всего того, что до нихъ Чоглоковыхъ по тайной экспедиціи относилось, подношу у сего краткую записку о

преступленіяхъ сихъ трехъ братьевъ: Наума, Николая и Самойлы Чоглоковыхъ, куда они сосланы, когда и на какомъ положеніи содержать ихъ велѣно. Какъ же родственники оныхъ Чоглоковыхъ всеподданнѣйше просятъ Ваше Величество позволить помянутымъ двумъ братьямъ Науму и Николаю, окромѣ Самойлы, который уже помре, жить въ Рижской губерніи въ городѣ Дерптѣ [1]); присмотръ же за ихъ поведеніемъ и имѣніе препоручить въ опеку ближайшему ихъ родственнику графу Минниху, жительствующему близъ того города Дерпта, который и самъ за все оное отвѣчать обязуется, то я, соображая всѣ обстоятельства, касательно преступленій ихъ, осмѣливаюсь съ моей стороны представить здѣсь Вашему Величеству мое мнѣніе, что сіи преступники Чоглоковы, по ихъ дерзостямъ, пылкимъ и несмягчительнымъ правамъ, едва ли бы по правосудію заслуживали какое снисхожденіе къ ихъ судьбѣ; но единое токмо высочайшее Вашего Императорскаго Величества милосердіе и состраданіе къ несчастнымъ въ состояніи преклонить на милость къ нимъ Ваше Величество и облегчить ихъ жребій; почему, пріемля въ основаніе къ моему мнѣнію матернее Вашего Величества человѣколюбіе, и полагаю слѣдующее:

Въ Дерптѣ жить имъ кажется совсѣмъ не возможно; ибо какъ они въ тамошнихъ мѣстахъ суть весьма гласные преступники, то прибытіе ихъ туда не можетъ сдѣлать пріятнаго тамошнимъ жителямъ впечатлѣнія, тѣмъ паче, что одинъ изъ нихъ и въ преступленіе свое впалъ, бывши въ тамошнихъ мѣстахъ; а не угодно ли будетъ Вашему Величеству Наума оставить въ Тобольскѣ, хотя и на прежнемъ основаніи, но съ тѣмъ однакожъ что какъ онъ уже лѣтъ немолодыхъ, удрученъ болѣзнями, а сверхъ того, принялъ къ себѣ женщину, о которой хотя изъ донесеній не видно, чтобъ былъ на ней женатъ, но называетъ ее женою, и имѣетъ отъ нее сына, то бы, воззря на сіе милостивымъ окомъ, опредѣлить ему на пропитаніе изъ доходовъ ихъ по 600 руб. на годъ [2]), дабы онъ чрезъ то, вопервыхъ избѣгнулъ того, чтобъ питаться отъ благотворительныхъ рукъ, а вовторыхъ, при немолодыхъ своихъ лѣтахъ и при болѣзни, провелъ остатокъ дней своихъ въ лучшемъ покоѣ и сыну своему нѣкоторое могъ дать воспитаніе.

---

[1]) У Чоглоковыхъ были имѣнья въ Лифляндіи (см. Осмнадцатый Вѣкъ. *П. И. Бартенева*, III, стр. 238).

Прим. изд.

[2]) Нынѣ получаетъ онъ по 100 р. въ годъ изъ казны.

Что жь касается до Николая, то сей имѣетъ еще болѣе нужды въ милосердіи Вашего Величества; ибо хотя онъ и воспользовался тою монаршею Вашего Величества милостію, что изъ имѣющихся у него восмерыхъ дѣтей, трое отъ него взяты и отданы: два сына— одинъ въ корпусъ, а другой въ пансіонъ, дочь же въ воспитательный домъ благородныхъ дѣвицъ, но при немъ еще остается пятеро, изъ коихъ нѣкоторые больны, а другіе совсѣмъ въ разслабленіи, что̀ приписать можно, кажется, ближе всего сырости тамошняго мѣста, почему если не для него, то по крайней мѣрѣ для сихъ несчастныхъ, не угодно ли будетъ Вашему Величеству послать его съ семействомъ въ Ярославскую губернію въ городъ, который найдетъ для нихъ способнымъ тамошній правящій должность генералъ-губернатора г. генералъ-поручикъ Лопухинъ (сіе мѣсто для ихъ пребыванія потому я осмѣливаюсь назначить, что есть отъ родственниковъ его извѣстно, что г. Лопухинъ ихъ фамиліи знакомъ), предписавъ однакожь ему, чтобъ онъ за жизнію и поведеніемъ той семьи имѣлъ прилежное наблюденіе, дабы жили тихо, смирно и спокойно, а Чоглокову при свободѣ объявить, что онъ по дѣяніямъ своимъ не заслуживаетъ таковой высочайшей милости, но сіе дѣлается ему единственно изъ милосердія Вашего Величества, съ тѣмъ притомъ, что если онъ и за симъ не будетъ кротокъ и не поведетъ себя порядочно, тогда уже запертъ будетъ и въ отдаленнѣйшую крѣпость, по смерть; на пропитаніе жь ему положить по великости его семьи по 1,200 руб. на годъ [1]) изъ ихъ же доходовъ, впрочемъ оттуда его никуда не отпускать и о состояніи его по прошествіи каждой трети меня увѣдомлять.

Что жь принадлежитъ до опеки, то какъ его сіятельство графъ Иванъ Андреевичъ Остерманъ [2]), ведетъ оную въ совершенной аккуратности и вѣрности, то перемѣнять его, кажется, нужды не стоитъ.

Впрочемъ все сіе предаю прозорливому Вашего Величества соизволенію.

Докладъ этотъ удостоился утвержденія императрицы въ іюнѣ 1794 г.

---

[1]) Нынѣ получаетъ по 600 руб. въ годъ изъ своихъ доходовъ.

[2]) По увѣдомленію его сіятельства, денегъ изъ доходовъ ихъ въ банкъ доставлено до 170,000 руб.

ДАЛЬНІЙ ВОСТОКЪ ПРИ ЕКАТЕРИНѢ II.

I.

ПОВѢГЪ БЕНІОВСКАГО И ЕГО ТОВАРИЩЕЙ.

Баронъ Морицъ Аладаръ де-Беневъ (какъ онъ называлъ себя при подписи своего имени), въ Россіи именовавшійся Бейноскомъ или Беніовскимъ, принадлежитъ къ разряду тѣхъ искателей приключеній, какихъ много было въ XVIII вѣкѣ. Венгерецъ родомъ, онъ служилъ польскимъ конфедератамъ и въ 1768 г. взятъ былъ Русскими въ плѣнъ, но отпущенъ на честное слово, что не будетъ служить противъ нашихъ войскъ. Не сдержавъ однако своего обѣщанія и будучи снова захваченъ нашими войсками, Беніовскій былъ отправленъ на жительство въ Казань, а за попытку бѣжать оттуда, сосланъ въ Вольшерѣцкъ въ Камчаткѣ. Здѣсь Беніовскій въ 1771 г. подговорилъ нѣсколькихъ ссыльныхъ и нѣкоторыхъ другихъ лицъ бѣжать, овладѣвъ русскимъ военнымъ судномъ, и попытка эта имъ удалась. Это-то смѣлое предпріятіе, и затѣмъ, дальнѣйшая судьба большей части русскихъ товарищей Беніовскаго и описаны въ нижеслѣдующемъ повѣствованіи, которое было составлено однимъ изъ бѣглецовъ Судейкинымъ по запискамъ другого, казака Рюмина, и въ 1773 г., подано нашему резиденту во Франціи Н. К. Хотинскому достигшими Парижа русскими странниками, изъявившими желаніе возвратиться въ отечество. Просьба ихъ была удовлетворена.

Предлагаемый разсказъ въ 1822 г. былъ напечатанъ В. Н. Берхомъ въ Сѣверномъ Архивѣ и отдѣльно, подъ неправильнымъ заглавіемъ: „Записки канцеляриста Рюмина о приключеніяхъ его съ Беніовскимъ“. Здѣсь онъ печатается въ исправномъ видѣ.

Свѣдѣнія о побѣгѣ Беніовскаго и его товарищей, а также перечень относящихся къ этому событію сочиненій, находятся въ составленной (по офиціальнымъ документамъ) графомъ Д. Н. Блудовымъ запискѣ, которая напечатана при его біографіи, написанной Е. П. Ковалевскимъ, и въ Русскомъ Архивѣ 1865 г., ст. 417—438. Дополненія къ этой запискѣ находятся тамъ-же, ст. 859—862 и 895—896.

Д. Д.

Описаніе о разбитіи россійскаго города, состоящаго въ Камчатской землѣ, называемаго Большерѣцкъ, и о убитіи тамошняго Камчатскаго главнаго командира и о взятіи находящейся тамо канцеляріи и въ ней государственной денежной и ясашной казны, мягкой рухляди, также артиллеріи съ ея припасы, пороху, пушекъ и прочихъ воинскихъ снарядовъ и другихъ матеріаловъ; и о забраніи въ то время въ полонъ нѣсколько разныхъ чиновъ людей, находившимся тогда въ Большерѣцкѣ, присланными въ ссылку на житье польскими мятежниками и бродягами: Венгерцомъ Бейноскомъ и Шведомъ Винбландомъ, тако жь и россійскими бывшими капитанами Ипполитомъ Степановымъ и Васильемъ Пановымъ, да бывшимъ же полковникомъ Асаѳомъ Бутурлинымъ и бывшимъ же Петромъ Хрущевымъ, крестьяниномъ Григорьемъ Кузнецовымъ и прочими ихъ согласниками: Охотскаго порта штурманомъ Максимомъ Чуринымъ, да бывшаго купца Ѳедора Холодилова, нанятыми къ слѣдованію въ морской вояжъ на его суднѣ на Алеутскіе морскіе острова, для ловли звѣрей работными людьми и ихъ прикащикомъ, Тотемскимъ посадскимъ Алексѣемъ Чулошниковымъ. И по учиненіи того о отбытіи сихъ всѣхъ злодѣевъ изъ Большерѣцка на поромахъ, по Большой рѣкѣ, къ состоящей близъ моря, такъ называемой Чеиявинской гавани, и о взятіи состоящаго тамо, а прибывшаго изъ Охотскаго порта, казеннаго морскаго судна, галіота, именуемаго св. Петръ. И о отправленіи жь на томъ со всѣми людьми въ море, и по выходѣ въ море, о бытіи на разныхъ островахъ и въ разныхъ городахъ и Европѣ, и что тамо происходило, тако жь и какіе на островахъ люди жительство имѣютъ, и чѣмъ изобилствуютъ, и гдѣ сколько времени судномъ стояли и что видѣли, и о прочемъ происхожденіи, даже до прибытія до острова португальскаго Макао, а оттоль о слѣдованіи жь на французскихъ фрегатахъ Дофинѣ и Дела-Верди до французскихъ городовъ Морицій и Иллуріана, и о прочемъ. Сочинено съ собственныхъ записокъ Ивана Рюмина, въ городѣ французскаго владѣнія, въ портъ Луи, что въ Малой Британіи, въ 773 году февраля 14-го дня.

I.

О разбитіи города Большерѣцка и о взятіи канцеляріи и денежной казны и прочаго, тако жь и о убитіи командира, и о отбытіи изъ того города къ морю рѣкою на поромахъ въ гавань, и о слѣдованіи въ вояжъ на казенномъ суднѣ, и о прочемъ.

1771 года апрѣля съ 26-го на 27-е число въ ночи, упомянутые польскіе мятежники и бродяги, Венгерецъ Бейноскъ и Шведъ Винблантъ, съ прочими вышеписанными людьми и согласники, нечаяннымъ образомъ вооруженною рукою, вопервыхъ, атаковавъ комендантскій казенный домъ и ворвавшись во оный, находящагося тутъ командира, капитана Нилова, въ его спальнѣ захватя, убили до смерти; а потомъ по убитіи того, пошли къ камчатской Большерѣцкой канцеляріи, и по приходѣ, оную атаковавъ же, взяли, и вошедъ въ состоящіе близь оной казенные цейгхаусъ и анбары, гдѣ лежали пороховая казна, артиллерійскіе припасы и другіе военные снаряды, тако жь и ясашная казна, собранная съ ясашныхъ Камчадаловъ, то есть, соболи и лисицы; потому жь все оное взяли и по взятіи всего казеннаго, поставя около канцеляріи, то есть, пушки и одну мортиру, и зарядя пушки ядрами и картечами, и разставя изъ тѣхъ злодѣевъ вооруженныхъ пристойное число людей въ караулъ, находились до самаго свѣта, то есть, до того 27-го числа апрѣля, а стоящихъ въ канцеляріи часоваго и караульныхъ всѣхъ взяли подъ караулъ, и совсѣмъ усилились, и такимъ нечаяннымъ образомъ привели ихъ въ страхъ, кои бывъ въ совершенной утроплености, не смѣли и словомъ попротивиться; а къ тому и Большерѣцкій городъ не большой и кромѣ строеній ничѣмъ не укрѣпленъ, да и жительскихъ домовъ не много, а казаковъ всѣхъ считается старыхъ и малолѣтнихъ человѣкъ съ семдесятъ; изъ того числа изъ нихъ были въ раскомандированіи за разными казенными дѣлами нѣсколько человѣкъ.

Потомъ по разсвѣтѣ, по полуночи часу въ 7 по утру, означенный Венгерецъ, какъ уже оказалось, что онъ въ томъ дѣлѣ былъ главный зачинщикъ и предводитель, приказалъ чрезъ посланныхъ отъ себя взять сильною рукою живущихъ въ Большерѣцкѣ разныхъ людей, ничего о томъ не свѣдущихъ, коихъ всѣхъ и упо-

нить не можно, въ томъ числѣ и Большерѣцкій канцеляріи двухъ канцелярис говъ. Спиридона Судейкина, Ивана Рюмина и трехъ штурманскихъ учениковъ, а по взятіи содержать въ канцеляріи, гдѣ оные и содержались, а въ то время оный Венгерецъ Бейноскъ находился со всѣми единомышленниками своими въ канцеляріи безвыходно и присутствовалъ въ судейской каморѣ за судейскимъ столомъ, а часу въ девятомъ оный Бейноскъ приказалъ имѣющееся въ Большерѣцкѣ казенное хлѣбное вино, которое привезено было изъ Охотскаго порта, взять въ канцелярію, изъ котораго двѣ фляги, чрезъ посланнаго отъ него товарища его Шведа Виндланда съ командою изъ сказаннаго командирскаго дому (кое тамъ содержалось), и взято и принесено въ канцелярію, да въ то жь время изъ казеннаго жь питейнаго дому собранная, за продажное казенное вино, денежная казна взята жь ими въ тое жь канцелярію; и изъ того вина попль, какъ своихъ единомышленниковъ, такъ и другихъ Большерѣцкихъ, находящихся подъ карауломъ, жителей (кои за страхъ и пили), а изъ взятой, какъ изъ питейнаго дому, такъ имѣющейся въ канцеляріи денежной казны, чинилъ разнымъ купцамъ, случившимся тогда въ Большерѣцкѣ, раздачу, а за что — не извѣстно. Такожь и согласникамъ своимъ раздавывалъ, изъ коихъ крестьянинъ Кузнецовъ взялъ одинъ три тысячи рублевъ, и въ то же время убитаго командира приказалъ погребсти, котораго и погребли у святой Успенской церкви. И такъ находились въ городѣ и исправлялись къ морю до 29-го числа апрѣля.

А до того, то есть, 28-го числа, приказалъ оный Бейноскъ изготовить на Большой рѣкѣ близъ города нѣсколько поромовъ и для того собрать боты или лодки у тамошнихъ казаковъ и у жителей, которые и были изготовлены, числомъ одиннадцать, на которые, уже 29-го числа того жь апрѣля, нагрузя артиллерію, порохъ и другіе снаряды, также казенное достальное вино, съѣстные припасы и казенный ржаной провіантъ и казенную жь мягкую рухлядь, только одни соболи и лисицы оставлены въ Большерѣцкой канцеляріи, и посадя всѣхъ людей, какъ его единомышленниковъ, такъ и взятыхъ подъ караулъ, а прочихъ жителей яко во аманаты, а для сплаву и работы въ гавани взявъ всѣхъ казаковъ, кромѣ малолѣтныхъ, отправился къ Большерѣцкому устью, по полудни во 2-мъ часу, а въ Большерѣцкѣ оставленъ отъ того Бейноска командиромъ штурманскій ученикъ Василій Софьинъ. И переплывъ до устья, остановились на дорогѣ, близъ камчадальскаго Катоповскаго острожка, и разставя караулъ и пикеты, имѣли ночевъ.

30-го числа апрѣля по утру приказалъ означенный Венгерецъ Бейноскъ всѣмъ поромамъ слѣдовать къ гавани Чекавинской, къ которой и прибыли по полудни часу въ 5-мъ и пребывъ, сгрузя всѣ свои припасы и матеріалы на берегъ, разставили палатки; а потомъ, того жь числа, означенный Венгерецъ Бейноскъ чрезъ штурмана Чюрина находящимся всѣмъ въ командѣ людямъ приказалъ состоящее въ той гавани казенное судно, галіотъ св. Петра (которое еще было во льду), окалывать въ самой крайней скорости, по которому приказу оное судно чрезъ два дня, то есть, уже мая къ 2-му числу, окололи и совсѣмъ отаклажили, и того жъ 2-го числа вывели изъ гавани къ устью Большой рѣки; а потомъ и на рейду къ слѣдованію въ вояжъ. И такъ жили и исправлялись мая по 12-е число.

II.

О выходѣ галіота св. Петра изъ устья Большой рѣки въ море, и о прибытіи на Курильскій островъ, и о происхожденіи тамъ, до отправленія паки въ море.

12-го числа мая, означенный Бейноскъ приказалъ всѣ имѣющіеся на берегу устья разные припасы и матеріалы перевозить на судно, а потомъ и людямъ собрався и поднявъ якорь, слѣдовать въ вояжъ; по которому приказу все тогда жь и исправлено, и по исправленіи всего, оставя на берегу взятыхъ изъ Большерѣцка въ амапатм, а именно: Тотемскаго купца Петра Казаринова и прочихъ, также изъ взятыхъ въ работу казаковъ съ ботами, подняли якорь, и распустя парусы, пошли въ море и слѣдовали моремъ съ 12-го по 16-е число, а того числа увидѣли небольшой неизвѣстный островъ, который въ вечеру и минували, а въ ночи на 17-е число видно было нѣсколько острововъ, а по утру 17-го числа завидѣли большой островъ и дошли до него 18-го числа, и увидѣли бухту или способную ко входу гавань, въ которую того жь числа въ вечеру и пошли благополучно, и по входѣ, того жь вечера посланъ былъ отъ того Бейноска вышеписанный крестьянинъ Кузнецовъ (который у него былъ за адъютанта) съ даннымъ ордеромъ и пристойною командою на берегъ въ яботѣ, для осмотра того острова и живущихъ на немъ людей, который возвратясь рапортовалъ, что они ничего найдтить и увидѣть не могли, а только привели съ собою одну курильскихъ родовъ собачку небольшую, почему сей островъ и узнали, что онъ Курильскій семнадцатый, называемый по курильски Шкоза. И переночевавъ на суднѣ, въ слѣдующій день, то есть, 19-го мая, расфортовя судно, сошли люди

на берегъ, гдѣ производили печеніе хлѣбовъ, тако жь и сушили въ вояжъ сухари и исправляли на суднѣ разную работу и шили флаги и вымпелъ аглинскіе, которые по исправленіи и на мачтахъ были поставлены, и за всѣмъ тѣмъ пробыли на томъ острову до 29-го числа мая.

А того 29-го числа, упомянутый Венгерецъ Бейноскъ находящихся на томъ суднѣ взятыхъ изъ Большерѣцка штурманскаго ученика Герасима Измайлова, Камчадала Алексѣя Паранчина и жену его Паранчина Лукерью Иванову, сочиня самъ письменное опредѣленіе, приказалъ высѣчь кошками, которые и высѣчены, и потомъ, согласясь со единомышленниками, приказалъ же служителямъ оныхъ трехъ человѣкъ на судно не брать, а оставить на томъ пустомъ Курильскомъ острову, которые и оставлены, и на пропитаніе имъ дано нѣсколько ржанаго провіанта; сверхъ же тѣхъ и другіе служители, то есть, штурманскій же ученикъ Филипп Зяблинъ и матросъ Софроновъ, тогда жь были кошками сѣчены, потому что, какъ открылось, что они всѣ вознамѣрились, какъ они есть дѣти отечества, сдѣлать то, чтобъ всѣхъ тѣхъ злодѣевъ на суднѣ погубить, а самимъ съ прочими слѣдовать обратно въ Большерѣцкое устье; но изъ нихъ одинъ сдѣлался нущій злодѣй, который обо всемъ томъ донесъ, за что бѣдные люди и пострадали.

По учиненіи того, убоясь оный Венгерецъ того, чтобъ, стоя на острову, и всѣ взятые неволею люди не возмутились и не учинили бъ имъ смертнаго убійства, приказалъ всѣмъ своимъ согласникамъ и взятымъ людямъ собраться съ берегу на судно, и по собраніи, подняв якорь и распустивъ парусы, пошли тотчасъ въ море, въ которое время вѣтръ къ выходу былъ способный, при которомъ выходѣ, оставленные бѣдные на берегу ученикъ Измайловъ и Камчадалъ съ женою кричали и плакали, что къ немалому сожалѣнію и слезамъ всякому совѣстному человѣку представить надобно, чего надъ варварами сдѣлать не можно. И такъ отправились благополучно.

III.

О слѣдованіи галіота св. Петра изъ Курильской бухты къ Японскимъ берегамъ, и о бытіи въ Японской губѣ, и что тамо учинено, даже до отбытія въ море.

Упомянутаго 29-го числа мая, по выходѣ галіота св. Петра въ море, до 6-го числа іюня ничего примѣчено не было на морѣ, а

6-го числа въ ночи, вдругъ увидѣли на суднѣ на самомъ носу воздушный огонь или свѣтъ, который чрезъ короткое время погасъ (который Европейцы, будучи въ мореплаваніи, приписываютъ себѣ за счастіе и къ похвалу Божіей Матери почитаютъ за Ея вѣнецъ), да и послѣ того на 9-е число въ ночи жь тотъ же свѣтъ видѣли, который вскорѣ жь кончился.

15-го числа іюня видѣли въ морѣ разныхъ родовъ морскихъ рыбъ въ безчисленномъ множествѣ, изъ коихъ нѣкоторыя цѣлыми стадами летали по верхъ воды, имѣя у себя крылья. Видомъ оная какъ ряпуха, и называютъ ее всѣ описатели мореплаванія, особливо господинъ Ансонъ, летучею рыбою, какова въ самомъ дѣлѣ есть; она летаетъ по поверхности воды разстояніемъ сажень на сто или болѣе; сказываютъ объ ней въ Европѣ, что она летаетъ больше, убѣгая отъ морской рыбы бонить, которая за нею гоняется и ловитъ себѣ въ пищу. Бонитъ же рыба есть иная, такъ велика, что пудовъ въ десять и больше, а иная и меньше, видомъ нѣсколько походитъ на сазана, только противъ его очень толста и тѣломъ красная, которую мы уже послѣ и въ пищу употребляли.

16-го числа изловлена была одна морская рыба не малая, у которой найдено прильнувшихъ на поверхности ея двѣ маленькія рыбки, съ немалыми перьями, и ту большую рыбу варили и въ пищу жь употребляли, которая вкусомъ весьма изрядная. И такъ шли судномъ іюля по 8-е число, претерпѣвая, сколько отъ недостатка воды, а паче и отъ великаго солнечнаго зною, несносную тягость; а пищу имѣли только одни сухари и хлѣбъ, и тѣ уже заплѣсневѣлые.

Іюля съ 2-го на 3-е число съ ветера сдѣлался въ морѣ превеликій штормъ, который продолжался даже до 6-го числа, въ которое время уже были всѣ въ отчаяніи своего спасенія, и такъ усилился, что судно совсѣмъ (перебрасывая погруженную кладь съ одной къ другой сторонѣ) едва не опрокинуло, а 6-го числа по утру погода перемѣнилась, и штормъ погихъ.

7-го числа іюля завидѣли въ морѣ въ правой рукѣ землю или островъ большой, къ которому и подошли около вечера, и подобравъ парусы, стали на якорь и увидѣли на берегу на разныхъ мѣстахъ раскладенные огни. А по утру, то есть, 8-го числа іюля, увидѣли на берегу стоящихъ людей, которые махали руками, дая знать, чтобъ на тотъ островъ не приставать, указывая для отходу отъ того въ море; однакожь означенный предводитель Венгерецъ Бейпоскъ приказалъ спустить съ судна яботъ, на которомъ отъ

него и отправлены Шведъ Випбландъ и Ипполитъ Степановъ и съ ними пристойное число людей, которыхъ хотя на берегъ и не допускали, но однакожь они къ берегу пристали и вышли изъ ялбота на берегъ, гдѣ тогда было въ собраніи множество тамошняго народу, которые всѣ были Японцы. И тотъ островъ Японскій, и какъ наши люди у тѣхъ Японцовъ въ жилище ходили, тогда тѣ Японцы подчивали ихъ випомъ и пшеномъ сорочинскимъ; а потомъ они Японцы, взявъ въ свою лодку Випбланда и Степанова, а наши люди сѣвъ въ ялботъ и возвратясь обратно, прибыли къ судну, о чемъ оные и рапортовали, и тѣ прибывшіе Японцы приняты честно и обдаря отпущены обратно на берегъ; но притомъ спрашивано у нихъ, за незнаніемъ ихъ языка, чрезъ знаки, не имѣется ли гдѣ способной гавани или бухты для пристанія суднома и для взятія прѣсной воды; и показали намъ въ сѣверной сторонѣ отъ ихъ мѣста, на томъ же острову, пристойную ко входу и стоянію судна бухту. И такъ, того жь числа пошли къ оной, и не доходя оной, встрѣтили насъ, вопервыхъ, двѣ лодки, изъ которыхъ съ одной пришелъ на судно одинъ главный Японецъ съ командующими, а потомъ пришли еще три лодки, и по приказу того ихъ главнаго, судно наше введено въ тое бухту буксирами; и какъ скоро вошли въ бухту, то подобравъ паруса стали на якорь. Опая бухта окружена съ приходу съ правой стороны горами и лѣсомъ, а между тѣмъ на той же сторонѣ, какъ видно было съ судна, состоитъ японское жилище на подобіе какъ нашей россійской деревни, въ которомъ строеніе видно было деревянное и каменное по ихъ манеру, не очень порядное, также и около того жилища сдѣлана невысокая каменная стѣна на подобіе крѣпостцы и одна для входу ворота, а съ лѣвой стороны окружена превысокими жь горами и лѣсомъ.

И какъ суднома стали на якорь, то тогда же, спустя съ судна ялботъ съ пристойнымъ числомъ людей, отправили было на берегъ для взятія прѣсной воды; и какъ ялботъ лишь только къ берегу прибылъ, то тогда стоящіе на берегу Японцы махали руками, чтобъ на берегъ не ходили, и маячили, что если де они пустятъ насъ на берегъ, то де имъ всѣмъ головы срубятъ. И съ тѣмъ наши возвратились къ судну обратно, а потомъ и Японцы къ намъ на судно пришли, и къ вечеру привезли къ намъ нѣсколько воды и пшена, а около судна къ ночи поставили свой караулъ въ двухъ лодкахъ на якоряхъ съ зажженными бумажными фонарями, который караулъ у нихъ былъ всегда днемъ и ночью, даже до нашего въ

море выходу, чтобъ насъ не допустить на землю, или для чего иного—не извѣстно; въ ночи жь на берегахъ стояли такіе жь фонари съ огнями. И на другой день, то есть, 9-го числа, на томъ же ялботѣ пошелъ означенный предводитель Бейпоскъ съ людьми на берегъ; но встрѣтившія и караульныя японскія лодки до берегу по тому жь не допустили, а они всегда къ намъ на судно приходили по нѣскольку человѣкъ, въ числѣ коихъ были и ихъ японскіе старшины и ламы (попы), также и монахи, у которыхъ монаховъ на поясахъ привязаны деревянные черные, также и костяные бѣлые вырѣзанные болванчики или идолы. Оные всѣ люди ходятъ по тамошнему жаркому воздуху босыми ногами, платье имѣютъ легкое шелковое и бумажное, называемое азямами или халаты широкорукавые разныхъ цвѣтовъ, а у ламовъ бѣлое, у монаховъ черное съ бѣлымъ. Ламы и монахи, кромѣ простыхъ, имѣютъ всѣ головы бритыя; нѣкоторые Японцы носятъ и сабли, почему признаваются тѣ за начальныхъ и военнослужащихъ людей; волосы они всѣ на головахъ спереди до половины головы (это полголовы значитъ у нихъ луна, потому, что они лунѣ поклоняются) подбриваютъ, а съ затылку забираютъ къ верху, и намазавъ какою-то мастью (которая такъ черна, что отъ нея лоскъ бываетъ), связываютъ бѣлою небольшою перевязкою такъ крѣпко, что не могутъ они распускаться; шапокъ не имѣютъ, а носятъ изрядно плетеныя изъ травы шляпы; бороды всѣ вообще брѣютъ, въ рукахъ имѣютъ вѣеры, а надъ собою зонтики отъ дождей и на поясахъ коробочки лаковыя съ ароматами и трубочки съ табакомъ, которыми всегда курятъ табакъ.

Во все наше тутъ бытія время, пріѣзжая изъ разныхъ бухтъ, ходили на многихъ лодкахъ около судна Японцы и ихъ женщины и дѣвки, изъ которыхъ есть весьма хорошаго виду. Нѣкоторыя изъ тѣхъ женщинъ волосы на головахъ по ихъ манеру очень хорошо убираютъ на подобіе павлинова хвоста, и какъ видно, что тотъ уборъ на булавкахъ или проволокѣ сдѣланъ.

А когда оные Японцы къ намъ приходили на судно, тогда имъ объявлено было, что мы Голландцы и идемъ въ Нангазаки, такъ называемый японскій городъ, который стоитъ на острову жь, отъ большаго острова, гдѣ мы стояли, верстахъ въ 50-ти или болѣе, въ которомъ имѣютъ съ ними коммерцію одни Голландцы, при чемъ мы ихъ дарили соболями и другими вещами и потчивали россійскою водкою, а они, напротивъ того, привозили къ намъ пшена, воды и ихъ японскаго вина. И такъ мы стояли судномъ

даже до 12-го іюня, а до отбытія нашего еще за день, то есть, 11-го числа, тѣ Японцы налили намъ всѣ имѣющіяся въ суднѣ бочки прѣсною водою (по японски вода—мизю) и насыпали одну бочку пшена и привезли мѣшокъ соли, а прежде того писалъ командиръ или предводитель Бейноскъ въ Нангазаки къ Голландцамъ письмо увѣдомительное и отдалъ Японцамъ для пересылки, кое отослано или удержано ими Японцами—не извѣстно.

12-го числа приказалъ означенный предводитель Бейноскъ, подняв якорь и распустя паруса, слѣдовать изъ бухты въ море, и какъ лишь только начали якорь вынимать, то они Японцы съ начальникомъ просили предводителя, чтобъ еще ночевать; но какъ ихъ въ томъ не послушали, то при вынимании якоря случившіеся близь судна на лодкахъ, такожъ и караульные Японцы, подошедъ къ якорному канату и ухватя оный руками, изъ чего примѣчено было, что тѣ Японцы хотѣли насъ полонить или убить до смерти, какъ то они есть идолопоклонники и крестопенавистники, какъ о томъ изъ исторіи японской видно, почему и разсудилось, что они конечно объ насъ дали знать въ городъ Меако, гдѣ была прежняя японская столица, въ которой живетъ ихъ японскій дайро (духовная большая власть) и хранится великое государственное изъ др внихъ лѣтъ сокровище; а отъ того мѣста, гдѣ мы стояли, оный городъ Меака состоитъ не далече на томъ же материомъ острову; но какъ предводитель, видя ихъ насильство, то приказалъ изъ пушекъ выпалить, и тогда всѣ въ лодкахъ Японцы попадали отъ страху, а прочіе угребли къ берегамъ. И такъ мы, подняв якорь и распустя паруса, пошли въ море, и если бы, по ихъ японской просьбѣ, еще ночевали мы одну ночь (въ которую, можетъ быть, ожидали они изъ Меако повелѣнія), то бъ они насъ живыхъ конечно не выпустили; ибо мы по прибытіи въ Макао тамошними жителями увѣрены, что они до прибытія нашего къ нимъ два судна гишпанскихъ совсѣмъ сожгли и людей тирански замучили до смерти, а третіе судно едва ушло. Въ бытность же нашу въ Японской губѣ пріѣзжали къ намъ на судно и изъ другихъ находящихся на томъ островѣ японскихъ жилищъ множество Японцевъ, какъ и выше значитъ, а того жилища, противъ котораго мы стояли, жители, по ихъ идолопоклонническому обычаю, имѣли двоекратно мольбище и посли изъ своихъ капищъ идоловъ по горамъ, со многими зажженными свѣчами, при чемъ было множество тѣхъ Японцевъ и ихъ женъ и дѣтей.

IV.

О слѣдованіи галіота св. Петра изъ Японской губы и о приходѣ къ Башпискимъ островамъ, гдѣ живутъ народы, называемые Усмайцы, и о бытіи на ономъ и отправленіи въ вояжъ.

12-го числа іюля, по выходѣ галіота изъ Японской губы, слѣдовали моремъ 12-го и 13-го, а 14-го числъ видѣли въ морѣ предъ нашимъ судномъ идущую большую японскую лодку, называемую бусъ, подъ парусами, которая чрезъ нѣсколько часовъ отъ насъ изъ виду ушла, а 15-го, 16-го, 17-го и 18-го числъ, находясь въ морѣ, ничего не видали, а 19-го числа іюля завидѣли землю съ правой стороны, которая представляла немалый островъ, окруженный превысокими горами и каменьями, а въ лѣвой сторонѣ также видна была земля, небольшой островъ же. и подошедъ къ оному большому острову уже къ самой ночи (на которомъ видѣнъ былъ огонь не въ одномъ мѣстѣ во всю ночь), но за позднотію времени отошли отъ онаго въ море, а поутру, то есть, 20-го числа, подошедъ къ тому острову и увидя пристойную ко входу бухту, съ судномъ въ оную благополучно вошли, и по входѣ, подобравъ парусы, стали на якорь; и какъ скоро стали, то пришла къ намъ съ берегу лодка, на которой были того острова жители, такъ называемые Усмайцы, и съ собою привезли къ намъ на судно пшена, картофиліева коренья и нѣсколько морской свѣжей рыбы, и оные на судно приняты честно и подчиваны.

И того жь 20-го числа приказалъ предводитель Бейноскъ, спустя ялботъ съ судна, и съ пристойнымъ числомъ людей отправить на берегъ для сысканія удобнаго мѣста, гдѣ бъ можно было разставить палатки, также и производить печеніе хлѣбовъ; и какъ люди ялботомъ отправились, и осмотря мѣста и возвратясь рапортовали, что для того удобное мѣсто ими усмотрѣно на берегу прямо противъ судна, и потому предводитель приказалъ взять съ судна палатки и пристойному числу людямъ слѣдовать съ оными на берегъ, при чемъ и нѣсколько пушекъ и ружей взять велѣно; почему все оное на берегъ и перевезено, и поставлены палатки, также учрежденъ крѣпкій караулъ, гдѣ были поставлены заряженныя ядрами и картечами пушки, и производили на берегу печеніе хлѣбовъ и сушеніе сухарей.

По выходѣ жь нашемъ на берегъ, жители того острова, называемые Усмайцы, съ ихъ старшинами, каждый день весьма много-

людными партіями къ намъ приходили и такъ до насъ были ласковы, какъ бы съ ними многое время жили, но за незнаніемъ ихъ языка ничего съ ними разговаривать было не можно; во все жь на берегу бытія нашего время тѣ народы безъ всякаго отъ насъ къ нимъ принужденія и безъ заплаты довольствовали насъ пищею, пшеномъ сорочинскимъ, картофилѣвыми кореньями и рыбою, также и виномъ, сдѣланнымъ изъ пшена, которое ничѣмъ не хуже нашей россійской хлѣбной водки, а для варенія про насъ пищи опредѣленъ былъ поваръ съ товарищи.

Тѣ усмайскіе жители всѣ вообще идолопоклонники, имѣютъ такъ какъ и Японцы носятъ, такіе жь халаты или азямы, сдѣланные изъ травы; а та трава растетъ у нихъ на подобіе дерева, вышиною аршинъ шести и меньше, толщиною отъ корня вершковъ въ пять, а иная больше и меньше, листъ имѣетъ чрезвычайно длинный и широкій, длиною больше аршина, шириною въ поларшина или и больше, кожа на той травѣ самая тонкая свѣтлоголубая, а иная нѣсколько бѣловатая, и ту кожу сдираютъ и потомъ сушатъ, и изсуша и измявши прядутъ, и пряжу красятъ разною краскою и ткутъ полотна разныхъ манировъ, и изъ тѣхъ полотенъ уже шьютъ одежду, то есть, вышеупомянутые азямы, и такъ удивительно, что никто не можетъ распознать, что тѣ халаты не шелковые были; а другой на нихъ одежды никакой нѣтъ, также и рубахъ не имѣютъ, потому что въ томъ мѣстѣ, какъ и въ Японіи, зимы нѣтъ, и всегда бываетъ весьма тепло, благорастворенный и здоровый воздухъ; изъ нихъ же носятъ нѣкоторые вмѣсто обуви сдѣланныя изъ травы туфли, плетеныя такимъ манеромъ, какъ россійскія изъ лыкъ сдѣланныя лапти, также и деревянныя колодки на веревкахъ. Шапокъ не имѣютъ, а носятъ травяныя плетеныя жь шляпы, равно такъ какъ и Японцы, на коихъ и они сами совсѣмъ похожи, какъ бы точные были Японцы; но только разговоръ у нихъ особливый, однакожь грамоту имѣютъ и пишутъ они такими литерами, какъ и Японцы и Китайцы, сверху внизъ кисточками, и имѣютъ компасы свои и карты и принадлежащія къ мореплаванію книги, равно какъ и тѣ Китайцы и Японцы; нѣкоторые изъ нихъ говорятъ и по японски и имѣютъ торгъ съ Японцами, и Японцы къ нимъ часто приходятъ на своихъ судахъ или бусахъ съ товарами, которыхъ и при насъ человѣкъ до шести было на тотъ островъ прибывшихъ одинмъ суднмъ съ товарами японскими, только они отъ Японцевъ разнились тѣмъ, что они, волосъ не подбривая, убираютъ или зачесываютъ, собирая къ вер-

ху и намазавъ такою жь, какъ Японцы, мастью, на одну шпильку золотую обвиваютъ, а другою пришпиливаютъ, коп шпильки есть серебряныя и мѣдныя; а бороды нѣкоторые не брѣютъ, а прочіе подбриваютъ, какъ наши Татара.

У тѣхъ усмайскихъ жителей имѣется рогатый скотъ, коровы, кони, овцы, также лошади, свиньи, птицы, куры, утки, гуси; имѣютъ много собакъ, а въ морѣ и въ той бухтѣ, гдѣ мы стояли, ловятъ удами множество разныхъ родовъ морскихъ рыбъ, изъ которой нѣсколько и солятъ. Строеніе у тѣхъ Усмайцевъ равно такое жь, какъ и у Японцевъ, и никакой около ихъ жилищъ крѣпости нѣтъ, и они при себѣ по тому жь ко оборонѣ своей оружія не имѣютъ, а имѣютъ одни только топоры и ножи ихъ манеру, также небольшіе луки и стрѣлки; а посуда у нихъ чугунная.

Оный островъ составляетъ въ себѣ множество превысокихъ горъ, которыя всѣ покрыты разными плодоносными деревьями, то есть, апельсинами, цитронами, лимонами, померанцами, пальмовыми и кокосовыми орѣхами и другими намъ непзвѣстными деревьями; на томъ же острову растетъ множество лѣснаго винограду, который очень мелокъ, не крупнѣе нашего краснаго гороху, и если онъ созрѣетъ, то видомъ бываетъ какъ черная смородина, вкусомъ очень кисель; на томъ же острову растетъ на деревьяхъ особливый фруктъ, намъ незнаемый, величиною съ небольшую тыкву, видомъ померанцовый или лимонный, который имѣетъ на себѣ по поверхности нѣсколько такихъ частицъ, каковыя бываютъ на орѣхахъ сибирскихъ шишки, по нѣсколько отъ тѣхъ отмѣнѣе и болѣе, и каждая часть изъ своего мѣста отдѣляется, и если тѣ части всѣ съ того фрукта оберешь, то въ самой срединѣ останется на подобіе круглаго яблока очень желтое тѣло, которое вкусъ имѣетъ самый сладкій и такъ пріятный, что превосходитъ хорошей дыни; ибо тотъ вкусъ нѣсколько походитъ на дыню, и сказываютъ, что весьма здоровъ; упомянутому, этотъ фруктъ господинъ Ансонъ назвалъ растущимъ на деревѣ хлѣбомъ на островѣ Таніанѣ, потому что онъ питателенъ.

Тутъ же растутъ ананасы, который самый препрядчайшій и лучшій фруктъ, о которомъ упомянуто—изъ земляныхъ плодовъ лучше его никакой быть не можетъ. Есть же изрядные арбузы, и пимпирю, корицы и перцу довольно.

Того жь острова жители намъ маячили, что есть у нихъ на острову множество дикихъ звѣрей, яко то: кабановъ, козъ, барсовъ и другихъ дикихъ, да нами видѣнныхъ ядовитыхъ же гадовъ,

змѣй и скорпіоновъ и прочихъ, и вредительной саранчи довольно, также каменья разные, алмазы, яхонты и другіе, такожь и жемчугъ, раковинъ же жемчужныхъ, коихъ и мы много находили, точію уже жемчугу въ нихъ нѣтъ, а выбранъ, а гдѣжь въ нихъ жемчугъ былъ, тѣ мѣста видно, какъ ямки, также и другихъ куріозныхъ раковинъ большихъ и малыхъ имѣется разныхъ сортовъ не мало.

Оные жители на томъ острову сѣютъ сорочинское пшено, котораго у нихъ весьма довольно, также сѣютъ картофиліевы сѣмена, и родятся такіе коренья, что, надобно думать, сладостію и пріятностію нигдѣ такихъ нѣтъ; тѣ же жители сѣютъ и сахарную траву, называемую тростникъ, въ которой родится сахарный песокъ, которой травы мы много рвали и ѣли; она такъ высока, какъ не меньше аршинъ четырехъ, толщиною въ толстую камышевую трость; а какъ она поспѣетъ, такъ ее собираютъ и песокъ изъ нея выбираютъ и употребляютъ въ кушанье и дѣлаютъ вино; родится жь у нихъ и листоваго табаку много, которой они всегда курятъ трубками мѣдными небольшими, такъ какъ Японцы или Китайцы.

И такъ мы на ономъ островѣ находились до 31-го числа іюля. А до выходу нашего въ море, еще 29-го числа, означенные Усмайцы, давъ намъ бочку пшена и нѣсколько картофиліевыхъ кореньевъ, также и вина, съ нами простились, при чемъ имъ отъ предводителя данъ листъ на голландскомъ языкѣ такой, что во время нашего пребыванія у тѣхъ Усмайцевъ были отъ нихъ всѣмъ довольствованы и жили безъ всякаго отъ нихъ опасенія, за что имъ и благодарность приписана. Объ нихъ Усмайцахъ намъ сказывали по прибытіи въ Макао Европейцы, что они люди добрые и странноприимны, для чего де ихъ они Европейцы и содержатъ въ ласкѣ и привѣтѣ.

30-го числа приказалъ предводитель артиллерію и съѣстные припасы съ берегу перевезти на судно, также и людямъ собратися; почему тогда все и учинено, и по прибытіи на судно, стояли еще до утра, то есть, до 31-го числа, а того 31-го числа, пришедъ къ судну усмайскіе жители во многомъ числѣ лодокъ, и поперныхъ, пришедъ ихъ старшины на судно съ хлѣбомъ и виномъ, съ нами простились. И потомъ буксирами наше судно вывели ихъ бухты въ море благополучно. И такъ мы съ ними простились.

V.

О выходѣ галіота св. Петра изъ Усмайской бухты и о слѣдованіи моремъ до острова Формозы, и о приходѣ къ оному, и о входѣ въ пристойную гавань, и о убитіи нашихъ трехъ человѣкъ тамошними жителями дикими народы Индѣйцами, и о прочихъ обстоятельствахъ, даже до отбытія галіота въ море, и о приходѣ къ китайскимъ берегамъ.

Іюля 31-го числа, по выходѣ галіота св. Петра изъ Усмайской бухты въ море, находились въ пути августа до 7-го числа, и ничего примѣчено не было, а 7-го числа въ вечеру увидѣли въ правой сторонѣ землю, островъ, и какъ 7-го, такъ и 8-го числа приближались судномъ къ той землѣ, но за противнымъ теченіемъ достичь не могли; а 9-го числа пришли къ берегу разстояніемъ какъ за четыре мили, и подошедъ, стали на якорь; а потомъ по приказу предводителя въ вечеру посланъ былъ для провѣдыванія, что есть ли на томъ островѣ какіе народы, ялботъ на берегъ, и какъ ялботъ прибылъ на берегъ, то изъ онаго вышедъ посланные вооруженною рукою люди пошли по берегу, гдѣ они нашли дикихъ людей Индѣйцевъ, которые имѣли съ нашими сраженіе, и въ томъ сраженіи раненъ изъ нашихъ одинъ человѣкъ въ трехъ мѣстахъ стрѣлою легко, и по возвращеніи людей къ судну, поднявъ ялботъ на судно, пробыли до 10-го числа, а того 10-го числа поутру, поднявъ же якорь и распустя паруса, пошли вдоль берега къ южной сторонѣ вдоль острова для сысканія ко входу судна пристойной гавани, въ которое время и ялботъ ходилъ близь берегу, и въ то время было на берегу Индѣйцевъ весьма многое число, и какъ видно было для того, чтобъ насъ не допустить на берегъ; имѣлось у нихъ натыканныхъ въ землю много копій и въ рукахъ держащихъ луковъ, а иные вырывали въ песку на берегу ямы или рвы для своего защищенія, изъ которыхъ Индѣйцевъ нѣсколько съ берегу приплывали къ ялботу и подавали нашимъ тыквы сухія, налитыя прѣсною водою, которыя на судно были привезены, а можетъ, въ такомъ разсужденіи, что у насъ на суднѣ въ водѣ есть нужда; между тѣмъ стали мы на якорь и стояли часовъ нѣсколько. И въ то время изъ тѣхъ Индѣйцевъ двое были на водѣ пойманы и въ ялботѣ привезены на судно, которымъ никакого озлобленія не дѣлавъ, но еще ихъ обдаря по одному аршину красной фанзы, отвезли въ ялботѣ обратно на берегъ.

Того жь 10-го, снявшись съ якоря, ходили по 16-е число судномъ подлѣ того жь берега къ сѣверной сторонѣ для искания пристойной же гавани, и 16-го числа отъ того острова пришли къ нашему судну въ двухъ большихъ лодкахъ Индѣйцы, человѣкъ до ста; и какъ они впущены были на судно, то вопервыхъ, ихъ дарили деньгами и платьемъ, а притомъ имъ маячили, чтобъ они насъ ввели въ пристойную гавань, которые того жь числа судно наше и въ гавань ввели; и по приходѣ въ гавань, подобравъ парусы, стояли жь на якорѣ; и такъ узнали, что тотъ островъ Формоза (по португальски—прекрасный); почевать въ той гавани, поутру, то есть, 17-го числа, пришли къ судну въ лодкахъ Индѣйцы, которые съ собою привезли разныхъ хорошихъ фруктовъ, а больше ананасовъ; у нихъ такіе тамъ ананасы, что какъ весьма велики и чрезвычайно вкусны; привезли жь и куръ, свиней и сдѣлали изъ пшена какого-то напитку на подобіе молока, который нѣсколько имѣетъ вкусъ сладкій; и такъ тѣ Индѣйцы съ нами торговались на всякую мелочь, на иглы, шелкъ, лоскутья шелковыхъ матерій, на ленточки и на прочее; и вымѣнивали у нихъ разные фрукты и прочее; а съ ними были и ихъ жены и дѣти; и потомъ оные съ судна ушли на берегъ въ домы свои и болѣе уже къ судну не приходили.

Того жь 17-го числа, по полудни въ 2 часа, посланъ былъ яботъ на берегъ для взятія и привоза воды на судно, потомъ посланъ и вторично съ другими перемѣнными людьми, и какъ оный яботъ прибылъ обратно, тогда посланные на томъ люди предводителю рапортовали, что жителями того острова Индѣйцами изъ нашихъ людей убиты капитанъ Василій Поповъ, Иванъ Поповъ, Иванъ Логиновъ, да ранены стрѣлами легкими ранами Василій Лапинъ, Андрей Казаковъ, Иванъ Кудринъ, при чемъ и раненые привезены; и въ тотъ же самый часъ шла индѣйская лодка мимо судна, въ которой было Индѣйцевъ семь человѣкъ, по которымъ изъ ружей съ судна стрѣляли и пять человѣкъ разстрѣляли, а двое изъ тѣхъ, вышедшіе на берегъ, посланными съ судна яботомъ людьми изрублены, и лодки изломаны; и послѣ того посланы были въ яботѣ жь люди на берегъ къ тому мѣсту, гдѣ наши побиты, которые возвратясь привезли на судно одного еще живаго Ивана Логинова, который по привозѣ отъ жестокихъ ранъ чрезъ полчаса на суднѣ и умре. 18-го числа посланъ же былъ яботъ съ людьми на другую сторону, гдѣ Индѣйцевъ побили; и какъ люди вышли на берегъ, то увидѣли двухъ изрубленныхъ Ин-

дѣйцевъ, что они еще живы, которыхъ тогда жь и предали смерти и оставили на берегу. Того жь 18-го числа предводитель приказалъ плыть судномъ къ тому мѣсту, гдѣ наши люди побиты; и какъ пришли судномъ и стали на якорь, тогда по приказу жь предводителя отправлены были съ судна люди въ ялботѣ и одной взятой у Индѣйцевъ лодкѣ для погребенія побитыхъ тѣлъ, кои по приходѣ на берегъ собравъ и погребли, а потомъ во многихъ мѣстахъ лѣсъ и траву зажгли, и весьма много выгорѣло. Потомъ 19-го числа наливали въ имѣющіяся въ судн: бочки прѣсную воду.

20-го числа, по налитіи водя, приказалъ предводитель судномъ слѣдовать паки къ первому мѣсту, куда по приходѣ и стали на якорь; то приказалъ же предводитель людямъ 30-ти человѣкамъ и съ ними Шведу Випбланду, также Иполиту Степанову, бывшему Хрущеву и крестьянину (за адъютанта) Кузнецову, взявъ ружья и мушкатоны, слѣдовать на берегъ и учинить на Индѣйцевъ нападеніе, копхъ тогда на берегу было многое число; и какъ отправленная партія вышла на берегъ, то вопервыхъ, лежащія на берегу индѣйскія лодки всѣ изрубили, а потомъ, пошедъ островомъ и дошедъ почти до самаго морскаго берега, гдѣ начатую строить Индѣцами вновь большую лодку жь тотчасъ зажгли, котораго весьма много жь выгорѣло; а потомъ пошли къ ихъ индѣйскому жилищу, гдѣ, не допуская до того, Индѣйцы имѣли сраженіе, на которомъ убито изъ Индѣйцевъ одинъ, да много ранено, а съ нашей стороны ни одинъ не убитъ и не раненъ; у тѣхъ Индѣйцевъ оружіе желѣзныя копья, нѣкоторыя гладкія, а другія съ зазубрами, на камышевыхъ палкахъ толстыхъ, тако жь луки и стрѣлы съ желѣзными копѣйцами гладкія жь и съ зазубрами, да топорки и ножи желѣзные жь, притомъ же къ защищенію себя имѣютъ щиты деревянные изъ тонкихъ досокъ.

По учиненіи сраженія Индѣйцы обратились въ бѣгство, а наши вошли въ ихъ жилища, которыя всѣ сожгли, а съ судна производилась чрезъ гору въ то жилище изъ пушекъ ядрами пальба, которое съ судна весьма видно было, ибо оное стояло по высокой горѣ. При томъ сраженіи и взятіи индѣйскаго жилища получено нашими въ добычу нѣсколько копій, луковъ, стрѣлъ, щитовъ деревянныхъ и солп, а прочаго ничего въ жилищѣ ихъ не сыскано, потому что, какъ видно было, тѣ Индѣйцы прежде уже все убрали въ другое заподгородное жилище; и потомъ посланная партія, по учиненному съ судна изъ пушки сигналу, возвратилась къ судну, и по прибытіи вошли на судно и ялботъ подняли.

Означенные формозскіе жители Индѣйцы—народы дикіе, которыми никто не владѣетъ; видомъ весьма смуглые, ходятъ почти всѣ нагіе; и хотя у нѣкоторыхъ и есть платье, но и то изъ кожъ звѣриныхъ, да и сами имѣютъ взоръ звѣриный; у нѣкоторыхъ на тѣлѣ отъ солнечнаго зною кожа вся истрескалась, и какъ кора на деревѣ лупится, что и видѣть весьма ужасно.

Они сѣютъ хлѣбъ, пшено сорочинское и имѣютъ у себя скота, коровъ, свиней, козъ, птицъ: куръ, утокъ, и соли варятъ многое число, котораго нѣсколько нашими взято въ добычу, какъ выше значитъ.

Оный островъ имѣетъ превысокія горы, покрытыя лѣсомъ плодовитымъ, то есть, деревьями лимонными, померанцовыми и апельсиновыми, кокосовыми орѣхами, пальмовыми, бакаутовыми, кизилевыми, чинаровыми и другими намъ непзвѣстными американскими, также и душистыми деревьями, изъ коихъ дѣлаютъ они лодки, и имѣется разныхъ фруктовъ, а паче ананасовъ препрядчѣйшаго вкуса, какъ и выше значитъ, довольно. Имѣются же и разныхъ родовъ дикіе звѣри, съ которыхъ мы видѣли снятыя кожи; золота, серебра и жемчугу и другихъ каменьевъ, какъ Европейцы объявили, довольно.

И такъ мы на ономъ островѣ Формозѣ стояли судномъ до 12-го числа августа, а того числа при благополучномъ вѣтрѣ, поднявъ якорь и распустя парусы, пошли въ море.

VI.

Объ отшествіи галіота отъ острова Формозы и губы и о бытіи въ морѣ, и что достолнаго примѣчено было, и о пришествіи къ китайскимъ берегамъ, и о прочемъ.

21-го числа августа, по выходѣ галіота св. Петра въ море, того жъ числа къ вечеру сдѣлался жестокій штормъ отъ оста, который продолжался до 23-го числа, а въ 23-е къ утру погода перемѣнилась, и штормъ потихъ; 24-го числа видѣли въ морѣ много острововъ, точію къ нимъ не приставали; 25-го числа видѣли въ морѣ морскихъ плавающихъ звѣрей и морскихъ же змѣй многое число; 26-го числа увидѣли Китайской земли берегъ, куда не доходя видѣли множество китайскихъ на морѣ рыбачьихъ лодокъ, также и 27-го числа то жъ видѣли.

28-го числа пришли къ судну двѣ лодки съ людьми китайскими, изъ которыхъ въ первой находившимся дано денегъ два

рубли россійской монеты, которая и ушла отъ судна, а съ другой лодки пришли на судно два человѣка и указывали для входу судна пристойную гавань или бухту, въ которую одинъ и привелъ, гдѣ и стали на якорь. И спрашивалъ у нихъ предводитель, какъ достопть до китайскаго города (гдѣ знатный портъ) Кантона, въ которомъ живетъ отъ Китайскаго императора вицерой, то есть, намѣстникъ, также и до португальскаго города Маккао; и дано было денегъ тѣмъ Китайцамъ десять рублевъ россійскихъ же, которые, взявъ деньги, ушли на лодкахъ и болѣе не бывали. И потомъ пошли мы въ морѣ, и 29-го числа изъ тѣхъ же китайскихъ малыхъ судовъ одно приходило къ судну, и указывали находящіеся на немъ Китайцы, что де еще Кантонъ и Маккао впереди; а потомъ, того же 29-го числа, увидѣли въ морѣ плуще большое китайское судно подъ парусами травяными, у котораго вмѣсто флюгера сдѣлана рыбка, подобная змѣйкѣ, а на верху ея шпилька съ выпускными бѣлыми ленточками, такъ какъ у г. Ансона описано, которое мимо насъ и прошло впередъ; а потомъ съ другого судна, плавающаго въ морѣ, приходила къ намъ лодочка малая, и привезли рыбы и раковъ круглыхъ небольшихъ бѣлыхъ, коихъ у нихъ и куплено на одинъ рубль россійскій; а какъ раки чистили, тогда нашли у нихъ въ пузыряхъ самыя чистыя чернила, которыми мы и писали, и такъ хороши, что не хуже ихъ китайскихъ чернилъ, и видно, что они изъ тѣхъ свои чернила дѣлаютъ и льютъ въ формы.

Того жь 29-го числа за противнымъ вѣтромъ вошли въ гавань и стали на якорь, а 30-го числа приходило жь къ намъ суденко, и на ономъ Китайцы, нѣкоторые говоря по португальски, и обѣщали намъ быть вожатыми къ Кантону. Въ то жь число видимо было на морѣ китайскихъ рыбачьихъ судовъ въ безчисленномъ множествѣ, такъ что будто казалось все море ими покрыто: 3-го числа видѣли еще множество китайскихъ лодокъ, изъ которыхъ съ одной лодки пришелъ къ намъ на судно одинъ Китаецъ и повелъ насъ, какъ лоцманъ къ рейду, который состоитъ близъ китайскаго города Тасону.

1-го числа сентября въ вечеру, по прибытіи судномъ въ гавань, состоящую близъ упомянутаго города Тасона, подобравъ паруса, стали на якорь, и потомъ на китайскомъ суднѣ изъ нашихъ людей Шведъ Виббландъ и крестьянинъ Кузнецовъ съ отправленными людьми посланы были на китайскій берегъ, для взятія прѣсной воды, въ которой на суднѣ состояла крайняя нужда, и по

прибытіи на берегъ и по выходѣ изъ судна, увидѣли китайское селеніе или деревню, въ которую пришедъ всѣ наши люди тамошними китайскими жителями приняты весьма хорошо, а съ нашими послано было отъ предводителя съ судна два письма, первое къ Голландцамъ, второе къ Португальцамъ, въ разсужденіи томъ, ежели тамъ въ китайскихъ жилищахъ есть Голландцы или Португальцы, то бъ они въ нашихъ надобностяхъ, а паче въ харчевыхъ припасахъ, учинили намъ вспоможеніе; но какъ наши пришли въ китайское жилище, гдѣ, по тогдашнему ночному времени, зажгли наши и бывшіе съ нашими вожи Китайцы свѣчи восковыя въ состоящемъ на берегу ихъ китайскомъ капищѣ, и посланныя съ ними письма въ томъ капищѣ Китайцы предъ своими идолами сожгли, и потому наши узнали, что въ томъ мѣстѣ Голландцевъ и Португальцевъ нѣтъ, да и время уже было ночное, то за тѣмъ наши и возвратились съ тѣмъ же Китайцемъ и на томъ же китайскомъ суднѣ обратно къ судну.

А 2-го числа поутру посланы были оные жь люди, Шведъ Винбландъ и Шведъ же Магнусъ Мейдеръ, съ подарками во упомянутый городъ Тасонъ къ тамошнему мандарину (главный капитанъ), куда по прибытіи тамошними Китайцами и ихъ офицерами приняты и чрезъ оныхъ допущены до китайскаго мандарина, отъ котораго были приняты жь съ честію и подчиваны чаемъ; при чемъ оный мандаринъ за присланные къ нему подарки благодарилъ и отпустилъ ихъ честно; напротивъ чего, и отъ того мандарина прислано на наше судно бочка пшена сорочинскаго, одна корова съ теленкомъ, да одинъ козелъ; и какъ оное къ намъ на судно принято, то тогда жь отъ предводителя наши посланы были къ нему мандарину съ благодарностію вышеписанные люди, а до того, того же числа пріѣзжали къ намъ на судно китайскіе жь четыре офицера, которые также обдарены камчатскими соболями и отпущены честно.

Того жь числа въ вечеру пришелъ къ намъ лодкою къ судну Китаецъ, и вошедъ на судно, объявилъ о себѣ на португальскомъ языкѣ, что онъ воспитанъ въ гишпанскомъ городѣ Манилѣ (который состоитъ отъ Маккао въ 600-хъ верстахъ на островѣ Люсонѣ) и жилъ тамо при заводѣ нѣсколько лѣтъ, и показывалъ данные ему аттестаты и вызвался у насъ быть лоцманомъ для препрохожденія нашего судна до городовъ Кантона и Маккао и Манильы, который къ намъ на судно и принятъ съ первымъ Китайцемъ, и оба одарены.

3-го и 4-го чиселъ пріѣзжали изъ города Тасона на судно множество китайскихъ купцовъ, которые съ нами имѣли мѣну на всякіе пушные товары—что у кого случилось, а у нихъ вымѣнивали китайское вино, съѣстные припасы и разныя закуски, земляные фрукты, табакъ моховой китайскій и трубки курительныя бѣломѣдныя. 5-го, 6-го и 7-го чиселъ вытягивали изъ гавани завозомъ въ море, а до выхода во оное Китайцы съ нами, какъ и выше значитъ, чинили мѣну, и да по выходѣ въ море пріѣзжали съ тѣми жь товарами, гонялись за нами въ лодкахъ.

8-го числа вышли уже судномъ изъ гавани въ море, и не заходя въ китайскій портовый городъ Кантонъ (въ которомъ имѣютъ великіе торги всѣхъ разныхъ европейскихъ государствъ купцы, и гдѣ есть великій и знатный портъ), прямо пошли къ Маккао, подъ предводительствомъ упомянутыхъ двухъ Китайцевъ.

9-го числа съ вечера даже до 10-го и 11-го чиселъ до полудня видѣли въ морѣ множество китайскихъ рыбачьихъ и другихъ судовъ или бусовъ, а 11-го послѣ полудня пробѣжали мимо города Кантона, и подлѣ земли, не доходя Маккао, за позднотію вечерняго времени, ставъ на якорь, почевали.

VII.

О прибытіи къ португальскому городу Маккао, который состоитъ на острову морскомъ небольшомъ, и о входѣ судномъ въ гавань, и о бытіи въ томъ городѣ, и что примѣчанія достойнаго усмотрѣно, и о слѣдованіи оттуда на французскихъ судахъ въ Европу, и о прочемъ.

Съ 11-го на 12-е число, почевавъ подлѣ китайскаго берега, 12-го числа по утру отправились судномъ къ городу Маккао, и того жь числа по полудни часу въ 3-мъ къ нему пришли, при пушечной нѣсколько разъ пальбѣ; и какъ увидѣли наше судно изъ тамошней крѣпости, и услышавъ пальбу, то напротивъ того изъ состоящей на высокой со входу на правой рукѣ горѣ первой съ моря батареи выпалено жь было въ отвѣтъ изъ трехъ пушекъ, и по входѣ въ состоящую близъ города рейду, подобравъ паруса, стали на якорь; и потомъ предводитель приказалъ спустить съ судна ялботъ, по спускѣ коего съ немалымъ числомъ людей отправился онъ къ берегу, и по прибытіи на берегъ вышедъ, явился въ городѣ тамошнему губернатору (который отъ Португальскаго короля опредѣленъ), которымъ онъ и принятъ; и того жь числа присланъ былъ намъ на судно одинъ португальскій офицеръ и съ нимъ

лоцманъ отъ губернатора, съ таковымъ приказаніемъ, чтобъ наше судно ввесть въ гавань, которое тогда жь и введено и по введеніи приставлено было португальскихъ солдатъ нѣсколько человѣкъ для караула судна, чтобъ отъ Китайцевъ и Араповъ не послѣдовало какого воровства, которые солдаты у насъ и ночевали, а нашъ предводитель, бывъ у губернатора, возвратился на судно къ вечеру, съ которымъ прислано отъ губернатора къ намъ для пищи хлѣбъ и разныхъ фруктовъ нѣсколько.

Въ той гавани застали мы разныхъ купеческихъ европейскихъ судовъ гишпанскихъ, португальскихъ, французскихъ, голландскихъ и англійскихъ до двадцати. Судовъ же китайскихъ и лодокъ было, и завсегда бываетъ, не менѣе сотъ до трехъ съ прибавою, а несравненно болѣе того рыбачьихъ.

13-го числа поутру упомянутый Макавскій губернаторъ прислалъ къ намъ на судно къ обѣду одну корову и хлѣба, и потомъ присланы жь были къ судну нѣсколько португальскихъ яботовъ, которые сдѣланы на подобіе нашихъ баржъ, съ балдахинами изъ шелковыхъ и шерстяныхъ европейскихъ матерій, для взятія съ судна и перевозки на берегъ людей и экипажа, на которыхъ были перевезены въ отведенную всѣмъ намъ квартиру особливую, въ которой жили и имѣли довольную пищу отъ губернатора; а предводитель нашъ, бывъ съ нами въ одной квартирѣ, нѣсколько времени сошелъ, не вѣдомо для чего, въ квартиру къ губернатору, которому вышеписанное наше россійское судно, со всѣмъ такелажемъ, якорями, пушками, ружьями, порохомъ, свинцомъ и ядрами и другими артиллерійскими припасами и съ провіантомъ продалъ; а за какую цѣну, знать намъ не дано.

Въ бытность нашу въ томъ городѣ Маккао померло изъ нашихъ мужеска и женска пола людей лихорадкою и горячкою и другими болѣзнями пятнадцать человѣкъ, а всѣхъ имѣлось мужеска пола шестдесять-три, а женщинъ семь, всего семдесять человѣкъ.

Городъ Маккао состоитъ на небольшемъ островѣ, около котораго кругомъ море; въ семъ городѣ жительство имѣютъ по большей части Китайцы, которые и торгъ имѣютъ китайскими, европейскими, американскими, индѣйскими и персидскими разными товарами; платье носятъ такое, какое и по всѣмъ китайскимъ владѣніямъ обыкновенно имѣютъ, а съ ними жительствуютъ купцы жь, Гишпанцы и Португальцы; въ томъ городѣ строеніе все каменное о двухъ и трехъ этажахъ, только въ

покояхъ печей, по тамошнему весьма теплому воздуху, не имѣютъ, ибо тамъ зимы никогда не бываетъ; при чемъ имѣютъ хорошіе сады, въ коихъ произрастаютъ разныя американскія деревья, тако жь и фрукты, лимоны двухъ родовъ, цитроны, померанцы, апельсины, кокосовые орѣхи и стручье на подобіе русскихъ нашихъ бобовыхъ, только втрое больше и толще, и нѣсколько кривлеваты, и имѣютъ хорошій сладкій вкусъ, виноградъ, и еще кислые фрукты, растущіе на деревьяхъ, и другіе разные намъ незнаемые плоды; хлѣба пашутъ и сѣютъ довольно пшена сорочинскаго, также садятъ рѣпу, рѣдьку, капусту, салатъ, морковь, огурцы и другіе огородные плоды; имѣютъ всякихъ фабрикъ и художествъ довольно, также скота: коровъ, буйволовъ, барановъ, козъ, свиней и лошадей, птицъ: гусей, куръ, утокъ, голубей очень много, а прочіе припасы привозятъ къ нимъ изъ Европы, также и разные напитки.

Около того города стѣна каменная, и съ четырехъ сторонъ построены крѣпости, которыя наполнены пушками картаунными и полукартаунными, и однимъ словомъ заключить, крѣпкій городъ.

Объ ономъ городѣ жители черезъ переводчика намъ пересказывали, что онъ сперва былъ островъ китайскій, а у нихъ взяли Французы, и нѣсколько лѣтъ владѣли, а потомъ Португальцы напали на оный флотомъ, и по многихъ сраженіяхъ Португальцы взяли, и по взятіи заключили между собою Китайцы и Португальцы договоръ, что въ томъ городѣ имъ жить обще, а торгъ производить однимъ Китайцамъ, а у пріѣзжающихъ изъ Европы купцовъ покупать товары Гишпанцамъ и Португальцамъ, а у нихъ уже снимать Китайцамъ, которымъ и въ народъ продавать малыми и большими партіями.

Живущіе въ Маккао Португальцы и Гишпанцы всѣ католическаго закона и имѣютъ епископа; также и изъ Китайцевъ, Арановъ, Индѣйцевъ много есть католическаго закона, а прочіе Китайцы всѣ идолопоклонники. Въ городѣ имѣется католическихъ четыре монастыря, три мужскихъ, одинъ женскій, да церквей приходскихъ три, а всего семь.

Китайцы жь имѣютъ нѣсколько и своихъ капищъ, въ коихъ отправляютъ каждый день по утру и въ вечеру свое идолопоклоненіе, при звонѣ или битьѣ въ тазы чугунные, а въ домахъ почти каждую ночь свою музыку, и бросаютъ ракеты и шутихи, и такъ далѣе полупочи веселятся, а днемъ обращаются въ коммерціи, а прочіе въ разномъ рукодѣліи. Въ томъ городѣ жили мы сентября

съ 12-го 1771 генваря по 4-е число 1772 годовъ, а того числа на пришедшихъ изъ Кантона трехъ китайскихъ большихъ крытыхъ и двухпалубныхъ лодкахъ всѣ наши люди и съ помянутымъ Венгерцемъ Бейноскомъ съ товарищи отправились въ море на берегахъ Кантона, гдѣ находились по 11-е число генваря, а того числа завидѣли слѣдующихъ изъ Кантона моремъ около китайскаго города французскихъ два фрегата, Дофинъ и Делаверди, къ которымъ подошедъ мы на лодкахъ, стали на якори; и какъ стали, то и тѣ фрегаты оба стали на якори жь, и мы на оные, раздѣлившись на двое, вошли и потомъ отправились до города Морицін.

VIII.

О слѣдованіи нашемъ на французскихъ фрегатахъ моремъ до города французскаго, состоящаго на морскомъ островѣ, Морицін именуемаго, и о прибытіи къ оному и въ самую Францію, а оттуда и въ Россію, и о прочемъ.

По отправленіи нашемъ изъ Кантонскаго устья въ море на двухъ французскихъ фрегатахъ, находились въ пути марта по 6-е число, а того числа прибыли къ городу Морицін благополучно, гдѣ и стояли на якорѣ по 24-е марта жь; исправлялся капитанъ корабля водою и съѣстными припасами.

Мы были въ ономъ городѣ разъ до пяти, который стоитъ на морскомъ островѣ, и имѣется тамъ портъ, въ который приходятъ по большей части французскіе военные и купеческіе слѣдующіе изъ Франціи въ китайскіе города Кантонъ и Маккао фрегаты, а другихъ государствъ хотя и заходятъ, но только для взятія одной прѣсной воды, которые чрезъ три дни обратно уходятъ въ вояжъ.

Въ томъ городѣ находятся жители Французы, и Араповъ немалое число; строеніе каменное и деревянное; въ покояхъ по теплому воздуху печей нѣтъ; въ немъ жилья не весьма много, потому что какъ они завелись назадъ тому лѣтъ за двадцать съ прибавою; ибо оный островъ вопервыхъ взятый былъ Голландцами у Араповъ, гдѣ было ихъ селеніе, но какъ тѣ Голландцы увидѣли, что онъ для нихъ не способенъ, такъ они отдали Французамъ и съ плѣнными Арапами.

Въ ономъ городѣ командуетъ французскій генералъ-губернаторъ, у котораго въ домѣ и означенный предводитель Бейноскъ имѣлъ квартиру и состоялъ на его трактаментѣ.

Оный островъ съ пристани и со всѣхъ сторонъ укрѣпленъ и покрытъ батареями и имѣетъ на себѣ множество высокихъ горъ, тако жь и для скота хорошіе луга и разный къ строенію годный лѣсъ, а прочій и дровяной; произрастаютъ же тамъ плоды, ананасы, стручки, каковы и въ Маккао, и прочихъ фруктовъ довольно.

У того острова живъ и исправясь совсѣмъ, отправились марта 24-го числа и слѣдовали моремъ благополучно мая по 4-е число, а того числа пристали къ пустому острову для ловли черепахъ морскихъ, гдѣ застали четыре фрегата англійскихъ, и наловя черепахъ на пищу, отправились того жь чаія 11-го числа до города французскаго Иль-Лурізна, куда и прибыли 7-го числа іюля, и приставъ, переѣхали черезъ заливъ въ Портъ-Луи, гдѣ опредѣлена намъ была квартира и пища, и вина краснаго по бутылкѣ въ день, и денегъ по нѣкоторому числу изъ казны королевской, и жили мы въ томъ городѣ Портъ-Луи марта по 27-е число 1773 года, и того восемь мѣсяцевъ и девятнадцать дней.

А того 27-го числа марта, испрося у вышеписаннаго Венгерца Бейноска о пропускѣ паспорты, пошли изъ Портъ-Луи въ столичный французскій городъ Парижъ, всего и съ одною женщиною шестнадцать человѣкъ, а прочіе, не хотя выѣхать въ Россію, остались при Венгерцѣ. И такъ шли мы своимъ коштомъ городами селами и деревнями пѣшею ходьбою черезъ 550 верстъ и пришли въ Парижъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ въ 15-е число, а прочіе прежде и послѣ, и по прибытіи явились къ россійскому резиденту, г. совѣтнику Николаю Константиновичу Хотинскому, который очень насъ принялъ хорошо и опредѣлилъ квартиры, пищу и обувь и денегъ по семи копѣекъ въ день и прочіе наши недостатки награждалъ.

16-го числа апрѣля подали къ нему г. резиденту Судейкинъ Рюминъ и Бочаровъ сочиненный нами о путешествіи нашемъ сей журналъ, который принявъ, отправилъ отъ себя 18-го числа въ Россію по почтѣ; потомъ получа онъ резидентъ именное повелѣніе изъ Россіи, отправилъ насъ со всѣмъ путевымъ удовольствіемъ изъ Парижа августа 26-го числа того жь 1773 года въ городъ французскій Гавръ, а оттуда на партикулярномъ суднѣ, бригѣ Маргаритѣ, въ Санктпетербургъ, куда и прибыли сентября 30-го числа, а оттуда октября 3-го, по приводѣ къ присягѣ, отправлены жь по желаніямъ нашимъ въ Сибирь съ двумя курьерами сенатскими и солдаты—кто пожелалъ по прежнему, служащіе къ должностямъ, а мужики въ посадъ.

IX.

Описаніе столичнаго города французскаго Парижа.

Въ оном городѣ имѣется:

967 улицъ, кромѣ переулковъ.

50,000 домовъ, въ томъ числѣ знатнѣйшихъ, въ которыхъ чрезвычайно много покоевъ.

40 церквей соборныхъ.

100 приходскихъ.

53 монастыря мужскихъ.

70 монастырей женскихъ.

57 школъ.

15 семинарій.

26 гошпиталей.

12 тюремъ.

31 фонтанъ.

12 мѣстъ торговыхъ.

30 мостовъ.

26 портовъ рѣчныхъ (пристаней).

8 садовъ и променажевъ публичныхъ.

12,500 каретъ.

6,200 фонарей.

12 караулень для гауптвахтъ.

160 человѣкъ конницы и 412 пѣхоты, кои опредѣлены по ночамъ для присмотра по улицамъ.

225 человѣкъ солдатъ, кои въ караулахъ у воротъ.

Кромѣ всего, университетъ, которому опредѣлено 121,000 ливровъ (ливръ 20 копѣекъ) въ годъ на содержаніе отъ казны.

Въ городъ на пищу входитъ въ годъ:

Муки 112,000 четвертей.

350,000 мѣръ вина, кромѣ пива, цидра и другихъ напитковъ.

Болѣе 100,000 быковъ и коровъ.

Болѣе 420,000 барановъ.

126,000 телятъ.

140,000 свиней.

Въ діаметрѣ имѣетъ городъ два часа.

II.

ДВѢ ЗАПИСКИ О СНОШЕНІЯХЪ СЪ ЧУКЧАМИ ВЪ 1774—1776 ГОДАХЪ.

1.

Въ прошломъ 1774 году въ декабрѣ мѣсяцѣ изъ Большерѣцка отъ маіора Бема посланъ былъ дворянинъ Дауркинъ, по собственному его желанію, какъ знающій чукотскій языкъ, для приведенія Чукочь въ подданство, въ Гижигапскую крѣпость къ капитану Пересыпкину, гдѣ отъ маіора Бема сказано, буде Пересыпкинъ не найдетъ въ Дауркинѣ подозрѣнія, то его отправить, а въ противномъ тому случаѣ сія посылка Дауркина предоставлена на его разсужденіе. Пересыпкинъ, безъ всякаго о Дауркинѣ дурного заключенія, не только его одного, но давъ еще нѣсколько и команды воинской, а изъ знающихъ чукотскій языкъ и одного унтеръ-офицера Маклакова, для уговора Чукочь отправилъ.

Дауркинъ нашелъ Чукочь въ такомъ положеніи, что они хотѣли на русскую команду сдѣлать нападеніе въ такое еще время, когда Русскіе были безъ малѣйшей готовности къ оборонѣ; но Дауркинъ, тотчасъ подошедъ близко къ оным Чукчамъ, ихъ отъ нападенія отвратилъ, и наконецъ, склонилъ ихъ быть въ подданствѣ Ея Императорскаго Величества. Сіе доказано тѣмъ, что оные Чукчи пошли къ капитану Пересыпкину въ крѣпость, и изъ нихъ семь человѣкъ лучшихъ людей, бывъ у Пересыпкина, желаніе свое быть въ подданствѣ подтвердили, и въ залогъ вѣрнаго слова одинъ знатный человѣкъ племянника своего въ аманатахъ оставилъ. Но Пересыпкинъ просилъ другого, а сей сказалъ, что онъ посовѣтуетъ съ другими, а самъ другого, какъ не своей семьи, оставить не можетъ,—съ чѣмъ изъ крѣпости и пошли. На другой день Пересыпкинъ паки требовалъ другого аманата; но они просили, чтобъ дать имъ сутки подумать, и отступя отъ крѣпости съ своими людьми, покормить оленей. По чему и стали оные Чукчи отъ крѣпости отходить. Пересыпкинъ, увидя, что они отъ крѣпости пошли, напалъ на нихъ военною рукою. Чукчи, увидя за собою погоню, сперва ложились на землю и махали руками, чтобъ ихъ не бить. Дауркинъ въ то время унималъ Пересыпкина отъ нападенія; но онъ не послушалъ. При семъ случаѣ Чукочь побито 50, въ полонъ взято 40; а напротивъ того, и Чукчи двухъ Русскихъ ранили и

одного убили. Пересыпкинъ въ то самое время называлъ Даурkина измѣнникомъ, а притомъ и билъ палкою.

О семъ происшествіи Даурkинъ тогда же писалъ извѣтъ въ Охотскъ къ полковнику Зубрицкому и капитану Шмалеву, съ тѣмъ что Чукчи, будучи раздражены симъ Пересыпкина поступкомъ, грозились будущую зиму отомстить свою обиду. Капитанъ Шмалевъ отослалъ сей извѣтъ въ Иркутскъ, а Иркутская канцелярія репортовала о сему сенату. Почему 26-го генваря прошлаго 1776 года по высочайшему Ея Императорскаго Величества соизволенію писано отсюда къ Иркутскому губернатору, чтобъ онъ приказалъ взять отъ Пересыпкина надлежащій по сему дѣлу отвѣтъ, отъ должности его смѣнить, и буде отвѣтомъ своимъ противъ описанныхъ предосудительныхъ его поступокъ не оправдается, то немедленно предать его военному суду; а взятыхъ въ плѣнъ Чукочь, сдѣлавъ имъ по ихъ состоянію удовлетвореніе, изъ плѣна отпустить, увѣря напередъ, что Пересыпкинъ поступилъ съ ними съ жѐстокостію отнюдь не согласно съ высочайшимъ Ея Императорскаго Величества соизволеніемъ, и что онъ за то не только отъ командованія отрѣшится, но и наказанъ еще будетъ по законамъ. Между симъ предписано губернатору, чтобъ приказалъ имѣть осторожность отъ сихъ раздраженныхъ Чукочь.

Но произведено ли надъ Пересыпкинымъ повелѣнное слѣдствіе, и что̀ по оному открылось, отвѣта еще здѣсь по сю пору не получено; а только Нѣмцевъ отъ 27-го мая того же 776 года репортовалъ, что онъ Пересыпкина велѣлъ смѣнить капитану Тимофѣю Шмалеву, такъ какъ бывалому и знающему всѣ тамошнія обстоятельства, и которому предписалъ онъ исполнить все то, что̀ отсюда къ губернатору писано было.

А послѣ сего Комачатскій командиръ маіоръ Бемъ отъ 10-го августа 776 года, при письмѣ своемъ къ г. генералъ-прокурору прилагая копію со всего дѣла, до него дошедшаго, о показанномъ учиненномъ Пересыпкинымъ съ Чукчами поступкѣ, увѣдомляетъ, что онъ Бемъ съ своей стороны для произведенія надъ Пересыпкинымъ слѣдствія, такъ какъ и заступленія его мѣста, отправилъ было секундъ-маіора Баранова, но оный, не доѣхавъ туда, дорогою занемогъ и отозвался къ нему, что за болѣзнію своею не можетъ исполнить ему предписаннаго. А какъ онъ Бемъ не имѣлъ у себя другого такого человѣка, которому бы могъ поручить сіе дѣло, то онъ все оное препроводилъ 14-го іюня 776 года въ Иркутскъ

къ губернатору. Копію же съ сего дѣла прислалъ онъ сюда для одного свѣдѣнія.

Изъ сей копіи усмотрѣно, что вышеказанный капитанъ Пересыпкинъ, репортуя Бема о происшедшей между его команды и Чукчами предписанной дракѣ, изъясняетъ, что Чукчи сами причиною состоятъ въ заведеніи сперва ссоры, а потомъ и драки, потому что, давъ аманата для вѣрности о ихъ доброхотствѣ, нарушили оное отогнаніемъ у вѣрныхъ Коряк ъзжалыхъ оленей, а какъ въ томъ было имъ воспрепятствовано, то они, разсердясь за то, не только не дали по обѣщанію своему другихъ аманатовъ, но и первый отъ нихъ данный къ нимъ же бѣжалъ и совсѣмъ отрекшись отъ подданства россійскаго, пошли отъ Гижиганской крѣпости прочь. На другой же день вѣрные Коряки доносили ему Пересыпкину, что оные Чукчи пошли на камень, гдѣ у нихъ оленные табуны, и потому опасаясь отъ нихъ разграбленія оныхъ, просили защищенія. Почему онъ Пересыпкинъ и послалъ вслѣдъ за ними военную команду, приказавъ увѣщевать ихъ къ подданству; но Чукчи напротивъ того учинили съ оною командою драку, на которой побито Чукчей 54, да въ полонъ взято 40 человѣкъ; съ нашей же стороны убито два, да ранено казаковъ и Коряковъ 12 человѣкъ. Между сего Пересыпкинъ вышепомянутаго Дауркина подозрѣваетъ въ семъ случаѣ, говоря такъ: что какъ Дауркинъ природный Чукча, то едвали де не по его умышленному наученію означенные. Чукчи ночнымъ временемъ, подбѣжавъ къ корятскому лагерю, взяли изъ онаго 10 ѣзжалыхъ оленей и во время переговора съ ними въ первомъ случаѣ по нашей командѣ изъ луковъ стрѣляли, совѣщаясь такъ: что когда россійская команда выстрѣлитъ изъ ружей, то имъ всѣмъ вдругъ броситься съ копьями, и приведя тѣмъ въ замѣшательство, всѣхъ поколоть. Сіе Пересыпкинъ тѣмъ болѣе утверждаетъ, что и старшины оленныхъ Коряк поданною къ нему челобитною между прочимъ просили, чтобъ Дауркина, дабы отъ него по родству съ Чукчами напвящаго возмущенія не произошло, тамо при командѣ не имѣть.

Однакожь, бывшій при всемъ ономъ происшествіи очевидный свидѣтель сержантъ Маклаковъ въ поданномъ маіору Бему репортѣ ни малѣйшаго подозрѣнія на Дауркина не показалъ, но написалъ во всемъ согласно съ онымъ Дауркинымъ.

На Пересыпкина же Бему отъ одного корятскаго князца была жалоба такая: что онъ платежный Коряками ясакъ перемѣняетъ, своими и вмѣсто лисицъ сиводушекъ кладетъ красныхъ одну за одну,

за соболей, таковыхъ же, одного за одного; требуетъ за умершихъ въ давныхъ годахъ, о коихъ никто изъ нихъ роду не помнитъ, ясакъ; призываетъ въ крѣпость главныхъ Корякъ для однихъ съ нихъ взятокъ, и притомъ, въ аманаты каждаго рода забираетъ по 3 человѣка, а прежде брано было только по одному.

Маіоръ Бемъ при означенномъ письмѣ прислалъ еще копіи съ репорта своего, къ Иркутскому бывшему губернатору Брилю писаннаго, и съ инструкціи, данной къ сибирскому дворянину и японскаго языка переводчику Антипину, отправленному изъ Камчатки 24-го іюня 1775 года на купеческомъ ботѣ, называемомъ св. Николай, на дальные четыре острова, обитаемые мохнатыми Курильцами, съ тѣмъ чтобъ онъ старался оныхъ Курильцевъ ласкою, дружествомъ и подарками привести подъ россійское владѣніе съ платежемъ нѣкотораго произвольнаго ясака, ибо они живутъ на своей волѣ, и по увѣренію бывалыхъ тамо ближнихъ острововъ Курильцевъ, какъ звѣриною и рыбною ловлею, такъ и многими куріозными вещами преизобилуютъ.

Курильскихъ острововъ, начиная отъ Камчатки, считается всѣхъ 22, изъ коихъ первые 18 состоятъ подъ россійскимъ владѣніемъ, а послѣдніе, какъ уже выше сказано, живутъ самовластно. Изъ нихъ самый послѣдній граничитъ съ Японіею; и Японцы, пріѣзжая на оные острова судами, производятъ торги, что̀ самое и побудило Бема съ позволенія Иркутскаго бывшаго губернатора Бриля отправить туда означенное судно, дабы познакомясь съ Японцами завести съ ними выгодный для короны и общества торгъ, предписавъ начальнику того судна, то есть, помянутому Антипину, что если обстоятельства дозволятъ, то чтобы ѣхалъ онъ и въ самые Японскіе острова и тамо завелъ торги; а между тѣмъ велѣлъ дѣлать возможныя примѣчанія какъ мѣстоположеніямъ, такъ обычаямъ и нравамъ тамошнихъ жителей, развѣдывая притомъ о разныхъ обстоятельствахъ, касающихся до промысловъ и продуктовъ ихъ. Сіе судно отправлено на коштѣ купеческомъ, и компанейщики онаго будутъ во время сего вояжа производить торги свои [1]). Оно составлено изъ 45 паевъ, и сверхъ того, положено имѣть еще два пая, одинъ въ домъ Всемогущаго Бога, а другой на счастіе Его Императорскаго Высочества, такъ какъ морскаго флота генералъ-адмирала.

Бемъ между прочимъ, изъясняя о худомъ состояніи Камчатки, то есть, что она недостаточна военною командою и офицерами, и

[1]) Возвратилось ли сіе судно, или нѣтъ, извѣстія не получено.

притомъ, не имѣетъ надлежащихъ укрѣпленій, даетъ свои мысли построить на 18-мъ Курильскомъ острову небольшую крѣпость, и поселя тамо нѣсколько семей изъ россійскихъ людей, завести хлѣбопашество; въ разсужденіи чего и приказалъ уже онъ помянутому Антипину, будучи на семъ островѣ, испытать самымъ дѣломъ, годна ли земля къ хлѣбопашеству, посѣявъ на ней разныхъ хлѣбныхъ сѣмянъ по два фунта. Сію крѣпость почитаетъ онъ нужною не только въ разсужденіи мохнатыхъ, но и ради другихъ ближнихъ острововъ Курильцевъ, дабы ихъ удержать въ желаемомъ повиновеніи; ибо онъ пишетъ, что многіе ясашные Курильцы съ ближнихъ острововъ ушли безвозвратно къ мохнатымъ Курильцамъ, и ясакъ ихъ изъ году въ годъ однимъ умноженіемъ числится въ доимкѣ. Сихъ бѣглецовъ Бемъ приказалъ Антипину уговаривать къ возвращенію ихъ на прежнія жилища.

Бемъ о бывшихъ въ Камчаткѣ неурожаяхъ хлѣба изъясняетъ, что оные произошли не иначе какъ отъ самаго нерадѣнія и худого присмотра; а впрочемъ увѣряетъ, что тамошняя земля довольно хлѣбородна, и во свидѣтельство сего приложилъ о бывшемъ въ 774 и 775 годахъ урожаѣ вѣдомость, изъ которой оказалось:

	Въ посѣвѣ.	Въ урожаѣ:
Ржи	5 пуд. 20 фунт.	44 пуд.
Ячменю. . .	151 „ 25 „	847 „ 25 фунт.
Овса. . . .	8 „ 20 „	42 „ 19 „
Ярицы . . .	„ „ 12 „	1 „ 35 „
Пшеницы . .	„ „ 5 „	„ „ 20 „
Сѣмя конопля-наго . . .	4 „ 30 „	12 „ 30 „

Да сверхъ онаго, собственнаго разныхъ людей:

	Въ посѣвѣ:	Въ урожаѣ:
Ячменю. . .	14 пуд. 23 фунт.	100 пуд. 15 фунт.
Овса. . . .	„ „ 8 „	1 „ 20 „

Напослѣдокъ, Бемъ проситъ генералъ-прокурора, чтобъ его взять отсюда, какъ для донесенія о тамошнихъ обстоятельствахъ, которыхъ на письмѣ ни какъ онъ не можетъ объяснить, такъ и ради его болѣзней.

2.

Иркутская губернская канцелярія въ сенатъ при рапортѣ прислала журналъ, учиненный сибирскимъ дворяниномъ Николаемъ Даурскимъ, о приводѣ имъ въ подданство Чукоцкаго народа.

Прошлаго 1774 года въ декабрѣ мѣсяцѣ оный Даурскинъ изъ Большерѣцкой канцеляріи отъ маіора Бема посланъ былъ въ Гижиганскую крѣпость къ капитану Пересыпкину за препровожденіемъ почты, при чемъ возымѣлъ оный Даурскинъ желаніе ѣхать въ Каменскій острожекъ для призыву въ подданство Ея Императорскаго Величества и платежа ясака Чукочь, куда отъ Пересыпкина съ командою и казаковъ 20 человѣкъ вооруженныхъ и отпущенъ. И при слѣдованіи въ пути за бурею въ одномъ мѣстѣ остановились; какъ же буря прошла, то увидѣли они Чукчи множественное число не далѣе отъ нихъ какъ въ 50 саженяхъ, и оные Чукчи, вышедъ изъ санокъ, надѣвъ на себя куяки и взявъ копья, луки и стрѣлы, стали противъ русской команды, не давъ командѣ изъ нартъ не точію крѣпостцы сдѣлать, но и остановиться нартами по порядку, что̀ увидя, онъ Даурскинъ, по согласію съ сержантомъ Маклаковымъ, съ однимъ казакомъ Пургинымъ, который знаетъ чуковскій языкъ, изъ команды въ скорости пришелъ къ тѣмъ Чукчамъ въ стрѣчу, за тѣмъ чтобъ ихъ разговорами остановить и удержать, а между тѣмъ дать русской командѣ отъ нападенія время сдѣлать изъ нартъ крѣпостцу, и потомъ подбѣжавъ къ нимъ, по чукотски закричалъ. Почему они Чукчи, призвавъ его, остановились, и постановя свое оружіе въ снѣгъ, отошли. По приходѣ къ нимъ, разговаривалъ онъ Даурскинъ съ четверть часа, а въ сіе время команда сдѣлала крѣпостцу, а потомъ онъ Даурскинъ привелъ въ крѣпостцу изъ главныхъ чукотскихъ предводителей 7 человѣкъ, а за ними и прочіе пріѣхали и около крѣпостцы остановились. По приходѣ Чукочь имѣлъ съ ними онъ Даурскинъ чрезъ толмача разговоръ о бытіи имъ въ подданствѣ Ея Императорскаго Величества и въ платежѣ ясака. На что̀ они Чукчи и обѣщались, съ тѣмъ чтобъ ясакъ платить въ Анадырскѣ, какъ и прежде бывало, когда по рѣкѣ Анадыру на судахъ приплывать будутъ русской команды люди. При семъ условіи Чукчи говорили, что они со всѣми Русскими и иноземцами будутъ жить мирно, только съ коннными Коряками жить мирно имъ нельзя, потому что у нихъ Чукчи мало оленей; между жь оныхъ разговоровъ и чукотскихъ обѣщаній

онъ Дауркинъ дарилъ, какъ начальниковъ чукотскихъ, такъ и прочихъ Чукочь, казеннымъ китайскимъ шаромъ и собственными своими пряниками и черкасскимъ табакомъ; потомъ онъ Дауркинъ, по обѣщанію чукотскому о бытіи въ подданствѣ, звалъ ихъ въ Гижиганскую крѣпость, куда они, согласясь со всѣмъ чукотскимъ войскомъ, съ нимъ Даурскимъ и поѣхали, и не доѣхавъ еще до Гижиганской крѣпости, остановились при стоящемъ корятскомъ лагерѣ, откуда изъ лучшихъ старшина Меняхта съ шуриномъ и племянникомъ своимъ прибыли въ Гижиганскую крѣпость, и явясь къ капитану Пересыпкину, тѣ старшины желаніе свое о бытіи въ подданствѣ объявили.

Капитанъ Пересыпкинъ у старшинъ просилъ аманата, на что изъ нихъ Меняхта объявилъ: еслибъ его сынъ здѣсь былъ, то бъ онъ его въ аманаты оставилъ, а о прочихъ Чукчахъ, кои съ нимъ Меняхтой пріѣхали, старшины дадутъ ли—не знаетъ, однакожь съ своей стороны тотъ Меняхта племянника своего въ аманатахъ оставилъ; при сихъ разговорахъ Пересыпкинъ оныхъ старшинъ дарилъ табакомъ и подчивалъ виномъ. И того жъ числа Пересыпкинъ посылалъ его Даурскина съ чукотскими старшинами въ ихъ лагерь для переговору паки о бытіи въ подданствѣ и о платежѣ ясака, на что они также согласны были, а притомъ просили посмотрѣть оставленнаго въ крѣпости ихъ аманата, и если онъ живъ, то они Чукчи за истину повѣрятъ и могутъ дать другого; а между тѣмъ капитанъ Пересыпкинъ пріѣхалъ къ коряцкому лагерю и привезъ оставленнаго у себя аманата, и показавъ тѣмъ Чукчамъ, сталъ просить другого, но они просили сроку и отступить для кормленія оленей, а старшинамъ прійдти для переговору нѣшнимъ въ лагерь. Но Пересыпкинъ, не давъ перемирія, затѣмъ что былъ тогда пьянъ, сталъ чукотскимъ старшинамъ съ противностію и угроженіемъ выговаривать: если другого аманата не дадутъ, то всѣ будутъ убиты; почему Чукчи и стали отходить, и Пересыпкинъ послалъ въ погоню команду и Коряковъ, кои и начали по Чукчамъ стрѣлять изъ ружей; но Чукчи сперва кланялись и унимали, а потомъ и сами вооружились и имѣли сраженіе, гдѣ и убито Чукочь человѣкъ до 50, да въ полонъ взято бабъ съ ребятами до 40. Сверхъ того, за толмача казакъ Павловъ капитану Пересыпкину переводилъ разговоръ чукотскій умышленно, то есть, не то, что Чукчи говорили; какъ же капитанъ велѣлъ Чукчу бить, то онъ Дауркинъ много представлялъ, чтобъ ихъ не бить, затѣмъ что они будутъ впредь Русскимъ мстить.

Изъ рапорта Иркутской канцеляріи видно, что сей журналъ въ оную канцелярію присланъ при рапортѣ капитана Шмалева, а имъ оный полученъ въ Охотскѣ, да таковой же рапортъ отъ Даурскина присланъ и въ Охотскую канцелярію къ полковнику Зубрицкому, но оный де по оному ничего не сдѣлалъ, почему и рѣшился сей журналъ препроводить въ Иркутскую канцелярію.

Иркутская канцелярія по оному опредѣлила Охотской канцеляріи изслѣдовать, и сочиня экстрактъ, представить въ оную канцелярію, съ прописаніемъ законовъ и мнѣніемъ. А также посланъ указъ и къ камчатскому командиру Бему, съ тѣмъ что если то дѣло дошло и до его разсмотрѣнія, то бъ въ окончаніи слѣдствія и поступить противъ вышеписаннаго.

И сего года генваря отъ 26-го числа по высочайшему Ея Императорскаго Величества соизволенію къ генералъ-поручику Брилю писано, чтобъ онъ сіе дѣло взялъ не только въ одно примѣчаніе, но и прилежнѣйшее вниманіе: 1) что Ея Императорское Величество, по природному своему матернему и неутомимому о своихъ подданныхъ попеченію, дабы доставить всѣмъ и каждому спокойное пребываніе, высочайше усмотря, что находившіеся отъ давныхъ лѣтъ въ Анадырскѣ воинскіе служители по самой отдаленности и многимъ неудобствамъ претерпѣвали въ пропитаніи совершенную нужду и голодъ, такъ что нѣкогда тѣ служители въ пищу употребляли перевязи и портупеи солдатскія, всемилостивѣйше повелѣла оную въ Анадырскѣ команду за сими и другими неудобствами, единственно въ облегченіе своихъ вѣрноподданныхъ войскъ отмѣнить и то мѣсто оставить; сія жъ команда въ томъ мѣстѣ находилась не для инаго чего, какъ по дѣламъ, сколько извѣстно, для усмиренія кочующихъ въ тамошнемъ краю немирныхъ Чукчь, но по благости Божіей и прозорливости Ея Императорскаго Величества тѣ немирные такъ называемые Чукчи до сего времени, по уничтоженіи Анадырска и по оставленіи того мѣста, непріятельскихъ нападеній на имѣющіяся въ тамошнихъ мѣстахъ крѣпостцы купно и на жителей не дѣлали, а по сему подданные Ея Императорскаго Величества наслаждались желаемымъ спокойствіемъ. 2) Какъ же нынѣ помянутый дворянинъ Даурскинъ, какъ изъ журнала видно, по доброй своей волѣ и съ позволенія находящагося въ Большерѣцкѣ маіора Бема, а послѣ и Гижиганской крѣпости начальника капитана Пересыпкина (который, какъ изъ журнала видно, далъ оному Даурскину воинскую въ помощь команду) заботился уговаривать показанныхъ Чукчь въ под-

данство Ея Императорскому Величеству съ платежемъ ясака, въ чемъ, кажется, и предуспѣлъ, ибо описанные въ журналѣ Чукчи чтобы быть въ подданствѣ и платить ясакъ согласились, что̀ подтвердило и бытіе ихъ въ Гижиганской крѣпости у капитана Пересыпкина и дача отъ нихъ одного аманата. 3) По симъ обстоятельствамъ и казалось бы только пожелать того, чтобъ оные Чукчи въ точности исполнили свое обѣщаніе, а на сіе и изыскать благопристойное средство, но однакожь не такое, какое употреблено капитаномъ Пересыпкинымъ, ибо симъ его поступкомъ такой легкомысленный, или можно назвать, и звѣрскій народъ конечно безъ малѣйшія нужды раздраженъ, почему, какъ то описано въ журналѣ, и необходимо ожидать отъ нихъ надлежитъ непріятельскихъ слѣдствій, и сего ради губернатору весьма нужно какъ скоро возможно свѣдать, вопервыхъ, всѣ ли въ журналѣ описанныя происшествія происходили, ибо другого не только увѣренія но ниже увѣдомленія о семъ происшествіи въ губерніи видно не было, а по сему хотя и не точно, однакожь заслуживаетъ кажется вѣроятія описанный журналъ потому, что капитанъ Пересыпкинъ до сего времени какъ о дачѣ команды, такъ и о битьѣ Чукчь, о взятьи ихъ въ полонъ и обо всемъ касательно до сего бывшаго происшествія имѣлъ должность по командѣ къ маіору Бему, или въ Охотскъ, или жь въ губернію рапортовать безъ потерянія малѣйшаго времени, но онъ сего не исполнилъ; касательно жь до Дауркина, то онъ, какъ въ семъ дѣлѣ человѣкъ былъ хотя низкій, однакожь послалъ онъ о семъ происшествіи не только одинъ, но и два рапорта, то есть, въ Охотскую канцелярію, къ полковнику Зубрицкому, и капитану Шмалеву, почему губернаторъ и имѣетъ сіи обстоятельства принять за основаніе, и немедленно отъ капитана Пересыпкина взявъ надлежащій по сему дѣлу отвѣтъ, отъ должности его смѣнить, и буде отвѣтомъ своимъ онъ противъ описанныхъ на него въ журналѣ предосудительныхъ поступковъ не оправдается, то немедленно жь предать его воинскому суду. Но главное въ семъ дѣлѣ нужно исправить то, чтобъ Чукчамъ внушить объ отрѣшеніи капитана и о поступленіи съ нимъ по законамъ за то, что онъ съ ними поступилъ противу ихъ добраго о бытіи въ подданствѣ намѣренія съ жестокостію, отнюдь не согласно съ высочайшимъ Ея Императорскаго Величества соизволеніемъ, ибо Ея Императорскаго Величества главное намѣреніе состоитъ въ томъ, чтобъ всѣ въ границахъ Ея Императорскаго Величества подданные народы обитали въ желаемомъ спокойствіи

и тишинѣ, а потомъ имъ и на прилежнѣйше истолковать, чтобъ они впредь съ подданными Ея Императорскаго Величества людьми поступали дружелюбно, не причиняя ни малѣйшихъ подданнымъ Ея Императорскаго Величества обидъ, а если они дерзнутъ чинить какія-либо въ границахъ Ея Императорскаго Величества подданнымъ наглости, то бъ вѣдали они, что всякое непріятельское ихъ покушеніе обратиться въ ихъ собственную погибель; однимъ словомъ, губернаторъ, а равно и Охотскій и Большерѣцкій командиры, имѣютъ сіе дѣло привести въ такое положеніе, чтобъ Чукчи были уговорены, а подданные Ея Императорскаго Величества доставлены прежнимъ спокойствіемъ отъ чукотскихъ нападеній, и что по сему дѣлу происходить будетъ—по часту сколь возможно въ сенатъ рапортовать, а сверхъ всего, имѣть главнымъ въ семъ дѣлѣ предметомъ человѣколюбіе и правосудіе Ея Императорскаго Величества кое непремѣнно требуетъ того, чтобъ виновные были обличены не строгостію, но исправленіемъ, однакожь наказаны, а невиновные бы никто не почувствовалъ ни малѣйшаго оскорбленія; буде же по полученнымъ по сему дѣлу отъ капитана Пересыпкина, такъ какъ и другихъ представленныхъ отъ Дауркина во свидѣтельство людей извѣстіямъ, губернаторъ усмотритъ Дауркина извѣщеніе въ журналѣ справедливымъ, то въ такомъ случаѣ взятыхъ въ полонъ Чукчь, сдѣлавъ имъ по ихъ состоянію удовлетвореніе, такъ какъ и показанное увѣреніе, что капитанъ за такой съ ними суровый поступокъ будетъ жестоко наказанъ, изъ плѣна отпустить, и притомъ желательно бъ было и то, чтобъ они по приходѣ къ своимъ сродникамъ и знакомымъ изъявили оказанное къ нимъ отъ Ея Императорскаго Величества милосердіе, къ чему употребить, кажется, способность есть помянутаго Дауркина, буде въ семъ дѣлѣ никакихъ его вредныхъ намѣреній и дѣлъ не откроется,—ибо сколько по благоразумію судить можно, что подданство, или лучше сказать, спокойное пребываніе съ подданными Ея Императорскаго Величества людьми оныхъ Чукчь интересамъ государственнымъ непріятны, а толь паче и вредны быть могутъ; но при всемъ томъ должно изъ виду не выпустить и того, чтобъ они и подданнымъ Ея Императорскаго Величества Корякамъ, коннымъ и пѣшимъ отнюдь никакихъ озлобленій не дѣлали.

Нынѣ отъ 27-го мая, опредѣленный въ Иркутскъ съ властію губернаторскою бригадиръ Нѣмцевъ въ рапортѣ пишетъ: что хотя безмѣрная и претрудная дальность не дозволяла выждать надлежащаго слѣдствія, однако самое происхожденіе толь огорчитель-

наго поступка подтверждаютъ новыя Охотскія донешенія, что сказанный чукотскій амапатъ, бывъ въ полонѣ мѣсяца съ четыре, бѣжалъ въ свои жилища за долго до прибытія его Нѣмцева въ губернію, и современно дружные Натырскіе пѣшіе Коряки, бывъ уже у кочующаго на здѣшней сторонѣ рѣки Анадыра чукотскаго тоіона или старшины Петушина, видѣли возвращеніе къ нему спасшихся отъ помянутаго Гижиганскаго побоища Чукочь и слышали ихъ намѣреніе, скопя свою толпу, тогда наступающей зимой сдѣлать отмщеніе, отчего когда-нибудь едва ль они и отступить могутъ, побуждаемы будучи сколько чувствительнымъ оскорбленіемъ убійства, столько чаяніемъ освобожденія плѣнныхъ своихъ родовичевъ. Онъ Нѣмцевъ, предваряя сіи непріятныя слѣдствія къ тогда жь принятой предосторожности приготовленія какъ тутошней, состоящей въ 240 человѣкахъ военной команды, такъ корятскихъ старшинъ съ ихъ родами, и къ тому перемѣнѣ означеннаго капитана Пересыпкина другимъ, тамъ бывалымъ и довольно чукотскіе обычаи свѣдущимъ капитаномъ Тимофѣемъ Шмалевымъ, за необходимое разсудилъ приказать всѣхъ до нынѣ на лицо находящихся плѣнныхъ успокоить посредствомъ ласки и внушенія чрезъ Дауркина вообще и порознь; что тотъ капитанъ отъ командованія на всегда отрѣшенъ и поступлено съ нимъ будетъ по законамъ за то, что онъ съ ними поступалъ противъ ихъ добраго о бытіи ихъ въ подданствѣ намѣренія съ жестокостію, отнюдь не согласно съ высочайшимъ Ея Императорскаго Величества соизволеніемъ, ибо Ея Императорскаго Величества главное намѣреніе состоитъ въ томъ, чтобъ всѣ въ границахъ Ея Императорскаго Величества подданные народы обитали въ желаемомъ спокойствіи и тишинѣ, а потомъ наиприлежнѣйше истолковать, чтобъ они впредь съ подданными Ея Императорскаго Величества, тамъ обитающими, поступали дружелюбно, не причиняя ниже Корякамъ пѣшимъ и оленнымъ ни малѣйшихъ озлобленій, а если дерзнутъ чинить какія-либо въ границахъ Ея Императорскаго Величества подданнымъ наглости, то бъ вѣдали они, и будучи въ своихъ жилищахъ, своей собратіи пересказали, что всякое непріятельское покушеніе обратится въ ихъ собственную погибель, и чтобъ въ доказательство согласія безъ наималѣйшаго опасенія прислали аманата въ залогъ своей вѣрности; напослѣдокъ, сдѣлавъ имъ по ихъ состоянію удовлетвореніе, такъ какъ и показанное увѣреніе, что капитанъ за такой съ ними суровый поступокъ будетъ жестоко наказанъ, изъ плѣна отпустить и препроводить

до куда безопасность допустить коронным коштомъ, на такой конецъ, чтобъ тѣмъ подать случай имъ мыслить о безопасномъ подданствѣ; за тѣмъ же дальное предпріятіе развѣдывать, и буде, обстоятельства требовать будутъ на отвращеніе злого ихъ намѣренія прибавки людей, тогда на ту необходимость брать изъ Охотска, а въ Охотскѣ изъ Якутскихъ казаковъ нужное число.

III.

ГРИГОРІЙ ШЕЛЕХОВЪ И ЕГО ТОВАРИЩИ.

1.

Донощеніе въ сенатъ о поступкахъ Григорія Шелехова.

Въ правительствующій сенатъ отъ адмиралтейской коллегіи донощеніе о поступкахъ Рыльскаго купца Григорія Шелехова, въ бытность его въ 1783 году на Американскихъ островахъ, съ тамошними жителями.

Адмиралтейская коллегія, получа нынѣ отъ начальствующаго на сѣверо-востокѣ географическою и астрономическою экспедиціею, флота капитана 2-го ранга Биллингса рапортъ, коимъ донесено, что извѣстно ему было, что Чукчи изъ всѣхъ начальниковъ любили бывшаго у нихъ капитана Тимофѣя Шмалева, а когда наступили другіе, то не только не умножились къ подданству, но и объясаченные Коряки отъ города удалились, а Чукчи и совсѣмъ не приходили и противу россійскихъ сдѣлались не мирными; а потому онъ Биллингсъ, знавши о семъ, вытребовалъ помянутаго Шмалева и послалъ въ 786 году въ Гижиганскъ, съ тѣмъ чтобъ онъ далъ знать Чукчамъ, вопервыхъ, о своемъ пріѣздѣ, отъ коего онъ Биллингсъ вѣрно надѣялся, что будутъ обрадованы, и призвавъ ихъ сдѣлать свиданіе, предварить о его Биллингса къ нимъ пріѣздѣ и дружескомъ отъ царицы нашей его посольствѣ, съ объявленіемъ имъ монаршаго милостиваго до нихъ расположенія. Сей посланный капитанъ, видившись съ ними, не только успѣлъ въ возложенномъ на него дѣлѣ, но еще привелъ ихъ до того, что Чукчи обѣщались ежегодно въ Гижиганскъ приходить и ясакъ приносить, въ чемъ и утвердились; извѣстясь же о его Биллингса къ нимъ отъ государыни нашей посольствѣ, болѣе радовались; и одинъ изъ нихъ изъ лучшихъ тоіонъ проситъ, чтобъ для утвержденія ихъ въ подданствѣ съѣздить въ С.-Петербургъ и увидѣть Россійскую императрицу, дабы по возвратѣ могъ единоземцевъ своихъ болѣе увѣрить и утвердить въ подданствѣ Россіи, и ожидаютъ на то сонз-

воленія, объявляя притомъ, что дано позволеніе отъ генералъ-поручика Якобія купцу Баранову и его прикащикамъ ѣздить изъ Гижиганска къ тѣмъ Чукчамъ для торгу съ разными товарами, которые, для единственной своей пользы туда отправясь, не могли бъ сдѣлать тѣмъ скорбнымъ народамъ какого-либо озлобленія, а чрезъ то могутъ сдѣлать вредъ и въ возложенномъ на него Биллингса съ ними дѣлѣ и ожидаемой отъ нихъ дружественной встрѣчѣ и предпріятіи, опасаясь, чтобъ съ ними не было поступлено такъ, какъ бывшій въ Америкѣ на промышленномъ суднѣ компанейщикъ Рыльскій купецъ Григорій Шелеховъ поступалъ, о коихъ дѣяніяхъ получилъ онъ Биллингсъ извѣщеніе отъ бывшаго съ тѣмъ купцомъ подлѣкаря Бритюкова,—прописанные въ ономъ съ сими народами поступки въ существѣ ли высшему правительству донесены, или что изъ оныхъ умолчано, ему не извѣстно, но чтобъ ему не быть за молчаливость далѣе подъ каковымъ по долгу присяги отвѣтомъ, подалъ онъ ему Биллингсу бумагу, которую и представляетъ на разсмотрѣніе въ оригиналѣ.

Но адмиралтейская коллегія, получа сей его Биллингса рапортъ и не видя, чтобъ онъ о упомянутомъ купца Шелехова съ Американцами поступкѣ отнесся по начальству къ правящему должность Иркутскаго генералъ-губернатора, предписала ему Биллингсу указомъ, дабы онъ съ полученнаго имъ объ ономъ отъ подлѣкаря Бритюкова донесенія препроводилъ къ нему копію, для должнаго изысканія совершенной справедливости сего происшествія, и основательнаго о томъ куда слѣдуетъ представленія; да и впредь въ подобныхъ обстоятельствахъ относится ему Биллингсу къ тому правителю намѣстничества, донося о томъ и коллегіи; а дабы купецъ Барановъ и другіе, коимъ позволено будетъ посылать въ Америку торговыя суда, не чинили тамошнимъ жителямъ подобныхъ притѣсненій, каковыя сдѣланы помянутымъ Шелеховымъ, ежели сіе правда, то о пріемѣ должной въ томъ предосторожности писать, и писано нынѣ къ оному правителю намѣстничества и отъ коллегіи.

Адмиралтейская коллегія правительствующему сенату объ ономъ почтеннѣйше доноситъ, а какого содержанія получено имъ капитаномъ Биллингсомъ отъ подлѣкаря Бритюкова о поступкахъ купца Шелехова съ Американцами донесеніе, съ онаго представляетъ точную копію.

Подписали: Михайло Рябининъ.—Григорій Леманъ.

Августа 8-го дня 1789 года.

2.

Копія съ донесенія, поданнаго въ Якутскѣ отъ 2-го ноября 1788 года флота капитану 2-го ранга Биллингсу, Охотской команды отъ подлѣкаря Мирона Бритюкова.

Въ 1783 году данъ я былъ изъ Охотской канцеляріи (что нынѣ комендантская) Рыльскому купцу Григорію Шелехову, компанейщику, на отправляющемся тогда въ вояжъ промышленномъ суднѣ отъ казенной стороны для пользованія его и съ нимъ слѣдующихъ людей, и отправясь того года 15-го числа августа, находился я въ дѣйствительной его командѣ. Прозимовавъ на Командорскомъ острову, слѣдовали прямо къ Америкѣ, и по прибытіи на первый островъ Кодіакъ, случилось нижеслѣдующее приключеніе: г. компанейщикъ Шелеховъ, такъ какъ хозяинъ судна и всѣхъ бывшихъ на ономъ людей, объявилъ себя таковою важною персоною, что онъ имѣетъ власть не только островитянъ, но и насъ, вѣрноподданныхъ нашей всемилостивѣйшей государыни людей, казнить и вѣшать,—чего всѣ мы убоясь признавали дѣйствительно за такова-го уполномоченнаго человѣка и считали, что важнаго секрета и уполномочія отъ вышней власти не открываетъ, были во всѣхъ его повелѣніяхъ послушны.

И когда втянулись въ гавань сего острова судномъ, посылали на пяти байдарахъ служителей искать на томъ островѣ жителей, кои островитяна, увидя посланныхъ, оставя свое селеніе, бѣжали; но посланные, гнавшись за ними, нашли ихъ съ присовокупленіемъ еще другихъ, оставя тожъ взятое и имѣющееся при нихъ имущество, гдѣ поймать удалось два человѣка, кои и довели до того мѣста, гдѣ они находились во многолюдствѣ, но найдя ихъ весьма во многочисленномъ количествѣ всѣхъ собравшихся на островѣ по близости берега, коего имени я упомнить не могу. Сей островъ, окруженный каменнымъ утесомъ, никакого со всѣхъ сторонъ пристанища водою не имѣетъ, кромѣ какъ по отливѣ воды съ одной стороны съ берегу можно пройдти сухимъ путемъ по лайдѣ, и у того острова стоявъ байдарами пять дней, просили отъ нихъ аманатовъ, чтобъ не было отъ нихъ на насъ нападенія, и чрезъ что, чтобъ обойтись съ ними дружески, въ чёмъ они отказали; то принуждены были о семъ извѣстить находящагося въ гавани начальника г. Шелехова; а между тѣмъ въ одну ночь поставленные для караула люди якобы видѣли идущихъ къ нимъ въ темнотѣ островитянъ и сдѣлали шумъ и стрѣльбу изъ ружей, но никого не

убивъ и отъ нихъ сооруженнаго соотвѣтствія не видавъ, остались въ покоѣ. Въ ту жь самую ночь прибылъ помянутый г. Шелеховъ въ двухъ байдарахъ, и по разсвѣтѣ, когда сдѣлался отливъ воды, чрезъ лайду перешедъ со всѣми при немъ бывшими вооруженною рукою, прибилъ сихъ безгласныхъ народовъ до пяти сотъ человѣкъ, можно считать и болѣе, потому что большая часть бѣжали отъ страха въ свои байдарки, чтобъ имъ уплыть, и тутъ другъ друга топили и сами перетонули—гдѣ захвачено въ плѣнъ не малое количество обоего пола, и приказаніемъ его г. Шелехова велѣно мужескъ полъ отбить и отвесть на тундру и всѣхъ переколоть копьями, что̀ и учинено, а женщинъ и малолѣтнихъ дѣтей, ихъ оставшихся до шести сотъ человѣкъ, взялъ съ собою въ гавань и держалъ ихъ три недѣли, къ коимъ разбѣжавшіеся и укрывающіеся мужья стали приходить, которымъ онъ всякому свою жену возвращалъ, а изъ дѣтей по одному человѣку оставлялъ у себя въ аманаты, и по раздачѣ напослѣдокъ и остальныхъ отпустилъ. Въ то жь самое время посыланы были изъ той гавани къ восточной сторонѣ того острова служители въ 5 байдарахъ для сыска тожь жителей и отлучались на цѣлый мѣсяцъ; о поступкахъ же ихъ съ островитянами, мнѣ не извѣстно, только по возвратѣ ихъ объявили, что островитяна дѣлали на нихъ нападеніе и поранили копьями шесть человѣкъ, а съ ихъ стороны сколько урону было—не извѣстно. При обратномъ же ихъ въ гавань слѣдованіи, пойманы ими были на пути два человѣка, коихъ они, признавая за сообщниковъ въ заговорѣ противу ихъ въ нападеніи, привезли съ собою въ гавань, къ начальнику своему помянутому Шелехову, который распрашивалъ ихъ пыткою китовыхъ усовъ, шомполами, въ признаніи сказаннаго на нихъ соучастія, и когда они (можетъ не зная сего дѣла) признанія не принесли, то одного изъ нихъ самъ онъ Шелеховъ застрѣлилъ изъ пистолета, а другого велѣлъ заколоть копьемъ и отнести бросить на тундру.

Въ то жь время, когда россійскіе отлучались за отысканіемъ жительствующихъ по островамъ, какъ уже сказано, къ восточной сторонѣ, то тогда приплывали съ западной стороны въ одной байдаркѣ два человѣка островитянъ и объявили, что присланы они отъ ихъ тоіоновъ, съ тѣмъ что желаютъ они съ россійскими имѣть дружелюбное свиданіе, и съ ними торговаться, и чтобъ россійскіе не боялись прибытія, которое будетъ во многочисліи людей, и не было бъ противу ихъ поступлено воинскою рукою. Г. Шелеховъ, принявши ихъ ласково, и одарилъ ихъ по тамошнему мѣсту обы-

ковенными подарками, записавши ихъ имена, явилъ на сіе свое соизволеніе. Но послѣ отбытія ихъ, будучи во ожиданіи всю зиму, никто изъ оныхъ островитянъ не пріѣзжалъ; по наступленіи жь вёсны 1783 года, были отправлены къ западной сторонѣ сего острова россійскіе въ байдаркахъ, для осмотра мѣстъ и зазаманчиванія жителей. По возвратѣ жь ихъ когда взяты и привезены были отъ тѣхъ тоіоновъ въ аманаты дѣти, и на послѣдокъ стали пріѣзжать для свиданія къ дѣтямъ своимъ отцы, то тогда спрашивано было г. Шелеховымъ отъ нихъ, посылали ли они прошедшаго лѣта отъ себя двухъ человѣкъ предварить извѣстіемъ тѣмъ, что съ россійскими они имѣли желаніе видѣться и торговаться. На что тѣ тоіоны отозвались, что отъ нихъ посланъ никто не былъ; и когда записанныя тѣхъ двухъ человѣкъ имена были имъ сказаны, и приказано отъ г. Шелехова тѣмъ тоіонамъ сихъ двухъ человѣкъ отыскать и представить къ нему, кои и представлены были, тогда г. Шелеховъ, распрашивая ихъ въ подлинности сего посольства, далъ приказаніе штурману Измайлову, спаря ихъ обоихъ вмѣстѣ, на одинъ выстрѣлъ изъ винтовки застрѣлить, что и учинено.

Не довольно сихъ вышесказанныхъ съ островитянами поступокъ. Когда къ дѣтямъ взятымъ въ аманаты пріѣзжали со всѣхъ сторонъ тамошніе тоіоны, въ томъ числѣ и съ острова Шуяхъ, то посланы были при возвратѣ ихъ обратномъ на тотъ островъ Шуяхъ два человѣка россійскихъ, съ разными на тамошную руку мелочными товарами торговаться, и даны были сему тоіону, съ тѣмъ, чтобъ ихъ препроводить обратно; но какъ сихъ двухъ человѣкъ Россіянъ тамошніе жители по жадности ли къ вещамъ, или по злости ихъ къ россійскимъ, убили, и были мы всѣ объ ономъ безвѣстны, но одинъ съ острова Афогнахъ житель, о семъ смертоубійствѣ извѣщась при посылкѣ россійскихъ на острова Фогнахъ и Шуяхъ, при коихъ было тожь посылано изъ Кадатскихъ жителей, то тотъ Фогнахскій островитянинъ, боясь россійскимъ сію о смерти двухъ Россіянъ вѣдомость персонально открыть, а сказалъ тѣмъ Кадатскимъ жителямъ, туда прибывшимъ, что онъ слышалъ заподлинно то самое, якобы дѣйствительно убиты россійскіе, но онъ самъ явиться и имъ о семъ сказать не смѣетъ,—чрезъ коихъ Кадатскихъ жителей россійскіе увѣдомившись отправили для точнаго распроса самого того Афогнаскаго жителя къ своему хозяину Шелехову, который, распрашивая пристрастно, не былъ ли онъ участникомъ смертоубійства, и какъ увѣдомясь отъ него, что онъ, узнавши самъ, единственно старался о семъ Россіянъ извѣстить, а что въ соучастіи

сего смертоубійства не былъ; почему и спрашиванъ былъ: не знаетъ ли кто еще о семъ другой? А какъ онъ въ оправданіе свое сказалъ, что есть еще на ихъ островѣ одинъ житель, который тожь слышалъ, то г. Шелеховъ послалъ туда за нимъ нарочныхъ, чтобъ и его привесть; но онъ тожь самое подтвердилъ, что только слышалъ; а самъ и товарищъ его притомъ не были. То сказано имъ было для чего они благовременно о семъ не извѣстили, и за то приказалъ спарить ихъ вмѣстѣ, чтобъ на одинъ выстрѣлъ обоихъ изъ ружья можно застрѣлить, и самъ выстрѣлилъ по нихъ и одного убилъ, а другого только ранилъ, то и тому приказалъ отсѣчь голову. А на помянутые острова Фогнахъ и Шуяхъ посланы были россійскіе въ трехъ байдарахъ для истребленія всѣхъ жителей и сыску помянутаго тоіона, съ копмъ посыланы были россійскіе торговать; то посему приказанію въ бытность нашу получено извѣстіе, что одно селеніе совсѣмъ искоренено, а изъ прочихъ спаслись бѣгствомъ; а что послѣ нашего отбытія происходитъ, то мнѣ не извѣстно.

Страшны сіи поступки для меня, что я по сіе время хотя и слышалъ отъ него г. Шелехова о уполномоченіи его и данной ему власти не только спхъ народовъ, но и россійскихъ казнить и вѣшать, но подлинно ль дана ему таковая власть, утвердить не могу. А страшась сего уполномоченія съ пріѣзда моего ни въ какое правительство донести не осмѣлился. Долгъ же присяги запрещаетъ мнѣ оставить въ молчаніи, и какъ я наслышался, что ваше высокоблагородіе, по данной вамъ отъ монархини нашей власти, входите во всѣ подробности прибѣгающихъ къ вамъ угнетенныхъ, въ отдаленномъ здѣшнемъ краю, и оказываете во всемъ милостивое ваше покровительство, то и я равно прошу ваше высокоблагородіе вникнуть въ важность дѣла, мною выше прописаннаго, достойно ли оно донесенія вышняго правительства и прописано ли оно такъ, какъ было въ существѣ его Шелехова журналѣ, хотя я не сомнѣваюсь, что оное въ совершенствѣ къ царицѣ нашей отъ него представлено; но чтобъ и мнѣ безгласному человѣку, по долгу присяги таковые страшные для меня поступки оставить въ молчаніи, не было какого-либо взысканія, тѣмъ наиболѣе, что вѣрно ли дана ему таковая высочайшая воля, такъ какъ намъ о себѣ далъ знать мнѣ не извѣстно; а посему и прошу ваше высокоблагородіе, принявъ отъ меня сію бумагу, препроводить куда слѣдуетъ или содержать у себя для моего въ случаѣ дальнѣйшей отъ меня молчаливости оправданія.

Подписалъ: секретарь Сергѣй Золотовъ.

3.

Государственной адмиралтейской коллегіи отъ генералъ-поручика правящаго должность Иркутскаго и Колыванскаго генералъ-губернатора и кавалера Пиля рапортъ.

Отъ 19-го числа прошедшаго іюля за № 4-мъ почтеннѣйшее сообщеніе сей коллегіи я имѣлъ честь получить въ 16-й день текущаго сентября, изъ котораго видѣвъ замѣчаніе ея о торговлѣ купца Баранова въ Гижиганскомъ округѣ съ народами, такъ называемыми Чукчи и Корякп, о жестокихъ поступкахъ купца Шелехова съ Американцами въ бытность его у нихъ въ 1783 году, и о произвожденіи находящимся въ Охотскѣ при судовомъ строеніи служителямъ прибавочной платы, сверхъ обыкновеннаго ихъ жалованья, особеннымъ себѣ поставляю долгомъ всепокорнѣйше представить здѣсь на прозорливое ея разсмотрѣніе слѣдующія мною уже испытанныя обстоятельства:

1) Хотя г. Биллингсъ изъяснялся сей коллегіи о томъ, что когда посланъ былъ отъ него капитанъ Шмалевъ въ чукотскія жилища еще въ 786 году, съ объявленіемъ о прибытіи туда его г. Биллингса и о монаршемъ Ея Императорскаго Величества къ нимъ расположеніи, то подѣйствовалъ такъ въ нихъ, что могъ обратить ихъ къ совершенному миролюбію и къ подвластію, предъ тѣмъ было ими совсѣмъ уже отрывенному; но только учиненнымъ позволеніемъ купцу Баранову для торговли сомнѣвается, чтобы не сдѣлано было тѣмъ народамъ озлобленія и чрезъ то вреда и въ возложенномъ на него Биллингса съ ними дѣлѣ и ожидаемой отъ нихъ дружественной встрѣчи и пріятіи. Однакожь таковое сомнѣніе его я не могу принять за вѣроятіе, а и тѣмъ меньше за правдоподобіе, потому:

2) Что Иркутскій купецъ Александръ Барановъ испросилъ себѣ позволеніе отъ бывшаго здѣсь въ должности генералъ-губернатора г. генералъ-поручика и кавалера Якоби не прежде, какъ въ исходѣ генваря мѣсяца 788 года, о которомъ и по дѣлу значитъ тако: сей Барановъ, согласясь съ Охотскимъ купцомъ Иваномъ Кречевцовымъ сдѣлать отправленіе на рѣку Анадырь для промысла звѣрей, отысканія моржеваго зуба и кости мамонтовой, а притомъ, ежели будетъ возможность, и съ народами, около тѣхъ мѣстъ обитаемыми, основать и завести производство торговли, просили его г. генералъ-поручика и кавалера, чтобы оказано имъ было въ томъ

законное съ казенной стороны вспоможеніе: почему, и что сіе обѣщевало дѣйствительно видную общую пользу, и учинены были Якутскому и Охотскому комендантамъ да Гижиганскому городничему и исправнику, на основаніи таковой просьбы, предписанія единственно о томъ только, дабы сіи начальники по расположенію въ ихъ завѣдываніи мѣстъ, рѣкою Анадыромъ объемлемыхъ, оказали тѣмъ купцамъ въ предполагаемомъ ими полезномъ заведеніи свое, то есть, со стороны казенной, вспоможеніе; слѣдовательно, таковое предписаніе, заключая въ себѣ общую и совершенную пользу, могло ли обѣщевать здѣшнему начальству каковое-либо непріятное происшествіе между Чукчами и Коряками, да и то оттого, что купечествующіе Барановъ и Кречевновъ были подъ всемѣстнымъ со стороны земскаго правленія наблюденіемъ.

3) Изъ опытностей здѣсь извѣстно, да изъ дошедшихъ ко мнѣ изъ Охотскаго края бумагъ самъ я вижу, что Чукчи и Коряки никогда не были раздражены со стороны торгующихъ съ ними всякаго званія людей, и торговля ихъ рѣдко когда была прерываема, потому что они сами, имѣя въ ней крайнюю необходимость, всегда старались сбывать свои товары, какъ въ одной почти рухляди состоящіе, въ другія руки и на оные получать себѣ иные: хотя же неоднократное замѣшательство ихъ и сосѣднихъ имъ народовъ Корякъ замѣчаемо было правительствомъ, но не допускалось никакой побудительнѣйшей на то причины, какъ только, что сіе проистекало отъ собственнаго безпокойнаго нрава ихъ и отъ вѣтренности, сопряженной съ дикостію. Торговля всегда поощряла ихъ къ успокоенію въ мысляхъ и положеніяхъ ихъ, и воспрещенія объ оной никакого еще не было купечествующимъ, окромѣ чиновниковъ, поколику сіе совсѣмъ несвойственно съ состояніемъ и званіемъ ихъ, почему я и думаю, что и теперь поступить на воспрещеніе нѣтъ ни малѣйшей нужды, ибо чѣмъ болѣе умножаться будутъ россійскіе торговцы въ тѣхъ почти не обитаемыхъ мѣстахъ, тѣмъ не меньше возрастать можетъ полезное вліяніе въ сердцахъ и въ обхожденіяхъ дикихъ народовъ; слѣдуетъ, конечно, надзирать правительству за обращеніемъ онымъ всемѣрно; но по сему дѣлу, кромѣ увеличеннаго слишкомъ присмотра, ничего сомнительнаго не оказывается, и для того замѣчанія и сомнѣніе г. Биллингса остается въ семъ случаѣ приписать большею частію излишней его для себя осторожности, поколику начальство здѣшнее, будучи извѣстно о естественномъ расположеніи обитающихъ по всей обширности такой народовъ, не упуститъ и само по себѣ предостерегать всякую

непріятность, паче же вредное начальство, каковое выводитъ г. Биллингсъ изъ показанія одного подлѣкаря на Рыльскаго именитаго гражданина Шелехова, и о которой ниже сего также доказано будетъ въ пристойномъ мѣстѣ.

4) Справедливо, что капитанъ Шмалевъ ѣздилъ въ чукотскія и коряцкія жилища, но впрочемъ приведеніе ихъ нѣкоторымъ образомъ въ спокойное положеніе зависѣло болѣе отъ неутомимаго попеченія начальствовавшаго областію полковника Козлова-Угренина, который, хотя для сего почти оставя Охотскъ, объѣзжалъ всѣ округи вѣдомства своего и убѣдительнѣйшими посредствами склонялъ неспокойныхъ народовъ къ повиновенію, однакожь за всѣмъ тѣмъ и поднесь еще осталося нѣкоторое вліяніе въ сердцахъ ихъ къ отмщенію россійскимъ людямъ за бывшее Анадырскою партіею имъ истребленіе. Доказательно сіе и потому, что о Корякахъ идетъ теперь новое у меня расположеніе, какимъ бы образомъ размѣстить ихъ врозь жилищами и удалить сосѣднее пребываніе ихъ отъ Чукчей, которое въ свое время, конечно, и надлежащее дѣйствіе возымѣетъ,—ибо г. Козловъ-Угренинъ настоятельно утверждаетъ, что сіи народы, бывъ безпокойнаго нрава, питаютъ непримиримую вражду къ Чукчамъ и сосѣднимъ ихъ народамъ Мамуткамъ и Камчадаламъ.

5) Окромѣ того расположенія моего, продолжаются теперь новыя дѣла о разныхъ дерзновеніяхъ старшихъ тѣми народами управляемыхъ, которыя отважились не допускать посланной на рѣку Пенжину для пріисканія подъ городъ Акланъ удобнаго мѣста команды; сіи дѣла, будучи главнѣйшею цѣлію къ испытанію самыхъ вреднѣйшихъ начинщиковъ безпокойствъ, тамо случающихся, возымѣютъ также надлежащій конецъ и въ свое время; почему я и надѣюсь, что адмиралтейская коллегія, усмотрѣвъ изъ вышеописаннаго все здѣшнее попеченіе за благоустройствомъ, между дикими народами предполагаемымъ, найдетъ, что какъ купеческая торговля для нихъ суть необходима, такъ и смотрѣніе за оною есть достаточно.

6) Подобнымъ образомъ, то есть, чрезъ торговлю призваны недавно въ повиновеніе земскаго начальства и другіе Чукчи, пребывающіе на островахъ Ледовитаго сѣвернаго моря въ Зашиверскомъ округѣ, которые, будучи весьма коротко знакомы съ Гижиганскими Чукчами и Коряками, всеконечно не оставятъ показать имъ самимъ себя примѣромъ; ибо сіи нововызванные, какъ описываетъ ихъ Зашиверскій исправникъ Баннеръ, довольно разумны и постоянны; по

сей части идетъ у меня также новое расположеніе для того, что сіи Чукчи обѣщались познакомить ему исправнику, окромѣ себя, другихъ еще народовъ, живущихъ неподалеку на островахъ Ледовитаго же моря, коихъ называютъ они такъ Зубатые и Дыроват... Адмиралтейской коллегіи не благоугодно ли будетъ замѣтить сіе обстоятельство ни для чего болѣе, какъ только, чтобы удобно ей было сличить оное происшествіе съ тѣми пунктами, которые помѣщены въ инструкціи, г. Биллингсу данной. А я сошлюся здѣсь на высочайшій Ея Императорскаго Величества указъ, въ 8-й день августа 785 года состоявшійся, на основаніи котораго всемилостивѣйшая государыня высочайше указать соизволила, сообразоваться самой коллегіи и г. Биллингсу относительно описанія всѣхъ островныхъ сѣверной части жителей. И ежели бы г. Биллингсъ расположилъ было себя привесть въ дѣйствіе сію высочайшую волю по точному объ ней въ томъ указѣ начертанію, то конечно, увидѣлъ бы, сколько требовалось тутъ трудовъ и попеченія его. Хотя же во время бытности его на Колымскихъ вершинахъ испытанія его простирались частію до совершеннаго выполненія монаршей волп, однако приведенныя имъ въ доказательство своихъ изнеможеній трудности обратили путешествіе его совсѣмъ въ другую сторону, и онъ принужденъ былъ остановиться дѣйствіями его не гдѣ, гдѣ какъ только въ Охотскѣ.

7) Изъяснивши такимъ образомъ о состояніи Чукчей, я приступаю здѣсь къ описанію того доноса, который поданъ г. Биллингсу отъ подлѣкаря Бритюкова; и какъ выше доказано уже, что торгующіе съ Чукчами не могутъ равняться съ морскими промышленниками, которые плаваютъ своими судами на открытомъ Сѣверовосточномъ океанѣ, то здѣсь и почитаю я за нужное сказать то только, что донось упоминаемаго Бритюкова на Рыльскаго именитаго гражданина Шелехова доставленъ былъ въ копіи ко мнѣ отъ г. Биллингса. Я, разсмотрѣвши оный и сличивши его съ высочайшимъ Ея Императорскаго Величества указомъ, даннымъ въ 13-й день августа 787 года предмѣстнику моему г. генералъ-поручику и кавалеру Якобіи, не нашелъ однакожь ничего болѣе въ немъ, окромѣ единой вражды и неосновательства, потому наиболѣе, что всѣ поступки купца Шелехова, каковы только въ самомъ дѣйствіи были надъ американскими жителями, въ самой подробности имъ описаны и представлены на высочайшее Ея Величества благоусмотрѣніе, которые ежели бы были нахальные и дерзновенные, то конечно, не воспользовался бы онъ особеннымъ и къ нему

уже бывшимъ монаршимъ снисхожденіемъ, какъ то явствуетъ о семъ въ подлинномъ отъ него правящему въ Якутскѣ должность коменданта г. надворному совѣтнику Дрозману объясненіи, что всемилостивѣйшая государыня, уважая подвиги его Шелехова, благоволить соизволила наградить его отъ щедротъ своихъ похвальною открытою грамотою, шпагою и золотою медалью.

8) Адмиралтейская коллегія удостовѣриться можетъ о дѣяніяхъ сего морскаго компанейщика изъ представленной отъ меня въ оную отъ 25-го числа прошедшаго іюля журнальной мореходнической записки, гдѣ отнюдь не сокрыто всѣхъ тѣхъ покушеній, какія были отъ Американцевъ на его компанію и отъ него на нихъ, и гдѣ само по себѣ откроется—заслуживаетъ ли какого правдоподобія объясненіе подлѣкаря того, который, по словамъ Шелехова, былъ ему единою почти на судахъ тягостію. Впрочемъ же вѣроятнымъ быть можетъ, что сей подлѣкарь давно желалъ учинить показаніе на Шелехова, но не могъ, не такъ, какъ говоритъ, съ боязни, но дѣйствительно потому, что въ истинѣ своего показанія и самъ сомнѣвался. Я, преходя обстоятельство сіе, какъ вниманія не заслуживающее, донесу оной коллегіи то, какимъ образомъ г. Биллингсъ произвелъ въ дѣйствіе сей доносъ, въ Якутскѣ ему отъ Бритюкова поданный.

9) Онъ, имѣючи у себя ордеръ по содержанію вышеписаннаго высочайшаго указа отъ 13-го числа августа 787 года, когда принялъ тотъ доносъ, то прежде, нежели отнесся ко мнѣ объ оном, сообщилъ къ упомянутому надворному совѣтнику Дрозману, дабы онъ, такъ какъ Шелеховъ находился тогда въ Якутскѣ, задержалъ его и работниковъ его тамо, и хотя требованіе сіе не было дѣйствіемъ къ остановленію Шелехова отъ предпріятаго имъ въ Охотскѣ пути, однакожъ сей человѣкъ, огорчася таковымъ случаемъ, принужденъ былъ войдтить къ нему Дрозману съ вышеупомянутымъ объясненіемъ своимъ и признать сіе единою наклонностію г. Биллингса къ явному его недоброжелательству, почему г. Дрозманъ, отрекшись отъ исполненія требованія Биллингсова, донесъ о томъ и сюда для того, чтобы настоящее происшествіе не осталося безгласнымъ.

10) Внимая сущности резоновъ, отъ Шелехова представленныхъ, когда я не видѣлъ совершенной причины, могущей подвергнуть дѣло его слѣдствію, то отъ 5-го числа минувшаго іюля и извѣстилъ г. Биллингса объ оном, совѣтуя ему исполнять въ точности единое лишь то только, что̀ прямо относится до возложенной на него

коммиссіи. Слѣдованіе о поступкахъ морскихъ компанейскихъ промышленниковъ рекомендовалъ ему основывать не инако, какъ по предписанію отъ предмѣстника моего, ему данному, и сіе распоряженіе мое, я твердо уповаю, адмиралтейская коллегія благоволитъ признать правильнымъ, поколику оное основывалъ я на точнѣйшемъ смыслѣ высочайшаго того указа; затѣмъ не могу я умолчать здѣсь, что по таковымъ г. Биллингса предпріимчивостямъ осталося мнѣ дать ему замѣтить, чтобы онъ, отложивши подобные доносы разсматривать здѣшнему начальству, не вмѣшивался самъ въ оные, а только увѣдомлялъ бы объ нихъ меня. Поелику же во время вояжированія его съ экспедиціею по Сѣверо-Восточному океану всеконечно встрѣчаться онъ будетъ и съ судами, за звѣринымъ промысломъ тамо находящимся, то на случай подобныхъ показаній на кого-либо изъ компанейщиковъ или промышленниковъ, отъ островитянъ не велѣлъ я отнюдь удерживать таковыхъ на мѣстѣ или и высылать сюда, но чтобы замѣчалъ онъ и испытывалъ только ихъ поступки, для того, дабы въ свое время и именно тогда, коль скоро выйдутъ они изъ вояжа, можно было осудить виновныхъ по силѣ законовъ; сіе замѣчаніе учинено ему Биллингсу съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы удалены тутъ были всякія примѣтки на промышленниковъ, и чтобы озлобленіемъ не имѣло себѣ въ толь важныхъ оборотахъ ихъ мѣста.

Впрочемъ, что касается до прибавки находящимся у строенія судовъ служителямъ, сверхъ жалованья ихъ, особой платы, я не нахожу ничего болѣе здѣсь сказать какъ слѣдующее:

11) Какъ мнѣ извѣстно, что строеніе судовъ, для экспедицій нужныхъ, по предположенію самого г. Биллингса и по удостовѣренію начальствующаго въ Охотскѣ окончено быть должно въ прошедшемъ августѣ и настоящемъ сентябрѣ мѣсяцахъ, слѣдовательно, съ окончаніемъ того построенія, прекратится уже и работа на служителей было возложенная; отъ г. же Биллингса о семъ прибавочномъ мастеровымъ жалованьѣ донесено сюда не было, да и въ разсужденіи истеченія настоящаго сентября мѣсяца, въ которомъ окончится вся по экспедиціи работа, нѣтъ возможности по дальнему Охотска отселѣ разстоянію успѣть съ предварительнымъ на то моимъ предписаніемъ, и для того я послалъ извѣстіе мое къ г. Биллингсу такое только, что ежели бы сверхъ чаянія моего застало оно его на мѣстѣ еще въ Охотскѣ, въ такомъ случаѣ не оставилъ бы онъ по причинамъ, отъ него представленнымъ, учинить свое распоряженіе, кому именно и сколько должно прибавить

за излишніе труды умѣренную плату и донесъ бы о томъ ко мнѣ на уваженіе, почему бы можно было разрѣшить его и о употребленіи слѣдующей на то суммы.

Наконецъ же 12) поелику адмиралтейская коллегія, въ упомянутомъ сообщеніи своемъ, изволила увѣрять меня, что со стороны ея относительно поступковъ морскаго компанейщика Шелехова и торговли купцовъ Баранова и Кречевцова учинено донесеніе правительствующему сенату, и для того за нужное почелъ я о всемъ вышеописанномъ представить и со своей стороны въ оный, прапорщику же Пирожкову, который доставилъ сюда то сей коллегіи сообщеніе, велѣно отъ меня явиться по прежнему къ его командѣ въ городъ Якутскъ.

Подлинное подписалъ: *Иванъ Пилъ.*

Сентября 19-го дня 1789 года.

КАЗАКЪ ѲЕДОРЪ КАМЕНЬЩИКОВЪ [1].

1.

Докладъ императрицѣ Екатеринѣ II.

На подлинномъ собственною Ея Императорскаго Величества рукою подписано тако:

„Быть по сему".

1776 года декабря 18-го дня, тайный дѣйствительный совѣтникъ сенаторъ и кавалеръ Панинъ, правящій генералъ-прокурорскую должность генералъ-квартирмейстеръ и кавалеръ князь Вяземскій, во исполненіе высочайшаго Ея Императорскаго Величества соизволенія, по полученнымъ въ правительствующій сенатъ во 2-й департаментъ, минувшаго ноября 22-го дня, изъ Оренбургской губернской канцеляріи, Чебаркульской крѣпости о казакѣ Ѳедорѣ Каменьщиковѣ и о прочихъ экстракту,—изъ учиненнаго въ оной канцеляріи опредѣленія копіи, изъ которой оказалось, что оный Каменьщиковъ между многими продерзостями, чинилъ нѣкоторыя непристойныя разглашенія, коп принадлежатъ до свѣдѣнія тайной экспедиціи, (за что уже ему тою губернскою канцеляріею наказаніе учинено), по какъ на объявленномъ экстрактѣ и копіи въ заглавіи не означено было, что то о секретномъ дѣлѣ, то сіи вступили въ публичное мѣсто, то есть, во 2-й департаментъ, гдѣ о томъ знать не подлежало, приказали: въ Оренбургскую губернскую кан-

---

[1]) Дѣло о казакѣ Ѳедорѣ Каменьщиковѣ составляетъ любопытный эпизодъ въ ходѣ народныхъ волненій на востокѣ Европейской Россіи, въ свое время, въ 1765 г., впрочемъ получившій развязку дѣйствіями одной мѣстной администраціи и только въ послѣдствіи, послѣ Пугачевщины, пріобрѣвшій значеніе для высшаго правительства.

целяріи послать предложеніе, въ которомъ написать, что въ показанныхъ адресованныхъ во 2-й департаментъ экстрактѣ и копіи чинимаго казакомъ Каменьщиковымъ непристойнаго разглашенія, яко до 2-го департамента ни мало не принадлежащаго, между публичнаго дѣла включать не подлежало; ибо по состоявшемуся въ 1762 г. октября 19-го дня, именному Ея Императорскаго Величества указу для таковыхъ секретныхъ дѣлъ учреждена при сенатѣ въ 1-мъ департаментѣ тайная экспедиція, по которому и надлежало о означенномъ разглашеніи писать въ оную экспедицію, или по крайней мѣрѣ, когда сего не сдѣлано, то бъ слѣдовало на объявленномъ экстрактѣ и копіи въ заглавіи, такъ какъ и на пакетахъ надписать „о секретномъ дѣлѣ", но и сего не учинено; въ чемъ Оренбургскою губернскою канцеляріею, по елику сама она сіе разглашеніе весьма уважпвала, поступлено не осмотрительно; а потому сдѣлала о ономъ разглашеніи извѣстными такихъ людей, которымъ того знать было не должно. Чего ради оной губернской канцеляріи подтвердить, чтобъ она впредь въ таковыхъ дѣлахъ поступала съ крайнимъ осмотрѣніемъ, соображая при томъ точность и силу объявленнаго высочайшаго Ея Императорскаго Величества указа; Показанный же экстрактъ и копію оставя въ тайной экспедиціи, сообщить съ нихъ за исключеніемъ касавшихся до непристойнаго разглашенія рѣчей во 2-й департаментъ копіи.

Подписали: И. Панинъ.—Князь А. Вяземскій.

2.

Въ правительствующій сенатъ отъ Оренбургской губернской канцеляріи рапортъ.

При указѣ Ея Императорскаго Величества, февраля сего 1766 года, присланъ въ Оренбургскую губернскую канцелярію бѣглый Исецкой провинціи Чебаркульской крѣпости казакъ Оедоръ Каменьщиковъ, прозываемый Слудниковымъ и Алтынпымъ Глазомъ (который недавно приписныхъ къ заводамъ Масленскаго острога крестьянъ возмущалъ, дѣлая большое имъ собраніе) и съ нимъ жена его, крестьяне: Егоръ Прокофьевъ, Кирила Ширяевъ, да Семенъ Толмиповъ и морскаго флота отставнаго капитана Аристова дворовый человѣкъ Ѳедоръ Андреевъ; велѣно тѣмъ Ея Императорскаго Величества указомъ, по разсмотрѣніи приложенныхъ при ономъ допросовъ, экстракта и другихъ писемъ, ежели

сверхъ изображеннаго въ томъ указѣ не окажется, произведя слѣдствіе, поступить, яко съ злоумышленнымъ преступникомъ и возмутителемъ, такъ и съ сообщниками его, на основаніи законовъ безъ наималѣйшаго упущенія, и что̀ учинено будетъ — въ правительствующій сенатъ рапортовать.

По силѣ того Ея Императорскаго Величества указа, каковъ о помянутомъ злодѣѣ Каменьщиковѣ и сообщникахъ его, въ Оренбургской губернской канцеляріи, сего октября 18-го числа подписано опредѣленіе (съ онаго копія при семъ покорнѣйше прилагается), по которому опредѣленію исполненіе самымъ дѣломъ учинено.

Подписали: Никита Муравьевъ.—Леонтій Арнаутовъ.—Секретарь Семенъ Кисленской.—Подканцеляристъ Степанъ Соколовъ.

Въ 1-й департаментъ сената, октября 19-го дня 1766 года.

По указу Ея Императорскаго Величества въ Оренбургской губернской канцеляріи, слушавъ слѣдствіе о содержавшемся въ оной губернской канцеляріи вѣдомства Исецкой провинціи Чебаркульской крѣпости бѣгломъ казакѣ Ѳедорѣ Каменьщиковѣ и сообщникахъ его, въ которомъ значитъ, что оный злодѣй Каменьщиковъ, прозываемый Слудниковымъ и Алтыннымъ Глазомъ, прошлаго 1764 года сентября 13-го числа въ силѣ ордера отъ генералъ-маіора что̀ нынѣ въ отставкѣ генералъ-поручикомъ, Брахфельда, въ полкъ Оренбургскій присланнаго, какъ то въ промеморіи отъ генералъ-маіора Черепова (которому, въ силѣ указа Ея Императорскаго Величества, изъ государственной военной коллегіи опредѣлено, производимому по челобитью онаго злоумышленнаго возмутителя Каменьщикова въ чиняемыхъ отъ старшихъ обидахъ и взяткахъ слѣдствію сдѣлать дополненіе) значитъ: сѣченъ по три дня плетьми за то, что: 1) онъ Каменьщиковъ билъ казака Пустореброва; 2) не объявилъ объ найденной въ квартирѣ его послѣ Донскаго казака суевѣрной тетрадкѣ и ложно показалъ, якобы по осмотру священника писана въ ней молитва, чего по дѣлу не оказалось; 3) будучи при смотрѣніи свадьбы казака Клыкова билъ и стрѣлялъ по немъ изъ ружья съ злости; а потомъ по производимымъ подполковникомъ Уваровымъ, а напослѣдокъ полковникомъ Воейковымъ съ другими оберъ-офицерами слѣдствіямъ по его Каменьщикова доносамъ и по ихъ Уварова и Воейкова мнѣніямъ, виновнымъ признанъ: 1) въ недоказаніи въ угроженіи его есауломъ Фалковымъ, якобы въ удержкѣ атаманомъ Симоновымъ при раздачѣ фуражныхъ денегъ отъ каждаго рубля по пяти копѣекъ; 2) въ принужденіи

атаманомъ Симоновымъ казаковъ къ возкѣ подряднаго провіанта, а кто везти не желалъ, тѣхъ якобы въ безвинномъ битьѣ и въ сажаніи подъ караулъ; 3) въ ложномъ челобитьѣ его написаніи, будто бы для его просьбы на старшинъ своихъ всѣ мірскіе люди послали; 4) въ упущеніи челобитьемъ своимъ о собираемыхъ на исходатайство крѣпостнымъ казакамъ жалованья, яко же и въ нераздачѣ заработныхъ денегъ не малаго времени, а въ тогдашнее время, какъ поборъ происходилъ, не доносилъ, по которому слѣдствію содержался въ Троицкой крѣпости подъ карауломъ 1765 г. до апрѣля мѣсяца, а въ томъ мѣсяцѣ бѣжалъ и назвался сенатскимъ курьеромъ, якобы по именному Ея Императорскаго Величества указу присланнымъ, именуя себя Михайломъ Рѣзцовымъ; вступилъ въ разбирательство не давно приписныхъ къ заводамъ дворянина Никиты Демидова, вѣдомства Исецкой провинціи Маслянскаго острога крестьянъ (которые въ прошломъ 1761 году, не хотя быть въ заводскихъ работахъ, не малую противность чинили и едва нарочно посланною командою усмирены), возмущалъ, и многихъ садя подъ караулъ, жестоко плетьми мучилъ, дома и пожитки печаталъ, и будто бъ онъ присланъ изъ правительствующаго сената для изслѣдованія о обидахъ и разореніяхъ, причиненныхъ яко бы всѣмъ помянутаго Маслянскаго острога крестьянамъ рѣченнаго Демидова прикащиками; привелъ тамошнихъ крестьянъ къ заводамъ въ непослушаніе и въ такой развратъ, что они сдѣлались было весьма опасными, а сверхъ того посланныхъ для поимки его людей плетьми билъ и отважился въ Шадринскую управительскую канцелярію и Окуневскаго дистрикта командиру ордеры посылать, написывая въ оныхъ ордерахъ, что онъ присланъ для нѣкотораго секретнаго дѣла; чинилъ той канцеляріи и командиру Коликину угрозы, а тѣхъ крестьянъ Маслянскихъ къ присягѣ приводилъ,—видя онос тѣ крестьяне въ такую увѣренность пришли, что уже командиромъ его почитали и были предъ нимъ въ подобострастіи; какъ же онъ еще въ Троицкой крѣпости содержался, то Исецкой же провинціи Будкинской слободы государственные крестьяне (которые его Каменьщикова просили, чтобъ онъ по окончаніи объ немъ слѣдствія за нихъ крестьянъ въ отнятіи у нихъ Татарами земли и прочаго постарался) прислали денегъ сто двадцать, да еще обѣщали двѣсти рублей, и такъ онъ по учиненіи вышеозначеннаго злоумышленнаго крестьянамъ возмущенія, взявъ жену свою Василису Лукьянову и крестьянъ, а именно: Маслянскаго острога Егора Прокофьева, да Кирилу Ширяева, Буд-

киской слободы Семена, да Никиту Тельминовыхъ поѣхалъ въ С.-Петербургъ, и будучи по пути въ Казанскомъ уѣздѣ въ деревнѣ Починокъ, въ день апостоловъ Петра и Павла изъ ружья палилъ, а при выходѣ изъ церкви людей считать приказывалъ, и взявъ случившагося въ оной деревнѣ морскаго флота отставнаго капитана Ѳедора Арпстова дворового человѣка Ѳедора Андреева, обѣщая его представить Ея Императорскому Величеству за его Андреева объявленіе, будто бы его Каменьщикова тамошніе помѣщики, въ томъ числѣ и Арпстовъ, намѣрились убить; ѣдучи же бралъ онъ Каменьщиковъ подводы и проводниковъ, называясь также курьеромъ, а иногда вахмистромъ Бахметьевымъ. И какъ всѣ они до С.-Петербурга доѣхали, то Никитъ Тельминовъ, явясь въ главной полицеймейстерской канцеляріи, о немъ Каменьщиковѣ учинилъ доносъ, который за то отъ государственной штатъ-конторы въ силу указа правительствующаго сената награжденіе получилъ и отпущенъ въ домъ; помянутый же злоумышленный возмутитель Каменьщиковъ съ женою и крестьяне Прокофьевъ, Шпряевъ, Тельминовъ, дворовый человѣкъ Андреевъ, при указѣ изъ правительствующаго сената сего года марта 8-го числа сюда присланы, и велѣно Оренбургской губернской канцеляріи, приложенные при томъ указѣ, учиненные въ правительствующемъ сенатѣ Каменьщикову съ товарищами допросы, а главной полицеймейстерской канцеляріи распросы и изъ оныхъ экстракты, и взятыя изъ нихъ у Каменьщикова разныя письма разсмотря, буде сверхъ изображеннаго въ томъ указѣ еще не окажется ли, въ такомъ случаѣ слѣдствіе произвесть и окончить указнымъ порядкомъ и поступить съ нимъ Каменьщиковымъ, яко съ злоумышленнымъ преступникомъ и возмутителемъ, такожь и съ прочими сообщниками, на основаніи законовъ безъ наималѣйшаго упущенія, и что учинено будетъ, въ правительствующій сенатъ рапортовать. Указами же изъ государственной штатъ-конторы сего года февраля, первымъ отъ 22-го, вторымъ отъ 27-го, здѣсь полученными марта 20-го числа, дано знать, что выдано отъ оной штатъ-конторы сенатской роты унтеръ-офицеру Льву Горемыкину, который помянутыхъ Каменьщикова съ товарищами сюда привезъ, на платежъ прогоновъ осмнадцать рублей семьдесятъ семь коп., да на отправленіе оныхъ Каменьщикова съ товарищами, на платежъ за шесть подводъ прогоновъ пятьдесятъ шесть руб. тридцать одна коп., и велѣно, какъ оные, такъ и крестьянину Тельминову въ награжденіе выданные пятьдесятъ, всего сто двадцать пять руб. восемьдесятъ коп., взыскать съ показан-

нихъ съ Каменьщикова и сообщниковъ его, кто виновными окажутся, и записать въ приходъ съ подлежащими до штатъ-конторы доходами и въ государственную штатъ-контору рапортовать. По силѣ тѣхъ Ея Императорскаго Величества указовъ, въ Оренбургскую губернскую канцелярію присланные изъ правительствующаго сената допросы, экстрактъ и другія письма разсмотрѣны; но какъ по тѣмъ допросамъ и распросамъ о прямомъ его Каменьщиковѣ злоумышленномъ намѣреніи ничего не открыто, а по производству въ Оренбургской губернской канцеляріи оказалось, что какъ для поимки его Каменьщикова ѣздилъ коммисаръ Калининъ, то слышалъ отъ крестьянъ, что онъ Каменьщиковъ о себѣ много страшнаго распространялъ, а сверхъ того, чинена былъ для него сборъ по шести коп., да для находившагося при немъ крестьянина Семена Косенко по одной копѣйки съ души, того ради въ Оренбургской губернской канцеляріи разсуждено и посланнымъ въ Исецкую провинціальную канцелярію указомъ опредѣлено: изъ содержащихся въ оной провинціальной канцеляріи вышеупоминаемаго Каменьщикова сообщниковъ, которые изъ нихъ ему Каменьщикову знаемые были и къ согласію склонность больше имѣли, допросить какое дѣйствительно отъ него Каменьщикова означеннымъ крестьянамъ возмущеніе и о себѣ важное, какъ выше значится, многострашное изъясненіе происходило, въ какой силѣ тѣмъ крестьянамъ присягу чинилъ, — почему учиненное содержащимся въ помянутой Исецкой канцеляріи колодникамъ четыремъ человѣкамъ допросы въ Оренбургскую губернскую канцелярію присланы, изъ которыхъ подъячій Козьма Мерзляковъ показалъ: Упоминаемый де Каменьщиковъ, во время содержанія въ Троицкой крѣпости подъ карауломъ, показывалъ ему Мерзлякову печатный указъ, якобы на имя его Каменьщикова присланный съ титуломъ императора Петра Третьяго, и притомъ де, да и во многія времена какъ онъ, такъ и плотникъ Оренбургскаго полка Петръ Долгихъ, у котораго онъ Каменьщиковъ квартиру имѣлъ, увѣряли, что де онъ бывшій императоръ въ живѣ и неоднократно де въ Троицкую крѣпость обще съ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ и бывшимъ въ Оренбургской губерніи губернаторомъ Волковымъ пріѣзжали для развѣдыванія о народныхъ обидахъ въ ночныя времена,—на которыхъ де онъ Каменьщиковъ надежду имѣетъ. Противъ чего Долгихъ показалъ, что онъ подъячему Мерзлякову такія рѣчи говорилъ, слыша отъ Каменьщикова, понеже изъ присланныхъ изъ правительствующаго сената взятыхъ у означеннаго злодѣя писемъ

оказалось два печатныхъ указа съ титуломъ бывшаго императора Петра Третьяго, изъ которыхъ одинъ, состоявшійся въ 25-го декабря 1761 года, о кончинѣ блаженныя и вѣчной славы достойныя памяти великой государыни императрицы Елисаветы Петровны и о учиненіи присяги императору Петру Третьему. Какъ изъ показанія помянутаго злодѣя Каменьщикова видно, что онъ Масленскихъ крестьянъ къ присягѣ приводилъ, то по отважнымъ его злодѣйскимъ поступкамъ и потому паче, когда бывшаго императора Петра Третьяго въ живѣ почиталъ, мнилось губернской канцеляріи, не въ томъ ли присягу чинилъ, но по запирательству и по примѣченной въ его показаніяхъ по многайшимъ увѣщеваніямъ точной несправедливости никаково обойдтись истинной правды, яко о самой великой важности допскаться было не можно, какъ принуждено Оренбургской губернской канцеляріи къ пыткѣ приступить, но онъ утвердился на учиненныхъ ему въ правительствующемъ сенатѣ допросѣ и въ главной полицейской канцеляріи распросѣ, а притомъ показалъ: о бывшемъ де императорѣ Петрѣ Третьемъ, что онъ въ живѣ, плотнику Долгихъ и подъячему Мерзлякову проговаривалъ по увѣренію Чебаркульской крѣпости казака Конона Бѣляпина, который де сказывалъ, что онъ ѣздилъ съ генераломъ Волковымъ въ образѣ скрытномъ, и хотя де онъ Каменьщиковъ тому было и повѣрилъ, но какъ увѣдомился, что оный казакъ Бѣляпинъ за такое затѣйное произношеніе высѣченъ плетьми, то уже вѣрить не сталъ; а къ присягѣ де приводилъ Масленскаго острога крестьянъ только въ томъ, всѣ ли они къ подачѣ на обидчиковъ челобитныхъ согласны; но сбору де съ нихъ для него не было; а ордера де посылалъ съ угрозами для того, чтобъ не могли о немъ дознаться и поймать, а иногда де умыслу и никакой надежды ни на кого не имѣлъ; въ С.-Петербургъ ѣздилъ съ тѣмъ, чтобы просить въ показанныхъ ему отъ казачьихъ старшинъ обидахъ; но какъ означенные присланные сюда съ нимъ крестьяне и дворовый человѣкъ Андреевъ введены были въ то мѣсто, гдѣ ему Каменьщикову розыски были чинены и спрашиваны подробно, то утвердились на учиненныхъ въ правительствующемъ сенатѣ допросахъ и въ главной полицеймейстерской канцеляріи распросахъ, только изъ нихъ Андреевъ выговорилъ, что онъ Каменьщиковъ, ѣдучи къ Петербургу, назывался полковникомъ, а по выслугѣ генераломъ; въ чемъ онъ Каменьщиковъ въ первыхъ запирался, а напослѣдокъ признался. И хотя о томъ, чтобъ онъ Каменьщиковъ какое зло обществу вышеозначеннымъ крестьянамъ собраніемъ

сдѣлать намѣрялся, точности не открылось, а болѣе доходить чѣмъ не осталось; по всѣмъ обстоятельствамъ сего слѣдствія примѣчается, что не просто то собраніе чинилъ. Что же до содержащихся въ Оренбургской губернской и Исецкой провинціальной канцеляріяхъ по сему слѣдствію колодниковъ надлежитъ, то они въ слѣдующемъ оказались, а именно: здѣшніе—Егоръ Прокофьевъ, Кирила Ширяевъ и Ѳедоръ Андреевъ въ томъ, хотя они прежде и не знали, но на послѣдокъ дѣйствительно увѣдавъ, что вышеупоминаемый Каменьщиковъ подозрительный, особливо жь Семенъ Тельминовъ, точно зная, что онъ бѣглый казакъ, въ надлежащемъ мѣстѣ не объявили; но чтобъ они однако жь какое въ его злоумышленномъ предпріятіи согласіе имѣли, въ томъ не признались, такъ и онъ Каменьщиковъ ни въ главной полицейской канцеляріи распросахъ, ни здѣсь съ пытками не показалъ, а утвердились, что изъ нихъ Ширяевъ и Прокофьевъ даны были ему Каменьщикову отъ міру для препровожденія его до Долматова монастыря; но онъ Каменьщиковъ взялъ ихъ до Петербурга по неволѣ, а Тельминовъ, хотя также охоты напослѣдокъ не имѣлъ, но прежде какъ онъ съ прочими отъ міру выбранъ былъ и ѣхать съ просьбою на Татаръ въ отнятіи ими Будкинской слободы у крестьянъ земель хотѣлъ, почему уже Каменьщиковымъ и взятъ; а содержащіеся въ Исецкой провинціальной канцеляріи, а именно: писарь Мерзляковъ, вѣдая дѣйствительно, что означенный Каменьщиковъ бѣглый казакъ, писалъ отъ него Каменьщикова, именуя сенатскимъ курьеромъ, присланнымъ по именному Ея Императорскаго Величества указу ордера, и не только о немъ, но о важно произносимыхъ имъ словахъ нигдѣ не доносилъ, почему видно, что во всѣхъ его Каменьщикова злоумышленныхъ предпріятіяхъ точнымъ согласникомъ былъ: крестьяне Иванъ Шимолинъ, вѣдая, что онъ Каменьщиковъ бѣглый казакъ, въ бытность въ Маслепскомъ острогѣ стоялъ у его Каменьщикова квартиры на карауле, и какъ его Каменьщикова нарочно присланный хотѣлъ поймать, то онъ Шимолинъ ему Каменьщикову, дабы онъ скрылся, сказалъ, но кромѣ того, чтобъ онъ Шимолинъ съ нимъ Каменьщиковымъ какое въ злоумышленномъ намѣреніи согласіе имѣлъ, по слѣдствію не видно; но вѣдая, что онъ Каменьщиковъ бѣглый и вредительный человѣкъ, закрывалъ, а Сергѣй Тельминовъ содержится потому, что тотъ злодѣй Каменьщиковъ, стоя на его квартирѣ посылалъ ордеръ къ командиру Калинину, чтобъ оному Тельминову никакого притѣсненія ни чинить, но при учиненныхъ ему Каменьщикову здѣсь розыс-

кахъ ничего онъ на Тельминова не показалъ, о Ильѣжь Долгановѣ объявилъ онъ Каменьщиковъ, что его Долганова не знаетъ; а Коельской де крѣпости казакъ хотя съ нимъ Каменьщиковымъ въ согласіи былъ, но будто только въ томъ, чтобъ просить на старшинъ въ обидахъ.

Въ соборномъ уложеніи во 2-й главѣ напечатано въ 18-й статьѣ: „Кто Московскаго государства всякихъ чиновъ люди свѣдаютъ или услышатъ на царское величество въ какихъ людяхъ скопъ и заговоръ или иной какой умыселъ, имъ про то извѣщать". Въ 19-й: „Буде кто, свѣдавъ или услыша на Царское Величество въ какихъ людяхъ скопъ и заговоръ или иной какой умыселъ про то будетъ вѣдомо, что онъ про такое дѣло вѣдалъ, а не извѣстилъ, изыщется до пряма, его казнить смертію безъ всякой пощады". Въ воинскомъ артикулѣ напечатано, 16-я глава, въ 127 артикулѣ: „Кто какую измѣну или сему подобное учинить намѣрится, и хотя онъ сіе къ дѣйству не произведетъ, однакожь имѣетъ по состоянію дѣла и признанію высокимъ наказаніемъ наказанъ быть, якобы за произведенное самое дѣйство". 17-й главы въ 133-мъ артикулѣ: „Всѣ непристойныя подозрительныя сходбища и собранія, хотя для совѣтовъ какихъ-нибудь (хотя и не для зла), или челобитья, чтобъ общую челобитную писать, чрезъ что возмущеніе или бунтъ можетъ сочиниться, чрезъ сей артикулъ имѣетъ быть весьма запрещены; ежели кто въ семъ дѣлѣ преступитъ, то зачинщиковъ безъ всякаго милосердія, не смотря на то, хотя бы они къ тому какую и причину имѣли, или нѣтъ, повѣсить; а ежели кому какая нужда быть челомъ, то позволяется каждому, особенно въ ихъ обидахъ, бить челомъ, а не обще". Въ 135-мъ: „Никто бъ ниже словомъ или дѣломъ или письмами самъ собою, или чрезъ другихъ къ бунту и возмущенію или иное что учинить причины не давалъ, изъ чего бы могъ бунтъ произойдти; ежели кто противъ сего поступитъ, оный по розыску дѣла живота лишится, или тѣлесно наказанъ будетъ". Въ 137-мъ: „Всякій бунтъ, возмущеніе и упрямство безъ всякой милости имѣетъ быть висѣлицею наказано". Въ толкованіи къ сему артикулу: „Въ возмущеніи надлежитъ виныхъ на мѣстѣ и въ дѣлѣ самомъ наказать и умертвить, а особливо ежели опасность въ немедленіи есть, дабы чрезъ то другимъ страхъ подать и оныхъ отъ такихъ непристойностей удержать (пока не расширится) и болѣе не умножилось". Въ указѣ, состоявшемся въ 1727 году генваря въ 30-й день, напечатано: „Понеже въ разныхъ городахъ, въ уѣздахъ, въ селахъ и въ деревняхъ являлись многіе злодѣи въ непристойныхъ и противныхъ словахъ, за что̀ онымъ по указамъ чинена смерт-

ная казнь, а прочимъ по милосердымъ Ихъ Величества указамъ чинено жь наказаніе и ссылка въ каторжную работу, а потомъ такіе жь злодѣи не взирая на оное Ихъ Величества милосердіе забывъ страхъ Божій и пряжную должность, являются въ такихъ же непристойныхъ и противныхъ словахъ; того ради, Ея Императорское Величество указала, ежели съ сего указа впредь кто бъ какого званія ни былъ, явится въ такихъ непристойныхъ и противныхъ словахъ, по извѣтамъ и по доказательству оные въ томъ будутъ изобличены, и хотя станутъ показывать отговоркою, яко бы они тѣ непристойныя и противныя слова говорили спроста или съ пьянства, таковымъ злодѣямъ за тѣ ихъ вины, не смотря на такія ихъ отговорки, учинена будетъ смертная казнь".

И хотя по важности вышеписанныхъ казака Каменьщикова злодѣйства, а писаря Мерзлякова сотоварищества, по силѣ вышеозначенныхъ законовъ, по мнѣнію Оренбургской губернской канцеляріи надлежитъ учинить смертную казнь — повѣсить; но ниже изображенными изъ правительствующаго сената повелѣно: 1) Отъ 17-го мая 1744 г.: изъ всѣхъ коллегій, канцелярій, провинцій и командъ обсужденныхъ къ смертной казни и политической смерти колодникахъ, за что оные осуждены будутъ для лучшаго усмотрѣнія присылать въ правительствующій сенатъ о винахъ ихъ обстоятельныя и перечневыя выписки, а до полученія на то указовъ экзекуціи не чинить. 2) Отъ 18-го іюня 1753 года: которые колодники по силѣ указовъ осуждены будутъ къ натуральной и политической смерти и къ вѣчной ссылкѣ, оныхъ по силѣ посланныхъ указовъ посылать въ Рогервикъ въ работу, а въ Сибирской, Астраханской и Оренбургской губерніяхъ употреблять въ казенныя работы и о винахъ ихъ въ сенатъ присылать экстракты съ мнѣніями, а колодниковъ по тѣмъ дѣламъ осужденныхъ посылать въ работы, какъ выше сего написано. 3) Отъ 30-го сентября 1754 года: которые колодники къ натуральной и политической смерти по государственнымъ правамъ и указамъ совершенно подлежатъ, таковыхъ по прежнимъ указамъ той смертной экзекуціи до разсмотрѣнія и точнаго объ нихъ указа не чинить, а дабы оныя за долговременнымъ присылаемыхъ въ правительствующій сенатъ объ нихъ экстрактовъ разсмотрѣніемъ наказанія не избывали и изъ ссылки побѣговъ чинить за не постановленіемъ на нихъ знаковъ, укрывались въ такія же воровства вступать не дерзали при посылкѣ ихъ въ тяжчайшую работу въ рогервикъ и въ прочія по посланнымъ изъ правительствующаго сената отъ 18-го іюня 1753 года указамъ опредѣленныя мѣста до разсмо-

трѣнія, чинить наказанія къ натуральной смертной казни кнутомъ и вырѣзавъ ноздри, поставя знаки, а которые осуждены будутъ на политическую смерть, такимъ чинить наказаніе кнутомъ съ вырѣзаніемъ ноздрей и по учиненіи того наказанія, заклеивъ въ кандалы ссылать, въ тяжчайшую работу въ Рогервикъ и въ прочія мѣста по прежде посланнымъ указамъ въ правительствующій сенатъ съ показаніемъ ихъ винъ и рѣшительныхъ приговоровъ присылать краткіе экстракты. 4) Отъ 17-го октября 1760 года: для лучшаго приумноженія въ Сибири при Нерчинскихъ серебренныхъ заводахъ работъ и поселеній колодниковъ, кои по кригскрехтамъ, тако жь и по другимъ дѣламъ подлежатъ къ ссылкѣ въ Рогервикъ и другія повелительныя мѣста оныхъ, какъ мужеска, такъ и женска пола отъ сего времени для помянутой крайней надобности изъ всѣхъ присутственныхъ мѣстъ, не посылая болѣе въ другія мѣста, отправлять прямо въ Сибирскую губерискую канцелярію. Того ради опредѣлено: изъ онаго дѣла учиня краткій экстрактъ съ объявленіемъ вышеписаннаго мнѣнія, послать въ правительствующій сенатъ во второй департаментъ при доношеніи на разсмотрѣніе; а между тѣмъ изъ нихъ Каменьщикову учинить жестокое наказаніе кнутомъ, и вырѣзавъ ноздри и поставя на лбу и на щекахъ указные знаки, отослать въ Сибирь на Нерчинскіе заводы скованнаго въ тяжчайшую работу вѣчно. А что принадлежитъ до прочихъ, то крестьяне Семенъ Тельминовъ, Егоръ Прокофьевъ и Кирила Ширяевъ за недонось о немъ Каменьщиковѣ, хотя не меньше такого, какъ и онъ Каменьщиковъ, наказанія заслужили, но что они въ его Каменьщикова злоумышленномъ предпріятіи согласія не имѣли, для того учинить имъ наказаніе, а именно: Тельминова за то, что онъ дѣйствительно вѣдалъ, что Каменьщиковъ бѣглый казакъ, бить кнутомъ, а Прокофьева и Ширяева, хотя они объ ономъ не знали, но напослѣдокъ будучи въ Петербургѣ вѣдали, что подозрительный человѣкъ, а не донесли, дабы они впредь были въ такихъ случаяхъ осторожными людьми, и давъ имъ, также и женѣ означеннаго Каменьщикова, до которой ничего не касается, ежели она съ нимъ Каменьщиковымъ въ Нерчинскъ ѣхать не пожелаетъ, паспорты, отпустить въ дома; а Ѳедора Андреева, который хотя съ злодѣемъ Каменьщиковымъ иного общества не имѣлъ, но также доносу объ немъ не учинилъ, что онъ какъ самъ допросомъ показалъ, уже кнутомъ наказанный, высѣчь кнутомъ же, и въ силѣ состоявшагося въ прошломъ 1763 году ноября 9-го числа указа, отослать для употребленія съ произвожде-

піемъ одежи съ обувью, заработныхъ денегъ и провіанта, въ казенную работу въ контору строеній при указѣ, а въ Казанскую губернскую канцелярію о объявленіи помѣщику капитану Аристову промеморіею писать, въ Исецкую жь провинціальную канцелярію послать указъ, велѣть изъ содержащихся въ оной по сему слѣдствію колодниковъ, а именно: писаря Мерзлякова, который, какъ выше значитъ, о злоумышленномъ Каменьщиковымъ намѣреніи зналъ и не только не доносилъ, но еще и вспомогалъ, высѣчь нажесточайше кнутомъ, и вырѣзавъ ноздри и поставя на лбу и на щекахъ знаки, отослать для употребленія въ казенныя работы вѣчно на Перчинскіе заводы; крестьянъ Ивана Шимолина, который хотя съ вышеписаннымъ Каменьщиковымъ никакого совѣта не имѣлъ, но вѣдая, что онъ Каменьщиковъ бѣглый казакъ, отъ нарочно посланныхъ за нимъ скрылъ; Сергѣя Тельминова и казака Никифора Корякова, изъ которыхъ у перваго означенный Каменьщиковъ квартиру имѣлъ, слѣдственно онъ Тельминовъ и о зломъ его Каменьщикова предпріятіи зналъ, а Коряковъ конечно въ такомъ же съ нимъ злоумышленномъ намѣреніи согласникомъ былъ, но хотя самой важности въ нихъ по неоткрытію Каменьщиковымъ не видно, однако же, дабы впредь имъ и на оное смотря другимъ, не точію съ таковыми какъ Каменьщиковъ, но кто бъ ни былъ въ противныхъ указамъ случаяхъ сообщенія имѣть и вспомогать не отваживались, учинить жестокое наказаніе кнутомъ, и какъ ихъ Шимолина, Тельминова и Корякова на добрыя поруки, такъ и крестьянина Илью Долгашова, до котораго по слѣдствію ничего не коспулось, изъ-подъ карауда освободить и во всемъ Исецкой провинціи вѣдомствѣ, а особливо въ тѣхъ мѣстахъ, въ коихъ противные указамъ сборщики были, распубликовать съ накрѣпчайшимъ подтвержденіемъ, чтобъ впредь на такія сборища и затѣвательства отнюдь никто не отваживались подъ опасеніемъ таковымъ подобнымъ вышеписанному Каменьщикову плутамъ нажесточайшаго истязанія и ссылки въ Перчинскъ; по исполненіи въ Оренбургскую губернскую канцелярію рапортовать; вмѣсто жь вышеписанныхъ отъ государственной штатъ-конторы крестьянину Никитѣ Тельминову за донось также и въ прогоны выданныхъ ста двадцати пяти руб. тридцати одной коп., на толикое же число изъ описанной у означенныхъ злоумышленнаго преступника Каменьщикова, также у крестьянъ Ивана Шимолина, Семена и Сергѣя Тельминовыхъ, Прокофьева и Ширяева и казака Корякова, а буде чего не достанетъ, то и у тѣхъ, кои по сему слѣдствію въ той Исецкой провинціальной канцеляріи со-

держались, хотя уже до сего освобождены, но виною состояли, пожитки распродавъ и тѣ деньги для записки въ приходъ въ подлежащую сумму прислать въ Оренбургскую губернскую канцелярію немедленно. Что же до плотника Петра Долгихъ надлежитъ, то, какъ выше значитъ, онъ не только о производимыхъ важныхъ словахъ не доносилъ, но еще и самъ тоже разглашалъ и увѣрялъ, чѣмъ онъ подвергъ себя къ таковой же казни, какова Каменьщикову и Мерзлякову положена, того ради къ генералъ-поручику и кавалеру Мельгунову промеморіею писать и требовать дабы съ нимъ Петромъ Долгихъ учинено было по воинскимъ регуламъ, и что̀ учинено будетъ, о томъ бы благоволено было Оренбургскую губернскую канцелярію увѣдомить, съ сего жъ опредѣленія въ правительствующій сенатъ въ первый департаментъ копію при рапортѣ послать, а въ государственную штатсъ-контору о опредѣленномъ Исецкой провинціальной канцеляріи исполненіи рапортовать; имѣющую же въ Оренбургской губернской канцеляріи при означенномъ слѣдствіи бѣлую гербовую четырехкопѣечную бумагу, взятую у упоминаемаго злодѣя Каменьщикова, пять листовъ, отдать въ казначейскую контору при указѣ и велѣть, продавъ ее, деньги съ прочими за гербовую бумагу собранными въ приходъ записать.

Подлинную подписали: Князь Аврамъ Путятинъ.—Никита Муравьевъ.—Леонтій Арнаутовъ.—Секретарь Семенъ Кисленской.

КАРРИКАТУРА Г. И. СКОРОДУМОВА.

До сихъ поръ мы не имѣемъ еще исторіи нашей каррикатуры: для нея не собраны даже самые первоначальные матеріалы, и едва ли собранія русскихъ каррикатуръ существуютъ гдѣ-либо, кромѣ Императорской Публичной библіотеки, гдѣ есть богатыя коллекціи лубочныхъ картинокъ и Теребеневскихъ каррикатуръ изъ эпохи 1812 года. Какъ небольшой матеріалъ для исторіи русской каррикатуры — матеріалъ тѣмъ болѣе любопытный, что онъ относится до каррикатуры политической,—приводимъ нижеслѣдующее описаніе, найденное въ одномъ старинномъ рукописномъ сборникѣ, принадлежащемъ извѣстному библіографу П. А. Ефремову, у котораго находится и самая каррикатура, писанная въ видѣ картины масляными красками.

Авторъ каррикатуры, Гавріилъ Ивановичъ Скородумовъ (1755—1792 гг.), былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ граверовъ своего времени. Онъ учился сперва въ С. Петербургской академіи художествъ, а потомъ въ Лондонѣ, гдѣ особенно занимался пунктирнымъ гравированіемъ. Умеръ онъ въ Петербургѣ, въ званіи академика и гравера кабинета Ея Величества. Довольно подробная біографія его, съ перечнемъ его работъ, напечатана въ „Сынѣ Отечества“ 1852 г., кн. 8-я.

Описаніе картины, сдѣланной г. Скородумовымъ на случай бывшаго въ 1791 году критическаго положенія въ Европѣ.

Представлены на столбѣ вѣсы, у которыхъ на одной чашкѣ стоитъ россійскій гранадеръ съ обнаженною саблею, съ надписью: „*одинъ да грузенъ*“, а подъ чашкою распростертый Турокъ, съ над-

писью: „*помогите*“; означаютъ могущество Россіи надъ симъ врагомъ имени христіанскаго, побѣдами на сушѣ и на морѣ, въ Европѣ и Азіи, а послѣднее—прошеніе имъ помощи отъ прочихъ европейскихъ державъ.

Съ другой стороны—на вѣсовомъ коромыслѣ висящій Англичанинъ съ надписью: „*натягиваю*“; потомъ Голландецъ, накладывая мѣшки червонныхъ на другую чашку, спрашиваетъ у стоящаго на ней Пруссака: „*довольно ли?*“ который стоящему въ близости Поляку, указывая шпагою, говоритъ: „*добавьте городами*“; означаетъ заключенный трактатъ между сими державами противъ Россіи и желаніе Прусскаго короля завладѣть Данцигомъ. Полякъ, кланяясь съ надписью: „*слуга покорный!*“ означаетъ непостоянныя мысли Польши, которая съ одной стороны грозила Россіи войною, а съ другой жалѣетъ отдать Пруссіи Данцигъ.

У вѣсоваго столба стоитъ, поджавши руки, Датчанинъ съ надписью: „*не знаю что дѣлать*“; изображаетъ истинное положеніе Даніи, которая, при случаѣ объявленія Швеціею Россіи войны, по трактату должна была дать вспоможеніе, но устрашенная Англіею, оставила свое предпріятіе. Стоящій на колѣнѣ съ перомъ и бумагою Цесарецъ, съ надписью: „*писать гораздъ*“, изображаетъ, что Австрія болѣе говорила, нежели сдѣлала, чему наиболѣе причиною смерть императора Іосифа II. Стоящій на вѣсахъ вмѣсто стрѣлки Шведъ съ надписью: „*кто больше дастъ?*“ представляетъ живой характеръ покойнаго Густава III, который, будучи подкупленъ Турками, объявилъ войну Россіи.

ПРОПОВѢДНИКЪ ТОБОЛЬСКОЙ СЕМИНАРІИ ВЪ 1793—1794 ГОДАХЪ.

(Матеріалы для біографіи П. А. Словцова).

Петръ Андреевичъ Соловцовъ, Тобольскій уроженецъ, былъ соученикомъ и другомъ Сперанскаго по Александро-Невской семинаріи. По окончаніи здѣсь курса онъ былъ посланъ профессоромъ философіи въ Тобольскъ, гдѣ и послѣдовало съ нимъ происшествіе, разъясненное нижеслѣдующими документами. Позволяемъ себѣ думать, что въ данномъ случаѣ Соловцовъ, при всѣхъ своихъ талантахъ и образованіи, не столько проявился вольнодумцемъ, сколько былъ жертвою привычки къ риторическому краснорѣчію, которая была имъ пріобрѣтена въ семинаріи. Въ послѣдствіи онъ служилъ въ гражданской службѣ, состоялъ визитаторомъ учебныхъ заведеній въ Сибири и умеръ въ 1843 году. Соловцовъ занимался литературой и между прочимъ написалъ книгу: „Историческое обозрѣніе Сибири".

I.

Письмо Тобольскаго губернатора Алябьева къ генералъ-прокурору А. Н. Самойлову.

Милостивый государь Александръ Николаевичъ!

10-го числа ноября по случаю торжественнаго молебствія о бракосочетаніи Его Императорскаго Высочества, я, бывъ въ соборѣ здѣшняго города, слышалъ проповѣдь, сказываемую Тобольской семинаріи учителемъ философіи Словцовымъ, который года два тому назадъ присланъ по окончаніи наукъ изъ Петербурга въ сію семинарію. Въ оной проповѣди, не взирая, что не всѣ слова по положенію мѣста были мнѣ внятно слышны, а равно и по крѣпости моего слуха, не смотря и на то, что слогъ проповѣди былъ довольно запутанъ, я чаялъ замѣтить нѣчто не позволительное; но зная,

что одно слово не дослышанное или пропущенное можетъ иногда перемѣнить совершенно смыслъ всей рѣчи, я почелъ за неминуемость видѣть ту проповѣдь письменную, дабы судить объ ней безошибочно. Но чтобъ, стремительно поступя въ такомъ нѣжномъ дѣлѣ и потребуя копіи проповѣди прямо отъ себя, не подать какого сомнѣнія, а тѣмъ самымъ и не дать бы способа къ закрытію истины, я принужденнымъ нашелся препоручить тайно достать себѣ ту копію. Получа жь наконецъ оную, я усмотрѣлъ въ ней многое, по понятію моему, противное высшей власти и не позволительное говорить вѣрноподданному Ея Императорскаго Величества; а потому и счелъ долгомъ донесть о семъ вашему высокопревосходительству и господину правящему должность генералъ-губернатора, который, съ 29-го ноября изволилъ отправиться въ Петербургъ, а притомъ счелъ за нужное на проницательное благоразсмотрѣніе вашего высокопревосходительства препроводить списокъ съ самой проповѣди и ожидать повелѣнія—какъ мнѣ въ семъ случаѣ поступать приказано будетъ. Хотя жь, кромѣ сей не позволенной, по мнѣнію моему, проповѣди, я до сего времени ничего противнаго спокойствію объ немъ Словцовѣ не провѣдалъ; однакожь усугублю мои на то старанія и приложу всевозможное попеченіе развѣдать тайно—не имѣлъ ли онъ какого скрытаго и не позволеннаго съ кѣмъ-либо сообщества, и не ведетъ ли такой же переписки, и ежели узнаю что̀ подобное, то не премину донесть. В ожиданіи жь на теперешнее мое донесеніе разрѣшенія, я воздержусь отъ всякаго рода открытаго дѣйствія, развѣ по необходимости буду вынужденъ къ тому какимъ-либо дерзновѣйшимъ или явнѣйшимъ его Словцова поступкомъ, или узнаю достовѣрно, что-либо требующее употребленія власти къ прекращенію.

Съ достодолжнымъ почтеніемъ и совершенною преданностію имѣю честь именоваться, милостивый государь, вашего высокопревосходительства покорнѣйшій слуга Александръ Аѳабьевъ.

10-го декабря 1793 года.

Тобольскъ.

Поученіе, говоренное при случаѣ торжества о бракосочетаніи князя Александра Павловича съ Елисаветою Алексѣевною, княжною Баденскою.

Паки стекаемся во храмъ соединить желаніе. Паки пріемлемъ отъ престола новый даръ и новое утѣшеніе. Россы, благословляйте свою монархиню, благословляйте высокую чету!

Государя чувствительнаго, подъ рукою коего не считалъ народъ своихъ вздоховъ, можно почтить именемъ премудраго, но еще не именемъ благополучнаго. Рѣдкій пользуется послѣднимъ наименованіемъ. Не взирая на его услуги, на его планы, оставленные въ наслѣдіе, надобно, чтобъ онъ умѣлъ пережить свою кончину, чтобъ онъ умѣлъ царствовать изъ гроба надъ потомками, я хочу сказать, чтобъ изъ рукъ преемника не палъ скипетръ. Какія убо находитъ обязательства благодарить монархиню, соотвѣтственно ея достоянію? Какія радостныя представляются прозрѣнія въ очахъ Россіи? Все предзнаменуетъ наше блаженство!

Но забывая сіи надежды и какъ бы самихъ себя, разсудимъ вообще о признакахъ народнаго счастія.

Тишина народная есть молчаніе принужденное, продолжающееся дотолѣ, пока неудовольствіе, постепенно раздражая общественное терпѣніе, наконецъ не прерветъ онаго. Если не всѣ граждане поставлены въ однихъ и тѣхъ же законахъ, если въ рукахъ одной части захвачены преимущества, отличія и удовольствія, тогда какъ прочимъ оставлены труды, тяжесть законовъ или одни несчастія — то тамъ спокойствіе, которое считаютъ залогомъ общаго счастія, есть глубокій вздохъ, данный народу тяжкимъ ударомъ; то спокойствіе слѣдуетъ изъ повиновенія, но отъ повиновенія до согласія столько же разстоянія, сколько отъ невольника до гражданина. Еще прибавимъ, что цѣлый народъ никогда не былъ ни въ чемъ единодушенъ, развѣ въ суевѣріи и заблужденіяхъ политическихъ. И такъ, когда тишина служитъ чаще знакомъ притѣсненія, что значатъ таковыя монархіи? Это великія гробницы, замыкающія въ себѣ несчастные стенящіе трупы; и троны ихъ — это пышныя надгробія, тяжко гнетущія оныя гробницы. Народы злополучные!

Но почто бы, собравшись къ подножію престола, не молить имъ почивающаго тамъ божества? Почто бы, повергнувшись тамъ, не лежать, доколѣ ихъ оракулъ не отдастъ просимаго отвѣта? И почто бы съ ихъ жалобами не смѣшать горестныхъ слезъ? Но монархи ихъ не слышатъ... Блаженъ убо, кто живетъ подъ скипетромъ отеческимъ.

Гремѣть побѣдами въ чужихъ странахъ или стѣснить власть народовъ далѣе славы ихъ и расширить славу свою далѣе власти своей — всегда почитается путемъ къ счастію народному. Но всуе. Хотя сія измѣна усладительна честолюбію народа торжествующаго, но она столь же далека, чтобъ предзнаменовать возвышеніе сему, сколь близко сопряжена съ паденіемъ другого. Могущество

монархіи есть коварное орудіе, истощающее оную; и можно утверждать, что самая величественная для нее эпоха всегда бываетъ роковою годиною. Римъ гордый, Римъ, воспитанный кровію цѣлыхъ народовъ, готовился уже раздавить почти вселенную, но что жъ?... Оплачемъ надмѣнную его политику. Онъ ниспалъ подъ собственною тягостію въ то время, какъ наболѣе дышалъ силою и страхомъ. Есть мѣры, далѣе коихъ не дерзаетъ преступить счастіе народовъ. И къ чему толикая слава, когда съ умноженіемъ оныя возрастали на него злоба и мщеніе? Къ чему трофей, когда омочены они слезами народовъ? Къ чему короны, сорванныя съ неприкосновенныхъ главъ? Къ чему онѣ? Но что вопрошаемъ причины, гдѣ честолюбіе коварствуетъ. Здѣсь долженствовала бы излиться вся желчь противъ ненавистнаго оружія, но подвиги почтенныхъ героевъ ожидаютъ благороднаго голоса.

Не заключайте, чтобы церковь роптала противу сихъ покровителей отечества! Нѣтъ, она окровавленнымъ ихъ тѣнямъ приноситъ жертвы куренія и чтитъ воинскій мечъ, какъ спасенія орудіе. Зная, что воинъ есть вкупѣ гражданинъ, она заповѣдуетъ токмо сіе, чтобъ герой, усыпленный подъ гордыми лаврами, не презрѣлъ должности великой, чтобъ при его величіи и украшеніяхъ не вмѣнилъ въ обиду прославлять вѣру христіанскую. Отыкновенное у насъ противорѣчіе, чтобъ возвысясь по одной линіи къ славѣ, по другой—обратно упасть.

Колькратно твердили, что вѣра рѣшитъ судьбу цѣлыхъ государствъ! Колькратно обѣщали свыше благословеніе на тѣхъ, коихъ бы душа была душа евангельская! Но Господи, кто вѣрова слуху нашему, и мышца Господня кому открыся (Исаія, гл. 49, ст. 2). Можетъ быть, это одна несчастная истина, которой важность наболѣе противѣдана, и которой слухомъ наименѣе тронуты. Такъ и быть, видно, бѣдному созданію опредѣлено скитаться въ мракахъ. Да, вольнодумецъ хвалится быть наилучшимъ подданнымъ, выставляетъ свою любовь къ отечеству и вѣрность къ государю. Но вольнодумецъ—человѣкъ, такъ чѣмъ запечатлѣетъ онія чувствія, что сто сомнительныя? Носитъ ли онъ въ сердцѣ своемъ залоги христіанства? Блюдетъ ли клятву, сіе свидѣтельство отъ вѣры? Простимъ сему поддѣлывающемуся патріоту и поставимъ на мѣсто его христіанина. Сей наученъ высокимъ и благоговѣйнымъ мыслямъ о властяхъ, лучше всѣхъ знаетъ счастливую науку повиноваться. Вмѣсто того, чтобъ назначать себя между народомъ и государемъ, онъ назначаетъ государя между народомъ и Божествомъ; закопъ

верховный для его есть слово Вышняго, издревле вѣщающаго при алтаряхъ монаршихъ. Его собственность есть собственность отечества, и жизнь его есть дань престолу. Монархи, познайте подданнаго вашего въ христіанинѣ!

Но не утаимъ здѣсь, какъ безъ примѣчанія его обходятъ при обстоятельствахъ предпочтенія, какъ оставляютъ его, когда должно призывать на степени и достоинства! Таковыя противорѣчія, конечно, жестоки. Пускай между тѣмъ увѣряютъ, что добродѣтель не останется безъ награжденія; пускай ласкаютъ добродѣтели: но что̀ въ томъ пользы, когда добродѣтельному осталось вздыхать?

II.

Памятная записка

Тобольскій губернаторъ Алябьевъ при письмѣ къ генералъ-прокурору прислалъ проповѣдь, говоренную 10-го числа ноября прошедшаго года, по случаю торжественнаго молебствія о бракосочетаніи Его Императорскаго Высочества въ соборѣ города Тобольска тамошней семинаріи философіи учителемъ Словцовымъ, о которой онъ пишетъ, что хотя по положенію мѣста и по крѣпости его слуха не все могъ онъ слышать, однакожъ примѣтилъ нѣчто непозволительное, а доставши непримѣтнымъ образомъ копію съ оной проповѣди, усмотрѣлъ въ ней многое по разсужденію его противное вышней власти и непозволительное говорить вѣрноподданному Ея Императорскаго Величества.

Генералъ-прокуроръ, прочтя оную проповѣдь, отдалъ г. Шешковскому съ тѣмъ, чтобъ онъ переговорилъ объ ней съ его преосвященствомъ, здѣшнимъ митрополитомъ. Г. Шешковскій, увидѣвшись съ его преосвященствомъ 12-го числа сего мѣсяца, сдѣлали заключеніе, что сія рѣчь не похожа отнюдь на проповѣдь учившагося въ семинаріи человѣка, то есть, ни правилъ, ни связи той нѣтъ, впрочемъ она самая дерзкая и развратительная; на другой же день въ 10 часовъ вечера его преосвященство прислалъ къ г. Шешковскому при письмѣ сь семъ письмо жь, полученное имъ отъ Тобольскаго архіепископа, роднаго брата своего, при коемъ сей архіепископъ, прилагая такую же копію съ проповѣди, пишетъ, что оный Словцовъ ту проповѣдь говорилъ, но самъ ли онъ по своей глупости, или съ умыслу и по согласію съ другими сочинилъ оную, онъ знать не можетъ и его не спрашивалъ, потому что идетъ еще

тайное о семъ отъ г. губернатора развѣдываніе, но почитаетъ за долгъ увѣдомить только для того, что г. губернаторъ отнесся объ ономъ правящему должность генералъ-губернатора, генералъ-поручику Волкову, и къ генералъ-прокурору,—донося притомъ, что сочинитель проповѣдь на тотъ день писалъ скороспѣшно, а потому ни ему, ни ректору не казалъ оныя, да и не можно было полозрѣвать его въ таковыхъ сочиненіяхъ даже до сего времени, ибо онъ говорилъ прежде проповѣди безъ всякихъ вредныхъ и соблазнительныхъ мыслей; при ономъ своемъ письмѣ приложилъ цидулку, въ коей пишетъ, что поелику обѣдня въ оный день отправлялась поздно, то оный учитель говорилъ рѣчь въ причастенъ, а потому онъ не слышалъ, да и тихо сказывалъ, а нынѣ онъ болѣнъ, и какъ думаетъ его преосвященство, что онъ опасается какого ни есть истязанія; въ сей цидулкѣ оный архіепископъ проситъ также здѣшняго митрополита, чтобъ находящихся здѣсь въ семинаріи двухъ Тобольскихъ семинаристовъ не обучать французскаго языка, а учить бы ихъ греческаго, потому что въ тамошней семинаріи французскій языкъ не нуженъ.

Его преосвященство здѣшній митрополитъ въ письмѣ своемъ полагаетъ мнѣніемъ онаго проповѣдника взять сюда, а французскій классъ совсѣмъ уничтожить.

III.

Извлеченіе изъ допроса И. А. Словцову.

1794 года марта 11-го дня. Присланный отъ Тобольскаго губернатора философіи учитель Словцовъ, сперва преосвященнымъ митрополитомъ Гавріиломъ, потомъ генералъ-прокуроромъ, и наконецъ, тайнымъ совѣтникомъ Шешковскимъ спрашиванъ былъ: для чего онъ извѣстную проповѣдь, которая правилама не только богословіи, но и философіи противна, говорить въ церкви осмѣлился, ибо она наполнена совершенно возмущеніемъ народа противъ правительства, гдѣ напослѣдокъ читаны были ему говоренныя имъ слова, которыя, конечно, не заслуживаютъ о немъ добраго мнѣнія.

Оный Словцовъ болѣе ничего не отвѣчалъ, какъ что сію проповѣдь говорилъ онъ безъ всякаго злаго намѣренія, и что де онъ ни съ кѣмъ о сей проповѣди никогда не совѣтывалъ. И хотя онъ убѣждаемъ былъ разными вопросами, чтобъ признался и открылъ свое сердце, съ какимъ намѣреніемъ показанныя въ проповѣди

слова говорилъ; но онъ повторилъ тоже, что говорилъ безъ всякаго намѣренія. Послѣ чего сказано ему было: „Ну, если бъ кто тебѣ всѣ написанныя въ сей проповѣди возмутительныя выраженія показалъ, то какъ бы ты ихъ почелъ — отъ добраго намѣренія говоренными, или отъ дурнаго?“ На что онъ говорилъ, что „теперь я понимаю, что описанныя въ проповѣди слова достойни осужденія“, и иначе бы онъ не сдѣлалъ заключенія, какъ что говорено было съ дурнымъ намѣреніемъ; но какъ онъ въ душѣ своей тогда никакого дурнаго намѣренія не ощущалъ и такого понятія, какъ теперь онъ имѣетъ, объ оной не воображалъ слѣдовательно, сіе произошло отъ слабости его смысла, однакожь не изъ злаго намѣренія.

Знакомство онъ имѣлъ въ Тобольскѣ съ учителями нормальныхъ школъ и съ тамошними купцами, но отъ нихъ и ни отъ кого къ такой — „теперь могу сказать“ — дурной и не позволенной проповѣди ни совѣтовъ, ни подущенія не имѣлъ.

Найдена между прочихъ его бумагъ, писанная имъ на подобіе какъ бы письма бумага, въ коей также весьма смѣло или и дерзко написалъ слова такія: „Монархъ, занятый только своимъ именемъ, завоеватель, разнесшій опустошенія по всей Азіи, неутомимый честолюбецъ“...; далѣе жь въ томъ письмѣ объясняетъ дѣла Александра Великаго, гдѣ-и назвалъ его „мнимый великій Александръ“. На сіе онъ сказалъ, что де онъ заготовилъ ту бумагу для учениковъ, чтобъ они, прочтя оную, сдѣлали свои заключенія, а сію де исторію онъ выписалъ изъ Квинта Курція. На что ему сказано было, что напрасно онъ такими мыслями, гдѣ дѣлается монарху поношеніе, учениковъ своихъ отягощалъ, но онъ на сіе сказалъ: „я де это писалъ будучи больной и хотѣлъ послать въ школу, но не послалъ“.

У подлиннаго показанія по пунктамъ подписано: „Къ сему показанію Петръ Словцовъ руку приложилъ“.

Въ классъ краснорѣчія.

Государи мои!

Монархъ, занятый только своимъ именемъ, завоеватель, разнесшій опустошенія по всей Азіи, неутомимый честолюбецъ, и хочу сказать: мнимый великій Александръ, въ продолженіи своихъ завоеваній, иногда опасныхъ для него, почувствовавъ малое облегченіе отъ смертной почти его болѣзни, встрѣченной при сраженіи, опять намѣревается далѣе продолжать ходъ своихъ побѣдъ. Ка-

жется, сей отважный больной уже забылъ прежнюю опасность, когда вбитую въ его тѣло стрѣлу со многими крючками съ медленнымъ мученіемъ вытаскивали, сію критическую минуту, въ которую, при непрерывномъ кровопзліяніи, глаза его покрыты были роковымъ мракомъ, и онъ казался мертвъ. Дѣло состоитъ въ томъ, что полководцы его послѣ сихъ трагическихъ и плачевныхъ сценъ, равно опасаясь для жизни государя и друга, помышляютъ уговорить его, чтобы оставилъ дальнія предпріятія. Итакъ, государи мои, я васъ спрашиваю: Чѣмъ бы убѣдить его? Чѣмъ сразить непобѣдимое честолюбіе, вооруженное отважностію и ободренное счастіемъ? Какой избрать языкъ, предъ самолюбивымъ, но наконецъ, неудачливымъ побѣдителемъ, предъ тѣмъ, который не столько тронется выгодами вопновъ и прямыми представленіями, сколько страхами, смутному воображенію еще изображающимися, и не только страхами, сколько тонкими хвалами, ласкающими его киченію? Я забылъ въ началѣ сказать, что онъ намѣревается сразиться съ народомъ неизвѣстнымъ и дикимъ, послѣ того какъ торжествовалъ надъ славнымъ и сильнымъ Даріемъ. Итакъ, подыщите убѣжденія, которыя бы довольны были заставить государя ограничить его пышныя его затѣи; и это надобно сдѣлать къ пынѣшнему классу. А послѣ приступите къ самой рѣчи. Рѣчь будетъ говорена со стороны одного полководца, который вошелъ о томъ просить въ шатеръ Александра, тогда какъ сей ожидалъ отъ него новостей о непріятелѣ. Сіе обстоятельство не будетъ оставлено отъ искуснаго. Рѣчь должна быть маленькая, ибо подчиненному предъ своимъ обладателемъ и притомъ находящимся въ болѣзни, быть пространну было бы непочтительно и досадно въ разсужденіи особы, къ которой говоритъ. Прочее оставляю; надѣюсь отъ вашего искуства всего того, что̀ сказала приверженность Кратера къ Александру.

11-го дня декабря.

IV.

Письмо князя А. Б. Куракина къ митрополиту Гавріилу.

По теченію дѣлъ тайной экспедиціи нужно имѣть свѣдѣніе о настоящемъ состояніи отданнаго подъ присмотръ вашего высокопреосвященства учителя Словцова. Прося ваше высокопреосвященство таковое свѣдѣніе мнѣ сообщить, впрочемъ съ совершеннымъ почитаніемъ честь имѣю быть князь Алексѣй Куракинъ.

Въ Москвѣ.

30-го марта 1797 года.

V.

Отвѣтъ митрополита Гавріила.

Сіятельнѣйшій князь Алексѣй Борисовичъ, милостивый государь!

По требованію вашего сіятельства о бывшемъ въ Тобольской семинаріи учителѣ Словцовѣ имѣю честь донести, что онъ, со времени присылки его ко мнѣ по нынѣ, живетъ честно, скромно; возлагаемыя на него по семинаріи должности исправляетъ рачительно; ничего предосудительнаго за нимъ не примѣчено; и какъ онъ подверженъ припадкамъ, желаніе имѣетъ быть монахомъ.

Я съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть вашего сіятельства милостиваго государя всеусердный слуга и богомолецъ Гавріилъ, митрополитъ Новгородскій.

Марта 31-го дня 1797 г.

VI.

Письмо П. А. Словцова къ князю А. В. Куракину.

Сіятельнѣйшій князь, милостивый государь!

Одинъ изъ тѣхъ несчастныхъ, которые дѣлаются извѣстны правительству только по своимъ проступкамъ, осмѣливается вашему сіятельству напомянуть о своемъ жребіи. Погрѣшность, можетъ быть, невинная, и конечно, не умышленная, уже и тѣмъ довольно наказана, что я имѣю сердце и умѣю чувствовать всю тяжесть закона, хотя онъ осуждалъ меня въ понятіяхъ людскихъ, а не въ совѣсти моей.

Сіятельнѣйшій князь! Если наказаніямъ иногда бываетъ мѣра, и если мщеніе закона продолжается не далѣе исправленія, то можетъ быть, не совсѣмъ необходимо навсегда лишить меня свободы располагать жизнію. Милостивый государь! Вамъ предоставлено у престола снять съ меня оковы.

Лишеніе мѣста, отсутствіе надеждъ и недостатокъ проспекта заставили меня желать монашескаго состоянія, отъ котораго между тѣмъ отказывалось сердце. Если жъ дѣло моего счастія будетъ перенесено къ суду милосердія, я прошу, именемъ вашей славы, поставить меня въ покровительствѣ вашего сіятельства и помѣстить въ статскую службу. Сіятельнѣйшій князь, милостивый государь! вашего сіятельства преданнѣйшій слуга Петръ Словцовъ.

VII.

Всеподданнѣйшій докладъ.

Словцовъ, обучась въ Невской семинаріи, былъ посланъ въ Тобольскъ, какъ мѣсто рожденія его, учителемъ философіи и математики, гдѣ во время торжества бракосочетанія государя цесаревича говорилъ въ соборной церкви проповѣдь, которую Тобольскій губернаторъ нашелъ подозрительною. По подозрѣнію сему призванъ онъ былъ въ тайную экспедицію и оттуда отданъ подъ присмотръ и испытаніе Новгородскаго митрополита Гавріила; въ теченіи времени митрополитъ нашелъ и рапортами неоднократно представлялъ, что Словцовъ какъ въ правилахъ, такъ и въ поведеніи своемъ не представляетъ ему ничего подозрительнаго, и употребилъ его въ Невской семинаріи къ обученію россійскаго краснорѣчія. Находя въ себѣ болѣе ревности къ статской службѣ, нежели склонности къ монашеской жизни, не вступаетъ онъ въ сіе послѣднее званіе, ожидая отъ единаго всемилостивѣйшаго воззрѣнія рѣшенія своей судьбы.

На семъ сдѣлана надпись:

Государь императоръ высочайше повелѣть соизволилъ: учителя Словцова, отъ настоящаго его положенія освободить и употребить въ гражданскую службу, о чемъ и заготовить къ высочайшему подписанію указъ.

Князь А. Куракинъ.

Іюня 19-го дня 1797 г.

VIII.

Высочайшій указъ.

Господинъ дѣйствительный тайный совѣтникъ и генералъ-прокуроръ князь Куракинъ! Всемилостивѣйше освобождая учителя Словцова отъ настоящаго положенія, повелѣваемъ: употребить его въ гражданскую службу, пребывая впрочемъ вамъ благосклонны.

На подлинномъ написано собственною Его Императорскаго Величества рукою тако: „Павелъ“.

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ВОЕННАГО [1]).

1816 годъ [2]).

С.-Петербургъ. 17-го іюля. Московскому генералъ-губернатору послали секретное извѣщеніе, что императоръ прибудетъ въ Москву въ ночь на 14-е или 15-е августа, что онъ пріѣдетъ только для того, чтобы присутствовать при церковномъ служеніи 15-го числа, что народъ не долженъ его встрѣчать, и что въѣздъ его долженъ быть подъ видомъ incognito. Предшественники его въѣзжали въ Москву торжественно, но за то никто изъ нихъ не вступалъ въ Парижъ. Это соображеніе въ моихъ глазахъ оправдываетъ даже то обстоятельство, что за государемъ слѣдуютъ въ Москву лица, которыхъ народъ не знаетъ или не любитъ, между тѣмъ какъ его должны бы окружать генералы, подвизавшіеся въ народной войнѣ, каковы: Коновницынъ, Раевскій, Ермоловъ, Платовъ, Дохтуровъ. Въ составѣ назначенной имъ свиты недостаетъ только Барклая для полнаго комплекта лицъ, ненавидимыхъ Русскими.

Царское Село. 9-го августа. Я ѣхалъ въ каретѣ со статскимъ совѣтникомъ К. М. Бороздинымъ, который извѣстенъ своимъ жи-

---

[1]) Можно догадываться, что эти записки ведены извѣстнымъ историкомъ нашихъ войнъ въ XIX вѣкѣ, А. И. Михайловскимъ-Данилевскимъ, съ 1815 года состоявшимъ при императорѣ Александрѣ въ званіи флигель-адъютанта, а въ 1824 году находившимся въ должности дежурнаго генерала при главнокомандующемъ графѣ Дибичѣ.

[2]) Съ 17-го іюля по 2-е августа записки ведены на французскомъ языкѣ.

вописнымъ путешествіемъ по Россіи; онъ провелъ много лѣтъ въ Польшѣ и былъ посланъ Новосильцовымъ къ государю; при послѣднемъ своемъ представленіи намѣстнику царства, Заіончеку, прелъ отъѣздомъ изъ Варшавы, Бороздинъ слышалъ отъ него слѣдующія слова: „Партія Чарторыйскихъ похожа на заговоръ, но она не заслуживаетъ этого названія; впрочемъ, скажите Его Величеству, что если не обращать на нее вниманія, она можетъ получить значеніе заговора. Но конечно", продолжалъ намѣстникъ Александра, котораго народъ почитаетъ, какъ своего благодѣтеля, „ея махинаціи могутъ разразиться не въ его царствованіе, а при его преемникахъ"....

Около 10 часовъ Его Величество семь разъ прошелся мимо нашихъ оконъ. Лицо его было веселое, взглядъ живой; онъ казался довольнымъ. Между тѣмъ, чѣмъ болѣе смотрю я на этого непонятнаго человѣка, тѣмъ болѣе теряюсь въ своихъ догадкахъ: какъ примирить эту замѣченную мною ясность души со строгимъ распоряженіемъ, только что сдѣланнымъ предъ симъ, и о которомъ разсказалъ мнѣ сейчасъ дежурный флигель-адъютантъ.

Новгородъ. 11-го августа. Въ ночь предъ самымъ выѣздомъ изъ Царскаго, императоръ не спалъ. Онъ все время писалъ... На утро князь Волконскій вынесъ мнѣ, для отправки въ Вѣну, два письма, изъ которыхъ одно было на имя фельдмаршала князя Шварценберга, а другое—на имя его брата князя Іосифа. Одновременно съ этими письмами должны быть отправлены четыре гончія собаки, которыя Его Величество посылаетъ въ подарокъ фельдмаршалу.

Тверь. 13-го августа. Я говорилъ съ городскимъ головою и спросилъ его: приготовилъ ли онъ рѣчь для привѣтствія императору, или не будетъ ли онъ испрашивать у него какихъ-либо особыхъ льготъ для города или отмѣны какихъ-либо запрещеній. „Вы такъ рѣдко имѣете случай обращаться непосредственно къ государю", прибавилъ я, „что были бы въ правѣ воспользоваться представляющимся случаемъ". „Нѣтъ", отвѣчалъ голова, „я не буду ему ничего говорить, только попрошу принять хлѣбъ-соль". „Въ такомъ случаѣ", подумалъ я, „соотчичи мои достойны того положенія, въ которомъ они находятся". Послѣ представленія государю, голова съ поспѣшностію приходитъ ко мнѣ спросить: можно ли при проѣздѣ государя, кричать ура и кидать шапки вверхъ. На этотъ вопросъ—въ своемъ родѣ единственный и свидѣтельствующій о забитости народа—я отвѣчалъ, что ему должно слѣдовать не совѣ-

тамъ другихъ лицъ, а единственно по побужденіямъ своего сердца.

Москва. 18-го августа. Бѣдность въ Москвѣ ужасна. Коммиссіей, на которую возложена раздача пособій въ 16.000,000 р. пострадавшимъ отъ пожара, не довольны. Народъ толпится при проѣздѣ императора, чтобы подавать ему прошенія; онъ ихъ не принимаетъ, и до сихъ поръ пріемъ ихъ не возложенъ еще ни на одного изъ статсъ-секретарей или генералъ-адъютантовъ. Каждый изъ нихъ говоритъ, что это не его дѣло. Предосторожности такъ велики, что полиція, зная заранѣе, куда поѣдетъ государь, размѣщаетъ солдатъ и казаковъ на пути его проѣзда, чтобъ устранять лицъ, желающихъ подать прошенія...

Любопытно, что въ годовщину Бородинскаго сраженія, когда бы слѣдовало быть торжественной заупокойной литургіи, назначенъ балъ у графини Орловой.

Тула. 1-го сентября. Вечеромъ случилось непріятное происшествіе, которое указало мнѣ на одну любопытную черту для характеристики государя. Около 9 часовъ вечера я пришелъ къ князю Волконскому и засталъ его грустнымъ; на мой вопросъ о причинѣ того, онъ отвѣчалъ, что камердинеръ императора потерялъ второй томъ Библіи, которую государь, по обычаю, возитъ всюду съ собою,—въ переводѣ де-Саси. „Ну, бѣда не велика", отвѣчалъ я, „такъ какъ я, зная, что государь любитъ это изданіе, взялъ еще экземпляръ его". „Его Величество гнѣвается", отвѣчалъ князь, „потому что онъ сдѣлалъ много замѣтокъ на поляхъ этой книги. не понимаю я этой небрежности царской прислуги", продолжалъ князь; „государь имѣетъ обычай, отъѣзжая откуда-нибудь, въ самую минуту отъѣзда, когда всѣ вещи уже уложены въ карету, отдавать Библію въ руки камердинеру и напомнить ему, что ее должно хорошенько беречь".

Калуга. 2-го сентября. Его Величество остался недоволенъ Тульскимъ оружейнымъ заводомъ: „Это старикъ, впавшій въ дѣтство", сказалъ онъ. Главная причина упадка заключается въ томъ, что нынѣ тамъ дѣлается около 100,000 ружей, тогда какъ прежде дѣлали не болѣе 30,000. Я думаю, что причиною недовольства государя было то, что его предрасположили противъ мастеровыхъ которые подавали прошенія великому князю Николаю Павловичу во время его проѣзда чрезъ Тулу. Мастеровые хотѣли выпрячь лошадей изъ царской коляски и въ это время подать ему свое прошеніе. Генералъ Вороновъ, начальникъ завода, не умѣетъ ими распорядиться; онъ такъ слабъ, что наканунѣ прибытія государя

онъ собралъ мастеровыхъ и просплъ ихъ прочесть ему ихъ прошеніе. Рабочіе не согласились; онъ далъ имъ слово, что не будетъ препятствовать подачѣ прошенія и прибавилъ, что если они не вѣрятъ ему, то могутъ его связать.

Житомиръ. 14-го сентября. Государь, по обыкновенію своему, съ дамами очень веселъ и разговорчивъ; танцовалъ много и обхожденіемъ своимъ заставлялъ забывать санъ свой. При всей своей веселости примѣтно однакоже, что душа его волнуется, ибо у него вырываются грозные взгляды... Я бывалъ почти безпрестанно съ нимъ въ одной компатѣ, и невольно глаза мои на него обращались; и видѣлъ въ немъ человѣка, принадлежащаго исторіи, и съ любопытствомъ замѣчалъ каждую его черту... Къ сожалѣнію, настоящее путешествіе не сблизитъ его съ Русскими, потому что въ Россіи нашелъ онъ одно разореніе и жалобы. А не успѣли мы пріѣхать въ Польшу [1], то уже принимаютъ его съ самымъ веселымъ видомъ. Житомиръ—весьма дурной городъ, и я удивился, когда представлялось дворянство, котораго было до двухъ сотъ человѣкъ, а въ Москвѣ было сорокъ два дворянина при представленіи; предводитель онаго, молодой графъ Генрихъ Ильинскій произнесъ привѣтственную рѣчь въ то время, какъ наши предводители русскихъ губерній, посѣдѣвшіе на службѣ, не могли при государѣ отворить рта и только что кланялись. Здѣсь Русскихъ, во всемъ смыслѣ слова—ненавидятъ. Русскихъ чиновниковъ, занимавшихъ мѣста, удалили отъ оныхъ, нѣкоторыхъ отдали подъ судъ и во всемъ стараются дѣлать нашимъ притѣсненія...

На пути изъ Варшавы. Октября 5-го. Поутру рано выѣхали мы изъ Варшавы въ Петербургъ, пробывъ въ новоприобрѣтенной столицѣ немного болѣе двухъ недѣль. Къ чести великаго князя Константина Павловича должно приписать, что духъ Поляковъ въ теченіе года много перемѣнился въ отношеніи къ чувствамъ, которыя они питаютъ къ Россіи. Тому годъ назадъ, когда я былъ тамъ съ Его Императорскимъ Величествомъ, то Поляки, кромѣ врожденной ихъ къ намъ ненависти, казались еще недовольными тѣмъ, что на конгрессѣ Вѣнскомъ и Парижскомъ мирѣ мы не успѣли истребовать присоединенія къ Царству Польскому отъ Пруссіи — Позенскаго княжества, а отъ Австріи — Галиціи. Они тогда полагали, что ихъ политическое бытіе не утверждено ни на какомъ прочномъ основаніи; многіе изъ военныхъ, образо-

[1]) Авторъ разумѣетъ провинціи Юго-Западнаго края.

ванные во французскихъ арміяхъ и возмужавшіе подъ побѣдоносными знаменами Наполеона, надѣялись на могущія произойдти въ политической системѣ перемѣны: они не могли еще тогда привыкнуть къ строгости воинской нашей дисциплины, и всѣ вообще состоянія были увѣрены, что спокойствіе въ Польшѣ вовсе не можетъ быть не можетъ, потому что, вѣроятно, она должна быть управляема какимъ-нибудь честолюбивымъ намѣстникомъ. Строгость и справедливость великаго князя, благоразумные совѣты сенатора Новосильцова, который, будучи облеченъ всею довѣренностію императора, есть посредникъ между ними и властями Польскаго царства, и наконецъ, всѣми вообще одобряемое поведеніе намѣстника Заіончека, суть причины, способствовавшія къ установленію спокойствія и порядка между Поляками. Новосильцовъ до того умѣлъ снискать любовь ихъ, такъ что они просили государя, чтобы сдѣлать его сенаторомъ. Великій князь имѣетъ къ нему неограниченную довѣренность. Заіончекъ, которому государь при отъѣздѣ пожаловалъ орденъ св. Андрея Первозваннаго, не приступаетъ ни къ чему важному безъ того, чтобы не посовѣтываться съ великимъ княземъ. Къ таковому удачному ходу дѣлъ не мало способствовало устраненіе отъ дѣлъ фамиліи князей Чарторыйскихъ. Князь Адамъ, сынъ фельдмаршала, бывшій въ Россіи министромъ иностранныхъ дѣлъ въ 1805 году, былъ однимъ изъ составителей польской конституціи, которою онъ исключительно занимался въ Вѣнѣ во время конгресса. Онъ воспитывался вмѣстѣ съ императоромъ, былъ въ молодости его адъютантомъ, потомъ его министромъ, и принадлежа къ древнѣйшей фамиліи своего отечества, имѣлъ, кажется, всѣ права, чтобы занять въ оной при происшедшей въ немъ перемѣнѣ первое мѣсто, то есть, быть намѣстникомъ. Всѣ въ 1815 году были этого мнѣнія; Чарторыйскій до обнародованія конституціи и до введенія властей, въ оной опредѣленныхъ, управлялъ временно всѣми дѣлами, то коимъ онъ и докладывалъ государю, чему я самъ былъ ежедневно свидѣтелемъ. Мать его, одна изъ умнѣйшихъ женщинъ, и нѣкоторое число почтеннѣйшихъ людей, принадлежащихъ къ его партіи и фамиліи, наполнили всѣ мѣста въ Царствѣ чиновниками, къ нимъ приверженными, такъ что для смѣха начали называть Польшу не Польскимъ а Пулавскимъ царствомъ, по имени Пулавъ, наслѣдственнаго помѣстья Чарторыйскихъ. До послѣдняго дня отъѣзда государева изъ Варшавы въ прошломъ году были они, кажется увѣрены въ своемъ успѣхѣ, то есть, что князь Адамъ будетъ на-

мѣстникомъ, но по причинамъ, мнѣ не извѣстнымъ, сего не сбылось! Я видѣлъ Чарторыйскаго въ послѣднюю ночь прошлаго года, въ которую подписана конституція, и назначенъ Заіончекъ намѣстникомъ. Онъ былъ въ изступленіи. Это происходило часу во второмъ пополуночи: я стоялъ въ комнатѣ передъ кабинетомъ государя съ княземъ Волконскимъ и съ статсъ-секретаремъ Марченко, — какъ вдругъ вошелъ съ разстроеннымъ видомъ князь Чарторыйскій и ходилъ по горницѣ болѣе четверти часа, не только не взглянувъ на насъ во все сіе время ни одного разу, но даже не поклонился намъ. Съ самаго Кіева можно было замѣтить, что государь избѣгалъ всѣхъ случаевъ, чтобы не встрѣтиться съ кѣмъ-нибудь изъ сей фамиліи.

Сначала было назначено намъ ѣхать изъ Кіева въ Варшаву чрезъ Житомиръ и Люблинъ на Пулаву, но въ Кіевѣ государь отмѣнилъ сіе и велѣлъ приготовить лошадей по дорогѣ изъ Житомира чрезъ Брестъ-Литовскій. Но не успѣли мы проѣхать сего города, какъ узнали, что фельдмаршалъ князь Чарторыйскій, провѣдавъ, что государь минуетъ его имѣніе Пулаву, выѣхалъ ему на встрѣчу въ городокъ Мендржицы. Фельдмаршалъ князь Чарторыйскій распустилъ въ ономъ слухи, что императоръ остановится въ ономъ ночевать, дабы имѣть съ нимъ свиданіе тѣмъ продолжительнѣйшее; но государь, не могши уже избѣгнуть съ нимъ встрѣтиться, не имѣлъ тамъ своего ночлега, а только пилъ чай съ фельдмаршаломъ...

Во время настоящаго вояжа обнаружилось, сколь великую привязанность имѣетъ государь къ князю Волконскому. Въ свитѣ Его Величества находились генералы Уваровъ и Ожаровскій, статсъ-секретари Марченко, графъ Каподистрія и Сабоневскій (для польскихъ дѣлъ). Съ сими тремя онъ иногда занимался, первые же двое играли совсѣмъ незначущую роль; все же, что относится до военной или придворной части или лично до императора, отправлялось чрезъ князя Волконскаго. Онъ съ нимъ сидѣлъ во время дороги въ одной коляскѣ, пѣлъ съ нимъ божественныя пѣсни, и до такой степени князь успѣлъ угодить во всемъ, что я императора не видалъ сердитымъ ни одного раза. Тому два года назадъ имѣли вообще о князѣ Волконскомъ невыгодное мнѣніе, оспаривали у него умъ, свѣдѣнія и говорили, что императоръ оставляетъ его при себѣ потому, что любитъ быть окруженъ посредственными людьми. Я могу сказать, что я былъ первый, который началъ оспаривать сіе мнѣніе; никто со мною не соглашался, но съ нѣко-

тораго времени начинаютъ перемѣнять о немъ мысли; особенно же замѣтилъ я сіе въ продолженіе настоящаго путешествія нашего. Сіе также подѣйствовало на князя весьма съ выгодной стороны: онъ сталъ гораздо предпріимчивѣе и рѣшительнѣе; отвѣтственность во многихъ вещахъ беретъ онъ на себя и не боится, какъ прежде, многихъ генераловъ, какъ напримѣръ, Барклая-де-Толли, Опермана и еще нѣкоторыхъ другихъ. Но чѣмъ болѣе становится къ нему расположеніе монарха очевиднѣе, тѣмъ болѣе возрастаетъ въ князѣ презрѣніе къ роду человѣческому; уже и онъ начинаетъ думать, что каждый, кто съ нимъ говоритъ, намѣренъ его о чемъ-нибудь просить, и поэтому, предполагая въ людяхъ слабость, оказываетъ онъ къ нимъ негодованіе, которое немилуемо обращается на всѣхъ людей вообще. Чтобы сохранить то уваженіе, которое я отъ него къ себѣ пріобрѣлъ въ теченіе четырехлѣтней моей съ нимъ службы, я долженъ былъ въ обращеніи съ нимъ употребить всю возможную холодность; я съ нимъ бываю иногда гордъ, не давая ему ни на шагъ надъ собою верху, говорю съ нимъ единственно о дѣлахъ и никогда о чемъ-либо посторонненемъ. Отъ сего пріятно мнѣ было видѣть, что мы съ нимъ разстались при концѣ настоящаго путешествія, на станціи лишени, такими пріятелями, какими почти никогда не бывали.

1818 годъ.

Варшава. Апрѣля 5-го. Всѣ, съ кѣмъ мнѣ удавалось говорить, начинаютъ и оканчиваютъ разговоры свои похвалами рѣчи, произнесенной императоромъ при открытіи сейма. Безъ сомнѣнія, она весьма примѣчательна...

Каменецъ-Подольскъ. 25-го апрѣля. За обѣдомъ у Его Величества, кромѣ особъ, принадлежащихъ къ свитѣ, были губернаторъ, вице-губернаторъ и губернскій предводитель. Казалось, что государь истощился сегодня въ разговорахъ, потому что началъ говорить о смотрѣ, бывшемъ въ 1815 году при Вертю. Онъ очень любитъ разсказывать о семъ предметѣ, но слишкомъ часто повторяетъ; мнѣ случалось уже разъ шесть объ этомъ слышать. Впрочемъ его положеніе извиняетъ сіи повторенія; во-первыхъ, 1815 годъ былъ блистательнѣйшій въ его жизни, ибо онъ окончилъ въ ономъ освобожденіе Европы, а во-вторыхъ, онъ обязанъ безпрестанно говорить, потому что всѣ на него смотрятъ и его слушаютъ. Онъ однажды жаловался на это Милорадовичу, который отвѣчалъ

ему: „Я съ Вашимъ Величествомъ не согласенъ; я нахожу, что очень легко говорить пустяки, я болѣе ничего, кромѣ вздору, не говорю“...

Николаевъ. 7-го мая. Государь, осматривая корабль въ адмиралтействѣ Николаевскомъ, и разсуждая о подробностяхъ построенія сказалъ: „Au reste je juge comme un aveugle des couleurs“...

Херсонъ. 8-го мая. Я воспользовался одною свободною минутою, чтобы быть въ соборѣ и видѣть гробъ Потемкина. Не только ему не поставили памятника, но даже нѣтъ камня или доски, которая бы означала, что онъ здѣсь погребенъ. Сіе происходитъ отъ слѣдующаго: когда его похоронили, то сдѣлали надъ гробомъ его сводъ и лѣстницу; но по вступленіи на престолъ императора Павла велѣно было именнымъ указомъ тѣло его вырыть и бросить въ полѣ на съѣденіе птицамъ. Однако же нѣкто изъ приверженныхъ покойнаго помѣшалъ исполненію сего указа, и заклалъ сводъ досками, сравнявъ оныя съ обыкновеннымъ поломъ. Государь Александръ Павловичъ намѣренъ былъ воздвигнуть ему памятникъ въ Херсонѣ, но наслѣдники Потемкина просили, чтобы сіе было предоставлено на ихъ попеченіе и иждивеніе; но неблагодарные по сихъ поръ ничего не сдѣлали, чтобы почтить память своего благодѣтеля.

Керчь. Мая 10-го. Государь, разговаривая о множествѣ разнообразныхъ благоуханныхъ травъ, которыя мы видѣли на поляхъ, сдѣлалъ справедливое заключеніе, что ботаникъ можетъ найдти здѣсь много новыхъ полезныхъ произрастеній, и спросилъ у лейбъ-медика Вилліе, собралъ ли онъ какія-нибудь травы. „Нѣтъ“, отвѣчалъ онъ. „Что же ты дѣлалъ дорогою?“ продолжалъ государь. „Я стрѣлялъ орловъ“, сказалъ Вилліе. Сей отзывъ такъ не понравился государю, что онъ перемѣнился въ лицѣ и сказалъ въ сердцахъ: „Удивительно, что начальникъ всей медицинской части ѣздитъ по такимъ мѣстамъ, гдѣ, можетъ быть, есть сокровища для нашихъ аптекъ, и вмѣсто того, чтобы обратить вниманіе на сей предметъ, стрѣляетъ орловъ“.

Байдары. Мая 15-го. Принцъ Гессенъ-Гамбурскій разсказывалъ о какомъ-то Фроссарѣ, на котораго написаны слѣдующіе стихи:

. . . . . .

. . . . . .

На сіе князь Волконскій сказалъ по русски, что и у насъ есть на таможеннаго генерала (разумѣется, Обрѣзкова) подобные стихи

и просилъ меня сказать сочиненные кн. В. стихи, подъ названіемъ: „Приношеніе Хр . . . у въ новый годъ“:

Я воинъ былъ средь мирныхъ лѣтъ;
Когда жь торговли нѣтъ,
Торговлей управлялъ.

Государь слушалъ сіе съ удовольствіемъ и улыбался, и спросилъ меня: не знаю ли я чего еще изъ сей оды; я прочелъ стихи на статсъ-секретаря Кикина:

Въ Бесѣдѣ генералъ,
А въ арміи Бесѣды членъ.

Перекопъ. 19-го мая. Такимъ образомъ, десятидневное путешествіе наше по Таврическому полуострову окончилось. Въѣзжая въ оный, имѣлъ я несравненно большія понятія о благосостояніи жителей его и о промышленности ихъ. Хотя я не надѣялся найдти тамъ богатства образованныхъ странъ Европы, но непросвѣщеніе обывателей, бѣдность ихъ, или лучше, нищета превзошли всякое чаяніе, равно и безпечность нашего правительства, которое, владѣя тридцать-пять лѣтъ краемъ симъ, употребляло, кажется, нарочно средства къ разоренію его. „Или мы выгонимъ Русскихъ изъ Крыма, или они насъ истребятъ и выгонятъ“, говорятъ Татары; слѣдовательно, можетъ ли какая-нибудь отрасль промышленности процвѣтать, когда по сему изреченію ничто не ручается за неприкосновенность собственности. Когда мы завоевали полуостровъ, то въ ономъ считали до 400,000 обывателей, а теперь ихъ 130,000. Имъ позволено было выѣзжать за границу въ извѣстные сроки Нѣкоторые распродали имущества свои и отправились въ Херсонъ, дабы оставить Россію; но какъ велико было ихъ огорченіе, узнавши въ Херсонѣ, что они пропустили нѣсколько дней за срокъ; они принуждены были возвратиться на родину свою и покупать за большія цѣны то, что они не задолго предъ тѣмъ продали за безцѣнокъ. Чиновники, служащіе въ различныхъ присутственныхъ мѣстахъ, суть люди безъ всякаго образованія, имѣя одною цѣлію составить себѣ состояніе. Слѣдовательно, ни они, ни первые поселившіеся здѣсь Русскіе, о коихъ было упомянуто выше сего, не могли образованіемъ и полезными свѣдѣніями своими привязать къ намъ Татаръ и способствовать къ умноженію народнаго богатства. Напротивъ того, они вступили съ Татарами въ тяжбы, коихъ теперь множество; Татары же несчастные не только не знаютъ законовъ, но даже не умѣютъ писать, а по сему имъ нѣтъ надежды

къ выпранію тяжбъ. Одинъ Татаринъ сказывалъ мнѣ, что съ него просилъ русскій чиновникъ 25 рублей за написаніе короткой просьбы. Судебныя мѣста въ рѣшеніяхъ своихъ основываются на русскихъ законахъ, которыхъ въ Крыму приспособить нельзя; такъ напримѣръ, въ дѣлѣ адмирала Мордвинова съ жителями Байдарской долины государственный совѣтъ положилъ мнѣніемъ владѣть землями Мордвинову, доколѣ Татары не представятъ документовъ на принадлежность имъ земель. Но они говорили мнѣ, что другихъ актовъ у нихъ не находится, кромѣ изустнаго преданія и права давности. „Спросите", говорилъ мнѣ проводникъ государя по южному берегу, „стариковъ Байдарской долины и всѣхъ сосѣднихъ селеній; они вамъ скажутъ, что предки мои владѣли садомъ, доставшимся мнѣ по наслѣдству отъ моего отца, и который у меня отнялъ управитель г. Мордвинова Платоновъ въ 1812 году; въ то время, когда я, служа въ Симферопольскомъ полку, защищалъ Россію и получилъ Георгіевской крестъ, онъ завладѣлъ моею землею подъ предлогомъ, будто я не имѣю письменныхъ документовъ на принадлежность оной". Отъ множества тяжбъ, которыя вредятъ праву собственности, и слѣдовательно, употребленію ея, происходитъ, что татарскіе капиталы (въ смыслѣ государственнаго хозяйства) часъ отъ часу упадаютъ, ибо ихъ не поддерживаютъ. Татаринъ, сидя въ своей хижинѣ, равнодушно смотритъ на одно, два или три орѣховыхъ дерева, которыя питаютъ его семейство, не заботится о улучшеніи своего состоянія, доволенъ будучи, если онъ, жена его и дѣти не умираютъ съ голода. Количество просьбъ, поданныхъ государю не вѣроятно; напримѣръ близъ Байдаръ, на пространствѣ 32 верстъ, подали болѣе 700 прошеній, которыя я перечитывалъ, ибо императоръ велѣлъ мнѣ принимать ихъ, и я, наполнивъ ими всѣ свои карманы, принужденъ былъ завязать ихъ цѣлыми узлами въ платки и отдавать на сбереженіе слѣдовавшимъ за нами проводникамъ. Хотя изъ числа просьбъ были не дѣльныя, на примѣръ, иные Татары просили вспоможенія, дабы сходить на поклоненіе въ Мекку, и тому подобное, но не менѣе того множество прошеній доказываютъ, сколь жители страждутъ.

Мнѣ кажется, что россійское правительство должно взирать на Крымъ съ трехъ точекъ: 1) со стороны внутренняго его управленія, конечно — обезпеченія собственности, соблюденія законовъ, устроенія училищъ; 2) со стороны морской силы, и 3) со стороны внѣшней торговли, содѣйствуя ей образованіемъ гаваней, которыя природа щедрою рукою разсыпала, можно сказать, по полуострову;

должно обратить вниманіе также на то, сколько дарованныя привиллегіи Одессѣ вредятъ всему Крыму.

Село Тертыніе. 20-го мая. Первый вопросъ, который при видѣ крѣпости въ Перекопѣ представляется, есть: противъ кого она строится? по сему и Татары не могутъ быть совершенно покойными, видя, что сіе укрѣпленіе явно доказываетъ недовѣрчивость къ нимъ правительства.....

Несомнѣнно должно полагать, что у здѣшнихъ духоборцевъ есть какое-нибудь тайное намѣреніе или сокрытая цѣль, une arrière-pensée, ou un arrière-but. Они говорили мнѣ, что многіе изъ братій ихъ находятся у казаковъ и крѣпостными у помѣщиковъ; не думаютъ ли они сихъ послѣднихъ отнять у господъ ихъ; тогда подъ симъ предлогомъ половина нашихъ крестьянъ, а дворовые люди вѣрно всѣ объявятъ себя духоборцами.

Описаніе дороги изъ села Тертынія въ Маріуполь. 21-го мая. Сначала ѣхали мы по духоборскимъ селеніямъ, потомъ двѣнадцатью прекраснѣйшими колоніями менонистовъ, которыя чистотою и опрятностію домовъ и садиковъ своихъ напоминаютъ обработаннѣйшія страны Германіи; послѣ сего везли насъ по селеніямъ Ногайцевъ и казаковъ, а потомъ по деревнямъ, обитаемымъ Греками. Такимъ образомъ, на пространствѣ 180 верстъ, обитаютъ въ Россіи пять народовъ, совершенно различныхъ одинъ отъ другого происхожденіемъ, вѣрою, языкомъ, просвѣщеніемъ и обычаями. Но всѣмъ ли симъ народамъ, думалъ я, дано такое направленіе, чтобы они способствовали къ поддержанію единства великой имперіи? Теперь они малочисленны, и слѣдовательно, точка зрѣнія сія не можетъ имѣть никакой важности, но со временемъ, по прошествіи многихъ лѣтъ, можетъ быть, и вѣковъ, когда племена сіи размножатся, когда они образуютъ города, тогда не должно упускать оной изъ виду, ибо она для всей имперіи можетъ имѣть важнѣйшія послѣдствія. . . .

Въ Маріуполѣ ожидалъ насъ Екатеринославскій губернаторъ Калагеоргій, находившійся при воспитаніи цесаревича Константина Павловича вмѣстѣ съ генераломъ Курутою. Онъ человѣкъ очень умный и жалуется, какъ нельзя болѣе, на невѣжество и грабежи гражданскихъ чиновниковъ. Пріѣздъ его былъ непріятенъ для императора. Странно, что Его Величество не любитъ говорить съ губернаторами; запрещаетъ строго имъ выѣзжать къ себѣ на встрѣчу; сердится, если найдетъ губернатора въ проѣздѣ своемъ въ какомъ-либо городкѣ, и велитъ имъ быть въ губернскихъ горо-

дахъ, хотя бы, какъ напримѣръ, нынѣ, онъ въ оныхъ и не располагалъ быть, ибо Екатеринославль не лежитъ на нашемъ пути. „За чѣмъ прибылъ сюда Калагеоргій?“ былъ первый мнѣ вопросъ князя Волконскаго. Эта черта поведенія Его Величества мнѣ не постижима, потому что единственно отъ губернаторовъ можно узнать состояніе какого-либо края.

Липецкъ. 29-го мая. Государь велѣлъ князю Волконскому сдѣлать губернатору Безобразову выговоръ за дурныя дороги, не мнѣ кажется, за то болѣе, что онъ сюда пріѣхалъ изъ Тамбова.

1829 годъ.

25-го мая. Я пріѣхалъ въ Москву. Мнѣ говорилъ графъ Орловъ-Денисовъ, что онъ недавно былъ въ Петербургѣ, гдѣ государь, бесѣдуя съ нимъ о прошлогоднемъ Турецкомъ походѣ, сказалъ: „При мнѣ все идетъ дурно; я не хочу мѣшаться болѣе лично въ дѣла, а потому и въ армію не поѣду“.

8-го іюня. Въ городѣ Васильковѣ, гдѣ въ 1825 году Муравьевъ-Апостолъ взбунтовалъ Черниговскій полкъ, мнѣ сказывали, что всѣ солдаты были въ совершенно пьяномъ видѣ, и что по сему уже одному обстоятельству отважное предпріятіе его не могло имѣть успѣха.

Соображая непріятныя обстоятельства прошлогодняго похода я почитаю самою великою упадокъ нравственности въ войскахъ и чувства непоколебимости, коего бывала въ прежнія войны исполнена русская армія.

Конница почти вся лишилась лошадей, которыя были въ такомъ разслабленіи, что конные полки возвращались спѣшанными. Одинъ гусарскій полкъ, кажется, Маріупольскій, подъ командою Корфа отказался идти въ атаку, подъ предлогомъ, что лошади и рысью ходить не въ состояніи. Вообще, не хвалятъ многихъ генераловъ: говорятъ, будто бы начальникъ 10-й дивизіи Свѣчинъ и его же бригады Жерве не рѣшались идти противу непріятеля. Прискорбнѣе всего было мнѣ слышать, что наши нѣкоторые полководцы, которыхъ мы привыкли почитать въ числѣ первыхъ нашихъ вождей, потеряли свою репутацію; будто бы графа Воронцова не узнавали подъ Варною, гдѣ распоряженіями его были всѣ недовольны; будто принцъ Евгеній Виртембергскій, который столь много въ прежнія войны отличался, услыша подъ Шумлою ложную тревогу, до такой степени оробѣлъ, что сѣлъ на лошадь безъ исподняго платья;

что Будзевичъ потерялъ весь обозъ свой. Утверждаютъ, что армія наша была въ такомъ изнеможеніи, что ежели бы Варна еще нѣкоторое время не сдалась, то отступленіе за Дунай похоже было бы на бѣгство французской арміи изъ Россіи. Всѣхъ хуже дѣйствовалъ генералъ Сухозанетъ, его прозвали: генералъ хуже нѣтъ.

Іюнь. *Въ лагерѣ при Дисѣ.* Я ѣздилъ съ генераломъ Лошкаревымъ по окрестностямъ нашего лагеря. Мы много разговаривали о минувшей компаніи, и генералъ Лошкаревъ сдѣлалъ справедливое замѣчаніе, что мы съ окончаніемъ французской войны для чтенія сочиненій Жомини пренебрегли изученіемъ походовъ Румянцова и Суворова, и онъ полагаетъ одною изъ причинъ разстройства арміи нашей недостатокъ хорошихъ унтеръ-офицеровъ, ибо въ послѣдніе годы выбирали въ сіе званіе не изъ надежныхъ рядовыхъ, но людей видныхъ собою и умѣющихъ хорошо маршировать. Отъѣхавъ далѣе, мы видѣли, что офицеръ конно-егерскаго полка, бывъ посланъ въ подкрѣпленіе казакамъ, разсыпалъ цѣпь; мы, видя сіе, ужаснулись и пожалѣли отъ всего сердца, что церемоніальный маршъ и всѣ мелочи фронтовой службы, которою исключительно занимались у насъ съ 1815 года, погубили нашу прекрасную армію, заставивъ множество отличныхъ офицеровъ выйдти въ отставку.

Государь говоритъ, что его одного, а никого другого, слѣдуетъ винить за всѣ неудачи сей войны. Эти слова Киселева.

У меня въ бригадѣ есть много рекрутъ, которые выпустили не болѣе трехъ зарядовъ; пороху для ученья не отпускалось; подобной скупости казны нельзя себѣ вообразить, между тѣмъ какъ въ Петербургѣ сыплютъ милліоны для пустыхъ занятій.

Прошлаго года въ мартѣ мѣсяцѣ велѣно было Киселеву пріѣхать въ Петербургъ. Когда онъ явился, ему сказали, что вторая армія, которой онъ былъ начальникъ штаба, должна была перейдти Прутъ и открыть военныя дѣйствія. На представленіи его, что въ арміи не было ни денегъ, ни воловъ, ему отвѣчали, что только стоитъ перейдти Дунай, и тогда Турки потребуютъ мира. Киселевъ говорилъ, что въ Петербургѣ были столь сильно увѣрены въ несомнительномъ успѣхѣ войны, что даже разсуждали, что сдѣлать съ Константинополемъ по взятіи его, оставить его за Россіею, или отдать какой-нибудь другой державѣ? Ослѣпленію сему, вѣроятно, было причиною счастливое окончаніе Персидской войны.

Я встрѣтился съ Киселевымъ; мы разговаривали съ нимъ о дворѣ; вотъ что я отъ него слышалъ: Въ 1819 году государь Александръ Павловичъ возвращался изъ Варшавы; его провожалъ нѣсколько

станцій цесаревичъ, который самъ слѣдующее обстоятельство разсказывалъ Киселеву. Я помѣщаю въ видѣ разговора.

Александръ. Я долженъ сказать тебѣ, любезный братъ, что я хочу абдикировать; я усталъ и не въ силахъ сносить тягость правительства; я тебя предупреждаю—для того, чтобы ты подумалъ, что̀ мнѣ надобно будетъ дѣлать въ семъ случаѣ.

Константинъ. Тогда я буду просить мѣсто второго камердинера вашего; я буду служить вамъ, и ежели нужно—чистить вамъ сапоги. Когда бы я теперь сдѣлалъ, то почли бы подлостью, но когда вы будете не на престолѣ, я докажу преданность мою къ вамъ, какъ благодѣтелю моему.

При сихъ словахъ императоръ поцѣловалъ меня такъ крѣпко, присовокупилъ цесаревичъ, какъ никогда въ 45 лѣтъ не цѣловалъ.

Александръ. Когда прійдетъ пора абдикированія, то я тебѣ дамъ знать, и ты мысли мои напиши къ матушкѣ.

Слѣдовательно, догадки мои объ отреченіи Александра отъ престола, которыя я помѣстилъ въ журналѣ моемъ 1817 г., были справедливы. Государь хотѣлъ издать новый гражданскій и уголовный законъ и тѣмъ заключить свое царствованіе.

Государь, бывъ въ Одессѣ, говорилъ о графѣ Виттенштейнѣ: „Я не думалъ, что бы графъ былъ такой колпакъ, какимъ въ продолженіи похода я нашелъ его“....

Больные каждый день прибавляются; теперь въ моемъ лазаретѣ человѣкъ 300 больныхъ, и всего одинъ фельдшеръ! Такое упущеніе по медицинской части не извинительно. Ежели нѣтъ въ Россіи докторовъ, то можно выписать изъ-за границы. У насъ ведутъ войну и хотятъ беречь деньги, забывая изреченіе Фридриха II, что для войнъ нужно три вещи: вопервыхъ, деньги; вовторыхъ, деньги, и втретьихъ, деньги.

Вотъ нѣкоторые анекдоты о покойномъ государѣ Александрѣ Павловичѣ, касающіеся до недовѣрчивости и какой-то робости, составлявшихъ черту его характера.

Однажды генералъ-адъютантъ Киселевъ, Орловъ и Кутузовъ, стоя во дворцѣ, разсказывали другъ другу забавные анекдоты и хохотали. Вдругъ приходитъ императоръ, и они перестаютъ смѣятся, но появленіе его было столь внезапно, что на чертахъ ихъ лицъ видны были еще слѣды смѣха. Черезъ нѣсколько минутъ государь посылаетъ за Киселевымъ, который застаетъ его стоящимъ противъ зеркала. Императоръ нѣкоторое время смотрится въ зеркало то съ одной стороны, то съ другой, и наконецъ, подзывая

Киселева, спрашиваетъ его: что бы могло быть въ его особѣ смѣшнаго? Удивленный, или лучше сказать, пораженный симъ вопросомъ, Киселевъ отвѣчаетъ, что онъ его не понимаетъ. „Скажи мнѣ правду“, продолжаетъ государь, „можетъ быть, сзади моего мундира есть что-нибудь, или что-нибудь подобное, подавшее поводъ къ насмѣшкамъ, потому что я видѣлъ, какъ ты, съ двумя своими товарищами, надо мною забавлялись“. Можно легко представить себѣ изумленіе Киселева, который сказалъ рѣшительно императору, что онъ до тѣхъ поръ не выйдетъ изъ кабинета, пока императоръ не убѣдится въ справедливости своего обвиненія. „Пошлите“, сказалъ онъ, „за Кутузовымъ и Орловымъ, пусть они Вашему Величеству разскажутъ—о чемъ мы смѣялись“. По долгомъ преніи, наконецъ, онъ успѣлъ убѣдить императора въ своей невинности....

Въ первые два года царствованія императора Александра Павловича, онъ являлся, какъ извѣстно въ частныхъ обществахъ и заставлялъ любезнымъ обращеніемъ забывать высокій свой санъ. Нѣкоторые до такой степени употребляли сіе во зло, что на гуляньи въ Лѣтнемъ саду, гдѣ въ то время собиралась лучшая публика, сами къ нему подходили и начинали съ нимъ разговоръ, что, какъ всякій видитъ, не прилично, и императоръ до того сими неблагопристойными поступками былъ выведенъ изъ терпѣнія, что онъ сказалъ, что онъ вынужденнымъ находится перемѣнить свое обращеніе.

Въ Парижѣ 1815 г. онъ обѣдалъ вдвоемъ съ графомъ Аракчеевымъ который предложилъ учредить въ воспомнианіе чрезвычайныхъ происшествій того времени новый орденъ съ пенсіономъ или присоединить пенсіоны къ орденамъ св. Георгія и Владиміра, и пенсіоны сіи назначить тѣмъ, кто отличится въ послѣднихъ походахъ или во время сихъ войнъ были изувѣчены. „Но гдѣ мы возьмемъ деньги?“ спросилъ императоръ. „Я объ этомъ думалъ“, отвѣчалъ Аракчеевъ; „полагаю обратить на сей предметъ въ казну имѣнья тѣхъ Поляковъ, которые служили въ 1812 году Наполеону, и не взирая на дарованное имъ прощеніе, не возвратились въ Россію какъ напримѣръ князей Радзивиловъ“. „То есть, конфисковать ихъ?“ прервалъ государь. „Такъ точно“, отвѣчалъ Аракчеевъ. „Я конфискацій не люблю“, возразилъ императоръ; „ежели возьмемъ пенсіонъ для предлагаемыхъ тобою орденовъ, съ конфискованныхъ имѣній, то пенсіоны сіи будутъ заквашены слезами“. Это собственныя слова императора.....

Во время молебствія, по случаю заключенія мира съ Турціею, и когда подходилъ ко кресту, я замѣтилъ, что почти всѣ генералы, учавствовавшіе въ Турецкую войну, были протестантскаго вѣроисповѣданія; насъ, Русскихъ, было всего трое: Кладищевъ, Зварковскій и я; а Нѣмцевъ—Дибичъ, Ротъ, Левенштеръ, Арнольдъ, Ридигеръ, Лехнеръ, Ольденбургъ, Вахтель и другіе. Къ стыду русскихъ дворянъ они не хотятъ служить и предпочитаютъ англійскій клубъ трудамъ и опытностямъ.

Во время обѣда у графа Дибича нечаянно рѣчь зашла о Грузіи и о какомъ-то переводчикѣ Кургановѣ, на котораго я сначала не обратилъ вниманія, но главнокомандующій сказалъ, что онъ изъ числа самыхъ умныхъ людей... Когда мы встали изъ-за стола, и графъ началъ говорить съ генераломъ Бергомъ и со мною, то продолжалъ о закавказскихъ странахъ. Вотъ нѣкоторые изъ словъ графа: „Кургановъ поссорилъ Ермолова съ Паскевичемъ; завладѣвъ симъ послѣднимъ и воспользовавшись мнительностію его, онъ увѣрилъ его, что Ермоловъ хочетъ его отравить; Паскевичъ былъ такъ въ семъ убѣжденъ, что когда и я не здоровъ сдѣлался, то онъ даже приходилъ ко мнѣ, говоря, что и я отравленъ".

„У насъ есть армянская партія, имѣющая цѣлію возстановить единство Армянскаго народа, имѣть свои войска, свои законы, какъ то сдѣлано съ Польшей и Финляндіею; я почитаю сіи мѣры весьма вредными, такъ какъ учрежденіе Литовскаго корпуса; государь Александръ Павловичъ сіе сдѣлалъ по врожденному въ немъ чувству уваженія къ добродѣтели; по сей причинѣ онъ уважалъ въ завоеванныхъ народахъ и главнѣйшую добродѣтель, то есть, любовь къ отечеству, но въ послѣдніе годы своей жизни онъ въ нихъ раскаивался. Митрополитъ Нарцесъ былъ одинъ изъ главныхъ ревнителей Армянскаго общества. Ермоловъ дѣлалъ ошибки какъ генералъ, какъ властелинъ Закавказскаго края".

Послѣ обѣда рѣчь зашла о 14-мъ декабрѣ. Фельдмаршалъ, находившись тогда, при государѣ, сказалъ: „Императоръ Александръ зналъ, что былъ заговоръ; также ему было извѣстно, что прекратили члены онаго свои засѣданія въ 1822 году. Онъ молчалъ, и когда возникъ вновь заговоръ, то онъ намѣренъ былъ въ походѣ 1825 года велѣть схватить преступниковъ, но кончина ему въ томъ воспрепятствовала. Государь почиталъ это пустяками, а себя слишкомъ твердымъ на своемъ престолѣ". Изъ сихъ словъ самой довѣренной особы, каковою былъ графъ Дибичъ, надобно заключить,

что слухи, будто извѣстія о заговорѣ имѣли вліяніе на кончину государя, не справедливы.

Графъ Дибичъ предлагалъ императору Александру переформировать полки въ 4-хъ-баталіонные, но государь не соглашался, потому что многіе полки потеряютъ свое наименованіе, а съ именами полковъ сопряжена и слава ихъ.

Говорили тоже о медаляхъ Парижскихъ, которыя были обѣщаны министерствомъ 1814 года, а розданы двѣнадцать лѣтъ послѣ того. Фельдмаршалъ сказалъ, что онъ нѣсколько разъ напоминалъ покойному государю о сихъ медаляхъ; всякій разъ государь отмалчивался и умеръ, не приказавъ чеканить сихъ медалей. Конечно, тому была причина — извѣстная скромность Александра, не желавшаго медалями оскорбить честолюбіе Французовъ. И онъ, подобно Македонскому герою, хотѣлъ чтобы его хвалили въ Аѳинахъ!

Слова Дибича: „О назначеніи Николая Павловича наслѣдникомъ престола при жизни Александра никто не зналъ, кромѣ двухъ особъ: митрополита Филарета и князя Голицына. Государь, повѣрившій мнѣ многія тайны, не говорилъ мнѣ однакоже объ этомъ ни слова. Однажды мы были съ нимъ въ поселеніяхъ, и онъ, обративъ рѣчь къ великому князю Николаю Павловичу, сказалъ ему: „Тебѣ надобно будетъ это поддерживать“. Я ничего другого изъ сихъ словъ не заключилъ, какъ то, что судя по лѣтамъ великаго князя, онъ переживъ, государя и цесаревича, будетъ ихъ преемникомъ.

„Императрица Елисавета Алексѣевна, бывшая въ послѣднее время единственнымъ другомъ Александра, не знала даже объ отреченіи цесаревича: вотъ тому доказательство. Когда въ Таганрогѣ болѣзнь Александра не подавала уже никакой надежды къ выздоровленію, князь Волконскій совѣтовалъ мнѣ спросить у императрицы: къ кому, въ случаѣ кончины государя, должно будетъ относиться мнѣ, какъ начальнику главнаго штаба Его Величества; ибо положеніе мое было весьма затруднительное; я оставленъ начальникомъ арміи въ такое время, гдѣ открывались случаи обширнаго заговора. Я не рѣшился лично предложить императрицѣ сего вопроса, не желая нанести ей огорченія, да и хотя и пользовался ея милостями, но однакоже не въ такой степени, какъ князь Волконскій, который былъ другомъ императорской фамиліи; потому и настоятельно просилъ его принять на себя объясниться съ государынею. Онъ не иначе на сіе согласился, какъ съ условіемъ,

чтобы и я тутъ же находился. Мы вошли съ нимъ вдвоемъ въ комнату государя, лежавшаго въ забытіи, и князь Волконскій, подойдя къ Елисаветѣ Алексѣевнѣ, сказалъ ей, что я, какъ начальникъ штаба, прошу ее сказать—къ кому, въ случаѣ несчастія, мнѣ должно будетъ относиться? „Развѣ государь такъ боленъ“, сказала императрица, „что уже нѣтъ надежды?“ „Богъ одинъ можетъ помочь и спасти государя, однако же спокойствіе и безопасность Россіи требуютъ, чтобы на всякій случай были приняты надлежащія мѣры“. „Разумѣется“, сказала государыня, „что въ несчастномъ случаѣ надобно будетъ относиться къ Константину Павловичу“. Сіи слова явно доказываютъ невѣдѣніе императрицы о томъ, кто былъ назначенъ наслѣдникомъ престола. Мы полагали съ княземъ Волконскимъ, что у покойнаго государя было завѣщаніе, ибо онъ имѣлъ при себѣ безпрестанно конвертъ съ бумагами, котораго онъ никогда не оставлялъ. Когда мы по смерти его вскрыли сіи бумаги, то нашли, что въ нихъ были написаны какія-то молитвы. „Первоначальное мое воспитаніе на счетъ религіи“, сказалъ мнѣ однажды императоръ, „было весьма пренебрежено; Лагарпъ воспитывалъ меня въ духѣ своего вѣка, и я былъ, какъ и всѣ мои современники, не набоженъ; одинъ человѣкъ перемѣнилъ въ семъ отношеніи мой образъ мыслей“. Но кто былъ сей человѣкъ, сказалъ фельдмаршалъ, я не знаю, и имя его мнѣ осталось непзвѣстно“.

Говоря объ Александрѣ, нельзя было не коснуться до его любимца графа Аракчеева. Я предлагалъ фельдмаршалу различные вопросы, на которые онъ мнѣ давалъ отвѣты; помѣщаю почти его собственныя слова: „Главнѣйшее достоинство графа Аракчеева состояло въ томъ, что онъ былъ необыкновенно трудолюбивъ. Государь, чувствуя себя слишкомъ добрымъ, желалъ имѣть при себѣ человѣка строгаго, непоколебимаго, который бы дѣлалъ переѣсъ его добротѣ, и для сего выборъ палъ на Аракчеева. Не смотря на всѣ доказательства расположенія къ нему государя, Аракчеевъ однакоже не входилъ въ кабинетъ императора, иначе какъ съ нѣкоторымъ страхомъ. Это было примѣтно на его лицѣ, и въ этомъ онъ мнѣ самъ сознавался. Когда государь сдѣлалъ меня начальникомъ своего штаба, то по пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ, тотчасъ началъ мнѣ говорить объ Аракчеевѣ. „Ты найдешь въ немъ“, сказалъ онъ, „человѣка необразованнаго, но единственнаго по трудолюбію и усердію ко мнѣ; старайся съ нимъ ладить и дружно жить: ты будешь имѣть съ нимъ часто дѣло и оказывай ему возможную довѣренность и уваженіе“. Во время убіенія любимицы его,

императоръ, находившійся въ Таганрогѣ, полагалъ, что ее убили нарочно, изъ ненависти не къ ней, но къ графу Аракчееву, для того чтобы сего послѣдняго удалить отъ дѣлъ. Тогда же графъ Аракчеевъ отдалъ странный, или лучше сказать, непозволительный приказъ, коимъ онъ, по случаю приключившейся ему болѣзни, назначилъ начальникомъ всѣхъ поселенныхъ войскъ г. Эйлера. Какъ будто можно кому-либо изъ командующихъ частію войскъ передавать начальство другому. Сей непозволительный поступокъ хотя и былъ непріятенъ государю, однакоже онъ сказалъ мнѣ, что извиняетъ его болѣзненному состоянію".

Государь, бывъ въ Крыму, говорилъ: „Если императору позволено, то я скоро переселюсь въ Крымъ. Я отслужилъ 25 лѣтъ, и солдату въ этотъ срокъ даютъ отставку.

ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ИЗВѢСТІЕ О НАУМѢ ЧОГЛОКОВѢ.

Одинъ французскій офицеръ, подполковникъ Теодоръ де-Белькуръ, служившій волонтеромъ у польскихъ конфедератовъ въ 1769 году, взятый въ плѣнъ русскими войсками и препровожденный на жительство въ Тобольскъ, видѣлъ тамъ въ 1770 и 1771 годахъ Наума Чоглокова. Вотъ что̀ разсказываетъ о немъ Белькуръ въ своей книгѣ „Relation ou Journal d'un officier français au service de la confédération de Pologne, pris par les Russes et relégué en Sibérie". (Amsterdam, MDCCLXXVI):

„Мы [1]) простились со всѣми нашими знакомыми, между прочимъ съ нѣкоторыми ссыльными благороднаго происхожденія, въ числѣ коихъ былъ г. Чоглоковъ, человѣкъ, доведенный до послѣдней степени нищеты. Виновниками его несчастія были его враги, повредившіе ему у генерала Тотлебена [2]). Французскіе офицеры и я помогали ему изъ нашихъ небольшихъ средствъ; мы давали ему хлѣба. Онъ долженъ былъ мнѣ десять рублей во время нашего отъѣзда; но зная его бѣдственное положеніе, я, не смотря на большую нужду въ деньгахъ, не напоминалъ ему о томъ. Онъ выдалъ вексель въ шестдесятъ рублей одному изъ моихъ офицеровъ, который ссудилъ ему эти деньги. Вексель былъ написанъ на имя его̀ сестры г-жи Рославлевой [3]), живущей въ Москвѣ. Эта дама, родственница покойной императрицы Елисаветы, имѣла же-

---

[1]) Белькуръ говоритъ о себѣ и своихъ товарищахъ по ссылкѣ, также Французахъ. Разсказъ его относится къ сентябрю 1771 года, когда плѣннымъ была возвращена свобода, и они собирались выѣхать изъ Тобольска.

[2]) Въ подлинникѣ напечатано «Lotthlem».

[3]) Въ подлинникѣ: «Vaslowlew».

стокость, могу сказать даже: низость—отказать въ уплатѣ. Какое понятіе даетъ этимъ она объ образѣ мыслей и дѣйствій особъ ея званія, и еще болѣе, о поступкахъ лицъ, не получившихъ такого, какъ она, образованія!“

Екатерина Николаевна Рославлева была родная сестра трехъ извѣстныхъ намъ братьевъ Чоглоковыхъ. До замужества она была фрейлиной и 11-го ноября 1762 года, въ Москвѣ, вышла замужъ за лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка премьеръ-маіора Николая Ивановича Рославлева; онъ принималъ дѣятельное участіе въ событіяхъ, сопровождавшихъ восшествіе на престолъ Екатерины II, и былъ за то щедро награжденъ; но затѣмъ впалъ въ немилость за участіе въ дѣлѣ Хитрово и долженъ былъ оставить дворъ и службу. (Осмнадцатый вѣкъ, III, 344—345, 491).

А. К.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ.

Абаза, паша, II, 51.
Августъ II, король Польскій, I. 3, 23, 24, 26, 27.
Аверкіевъ, Андр., подъячій, II. 298, 300.
Аверкіевъ, Дм., секретарь, II. 296, 301.
Адамовичъ, г-жа, II. 82.
А. К. II. 87, 91, 101, 429.
Александра Павловна, вел. кн., II. 5, 10, 22.
Александръ I, императоръ, I. 19. II. 2, 4, 5, 10, 14, 17, 31, 113, 410, 416, 421—426.
Алексіусъ, лагманъ, II. 43, 45.
Алексѣевъ, Петръ, кузнецъ, II. 301.
Алексѣй Петровичъ, царевичъ, I. 3.
Алябьевъ, Александръ, Тобольскій губернаторъ, II. 399, 400, 403.
Амвросій, митрополитъ Московскій, II. 310.
Амвросій, митрополитъ С.-Петербургскій, II. 89, 92, 97—99, 102, 104, 109.
Амелотъ, фр., статсъ-секр., II. 125, 127, 128, 131, 132, 134—140, 142, 144—146, 148—151, 154, 155, 159—161, 164, 165, 168, 171, 172, 180, 181, 190, 191, 211, 215—217, 220, 222, 224, 226, 227, 235—237, 244, 245, 252.
Анна, принцесса, II. 220.
Анна Іоанновна, импер., I. 4, 5, 9, 12, 13, 15. II. 126, 278.
Анна Леопольдовна, II. 256, 257.
Анна Ѳеодоровна, в. кн., II. 10.
Андреевъ, Ив., солдатъ, II, 315—322,
Андреевъ, Ѳед., дворовый, II. 385, 388, 390, 391, 394.
Андрусъ, крестьянинъ, II. 36.
Авсонъ, II, 340, 346, 352.
Антинъ, гр., командиръ франц. эскадры, II. 189.
Антипинъ, дворянинъ, II, 363, 364.
Анцыферовъ, капитанъ, II. 47.
Аппиронъ, Аѳон., II. 294.
Аракчеевъ, гр. Александръ Андр., II, 423, 426, 427.
Араповъ, П., писатель, II. 53.
Аристовъ, Ѳед., капитанъ, II. 385, 388, 395.
Арнаутовъ, Леонт., II. 386, 396.
Арнольдъ, II. 424.
Афонасьевъ, Андронъ, купецъ, II. 294.
Афонасьевъ, Вас., священникъ, II. 316.
Ашъ, баронъ Иванъ Фридр., студентъ коллегіи иностр. дѣлъ, I. 3, 5.
Ашъ, баронъ Егоръ Фридр., I. 3, 5.
Ашъ, баронъ, Петръ Фридр., I. 3, 5.
Ашъ, баронъ Фридр. Юрьев., С.-Петерб. почтъ-директоръ, I. 3—9, 12.
Ашъ, баронъ Ѳед. Фридр., бригадиръ, I. 1—3, 5—19.

Бабкинъ, Григ., фабрикантъ, II. 293, 294.
Бабушкинъ, купецъ II. 298.
Бакунинъ, П. В., старшій членъ иностранной коллегіи, I. 35.
Баннеръ, исправникъ, II. 379,
Бантышъ-Каменскій, Дм. Ник., II. 117, 122, 138, 140, 151, 161, 188, 209, 220, 223.
Барановъ, Нарвскій комендантъ, II. 322.
Барановъ, секундъ-маіоръ, II. 361.
Барановъ, купецъ, II. 372, 377, 378, 383.
Барбо-де-Марни, полковникъ, II. 68, 71.
Барклай-де-Толли, II. 409, 415.
Барсуковъ, А. II. I. 19.
Бартеневъ, П. И. II. 332.
Барятинскій, кн. Ѳед. Серг., оберъ-гофмаршалъ, II. 4, 6.
Баташевъ, II. 102.
Батюшковъ, оберъ-офицеръ, II. 41.
Башиловъ, Александръ Александровичъ, сенаторъ, II. 1, 4, 16, 18—20, 22.
Башиловъ, Александръ Ѳед., сенаторъ II. 3.

Бахметьевъ, вахмистръ, (см. Каменьщиковъ), II. 388.
Бачюринъ, Кондр., торговецъ, II. 292.
Безбородко, гр. Александръ Андр., генералъ-аншефъ, I. 34, 35. II. 3, 14, 328.
Безобразовъ, Тамбовскій губернаторъ, II. 420.
Бейсманъ, купчиха, II. 60.
Беклешовъ, Александръ Андр., ген.-прокуроръ, I. 1.
Бемеръ, Дармштадтскій министръ въ Парижѣ, II. 138.
Бемъ, маіоръ, II. 360—365, 367, 368.
Беніовскій, баронъ Морицъ-Анадаръ, (де-Беневъ), II. 334—340, 342—344, 357, 358.
Бергъ, ген. II. 424.
Бергъ, ген. I. 14, 16.
Бередниковъ, полковникъ, II. 330.
Бермакъ, Пет., почт. комиссаръ, II. 68.
Бершакъ, слуга, II. 148.
Бернизъ, Фридр., лоцманъ, II. 69.
Берхъ, В. Н. II. 334.
Бестужевъ, Мих. Петр., тайн. сов., посолъ въ Швеціи, II. 132, 180, 208, 246.
Бетманъ, банкиръ, II. 31.
Бетулинъ, капланъ, II 64.
Бибиковъ, Александръ Ильичъ, ген.-пор., II. 33, 34, 73.
Биллингсъ, капитанъ, II. 371—373, 377—382.
Биркенфельды, принцы, II. 254.
Бирштамъ, плацъ-маіоръ, II. 48.
Бирона, герцогъ Эрн. Іог. I. 5, 12, 13.
Блудовъ, гр. Дм. Ник., II. 335.
Бобринскій, гр. Алекс. Григ. I. 35.
Боверъ, генералъ, II. 41, 43, 44.
Богарне, Евгеній, вице-король Италіи, II. 30.
Богомоловъ, Ив., секретарь, II. 300.
Болгарисъ, капитанъ, II. 57, 59.
Бонакъ, г-жа; II. 213.
Бонакъ, II. 164.
Бонапартъ, см. Наполеонъ I, II. 12, 23, 26—30.
Боневаль, II. 186.
Боргъ, лоцманъ, II. 64,
Боріо, Гвастальскій посланникъ въ Парижѣ, II. 138.
Бороздинъ, К. М., статскій сов., II. 409, 410.
Боронинъ, купецъ, II. 293.
Бочаровъ. II. 358.
Брантъ, ген.-поручикъ, II. 323.
Брахфельдъ, генералъ-поручикъ, II. 386.
Бренксъ, Як., почтов. комиссаръ, II. 68.
Бретъ, II. 63.
Бригноли, Генуэзскій посланникъ въ Парижѣ, II. 138.
Бриль, ген.-поручикъ, II. 363, 367.
Бритюковъ, Мир., подлѣкарь, II. 372, 37 380, 381.
Бродинъ, II. 253.
Будаевъ, Ник., канцелярист, II. 3(302.
Будзевичъ, II. 421.
Буксгевденъ, гр. Ив. Ѳед., военный г бернаторъ, I. 19. II. 9.
Бурбонская, герцогиня, II. 142.
Бурбонская, герцогиня, вдовствующая, 142.
Бурбонскій, герцогъ, II. 131, 142, 1 156, 159.
Бурханъ, слуга, II. 71, 81.
Бутурлинъ, Асаевъ, полковникъ, II, 3
Бутурлинъ, графъ Александръ Бор., ге фельдмаршалъ, I. 14.
Бушуевъ, сержантъ, II. 34, 38, 48, 58, 59, 61, 62, 65, 68, 69, 78, 79.
Бѣлянинъ, Кононъ, казакъ, II.

Вальграфъ, гр., англійскій посолъ въ Парижѣ, II. 138, 164, 173, 182, 217, 2
Вальполи, II. 173.
Ванинъ, Матв., мѣщанинъ, II. 68.
Варлаамъ, Грузинскій экзархъ, II. 99, 1
Варѳоломей, священникъ въ Лондо II. 162—164.
Васильева, Катерина, солдатка, II, 2
Вахерпольтъ, генералъ, I. 24.
Вахтель, II. 424.
Вейде, Ад. Ад. генералъ, I. 3.
Вейдемейеръ, тайн. сов., II. III.
Вейсбахъ, графъ І. Берн., полковни I. 3, 4, 5.
Веньеръ. Венеціанскій посолъ въ Па жѣ, II. 138.
Веньеръ, Лавр., генеральный провиз Далмаціи, I. 22.
Вернеръ, генералъ-поручикъ, I. 10.
Вернонъ, адмиралъ, II. 252.
Вилардъ, консулъ въ С.-Петербургѣ, 144.
Виленевъ, II. 128, 132, 152, 169—1 176—180, 186, 187, 191—193, 1 197, 200, 202—205, 208, 210, 2 220, 233, 235, 237—242, 245, 249, 2
Вилліе, баронетъ, лейбъ-медикъ, II.
Вильвенсъ, лѣкарь, II. 47, 48.
Вильно полковникъ, директоръ Пажес го корпуса, II .3.
Винбландъ, II. 335—337, 341, 350,
Винцель, учитель. II. 48.
Виртембергскій, принцъ Евгеній, II.
Витгенштейнъ, гр. II. 422.
Владычинъ, секретарь, II. 35.
Вогренанъ, гр., II. 127, 130, 132, 135, 137, 144, 145, 148—152, 164, 165, 171, 181, 188, 190, 196

Воейковъ, полковникъ, II. 386.
Воейковъ, Алексѣй, II. 301.
Воейковъ, совѣтн. полиціи въ Москвѣ, II. 290, 301.
Волковъ, А. II. 278, 281.
Волковъ, ген.-поручикъ, II. 404.
Волковъ, В.Д., Оренбургскій губернаторъ, II. 389, 390.
Волковъ, солдатъ, II. 299.
Волконскій, кн., П М., II, 410, 411, 414, 416, 420, 425, 426.
Волконскій, Дм. Мих., ген.-маіоръ, II. 22.
Вольтеръ, писатель, II, 29.
Вороновъ, ген., II. 411.
Воронцовъ, гр. М. С., II. 420.
Воронцовъ, гр. Сем. Ром., президентъ коммерцъ-коллегіи, I. 34, II. 111.
Врангель, II. 69.
Вреде, баронъ, II. 63.
Всесвятскій, священникъ, II. 305.
Вульфертъ, Фридрихсгамскій штатгальтеръ, II. 63, 68, 69, 71, 77.
Вяземскій, князь Александръ Андр., ген.-прок., I. 12, 16, 34. II. 315, 320, 384, 385.

Гапеніусъ, пасторъ, II. 53.
Гапеніусъ, ратманъ, II. 59, 60.
Гавріилъ, митроп. Новгородскій, II. 406—408.
Гавингтонъ, лордъ, II. 137.
Гарнеренъ, воздухоплаватель, II. 30.
Гельбигъ, II. 323.
Гейдеманъ, дворянинъ, II. 65.
Гейсманъ, премьеръ-маіоръ, II. 56, 58, 62, 65—67.
Геннадій, архимандритъ въ Лондонѣ, II. 162, 163.
Гендрикова, граф. Марья Серг., II. 323.
Герино, танцмейстеръ, II. 19.
Геро, полицеймейстеръ, II. 245.
Гессенъ-Гомбургская принцесса, II. 213.
Гессенъ-Гомбургскій принцъ, II. 416.
Геценіусъ, комиссаръ, II. 55.
Глазенапъ, директоръ таможни, II. 79.
Главіоръ, казначей таможни, II. 57—59.
Гой, ванъ, Голландскій посолъ въ Парижѣ, II. 138.
Голенищевъ-Кутузовъ, ген.-интендантъ, II. 34.
Голимбовскій, II, 234.
Голицынъ, кн. II, 298.
Голицынъ, кн. Н. М., гофмаршалъ, I. 14.
Голицынъ, кн. Александръ Мих., ген.-фельдмаршалъ, I. 16. II. 327
Голицынъ, кн. Александръ Ник., оберъ-прокур. синода, II. 9, 98, 107, 425.
Голицынъ, кн. Григ. Серг., флигель-адъютантъ, II. 14.
Голицынъ, кн. Дм. Мих., чрезв. посл. въ Вѣнѣ, I. 29, 31.
Голицынъ, кн. Ѳед. Серг., ген.-лейт., II. 15.
Головкинъ, гр. Александръ Гавр., дѣйств. тайн. сов., чрезвыч. посолъ въ Гагѣ, II. 137, 187, 253.
Голубцовъ, П.В., оберъ-провіантмейстеръ, II, 45, 73, 76—79, 81.
Голштинскій, принцъ, II 315, 317, 318, 320, 322.
Гольцъ, баронъ, ген.-поручикъ, I. 10.
Гордѣевъ, Ив., плотникъ, II. 296.
Горсткинъ, полковникъ, II. 78.
Гортензія, королева голландск., II. 30.
Григорій Ивановичъ?, маіоръ, II, 317.
Григорьева, мѣщанка, II. 299.
Григорьевъ, Степ., купецъ, II. 292.
Григорьевъ, Як., слуга, II. 293.
Грассини, пѣвица, II. 21.
Грата, Люттихскій министръ въ Парижѣ, II. 138.
Гревенброкъ, палатинскій министръ въ Парижѣ, II. 138.
Гримбергъ, принцъ, баварскій посланникъ въ Парижѣ, II. 138.
Гринъ, лѣкарь, II, 48.
Гросъ, Генр. II. 149, 222.
Грузинскій, кн. Егоръ Александровичъ, II. 114.
Густавъ III, король Шведскій, II. 398.
Гутдеусъ, Фабіанъ, пасторъ, II. 52, 53.
Гюлинъ, лорренскій посланникъ въ Парижѣ, II. 138

Давыдова, Василиса, солдатка, II. 292.
Дагуина, донъ, португальскій посолъ въ Парижѣ, II. 138, 156.
Данилова, мѣщанка, II. 302.
Данило, крестьянинъ, II. 68.
д'Артайль, графъ, II. 173.
д'Аркуръ, герцогъ, II. 142.
д'Артуа, графъ, II. 9.
Дауркинъ, Ник., дворянинъ, II. 360—362, 365—370.
Дашкова, кн. Екат. Ром., I, 34. II. 34, 327.
д'Е (d'Eu), гр., II. 142.
де-Белькуръ, Теод., франц. подполковн. II. 428.
Дебрепін, надв. сов., Якутскій воевода, II, 324.
Дебресъ (де-Ліре), саксонскій министръ въ Парижѣ, II. 138, 223.
де-Вернель, посольскій вводитель въ Парижѣ, II. 136, 146, 154, 161, 162.
Дезинъ, фонъ, Вилимъ Петр., капитанъ, II. 318.
Декелонгъ, ген.-поручикъ, II. 329.

Дела-Маркъ, гр., II. 158, 159, 173.
Делассердъ, португальскій министръ въ Парижѣ, II. 138.
Деласъ-Минасъ, маркизъ, испанскій посолъ въ Парижѣ, II. 137, 161, 166, 181, 220, 255.
Дела-Торелла, принцъ, сицилійскій посолъ въ Парижѣ, II. 138.
Дела-Турнель, II. 154, 162.
де-Мальи, г-жа, II. 131, 147.
Демемъ, бальи, Мальтійскій посолъ въ Парижѣ, II. 138.
Демидовъ, Никита, дворянинъ, II. 387.
де-Ноель, маршалъ, II. 148.
Дерфельтъ, ген.-маіоръ, II. 38—41, 43—45, 72, 73, 77.
де-Саси, II. 411.
де-Флемингъ, бар., шведскій министръ въ Парижѣ, II. 138, 243, 244, 252.
де-Флери, кардиналъ, II. 119, 120, 123, 124, 126, 133, 139, 154, 167, 195, 206, 217, 234, 235, 253.
Дибичъ, гр., главнокомандующій, II. 409, 424, 425.
Дижонъ, гр., перъ Франціи, II. 26.
Долгановъ, Илья, крестьянинъ, II. 392, 395.
Долгихъ, Петръ, плотникъ, II. 389, 390, 396.
Долгорукій, кн., посолъ при Венец. респ., I. 28.
Долгоруковъ, князь Ив. Мих., губернаторъ Владимірскій, писатель, I. 1, 2.
Долгорукій, кн. Мих. Петр., ген.-лейт., 30.
Долгоруковъ, кн. Петръ Вас., писатель, I. 3.
Долгорукіе, князья, I. 5.
Дольфинъ IV, Дан., Венеціанскій дипломатъ, I. 20—24, 26, 27, 29.
Домбъ, князь, II. 142.
д'Омонъ, герцогъ, II. 142.
Доріа младшій, сенаторъ Генуи, I. 30.
Доріа старшій, Амвр., сенаторъ Генуи, I. 30.
Доріи, I. 31.
Дохтуровъ, II. 409.
Дрозманъ, надв. совѣтн., II. 381.
Дураццо Іерон., Генуэзскій резидентъ въ Вѣнѣ, I. 29, 31.
Дюваль, ювелиръ, II. 20.
Дюрокъ, II. 32.
Дюшенъ, командиръ французск. флота, I. 21.

Евсевьева, дѣвица, II. 301.
Егоровъ, Ив., купецъ, II. 297.
Екатерина II, императрица, I, 6—8, 15, 38, 39. II. 1—3, 6, 8—11, 13, 33, 34, 38, 39, 323, 334, 384, 429.
Елагинъ, Ив. Перф., статсъ-секр., I. 16.
Елбингъ, секретарь, II. 59, 60.
Елена Павловна, вел. кн., II. 5, 22.
Елефантъ, дворц. комиссаръ, II. 46.
Елисавета Алексѣевна, императрица, II. 7, 10, 425, 426.
Елисавета Петровна, I. 8, 11. II. 288, 390, 428.
Елисавета, старица Страстнаго монаст., II. 291.
Ельмановъ, Андр., Вас., контръ-адмиралъ, II. 318, 320.
Емельяновъ, Герас., II. 296.
Емме, дѣвица, II. 41.
Епифаній, архимандритъ, II. 308.
Ерихъ, крестьянинъ, II. 63, 67.
Ермоловъ, Алексѣй Петр., II. 409, 424.
Ермоловъ, А. П., флигель-адъют., I. 36.
Ерошкинъ, II. 305—307, 309.
Есецъ, г-жа, II. 83.
Есиповъ, Г. В. II. 288.
Ефремовъ, П. А., II. 303, 397.

Жерве, бригадиръ, II. 420.
Жеребцовъ, Ег., канцелярист., II. 302.
Жозефина, имп. Франц., II. 28, 29.
Жомини, Н. 421.
Жуанъ-Меркуръ, танцовщица, II. 57.
Журихинъ, секретарь, II. 105.
Журка, Алексѣй, II. 295.

Заводовскій, гр. Петръ Вас., II. 3.
Заіончекъ, намѣстн. Царства Польскаго, II. 410, 413, 114.
Зварковскій, II. 424.
Зезинъ, поручикъ, II. 75.
Зиновьевъ. Андр., крестьянинъ, II. 315, 316, 320, 321.
Золотовъ, Серг., секретарь, II. 376.
Зубовъ, гр. Ник., Ал. шталмейстеръ, II. 10, 14.
Зубовъ, кн., II. 6, 8.
Зубрицкій, полковникъ, II. 361, 367, 368.
Зябкинъ, штурманск. учен., II. 339.
Зюдерманландскій, герцогъ, II. 10.

Иванова, Арина, крестьянка, II. 293.
Иванова, Елисав., дѣвица, II. 319.
Иванова, Лукерья, камчадалка, II. 339.
Ивановъ, Вас., купецъ, II. 299.
Иванъ Антоновичъ, II. 316, 317.
Игнаціусъ, конректоръ, II. 60.
Измайловъ, дворянинъ, II. 294.
Измайловъ, штурманъ, II. 375.
Измайловъ, Герас., штурманскій ученикъ, II. 389.

Израиль, игуменъ Тотемскаго монастыря, II. 97.
Ильинскій, гр. Генр., Житомірскій предв. дворянства, II. 412.
Ильинъ, Вас., купецъ, II. 301.
Илья, крестьянинъ, II. 291.
Ириней, архіеп. Псковскій, II. 102.
Исидоръ, священникъ, II. 103.

Іосифъ I, имп. Австрійскій, I. 22.
Іосифъ II, имп. Австрійскій, II. 398.

Казаковъ, Андр., II. 349.
Казариновъ, Петръ, купецъ, II. 340.
Каинъ, Ив., доноситель, II. 288—302.
Калагеоргій, Екатеринославскій губерн., II. 419, 420.
Калининъ, комисаръ, II. 389, 391.
Камбасересъ, третій консулъ Франціи, II. 28.
Камбисъ, гр., франц., посолъ въ Лондонѣ, II. 133, 134, 137, 211.
Каменская, Пел., Ѳедот., II. 34, 35.
Каменьщиковъ, Ѳед., казакъ, 384—396.
Кампителли, графъ, I. 6.
Камюсъ, президентъ камеръ дѣпкетъ, II, 218.
Камынинъ, Лукіанъ Ив., сенаторъ, II, 326.
Кантеміръ, кн Матв. Дмит., II. 310.
Кантеміръ, кн. Ант. Дм., чрезвычайный посолъ въ Парижѣ, II. 117, 118, 123, 126, 130, 132, 137 — 139, 141, 142, 146, 153, 154, 157, 160, 165, 173, 174, 183, 195, 196, 208, 211, 214, 215, 219, 220, 233, 234, 240, 241, 255.
Каньонъ, II. 237.
Каподистрія, гр. И. А., II. 414.
Карамзинъ, Ник. Мих., II. 114.
Карачай, II. 11.
Карлъ XII, король Шведскій, I. 3, 4, 23, 26, 27, II. 84.
Карлъ X, кор. Франц. II. 9.
Карлъ, принцъ Курляндскій, I. 14.
Карлъ-Фридрихъ, герцогъ Голштинскій, I. 4.
Карлъ VI, Римскій императоръ, I. 4.
Карпѣевъ, Матв., II. 294.
Картретъ, лордъ, II. 251.
Кассіо, гр., моденскій посланникъ въ Парижѣ, II. 138.
Кафарелли, графъ, II. 26.
Кашкинъ, Евг. Петр., ген.-поручикъ, II, 324, 325, 329, 330.
Кенигсегъ, гр., цесарскій посолъ въ Парижѣ, II. 152.
Кенигсмаркъ, гр. Оттонъ-Вильг., генер., I. 22.
Кикинъ, статсъ-секретарь, II. 417.
Килхенъ, директоръ Фридрихсгамской таможни, II. 57, 62, 65, 66.
Киселевъ, П. А., ген.-адъютантъ, II. 421, 422, 423.
Кисленской, Сем., секретарь, II. 386, 396.
Кисловъ, Вас. Степ., II. 18.
Кладищевъ, II. 424.
Клепиковъ, Степ., купецъ, II. 290.
Клермонскій, гр., II. 142.
Клыковъ, казакъ, II. 386.
Книжникъ, Григ., (псевдонимъ), II. 288.
Ковалевскій, Евгр. Петр., II. 335.
Козловъ, сенаторъ, II. 16.
Козловъ-Угреninъ, полковн., II. 379.
Колпинъ, командиръ, II. 387.
Колобовъ, купецъ, II. 298.
Колесовъ, солдатъ, II. 299.
Колманъ, статскій совѣтникъ, II. 45. 72, 78, 80—82.
Коломай, консулъ Ливорно, II. 21.
Колоредо, гр. Іерон., австрійскій посолъ въ Польшѣ, I. 26.
Колычевъ, Степ. Алексѣев., д. т. с. посланн. въ Парижѣ, II. 23, 24, 26.
Комаровскій, гр. Ег. Ѳед., ген.-адъют., II. 1.
Кондратьевъ, Андр., купецъ, II. 291.
Коноваловъ, Ив., подъячій, 300.
Коновницынъ, II. 409.
Константинъ Павловичъ, вел. кн., I. 37. II. 5, 10, 14, 17, 412, 419, 422, 426.
Конти, принцессы, II. 142.
Конти, принцъ, II. 142.
Копьевъ, поэтъ, II. 8.
Корнелій, Ив., дожъ Венеціанск., I. 24.
Корфъ, ген., II. 420.
Корфъ, гр. Мод. А. II. 113.
Корфъ камергеръ, II. 298.
Коряковъ, Никиф., казакъ, II. 395.
Косенко, Сем., крестьян., II. 389.
Край, генералъ, II. 11.
Краузе, С.-Петерб. почтъ-директ., I. 5.
Кревкеръ, маркизъ, II. 142.
Крейцеръ, музыкантъ, II. 80.
Кречевцевъ, Ив., купецъ, II. 377, 378, 383.
Кронъ, полковой квартирмейст., II. 83.
Кропоткинъ, кн. Яковъ, присутст. въ сыскномъ приказѣ, II. 292.
Крыловъ, Ив. Андр., II. 27.
Крюковъ, вице-губернат. Нижегородскій, II. 115.
Кудринъ, Ив., II. 349.
Кузнецовъ, Григ., крестьянин., II. 335, 337, 338, 350, 352,
Кейзерлингъ, бар., Саксонскій министръ, II. 224, 228, 230, 231, 234, 235.
Куковатовъ, кн., маіоръ, II. 79.

Кулебякинъ, унтеръ-офицеръ, II. 296.
Куприяновъ, И. К., II. 303.
Куракинъ, князь Александръ Бор., ген.-прок., I. 17, 19. II. 406—408.
Кургановъ, переводчикъ, II. 424.
Курута, ген., II. 419.
Кутайсовъ, гр., II. 14, 17.
Кутлеръ, бар., капит., II. 223.
Кутлубицкій, Н. О. II. 1.
Кутузовъ, гр. Пав. Вас., флигель-адъют., II. 14.
Кутузовъ, II. 422, 423.
Кутюрьеръ, аббатъ, II. 148.
Кутюрьеръ, негоціантъ, II. 223—232, 235.
Кушелевъ, гр., II. 14.
Кюльдишевскій, докторъ, II. 16.

Лагарпъ воспитатель, Ал. I. II, 426.
Лада, купецъ, II. 81, 83.
Лазаревъ, Лар., купецъ, II. 293.
Лала, Пав., корчмарь, II. 72.
Ламме, живописецъ, II. 89.
Ланге, Сибирскій вице-губерн., I. 275.
Лановъ, полковникъ, II. 78.
Ланчинскій, р. чрезв. посланникъ въ Вѣнѣ, II. 236.
Лапинъ, Вас., II. 349.
Лафонъ, актеръ, II. 29.
Лебренъ, второй консулъ Франц., II. 28.
Леванда, проповѣдн., II. 3.
Левашевъ, ген., II. 296.
Левашевъ, Вас. Ив., ген., II. 9.
Левенштеръ, II. 424.
Левицкій, поручикъ, II. 223.
Лезій, прокураторъ, II, 249.
Леманъ, Григ., II. 372.
Леонтьева, Акулина, колодница, II. 299.
Леопольдъ, I, императ. Австрійскій, I. 22.
Лепетевъ, Лог., купецъ, II. 295.
Леркари, аббатъ,
Лесси, фонъ, II. 69.
Лехнеръ, II. 424.
Лещинскій, Станиславъ, король Польскій, I. 27. II. 138, 171.
Ливенъ, гр., II. 6. кн., Шарлота Карл., 26.
Линдебергъ, Парижскій почтмейстеръ, II, 319, 322.
Линдинъ, полковн., II. 48.
Линдинъ, г-жа, II. 60, 62.
Лихтенштейнъ, принцъ, цесарскій посолъ въ Парижѣ, II. 131, 132, 135, 137, 139—142, 153, 156, 160, 161, 165, 169, 170, 177, 180, 181, 192, 201, 210, 223, 224, 250, 254.
Логиновъ, Ив., II. 349.
Лодыженскій, Ник., капит. артиллер. II. 40, 42, 43, 45, 48, 61.
Лопатинъ, унтеръ-офиц., II. 35.
Лопухинъ, ген.-поруч., II. 333.
Лотревъ, ген.-лейт., II. 181.
Лошкаревъ, ген., II. 421.
Лукинъ, Ив., купецъ, II. 296.
Лукьянова, Василиса, казачка, II. 387.
Любрасъ, II. 82.
Людовикъ XV, король Франц., II. 30. 126,
Людовикъ XVI, кор. Франц., II. 9, 27.
Львовъ, Серг. Лавр., ген., II. 6.

Магницкій, II. 23—25.
Мазепа, гетм. Малороссіи, I. 3.
Мазолевскій, свящ. въ Лондонѣ, II. 182.
Мазовецкій, польскій посолъ въ Турціи, I. 25.
Майковъ, Л. II. II. 2.
Майнская, герц., II. 142.
Маклаковъ, унт.-офиц., II. 360, 362.
Максимъ, солдатъ, II. 299.
Макушевъ, В. В., I. 39.
Малбой, II. 217.
Мамоновъ, Ѳед., Ив. II. 307.
Манасеинъ, подполковникъ, II. 48. 50. 51.
Маринни, Марино, Венец. посолъ въ Польшѣ, I. 20, 29.
Марія Павловна, вел. кн., II. 5.
Марія Ѳеодоровна, императрица, I. 32. II. 4, 16, 19, 31.
Маркова, солдатка, II. 299.
Мартонъ, маіоръ, II. 75, 77, 79—81.
Мартонъ, г-жа, II. 41.
Мартинъ, купецъ, II. 324.
Марченко, статсъ-секр., II. 414.
Масленниковъ, секундъ-маіоръ, II. 48.
Матвѣй, крестьян., II, 64.
Матюшкинъ, гр., I. 3.
Мейдеръ, Магнусъ, II. 353.
Мейндорфъ, бар., Рижскій губерн., I. 17.
Меласъ, генералъ, II. 11.
Мелесcино, ген.-маіоръ, I. 16.
Мемъ, банлъ, I. 25.
Мельгуновъ, ген.-поручикъ, II. 396.
Менгденъ, бар., президентъ коллегіи, II. 269.
Меньшиковъ, кн. Александ. Дан., I. 5.
Мепяхта, старшина чукотскій, II. 366.
Мерзляковъ, Козьма, подъячій, II. 389—391, 393, 395, 396.
Милорадовичъ, гр., II. 415.
Минихъ, гр. I. 5. II. 256, 332,
Минихъ, гр., фонъ, ген.-фельдм., II. 235, 240, 256.
Мирепоа, II. 128, 181.
Михаилъ Павловичъ, вел. кн. II. 19.
Михайловскій-Данилевскій, А. И. II. 409.
Михайловъ, Ив., прикащ., II. 298.
Мнишекъ, Іос., вел. марш. корол. Польши, I. 24.
Моисей, епископъ Нижегородск., II. 115.

Молчановъ, Степ., протоколистъ, II. 299.
Мордвиновъ, адмиралъ, II. 418.
Мордвиновъ, Александ. Сем., бригад., I. 29—32.
Морена, статсъ-секрет., II. 147, 148.
Морозини, I. 21, 22.
Морской, маіоръ, II. 79.
Муравьевъ, Никита, II. 386, 396.
Муравьевъ-Апостолъ, II. 420.
Муромцевъ, Ник., Серг., полковн., II. 16.
Мусина-Пушкина, гр., II. 34.
Мухановъ, подполк., I. 18, 19.

Набоковъ, Никита, купецъ, II. 295.
Наговицынъ, солдатъ, II. 291.
Надиръ, шахъ, II. 250.
Нажимовъ, Мих., ученикъ посольскаго двора, II. 292, 293.
Наполеонъ I, имп. Франц., II. 11, 23, 27, 30, 115, 413, 423.
Нарцесъ, митрополитъ Грузіи, II. 424.
Натъ, купецъ, II. 48, 54 — 56, 62, 63.
Нащокинъ, А. Л. II. 7.
Небольсина, Авд. Селив., II. 16.
Нейдгардъ, Христина Лавр. II. 3.
Нелединскій, II. 14.
Нелидовъ, Арк. Ив., ген.-адъют., II. 14, 16,
Неплюевъ, тайн. сов. II. 263.
Непѣнинъ, Ег., судья, II. 300.
Несвитскій, кн., камеръ-юнкеръ, I. 15. II. 16.
Неубергъ, ген., II. 237, 239.
Николай I, императоръ, II. 2, 411, 425.
Никонъ, архимандритъ, II. 305, 310.
Ниловъ, капитанъ, II. 336.
Новиковъ, II. 23.
Новиковъ, писатель, II. 42.
Новосильцовъ, Ник. Ник., статсъ-секретарь, II. 88, 91 — 93, 95, 97 — 99, 102 — 107, 109, 111, 410, 413.
Нолькенъ, гр., шведскій министръ въ Петербургѣ, II. 243, 244.
Нотгафтъ, II. 253.
Нѣмцевъ, бригадиръ, II. 369.

Обрѣзковъ, II. 14.
Обрѣзковъ, ген., II. 416.
Ожаровскій, ген., II. 414.
Озерецковскій, оберъ-священникъ, II. 93, 102 — 104.
Оленинъ, старш. совѣтн. удѣльнаго д-та, II. 106.
Олешевъ, каммергеръ, II. 7, 8.
Ольденбургъ, II. 424.
Опермаинъ, II. 415.
Орлъ, генеральный контролеръ, II. 148.
Орлеанская, герц-ня, II. 142.
Орлеанскій, герцогъ, II. 142.
Орлова, гр-ня Анна Ал. II. 411.
Орловъ, II. 422, 423.
Орловъ, кн. Григ. Григ. I. 35. II. 35, 71, 310.
Орловъ-Денисовъ, гр., II. 420.
Орловъ-Чесменскій, гр. Алекс. Григ., II. 25.
Осиповъ, Тобольскій губернаторъ, II. 324—327.
Остерманъ, гр. Андр. Ив., вице-канцлеръ, кабинетъ-министръ, II. 117, 126, 128, 129, 133—135, 143, 146, 150, 170, 172, 186, 188, 194, 212, 223, 236, 256, 257.
Остерманъ, гр. Ив. Андр., вице-канцлеръ, I. 32, 34. II. 333.

Павелъ, епископъ Ярославскій, II. 89, 93, 99, 102, 106.
Павелъ I, императоръ, I. 15, 17, 18, 32. II. 1, 2, 4, 5, 8, 10 — 13, 15, 17, 19, 20 — 23, 26, 31, 88, 89, 408, 416.
Паленъ, фонъ-деръ, прапорщикъ, II. 65, 66
Павловъ, казакъ, II. 366.
Панинъ, гр. д. т. с., сенаторъ, I. 33, 34, II. 384.
Пановъ, Вас., капитанъ, II. 335, 349.
Пащеръ, капитанъ, II. 252, 253.
Паранчинъ, Алексѣй, камчадалъ, II. 339.
Паскевичъ, капельмейстеръ, II. 6.
Паскевичъ-Эриванскій, гр. II. 424.
П. М. II. 87.
Пекарскій, П. П. I. 8.
Пель, докторъ, II. 43, 74, 79, 81.
Пентьеврскій, герцогъ, II. 142.
Пересыпкинъ, капитанъ, II. 360 — 362, 365 — 370.
Петровъ, Петръ, раскольникъ, II. 297.
Петръ I, императоръ, I. 3 — 6. 23, 25, 27, 28. II. 89, 90, 261, 267.
Петръ III, императоръ, II. 316, 317, 320, 323, 389, 390.
Петушинъ, старшина, II. 370.
Пиль, Ив., ген.-поручикъ, II. 377, 383.
Пирожковъ, прапорщикъ, II. 383.
Платовъ, II. 409.
Платоновъ, управляющій, II. 418.
Плещеева, Нат. Ѳедот, II. 31,
Плещеевъ, Серг. Ив., адмиралъ, II. 31.
Полетика, г-нъ, II. 35.
Поливановъ, ротмистръ, II. 34, 35, 37 — 50, 54, 56—61, 63, 65, 67 — 69, 71—73, 75 — 77, 79 — 81, 83.
Помяловскій, И. В., II. 117, 257.
Понсъ, кн., II. 142.
Понятовскій, Станиславъ, король Польскій, I. 8.
Поповъ, II. 293.
Поповъ, Ив., II. 349.

Порошинъ, писатель, II. 53.
Потемкинъ-Таврическій, кн. Григ. Александровичъ, I. 34—36. II. 4, 11, 14, 311, 416.
Прерадовичъ, полковникъ, II. 36.
Прокофьевъ, Ег., крестьянинъ, II. 385, 387, 388, 391, 394, 395.
Протасова, Анна Степ., штатсъ-дама, II. 6, 7.
Протопоповъ, Тобольскій вице-губернаторъ, II. 326.
Птицынъ, купецъ, II. 305.
Пукаловъ, оберъ-секретарь, II. 99, 103, 106, 108.
Пургинъ, казакъ, II. 365.
Пусторебровъ, казакъ, II. 386.
Пустошкинъ, Пав. Вас., адмиралъ, II. 21.
Путятинъ, Авр., кн., II. 396.
Пушкина, Авд. Мих., II. 35.
Пюисегюръ, маршалъ, II. 141, 142.

Радзивиллы, князья, II. 423.
Раевскій, Ник. Ник., II. 409.
Раевскій, дворянинъ, II. 309.
Разумовскій, гр. Андр. Кирилл., послан. въ Вѣнѣ, II. 20.
Ракоци (Рагоцій), гр., I. 22. II. 140, 173, 210.
Расинъ, писатель, II. 29.
Ребиндеръ, Ал-дра Фридр., I. 3.
Ребиндеръ, Вас. Мих., ген.-маіоръ, I. 3, 10.
Реймань, портной, II. 73.
Рекамье, г-жа, II. 28, 29.
Ренне, генералъ, I. 3.
Репнинъ, кн. Н. В., ген.-фельдмарш., I. 17.
Риварола, Степ., Генуэзскій дипломатъ, I. 20, 31 — 33, 35 — 39.
Ридигеръ, II. 424.
Рингхартъ, мѣщанинъ, II. 48.
Робеспьеръ, II. 27.
Роде, скрипачь, II. 30.
Розановъ, над. сов., директоръ типографской конторы, II. 89.
Романъ, гренадеръ, II. 317.
Рославлева, Екат. Ник., II. 428, 429.
Рославлевъ, Ник. Ив., премьеръ-маіоръ, II. 429.
Ростопчинъ, гр., II. 14.
Ротъ, II. 424.
Рубенсъ, живописецъ, II. 94.
Румянцевъ, гр., II. 421.
Румянцевъ, гр. П. А., фельдмаршалъ, II. 3.
Румянцевъ, Ал-дръ Ив., ген., II. 170.
Румянцевъ, гр. Сер. Петр., гофмаршалъ, II. 9.
Руповскій, губернаторъ Нижняго-Новгорода, II. 113, 114.
Рѣзцовъ, Мих. (см. Каменьщиковъ), II. 387.
Рюминъ, Ив., казакъ, II. 334, 335, 337, 358.
Рябининъ, Мих., II. 372.

Саблуковъ, Н. А., II. 1.
Сабоневскій, II. 414.
Савинъ, Мих., купецъ, II. 298.
Савицкій, оберъ-секретарь, II. 91.
Сакса, ремесленникъ, II. 80 — 82.
Салерно, іезуитъ, I. 27.
Салтыковъ, гр. генералъ, I. 16.
Салтыковъ, гр., главнокомандующій, I. 6.
Салтыковъ, гр. Петръ Сем., Московскій главнокомандующій, II. 309.
Самойловъ, гр. Ал-дръ Ник., дѣйств. тайн. сов., ген. прокуроръ, II. 331.
Самуилъ, II. 310.
Сантини-Орби, танцовщица, II. 53, 57, 75.
Сверчковъ, оберъ-секретарь сената, II. 283.
Свѣшниковъ, матросъ, II. 293, 302.
Семеновъ, Сем., сидѣлецъ, II. 301.
Свѣчинъ, начальн. дивизіи, II. 420.
Сентъ-Северинъ, франц. посолъ въ Швеціи, II. 130 — 132, 172, 177—180, 184—186, 188, 193, 194, 201, 203, 208.
Сентотъ, посольскій вводитель въ Парижѣ, II. 139, 141 — 143, 249.
Сиверсъ, гр., II. 15.
Симоновъ, казацкій атаманъ, II. 386, 387.
Синклеръ, шведскій офицеръ, II. 222 — 232, 234, 235, 240, 241, 243—245, 252.
Синцендорфъ, гр., австрійскій министръ, II. 169 — 171, 235.
Скалонъ, ген.-маіоръ, II. 329.
Скарборо, лордъ, II. 173.
Скородумовъ, Гавр. Ив., художникъ, II. 397.
Словцовъ, П. А., учитель философіи, II. 403 — 408.
Смельсъ, лоцманъ, II. 63.
Смерлингъ, цесарскій полном. министръ въ Парижѣ, II. 136, 138, 172, 229.
Собакинъ, Мих. Григ., II. 305.
Собесскій, Янъ, I. 20, 26.
Совѣтовъ, Алексѣй, писарь, II. 291.
Соймоновъ, подпоручикъ, II. 34, 38, 39 — 47, 49, 50, 54, 56 — 61, 65, 67, 68, 71 — 74, 76, 77, 79 — 81, 83.
Соколовъ, Степ., подканцеларистъ, II. 386.
Соколовъ, матросъ, II. 293, 302.
Соларъ, сардинскій посолъ въ Парижѣ, II. 138.
Соловьевъ, С. М., II. 256, 288.
Сорокинъ, коллежскій совѣтникъ, II. 97, 98, 108.
Софроновъ, матросъ, II. 339.
Софьинъ, Вас., штурманскій ученикъ, II. 337.

Сперанскій, гр. Мих. Мих., II. 113—115.
Спигель, фонъ, ген.-поручикъ, II. 243, 253.
Степановъ, Ипполитъ, капитанъ, II. 335, 341, 350.
Степанъ, слуга, II. 36.
Строгоновъ, гр., II. 6.
Ступишинъ, полковникъ, II. 38, 40, 73, 78.
Суворовъ-Рымникскій, кн. Ал-дръ Вас., II. 7, 11, 12. 20, 421.
Судейкинъ, Спирид., канцелярист, II. 334, 337, 358.
Сульцбахскій, принцъ, II. 254.
Сутовъ, купецъ, II. 80.
Сытинъ, Аѳан., судья, II. 300.

Тальма, актеръ, II. 29.
Тальони, танцовщица, II. 13.
Тансейнъ, кардиналъ, II. 167, 217.
Тараканов, домовладѣлецъ, II. 299.
Тарасія Парфентьевна, II. 327.
Тарасовъ, Ѳед., солдатъ, II. 288, 293.
Татищевъ, Алекс., ген.-полиціймейст., II. 288, 290.
Тельминовъ, Никита, крестьянинъ, II. 388. 395.
Тельминовъ, Сем., крестьянинъ, II. 385, 388, 391, 394, 395.
Тельминовъ, Серг., крестьянинъ, II. 391, 395.
Теребеневъ, II. 396.
Тереза, принцесса испанская, II. 158.
Теренинъ, Ив., II. 299.
Тернеръ, маіоръ, II. 48.
Тессе, гр., II. 142.
Тессинъ, гр., шведскій посолъ въ Парижѣ, II. 233, 243, 244, 248, 252, 254.
Тешъ, купецъ, II. 39 — 41, 43 — 45, 76, 79, 80.
Тизенгаузенъ, гр., II. 30.
Титовъ, Ефимъ, солдатъ, II. 317.
Толстой, гр. Пав. Ал-дровичъ, II. 113—115.
Томилинъ, Дан., купецъ, II. 296.
Тотлебенъ, гр. Готл., ген.-маіоръ, I. 6, 7, 10, 11, II. 323, 329, 428.
Трощинскій, Дм. Петр., II. 18, 97. 105—107, 109.
Трубецкой, кн., II. 307.
Тулузская, гр-ня, II. 142.
Туманскій, Григ. Вас., II. 3.
Тунземанъ, маіоръ, II. 77, 79 — 81.
Турчениновъ, Ив., купецъ, II. 296, 301.
Тюлисонъ, Женевскій посланникъ въ Парижѣ, II. 138.
Тютчевъ, Степ., II. 36.

Уваровъ, подполковникъ, II. 386.
Уваровъ, ген. II. 414.
Удомъ, г-жа, II. 41. 75. 82.
Унгернъ, ген.-маіоръ, I. 16.
Унгернъ-Штернбергъ, бар., ассессоръ, II. 327, 330.
Урусовъ, кн., II. 14.
Урусовъ, кн., II. 291.
Уткинъ, Сем., купецъ, II. 295.

Фабриціусъ, купецъ, II. 63, 64.
Фалковъ, есаулъ, II. 386.
Фаминцынъ, капитанъ, II. 51, 60.
Ферморъ, гр., бывшій оберъ-комендантъ Выборга, II. 40.
Фешъ, вюртембергскій министръ въ Парижѣ, II. 138.
Фикельмонъ, гр., II. 30.
Филаретъ, митрополитъ Московскій, II. 425.
Филимоновъ, В. С., колл. асс., II. 113, 114.
Филиппъ, донъ Испанскій, II. 158, 159, 166, 182.
Философовъ, ген.-губерн. Смоленска, II. 15.
Флейшманъ, I. 25.
Фокинъ, Зах., секретарь, II. 301.
Фокинъ, Як., секретарь, II. 301.
Франклинъ, аббатъ, Тосканскій посланникъ въ Парижѣ, II. 138.
Францъ I, императоръ Австрійскій, I. 7.
Фрейгольцъ, г-жа, II. 3.
Фридрихъ Великій, король Прусскій, I. 6. II. 11, 12, 422.
Фришъ, II. 229.
Фроссаръ, II. 416.

Хвостовъ, II. 319.
Хвостовъ, гр. Дм. Ив., оберъ-прокуроръ синода, II. 94.
Хитрово, Алексѣй Ив., II. 47.
Хитрово, II. 429.
Хитрово, Петръ Алексѣев., прапорщикъ, II. 47, 48, 58, 59.
Хитровъ, Ник. Зах., II. 23, 25.
Хованскій, кн., II. 93, 94.
Холодиловъ, Ѳед., купецъ, II. 335.
Хотинскій, Ник. Конст., резидентъ во Франціи, II. 334.
Хрущовъ, Петръ, ссыльный, II. 335, 350.
Хрущовъ, подполковникъ, II. 78.
Цыгановъ, Мих., бѣглый ссыльный, II. 292.
Цыглеръ, бригадиръ, Шлиссельбургскій комендантъ, II. 322, 330.

Чарторыйскіе, князья, II. 410, 413.
Чарторыйскій, кн. Адамъ, II. 111, 413, 414.
Чебышевъ, II. 93.

BIBLIOTHEQUE RUSSE
TOURGUENEV
9, Rue du Val-de-Grâce — Paris

Черемисиновъ, маіоръ, II. 43, 78, 81.
Черемисиновъ, Матв. Лог., маіоръ, II. 317.
Череповъ, ген.-маіоръ, II. 386.
Черкасскій, кн., II. 274.
Чернецъ, Ѳед., бѣглый, II. 294.
Чернышевъ, гр., II 5, 7.
Чернышевъ, гр., Григ., бригадиръ, II. 291.
Чернышевъ, гр., Зах. Гр., ген.-аншефъ, I. 14.
Чернышевъ, гр., Ив. Григ., II. 37.
Чернышевъ, гр., Петръ Григ., II. 35.
Чертковъ, II. 6.
Чесменскій, Ал-дръ Алексѣев., II. 25.
Чижикъ, Серг., купецъ, II. 293.
Чичеринъ, Тобольскій губернаторъ, II. 324, 329.
Чоглоковы, II. 323, 329, 331, 332, 429.
Чоглоковъ, Наумъ Ник., подполковникъ, II. 323—327, 329, 330, 332, 428.
Чоглоковъ, Ник. Наум., оберъ-церемоній-мейстеръ, II. 323.
Чоглоковъ, Ник. Ник., отставной маіоръ, II. 327—333.
Чоглоковъ, Самуилъ Ник., преображенскаго полка фурьеръ, II. 328, 329, 331, 332.
Чулковъ, генералъ-маіоръ, II. 8.
Чулошниковъ, Алексѣй, прикащикъ, II. 335.
Чуринъ, Макс., штурманъ, II. 335, 340.

Шавровъ, Ив., секретарь, II. 297.
Шалыгинъ, подполковникъ, II. 48, 55.
Шамбріе, прусскій министръ въ Парижѣ, II. 138.
Шартрскій, герцогъ, II. 142.
Шауфусъ, губернаторъ Кіевск., II. 3.
Шафировъ, посолъ при турецкомъ дворѣ, I. 28.
Шаховской, кн. Як. Петр., ген. прокур., II. 112.
Шварценбергъ, кн. Іос., II. 410.
Шварценбергъ, кн., фельдм., II. 410.
Шелеховъ, Григ., купецъ, II. 371—377, 379—381, 383.
Шепингъ, бар., II. 30.
Шереметевъ, гр. Ник. Петр., оберъ-камергеръ, II. 13.
Шереметевъ, гр. Петръ, II. 298.
Шереметевъ, гр. Серг. Алексѣев., прапорщикъ, II. 290, 295.
Шетарди, французскій посолъ въ С.-Петербургѣ, II. 188, 219, 225—228, 230—233, 248, 252, 256.
Шешковскій, тайн. сов., II, 331, 403, 404.
Шимолинъ, Ив., крестьянинъ, II. 391, 395.
Шинкарка, Алексѣй, суконщикъ, II. 291. 294.
Ширяевъ, Кир., крестьянинъ, II. 385, 387, 388, 391, 394, 395.
Шишкинъ, Маркъ, домовладѣлецъ, II. 295.
Шмалевъ, Тим., капитанъ, II. 361, 367, 368, 370, 371, 377, 379.
Шмитъ, г-жа, II. 68.
Шовеленъ, II. 131, 148, 161, 167, 217.
Шовиньи, II. 192, 219, 248.
Шпрингеръ, ген.-поручикъ, II. 328, 331.
Штевингъ, мѣщанинъ, II. 48.
Штелинъ, академикъ, I. 5.
Шуазель, герцогъ, I. 30.
Шуваловъ, гр. Ив. Ив., оберъ-камергеръ, I. 8, 9, 12—16, 18.
Шуленбургъ, гр., датскій посланникъ въ Парижѣ, II. 138, 219.
Шульгинъ, Ив. Петр., II. 113, 311, 409.

Щербининъ, сенатскій прокуроръ, II. 290. 298.

Эйлеръ, II. 427.
Экъ, С.-Петерб. почтъ-директоръ, I. 11.
Эльмптъ, гр., II. 5, 7, 8.

Юшинъ, Ѳед., крестьянинъ, II. 71.
Юшковъ, II. 309.
Юфатовъ, Ем., купецъ, II. 297, 298.

Якоби, ген.-поручикъ, II. 372. 377.
Якобъ, крестьянинъ, II. 46.
Яковлевъ, Ал-дръ Алексѣев., дѣйств. тайный совѣтн., II. 87.
Ягужинскій, гр., Петръ Ив., ген.-прокур. I. 3, 5.

Ѳедорова, Ирина, II. 293.
Ѳедоровъ, Алексѣй, торговецъ, II. 299.
Ѳедоровъ, Григ., купецъ, II. 301.
Ѳедоровъ, Як., купецъ, II. 293.

2007051214